

**Финансовый университет
Научно-исследовательский институт экономики ЮФО**

**ПРОБЛЕМЫ КОНФИГУРАЦИИ
ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ XXI ВЕКА:
ИДЕЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПРОГРЕССА И ВОЗМОЖНЫЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Сборник научных статей

Том первый

Краснодар
2018

УДК 330:061.2/.3

ББК 65.011

П78

Рецензенты: д-р экон. наук., проф. А.А. Середа (Senior financial analyst Global Financial Research Ltd, London, UK)
д-р экон. наук., проф. Л.Н. Дробышевская (ФГОУ ВО «Кубанский государственный университет»)

Редакционная коллегия:

М.Л. Альпидовская, доктор экономических наук, профессор,
С.А. Толкачев, доктор экономических наук, профессор.

П78 Проблемы конфигурации глобальной экономики XXI века: идея социально-экономического прогресса и возможные интерпретации. Сборник научных статей. Том первый. / Под ред. д-ра экон. наук., профессора Альпидовской М.Л., д-ра экон. наук., профессора Толкачева С.А. – Краснодар, 2018. – 440 с.

ISBN 978-5-9952-0026-0

Сегодня России историей брошен колоссальный вызов. Экономические санкции западной глобальной «неоэкономики», находящейся в состоянии перманентного системного кризиса планетарного масштаба, и объективные ограничения экспортно-сырьевой модели – реалии современного положения дел настоящей России. Если ответ на этот вызов не будет найден, русская цивилизация может быть уничтожена. Более чем за 1000 лет существования российской государственности все подобные посягательства на её реальность, уникальность, неповторимость и элементарное существование были пресечены.

Адресуется преподавателям, аспирантам, соискателям, магистрантам, студентам, всем кто интересуется спецификой функционирования современной глобальной экономики.

Сборник публикуется при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Проблемы конфигурации глобальной экономики XXI века: идея социально-экономического прогресса и возможные интерпретации, № 18-010-00877 А».

ISBN 978-5-9952-0026-0

УДК 330:061.2/.3

ББК 65.011

© Издательство Научно-исследовательского
института экономики Южного
Федерального округа, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

1. ИДЕЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЫБОР В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Астафьев И.В. ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ВОЗВРАТ К ИСТОКАМ.....	9
Большунов А.Я., Тюриков А.Г. КОНСЕРВАТИВНАЯ ПЛАТФОРМА В УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИКОЙ (экосинергетический, экоценотический подход)	14
Иоселиани А.Д. ЭПОХА ПЕРЕМЕН: НОВЫЙ ТИП ОТЧУЖДЕНИЯ ИЛИ ТЕХНОГЕННЫЙ ПРОРЫВ?!	20
Козиенко Н.П. РЕНЕССАНС ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК КАК УСЛОВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОРЫВА	26
Муравьева Л.А. РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ОТ КОМАНДНО- АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ К РЫНОЧНОЙ МОДЕЛИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ.....	40
Серегина Т.Н. ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ	47
Скворцова Е.М. ЧЕЛОВЕК В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПУТЬ К ОБЩЕСТВУ БУДУЩЕГО	52
Сорокожердьев В.В. НОВОЕ ИНТЕГРАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ВОЗМОЖНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	58
Субетто А.И. XXI ВЕК – ВЕЛИКИЙ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕЛОМ: ВЕКТОР НООСФЕРНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ОСНОВ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	67
Чапля В.В. ТЕНЕВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	74

2. РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ: ЛОВУШКА ИЛИ ШАНС?

Колодня Г.В. ВОЗМОЖНОСТЬ ВСТРАИВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ.....	80
Мельченко В.Е. ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСПОРТИРОВКИ: ПУТИ, СТРУКТУРЫ, АНТИСТРУКТУРЫ	87

Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. ОТРАСЛЕВЫЕ СТРАТЕГИИ «ВКЛЮЧЕНИЯ» В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СТОИМОСТИ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	94
--	-----------

3. УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ СИСТЕМ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Истомина С.В., Никитенко С.М., Пахомова Е.А., Пахомов А.В., Лычагина Т.А., Писарева Д.А., Рожкова О.В., Давтян Т.Б., Щеголев А.В. УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ СИСТЕМ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ КОНФИГУРАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ).....	102
Петренко Е.С. КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: «ВЕРХИ ХОТЯТ - НИЗЫ НЕ МОГУТ»	110
Пахомов А.В. ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ .	117
Черноризова Н.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ.....	124

4. ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ БЮДЖЕТНОГО КРИЗИСА: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аль-Натор М.С., Соловьев А.К. ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА И ЕГО АКТУАРНО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ. 	133
Балынин И.В. РЕФОРМИРОВАНИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ	138
Биткина И.К. УЧЕТ СТАЖЕВЫХ ТРЕБОВАНИЙ В СТРАХОВОЙ МОДЕЛИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ	143
Фрумина С.В. ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ПЕНСИОННЫХ НАКОПЛЕНИЙ ЧАСТНЫМИ УПРАВЛЯЮЩИМИ КОМПАНИЯМИ	147
Хмыз О.В. ПЕНСИОННАЯ ПАРАДИГМА XXI В.	152
Шаров В.Ф. ЭФФЕКТИВНОСТЬ И НАДЕЖНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ПЕНСИОННЫХ НАКОПЛЕНИЙ	158

5. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕГО СИСТЕМНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Апатова Н.В. ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	165
Берберов А.Б. ПРОЙДЕННЫЙ УРОК: К. МАРКС И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ .	173
Дядунов Д.В. ПРИМЕНИМОСТЬ ТЕОРИИ ДЖ. М. КЕЙНСА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ	180
Звягин Л.С. СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ И ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	184
Карасёва Л.А. О СИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	191
Кукина Е.Н. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭКОНОМИКИ А.В. ЧАЯНОВА	198
Лапинская А.А., Хайкин М.М., Содномбалова Т.Г. КОРПОРАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	205
Малова Т.А. ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОРЯДКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ.....	212
Найденова Е.М. ИДЕАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ТОМАСА ПИКЕТТИ.	220
Погребинская Е.А. ОСОБЕННОСТИ КООРДИНАЦИИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РЫНКЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ	228
Смирнова И.А. ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ.....	235
Терская Г.А. МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ.....	242
Хасанов И.Ш. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ТРЕХСЕКТОРНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ	250

Щербаков А.П. ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НА ВЫБОР ДОМИНИРУЮЩИХ ФОРМ ПРИБЫЛИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ИННОВАЦИОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ....	258
Ядгаров Я.С. КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЕ С. СИСМОНДИ.....	264

6. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ XXI ВЕКА

Богацкая К.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ И ТЕОРИИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА» В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.....	272
Гайсин Р.С., Мигунов Р.А. ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ УСТОЙЧИВОГО РОСТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	279
Голубева К.А. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ.....	285
Епифанцев А.А., Коляго П.В. РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ, КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ.....	290
Киселёва Н.И. ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ	294
Коблова Ю.А., Погребинская Е.А. ИНСТИТУТЫ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ В ВИРТУАЛЬНЫХ РЫНОЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ	300
Маликова Н.Р. РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	307
Марчук А.А. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ.....	315
Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ	323

Назаренко С.В. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ФИНАНСОВЫХ НОВАЦИЙ И ДЕВИАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ.....	331
Слепаков С.С. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СРЕДСТВАМИ УТВЕРЖДЕНИЯ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»	340
Харченко О.И. ВЗАИМОСВЯЗЬ БЛОКЧЕЙНА И ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.....	347

7. НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ «ТЕОРИИ ВРЕМЕНИ»

Будкевич Г.В. В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ	353
Буевич А.П., Варвус С.А. ТРАНСФОРМАЦИЯ УСЛОВИЙ И ИНСТРУМЕНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	361
Дементьев В.В. НОРМА ПРИБЫЛИ КАК «БЛИЖАЙШАЯ ПРИЧИНА» ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА.....	370
Лапшов В.А. УСКОРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.....	379
Шибанова-Роенко Е.А. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОГРЕССИВНОГО ТИПА РАЗВИТИЯ С КРИЗИСНЫМ УКЛОНОМ.....	387

8. РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В XXI СТОЛЕТИИ: ЗАПАД ИЛИ ВОСТОК?

Орусова О.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ЯПОНИИ: ВОЗМОЖНЫЕ УРОКИ ДЛЯ РОССИИ.....	396
Супрун В.А. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ОБМЕНА НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ	403
Фадейчева Г.В. РОССИЯ КАК ДЕМИУРГ ИДЕИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И ВЕКТОР ЕЕ РАЗВИТИЯ XXI В СТОЛЕТИИ.....	410
Цикин А.М. АНАЛИЗ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	416

Цхададзе Н.В. БРИКС КАК СУБЪЕКТ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА.....	421
Шаховская Л.С., Матковская Я.С., Тимонина В.И. ТИХООКЕАНСКИЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОГО СЕГМЕНТА МИРОВОГО РЫНКА ПРИРОДНОГО ГАЗА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ.....	429
Сведения об авторах	436

1. ИДЕЙНО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЫБОР В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Астафьев И.В.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ВОЗВРАТ К ИСТОКАМ

Термины «телеология», как учение о конечной цели развития, и «энтелехия», как конечное состояние системы, известны начиная с Аристотеля, которым были заложены философские основы этого направления. Однако телеология сведена либо к биологической эволюции человечества как вида, либо в виде мотивации к поведению индивидов и применительно к макроэкономическим системам рассматривается крайне редко.

Вопрос о том, является ли экономическая наука телеологической, является дискуссионным, хотя есть основания полагать, что оснований считать иначе нет. В частности, известный русский экономист начала XX века А.А.Мануйлов считал, что: «Исследование экономических явлений применительно к телеологическому началу составляет предмет «экономической политики», входящей в состав экономики, как один из ее отделов» [4, с. 77-78].

Всякая сознательная человеческая деятельность предполагает наличие мотивации, обусловленной целью и вызывающей побуждения к действиям, направленным на ее достижение.

У.Франкена, применяя особый подход к целеполаганию, подразделяет науки на этические и телеологические, при этом парадоксальным образом сводя этику и мораль к целеполаганию. «...У телеологиста есть некоторое представление о том, что хорошо или плохо, и что он определяет то, что является правильным или обязательным, спрашивая, что является способствующим самому благоприятному балансу хорошего и плохого» [7, с. 14].

Телеология кроме биологического имеет два аспекта, этический и экономический. Но ни тот, ни другой не дают выхода на конечное состояние цивилизации. Этический подход оценивает цели с позиции субъективно понимаемых добра и зла, экономический – с позиции личной выгоды и личной безопасности.

Однако явные вызовы существованию человечества в целом как со стороны окружающего мира, так и со стороны самого человечества дают основания к тому, чтобы утверждать, что телеология получает четвертый аспект, цивилизационный.

Если экономика, как система отношений между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления благ (ключевое слово), телеологически ограничена сверху мотивационными уровнями, имеющими продуктами труда товарные или общественные блага, то философия, из которой выделились как экономика, так и этика, рассматривает наряду с

благами экономическими блага высшие (познание, прогресс, справедливость). Такие блага а) не имеют стоимостного выражения; б) имеют совершенно иные свойства нежели чем товарные или общественные. Знания не «потребляются» в традиционном смысле, при их применении их «количество» не уменьшается, они не имеют «износа», их ценность несопоставима с затратами ресурсов на их создание (как в одну, так и в другую стороны – например, затраты на космические технологии пока на порядки превышают экономические выгоды от их применения).

Потребление как экономический процесс и как цель уже представляет вполне конкретную угрозу существованию цивилизации. По подсчетам проф. Э.О. Уилсона в Гарвардском университете, «экологический след», оставляемый одним «потребляющим» человеком, составляет в среднем площадь 2,2 га эксплуатируемых ресурсов планеты. «Это означает, что для того, чтобы каждому землянину достичь уровня потребления США, потребуется еще четыре планеты, как Земля» [1, с. 26]. Известный британский астрофизик, автор концепции мироздания («Наука всего») С.Хокинг рекомендует максимально ускорить освоение космоса (ближайшие 10-20 лет), видя в этом шанс для спасения человечества. "Мы должны продолжать освоение космоса ради будущего человечества. Я не думаю, что мы проживем следующие 1000 лет, если не выйдем за пределы нашей хрупкой планеты". Но достижение этой цели противоречит экономической целесообразности, понимаемой традиционно.

Рыночная экономическая система ориентирована прежде всего на потребление как конечный результат, это факт. Более того, сторонники либерально-рыночного фундаментализма убеждены в том, что потребление (и в данном случае прежде всего люксовое, праздное и демонстративное) является локомотивом развития. «Роскошь сегодня – это предмет первой необходимости завтра. Любое новшество появляется на свет в виде роскоши для небольшого количества богатых людей, с тем чтобы спустя какое-то время стать предметом первой необходимости, всеми принимаемым как должное. Потребление предметов роскоши дает промышленности стимул открывать и создавать новые продукты. Это один из динамических факторов нашей экономики» [5, с. 69].

Несмотря на то, что управляющее воздействие экономических закономерностей и принципов заканчивается на уровне низших общественных благ (безопасность, оборона, социальное обеспечение, образование, и т.д.), ресурсное обеспечение всех мотивационных уровней (во всяком случае, до практического достижения автотрофности) зависит от экономической системы, производства и распределения благ, и в первую очередь товарных. А перераспределение ресурсов от низших уровней к высшим непосредственно определяется мотивацией на каждом из них. При этом следует вновь напомнить, что в индивидуальную функцию полезности продукты деятельности науки не входят.

Каждому индивиду присуще сознание, соответствующее определенному мотивационному уровню, и он осуществляет свою деятельность в его рамках, самостоятельно выбирая ту область, которая совпадает с его сознанием и

убеждениями. Это не означает отсутствия смысла в идеологической и культурно-просветительской работе, но следует учесть, что от нее следует ожидать в первую очередь лишь устранения недостатка информации, но не смены экономических психотипов, определяющих экономическое поведение человека [2, с. 87].

Как известно, существует два вида восприятия человека, как творца и как потребителя. На самом деле обоим вариантам соответствуют разные мотивационные уровни. Как элемент экономической системы, человек потребитель. Как элемент человеческой цивилизации – в той или иной степени творец. Каждому уровню соответствует свой характер потребления. Сопоставлять их, более того, отдавать предпочтение какому-либо из этих видов потребления – бессмысленно и контрпродуктивно, это подобно сравнению живописи и отделочных работ.

Потребление развития в качестве продуктов своей деятельности не имеет ни товарных, ни общественных благ, генерируя высшие блага: знания, прогресс, справедливость, мораль. Процесс совокупного потребления имеет следующие контексты:

- энергетический;
- экономический;
- цивилизационный.

Вопрос в том, что именно понимать под прогрессом. Фундаментальная наука если и имеет побочным результатом рост конечного потребления, то, во-первых, в непредсказуемые сроки, а во-вторых, чаще всего вообще не приводит к росту индивидуального конечного потребления (знание природы Черных дыр, например, точно не приводит к этому). М.Фридмен писал: «Ошибка Кейнса состояла в игнорировании роли богатства при построении функции потребления» [6, с. 20]. Представляется однако, что как раз ошибкой является считать это ошибкой.

Вовлечение в коммерческий оборот знаний (любой природы) вольно или невольно отдаляет человечество от достижения автотрофности и объективно тормозит общий прогресс.

Общественный прогресс неотделим от познания и немислим без него. Без познания окружающего мира, законов материального и идеального, наконец, самих себя как его (мира, Космоса) части, всякое развитие, прогресс попросту невозможны. Процесс распространения знаний осуществляется по совершенно иным законам, нежели оборот товаров, работ или услуг. Дело не только, и не столько в том, что одни знания являются прикладными (конкретными), а другие фундаментальными (теоретическими, общими). Проблема в том, что процессы получения (добывания) знаний, как прикладных, так и фундаментальных, имеют различные свойства, различны по своей социальной природе. Учёные, работающие в фундаментальных науках, а) не имеют никаких гарантий получения положительных результатов; б) при их получении априори не могут дать оценку их возможного практического применения (если он вообще есть); в) не в состоянии даже приблизительно назвать срок востребованности данных

знаний. При этом они могут рассчитывать исключительно на благотворительность, меценатство при оплате своих трудов, либо даже быть исключительно альтруистами.

«Прикладные» же исследователи а) точно знают, чего они ищут; б) имеют возможность работать на основе хозяйственных договоров; в) как правило, точно знают, какие именно фундаментальные знания и из каких областей они будут применять в своей работе; г) в состоянии, хотя бы и приблизительно, определять свои временные затраты и ресурсные издержки.

Возникает большая социально-экономическая проблема: те, кто занят конкретным применением фундаментальных знаний, могут рассчитывать на неплохой доход, благополучную жизнь и признание при жизни. Те же, кто в принципе сделал возможным их работу и совершил в своё время фундаментальные открытия, обречены на то, чтобы либо пребывать в нищете, влача жалкое существование, либо довольствоваться скромным и не всегда гарантированным жалованием со стороны общества. Но в основе прогресса, как технического, так и социального, всегда лежат фундаментальные знания. Без них невозможно никакое сколь-нибудь серьёзное прорывное развитие технологий. Отсюда следует, что в настоящее время в основу мотивации познания заложен обратный принцип: следствия востребованы, а причины нет.

Имеется ещё одна особенность. Фундаментальные знания невозможно запретить, во всяком случае, на достаточно длительное время. Но любые знания можно запретить в свободном использовании. Особенность знаний, проявляющаяся в их распространении, нематериальной природе и особенностях получения позволяет утверждать, что перед нами не только не товарные блага, но даже, скорее всего, не блага общественные, а высшие блага. Попытка коммерциализации знаний и перевода их в разряд товарных благ является неконструктивной.

Если вести речь о телеологической организации деятельности по производству и распределению благ на макро- мегауровнях, то необходимо констатировать, что она не может быть основана ни на одном из известных т.н. социально-экономических укладов. Экономика ответственна за производство товарных и общественных благ, а также за ресурсное обеспечение создания высших благ. Однако традиционные экономические системы устроены иначе. Исходным и центральным пунктом в них выступает капитал (в данном случае форма его собственности не имеет значения), а универсальной целью – удовлетворение индивидуальных конечных потребностей. Причем, чем успешнее организована деятельность в традиционных экономических системах, тем эффективнее происходит удовлетворение конечных индивидуальных потребностей.

Телеологическая макроэкономическая система должна быть основана на следующих принципах:

- 1) Уровневая организация деятельности;

2) Подразделение социума не только на классы, но и на принадлежность к мотивационным уровням, внутри которых действуют различные критерии успешности.

В какой-то мере отождествляя «социальные кластеры» с мотивационными уровнями, можно отнести тезисы В.Л.Макарова и к ноосферной экономической системе. «Каждый человек знает, в каком соцкластере и в каком ранге он находится. Далее каждый человек, обладая полной информацией обо всех нормативах, производит оценку своего положения. Он определяет, стоит ли ему остаться в существующем статусе, или нужно переместиться в другой соцкластер, получив там тот ранг, который соответствует его заслугам» [3, с. 182].

Таким образом, пресловутое «богатство» как универсальный фактор достижения высокого общественного положения, должен быть исключен из механизма социальных лифтов. Если человек соответствует более высокому мотивационному уровню и желает туда перейти, он должен согласиться с соответствующей системой ценностей.

Особенностью нового способа организации макроэкономических систем должно являться устранение конфликтов между отношениями свободного рынка и планово-государственной экономикой путем разведения их по различным уровням. Каждый из этих способов организации производства и распределения благ имеет свои преимущества и свои недостатки, но принципиальное (до степени несовместимости свойств) различие между ними в том, что они сущностно и функционально ответственны за разные блага. Частный капитал – за блага индивидуального конечного потребления, государство – за общественные и высшие блага.

Литература

1. Андреева Е.Л., Ратнер А.В. «Пределы роста» современной цивилизации и пути их преодоления // Горизонты цивилизации: Сб. статей участников междунар. науч. конф. (Аркаим, 26-28 мая 2010 г.). Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2010, с. 26. – С. 25-34.
2. Астафьев И.В. Противостояние. Мотивационные типы социально-экономического сознания. / Эко-Потенциал (Екатеринбург), № 3, 2014, сс. 85-96.
3. Макаров В. Л. Социальный кластеризм. Российский вызов / М.: Бизнес Атлас, 2010, с. 182.
4. Мануйлов А.А. Политическая экономия. Курс лекций. Выпуск. I. — М.: Типо-литография Т-ва И.Н. КУШНЕРЕВ и Ко, 1914.
5. Мизес Л. Либерализм. – М.: Социум, 2011, с. 69. – 496 с.
6. Friedman M. Quantity Theory of Money: The New Palgrave // Money / Ed. By J. Eabwell e.a.L., 1989, p. 20.
7. William K. Frankena Ethics. Second edition. – PRENTICE-HALL, INC. Englewood Cliffs, New Jersey, 1973, pp. 14-15.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ПЛАТФОРМА В УПРАВЛЕНИИ ЭКОНОМИКОЙ

(экосинергетический, экоценотический подход)

Основной тезис статьи – успешные экономики регионов, стран, мезорегионов и пр. образуют ценозы и развиваются как ценозы (экономические ценозы, экоценозы).

Экоценоз – дифференцированное Целое, являющееся общим местообитанием («общим домом», общей сферой хозяйствования его обитателей). Это Целое образуется ценоцическими (хозяйственными) связями (узами), имеет своё устройство, свою специфическую логику функционирования (свой Логос, λόγος), изучаемую сегодня преимущественно биоценологией. В силу характера этого Целого (его Логоса, характера ценоцических связей) его обитатели всегда действуют вместе, сообща, даже если не осознают и отрицают это*. Они характеризуются общей экономической судьбой.

Такой подход оправдывается исследованиями Л.А.Файнберг, показавшего, что исторически социальная система (а вслед за ней и экономическая) возникает как своеобразный механизм амортизации неблагоприятных экологических изменений, т.е. как специфический элемент экологии человека [2].

Восприятию этого тезиса препятствуют презумпции либерализма (методологический индивидуализм). Либеральной экономической идеологией подобного рода идеи третируются как «автаркизм» – символ дремучего консерватизма, обрекающего страну на застой и деградацию. Изданный институтом Гайдара экономический словарь [4] отождествляет автаркизм с изоляционизмом – закрытой (в противоположность открытым) системой, наносящей «невосполнимый ущерб экономике страны, отбрасывающую ее назад в области научно-технического прогресса, экономической эффективности общественного производства и уровня благосостояния народа». Да и создается он – уверяет нас Е.Т.Гайдар – как правило, для ведения будущих войн. Непонятно, правда, как в этом случае быть со «шведской моделью», основанной в значительной мере на идеях такого «автаркиста», как Р.Челлен. Чуть более снисходительно либералы относятся к протекционизму. Для них аксиомой остается, что торговый протекционизм делает сектор менее конкурентоспособным и к техническому отставанию и стагнации [4]. Либералы публикуют обширные труды о «заблуждениях протекционизма», игнорируя

---

* Экономика, греч. οἶκος — дом, жилище, обиталище, хозяйство, хозяйствование и νόμος — ном, местопребывание, закон, установленный богами или основанный на традициях порядок вещей, лад. Синергия (греч. σύν - вместе и ἔργον — дело) - совместно действующие, соучаствующие, действующие как Целое, усиливающие друг друга. Ценоз (греч. κοινός) — «общий», «дифференцированное внутри себя Целое».

результаты исследований Лауры Тайсон [5], показавшей, что «свобода торговли приводит к снижению социальных и экологических стандартов в развивающихся странах». Они не замечают критики П.Робертсом теории сравнительных конкурентных преимуществ, являющейся идеологическим обоснованием выгод свободной торговли для всех участников международного рынка. Они неохотно ссылаются на исследования Ф.Броделя, И.Валлерстайна и других миросистемщиков, обосновавших тезис, что «свобода торговли» закрепляет черты, которые занимает страна в мироэкономике (т.е. богатые становятся богаче, а бедные – беднее).

Мы думаем, что не изоляционизм отличает «автаркизм» от свободного рынка. Д.И. справедливо расставил акценты иначе: «в одном случае промышленные отношения представляются бесформенной совокупностью отдельных лиц, как на базарной площади; в другом же случае выступают общий план и организация» [1].

Мы исходим из того, что в экономике (в первую очередь национальных экономиках) мы имеем дело с «целостностями», «системами», аналогичными экосистемам или биоценозам. Термин ценоз является общим названием таких систем. Образуются такие системы особыми ценотическими связями (отношениями), которыми реализуются и регулируются жизненные циклы участников системы, обращение всех ингредиентов системы и воспроизводство системы в целом.

В экономике такие системы мы будем называть экоценозами, имея в виду, что образуются они ценотическими отношениями между субъектами экономической деятельности и связью вовлекаемых в эти отношения ингредиентов экономической деятельности. При этом мы утверждаем:

- экономика отдельно взятой страны может быть эффективной лишь постольку, поскольку представляет собой определенного типа экоценоз;
- соответственно, государственная экономическая политика должна быть направлена на развитие и поддержание соответствующего экоценоза.

Акцентируем следующие свойства экоценозов:

- Экоценозы всегда находятся в процессе воспроизводства, вследствие чего являются неустойчивыми системами, относительно легко переходящими в состояние «динамического хаоса» и деградации.
- То, что происходит с Целым, в конечном итоге определяется не какими-то абстрактными соотношениями (законами), а экономическим поведением хозяйствующих субъектов, так или иначе отвечающих на возникшие обстоятельства, вызовы (т.е. тем, что обитатели с этим Целым делают). Поэтому в хороших экоценозах всегда есть механизмы, обеспечивающие толерантность по отношению к неблагоприятным воздействиям

• В отличие от «биоценозов», судьба экоценозов в значительной мере опосредствуется сознанием и коммуникациями людей (их способностью договариваться, находить консенсусные решения). «Законы» экоценозов имеют институциональный характер, экоценозы имеют институциональный каркас. В

экоценозах присутствует особый универсальный тип связей (отношений) – обмен, который опосредствуется стоимостями и выражающими их денежными знаками. Формируется, соответственно механизм денежного обращения всех ценогических связей. Все процессы в экоценозах опосредствуются социальными и социокультурными факторами, историческими и политическими контекстами и мотивациями (смыслами).

- Экоценозы формируются в процессе коадаптации (притирки) и коэволюции хозяйствующих субъектов, вследствие чего в составе Целого каждый хозяйствующий субъект имеет свою нишу, роль, миссию. Целое стремится быть «оптимально экологичным» по отношению к входящим в него хозяйствующим субъектам, вследствие чего поведение их является ценофильным*.

- В своем функционировании, воспроизводстве и развитии экоценозы задействуют, прежде всего, внутренние ресурсы и возможности. Экоценоз вырабатывает механизмы оптимального задействования внутренних ресурсов.

- Если по каким-то причинам экосистема перестает быть экологичной по отношению к своим обитателям, их поведение становится ценофобным – объективно направленным на деградацию, подрыв, разрушение Целого.

- Экоценоз «защищает себя» от ценофобов. Поведение «чужаков» как правило является ценофобным, поэтому хороший экоценоз всегда располагает механизмами защиты от «экономического проникновения» (иммунитетом)

Важными чертами предлагаемого подхода являются следующие:

1. В любых ценозах конкуренция является лишь одним, причем не доминирующим, типом отношений. На другом от неё полюсе находятся отношения, обеспечивающие солидарность и взаимоподдержку всех членов ценоза (**«ценогическая солидарность; источники «ценогической солидарности»** и др.).

Волки, как говорят биологи, не бегают настолько быстро, чтобы переловить всех зайцев; но и зайцы не настолько быстры, чтобы их не мог догнать ни один волк. В любых ценозах особую ценность имеет так называемое ценофильное поведение, т.е. направленное на поддержание, на воспроизводство целого. Понятно, что в человеческом обществе ценофильное поведение совпадает по существу с ценностно ориентированным, обусловленным такими категориями, как долг, ответственность, служение, экономический патриотизм и пр. На противоположном от ценофильного поведения полюсе находится ценофобное поведение, т.е. такое, объективным следствием которого является

---

* Ценофильное поведение, безусловно, предполагает определенные ограничения, так сказать, «пределы свободы». Однако, как говорил Менделеев, «свобода в торговой политике сбивает многих; кажется, что речь идет о свободе вообще, а ей привычно поклоняться». «[В действительности] между свободой вообще и свободой торговли ... есть даже известная степень противоречия, которое становится видимым [при сопоставлении понятий] свободы торговли (фриттерства) и свободы народов, являющейся, по существу, лозунгом протекционистов». При этом, «протекционизм понимается не как источник некоего общего блага, противопоставляемого частному, но общего в том смысле, что в нем содержится и всё частное... Это план и организация, предназначенные для блага частных лиц».

подрыв, деградация целого, разрушение ценоза. Надо подчеркнуть, что речь идет не о хищниках. В Австралии ценофобами оказались безобидные кролики, едва не уничтожившие экологическую систему континента. Важно не хищничество, а «несоблюдение правил», по которым функционирует система, неумеренность, отсутствие солидарности с другими субъектами системы. Ценофоб нарушает (разрушает) механизмы воспроизводства ценоза.

2. В экосистемах чтобы выжить, все должны эволюционировать вместе и непрерывно ("бежать", чтобы оставаться на том же месте). «Методологический индивидуализм» либералов покоится, по сути, на «дремучем дарвинизме». Биологи уже давно знают, что это типично редуccionистский подход и инициатором [эволюции] является экосистема. Именно она в своем эволюционном развитии закрепляет или отсеивает всевозможные мутации, запуская в действие механизмы видообразования. Иначе говоря, все субъекты ценоза эволюционируют, развиваются в составе целого и только в качестве его частей (поскольку только функционированием ценоза воспроизводится совокупность условий их существования).

Либералы утверждают, что любые ограничения на конкуренцию являются ограничениями на эволюцию, консервируют систему с её слабостями и недостатками. Они, во-первых, забывают, что для успешного функционирования и развития нужна близкая к оптимальной экологическая ниша, которая сама является частью экосистемы, воспроизводится экосистемой. Субъект эволюционирует вместе со своей нишей; при её же деградации он погибает. Они забывают, во-вторых, что категории «слабости» и «недостатков» являются относительными, контекстными. Нечто, являющееся слабостью в одних условиях, окажется преимуществом в других, т.е. в составе другого экоценоза. Они, наконец, утверждают, что максимальная рентабельность, прибыльность является неким абсолютным критерием эффективности. Но в ценозах неотъемлемым условием эффективности является ценофильная стратегия, поскольку любой ценофоб роет, в конечном итоге, яму себе: его вырождение неизбежно наступит вместе с деградацией системы, которую он разрушает. Чрезмерная продуктивность волчьей стаи привела бы неизбежно к её вымиранию по мере сокращения ресурсов, которые способна предоставить стае экосистема. То же самое и в экономике.

3. Ценозы являются саморегулируемыми системами: естественным процессом её функционирования осуществляется её самовоспроизводство. Это значит, что экономическая система, существование которой поддерживается искусственно, не является экоценозом, и, как следствие этого, нежизнеспособна. Этот принцип важен, поскольку он определяет меру целесообразности для вмешательства государства в экономику. Государство должно содействовать становлению и развитию экоценозов; оно может содействовать оптимизации существующих ниш; но оно не является демиургом экономики, действующим по своему произвольному плану.

4. Ценозы характеризуются относительной самодостаточностью, в том смысле, что для любого субъекта их функционированием создаются

(воспроизводятся) условия его нормального (оптимального) существования, воспроизводится его ниша. Но неверно самодостаточность путать с замкнутостью, как это делают критики автаркизма. Биоценологами установлено, что ценологические ступени организации представляют собой расплывчатые, трудно уловимые образования, сложно переплетенные между собой, незаметно переходящие друг в друга, и, тем не менее, они вполне реальны, существуют и действуют, и нам надо уметь их видеть во всей их сложности и расплывчатости*. Самодостаточность указывает не столько на замкнутость, сколько на толерантность системы по отношению к неблагоприятным изменениям в связанных с ней ценозах. Попросту говоря, экономика, имеющая форму эконоценоза, не рухнет вслед за кризисом в США, на Азиатских рынках или в Европе; она оперативно отреагирует на такого рода кризисы мобилизацией собственных ресурсов, трансформациями воспроизводственных процессов и т.п. В этом смысле самодостаточность означает наличие альтернатив и некоторую избыточность ресурсов, необходимых для воспроизводства.

5. Пятое. Ценозы характеризуются относительной защищенностью. Биоценоз, подчёркивают биоценологи, препятствует вживанию вселенцев. Одуванчик не способен проникнуть в биоценоз сомкнутого дерна диких злаков, его туда "не пускают". При этом защищенность не означает изоляционизма. Ценозы защищают себя от ценофобов, не пускают в себя ценофобов. Чужак лишь постольку отторгается системой, поскольку не адаптируется к её правилам, действует как ценофоб, подрывает процессы воспроизводства целого. Иначе говоря, система характеризуется защищенностью постольку, поскольку чувствительна к ценофобному поведению и оперативно реагирует на него.

Сошлюсь на шведского геополитика Рудольфа Челлена (1864-1922), о котором я уже упоминал. Его идеи – государства как «географического организма» и «народного дома» – легли в основу так называемой «шведской модели». Челлен разработал концепцию «экономически защищенного пространства», обеспечивающего нации геополитическую защиту [3]. Он не говорил о защите пространства военными средствами и т.п.; он полагал, что экономика, основанная на принципах автаркии, сама не пускает в себя чужаков, отторгает их, сама защищает себя от проникновения.

6. Ценозы характеризуются определенным уровнем индивидуализированности и, как следствие этого, идентичности. Именно в силу этого они чувствительны к чужакам и способны препятствовать их проникновению; они некоторым образом умеют отличать своих от чужих, ценофилов от ценофобов. Причем, ценоз, утрачивающий это чувство «своего», чувство «мы», т.е., в конечном итоге, начало солидарности, утрачивает и способность к выживанию.

---

* Их можно соотнести с фигурациями Н.Элиаса.

7. Ценозы характеризуются «витальным (жизненным) потенциалом», проявляющимся не только в толерантности к неблагоприятным воздействиям, но и в способности к развитию и экспансии (расширенному воспроизводству).

Экоценотический подход – это именно подход, а не «теория». Это совокупность установок, принципов, которыми надо руководствоваться в ходе анализа (понимания) ситуации, при принятии решений; это установки, которыми мотивируются решения. Здесь никто не может знать наперед, каким именно будет экоценоз. Этот подход не может быть реализован без опоры на «коммуникативный разум», «коммуникативную власть», «делиберативную политику» (т.е. без публичных «отношений по поводу» значимых экономических вопросов). Этот подход предполагает, что к людям (хозяйствующим лицам) обращаются как к субъектам; этим подходом предполагается, что люди располагают субъектностью в отношении экономики (что они распоряжаются, а не ими распоряжаются). Это значит, что этот подход невозможен без идеологии в смысле Л.Альтюссера. И эта идеология экоценотического подхода является в целом антилиберальной (консервативной):

Во-первых, в экоценозе надо «бежать вместе», чтобы хотя бы «оставаться на месте» (сохранять свои ниши, роли). И «отстающие», и «выскочки» объективно становятся ценофобами – запускают цепные реакции деградации экосистемы.

Во-вторых, это подход категорически противостоит «методологическому индивидуализму». Хозяйствующие субъекты не таковы, какими им «вздумается» быть, а таковы, каково их место (ниша, роль) в экоценозе – они часть Целого. Каждый «индивидуалист» объективно оказывается ценофобом.

В-третьих, судьба экоценоза (Целого), а вместе с ним и всех хозяйствующих субъектов, определяется не абстрактными монетаристскими отношениями, а тем, что хозяйствующие субъекты делают. Для экоценотического подхода одним из определяющих является принцип общей экономической судьбы, зависящей от экономического поведения каждого.

В-четвёртых, в экоценозах отношения конкуренции и солидарности сбалансированы, эта идеология не делает ставки на конкуренцию, не признает её «палочкой-выручалочкой», не считает её безусловным приоритетом экономической политики

В заключение отметим, что отечественной экономике, исторически формировавшейся как «экономика домостроительства», имманентно присущ экоценотический характер. Именно это имел в виду Ф.Бродель, когда называл Россию отдельной мир-экономикой.

Следствием предлагаемого подхода являются рекомендации по управлению экономикой, среди которых фундаментальными являются следующие:

1. Стратегическая задача экономической политики – содействие формированию эффективного экоценоза, находящегося либо в состоянии «подвижного равновесия», либо расширенного воспроизводства (экспансии).

2. Для реализации этой стратегии нужно осуществить моделирование экоценоза отечественной и прогнозирование его функционирования.

Литература

1. Менделеев Д. И. Оправдание протекционизма. Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 473—483.
2. Файнберг Л.А. У истоков социогенеза [Текст]: от стада обезьян к общине древних людей. – М.: Наука, 1980. – 152 с.
3. Челлен Р. Государство как форма жизни / Рудольф Челлен; [пер. с швед, и примеч. М. А. Исаева; предисл. и примеч. М. В. Ильина]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. - 319 с.
4. Экономико-математический словарь. Лопатников Л.И. Словарь современной экономической науки. 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Дело, 2003. — 520 с.
5. Tyson, Laura D'Andrea, Who's bashing whom? Trade conflict in high-technology industries. Institute for International Economics. Washington, D.C., 1992. XVIII, 324 pp.

Иоселиани А.Д.

ЭПОХА ПЕРЕМЕН: НОВЫЙ ТИП ОТЧУЖДЕНИЯ ИЛИ ТЕХНОГЕННЫЙ ПРОРЫВ?!

До середины XX века период развития философии техники отражал эпоху массового производства и потребления. После бума 1960-х гг. и всплеска внимания в 1990-х гг. интерес к проблеме отчуждения стал снова возрастать.

С 60-х гг. XX в. вместо оптимизма в отношении НТР появилась тревога в связи с отчуждением техники, с «выдавливанием» человека как субъекта, создателя и потребителя культуры из технизируемой социальной реальности. Для постиндустриализма характерны индивидуализированное производство и потребление.

Глобализация – это многогранное явление, оказывающее влияние на жизнь каждого человека через систему образования, искусство, культуру, информационную систему, науку, социально-экономическое развитие, экологические проблемы и технико-технологические процессы, а также непосредственно – на образ жизни людей и нравственно-моральную атмосферу социума.

Глубокие изменения в обществе обусловлены в первую очередь быстрым развитием информационного общества, затрагивающего процессы всеобщей глобализации. Это влечет за собой изменение процесса обретения личностью собственной идентичности. И прежде всего, это связано с очень значимой в жизни человека информацией, которая становится всё более индивидуализированной, персонализированной, и отображающей особенности личностного восприятия мира.

Затрагивая основные проблемы современного глобального общества, следует отметить проблему вторжения техники в межличностные отношения, которая создает качественно новые формы в общественной коммуникации, и

затрагивает глубокие духовные, психологические, личностные и этические сферы бытия человека.

Если рассматривать конструктивные и деструктивные компоненты глобализации, то последние, к сожалению, преобладают.

В современных условиях глобализация больше способствует развитию в мире негативных тенденций, нежели позитивным и прогрессивным изменениям.

С одной стороны, глобализация и способствует распространению человеческого прогресса и общечеловеческих ценностей. Со знаком плюс можно назвать, например, такие тенденции, как распространение идей и принципов демократии, гуманизма, свободы, прав личности, защиты прав детей, равноправия женщин и мужчин, отход от тенденции эксплуатации человека человеком, приобщение широких масс к культуре и искусству. Также очевидно, что без глобализации для большинства стран мира сегодня не были бы общедоступными такие плоды цивилизации как мобильная связь, всеобщая компьютеризация, интернет, современная бытовая техника, автомобили и т.п.

Но с другой стороны глобализация является нестабильным положением человека в мире, отчуждением системы духовных ценностей и человеческих связей, развитием различных человеческих пороков, деградацией и вызывающей социальной апатии. На фоне гигантского роста информации, происходит оскудение духовного бытия. И это свидетельствует о наличии противоречий, о которых не знали предшествующие эпохи.

Основная проблема заключается в том, что интернет-паутина не имеет определенной ценностной ориентации. И потому сложно определить – насколько объем полезной, позитивной и практически нужной информации преобладает над информацией дестабилизирующей, отрицательной, демотивирующей. Опасность состоит в том, что без должного воспитания духовно-нравственных и этических норм, человек может стать пассивным потребителем некачественной и деструктивной информации. Тем более, что подавляющее большинство людей не имеет должного уровня критического мышления. Ведь наряду с информацией полезной для социального и культурного развития, а также для научной деятельности, человек в киберпространстве вынужден сталкиваться с информацией, не имеющей никакой культурной, духовной и практической ценности, более того он сталкивается с засильем порнографической информации, демонстрацией сцен насилия и жестокости. Тратя свое время, а иногда и деньги на бесполезные и деструктивные информационные сайты, интернет-пользователь тем самым пассивно поддерживает рейтинги данных ресурсов.

Еще одной проблемой, подталкивающей личность к отчуждению, является проблема самоидентификации, поскольку человек не может связать себя, идентифицировать с какой-либо конкретной культурой. Это происходит в результате смешивания в интернете культурных форм и бессистемности информации.

Раньше человек более четко осознавал свой путь развития, свои цели и идеалы. В аграрные и индустриальные эпохи идентичность человеческой личности определялась его положением в обществе, культурным и социальным окружением, религиозным вероисповеданием его семьи. Также личность могла идентифицировать себя с различными целями и идеалами. Но этот процесс носил скорее индивидуальный характер. Происходящие глобальные изменения в обществе в информационной эпохе приводят к кризису идентичности и это становится массовым явлением.

В современных условиях, человек дезинтегрирован у него отсутствуют жизненные планы и наступает кризис идентичности. В результате чего появляется апатия, депрессия, жестокость, агрессии, различные формы комплексов и зависимостей, и даже психические расстройства.

Решение проблемы видится в комплексном развитии целостной личности на основе интеграции таких компонентов духовного развития личности и ее идентичности как социальный, религиозный, культурный техногенный и психологический компоненты. Все они выступают детерминантами становления духовного мира личности, и возможно элементами вывода человека из состояния отчуждения. Мы считаем, что наиболее эффективными детерминантами и регуляторами развития человечества являются такие духовно-нравственные императивы как социальный, морально-этический, экологический, а также императив ответственности.

Актуальность исследования обуславливается тенденциями роста негативных последствий отчуждения – девиантного поведения, ухудшения социального здоровья, политической апатии и утраты доверия к общественным институтам, невозможности реализации человеком своего творческого потенциала [9, с. 9].

Общество на современном этапе своего развития характеризуется высокими темпами развития технологий. Однако развитие технологий приводит к разобщению индивидов – отчуждению.

Прорыв техногенного характера, который мы сегодня наблюдаем, безусловно приводит к изменениям во всех сферах человеческого бытия - в социальном, духовном плане, а также в менталитете. Меняется личность, ее потребности, меняются привычные этико-эстетические установки, меняется пирамида ценностей. Всё это создает предпосылки для очередного витка отчуждения человека. Негативными последствиями отчуждения являются девиантное поведение, ухудшение социального здоровья, политическая апатия и утрата доверия к различным общественным институтам [9, с. 10].

Проблема отчуждения имеет ряд концептуальных решений (экзистенциализм, марксизм, диалектическая теология, постмодернизм).

Отчуждение возникает в системе «человек – результаты деятельности» (теория общественного договора, классическая немецкая философия, марксизм), в системе отношений человека с другими людьми и общественными институтами (экзистенциализм), в результате нарушения связи «личность – другие личности» и «личность – Я-образ» (психологические концепции) [13].

Способы преодоления отчуждения зависят от точки зрения, с которой рассматривают отчуждение различные философские, социологические и психологические теории. Справиться с отчуждением возможно путем изменения ситуации и общества, например, революционными социальными преобразованиями (марксизм), созданием демократического строя, преодолением социального неравенства (теории общественного договора) или с помощью бунта человека против тотального отчуждения (А. Камю, Маркузе), или же путем активизации духовной жизни человека (Э. Фромм, Н.А. Бердяев). Особое место в преодолении отчуждения отводится развитию субъектности как в процессе познания (И. Кант, Гегель), так и в целом во всех видах деятельности (С.Л. Рубинштейн, В.А. Петровский).

Наиболее полно проблематика отчуждения раскрыта в работах представителя гуманистической психологии Э.Фромма. Э.Фромм в рамках экзистенциализма, использовал понятие «отчуждение» как такое состояние, при котором человек утрачивает контакт с внутренним миром [12].

Отчуждение проявляется в виде утраты чувства собственной значимости. «Отчуждение, каким мы видим его в современном обществе, носит почти всеобщий характер; оно пронизывает отношение человека к своей работе, к потребляемым им вещам, к государству, к своим ближним и к самому себе» [11].

Отчуждение затрагивает все стороны жизни человека: потребности в связях со своей семьей, другими людьми, потребности в самоидентичности и созидательном творчестве.

Э. Фромм полагает, что человек стремится преодолеть противоречие между свободой и безопасностью «бегством от свободы», он все чаще стремится иметь свой маленький и управляемый мир: «...Я есть то, чем я обладаю и что я потребляю» [12, с.56]. Поэтому активность человека подчинена решению проблемы выбора стратегии.

В концепции «отчуждения» Маркса, люди становятся «чужими» друг для друга, на производстве они заменяются машинным трудом, другими словами люди становятся востребованными не для общества, а только для производства. Они выключаются из духовной и социальной жизни [7]. У работников возникало ощущение отчуждения, постепенной утраты личности и превращения в живой инструмент управления (придаток рабочего места). В рамках марксизма отчуждению придается характер объективного процесса, играющего свою роль в общественной действительности. Также в марксизме ярко выражен ценностно-аксиологический аспект (гуманизм).

С точки зрения диалектики, влияние отчуждения на творчество носит как негативный, так и позитивный характер и это влияние должно рассматриваться в каждом конкретном случае.

Потребительское отношение человека к миру, пропагандирует только личное благосостояние, приводит к дегуманизации личности, в результате чего человек безразличен другим людям и порой – безразличен сам себе. Его жизнедеятельность направлена лишь на удовлетворение своих потребностей,

без оглядки на общечеловеческие ценности. Человек утрачивает эмоциональную связь с миром и другими людьми.

Характерной чертой современного технологического уклада выступает особая цифровая культура, явившаяся порождением глобальной информатизации и компьютерной революции конца XX в [6].

Через Интернет идет навязывание идеалов западной культуры, системы ценностей общества потребления [3].

Сегодня, в эпоху постмодернизма, особую угрозу представляют собой массовое распространение социальных сетей. С одной стороны, социальные сети позволяют людям найти друг друга, общаться на расстоянии. Но с другой стороны, в подобном общении не задействованы многие личностные факторы и поэтому оно отдаляет людей. Многие не видят смысла в личной встрече, когда формально все то же самое можно сказать по средствам виртуального общения. Такая тенденция настораживает: люди теряют интерес друг к другу и живому общению.

И хотя наблюдаются явные тенденции к всеобщему отчуждению через технизацию человека, однако духовные ценности способны противостоять напору технизации.

Духовность – это деятельность сознания, направленная на поиск смысла жизни и своего места в ней, на выявление критериев добра и зла для оценки событий, поведения людей. Духовность есть способность личности управлять собой, своим поведением, осмысленным образом регулировать свою деятельность для достижения нравственных целей. Чтобы сделать процветание страны смыслом жизни большинства людей, реформы должны стать созвучными их интересам и особенностям национального характера.

Философия и весь мощный потенциал духовной культуры – религия, искусство, мораль, правосознание, экология сегодня востребованы в решении глобальной проблемы – сохранения человека и его психического, физического и душевного здоровья. Так, предметом исследования В.Франкла являлся ряд смысловых конфигураций философии, рассматриваемый им как понятия «Бог» и «вера», он использует принцип историзма, применяет также методы и подходы философско-антропологического исследования проблемы экзистенциального вакуума и, главное, обозначены позитивные пути для его преодоления [4].

А по мнению С.Л. Франка, личность не способна познать себя без веры в Бога как трансценденции за свои пределы с постоянным обращением к Нему. У Франка понятия «личность», «Бог», «культура», «человечество» представляют одно целое, раскрывающееся только во внутреннем взаимодействии между собой. Отрыв одной из частей влечёт за собой «отчуждение», провоцирующее ослабление духовных сил для оказания противостояния нарастающему злу в современном мире [10].

Таким образом, суть религии относится к такому предмету, как отношения между человеком и сакральным, Божественным, и может быть обозначена в языке современности как методология восстановления связи с Богом [1].

Мы придерживаемся мнения В.А.Сапрыкина, который считает, что сейчас феномен отчуждения на современном этапе включает в себя полное отчуждение от собственности, власти, от труда и его результатов, отчуждение от культуры и морали. Разрушается ценностная система общества: прежние духовные ценности замещены суррогатами массовой культуры, труд потерял свое значение фундаментальной общественной ценности, происходит тотальный процесс дегуманизации постсоветского общества, «обесчеловечивание» личности [8, с. 57-58].

Тем не менее, проблема отчуждения требует к себе комплексного подхода. Если в задачи психологии входит определение сущности социального субъекта и механизма отчуждения на личностном уровне, то социология ищет ответы на вопросы, как проявляется отчуждение на уровне социума, какая социальная ситуация является причиной отчуждения.

Также следует отметить, что в настоящее время формируется эпоха, связанная с производством на основе возможностей NBIC-технологий, то есть гипотетического ядра шестого технологического уклада, который основан на объединении Нано-, Био-, Информационных и Когнитивных технологий. Они вселяют определенный оптимизм, поскольку могут преодолеть отчуждение человека, техники и природы, на новом, более высоком уровне – в форме молекулярного производства [5].

Причиной возникновения отчуждения, к примеру для экзистенциалистов является конфликт рационального и интуитивного познания. По их мнению, преодоление отчуждения возможно посредством свободы, любви, религии, творчества, которые помогают обрести полноту и осмысленность человеческого существования [2].

Преодоление отчуждения возможно через присвоение, но это является индивидуальной экзистенциальной задачей каждого конкретного субъекта. Поэтому никакая стадия общественного развития не гарантирует полного освобождения от отчуждающего характера деятельности человека.

Ощущение нестабильности и разрушение привычного уклада жизни, связанные, в первую очередь, со стрессом и психологическими нагрузками, провоцируют наступление кризиса, ведущего к отчуждению. Одной из главных причин такого кризиса является традиционная парадигма развития, где приоритетами являются соперничество и личная выгода. Все это предопределяет необходимость появления новой парадигмы, неразрывно связанной с техносферными факторами и NBIC-технологиями. В данной парадигме необходимо отметить то обстоятельство что, *во-первых*, техногенные принципы накладываются на этно-национальные; *во-вторых*, немаловажно, что культурные условия существования общества, а также геоэкономическое пространство претерпевают трансформации, являющиеся своеобразной реакцией на возникающие вызовы и угрозы, в том числе и отчуждения.

Литература

1. Аринин Е.И. «Религия» как слово и концепт в истории культуры // Свеча: Религия, religio и религиозность в региональном и глобальном измерении. Владимир, 2013. Т. 23. С. 18- 57.

2. Бердяев Н. А. *Философия свободного духа*. - М.: Республика, 1994. - 480 с.
3. Валитов И.О. Влияние экологии на демографический рост народонаселения: (социокультурный аспект) // Вестник Башкирского университета. Том 21, 2016, № 2. С.62.
4. Верба Ю.В. Смысловые конфигурации философии Виктора Франкла. // Психология и Психотехника. - 2016. - № 9. - С. 773-779.
5. Внутских А.Ю., Скоморохов М.В. Конвергенция технологий и синтез исследовательских программ гуманитаристики. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2016. С. 139.
6. Денисков А.В. Философские предпосылки проектирования взаимодействий в техногенном мире: цивилизационный подход в работах А.В. Солдатова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 61-67.
7. Родин Е.О. Риски в технологически сверх-развитом обществе. – Саратов: Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А. 2017. С. 268.
8. Сапрыкин, В. А. Марксизм, социальный прогресс и будущее цивилизации // Марксизм и современность. – 2005. – № 1-2. – С. 53–62.
9. Смолева Е.О. Социальное отчуждение: анализ теоретических подходов // Вопросы территориального развития - Вологда: «Издательство Вологодский научный центр Российской академии наук». – 2016. - № 4. С. 9.
10. Франк С.Л. *Духовные основы общества* // М.: Республика, 1992. С. 511.
11. Фромм, Э. *Здоровое общество*. – М. : Аст, Хранитель, 2006.
12. Фромм, Э. *Иметь или быть?* – М. : Прогресс, 1986. – 238 с.
13. Шетулова Е.Д. Методологические аспекты исследования отчуждения в контексте современности. – Н.Н.: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. – 2016. С. 305.

Козиенко Н.П.

РЕНЕССАНС ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК КАК УСЛОВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОРЫВА*

В последние годы в научной среде и в политических кругах перманентно возникают дискуссии о необходимости выбора иного пути развития для России. Действительно, по мнению многих исследователей трагичность переживаемой современным миром ситуации состоит в том, что общественные науки, образно говоря, находятся ещё на доэйнштейновской стадии. И чтобы не допустить ошибки в выборе нового пути развития не только для России, но и для других стран мира, наука призвана обеспечить общество новыми базисными теориями в таких мировоззренческих областях знания, как политэкономия, теория познания, социология и политология. С тем, чтобы в итоге доказать несостоятельность марксизма, кейнсианства и либерализма в хайкевском его представлении.

---

* «Памяти моего сына Антона Николаевича».

1. Политэкономия: необходимость новой парадигмы

1.1. Обоснование концепции мотивации деятельности человека и основного экономического закона

Усилия российских адептов капитализма по дискредитации политэкономии не пропали даром. В результате общим местом стало мнение, что политэкономия, в её хорошо известном нам ортодоксальном варианте, в принципе не имеет права на существование. На наш взгляд, политэкономия только и имеет право на существование в её классическом варианте, то есть как наука о наиболее общих законах развития производительных сил и производственных отношений.

Почему? Во-первых, потому, что человечество в своей истории пережило несколько общественно-экономических формаций. И факт этот нельзя игнорировать, так как в наблюдающихся в них изменениях отношений собственности проявляется некая логика, некий закон.

Во-вторых, потому, что в таких исследованиях неизбежно затрагивается проблема мотивации деятельности человека, ведь производственные отношения в общественно-экономических формациях не просто изменялись, а изменялись радикально: наблюдались и коллективистские, и частнособственнические их формы.

Но человек присутствует в экономической реальности. Поэтому возникает естественный вопрос: имеет ли мотивация его деятельности фатальный характер или не является таковой?

Так что именно политическая экономия в её ортодоксальном варианте может выработать основополагающие знания для экономической науки и практики. Только такая наука в состоянии обосновать концепцию мотивации деятельности человека и на этой основе сформулировать основной экономический закон, предопределяющий развитие производительных сил и генезис общественно-экономических формаций.

Наконец, игнорируя проблему мотивации деятельности человека, невозможно выработать принципы оптимальных отношений собственности и социально справедливого распределения благ, тогда как очевидно, что от правильного решения этих проблем зависят не только эффективность национальной экономики, но и социальный мир в обществе.

Конечно, истоки столь негативного отношения к политэкономии в её ортодоксальном варианте очевидны – это боязнь ложной априорности, возникшая как следствие практической несостоятельности марксистской политэкономии. Тем не менее, от неё всё-таки нужно избавляться и включаться в поиски новой парадигмы в политической экономии. Призывая к этому, мы опираемся на наши исследования, посвященные проблемам познания, в которых доказываем, что любая гипотеза в любой науке является в известном смысле априорным знанием [3].

В своих исследованиях мы выдвигаем идею о бессознательных истоках мотивации деятельности человека. Природу же бессознательного мы связываем со способностью человека к осмыслению мира в эстетических, то есть внелогических, категориях [2].

Такое понимание природы бессознательного позволило нам по-новому осмыслить проблему мотивации деятельности человека, а именно: утверждать, что способность к эстетическому восприятию мира и невозможность логического истолкования прекрасного, предопределяя мотивацию сознательной деятельности человека, придают ей характер перманентного стремления к эстетическому совершенству. Что в экономической сфере бытия обнаруживается в стремлении индивида к безграничному росту потребностей.

И коль скоро мотивация деятельности человека носит фатальный характер, то любые попытки ограничивать это стремление индивида к безграничному росту потребностей, что характерно для обществ с коллективистскими отношениями собственности на основные средства производства, объективно будут выступать как психологическое насилие над личностью.

Принимая идею об эстетических истоках мотивации деятельности человека естественно также считать, что только эстетика может и должна выступать «матерью» этики человека.

Другими словами, не страх не быть таким, каким должно быть, а эстетические переживания, связанные с альтруистическими поступками, должны явиться фундаментальной основой естественного пути формирования этики человека. Поэтому эстетическая изощрённость человека является объективным условием естественного пути становления нравственного общества. На наш взгляд, именно такое понимание объективного условия становления нравственного общества заявлено и в знаменитом высказывании А.С.Пушкина: «Поэзия выше нравственности». В этом смысле и экономика выше нравственности, поскольку с развитием производительных сил также создаются эстетические предпосылки для естественного пути становления нравственного общества.

Принятие же идеи о стремлении человека к безграничному росту потребностей позволяет нам сформулировать основной экономический закон, действующий во всех общественно-экономических формациях, в таком виде: только стремление индивидуумов, составляющих общественно-экономическую формацию, к безграничному росту потребностей служит основой для развития производительных сил.

При этом идеальные условия складываются тогда, когда производственная деятельность, обеспечивая рост потребления и связанных с ним эстетических наслаждений, и сама, в идеале, доставляет такое же наслаждение.

Что даёт нам основание сделать два основополагающих предположения.

Первое. Успешное развитие производительных сил возможно лишь в приватизированных производствах. А исходным, в идеальном случае, должно быть приватизированное производство, в котором провозглашается, реализуя идею естественного права индивида на собственность, частная собственность

непосредственных производителей. Однако в таких обществах неизбежно происходит разделение общества на классы и вследствие этого всегда наличествуют экономическая эксплуатация наёмных работников, естественная инфляция и безработица, наблюдающаяся при любых темпах естественного прироста населения.

Второе. Только с появлением предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления, когда чистая экономия от применения машин будет столь значительной, что обеспечит не только их воспроизводство, но и равный амортизации прирост дохода, идущего на рост потребления, появится возможность отказаться от частнособственнической эксплуататорской формации.

Приватизированное же производство, в котором не будет эксплуатации, реально может быть осуществлено при реализации принципа священности собственности индивида на всю произведённую им стоимость.

Вообще логику развития общественно-экономических формаций мы трактуем как тенденцию расширения, вплоть до абсолютного, социального слоя общества, которому дано реализовать стремление к безграничному росту потребностей.

1.2. Основной экономический закон как фактор истории

Разумеется, окончательное подтверждение истинности предлагаемой нами концепции мотивации деятельности человека может дать только психология.

И всё же научное, но не специальное, а, скажем так, мировоззренческое доказательство её истинности мы намерены получить при осмыслении логики развития общественно-экономических формаций. Полагая, что её непротиворечивость будет свидетельствовать в пользу истинности предлагаемой нами концепции мотивации деятельности человека.

Исторически исходной общественной формацией стал первобытнообщинный строй. Хотя, казалось бы, в соответствии с логикой основного экономического закона исходной должна была стать частнособственническая общественная формация. На наш взгляд, становление в исходной общественной формации коллективистских отношений собственности было обусловлено низким уровнем развития производительных сил, при котором был невозможен выбор в пользу частной собственности непосредственных производителей. По этой причине при первобытнообщинном строе в производстве не мог возникнуть класс, заинтересованный в развитии производительных сил.

В этих обстоятельствах неизбежно появлялась необходимость насилия над общинниками, которое в той или иной мере компенсировало бы отсутствие в производстве такого класса. При этом иерархи общин, осуществляя его, сами, имея в виду природу человека, неизбежно выступали в роли эксплуататорского класса. Конечно, наряду с принуждением иерархи общин были вынуждены прибегать и к воздействиям морального порядка, чтобы стимулировать трудовую активность в общине.

Споспешествовали такому воздействию также те религии того времени, которые вслед за иерархами общин были озабочены «моральным несовершенством» человека. Обеспечивая тем самым консервацию сложившихся в общине отношений собственности. Поэтому складывающиеся при первобытнообщинном строе политические структуры неизбежно имели тоталитарный характер.

А их наиболее завершённая форма – это государства с так называемым азиатским способом производства, которые суть деспотии. В свою очередь, становления государства-собственника, а именно этот факт выступает наиболее существенным признаком азиатского способа производства, мы рассматриваем как предельную и естественную трансформацию отношений собственности, свойственных первобытнообщинному строю.

Но с развитием производительных сил и усилением социальных противоречий нарастала и тенденция к распаду первобытнообщинного строя. В неизбежном переходе от коллективистских производственных отношений к неким иным решающую роль играли степень ожесточения классовой борьбы и складывающиеся в обществе представления о более совершенной формуле отношений собственности. Известно, что распад первобытнообщинного строя в ряде случаев завершался становлением частной собственности.

Но то была не частная собственность непосредственных производителей, а частная собственность иерархов, осуществлявших управление в общине. Идея естественного права индивида на собственность в этих условиях не могла возникнуть, что делало возможной внеэкономическую эксплуатацию в таком обществе. Так складывалась рабовладельческая частнособственническая формация, в которой при всём её несовершенстве был обеспечен существенный прогресс в развитии и производительных сил, и науки, и искусства. При этом с большой долей уверенности можно предположить, что становлению частной собственности в античном мире способствовала религия древних греков.

Представление богов в человеческом облике, наделённых широким спектром человеческих, и далеко не самых лучших свойств, таким образом, что недостаточный уровень их нравственности был слишком очевиден – это великий итог творчества свободных представителей великого народа. Вполне естественно, что религия древних греков не доходила до выработки догматов и моральных заповедей.

В иных условиях распад первобытнообщинного строя завершался переходом к условно-частной собственности и становлением феодальных отношений собственности. Феодализм естественно рассматривать как сбой в генезисе общественно-экономических формаций, поскольку в тот период уже наличествовали предпосылки для реализации идеи частной собственности в том или ином виде. При этом феодальный этап в истории мы связываем как с патовым состоянием классовой борьбы в обществе, так и с влиянием, если иметь в виду Европу, христианства, по существу предопределившим такой её исход. С наглядной очевидностью ущербность феодальных производственных

отношений обнаруживалась там, где они шли на смену рабовладельческим частнособственническим отношениям собственности.

Особый интерес для нас представляет капиталистическая общественная формация. Капитализм стоит на том, что собственник – это не профессия. Так было при феодализме. При капитализме же собственность произрастает как следствие расширения частного дела. Поэтому исходную основу капитализма в идеальном случае составляет частная собственность непосредственных производителей, воплощая идею естественного права индивида на собственность, провозглашаемую при капитализме. Однако история капитализма на этом не заканчивается.

На смену частной собственности непосредственных производителей неизбежно приходит классовое общество. В нём представлены классы собственников основных средств производства и наёмных работников. Внутренними причинами, порождающими этот процесс, выступают общественное разделение труда вследствие научно-технического прогресса и конкуренция частных товаропроизводителей, которая предопределяет существование инфляции, наблюдающейся преимущественно на фоне роста производства и квалифицируемой нами как инфляция естественная. Существование естественной инфляции при капитализме мы связываем с различием нормы прибыли у хозяйствующих субъектов. Что позволяет, тем из них у кого она выше, искусственно взвинчивать спрос на новые товары. Другими словами, отсутствие основных средств производства у большей части общества проистекает при капитализме из объективных законов производства, обусловленных самим фактом существования частной собственности.

Следует заметить, что, оставшись нереализованной, идея естественного права индивида на собственность оказалась всё же плодотворной, сделав невозможной внеэкономическую эксплуатацию при капитализме. Это обстоятельство позволяет рассматривать капитализм как эталон частнособственнической общественно-экономической формации [10]. Провозглашение при капитализме священности частной собственности, являясь по существу признанием самоценности личности, ставит право в жизни общества на место морали. Вместе с тем, наличие эксплуатации, а также естественной инфляции и безработицы, которые имманентно свойственны капитализму, указывает на то, что капитализм в принципе не может быть социально справедливым обществом.

Однако при этом важно осознавать, что в капиталистической экономике и эксплуатация, и естественная инфляция объективно выступают для собственников основных средств производства не только источниками роста потребления, но также и стимулами к развитию производительных сил даже тогда, когда ещё нет предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления.

Принимая естественную инфляцию, следует иметь в виду тот факт, что в капиталистической экономике можно и нужно предложить методы

регулирования динамики производства, позволяющие избежать как спада производства на фоне падения цен на товары, так и стагфляции [2].

Таким образом, именно при капитализме будет достигнут потенциал науки и техники, обеспечивающий появление предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления. Поэтому капитализм не будет «концом истории». Классовая борьба неизбежно приведёт к идее общества без эксплуатации, в которой каждый трудящийся станет собственником всей произведённой им стоимости.

Общество с предлагаемыми отношениями собственности мы называем оптимальной экономикой, поскольку экономический базис в ней будет представлен союзом кооперативных собственников, а социальная база действия основного экономического закона в ней становится абсолютной. Вообще оптимальную экономику мы рассматриваем как идеальный вариант приватизированного производства, в котором реализуется идея социальной справедливости и равных возможностей. Причём при этом создаются более благоприятные условия для развития производительных сил, поскольку в ней могут быть предложены методы регулирования динамики производства, позволяющие избежать естественной инфляции. И поэтому в ней будет соблюдаться принцип точного соответствия между уровнем развития производительных сил и уровнем потребления [2].

При этом в оптимальной экономике могут быть предложены фундаментальные методы регулирования внешнеэкономической деятельности предприятий, обеспечивающие не только рост национального производства и его диверсификацию, но и национальную безопасность. Кроме того, в мировой экономике, представленной только оптимальными экономиками, внешнеэкономическая деятельность может осуществляться на основе национальных валют, поскольку в них не будет инфляции [4].

2. Об истоках нового знания и поиске истины в науке

Мы исключаем возможность сугубо логического познания законов природы и общества и считаем, что исходными в познании объективно выступают только внелогические предположения о причинно-следственной или иной обусловленности явлений. А процесс познания характеризуется тем, что выработанные внелогическим мышлением предположения о причинно-следственной или иной обусловленности явлений каким-то образом переводятся на язык сознания [3].

Заявленный подход к осмыслению проблем познания позволяет нам подвергнуть сомнению истинность представлений, при которых задачу науки сводят лишь к ответу на вопрос «Как?» и отвергают необходимость для неё давать ответ на «философский» вопрос «Почему?» [5].

Полагая же, что исходным в познании может быть только наперёд заданное внелогическое знание, мы, по существу, утверждаем, что именно оно и выступает итогом попыток исследователя дать ответ на вопрос «Почему?»

Следует отметить также, что мы не склонны мистифицировать способность к внелогическому мышлению ни в духе А.Бергсона [1], ни в духе А.Тойнби [8]. Считая её всего лишь рутинной способностью человека, мы стоим на той точке зрения, что за создаваемыми на основе внелогического мышления предположениями может вовсе и не быть никакой реальности.

Последнее обстоятельство, видимо, наилучшим образом иллюстрирует история сугубо умозрительных (философских) построений о сущности мира и общественного бытия. Действительно, философские исследования не привели к появлению некоей науки с общепринятыми и свойственными только ей предметом и принципами исследований, как это произошло в науках естественных, где стало правилом испытание выдвигаемых гипотез вопросом «Как?»

А наиболее убедительным доказательством способности человека к формированию внелогических предположений о причинно-следственной зависимости служит существование религиозного знания. Мы имеем в виду, что основу этого знания составляют такие причинно-следственные связи, которые в принципе нельзя испытать вопросом «Как?»

В пользу же истинности утверждения о внелогических истоках научных причинно-следственных гипотез свидетельствует, хотя и косвенно, опыт современной науки. В ней важнейшими методологическими принципами признаны испытание (на основе логики, математики и эксперимента) выдвигаемых гипотез вопросом «Как?» и верификация, то есть установление непосредственно опытным путём достоверности испытанного вопросом «Как?» знания.

Испытывая гипотезу вопросом «Как?» исследователь, несомненно, пытается доказать её истинность, объективно тем самым связывая её формирование с внелогическим знанием. Такое положение дел в познании получило отражение в известной формуле: нет логики научного открытия.

Но даже верифицированное знание в науке не принято квалифицировать как истину на все времена. Имея в виду, что испытание вопросом «Как?» и верификация лишь подтверждают гипотезу, но не дают доказательств того, что она воплощает исчерпывающее знание об изучаемом явлении. Однако претендовать на абсолютную истину может всё-таки только верифицированное знание.

Опыт научных исследований свидетельствует также о том, что исходными гипотезами в процессе познания могут выступать внелогические предположения не только о причинно-следственной обусловленности явлений. Таковыми, в частности, могут быть и предположения о спонтанно вероятностной природе явлений.

Но драма последних состоит в том, что в них объективно «выпадает» этап испытания гипотезы вопросом «Как?» Поэтому даже самая строгая демонстрация факта, подтверждающего, что явление имеет такую вероятностную природу, оставляет место для вопроса: не является ли предположение об отсутствии причинно-следственной или верифицируемой

вероятностной зависимостей лишь следствием неполноты исходных знаний о факторах, обуславливающих явление? А вопрос этот вполне закономерен, если учитывать, что исходные внелогические предположения своими истоками имеют непосредственные наблюдения, в круг которых входят и эти факторы.

Потенциальную возможность поставить таким вопросом под сомнение гипотезу о спонтанно вероятностной природе явления можно квалифицировать как методологическое проклятие. Блестящую интерпретацию этой методологической проблемы дал А.Эйнштейн, заявлявший, что бог не играет в кости.

Наконец, способность к внелогическому мышлению позволяет человеку выдвигать предположения и об отсутствии у тех или иных явлений как причинно-следственной, так и вероятностной обусловленности. Однако такого рода гипотезы, равно как причинно-следственные и вероятностные гипотезы, которые в принципе нельзя испытать вопросом «Как?», не следует рассматривать, поскольку есть все основания полагать, что за ними вовсе и нет никакой реальности. Вообще, внелогическое мышление можно рассматривать лишь как попытки угадать сущность наблюдаемых явлений.

В этой связи здесь уместно коснуться феномена марксистской философии. Как известно, диалектический материализм претендует на открытие законов развития, общих для природы, общества и мышления [6]. Но его «законы» и составляющие их основу гипотезы нельзя испытать вопросом «Как?» в части внелогического мышления.

Поэтому диалектический материализм должен отказаться от претензий как на знание законов развития, общих для природы, общества и мышления, так и на открытие диалектической логики, противопоставляемой марксистами логике формальной.

Такое положение дел лишает марксистскую философию её предмета, одновременно свидетельствуя о невозможности универсального метода познания.

Познание законов природы, общества и мышления может быть делом только соответствующих конкретных наук. При этом в конкретных научных исследованиях «законы» диалектического материализма могут рассматриваться лишь как гипотезы, ждущие своего испытания вопросом «Как?» Исследования же, не опирающиеся на принятую в естественных науках методологию получения нового знания, способны породить опасные для природы, общества и человека химеры.

Отвергая претензии диалектического материализма на знание законов развития, общих для природы, общества и мышления, мы отвергаем тем самым и представления (свойственные, впрочем, не только марксизму) о единстве законов природы и мышления.

Мы полагаем, что нет абсолютно никаких оснований априори принимать идею как о причинном, так и о вероятностном характере законов природы и общества.

Верно лишь то, повторяем, что в процессе познания исходные гипотезы объективно выступают внелогическими предположениями о причинно-следственной или иной (в том числе и вероятностной) обусловленности явлений. Причём эти предположения, как мы отметили выше, естественно считать лишь попытками угадать сущность наблюдаемых явлений.

И поэтому только открытие таких причинно-следственных и вероятностно обусловленных зависимостей, которые можно испытать вопросом «Как?» и верифицировать, позволяет исследователю претендовать на познание абсолютной истины. На наш взгляд, именно такой смысл следует вкладывать в принятую в естественных науках формулу, что истина может быть лишь одна.

«Истины» же, полученные на других путях исследований, – от лукавого.

Впрочем, мы не исключаем возможности существования явлений фатальных, то есть явлений, которые в принципе не могут быть истолкованы логически и относительно которых уместна формула: существуют, потому что существуют. Но не более того.

Что же касается активности внелогического мышления в формировании гипотез, то она стимулируется эстетической изошренностью индивидуума. Равно как существуют обстоятельства, подрывающие эффективность познавательной деятельности человека [3].

Но как бы ни складывались события, от познания причинно-следственных связей человек не отступится. И не только потому, что их открытие – это самый радикальный путь познания абсолютной истины, но и потому, что лишь на основе такого знания человек сможет совершенствовать производство и тем самым обеспечить реализацию стремления к безграничному росту потребностей.

3. Социология: есть ли у истории законы?

В познании логики истории, отождествляемой нами с логикой развития общественно-экономических формаций, мы разделяем представления З.Фрейда, выражаемые им в формуле «психология предопределяет историю» [9]. И не разделяем взглядов К.Маркса, которые формулируются в диаметрально противоположном суждении – «история предопределяет психологию». По этой причине мы отвергаем идею К.Маркса, сводимую к формуле: каждой ступени развития производительных сил соответствуют определённые производственные отношения.

На наш взгляд, эта идея носит крайне объективистский характер и чревата по этой причине вульгарным социологизмом, исходящим из обусловленности психологии человека производственными отношениями.

Но, отдавая должное исследованиям З.Фрейда, которые позволили признать бессознательное объективным фактом, мы не принимаем его воззрений на природу бессознательного. В наших исследованиях природу бессознательного мы связываем со способностью человека к осмыслению мира в эстетических, то есть внелогических, категориях.

В конечном счёте, сформулированные нами представления о роли бессознательного в мотивации сознательной деятельности человека и о способности человека к внелогическому мышлению позволяют обосновать условия, при которых возможно существование социологии как естественнонаучного знания.

3.1. Обоснование монофакторной парадигмы исторического процесса

Есть ли у истории законы, подобные законам естественных наук? Чтобы получить ответ на этот вопрос, обратимся к статье, в которой излагаются взгляды известного социолога Ш.Н.Айзенштадта на проблемы познания истории. Ш.Н.Айзенштадт утверждает: «Никаких априорных «законов истории», наподобие законов в естественных науках, нет» [7, 73]. Утверждение, конечно, радикальное, но отнюдь не убедительное, поскольку возникает новый и естественный вопрос: что имеет в виду Ш.Н.Айзенштадт, говоря об «априорных «законах истории»? Ведь в любой науке, вопреки утверждению И.Ньютона, учёный принуждён «измышлять» гипотезы. Причём, как мы доказываем в наших исследованиях, может «измышлять» их только на основе внелогического мышления, за которым может вовсе и не быть никакой реальности. И в этом смысле любая гипотеза в любой науке действительно является в некотором смысле априорным знанием, независимо от того, является ли она итогом непосредственных наблюдений, как в естественных науках, или итогом осмысления исторических фактов.

На следующем этапе познания, обращаясь к анализу фактов уже на основе гипотез, учёный, прибегая к логике, математике и эксперименту, пытается испытать выдвинутую гипотезу вопросом «Как?». Далее знание, дающее ответ на вопрос «Как?», подвергается верификации. Конечно, даже относительно верифицированного знания нельзя сказать, что оно является абсолютной истиной, ибо верификация лишь подтверждает гипотезу, тогда как логического обоснования истинности самой гипотезы в принципе быть не может. Подобный «налёт» субъективизма неизбежно присущ научному знанию, что, однако не отрицает ни его объективного характера, ни возможности существования абсолютной истины.

Поэтому вполне ответственно можно утверждать, что любое исследование, выполненное по такой схеме, является объективным научным исследованием, даже если оно направлено на познание законов истории, и что какая-то существенная часть объективного мира им познана. Очевидно также, что на основе такого знания вполне возможно построение столь же объективных научных прогнозов, в том числе и прогнозов о тенденции исторического развития. Но, судя по цитате, которую мы приведём ниже, говоря об «априорных «законах истории», Ш.Н.Айзенштадт имеет в виду именно абсолютистские и прогностические притязания социогуманитарных наук.

Невозможность существования таких законов в истории обосновывается им так: «Ибо абсолютистские (и стало быть прогностические) притязания

социогуманитарных наук объективно ограничиваются неведомой для наук естественного цикла объективной сложностью содержания, равно как и тем обстоятельством, что само человеческое сознание, соприсутствующее в социоисторической реальности, не имеет жёсткой и фатальной динамики» [7, 73].

Итак, существование законов истории, подобных законам в естественных науках, невозможно по причине объективной «сложности содержания». Довод этот, конечно не основательный. Из него вовсе не следует, что законы истории познать невозможно. Тем более что «сложность содержания» объективно является стимулом к тому, чтобы их познать.

Что же касается утверждения, что человеческое сознание не имеет жёсткой, фатальной динамики, то это утверждение ошибочно. Здесь будет уместно отметить, что попытки подорвать фатальную динамику сознательной деятельности человека предпринимались в социальных утопиях. Познавательные истоки социальных утопий мы обнаруживаем в том, что в них игнорируются эстетические, то есть бессознательные истоки мотивации человеческой деятельности.

Напротив, адепты социальных утопий, разделяя в тех или иных представлениях идею о «пластичности» психологии человека, преодоление социальных проблем в обществе связывают с ограничением индивидуализма. Практические же последствия социальных утопий мы видим в том, что в реализуемых в них производственных отношениях отвергается идея естественного права индивида на собственность. Независимо от того, реализуется ли оно в форме священности частной собственности, либо в форме священности собственности индивида на всю произведённую им стоимость.

Ограничение стремления индивида к безграничному росту потребностей объективно неизбежно в таких обществах. И это приводит в них как к психологическому насилию над личностью, так и к неизбежному становлению в таких обществах тоталитарных государств. Поэтому крах всех существовавших утопий может рассматриваться как свидетельство истинности идеи о фатальной динамике человеческой деятельности.

Учитывая это, задачу общественных наук мы видим в том, чтобы понять бессознательные истоки мотивации деятельности человека и освободить человека от борьбы с ними, помогая тем самым индивиду обрести психологическую опору в реализации его стремлений. Наконец, Ш.Н.Айзенштадт также полагает, что: «Множественность, сложность и разнонаправленность социоисторических детерминаций ставит под вопрос железные монофакторные концепции социоисторического детерминизма» [7, 73].

На наш взгляд, напротив, понимание бессознательных истоков мотивации сознательной деятельности человека ставит общественные науки в один ряд с естественными науками в том пункте, что и здесь истина может быть лишь одна. То есть и в общественных науках стремление познать истину реально

достижимо только на основе монофакторной парадигмы социоисторического процесса.

3.2. Цивилизационная теория А.Тойнби

Конечно, мы отвергаем вульгарно-социологический детерминизм, на котором настаивал К.Маркс, пытаясь обосновать логику развития общественно-экономических формаций. Но мы не принимаем и релятивизм как способ исследования проблем истории.

Как известно, сторонники цивилизационного подхода к истории решительно противятся идее существования единой истории человечества. Так, по А.Тойнби, не существует единой истории человечества, а есть лишь история отдельных цивилизаций [8].

Это положение А.Тойнби мы интерпретируем так: исходный постулат адептов цивилизационного подхода к истории зиждется на идее уникальной спонтанности мотивации человеческой деятельности. Иначе говоря, они полагают, что мотивацию человеческой деятельности не только нельзя истолковать как явление монофакторное, но и что невозможна и вероятностная оценка отдельных её состояний.

Вместе с тем любые предположения о существовании явлений, не имеющих ни причинно-следственной, ни вероятностной обусловленности, в науке не должны рассматриваться, поскольку за ними может вовсе и не быть никакой реальности.

Поэтому у нас нет сомнений в том, что декларируемая адептами цивилизационного подхода к истории уникальная спонтанность мотивации деятельности человека должна быть отнесена к такого рода предположениям. Именно с ошибочностью таких представлений мы связываем гносеологические истоки несостоятельности концепции цивилизационного подхода к истории.

В этой связи можно считать, что у адептов цивилизационного подхода к истории, по существу, нет концепции мотивации человеческой деятельности. Однако социологию, которая не может предложить такой концепции, нельзя считать научной.

Таким образом, проблема состоит в том, чтобы при познании смысла истории противопоставить детерминизму К.Маркса детерминизм, обусловленный бессознательными истоками мотивации деятельности человека.

Принято считать, что А.Тойнби удалось осуществить синтез двух способов моделирования истории – циклического и линейного. При этом линейная составляющая связывается у него с прогрессом человечества в духовной сфере, с религиозной эволюцией от примитивных верований через универсальные религии к единой синкретической религии будущего. А функцию богоискания, понимаемого как основная потребность человека, у А.Тойнби выполняет интуиция. То есть, этически нейтральная у А.Бергсона [1], интуиция у А.Тойнби приобретает моралистическую окраску. И хотя А.Тойнби справедливо настаивает на том, что природа человека – это постоянный

элемент истории, ему не удалось, на наш взгляд, её понять. Он, несомненно, считает, что мотивация деятельности человека не имеет несводимой к этическим категориям природы.

Отсюда у А.Тойнби гипертрофированное внимание к религии в качестве источника нравственного совершенствования человека и общества.

Но основная потребность человека – это перманентное стремление к безграничному росту потребностей, обусловленное его способностью к эстетическому восприятию мира.

Понимание этого позволяет нам принять идею о самоценности человека, а также признать, что экзистенциальная свобода для человека выражается в деятельности, позволяющей не только реализовать стремление к безграничному росту потребностей, но и, в идеале, доставляющая эстетическое наслаждение.

Поэтому человек пребудет не верой, а экзистенциальной свободой, поскольку лишь эстетическая изощрённость служит залогом нравственного возвышения человека и общества. Ибо не страх не быть таким, каким должно быть, а эстетические переживания, связанные с альтруистическими поступками, выступают фундаментальной основой естественного пути становления нравственного общества.

Ложное понимание человека не позволило А.Тойнби понять и роль демократического национального государства в реализации свободы личности, а также того, что не существует альтернативы национальным государствам [2].

Считая социальные процессы, последовательно происходящие в цивилизациях, аналогичными, он пытался вывести на этом основании также и некоторые эмпирические законы общественного развития. Полагая, что общественное развитие предопределяется логикой действий людей «двух сортов», составляющих любое общество. Вместе с тем исторический опыт и теория дают достаточно оснований для того, чтобы считать ошибочными такие представления.

На наш взгляд, к истинному пониманию законов общественного развития все-таки ближе идея, воплотившаяся в классической формуле: история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

4. Профсоюзы и политические партии: за кем будущее?

Силой, способной осуществить переход к оптимальной экономике (естественно, только при наличии предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления), могут быть лишь профсоюзы [2]. В ходе классовой борьбы именно они призваны добиться самого радикального её завершения: превращения каждого трудящегося в собственника основных средств производства, им созданных, а профессиональных союзов в союзы кооперативных собственников. Поэтому в оптимальной экономике исчезают обстоятельства, обуславливающие объективную необходимость политических партий.

Обстоятельства эти – наличие в обществе класса собственников основных средств и класса наёмных работников и в связи с этим существование эксплуатации человека человеком. В этих условиях только классические политические партии буржуазного толка могут реально осуществлять, на основе некоего компромисса между классами, государственную власть. Такие партии не отождествляют разделение общества на классы с разделением его на сорта, а возникающие в обществе социально-экономические проблемы не связывают с борьбой людей разного сорта. Все иные политические партии – это исторически деструктивные политические феномены.

Тот факт, что в оптимальной экономике не будет эксплуатации человека ни человеком, ни государством, позволяет реализовать в ней идею существования государственной власти в форме работающей корпорации, то есть одновременно законодательствующей и исполняющей законы. А поскольку экономический базис в ней будет представлен союзом кооперативных собственников, то такую работающую корпорацию естественно именовать Союзом кооперативных собственников.

Литература

1. Бергсон А. Дж. Творческая эволюция. – М.: 2006.
2. Козиенко Н.П. Оптимальная экономика как воплощение идеи социально справедливого общества // Российское перестроение: неэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм / Под ред. Ю.М. Осипова, И.Р. Бугаяна, Е.С. Зотовой. М.; Ростов н/Д., 2017. – 378 с.; С. 99-108.
3. Козиенко Н.П. Наука, искусство, религия: подходы к познанию и предназначение. // Философия хозяйства. 2016, № 1. http://philh.ru/images/nomera_jurnalov/_1_2016.pdf – С. 228-238.
4. Козиенко Н.П. Экономика возрождения России: на каком фундаменте её строить? // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности. Сб. науч. трудов / Под ред. д-ра. экон. наук, профессора Сорокина Д.Е., д-ра. экон. наук., доцента Альпидовской М.Л. – Краснодар, 2017. – 494 с.; С. 477-479.
5. Конт О. Общий обзор позитивизма. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011.
6. Маркс К. О диалектическом и историческом материализме: Сборник. – М.: Политиздат, 1984.
7. Рашковский Е. Ш.Н.Айзенштадт: противоречия конвергирующего мира. // Мировая экономика и международные отношения. 1991, №10. – С. 72-83.
8. Тойнби А.Дж. Постижение истории: Сборник. – М.: Аспект-Пресс, 1996.
9. Фромм Э. Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов К.Маркса и З.Фрейда. – М.: Айрис-пресс, 2005.
10. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. – М.: Прогресс, 1993.

Муравьева Л.А.

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ОТ КОМАНДНО- АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ К РЫНОЧНОЙ МОДЕЛИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Такие базовые ценности социалистического общества, как государственная собственность, общественные средства производства и коллективизм, соответствовали индустриальному периоду технологического развития. Советская экономическая модель строилась на прямом государственном

вмешательстве в хозяйственные процессы, высокой доли госсобственности, тяготении к крупным промышленным формам, слабо выраженных конкурентных началах. В индустриальную эпоху удавалось решать многие важные производственные и социальные задачи, включая подготовку квалифицированных кадров, рост производительности труда, ускоренный процесс урбанизации и обеспечение жизненно важных потребностей населения. Однако кризис индустриального общества, наступивший в развитых западных странах, советские ученые расценили не как системный, а очередной этап общего кризиса капитализма. На самом деле западный мир начал мучительный переход к постиндустриальному или информационному обществу, основанному на:

- новом технологическом укладе;
- современной экономике высоких достижений и технологий;
- переходе от капиталоемких к наукоемким отраслям промышленности.

Советский Союз упустил шанс эволюционной трансформации экономики. Это обстоятельство было связано с особенностями советского экономического уклада, в котором доминировали три главные черты.

Во-первых, институциональная жесткость, базирующаяся на устанавливаемых централизованно показателях, преимущественно количественных [4, 3-160].

Во-вторых, отсутствие механизма обратной связи между властью и обществом.

В-третьих, зависимость советской системы от природных ресурсов, преимущественно нефтегазового комплекса, которая только нарастала с каждым десятилетием.

Структурный кризис, с которым западные страны столкнулись в середине 1970-х гг., в СССР особенно ярко проявился во второй половине 1980-х гг. Начавшаяся «перестройка» была направлена на преодоление системного кризиса, охватившего все жизненные сферы. Советская страна переживала кризис коммунистической идеологии. Проводимая экономическая политика привела к развалу бюджетной и денежной систем, к высоким темпам инфляции, к падению производства. Все эти процессы проходили в условиях ослабления позиций государства. Каждый из этих кризисов в отдельности не был уникальным и фатальным для страны, но их одновременность и переплетение привели к специфической трансформации, переросшую в уникальную революционную форму. Провал экономических реформ перестроечного периода привел страну к полномасштабному кризису экономики. За последние десятилетия наша страна прошла через глубокий макроэкономический кризис, преодоление которого потребовало трансформации всей институциональной системы общества. Отказ от ортодоксальной коммунистической доктрины и гласность усилили интересы различных групп и ослабили центральную власть.

Основным содержанием следующего периода стал переход от государственной социалистической модели хозяйства к постсоветской

рыночной модели экономики Российской Федерации. Создание базовых институтов рыночной экономики проходило сначала в условиях либерализации, а затем стабилизации – денежной, бюджетной и политической. Любой переходный период имеет определенные закономерности, вытекающие из контекста событий, обстоятельств и намерений. К закономерностям российского переходного периода можно отнести следующие:

- неустойчивость, неравновесность и нелинейность процессов;
- наличие альтернатив при проведении назревших реформ и изменений;
- появление временных форм в правовой и институциональной сфере в силу противоречивости и неустойчивости переходного времени.

В трансформационный период наблюдается ослабление государственных структур, на фоне чего особенно отчетливо выступают противоречия в целях, намерениях и ожиданиях различных общественных сил и групп. Такая разобщенность и общественно-социальная разногласия в борьбе за одни и те же ресурсы приводит к созданию неустойчивых и временных коалиционных объединений, осложняет достижение консенсуса и выработку линии государственной политики в интересах большинства. Основной водораздел экономических интересов проходит между группами экспортно-ориентированных и импортозамещающих отраслей [5, 25-41].

Радикальные реформы по переходу России к рыночной экономике были разработаны осенью 1991 г. и включали такие главные позиции, как либерализацию экономики, макроэкономическую стабилизацию и приватизацию. России предстояло заново создать институциональную основу рыночной экономики. В основе программы радикальных экономических преобразований лежали методы западной «шоковой терапии». Ее принципы были сформированы в конце 1990-х гг. МВФ и Всемирным банком для развивающихся стран и стран Восточной Европы под влиянием рекомендаций западного сообщества – «Вашингтонского консенсуса». Рекомендованная шоковая терапия была применена к российским условиям группой экономистов во главе с Е.Т.Гайдаром. Программа экономического обновления предусматривала совершение определенных последовательных действий: либерализацию цен, создание механизма конкуренции между отраслями промышленности и предприятиями, ослабление государственного контроля за торговлей, широкую приватизацию и акционирование основных государственных средств в промышленности и сельскохозяйственном производстве. В результате большая часть населения должна была превратиться в собственников и предпринимателей, а социально незащищенные слои населения – получить адресную помощь от государства.

Реализация программы началась с либерализации цен, т.е. введения свободных цен на товары и услуги. По мнению реформаторов, отпуск розничных цен приведет к их умеренному росту на внутреннем рынке. Если поначалу цены выросли в среднем в 10-12 раз, то к концу 1992 г. – в 100-150 раз, что резко понизило жизненный уровень большинства россиян. Резкое повышение цен съело денежный навес и создало условия для проведения

активной антиинфляционной политики. Но этого не было сделано. Правительство боролось с инфляцией заморозкой тарифов на электричество, газ и коммунальные услуги, которые были и ранее дотационными. Такая мера сохраняла структурный диспаритет цен и разрыв в рентабельности отдельных секторов экономики. Неадекватность эмиссионной политики состояла в том, что она ориентировалась на избыточность денежной массы, а генератором инфляционных процессов на самом деле выступали падающий курс рубля и спекулятивные операции с валютой [2, 128, 129, 130].

Начался кризис взаимных неплатежей промышленных предприятий. Сумма взаимных долгов исчислялась триллионами рублей. Хронически не выплачивалась заработная плата работникам. Предоставление предприятиям льготных кредитов раскрутило маховик инфляции. Жесткая кредитная политика сменилась ростом денежной массы в обращении, что привело к падению курса рубля. Либерализация торговли в широком масштабе усилила спекулятивные тенденции в торгово-закупочной сфере за счет разницы между низкими закупочными ценами и высокими розничными ценами свободного рынка. Наконец, важной задачей макроэкономической модернизации стали акционирование и приватизация. Чековая приватизация мыслилась как громоотвод негативных экономических последствий от проведенных мер и механизм создания среднего класса – слоя акционеров-собственников. К сожалению, продажа приватизационных чеков номинальной стоимостью в 10 тысяч рублей по невысоким ценам населению не дала ожидаемого эффекта ни по одному из намеченных параметров, но была отмечена массовыми злоупотреблениями.

Не сложно заметить, что результаты первого года реформ отличались значительной противоречивостью. К положительным сторонам реформационного периода следует отнести насыщение рынка товарами, постепенное формирование рыночных отношений, появление слоя предпринимателей. Вместе с тем шоковая терапия не привела к повышению темпов экономического роста; усилила социальное напряжение в обществе в результате его расслоения на бедных (70-80%) и богатых; спровоцировала рост цен и инфляцию, приведшую к расстройству финансовой системы; привела к увеличению смертности и снижению рождаемости. Наконец, нанесла удар по внерыночным сферам – науке, образованию, медицине, культуре. Отечественная промышленность столкнулась с утерей кооперативных связей и товаропроводящих сетей. В создавшихся условиях торговля переориентировалась на дешевый импорт, и национальные товаропроизводители были вытеснены из торговой сети.

В этих условиях произошла смена правительственного Кабинета, новый глава которого В.С.Черномырдин подтвердил сохранение вектора на рыночные реформы, но в условиях умеренности и большей сбалансированности преобразований. Предполагалось снизить инфляцию экономическими методами, поддержать перспективные отрасли народного хозяйства. Правительство перешло ко второму этапу приватизации – денежному на основе

купли-продажи акций частных и акционированных предприятий на биржах для создания рынка капиталов. Государство контролировало уровень инфляции и состояние производства. Тем не менее стабилизация промышленного производства требовала все больших бюджетных средств, что продолжало раскручивать виток инфляции. Для поддержания курса рубля пришлось вводить «валютный коридор», но эта мера не остановила рост цен. Относительное благополучие было заметно в сырьевых отраслях добывающей промышленности. Наибольшие трудности испытывало машиностроение и наукоемкие производства. Одним из источников пополнения государственного бюджета стало привлечение средств от реализации программы приватизации на основе залоговых аукционов, по которым осуществлялась продажа государственного пакета акций крупнейших промышленных предприятий страны во временное управление частным компаниям, имеющим финансовые ресурсы, на конкурсной основе. В результате проведения залоговых аукционов доля частного сектора в производстве ВВП достигла почти 80%. Все перечисленные меры, включая регулирование конвертируемости российской национальной валюты, позволили добиться денежной стабилизации и провести в январе 1998 г. деноминацию рубля в соотношении 1000:1. Однако структурный экономический кризис августа 1998 г. потребовал от Центрального банка еще более жесткого финансового регулирования и заключения соглашения об отсрочки выплат по внешним долгам.

Сложность разрешения противоречий переходного периода легко может обеспечить сползание в авторитаризм. Высокий уровень образовательного и интеллектуального развития российского общества, развитая городская цивилизация, а также формирование постиндустриального общества помогли нашей стране удержаться на демократических позициях. Главным инструментом и ядром устойчивого обновления советского общества выступила российская Конституция 1993 года, отразившая целевую установку новой созидательной модели и ее главные характеристики, направленные на формирование устойчивого и саморегулирующегося типа социально-экономического общества.

Трудные 1990-е гг. завершились достижением заметных результатов, связанных с созданием новых институциональных форм; решением макроэкономических проблем, давших устойчивую валюту и сбалансированный бюджет; проведением массовой приватизации, обеспечившей переход к рыночной экономике. Конец 1990-х, начало 2000-х гг. были отмечены наметившимся экономическим ростом. По темпам экономического роста наша страна вышла на лидирующие позиции в мире при значительном отставании в рейтинге глобальной конкурентоспособности. Российской экономики все еще не хватает устойчивости экономического роста, соответствующего уровня производительности труда, окончательно сформированной институциональной среды, поддержки бизнеса и благоприятной ценовой динамики.

К сожалению, за 1990-е гг. мы провели масштабную деиндустриализацию нашей страны. Причем сделали это не по лекалам западных стран, когда производство промышленно развитых стран переносится в места с более низкой зарплатой и дешевым сырьем, а по рецептам Мирового банка для стран третьего мира и перестали развивать обрабатывающую промышленность. Россия резко сократила сельскохозяйственное машиностроение, производство гражданских самолетов, военной техники. Потеряна продовольственная и лекарственная безопасность, создана сырьевая экономика, обеспечивающая развитые страны природным сырьем. По мнению новосибирского экономиста Г.Ханина, «за двадцать лет произошло беспрецедентное ... сокращение основных фондов, т.е. материальной базы экономики. Часть этих фондов разрушена и растащена, сдана на металлолом, часть крайне изношена» [1, 3]. Это произошло вследствие недостаточно проявленного интеллекта, надежды на помощь «заграницы» и моральной усталости нации. Наша страна и экономика нуждаются в срочной реиндустриализации и модернизации. Этот маневр требует большой умственной работы, воли и твердости, но его необходимо совершить. На основе современных достижений и технологий нужно развивать обрабатывающую промышленность, так как только на ее основе формируется богатство страны и народа, о чем свидетельствует мировая экономическая история. Только развитая, многоотраслевая и динамичная обрабатывающая промышленность обладает деятельностью с возрастающей отдачей. Растет производство – снижается себестоимость единицы продукции. Добывающая промышленность, как и сельское хозяйство, представляют собой деятельность с убывающей отдачей. Расширение производства требует все больше трудовых и денежных затрат. Только страна с развитой обрабатывающей промышленностью способна прокормить и обеспечить высокий жизненный уровень значительному числу населения. Промышленно развитая страна нуждается в образованных людях и квалифицированных работниках, которые всегда найдут применение своим навыкам и талантам. Так страна сохраняет человеческий капитал. Предпринимателей и весь народ надо повернуть к реальному экономическому сектору.

Известный норвежский экономист Э.С. Райнерт подробно и глубоко исследует континентально-европейскую и англо-американскую концепции развития стран. История экономического развития стран от Возрождения до наших дней убедила его, что в основе процветания лежит сочетание государственного вмешательства, протекционизма и инвестиций, а не свобода торговли. Он пишет: «...у истоков успешного развития лежит то, что экономисты просвещения называли эмуляцией (*англ. emulation*), а вовсе не сравнительное преимущество или свобода торговли». Изучая причины бедности и богатства стран, автор пришел к выводу, «что все богатые страны разбогатели ..., используя одну и ту же стратегию, – они отказались от сырьевых товаров и убывающей отдачи ради обрабатывающей промышленности и возрастающей отдачи». В настоящее время подобная тактика запрещена развивающимся странам с 1990 г. Вашингтонским

консенсусом, который требует от других стран либерализации торговли, иностранных инвестиций, дерегулирования и приватизации. Райнерт также критикует чикагскую экономическую школу, сторонники которой выступают против правительственного вмешательства в экономику. В реальности и мэры Чикаго и Администрация Вашингтона тратят миллионы и миллиарды долларов на создание инкубаторов для наукоемких производств, на займы и гарантии в поддержку частных производств [7, 24,38, 43, 51-52].

Возникшие в России проблемы современности можно понять и объяснить с помощью теории конкурентных преимуществ М.Портера и теории экономических циклов Н.Д.Кондратьева. Конкурентоспособность страны в глобальном мире зависит от национальной конкурентоспособности, уровень которой в свою очередь тесно связан с эффективностью государственных институтов. Для того чтобы созданные заново государственные институты стали эффективными требуется определенное время для их становления, развития и социально-экономической эволюции. Россия пока еще не прошла полностью этот временной период и не завершила трансформационные процессы политических и экономических институтов. Что касается экономических циклов развития, то здесь наблюдается определенное рассогласование развитых стран Запада и всех остальных государств. Более раннее вступление этих стран в стадию постиндустриального развития способствовало синхронизации фаз их кризисных циклов в отличие от стран остального мира. Глубина и многогранность российского экономического кризиса не позволили добиться в короткие сроки необходимой зрелости новых государственных образований. Президент России неоднократно говорил о необходимости создания условий для инновационной деятельности. Наиболее известны два проекта последних лет – «Сколково» и «Роснано». Оба вызывают критику специалистов за слабость результатов при больших затратах [6, 7].

О параметрах зрелости государственных институтов речь идет в документе «О стратегии развития России до 2020 года», с которым Президент Российской Федерации В.В.Путин выступил на расширенном заседании Государственного совета. К ним можно отнести макроэкономическую безопасность, технологическое развитие экономики, эффективное функционирование институтов, создание национальной инновационной системы, опирающееся на одно из наших «главных конкурентных преимуществ – на реализацию человеческого потенциала, на наиболее эффективное применение знаний и умений людей для постоянного улучшения технологий, экономических результатов, жизни общества в целом» [3, 157].

Переход России к инновационной экономике в современных условиях затрудняют разногласия в выборе модели экономического развития. По меньшей мере, можно выделить три основных конкурентных направления. Два из них мыслят дальнейшее развитие в рамках индустриального общества, но с разной направленностью – экспортно-сырьевой и высокотехнологической. Третья модель относится к постиндустриальной инновационной. При этом модели находятся не в равнозначном положении. Если экспортно-сырьевая

модель в настоящее время выступает доминантой экономического развития, то инновационная больше осознается как необходимость будущего развития в умах и теориях. Не самые удачные и результативные либеральные реформы российской экономики породили определенное разочарование в обществе и активизировали настроения, связанные с усилением роли государства в будущем экономическом развитии. В таких условиях особенно важна точная и хорошо продуманная экономическая стратегия, которая обеспечит инновациям государственную поддержку и в то же время поддержит и расширит пространство свобод, в том числе и экономических, разбудит инициативу и творческую энергию масс и сумеет сдерживать влияние инерционной силы предыдущих экономических моделей. Для этого следует четко обозначить конечную цель и выбрать оптимальные пути и методы ее достижения. Успешность реализации поставленных задач будет зависеть от способности власти добиться социальной консолидации и умения проверять результаты с помощью механизмов мониторинга и каналов «обратной связи» результатов социально-экономического развития и общественных настроений.

Литература

1. *Воеводина Т.* Новая индустриализация? // Литературная газета. 2013. №46 (6439) 20-26 ноября.
2. *Гринберг Р. С.* Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: ИНФРА-М. 2012. – 416 с.
3. История экономики СССР и России в конце XX века (1985-1999) / Под общ. ред. А.А. Клишаса (Т.А. Дробышевская, В.А.Мау, С.М.Шахрай, А.А. Яник). М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2011. 272 с. – (История современной России).
4. *Мау В.А.* В поисках планомерности: Из истории развития советской экономической мысли конца 30-х и начала 60-х годов. М.: Наука. 1990. -160 с.
5. *Мау В.А.* Экономическая реформа и политический цикл в современной России. // Вопросы экономики. М.: 1996. №. 6.
6. *Орленко Л.П.* Экономика России XXI века. От капитализма к социализму. М.: Алгоритм. 2014. – 256 с.
7. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2014. -384 с.

Серегина Т.Н.

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ.

Цивилизация в начале XXI века вступает в новую эпоху, эпоху четвертой промышленной революции. Основной, фундаментом любой цивилизации, ее характеристикой выступают ценностные ориентации и императивы. В современной науке учеными предложено множество формулировок культуры: от традиционной для советской науки деятельностный до игровой, символической. Мир эпохи четвертой промышленной революции – это глобальный мир, он формируется и как глобальный процесс он инкорпорирует

в себя все государства, общества и цивилизации, ни один феномен не может остаться в стороне от этого процесса, сейчас можно говорить только о степени участия в этом процессе. Важным вопросом является вопрос о его характеристиках, свойствах этого нового мира. Культура как ядро любой эпохи предлагает набор ценностей и именно такое определение становится актуальным и практически применяемым, определение которое полно отражает сущность перемен современного общества.

Перед современной философией стоит проблема решения традиционных для всех эпох и цивилизаций вопросов, но в условиях новых технологических реальностей. Прежде всего это проблема новых типов коммуникаций и связанных с ней проблем ценностей и форм идентичности.

Неокантианцы фрейбургской школы В. Виндельбанд и Г. Риккерт создали теорию ценностей как основу общественного развития. Риккерт выделил классы ценностей: жизненные и культурные, а также подклассы логические, метафизические, этические, эстетические. М. Шелер показал иерархию ценностей: от чувственных к жизненным, духовным, морально-правовым, гносеологическим к религиозным ценностям. Б. Ерасов выделяет: «1) витальные - жизнь, здоровье, безопасность, благосостояние и т.д.; 2) социальные - семья, дисциплина, трудолюбие, предприимчивость, богатство, равенство, патриотизм и пр.; 3) политические - гражданские свободы, законность, конституция, мир и др.; 4) моральные - добро, любовь, честь, порядочность, уважение к старшим, любовь к детям и т.п. 5) религиозные - Бог, Священное Писание, вера и пр.; 6) эстетические – красота, стиль, гармония и др.» [3; 122] В работе Г. Выжлецова выделяются «четыре класса ценностей: 1) духовные (в религии, нравственности, искусстве), 2) социальные (политические, правовые, моральные), 3) экономические и 4) материальные» [2; 75].

Классификация не по ценностям как объекту, а по носителю, субъекту ценностей представлена у М.С. Кагана. Он рассматривает их на разных уровнях «социально-групповом, межличностном, индивидуальном с учетом существующих между ними интегративных связей» [4; 133]. Ценности, понимаемые с учетом их носителей, называют ценностными ориентациями. Ценностные ориентации – это такие ценности, которые субъект готов реализовать в жизни. «Ценностные ориентации – элементы внутренней структуры личности, сформированные и закреплённые жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации, отграничивающие значимое от незначимого через принятие личностью определенных ценностей, осознаваемых в качестве рамки предельных смыслов и основополагающих целей жизни, а также определяющие приемлемые средства их реализации» [5; 798]. В современной философии все чаще акцент делают на сходстве и подобии ценностных ориентаций и ценностей, так как важна практическая составляющая и применимость в жизни ценностей. Ценностные ориентации делят на финальные, производные и инструментальные. Финальные ценности – это те ценности смысла и целей жизни, ради которых осуществляются все поступки, инструментальные

ценности – средства при помощи которых достигаются финальные ценности, это условия, при которых финальная ценность становится осуществимой, производные же ценности носят всегда прагматический характер, они характеризуются понятием польза.

Ценности, согласно Т. Парсонсу, представление о желательном, которое влияет на выбор модели поведения. Ценности могут утрачивать свою актуальность и значимость, они могут вступать в противоречие друг с другом, их значение зависит от социального субъекта, который выступает в роли носителя ценностей. Будучи институализированными, они становятся официальными нормами поведения, но при этом не институализированные нормы поведения, становясь частью общественного мнения, оказываются более влиятельными на ход истории или становление личности. Ценности придают общественной и культурной жизни форму и структуру, при помощи ценностных императивов, норм поведения мы можем регулировать общественную жизнь. Похожие мысли высказывал П. Сорокин, который считал ценности основой культуры и полагал, что ценности могут находиться в основе классификации общества культурные сверхсистемы он делит на три типа: идеациональный, чувственный и идеалистический.

Классификации ценностей: ценности, составляющие ядро культуры и периферийные (А.И. Ракитов); по модальности: позитивные и негативные; по содержанию: религиозные, политические, экономические, социальные и т.д.; по степени распространения (Ф. Клакхон): доминантные, варианты и девиантные.

Особое значение имеют ценности групповые, именно они становятся основной общественного мнения и нормами поведения. Такие ценности, чтобы стать основой общения, должны быть легитимизованы и институализированы. Т. Парсонс отмечал такое важное свойство в функционировании ценностных систем как связность - соответствие ценностей, стандартов и норм индивида и общества. Можно говорить о нескольких вариантах такой связности или коммуникации: гармоничное сотрудничество, компромиссные решения и осуществляемая на их основе деятельность и конфликтное поведение. Данные состояния обнаруживаются со всей очевидностью в ситуации кризиса, конфликта и разлома. Э. Дюркгейм вводит понятие аномии как состояние ценностного вакуума, когда старые ценности не актуальны и не функционируют, а новые общественные и культурные ценности в измененном мире, принимаемые обществом не выработаны.

Таким образом, можно говорить о том, что проблема ценностей и их классификации подробно изучается и все теории разбивают на две большие группы: релятивистскую, представители которой отрицают возможность объективного анализа и антирелятивистский позитивизм, считающий возможным существование науки аксиологии и возможности наук в изучении ценностей.

Культура - сложный феномен, но ценности составляют его ядро, все остальные составляющие культуры и феномены, входящие в нее, например,

исторический процесс, потребности, техника и технология, информация понимаются через призму ценностей, норм и оценок. Э. Тэйлор дал одно из классических определений культуры, которое актуально и сегодня: «Культура слагается в своем целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев, любых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [11; 18]. К этому определению в современном, глобальном, мире можно добавить только еще категорию коммуникации. Коммуникация и общение стали необходимой частью культуры, обмен ценностями и информацией — это способ существования и функционирования культуры. В результате формируется новая структура ценностей и новые типы культуры и новый образ повседневной жизни «ядро общечеловеческой культуры, синтезирующее конкретно-исторический, социокультурный, религиозный и другой опыт различных народов и государств» [1;57]. Это сложный процесс взаимопроникновения культур их синтеза, ассимиляции и унификации. Важнейшей задачей на современном этапе является процесс управления этими процессами и выработками основ культурной политики на государственном, цивилизационном, наднациональном и общечеловеческих уровнях.

Основным трендом, характерным для ценностной картины современного человека и его культуры становится ориентация не просто на счастье, доверие, качество жизни, образование, а глобальнее ориентация на постматериальные ценности. Термин введен Р. Инглхартом в 1977 году в работе «Тихая революция». Основной смысл книги в том, что отношение мира после второй мировой войны к проблеме безопасности изменилось. Мы, действительно, склонны чувствовать себя в безопасности, у нас нет страха перед будущим, хотя мы понимаем опасность экологических проблем или угрозу использования ядерного оружия, но при этом на микроуровне мы не чувствуем опасности голода, смерти от болезней, мы рассчитываем на защиту государства от социальных проблем. К постматериалистическим ценностям относят уменьшение доли ценностей политического, при этом для личности важно участие в политических процессах, повышенное внимание к проблемам качества жизни и при этом снижение внимания к проблемам собственности, реализация индивидуальности, необходимость реализации смысла жизни, который каждый формирует сам.

На основе исследований Инглхарта с 1981 года Всемирной ассоциацией оценки ценностей проводится Всемирный обзор ценностей, исследуют следующие ценностные ориентиры: «поддержка демократии, терпимость к иностранцам и этническим меньшинствам, поддержка гендерного равенства, роль религии и изменение уровня религиозности, влияние глобализации, отношение к окружающей среде, работе, семье, политике, национальной идентичности, культуры, разнообразия, отсутствия безопасности и субъективного благополучия» [8].

Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель сделали вывод, что основными ценностными параметрами, которые характеризуют общество являются

ценности и отношение людей к безопасности и отношение к традиционным ценностям. Россияне также были опрошены и перед нами следующая картина ценностных ориентаций современных россиян. Предпочтение отдается светским и рациональным ценностям, россияне выступают за гендерное равенство, занимают активную позицию в решении политических вопросов, склонны отстаивать свои гражданские права и свободы, но при этом россияне склонны стремиться к сохранению безопасности, а не к субъективной самореализации. Можно сделать два очень важных вывода: российское общество – общество секулярное и рационалистическое, толерантное и склонное к традиционным западным ценностям, но при этом не склонное к реформам и любым изменениям, развитию, так как это приносит элемент неопределенности и, следовательно, безопасности в их взаимоотношения, что в итоге негативно может сказываться в отсроченном результате.

Данные ВЦИОМ в 2017 году говорят о следующих ценностях россиян: главная ценность – здоровье, отношение в семье и безопасность, далее экологические ценности и ценности самореализации, затем идут ценности участия в политической жизни и последнее место занял карьерный рост как ценность, также россиян перестали волновать материальные ценности, что в целом стоит оценивать, как положительный момент – уверенность в будущем [9].

Российское государство предлагает гражданам в Конституции следующие ценности: права и свободы человека, гражданский мир, равноправие и самоопределение народов, патриотические ценности, ценности добра и справедливости, суверенитет и демократия как ценности.

В Федеральном государственном образовательном стандарте перечислены следующие ценности: патриотизм и гражданственности, солидарность, семья, здоровье, труд и творчество, наука и традиционные религиозные ценности, ценности искусства и литературы, природы.

Можно говорить о несовпадении ценностной картины, предлагаемой государством и институтами культуры и образования, и реальной ценностной картиной.

Анализируя тенденция формирования ценностной картины мира необходимо исходить не только из опросов или теоретических построений желаемого варианта общества, но из демографической ситуации, сложившейся в обществе. Необходимо помнить, что носителями ценностей выступают не абстрактные коллективы, а конкретные личности. Цифровая эпоха, которая названа Маклюэном «большой деревней» как никогда показывает значение отдельного человека и его индивидуальность. В современной России демографическая ситуация такова, что большинство населения – это взрослые от 35-60 лет, при этом доля женщин выше, чем мужчин. Именно поэтому все опросы показывают важность, значимость гуманистических ценностей, ценностей качества жизни, политические ценности солидарности, демократизма и гражданственности носят скорее дополнительный, функциональный характер.

Таким образом, можно говорить, что в современном мире, вступающем в новую эпоху пост-труда или постинформационную эпоху, меняются не только социальные и экономические условия жизни, это происходит объективно, эти изменения на поверхности и наблюдаемы, но также происходит и смена ценностной структуры, которая сложно наблюдаема и проверяема, трансформация ее малозаметна, но в отложенной перспективе более важна, значима и влиятельна, нежели техническая составляющая или политическая организация. Отношения между людьми, выстроенные на этой новой системе ценностей, определяют новый тип коммуницирования. По данным сотрудников Кенсингтонского университета, проведенных вместе со сервисом Yahoo!, коммуникации глобального мира пока происходят согласно теории цивилизации С. Хантингтона, но культурный мир – это та, сфера жизнедеятельности, которая подвержена глобализации в последнюю очередь, но ее влияние будет самым влиятельным, а в итоге мы получим новый тип и новое качество личности.

Литература

1. *Андрейчук Н.В.* Феномен глобализации и проблема культурного разнообразия социума. <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-globalizatsii-i-problema-kulturnogo-raznoobraziya-sotsiuma> (дата обращения 20.01.2018)
2. *Выжлецов Г.П.* Аксиология культуры. СПб., Изд-во СПбГУ, 1996. 152 с.
3. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология. Ч. 2. М., 1994. 240 с.
4. *Каган М.С.* Философская теория ценностей. СПб. ТОО ТК «Петрополис», 1997, 205 с.
5. Обзор мировых ценностей https://en.wikipedia.org/wiki/World_Values_Survey (дата обращения 23.12.2017)
6. Пресс - выпуск ВЦИОМ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116264> (дата обращения 25.12.2017)
7. *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., Издательство политической литературы. М., 1989. Политиздат. 573 с.
8. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., ООО «Издательство АСТ», 2004. 730 с.
9. *Inglehart R.* Modernization and post-modernization: cultural, economic and political change in 43 societies. Princeton: Princeton University Press. 1997, 464 p.

Скворцова Е.М.

ЧЕЛОВЕК В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПУТЬ К ОБЩЕСТВУ БУДУЩЕГО

Глобализация – процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых информационных технологий рубежа II-III тысячелетий. В этом ее отличие от интеграции, высшей стадией которой она является. Интеграция была и в ледниковый период, глобализация началась в 90-х годах XX века. Проще говоря – это переход от экономик отдельных стран к экономике международного масштаба, это завершающий этап интеграции стран, начатый после окончания Второй мировой войны. Глобализация – не есть нечто новое.

Экономическая история человечества полна поисками форм наиболее эффективного разделения труда, и в этом смысле, глобализация является, хотя и новой, однако ординарной страницей длинной летописи человеческих усовершенствований.

Сегодня промышленное производство носит международный характер, а деньги быстро и беспрепятственно перетекают из одной страны в другую. Торговле границы никогда не были помехой, а сегодня она является вторым, после информационного спарринга, фактором глобализации мира. При этом многонациональные корпорации сосредотачивают в своих руках огромную власть, а деятельность анонимных инвесторов может либо способствовать материальному процветанию, либо приводить к экономическому упадку в любой точке земного шара. Глобализация – это и причина, и следствие современной информационной революции. Потрясающие достижения в области телекоммуникаций, колоссальное расширение компьютерных возможностей и создание информационных сетей типа Интернет стимулируют процесс глобализации. Передовые технологии позволяют преодолевать любые расстояния. Однако последствия глобализации неоднозначны для разных стран. Нарастающая их взаимозависимость усиливает уязвимость мировой системы от локальных нестабильностей. Кому-то глобализация может принести огромную пользу, кому-то она приносит вред.

Современной России жизненно необходимо вписаться в мировые процессы интеграции, чтобы не отстать в своем экономическом развитии от передовых стран мира. Окажется ли наша страна способной настроиться на важнейшие процессы мирового развития? Некоторые предпосылки включенности в глобализацию у России есть. Несмотря на структурные диспропорции советской экономики и острый кризис переходного постсоветского периода, страна сегодня продолжает пользоваться научно-техническими достижениями Советского Союза, сохраняет запас квалифицированной рабочей силы и, самое главное, пока до конца не растратила свой духовный и интеллектуальный потенциал. То есть стартовые условия для смягчения нарастающего отставания от развитых стран, пользующихся плодами глобализации сегодня, у нас есть.

Вместе с тем Россия может гораздо больше, чем просто пассивно воспринимать процессы мирового развития, она обладает потенциалом их качественной трансформации, поскольку располагает особым духовным достоянием – человеком, чутким к чужой боли и способным к самоотверженному действию во имя общего блага. Именно эти качества всё более и более утрачиваются в настоящем мире. Медленнее они девальвируются в современной России. Процессу дегуманизации экономической эволюции человечество должно поставить непреодолимую преграду, если оно собирается жить дальше в гармонии с собой и миром.

Логика экономической жизни и её осмысление учеными подводят к мысли о недопустимости вычленения человека как экономического субъекта из целостной среды его обитания. Эта среда формируется не только экономическими связями людей, посредством которых создаются

материальные предпосылки их жизнедеятельности, но и определяется самой сущностью человека и характером его включенности в социальные, политические, культурные и межличностные отношения.

Модель человека в экономике нельзя построить, исходя из самой экономики, даже если её социологизировать, политизировать или психологизировать. Само понятие модели человека как некоего заданного набора свойств и связей есть лишь грубое допущение, эксплуатируемое наукой ради удобства процедуры исследования. Человек не предопределяется не историей, не культурой, не экономикой, и тем более никакая экономика не может сформулировать человека, ибо сама является итогом созидательной деятельности людей. Более того, ни одна условно допускаемая схема человека не может быть универсальной и неизменной во времени и пространстве в силу бесконечного многообразия историко-культурных взаимосвязей человечества и слабого уровня понимания людьми природы качественных скачков собственного развития, которые до сих пор не удается формализовать науке.

Из всех «измов» нашего времени экономике нужен только один – гуманизация, ни гуманитаризация, ни культурологизация, ни психологизация. Чтобы появилось настоящее знание, должен появиться настоящий человек. Человек призван не просто познавать себя и мир, расширять свой кругозор, заботиться об образовании, повышать свой научный потенциал, профессионализм, но обязан востребовать в своей деятельности такие свои лучшие качества, как душевность, сознательность, личностную сбалансированность, цельность, духовность. Именно они должны составить понятие человеческого капитала, а не установка на развитие интеллекта, прирост знаний и информатизацию образования.

Смена ценностных познавательных приоритетов – актуальнейшая задача современности, без разрешения которой человечество обречено погибнуть под горами собственных изобретений, а человек как личность обречен уступить место бездушному человеко-компьютеру – хомьютеру. Ученые института психологии РАН провели исследование с целью выяснить, изменилось ли наше поведение и психологический облик за последние 30 лет с момента начала общественных перемен. Оказалось, что люди стали в три раза агрессивней и грубее. В этом отношении мы в два раза обогнали США и в пять раз Европу. 80% убийств в нашей стране совершается без видимой причины в состоянии спонтанной агрессии.

Пропорционально росту агрессии снижается способность людей к сочувствию. Глубокая и ранняя включенность индивида в информационные технологии понижает порог восприятия людьми друг друга. У современной молодежи, по оценкам психологов, в головном мозге сокращается набор связей, ответственных за чтение языка жестов, понижается уровень восприимчивости окружающего мира и способность понимать другого душой, а не только оценивать его IQ, или ждать выгод от общения с ближним.

Главный двигатель современной персональной модернизации – успех любой ценой. Его закладывают в формирующуюся личность ребенка семья,

школа, общество. Не случайно в разговорах молодёжи главные темы карьера, образование, успех. Взаимные связи современных людей становятся всё более поверхностными и неустойчивыми, безобязательными, приветствия формальными. Ребенка с его первых шагов в общественных заведениях прогоняют сквозь палочный строй на психологическую пригодность к обучению и жестко отсеивают не вписывающихся в потогонные образовательные стандарты детей, обрекая их с малолетства топтать обочины интеллектуальных дорог информационного общества. Экспоненциальный рост численности дивантных подростков – это не только проблема ухудшения психического здоровья населения, но и проблема нарушения социальных связей, кризиса педагогики, духовная болезнь общества.

Данные доклада о состоянии здравоохранения в мире, посвященные психическому здоровью людей, приводят тревожные факты о состоянии человека в современном мире. «Сегодня приблизительно 450 млн. людей страдают от психических и неврологических расстройств... Острая депрессия в настоящее время является ведущей причиной инвалидности в мире... В целом в мире 70 млн. человек страдает алкоголизмом, 50 млн. – эпилепсией, 24 млн. – шизофренией. Ежегодно 1 млн. человек совершают самоубийства, от 10 до 20 млн. человек совершают попытки самоубийства. Один человек из каждых четырех в какой-то период жизни будет поражен психическим расстройством» [1, X-XI].

Человека как агента экономики следует вывести из страдательного социального наклонения в императив. Чтобы инициировать такого человека необходимо изменить характер ориентации общества и связанного с ним материального производства. Человек должен выступать не просто главным фактором производства, но его стратегической целью. Эта цель не должна строиться по типу максимизации прибыли, обрекшей человечество, как показала практика, на недостойную его природы дифференциацию, войны за передел мира и угрозу физического уничтожения. Именно таковы исторические результаты экономики, отталкивавшейся от количественных ценностей и действующей по принципу «чем больше, тем лучше».

Ещё более опасен качественный крен экономической эволюции, связанный с парадигмой прироста знаний и инноваций. Именно таков современный уровень понимания сущности и задач новой экономики. Она базируется на приоритетах науки, новациях и информации, с которыми связывают сегодня ценность понятия «человеческий капитал». Экономическая деятельность осуществляется по типу прироста данного типа человеческого капитала. Человек как субъект новой экономики интеллектуален, то есть, направлен на поиск и использование информации для решения проблем, обладает гибкой способностью создавать новое, то есть, инновационен, может вести экономическую деятельность на основе партнёрских отношений, обладает качествами образовательной мобильности [2, 85-89].

Человечество в своей экономической деятельности не должно преследовать цель максимизации знаний, пока не достигнет необходимого

уровня духовного развития. До тех пор информационно-технологические прорывы в экономической и других видах деятельности создадут ещё большую, нежели прежде угрозу существованию человеческого рода. Прежде, чем двигаться дальше, нужно достичь необходимой глубины понимания целей собственной эволюции. Мы же не можем сегодня даже внятно оценить полезность собственного знания, продолжая рассматривать его как фактор успешности своего биологического вида и достаточное условие господства над миром.

Пагубность быстрых темпов НТП, опережающих духовное развитие людей, была осознана в прошлом веке, но мы вновь натываемся на ту же опасность, но только возросшую ныне во стократ. Заложники однобоко понятого научного прогресса, мы бессознательно ускоряем своё падение в пропасть бездуховности, стыдливо прикрываясь разговорами о «человеческом капитале». У русских на этот счет есть хорошая пословица: «чем больше слов, тем меньше дела». Людям пора приостановиться в гонке интеллектуальных приоритетов, перестать во вред себе эксплуатировать понятия с эпитетом «человеческий» и задуматься о вечных ценностях. Только на пути максимизации духовной составляющей развития человеческого рода возможен качественный прогресс во всех областях его деятельности.

В конце XX века человечество разуверилось в возможности целенаправленного разумного управления общественными процессами, стало больше полагаться на процессы стихийной саморегуляции и бездумно эксплуатировать рыночный механизм согласования действий людей. На глазах всего одного поколения человечества 1990-х годов радикально изменились горизонты планирования в экономиках значительной части мира. Наступил конец века организаций и планирования, началось современное безвременье эпохи манипуляций.

Однако нарастающие глобальные проблемы человечество может разрешать только сообща и только организованно при ясном понимании людьми целей деятельности и сознательном объединении собственных усилий. В условиях самоорганизующейся экономики рынок может функционировать только в ситуации взаимодействия независимых экономических агентов во имя реализации их сиюминутных целей. Сильная обратная связь контрагентов рынка не даёт им возможности последовательно двигаться к долгосрочной цели, ибо манипулирование для них становится взаимным и нарастающим.

Экономика будущего не может быть заложницей стихии рынка. Неолиберальный зигзаг рубежа тысячелетий был ответом на ситуацию государственной зарегулированности экономик XX века. Он принёс свои плоды, встряхнул хозяйство планеты, ослабив заклинившие узлы, обратил взгляд мирового сообщества на проблему «человеческого капитала». На этом реализация глобальной программы стимулирования стихии рынка должна быть приторможена в пользу поиска точек соприкосновения экономических механизмов рыночной самоорганизации и общественно-полезного планирования.

Экономика будущего должна быть нацелена на преодоление экономического эгоизма людей и институтов, будь то государства, фирмы, корпорации, на сочетание элементов рыночной саморегуляции и синергической организации мирового хозяйства как целенаправленно развивающейся целостной системы, направленной на рост духовного потенциала человечества и каждого конкретного человека. Реализация этой цели коллективными усилиями людей превратит человечество в экологически гуманный вид. Оно перестанет рассматривать себя пупом планеты, научится уважать собственную свободу самореализации и перестанет отнимать её у других живых существ.

Привить западному миру мем коллективизма для старта в новую человеческую экономику сможет, пожалуй, только Россия, которая в ходе трехсотлетнего проекта модернизации испытала на себе прививку чужеродного вируса индивидуализма, выработала к нему стойкий иммунитет, но вместе с тем и возможность эксплуатации его конструктивных сторон. Теперь такую же работу должно проделать передовое западное человечество в направлении ограничения личностного эгоизма как побудительного начала активной деятельности индивида.

Как для России индивидуализм, так для Запада коллективизм, не являются идеалами, соответствующими тем средам, в которых вызревали цивилизации. Но обмен духом может стать той предпосылкой, которая ляжет в основу настоящего человеческого капитала как творческой силы будущей гуманной экономики и гуманного мира. Говорят, когда мир сойдет с ума, Россия станет хранителем традиционных ценностей. Это неверно. Россия – органическая часть мира, её затрагивают и его сумасшествие, и его взлёты в равной мере. Но вот «невещественное богатство» страны велико, и она им готова делиться щедро.

На заре нового времени, когда Россия только начинала свой путь по стезе экономического прогресса, талантливый русский человек Иван Тихонович Посошков в «Книге о скудости и богатстве» сформулировал на все времена нравственный императив экономической деятельности людей, который предстоит усвоить всему образованному человечеству. Он назвал его бесхитростно «невещественным богатством» и сложил из божьего суда, народной праведности и справедливости общественных порядков: «Паче же вещественного богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть, о истинной правде; правде – отец Бог, и правда вельми богатство и славу умножает, и от смерти избавляет...» [3, 13–14].

Россия в XXI веке должна стать социально ориентированным государством, а общество должно обрести высокий гражданский и духовный потенциал. Консолидирующую идею современной России можно выразить в трех императивах:

1) **власть в интересах созидательных слоёв общества** с отлаженным механизмом защиты от национальных пороков управления;

2) **патриотизм** с развитым историческим осознанием геополитической миссии России;

3) **секулярный гуманизм**, в основе которого лежит уважение человеческой личности и создание нормальных стартовых возможностей для её развития.

Литература

1. Доклад о состоянии здравоохранения в мире. Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда. – М., 2001.

2. *Лутохина Э.А.* Модель человека в новой экономике. / Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004, № 2. С.85-89.

3. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Редакция и комментарии доктора исторических наук, проф. Б.Б. Кафенгауза. Репринтное воспроизведение издания 1951 года. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 407 с. /Серия «Литературные памятники»/.

Сорокожердыев В.В.

НОВОЕ ИНТЕГРАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ВОЗМОЖНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящее время происходит интенсивное формирование нового мирохозяйственного порядка, наиболее заметная роль в котором принадлежит Китаю и Индии, сумевшим соединить современные достижения технического прогресса с собственными культурно-этическими основами при учете интересов всех ведущих акторов общества. Современная Россия, как показывает опыт последних десятилетий, не сумела в своей трансформации встроиться ни в Западный, ни в Восточный мир и, по существу, находится в перманентном кризисе, выход из которого, как представляется, должен состоять в решительном переходе от прозападно-либеральной модели хозяйствования к новой интегративной Евразийской модели социохозяйственной организации. При этом должен быть востребован отечественный уникальный историко-культурный базис – как в экономическом, так и в социальном регулировании и развитии.

На наш взгляд, современный этап социохозяйственного развития, может быть наилучшим образом объяснен только в рамках системной парадигмы, позволяющей адекватно рассмотреть сущность происходящего, а также определить динамику различных элементов хозяйства – как снижающих свое значение, «уходящих», но сопротивляющихся наступающим изменениям, так и вновь возникающих, увеличивающих свои ресурсы и значение. На данном историческом этапе, который, как отмечает Э. Тоффлер, представляет собой третью «волну» своей глобальной трансформации – информационную (после прохождения двух предыдущих волн – аграрной и индустриальной) важнейшим фактором становятся коммуникации и соответствующие им технологии производства и организации; это позволяет активизировать позитивные экономические связи – как непосредственно в хозяйственной деятельности, так и в развитии человека [10].

Важнейшая роль интеграционных факторов, состоит в способствовании «собираению» разнородных элементов хозяйства – как на микро-, так и на

макроуровне при значительном возрастании значения культурно-социологических и научных процессов и явлений. Современный научный поиск подтверждает тот факт, что интегральный строй уже не только дело будущего, но уже полноценно сформировался в настоящее время; приносит свои результаты в ряде стран – локомотивов мирового социохозяйственного развития. В частности, С.Ю. Глазьевым, при анализе успешного развития Китая, становящегося ведущим мировым экономическим центром в последние десятилетия, делается вывод о том, что его достижения в экономической и социальной сфере во многом опираются на формирование нового типа интеграционного общества, позволяющего достичь не только беспрецедентного развития реального и финансового секторов экономики, но и обеспечить впечатляющий прогресс в образовании, медицине и др. [5].

Показательным, на наш взгляд, является также тот факт, что в современной теории менеджмента фактор интеграции закономерно относится к числу определяющих для эффективного функционирования отдельных организаций, а также и экономики в целом. Один из ведущих современных теоретиков менеджмента И.К. Адизес уделяет интегративной функции управления организацией ведущее значение в числе четырех основных (наряду с производительной, административной, предпринимательской), осуществляемых менеджерами в процессе управления организацией. Им также отмечается, что происходящие в настоящее время изменения в методах управления в России характеризуются переходом от административно-командных, унаследованных от Советского Союза, к менее иерархическим и менее жестким – в соответствии с требованиями рыночной экономики. По его мнению, сегодня на смену старым управленцам, придерживавшимся авторитарного стиля руководства, приходят молодые, отличающиеся, зачастую, более гибким мышлением; при этом российские менеджеры ищут методы управления, сочетающие в себе особенности российской культуры и западную эффективность. В силу особенностей данного перехода и сложившейся модели управления в экономике, это проявляется в попытках ослабить административную функцию и усилить предпринимательскую; однако в целом это приводит к тому, что российское общество переживает процесс дезинтеграции и ухудшения ситуации в сфере производства [1].

Представляется, что основная сущность интеграции, актуальность которой существенно возрастает с усложнением социально-экономической жизни, состоит в том, что она представляет собой целенаправленный процесс и, одновременно, форму взаимодействия хозяйственных субъектов, выражающиеся в объединении различных экономических взаимодействий путем взаимопроникновения и формирования определенной динамической системы. В рамках такой системы каждый элемент приобретает новые возможности (при некотором ограничении свободы в проявлении своей активности) а также способствует укреплению системы в целом, что позволяет учитывать максимально широкий спектр интересов и привлекать новые ресурсы для развития. При этом, отсутствие необходимых возможностей для

широкого и динамичного развития интеграционных процессов в экономике или, напротив, существование препятствий на ее пути за счет наличия и активизации дезинтеграционных процессов не позволяет решать значимые оперативные и стратегические задачи на любом уровне функционирования экономики. Данная проблема актуальна для современной России, пережившей за последние десятилетия ряд серьезнейших неудач в реформировании своего хозяйства, приведших к серьезной деградации экономики и ухудшению социально-демографической ситуации, падению интегральной конкурентоспособности.

Реализация фактора интеграции в реальной жизни национальных хозяйств является во многом определяющим условием формирования тенденции, которая проявляется в том, что сформировался определенный круг стран, не относящихся к западно-рыночной модели экономики, которые являются локомотивами мирохозяйственного развития (Китай, Индия, Южная Корея, Вьетнам), в то время как другие фактически демонстрируют неспособность к устранению накопившихся ранее проблем и, соответственно – к адекватной постановке и решению новых задач. При этом первые достаточно длительный период демонстрируют высокие темпы и качество экономического развития и весьма успешно справляются с решением задач обеспечения организационно-финансовой устойчивости, технологического совершенствования и осуществления инноваций, укрепления позиций на внутреннем и международных рынках, приобретения экономических союзников, решения проблем, связанных с разнообразными изменениями внутренней и внешней конъюнктуры. Также существует ряд государств, которые имели в недавнем прошлом весьма высокие экономические показатели в своем развитии (Аргентина, Венесуэла), так и большое число развивающихся стран, испытывающих многолетнюю стагнацию, – прежде всего, из региона Африки и Южной Америки. К сожалению, Россия, наряду с большинством стран Восточной Европы и постсоветского пространства, испытывает ряд серьезных трудностей в формировании отвечающей вызовам современности модели развития, а также - в эффективном решении текущих и долговременных задач развития всех без исключения сфер экономики и предпринимательских структур, а также их интегральных совокупностей.

Приведенные выше оценки опираются на сложившуюся международную статистику, которая нуждается в серьезном обновлении. При этом оценки и анализ, исходящие от мировых экономических центров (вырабатываемых МВФ, Мировым банком, международными рейтинговыми агентствами и т.д.), а также правительственными структурами ведущих западных государств, по существу, учитывает их собственные интересы и некорректно отражает реальные экономические процессы или же связана с их фактической фальсификацией (вследствие наличия давления политических и финансовых структур). В частности, согласно выводам ряда исследователей, чьи прогнозы в отношении развития мировой экономики в последние десятилетия в целом подтвердились, ВВП США подлежит «уценке» до 50% уже до 2020 г. Это

способно вызвать глобальный кризис или даже слом существующей конфигурации сил в мирохозяйственной системе.

Принятая в настоящее время в России экономическая модель, очевидно, носит явно выраженный дезинтеграционный характер. Как следует из высказываний как ведущих правительственных экспертов, так и их наиболее последовательных критиков, нынешняя модель не работает, т.к. интересы большинства акторов последовательно приносятся в жертву бюрократическим структурам и аффилированным с ними представителям бизнеса и социума. Об этом же свидетельствует, согласно консенсусной оценке большинства авторитетных экспертов, признание со стороны не вписанных в административно-управленческий конгломерат субъектов (то есть подавляющего большинства общества) роли властных структур, как, по существу, главного фактора, несущего угрозу для успешного решения актуальных проблем общества, включая не только экономику, но и образование, науку, здравоохранение, развитие личности и т.д. [1; 2; 3].

Обратная ситуация в матрице экономических подсистем страны может иметь место в случае адекватной реализации интегративной функции, реализуемой властными структурами и «настраивающими» (с той или иной степенью успешности) управленческую деятельность в различных подсистемах на сбалансированный учет взаимных интересов и формирование взаимовыгодных партнерских отношений. В таком случае здесь создаются и реализуются предпосылки для реализации масштабного эффекта синергии от усилий акторов, относящихся к различным подсистемам, когда по заранее определенным критериям, стратегическим и оперативным плановым установкам осуществляется динамическое развитие каждой из них и всей системы. Закономерно первенствующую роль в реальном повышении качества жизни большинства граждан играет «золушка» современной либерально-финансовой модели – реальный сектор экономики.

При формировании общих предпосылок для достижения более высокой степени экономической эффективности и социальной справедливости, интеграционная модель экономического порядка также изменяет и модель производства-потребления. При этом производство, характерное для «третьей волны» предполагает изготовление товаров и предоставление услуг для индивидуализированного потребления, что обуславливает мелкосерийный характер производства на подавляющем большинстве предприятий, выпускающих конечную продукцию; при этом формируются условия для использования большого числа организованных форм бизнеса, в т.ч. и использования рабочих мест вне основных производственных площадок. Особое значение приобретает «новое ремесленничество», которое символизирует своеобразный возврат к доиндустриальной эпохе, но осуществляемое на новой производственной базе, с применением принципиально иных технологий и методов организаций, а также предполагающее развитые социальные коммуникации.

Подобный подход закономерно способствует решению ряда фундаментальных проблем, которые не находят разрешения в рамках современной либерально-монетаристской системы хозяйства. Особенное значение имеет преодоление ограниченности спроса и рынков, которое устраняется вследствие устранения препятствий расширению спроса со стороны массы индивидуализированных потребителей, формирующих свой динамично изменяющийся спрос, исходя из потребностей развивающихся творческих личностей и их сообществ; при этом последние получают значительно большую часть доходов вследствие более справедливого распределения. Здесь логичным является дифференциация глобальных рынков на отдельные автономные структуры, расширяющие в целом возможности реализации продукции для предприятий различного масштаба и специфики деятельности. Также из экономики интеграционного типа изымается мощный дестабилизирующий и дестабилизирующий всю экономическую систему фактор – в виде безудержного стремления к обогащению и тотального монополизма, имеющих в качестве своего необходимого деструктивного «довеска» социальный гедонизм и паразитическое потребление. Вследствие этого, значительно облегчается социальное бремя и масштабы безработицы, которая в настоящее время уже приобретает угрожающий характер в большинстве развитых стран на фоне развития автоматизации, роботизации, цифровых технологий и т. п.

Использование мер для стимулирования интеграционных процессов в экономике, очевидно, должно стимулировать качественные изменения в реальном секторе экономики, осуществляемые в рамках активной промышленной политики (частью которой являются пять основных направлений технологической модернизации, включенных в президентскую программу мероприятий в данной области на ближайшую перспективу). В российских условиях осуществление подобной промышленной политики встречается с серьезными препятствиями – в виде огромных масштабов паразитической занятости, существующей как в государственных органах управления, так и во всех иных сферах социально-экономической активности. Показательно, что в СССР бюрократия (номенклатура плюс военные всех типов) составляла 0,1% численности всего населения, т.е. около 400 тысяч человек; к 2009 г. политический класс превысил уже 3 миллиона человек или 2% населения России [5].

Снижение интеграционного потенциала в деятельности властей порождает также тотальную фальсификацию экономической информации, при наличии которой практически все субъекты деятельности пытаются иметь свой теневые доходы и фальсифицировать увеличение расходов. Поэтому, на наш взгляд, официальные оценки теневой экономики в нашей стране, определяемые в 40% от ВВП, скорее недооценивают масштабы данной деятельности, так как все стороны теневого оборота, включая и контролирующие инстанции, заинтересованы в минимизации отчетных данных в сравнении с реальными масштабами экономической активности. В данной связи, уход от налогов,

являющийся одним из основных элементов теневого оборота доходов, также как чехарда в законодательстве и перманентное возрастание тяжести налоговых обременений и регламентаций (т.н. налоговое администрирование) помимо непосредственного вреда для экономики, также порождает фальсификацию учета результатов экономической активности при первичном распределении в финансовой системе. Такое положение, естественно, затрудняет формирование достоверной информационной базы на всех уровнях налогово-бюджетной системы.

Обратной стороной данного положения дел является урезание реальных параметров ВВП, бюджета, пенсионного и других социальных фондов. Согласно ряду авторитетных экспертных оценок, из-за подобной дезинтеграционной активности государственно-управленческих структур, фактический «недобор» по ВВП в России составляет более 50%, а по бюджету еще выше - 100% [5]. Вследствие широкого распространения данных процессов происходит также дезориентация хозяйственных субъектов в формировании и реализации стратегии их развития.

К настоящему времени имеется определенный (хотя бы формальный) консенсус относительно необходимости кардинальных изменений нынешней хозяйственной модели. Существующие здесь точки зрения группируются преимущественно вокруг двух позиций. Первая из них (предлагаемая по преимуществу теми же экономистами, которые имели непосредственное отношение к ее созданию, включая А.Л. Кудрина и других) предполагает «очищение» западной либеральной модели от «отрицательных наслоений», ставших результатом тактических ошибок недавнего прошлого. Вокруг второй позиции, в рамках которой предлагается широкое использование интеграционных процессов при формировании соответствующей системы регулирования с явным акцентом на проведение активной промышленной политики и обеспечение социальной справедливости на преимущественно нерыночных принципах также сформировалась значительная группа экономистов, бизнесменов и политиков, включая С.Ю. Глазьева, Б.Ю. Титова, Л.М. Хазина и других.

На наш взгляд, для принятия успешной стратегии социально-экономического развития страны, необходим действительный прорыв в качестве экономического управления и развития, основанный на привлечении лучших интеллектуальных, организационных, технологических и иных возможностей общества. Особое значение здесь имеет, помимо учета действительных достижений стран со становящейся интеграционной экономикой, собственный опыт, в том числе – из недавнего прошлого, когда после дефолта 1998 года правительство под руководством Е.М. Примакова обеспечило качественный скачок в экономике (рост промышленного производства составил более 2% в месяц) на основе активной промышленной политики и введения дополнительных денежно-финансовых регулятивных мер.

С нашей точки зрения, следует выделить ряд актуальных направлений трансформации экономической политики, способных привести к существенным

позитивным сдвигам в социоэкономической системе современной России, формируемым на основе реализации интеграционной экономической модели.

Во-первых, ключевое значение имеет выстраивание определенных реальных приоритетов социоэкономического развития, исходя из адекватного учета возможностей вклада всех четырех основных подсистем экономического порядка (государства, общества, экономики и бизнеса) а также действительных национальных интересов и опыта хозяйствования, рассматриваемых в рамках единой глобальной стратегии на длительный период времени. В данном отношении весьма показателен опыт организации экономических реформ в Китае. С самого начала экономическая политика России в 80–90-е гг. носила явно несамостоятельный характер, т.е. строилась в определяющей мере на подражании и уступкам Западу в формировании «продвинутой» социально-рыночной демократии; при этом она имела короткий горизонт реализации предпринимаемых действий. В реальности же в управлении экономикой преобладали сугубо конъюнктурные меры, направленные, по большей части, на решение политических проблем и быстрее конвертирования монопольных позиций в материальные и финансовые активы.

В то же время, проводимые в тот же период реформы в Китае были изначально ориентированы на повышение уровня жизни основной части населения, что и обеспечивало широкую народную поддержку, позволившую, в свою очередь, мобилизовать мощный интеграционный потенциал общества и сформировать эффективные инструменты и механизмы коллективистского характера для обеспечения позитивных перемен. Также были сформированы ясные национальные приоритеты в обеспечении высокой конкурентоспособности экономики и удовлетворения потребностей общества, включая поддержку сельского хозяйства, промышленности и экспортно-ориентированных районов. Все это способствовало насыщению внутреннего рынка и подъему благосостояния основной массы населения, интенсивному привлечению в страну инвестиций и технологий.

Во-вторых, требуется целенаправленная система мер по созданию условий для осуществления организационных и технологических инноваций во всех без исключения сферах хозяйственной деятельности, а также – в целях проведения существенных преобразований в отраслях, которые имеют особую важность для увеличения интеграционного потенциала экономики и поддержания национальной безопасности в целом (сельское хозяйство, обрабатывающие производства, инфраструктурные отрасли). Также важно обеспечить как активное использование имеющегося потенциала, так и организовать технологический рывок для отраслей, которые могут стать локомотивами всей экономики в рамках формирующегося нового (шестого) технологического уклада. Для этого необходимо, прежде всего, формирование механизма всестороннего и сбалансированного анализа процессов и тенденций, существующих в рамках пятого технологического уклада; кроме этого, необходима ответственная и квалифицированная оценка возможностей и

преимуществ, имеющихся в современной российской экономике для выработки мер их поддержки.

На наш взгляд, вполне обоснованной является позиция С.Ю. Глазьева, в соответствии с которой утверждается, что на этапе перехода к новому технологическому укладу некоторые отстающие участники получают уникальную возможность для осуществления технологического рывка и продвижения в лидеры [4]. Реализация обозначенных выше мер по формированию новой технологически-организационной основы экономики, а также – по достижению высоких стандартов образования, включая и формирование жизнеспособных элементов экономики знаний, позволяет в краткой перспективе создание благоприятных условий для хозяйственного развития, а также укрепления суверенитета государства.

В-третьих, важнейшую роль в успешном проведении технологической и организационной модернизации призваны сыграть социокультурные и психолого-личностные факторы, которые в совокупности формируют несущую концептуально-операционную конструкцию любой экономической модели. Теперь становится ясно, что грандиозные успехи, достигнутые в формировании и развитии советского хозяйства не могли быть достигнуты без использования коллективистских принципов и форм общежития и ведения хозяйственной деятельности, признанных и поддержанных всеми народами, проживающими на громадном пространстве страны – со всеми их особенностями и противоречиями. В то же время, крах советской плановой экономики, на наш взгляд, объясняется, прежде всего, отказом от широкого внедрения рыночных инструментов организации, включая использование организационных и технологических новаций, обеспечение высокого уровня потребления. Эти достижения имели место в изменившейся капиталистической экономике, которая получила преимущество вследствие перехода к использованию информационных технологий.

Напротив, современные достижения Китая в определяющей мере связаны не с догматическим следованием изначально избранной доктрине, в жертву неукоснительного следования которой приносятся реальные запросы общества и экономики, а с использованием гибкой политики, в основе которой находятся интегративно-коллективистские принципы и формы социального взаимодействия. Это предполагает также, что используемые формы организации хозяйства в целом органично вписываются в исторически обусловленные национально-культурные особенности поведения населения и, с другой стороны, «привязаны» к технологическим и организационным изменениям, диктуемым современным научно-техническим прогрессом и необходимостью формирования эффективной и конкурентоспособной экономики.

Уже фактически общепризнанно, что в современной российской экономике, как, впрочем и в функционировании основных социальных сфер (прежде всего, образования и здравоохранения) главной проблемой, затрудняющей их развитие является непосредственно деятельность самих

властей, которые работают не столько на создание возможностей и стимулов для всех подсистем экономики и общества, сколько создающих препятствия и ограничивающих возможности для повышения эффективности различных видов деятельности и поддержание в обществе начал социальной справедливости.

В целом существующая государственная подсистема не выполняет свою основную функцию как элемента, основной функцией которого является вовлечение максимального числа субъектов общества в интегрированную деятельность, позволяющую последовательно реализовывать в ней весь спектр локальных и масштабных, краткосрочных и перспективных целей. В такой ситуации, как обоснованно полагают ряд авторитетных исследователей, вполне закономерной становится реализация зависимой компрадорской модели экономической политики, не позволяющей достигнуть актуальных социальных целей и обеспечить инвестиционными ресурсами различные сферы хозяйства. В современных условиях, при фактическом отсутствии национально-ориентированной финансовой политики происходит катастрофическое урезание инвестиционных ресурсов, которые не имеют самостоятельного базиса в рамках отечественной экономики также растет обнищание большей части населения, происходит усиление социальной несправедливости.

В сложившихся условиях скорейший переход к интегративной модели управления на всех уровнях является жизненно необходимым для решения обозначенных проблем. На наш взгляд, фундаментальное значение в управлении и организации деятельности на всех уровнях приобретает решение вопроса «для кого?»; т.е. для каких партнеров, сотрудников, граждан, организаций и т.п. существует та или иная организация либо тот или иной менеджер. Применение данной институции наиболее актуально, прежде всего, для государственных органов (превращающихся иначе в «раковую опухоль») [1], должно также в приоритетном порядке быть воспринято и в других подсистемах, использоваться с учетом менталитета населения. Это позволяет, в свою очередь, достигать и поддерживать высокий уровень доверия в обществе, формировать вектор его преобразования в направлении создания высокоэффективного интеграционного строя, в котором действительно достижимы высокое качество жизни граждан, качественное и динамичное социохозяйственное развитие.

Литература

1. *Адизес И.К.* Управление жизненным циклом корпорации. – СПб: Питер, 2007.
2. *Бузгалин А.В.* Социальная структура «позднего капитализма»: кризис и антикризисные программы. Экономико-правовые аспекты стратегии модернизации России: к эффективной и нравственной экономике. Коллективная монография / Под. ред. О.В. Иншакова, Г.Б. Клейнера и др. – Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2010.
3. *Вольчик В.В.* Проблема доверия и модернизация неэффективных институтов. Глобальный мир: антикризисные императивы, модернизация, институты. / В.В. Вольчик // Материалы международной научно-практической конференции. Т. 2. М.: Вузовская книга, 2012. – С. 97-104.
4. *Глазьев С.* О новой парадигме экономической науки // Экономическая наука современной России. Ч. 2. – 2016. – № 4. – С. 10–21.
5. *Глазьев С.Ю.* Экономика будущего. Есть ли у России шанс? – М.: Книжный мир, 2017.

6. *Клейнер Г.Б.* Мезоэкономика развития / под ред. Г.Б. Клейнера; Рос. акад. наук, Центр. экон.-мат. ин-т. – М.: Наука, 2011.
7. *Нассим Николас Талеб.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – М.: Издательство КоЛибри, 2009.
8. *Сорокин П.* Главные тенденции нашего времени // Российская академия наук; Институт социологии. – М.: Наука, 1997.
9. *Стиглиц Дж.Е.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Стиглиц Джозеф; [пер. с англ. В. Лопатка]. – М.: Эксмо, 2011.
10. *Тоффлер Э.* Третья волна. – М.: Аст, 2004. ИРИСЭН, Социум, 2008.

Субетто А.И.

XXI ВЕК – ВЕЛИКИЙ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕЛОМ: ВЕКТОР НООСФЕРНО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ОСНОВ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

1. Экологическое (Великое) Отрицание сложившихся основ и механизмов социально-экономического развития человечества

На V Международную научно-практическую конференцию, посвященную 100-летию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, вынесена для научно-теоретической рефлексии и обсуждения тема «Проблемы конфигурации глобальной экономики XXI века: идея социально-экономического прогресса и возможные интерпретации». Откликаясь на постановку темы Конференции и исходя из разработанной автором теоретической системы Ноосферизма [1] и концепции Эпохи Великого Эволюционного Перелома [2], в которую вошло человечество, поскольку *оно встретилось с Экологическим (Великим) Отрицанием рыночно-капиталистической системы хозяйственного потребления ресурсного потенциала Биосферы и планеты Земля* в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы [3, 4], на обсуждение научным экономическим сообществом *выдвигается утверждение-прогноз на XXI век: «XXI век – Великий Эволюционный Перелом: вектор ноосферно-социалистических преобразований».*

Почему именно так формулируется авторский «ответ-концепт» на вопрошание, заложенное в названии V международной научно-практической конференции?

Это связано с тем, что «эпоха», – и соответственно «глобальная экономика», как форма воспроизводства жизни человечества на Земле, и как особая рыночно-капиталистическая форма ведения мирового хозяйства, не могут быть адекватно идентифицированы с позиций ожидаемых преобразований в будущем, исходя из внутренних тенденций социально-экономического развития, т.е. исходя из оснований Внутренней Логике Социального Развития (независимо от выбираемой доминанты в цепочке детерминаций – то ли формационный подход по Марксу, то ли

цивилизационный подход по Данилевскому – Шпенглеру – Тойнби – Сорокину – Яковцу и др., то ли информационно-технологический подход, то ли индустриально-технологический подход и т.п.).

Первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы обозначила выход на Арёну Истории Большой Логике Социоприродной Эволюции, основанием которой является энергетический базис мирохозяйственного «давления» со стороны Человечества на Биосферу. До XX века человечество развивалось в форме малоэнергетической Стихийной Истории, что позволяло ему пользоваться ресурсами и энергией, накапливаемой в Биосфере, стихийно, поскольку производство негэнтропии в Биосфере намного превышало её потребление человечеством.

В XX веке, по оценке автора [1-5], ситуация резко меняется, происходит скачок в энергетике мирохозяйственного «давления» на живое вещество Биосферы приблизительно в десять в седьмой степени раз. *Соединение большой энергетики мирохозяйственных процессов со стихийными регуляторами развития, с рынком, с капиталистической формой концентрации капитала и в целом общественных благ в «руках» незначительного «меньшинства», привело к появлению глобального экологического кризиса в середине XX века, который перерос в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы в конце XX века.*

За этим стоит нарушение открытого автором Закона интеллектно-информационно-энергетического баланса (положение-теорема 4 в [5, с. 17]), который формулируется так:

«чем больше со стороны социальной системы воздействие, по своей энергетической мощи, на природу, тем больше требуется лаг упреждения последствий от этого воздействия, и соответственно – тем более долгосрочным должно быть стратегическое управление будущим со стороны этой социальной системы».

Природа в лице Биосферы и планеты Земля, если прибегнуть к метафоре, подписала всей «логике» Стихийной истории человечества, и соответственно сложившимся рыночно-капиталистическим основаниям развития глобальной экономики, Приговор в форме Экологического Запрета на эту парадигму исторического развития. Э.Гирусов на Круглом столе по проблемам экологии, организованном журналом «Новое время» осенью 1988 года, почти 30 лет назад, так определил трагичность переживаемой исторической эпохи: «Сегодня человечество подошло в своем развитии к такому рубежу, когда очень остро стоит вопрос, быть или не быть человеку на земле. И это зависит, прежде всего, от самого человека и от того, как он изменит своё поведение на планете. Он обречен, если и дальше будет упорно игнорировать основной закон жизни на планете. Это закон использования энергии, происходящей извне, из космоса, от солнца. Вот благодаря чему живое вещество противостоит нарастанию энтропии... А по какому пути пошёл человек?.. Это получение энергии путем сжигания различных, богатых ею веществ планеты. Но, пока эта деятельность имела сравнительно скромные масштабы, сколько-нибудь серьезного ущерба

биосфере это не наносило. А сейчас, когда энергетика стала таким заметным на планете явлением, да к тому же еще и быстро прогрессирующим, когда каждые 10 - 12 лет количество потребляемой энергии удваивается, это не может не влиять на биосферу. К тому же следует добавить, что биосфера – это термостат. И жизнь на земле может существовать в строго определенных границах температуры, влажности, давления. Человек обязательно должен подчиняться этому закону... ...допустимый резерв, который нам дала природа, а мы развивались как бы в долг у природы, вот он на сегодня уже практически исчерпан. Сейчас необходимо качественно преобразовать всю деятельность по использованию вещества планеты...» [6, с. 26, 27]. Если к этому императивному положению Э.Гирусова добавить оценку Б.Коммонера – технологии на базе частной собственности уничтожают главное богатство человечества – экосистемы [7] – и оценку-вердикт в докладе Мировому банку, написанном под руководством Гудленда, Дейли и Эль-Серафи в 1991 году – в экологически заполненной нише, которую занимает человечество рынок как механизм развития исчерпал себя [8], – то возникает достаточно *полная картина того Экологического Запрета на рыночно-капиталистическую парадигму развития глобальной экономики, и в целом – на Стихийную Историю человечества, который предъявила Природа как «Ультиматум» в форме императива выживаемости человечеству.*

«Ответ» у человечества на этот «Ультиматум» Природы имеет единственную форму: его переход к управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и Ноосферного Экологического Духовного социализма, и другой альтернативы для стратегии выживания и социально-экономического прогресса у человечества нет. Это означает, что XXI век, неся на себе печать Эпохи Великого Эволюционного Перелома, предстает как своеобразная Ноосферно-Социалистическая революция [9], т.е. Великий Эволюционный Перелом с вектором ноосферно-социалистических преобразований основ функционирования и развития глобальной экономики (через рост роли механизмов планирования и становление управляемой ноосферной экономики).

Можно теоретически констатировать, если стать на позиции марксистской политэкономии, что наряду с «внутренним отрицанием» капиталистической системы и соответственно экономики в мире в соответствии с формационной логикой исторического развития по Марксу, которое привело к появлению на планете Земля, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 году, социализма, развитие которого вот уже 100 лет есть развитие этого «внутреннего отрицания», появилось «внешнее», т.е. не зависящее от Человечества как Субъекта Истории вообще, отрицание – Экологическое Отрицание сложившихся основ и механизмов социально-экономического развития в мире на основе рыночно-капиталистического хозяйственного природопотребления.

2. Ожидаемая ноосферно-социалистическая трансформация конфигурации глобальной экономики XXI века

Попытка угадывания того, куда направлен «вектор» изменений глобальной экономики, присутствуют, с той или иной степенью научной аргументированности, в огромнейшем количестве публикаций экспертов и ученых с экономической, геоэкономической, геополитической и геоэкономической формами рефлексии. Различия в постановках проблемы и в способах её решения, в методологии выстраивания глобальных прогнозов обусловлены, по автору, *когнитивными матрицами* (т.е. системами понятий), которые лежат в основе мировоззрения тех или иных исследователей, как Наблюдателей Мира. *Здесь срабатывает, по автору, особый Принцип Дополнения, отражающий взаимосвязь когнитивной матрицы Наблюдателя (и Сверхнаблюдателя) с тем теоретическим результатом, который возникает у этого Наблюдателя, как познающего Мир Субъекта.*

Например, фокусом когнитивной матрицы З.Бжезинского, создавшего свой взгляд на ожидаемую геополитическую, и соответственно экономическую, конфигурацию, который он изложил в форме целостной концепции в «Великой шахматной доске», является положение: «Гегемония так же старо, как мир» [10, с. 13] и борьба за мировое господство лежит в основе процессов изменения конфигурации мировой экономики. Именно эта борьба за мировую гегемонию, за которой, по автору, проявляется империалистический характер воспроизводства капитализма, требующего постоянного поступления прибавочного продукта за счет эксплуатации колоний [13], по З.Бжезинскому привела к смене «европейской эры» «эрой американской» [10, с. 15], за которой стоит выход США, как мирового гегемона, а вернее мирового империалиста, на позицию «ядра» униполярного мира «Рах Americana».

Когнитивная матрица Дж.Сороса имеет своим фокусом «практическую целесообразность», за которой стоит адаптация игроков на рынках к динамике их конъюнктуры через рефлексию, и на приоритете когнитивных представлений над ценностями. Это взгляд Наблюдателя, главным фокусом которого во взгляде на общество – это взгляд, что «общество построено на сделках» [11, с. 83], и соответственно – это геоэкономический мир, построенный на сделках (что частично соответствуя «банковскому миру» или «миру финансовой капиталократии» [13], в котором финансовые спекуляции как операции выступают элементами «большой финансовой игры», которой управляют финансовые игроки с очень большими деньгами с Уолл-Стрита). Фактически, когнитивные матрицы З.Бжезинского и Сороса объединяют культ капиталистической конкуренции как незыблемого закона бытия «мирового капитализма». Следует отметить, что вся геополитика президента США Трампа построена на тезисе, что и мировое общество, и мировая экономика, есть и общество, и экономика, построенные на сделках.

Когнитивная матрица С.Ю.Глазьева имеет своим фокусом технологический детерминизм мировой экономики через смену технологических и мирохозяйственных укладов. Возникает мирохозяйственно-

исторический взгляд на мироэкономическую историческую динамику XX века и начала XXI века, игнорирующий классовый подход и противостояние капитализма и социализма, которое длится уже 100 лет и, более того, приобретает новые исторические основания и императивы в XXI веке. «Имперский мирохозяйственный уклад принимает зрелые формы после Второй мировой войны... Для понимания драматизма переживаемого в настоящее время кризиса мировой экономической систем особое значение имеет анализ переходного процесса смены мирохозяйственных укладов... Апологетам капиталистической системы показалось, что она стала по-настоящему всемирной и в дальнейшем будет полностью определять развитие человечества в рамках «Рах Америгана», в вечность которого они поверили не меньше, чем гитлеровцы в вечность своего Третьего рейха. Но уже сейчас, спустя четверть века после достижения США глобальной гегемонии, она подрывается неразрешимыми в рамках существующих институтов воспроизводства капитала внутренними противоречиями... Переход к новому мирохозяйственному укладу остановить объективно невозможно», – пишет С.Ю.Глазьев [12, с. 47, 48]. И называет новый мирохозяйственный уклад, используя термин П.А.Сорокина, интегральным. Особенности этого уклада являются: (1) «обеспечение общественных интересов в социально-экономическом развитии»; (2) «гармонизация интересов различных социальных групп, выстраивание партнёрских отношений между бизнесом и государством ради достижения общественно значимых целей»; ограничение «экспансии денежного капитала» «правовыми нормами и госрегуляторами», защищающими «общественные интересы» [12, с. 48, 49].

Если объединить большинство «когнитивных матриц» подавляющего большинства ученых-экономистов в мире, то на передний план выйдет *обобщающая их когнитивная матрица, в соответствии с которой рынок, при всем многообразии его определений* [14, с. 69], *является основой развития страновых и глобальной экономических систем.* Назовем эту когнитивную матрицу *рыночной когнитивной матрицей.* «Фокусом» этой когнитивной матрицы является *принцип рыночного фундаментализма*, который в России де-факто превратил рыночные реформа в рыночный геноцид институтов выживания и промышленной экономики [15].

Правда, вместе с появлением социалистической плановой экономики появился невиданный дотолем механизм экономического развития – плановый механизм (в лице Госплана СССР и пронизывающих, на его основе, всю экономику СССР управляемо-плановых экономических отношений), которому подчинялись остаточные рыночные отношения при социализме, в основном охватывающие сферу торговли в магазинах и на так называемых «рынках» в городах. Сложившаяся система познания социалистической экономики в СССР, олицетворяемая советской экономической наукой, может быть названа *плановой когнитивной матрицей.* Особенности плановой (в подавляющей основе – нерыночной) экономики СССР в эпоху Сталина (30-е – 40-е годы XX века) хорошо показал В.Ю.Катасонов в работе «Экономика Сталина» [16]. По

Дж.Кеннету Гэлбрейту [17] современный капитализм, особенно с появлением корпораций с сверхконцентрацией транснационального капитала, есть противоречивое единство плановых и рыночных отношений. По крайней мере, его концепция «нового индустриального общества», в известной монографии, опубликованной полвека назад, разрушила *мир о рыночной экономике и свободном рынке*, который продолжает доминировать у апологетов «рыночной экономики» и экономического либертарианства в России.

Ультиматум Природы в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы – это одновременно и предел рыночной когнитивной матрицы, на которой строится современный экономический теоретический дискурс.

По мнению, автора, мировая рыночно-капиталистическая система де-факто есть экологический труп. *Если у человечества не хватит Разума и Воли отказаться от этой системы в пользу ноосферной управляемой, при доминировании плановых механизмов развития над рыночными (с полной ревизией теоретических основ современной экономической науки исходя из требований императива экологического выживания человечества, реализация которого не возможна в пространстве диктатуры капиталовластия, в том числе мировой финансовой капиталократии), экономики и социальной организации жизни на базе Ноосферного Экологического Духовного Социализма, то оно обречено на экологическую гибель, процессы которой будут нарастать (уже до середины XXI века).*

Миром движут три главных противоречия:

- *первое – противоречие между рыночно-капиталистической системой хозяйственного природопотребления со стороны человечества и Биосферой и планетой Земля как суперорганизмами, которое обрело конфликтно-острую форму в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.*

- *второе – противоречие между Капитализмом и Социализмом, между капиталистической, стихийно-рыночной парадигмой истории и социалистической, плано-управленческой парадигмой истории;*

- *третье – противоречие между Трудом и Капиталом.*

За движением этих трех противоречий, которое определяет и вектор сдвигов в конфигурации мировой, глобальной экономики стоит диалектика взаимодействия 2-х Логик с Большой буквы – Внутренней Логике Социального Развития и Большой Логике Социоприродной Эволюции.

Первое противоречие – отражение, принявшей катастрофическую форму действия оснований, Большой Логике Социоприродной Эволюции, как несоответствие большой энергетики воздействия мирохозяйственной системы на основаниях господство рынка и власти капитала на Природу стихийной форме развития. На этом фоне второе противоречие обрело ноосферное содержание, как противоречие между капитализмом, как антиэкологической и антиноосферной формой хозяйствования, и социализмом, который только и может реализовать императив выживаемости человечества, обеспечить управляемую – ноосферную – социоприродную эволюцию. И, наконец, третье противоречие между Трудом и Капиталом, на фоне первой фазы Глобальной

Экологической Катастрофы, переросло в противоречие между Человеком и Капиталом, потому что рыночно-капиталистическая система экономики (и хозяйства) не оставляет шансов для экологического выживания человечества.

Ожидаемая (и прогнозируемая автором) ноосферно-социалистическая трансформация конфигурации глобальной экономики, таким образом, по автору есть «Повестка дня XXI века».

Россия, как евразийская цивилизация, с самым большим хронотопом бытия и с самым холодным климатом, и поэтому с самой высокой энергетической стоимостью воспроизводства жизни человека и общества, есть «центр устойчивости и неустойчивости мира». Она обеспечила в XX веке Социалистический и Космический Прорыв человечества на базе советско-социалистической формы управления социально-экономическим развитием. И именно ей предстоит снова, уже в XXI веке, возглавить Ноосферно-Социалистический Прорыв человечества и тем самым спасти человечество (и соответственно Мир) от неминуемой экологической гибели.

Надо еще раз подчеркнуть: Миру господства капитализма, Истории на базе доминирования Закона Конкуренции «подписала» Приговор Природа на Земле в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы. Ведущей когнитивной матрицей социально-экономического познания реальности становится ноосферно-управленческая когнитивная матрица, и на её основе – осознание, что вне управления социоприродной эволюцией на базе научно-образовательного общества, общественного интеллекта и ноосферного социализма, и соответственно – Управляемой, Ноосферной истории на базе доминирования Закона Кооперации, у человечества, ни у России нет Будущего!

Призрак бродит по Миру! – Призрак Ноосферного Экологического Духовного Социализма! Грядет Эпоха Ноосферно Социалистического Преобразования Мира!

Меняется качество социально-экономического развития Мира. Наступает Эпоха доминирования Закона Кооперации, Эпоха планетарной кооперации народов, этносов, стран мира на основе ноосферного социализма и ноосферной мировой экономики, Эпоха Мира без Войн и Насилия. В этом состоит смысл и назначение Эпохи Великого Эволюционного Перелома. И эта «Повестка дня XXI века» рождается в России, и это есть «весть из России»!

Литература

1. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: КГУ им. Н.А.Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. – 537с.
2. Субетто А.И. Эпоха Великого Эволюционного Перелома. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2007. – 88с.
3. Субетто А.И. Роды Действительного Разума/ Под науч. ред. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2015. – 200с.
4. Субетто А.И. Русская наука: от прошлого – к ноосферной ответственности за будущее России и человечества/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. А.В.Воронцова. – СПб.: Астерион, 2018. – 226с.
5. Субетто А.И. Грядущий ноосферный синтез науки и власти (восемь положений-теорем)/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2016. – 44с.
6. Пора отдавать долги (Круглый стол «НВ»)// Новое время. – 1988. – 7 октября. – с. 24 – 28
7. Коммонер Б. Замыкающийся круг. – Л.: Гидрометеиздат, 1974. – 280с.

8. *Goodland R., Daly H., El Serafy S. (Eds.). Environmental Sustainable Economic Development. Building on Brundtland. Washington DC. World Bank. 1991*
9. *Субетто А.И. Ноосферная социалистическая революция XXI века: основания теории/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2016. – 139с.*
10. *Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: «Международные отношения», 2002. – 256с.*
11. *Сорос Дж. Кризис мирового капитализма Открытое общество в опасности/ Пер. с англ. – М.: ИНФРА – М, 1999. – XXVI, 262с.*
12. *Глазьев С.Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия – США – Китай. Семь вариантов обозримого будущего («Коллекция Изборского клуба»). – М.: Книжный мир, 2017. – 352с.*
13. *Субетто А.И. Капиталократия и глобальный империализм: антология. – СПб.: Астерион, 2009. – 572с.*
14. *Маркетинговая архитектура и эффективность евразийской экономики/ Под науч. ред. Г.Л.Багиева, И.А.Максимцева. – СПб.: Изд-во СПб ГЭУ, 2017. – 463с.*
15. *Субетто А.И. Рыночный геноцид в России и стратегия выхода из исторического тупика/ Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л.А.Зеленова. – СПб.: Астерион, 2013. – 128с.*
16. *Катасонов В.Ю. Экономика Сталина/ Отв. ред. О.А.Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. – 416с.*
17. *Гэлбрейт: возвращение/ Под ред. С.Д.Бодрунова. – М.: Культурная революция, 2017. – 424с.*

Чапля В.В.

ТЕНЕВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Современный уровень криминализации внешнеэкономической сферы свидетельствует о росте активности транснациональных теневых структур. Это предопределяет необходимость разработки межгосударственной стратегии борьбы с теневым сектором. Эффективность мер противодействия зависит не только, от качества интеграционных связей государств и уровня их транспарентности, позволяющих учитывать национальные приоритеты регулирования теневой сферы, но и от развития методологических подходов к анализу теневых экономических отношений. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение закономерностей развития теневой экономики в условиях глобализации, чему способствует теоретический анализ структуры явления, причин возникновения, синтез научного знания в области экономической теории, мировой экономики и международных отношений, экономической безопасности, а также критическое осмысление западной практики борьбы с теневой активностью.

Развитие любой социально-экономической системы (кроме, разве что, первобытного общества) обязательно включает и развитие теневых экономических отношений. Следовательно, эти отношения не являются чем-то случайным, а закономерно порождены формационным развитием.

Исторический анализ показывает, что все докапиталистические формации характеризовали в основном теневую экономику в форме теневых отношений производства, распределения и потребления.

Первоначально источник контроля формировался в отношении потребления. Зарождающиеся отношения собственности накладывали ограничения на потребление материальных благ со стороны соплеменников. Количественный рост объектов собственности не позволял эффективно контролировать доступ к ней, что позволяло потреблять благо, не являясь его собственником. Примитивные инструменты защиты собственности уже не могли ее защитить. На наш взгляд одним из факторов появления права собственности (на основе табу) и образование социально сложных обществ (классы) являлся процесс поиска эффективных инструментов контроля.

Собственник материальных благ желал не только ограничить неконтролируемое потребление принадлежащих ему благ, но и контролировать процесс производства. Формирование отношений собственности на землю привело к образованию теневых отношений производства, где объектом выступала плодородная земля, луга и охотничьи угодья.

Образования первых государств и концентрации огромного массива объектов собственности в руках правителя потребовало делегирования части прав собственности от собственника к владельцу. Появление экономических субъектов, не являвшихся собственниками, но контролирующих процесс распределения (бюрократия, чиновники), привело к формированию теневых отношений распределения.

Хотя размах этих отношений и был порою очень значителен, до появления товарно-денежных отношений теневая экономика представляла собой достаточно примитивный экономический механизм.

Развитие рыночных отношений привело к появлению теневых отношений обмена, что коренным образом изменило все теневые отношения. Обмен, как стадия общественного воспроизводства, позволил проводить искусственный «водораздел» между легальными и теневыми субъектами и объектами. Данный тезис позволяет автору сделать важный теоретический вывод: теневые экономические отношения неоднородны и непоследовательны в воспроизводственном процессе. Возникнув как результат теневых отношений производства, объект может через стадию обмена предстать в отношениях потребления вполне легальным. Или субъект, получив доход в процессе обмена результатов теневых отношений производства на деньги «или иную обезличенную форму материальных благ», может выступать субъектом легальных экономических отношений.

Постиндустриальное общество – современная стадия социально-экономического развития, на которую вступили индустриально развитые страны в последней четверти XX века. Оно имеет много иных названий: «посткапиталистическое общество», «информационное, общество», «технотронное общество», «научная цивилизация» и другие.

Итак, становление постиндустриального мира является следствием взаимодействия самых разнородных факторов – возрастающих разрывов в производительности труда между различными отраслями экономики в развитых странах, сосредоточения их населения в менее производительных

секторах народного хозяйства и, наконец, сохраняющегося раскола мира на две подсистемы, отличающиеся номенклатурой обмена. По-видимому, такое положение может сохраниться надолго. Дело не в технологических и организационных факторах: наличие огромной безработицы и неполной занятости в сельском хозяйстве сдерживает применение трудосберегающей техники и, тем самым, повышение производительности. Отсюда – замедленное развитие так называемых современных отраслей экономики. Иначе говоря, термин «постиндустриальный мир» – лишь синоним неравноправия отдельных групп государств в мировом хозяйстве.

Теория постиндустриального общества является сегодня одной из наиболее распространенных социологических концепций, позволяющих адекватно осмыслить масштабные перемены, происшедшие в западных обществах на протяжении последних тридцати лет. Предложенная в конце 60-х – начале 70-х годов американскими и европейскими исследователями, в большинстве своем стоявшими на социал-демократических позициях, она вобрала в себя лучшие элементы научной традиции, восходящей к эпохе Просвещения.

В 90-е годы, среди множества российских интерпретаций постиндустриальной теории особое место на наш взгляд занимает работа Иноземцева В.Л. [1].

Автором подчеркивается близость методологических основ марксовской концепции и теории постиндустриального общества. Говоря о марксовской методологии, обычно имеют в виду диалектический метод, примененный в "Капитале". Не вдаваясь в дискуссию о его значении и непротворечивости, отметим, что К. Маркс, будучи последователем не только Г. Гегеля, но также и представителем европейского Просвещения конца XVIII в. усвоил и элементы позитивистского метода, особенно применительно к теории истории. Сочетание этого последнего с элементами скорее диалектического мироощущения, нежели диалектического анализа, позволили К. Марксу создать свою концепцию общественных формаций, которая может быть названа первым в истории примером адекватного подхода к социальному прогрессу[2, 3, 4].

В свое время К. Маркс говорил, что более развитая страна указывает менее развитой черты ее собственного будущего [6]. Этот тезис не утратил своего значения и сегодня. Поэтому нельзя не признавать, что весь индустриальный мир, к которому ныне принадлежит и Россия, в перспективе неизбежно повторит (естественно, с определенными модификациями и особенностями) тот путь, который прошли развитые постиндустриальные страны. Именно этот факт обуславливает необходимость непредвзятого изучения теории постиндустриального общества, которая в наиболее общих ее чертах не может не стать методологической основой любой современной обществоведческой доктрины.

В XXI веке теневая экономика приобретет форму противостояния индустриального и постиндустриального общества, индустриального производства и экономики знаний. Борьба с контрафактной продукцией есть ни

что иное, как столкновение нового и старого, новой экономики знаний основанной на главенстве человека как автора информации и информации как источника дохода, и старого человек как создатель материальной стоимости обезличенный и экономически зависимый. Борьба стран с постиндустриальной экономической системой против пиратской продукции основана на ограничении конкуренции. Исключительные права монополиста на тиражирование информации на материальных носителях, вступают в противоречие с постулатами экономики знаний:

1. Равному доступу к информации – противостоит асимметрия информации.

2. Свободе конкуренции – противостоит ущемление экономических интересов трансиндустриальных стран.

3. Концепция «догоняющего развития» – носящая декларативный характер.

4. Свобода перемещения ресурсов – приводит к усилению противоречий между глобальным характером экономики и локальным характером налогообложения. Создание оффшорных зон позволяет корпорациям успешно уходить от налогов, а криминалу отмывать грязные деньги.

5. Создание института «мирового контролера» за атомным оружием во благо всего человечества – представляющего, по сути, высокотехнологичный инструмент монополевой власти.

Вышеперечисленные противоречия, носящие глобальный характер, приводят к оправданию теневых экономических отношений, террористических действий, оппортунистическому поведению – несогласных с установившейся формой мирового порядка.

Теневая экономика стала одной из глобальных проблем современности.

Сегодня происходит интеллектуализация экономической преступности, а теневики с успехом используют новейшие достижения научно – технического прогресса в своих интересах.

В январе 1986 года, вскоре после своего ареста, хакер «The Mentor» опубликовал в журнале «Phrack» хакерский манифест: «... это наш мир, мир кодов и электронных импульсов, наполненный красотой модемных звуков. Мы бесплатно пользуемся услугами, которые могли бы стоить копейки, если бы вы не спекулировали на наших потребностях и не были так жадны... Вы называете нас преступниками. Мы стремимся к знаниям.... Вы называете нас преступниками. Мы существуем без цвета кожи, без национальности и религиозных предубеждений... Вы называете нас преступниками. Вы производите атомные бомбы, разжигаете войны, убиваете, обворовываете и врите нам, пытаясь убедить в своей правоте... А мы все так же остаемся преступниками.

Да, я преступник. Мое преступление – любопытство. Мое преступление – суждение о людях по их знаниям, мыслям и поступкам, а не по тому, как они выглядят. Мое преступление в том, что я умнее вас, за что вы не можете меня

простить. Я хакер, и это мой манифест. Вы можете остановить кого-то из нас, но вы не можете остановить всех нас» [7].

Глобальный характер социально – экономических процессов (в том числе теневой экономики) объективно снижает возможности отдельного государства и ставит вопрос об их регулировании силами всего мирового сообщества. Сегодня же наднациональные механизмы регулирования в сравнении с масштабами глобализации развиты недостаточно.

Очевидно, что проблемы теневой экономики могут быть решены лишь при условии объединения усилий мирового сообщества, включая деятельность международных организаций, правоохранительных органов, институтов гражданского общества. Это обусловлено не только масштабами теневой экономики, но и сложившимся мировым разделением труда. Так, целые страны и регионы мира являются источниками миграции рабочей силы, другие же специализируются на производстве криминальных товаров и услуг. Не будет преувеличением утверждение, что для многих теневая экономика стала основой жизнеобеспечения. Отдельным странам не под силу отказаться от теневой экономики не только потому, что она чрезвычайно доходна, затрагивает интересы влиятельнейших групп, имеющих обширные международные связи, но и потому, что ее ликвидация требует реализации дорогостоящих социальных программ для переориентации деятельности населения, создания новых легальных прибыльных отраслей производства. Для этого необходимо объединение финансовых средств мирового сообщества и его интеллектуальных сил.

В заключении следует отметить основные выводы, которые служат основой для дальнейшего анализа данной проблемы.

Во-первых, происходит расслоение населения Земного шара на тех, кто владеет новыми технологиями и тех, кто ими не владеет. Как следствие, наблюдается формирование нового типа поляризации в современном мире. Поляризация влечет за собой дисгармонию развития, а та, в свою очередь, порождает новые проблемы и угрозы как, например, проблема «утечки мозгов». В результате бедные и неблагополучные становятся еще беднее.

Складывание двух противостоящих друг другу полюсов проливает свет на главное противоречие современной эпохи, которое состоит в усилении эксплуатации развивающихся стран со стороны развитых государств и связанной с ней зависимостью и отсталостью.

Во-вторых, государственные структуры в связи с информационным и коммуникативным бумом, прозрачностью национальных границ все в большей степени теряют часть властных полномочий.

В-третьих, прозрачными становятся не только территориальные границы, но и доступность информации. Это порождает еще одну проблему – проблему информационного терроризма.

Также передача информации с огромной скоростью и ее тиражирование ставит проблему защиты интеллектуальной собственности как основного ресурса, приносящего доход.

Таким образом, глобализация содержит в себе колоссальный потенциал развития теневых отношений на основе механизма постиндустриальной экономики. Она открывает новые перспективы – и в то же время обостряет старые болезни, создает угрозы и опасности. Чтобы быть обращенной во благо, а не во вред, она требует концентрации политической воли, творческого воображения, неординарных подходов. Фактически речь идет о создании многоуровневых систем управления глобального охвата.

Литература

1. *Иноземцев В.Л.* Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществоведения // Вопросы философии. 1997. № 10. С. 29-44
2. *Иноземцев В.* Капитализм, социализм или постиндустриальные общества? // Коммунист. 1991. № 4. С. 32-40
3. *Иноземцев В.Л.* Экономическая общественная формация: границы понятия и значение теории // ПОЛИС. 1991. № 4. С. 35-46
4. *Иноземцев В.Л.* Альтернативность общественного развития // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 1991. № 2. 3-10 и др.
5. *Иноземцев В.Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С. 29, 96-154.
6. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: В 4 т. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23-25. М., 1985.
7. *Левин Максим.* Секреты компьютерных взломщиков. Крэкинг.- М., «Познавательная книга плюс», 2001г.

2. РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ: ЛОВУШКА ИЛИ ШАНС?

Колодня Г.В.

ВОЗМОЖНОСТЬ ВСТРАИВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Анализируя место России в мире, следует отметить более чем скромную роль отечественной экономики. На протяжении последних нескольких лет доля нашей страны в мировом ВВП не превышала 1,5-1,8%. По доле участия страны в мировом ВВП, согласно данным МВФ, Россия находится на 12 месте (2016 г., 1,77%), уступая следующим странам: США (24,41%), Китаю (15,41%), Японии (5,6%), Германии (4,5%), Франции (3,25%), Индии (3,23%), Бразилии (2,48%), Италии (2,42%), Канаде (2,17%), Южной Корее (1,94%). В связи с этим возникает ряд вопросов: «Сможет ли Россия занять более достойное место в мире и войти в десятку мировых лидеров?» «Сумеет ли российская промышленность встроиться в глобальные цепочки добавленной стоимости?» «Смогут ли отечественные компании в недалеком будущем фигурировать на мировом рынке в качестве международных ТНК?» Попытаемся ответить на поставленные нами вопросы, осуществляя анализ отечественной экономики.

Прежде чем приступить к анализу состояния современной отечественной экономики, необходимо отметить следующее. Система международного, межотраслевого и регионального разделения труда, специализация и кооперация производства, сформированные в течение нескольких десятилетий и существовавшие во времена функционирования СССР, были разрушены в 1990-е гг. Трансформационный кризис 1990-х гг. «отбросил» отечественную экономику на десятки лет назад. В дальнейшем политика, проводимая российским государством, была направлена исключительно на развитие высокодоходных и быстро окупаемых видов деятельности. Доступные по цене и долгосрочные финансовые ресурсы, жизненно необходимые для развития промышленности, финансовый рынок России предоставить не мог.

Оценивая эффективность функционирования современного отечественно финансового рынка, необходимо указать на некоторую его обособленность и отстраненность от реального сектора экономики. На сегодняшний день отечественный финансовый рынок в лице рынка ценных бумаг занимает незначительное место по сравнению с мировыми фондовыми площадками, что подтверждают данные Всемирной федерации бирж. Крупнейшая в России Московская биржа, входящая в двадцатку ведущих фондовых площадок мира по суммарной капитализации торгуемых акций, имеет средние показатели по обороту осуществляемых на ней сделок. Так, в 2016 г. Московская биржа занимала 27 место из 82 бирж по объему рыночных сделок; 39 место по числу компаний в листинге акций; 22 место по капитализации листинговых

компаний; 14 место по объему всех биржевых сделок с облигациями [1, 30-32]. Сравнительный анализ Московской биржи по другим показателям иллюстрирует удручающую картину, свидетельствующую о несоответствии размеров внутреннего отечественного финансового рынка масштабам национальной экономики. Согласно оценке рейтинга глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума, Россия занимает 6 место из 138 стран в мире по размеру внутреннего потребительского рынка. Показатели развития финансового рынка (рынка ценных бумаг) слишком далеки от позиций первой десятки. Так, по количеству листинговых компаний в расчете на 1 млн. человек в 2015 г. Россия находилась на 69 месте из 79 стран мира, по которым рассчитывался этот индикатор. В 2015 г. на 1 млн. человек в Российской Федерации приходилось всего 1,7 компаний в биржевом листинге при среднемировом значении – 5,9 компаний. По количеству участников российская площадка выглядит весьма скромно по сравнению с известными мировыми фондовыми биржами. Число листинговых компаний, представленных на Московской бирже в 2016 г. составило всего 245, тогда как на Нью-Йоркской бирже (NYSE) – 3218, Лондонской бирже (LSE) – 1242, Гонконгской бирже (HKEX) – 1883, Мадридской бирже (BMEX) – 3601 [1, 58]. Следовательно, российский фондовый рынок не является для отечественных промышленных компаний площадкой для привлечения инвестиционного капитала.

Российскую банковскую систему также сложно отнести к эффективно работающей в области кредитования промышленных компаний. Российский бизнес вынужден работать в условиях ограниченного доступа к кредитам коммерческих банков по причине возникающих сложностей в получении банковского кредита и его дороговизны. Один из представителей отечественной промышленной элиты, Сергей Недорослев, являющийся президентом компании «Стан» - лидера российского станкостроения, считает, что отечественное станкостроение работает в условиях неблагоприятной, и даже враждебной по отношению к промышленности, кредитно-финансовой политики. Это приводит к отсутствию длинных и недорогих денег на техническое перевооружение, и поэтому не позволяет компаниям реального бизнеса активно развиваться. Проводимая в России денежно-кредитная политика была сформирована Центральным банком в 1990-е гг. под потребности существующей в то время экономики, в которой превалировали торговые и финансовые компании, имеющие быструю оборачиваемость средств. В современных условиях денежно-кредитная политика является губительной и разрушительной для развития российской промышленности [5].

Известно, что промышленные предприятия работают в принципиально иных условиях по сравнению с торговыми или финансовыми компаниями. Они имеют более длительный производственный цикл, составляющий несколько месяцев (к примеру, производственный цикл станок составляет более 9 месяцев). В результате, станкостроительные заводы при получении нормы прибыли в пределах 5-25% вынуждены направлять банкам основную часть

получаемого дохода в виде платы за процент по кредиту в размере 10-15%. В итоге, имеет место порочная практика, приводящая к «вымыванию» необходимых для развития ресурсов, имеющая в отечественном промышленном производстве [5].

Следующая проблема, возникающая при взаимодействии промышленных предприятий и коммерческих банков, связана с отказом в получении кредита по причине недостаточного залога. Это происходит потому, что в качестве залога, или обеспечения по кредиту, коммерческий банк принимает исключительно ликвидные активы (к примеру, легко реализуемые ценные бумаги, которые отсутствуют у предприятия). Обращаясь к практике кредитования компании «Стан», необходимо отметить следующее. Коммерческие банки рассматривают входящие в состав компании станкостроительные заводы, расположенные в различных российских регионах, в форме неликвидных активов, следовательно, существенно занижают оценку производственных активов. Это не позволяет сформировать кредитное обеспечение в необходимых объемах, следовательно, является основанием для отказа в получении кредита.

В результате, компания «Стан», как и многие отечественные предприятия реального сектора экономики, вынуждена работать в условиях недостатка инвестиционных ресурсов и выстраивать стратегию своей деятельности, исходя из приоритета текущих задач – сосредоточившись на выполнении конкретных заказов, не создавая резервов под будущее развитие. В отличие от спартанских условий деятельности отечественных предприятий, аналогичные зарубежные компании работают в более благоприятных условиях. К примеру, стоимость привлекаемых кредитных ресурсов станкостроительными компаниями в Швейцарии или Германии составляет 1% годовых.

В условиях недостатка финансовых ресурсов для развития, российскому промышленному бизнесу сложно проводить модернизацию производства, разрабатывать новые образцы моделей, осуществлять экспансию на зарубежные рынки.

Не лучшим образом обстоят дела с кредитованием отечественного сектора МСП (малое и среднее предпринимательство), традиционно считающегося драйвером развития национальной экономики. Согласно данным АРБ (Ассоциация российских банков), доля кредитов субъектам МСП в России в 2015 г. не превышала 15%. Низкий спрос на банковские кредиты напрямую связан с их дороговизной. При средней рентабельности продаж крупного и среднего бизнеса в России, составившей в 2015 г. чуть более 8%, ставка по корпоративным ссудам на срок более одного года была вдвое выше, и находилась на уровне 15% [2]. Сложно рассчитывать на эффективную работу при условиях, когда доходность бизнеса в два раза ниже стоимости привлекаемых для его развития ресурсов.

Необходимо также отметить, что малый бизнес при кредитовании имеет более невыгодные позиции по сравнению с условиями кредитования крупных и средних компаний. Ставки по кредитам для предприятий малого бизнеса являются более высокими, поскольку в цену кредита банк закладывает

повышенный риск его невозврата малыми предприятиями. Также при кредитовании малого бизнеса, согласно распоряжению Центрального банка, коммерческий банк должен сформировать резерв в размере 100%-й суммы выданного кредита на случай его невозврата. Все это делает малый бизнес малопривлекательным для кредитования коммерческими банками.

Анализируя состояние российской банковской системы за последние десять лет (с 01.01.2007 г. по 01.01.2017 г.), следует отметить сокращение количества коммерческих банков с 1143 до 575. Активная политика Центрального банка России по отзыву лицензий у коммерческих банков привела к усилению олигополизации банковского сектора. Доля крупнейших банков, входящих в топ-5, в совокупных активах возросла с 42,5% до 55,3% на фоне резкого снижения показателей по региональным банкам, так называемым «рабочим лошадкам», активно работающим с реальным бизнесом. Доля банков в совокупных активах, занимающих в рейтинге места, начиная с 201 и ниже, сократилась с 8,2% до мизерных 2%. За указанный десятилетний период имело место сокращение доли кредита как источника инвестиций в основной капитал – с 8,7% до 5,9% [2]. Даже по специально созданному в нашей стране проекту, предусматривающему льготное кредитование МСП, кредитование сферы МСП осуществлялось по завышенным ставкам. В 2017 г. для малых предприятий ставка по кредиту составляла – 10,6%, для среднего бизнеса – 9,6%, в то время как в Евросоюзе процент по кредиту для сектора МСП не превышал 2% [6].

Неэффективность работы российского финансового рынка пытаются нивелировать сформированные в нашей стране институты развития. Однако прежде чем будут рассмотрены особенности функционирования Фонда развития промышленности (ФРП) (2014) – самого молодого из созданных в нашей стране институтов развития, следует указать на наметившийся в последние годы в отечественной экономике положительный перелом в отношении промышленного производства. Знаковым событием стало принятие в 2015 г. Закона о промышленной политике Российской Федерации, в котором впервые за последние годы были обозначены приоритеты преимущественного развития высокотехнологичного промышленного производства [10]. Все последующие события, происходящие в нашей стране, стали развиваться в направлении от некоторой приостановки разрушительной вакханалии в отношении промышленности к постепенному восстановлению промышленного производства. Рассмотрим положительные практики наметившегося в нашей стране возрождения промышленного производства.

Значительный вклад в процесс восстановления отечественного промышленного производства осуществляется ФРП. ФРП как раз и был создан в целях решения проблемы доступности финансовых средств, т.е. для кредитования промышленных предприятий на выгодных для них условиях. ФРП осуществляет долгосрочное кредитование сроком до 7 лет на сумму от 50 до 500 млн. руб. под 1% или 5% годовых. Несмотря на ограниченность средств ФРП и непродолжительный период его работы, можно отметить определенные достижения. Так, за трехлетний период функционирования (2015 - 2017 гг.) из

средств ФРП было профинансировано 224 проекта в 54 регионах России с созданием более 18 тыс. новых рабочих мест. Общий объем инвестиций в экономику нашей страны составил около 60 млрд. руб. [8]. Считаем, что дальнейшая деятельность этого Фонда будет оказывать реально значимый вклад в процесс возрождения отечественной индустрии.

Единственным недостатком ФРП является его низкая капитализация. Ежегодная сумма, выделяемая государством для финансирования индустриальных проектов из ФРП, не превышает 20 млрд. руб. На фоне тотального разрушения промышленного производства, происходившего в течение последних двух десятилетий, наблюдается острая потребность в доступных и долгосрочных инвестиционных ресурсах со стороны большого количества субъектов. По мнению специалистов, для индустриального возрождения России в течение 5-10 лет необходимо вкладывать не менее 1,5-2 трлн. руб. в год. Это продиктовано деградацией промышленного потенциала России: средний срок службы станков в отечественном машиностроении составляет 27 лет. Наивно полагать, что наличие устаревшей в моральном и физическом плане индустриальной базы может привести российские компании к созданию конкурентоспособного продукта.

Следующим позитивным шагом нашей страны по пути к новой индустриализации стала программа создания инновационных кластеров в российских регионах. Основная причина, по которой в ряде регионов приступили к процессу формирования кластеров, была связана с решением территорий «уйти» от сложившейся деформированной структуры валового регионального продукта, формируемой, в основном, за счет добывающих производств. Осознавая необходимость принципиального ее изменения через поощрение развития обрабатывающей индустрии и передовых технологичных производств, в регионах избрали путь создания благоприятных условий для работы бизнеса. Со временем пришло понимание того, что комфортная среда обитания в регионе может стать центром притяжения для инвесторов, а в дальнейшем будет способствовать созданию новых рабочих мест, обеспечит значительные налоговые поступления в бюджет региона, следовательно, сможет создать солидную фундаментальную базу для промышленного и инновационного развития территории. В дальнейшем рассмотрим наиболее успешные практики создания и работы инновационных кластеров в некоторых российских регионах.

Самым успешным в направлении создания инновационных кластеров, на наш взгляд, является опыт работы Калужской области. Создание в Калужской области 12 индустриальных парков и открытие двух площадок особых экономических зон (Людиново и Боровск) в совокупности позволили сформировать благоприятные условия для развития прочной индустриальной базы. Бизнес получил производственные площадки с полноценно работающей инфраструктурой, обеспечивающей адресное сопровождение инвестиционных проектов, что позволило за короткие сроки открыть новые предприятия. К примеру, за период с 2006 по 2015 гг. в области начали работу около 90 новых

предприятий с количеством работающих 25 тыс. [4]. Калужская область имеет семь продуктивно работающих кластеров: фармацевтический, автомобильный, агропромышленный, транспортно-логистический, информационно-технологический, туристический и кластер авиационно-космических технологий.

Самым инновационным в Калужской области является фармацевтический кластер, в состав которого входит более 60 производителей, в том числе известные мировые бренды «Штада», «Берлин-Хеми/Менарини», «НиармедикПлюс», «Ново Нордикс», «Астра Зенека», а также небольшие инновационные фирмы, доля которых составляет 70% от общего числа компаний. Специализируется региональный фармацевтический кластер на производстве оригинальных и инновационных фармацевтических субстанций и на осуществлении сопроводительного технологического и процедурного инжиниринга в области фармацевтики. Фармакластер пока имеет незначительную долю товаров и услуг на российском рынке, не превышающую 3%. Однако, к 2020 г. планируется увеличение этого показателя до более весомых 10%. Следует отметить, что 70% продукции, произведенной предприятиями фармакластера, относится к инновационной [4].

Следующий пример из Ульяновской области, где осуществляется формирование на основе объединения двух успешно работающих высокотехнологических кластеров (авиационный и ядерный) нового кластера под названием «Технокампус 2.0». Считается, что для его успешной реализации недостаточным является работа компании «Авиастар-СП» и ее партнеров по строительству и ремонту сверхтяжелых транспортных самолетов Ил-76 и функционирование инновационного ядерного кластера г. Димитровграда. В Ульяновской области при содействии института развития в лице «Роснано» планируется наладить производство радиоэлектроники, освоить производство материалов с новыми свойствами и ядерные технологии в приложении к медицине. Для этого в регионе имеется мощная база в форме передового промышленного производства и эффективно функционирующей сферы малого бизнеса. В Ульяновской области возлагают большие надежды на создание нового инновационного кластера. Считается, что благодаря его образованию будет отчасти решена проблема трансформации региональной экономики – осуществлен переход от преобладающей в настоящий момент индустриальной модели, ориентированной на традиционные рынки, к модели с преобладающей долей новой высокотехнологичной экономики [9].

Томской областью принято аналогичное решение на базе функционирующих ранее пяти кластеров создать новый инновационный кластер «SMART Technologies Tomsk», являющийся своеобразной площадкой для выращивания глобальных игроков в сфере телемедицины, промышленной робототехники, пробиотики, производства фармацевтических ингредиентов. В состав нового кластера вошли наряду со зрелыми компаниями-флагманами динамично развивающиеся фирмы среднего и малого бизнеса, научно-образовательные компании. В состав участников кластера входит более 115

организаций с количеством работающих более 150 тыс. человек, свыше половины из которых, занята в сфере высшего образования [3].

Следующий проект, направленный на возрождение промышленности в нашей стране, связан с выращиванием отечественных национальных чемпионов, будущих ТНК, из быстрорастущих высокотехнологических компаний среднего бизнеса «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров», или «Национальные чемпионы», к реализации которого Минэкономразвития при поддержке Российской венчурной компании (РВК) приступили в 2016 и 2017 гг. Цель проекта состоит в содействии опережающего развития передовых компаний среднего бизнеса и формирование на их основе отечественных транснациональных компаний.

Проект «Национальные чемпионы» не предусматривает дополнительного финансирования. В рамках системы консердж-менеджмента – прямого контакта и взаимодействия с ключевыми правительственными учреждениями и ведомствами - предполагается предоставлять компаниям-участникам проекта быстрый и комфортный доступ к существующим в нашей стране инструментам государственной поддержки, включая институты развития, а также обеспечивать информационно-консультационное сопровождение проектов этих компаний внутри страны. Компании-участники проекта также получают помощь менторов от успешных предпринимателей и профессиональных консультантов. Итогом реализации проекта «Национальные чемпионы» (2020г.) должен стать выход компаний определенные показатели. Половина компаний-участников должна показать рост объема высокотехнологичного экспорта в 4 раза, предусматривается, что две компании должны выйдут на объем продаж в 1 млрд. долл. в год, десять компаний – на объемы продаж в 500 млн. долл. в год [7].

В результат отбора компаний-претендентов, осуществлявшегося в 2016 и 2017 гг., победителями стали соответственно 30 и 32 компании. Компании-победители являются быстрорастущими высокотехнологичными экспортоориентированными фирмами среднего бизнеса. Их деятельность представлена в различных сферах: ИТ, фармацевтика, станкостроение, производство одежды, семян, полупроводниковых изделий, электроинструмента, электротехнического оборудования, композиционных материалов из самых разных регионов нашей страны. Полагаем, что именно эти компании в недалеком будущем будут определять «профиль» отечественной экономики и достойно представлять Россию на зарубежных рынках. Уже сегодня участники проекта «Национальные чемпионы» активно осуществляют зарубежную экспансию и встраиваются в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Отвечая на ряд поставленных в самом начале статьи вопросов о возможности возрождения отечественной промышленности, необходимо отметить следующее. Происходящие в последние несколько лет изменения меняют ситуацию в лучшую сторону. Принятие закона о промышленной политике в совокупности с активизацией работы ФРП иллюстрируют

положительные достижения. Усиливается роль регионов в процессе формирования инновационных кластеров. Реализация программы «Национальные чемпионы» открывает «зеленый коридор» для опережающего роста высокотехнологичных компаний, активно осуществляющих экспорт и встраивающихся в глобальные цепочки создания стоимости. Современная Россия идет по пути технологического возрождения.

Литература

1. *Абрамов А.Е.* Российский финансовый рынок: факторы развития и барьеры роста. Научный редактор Радыгин А.Д. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017.
2. Годовой доклад съезду Ассоциации российских банков-2017. <http://www.arb.ru> (дата обращения: 30.01.2018).
3. *Ермошин А.* Томская область – территория экспортного развития. <http://www.ruexpert.ru/research/ved/3596> (дата обращения: 30.01.2018).
4. Инвестиционный портал Калужской области. <http://www.investkaluga.com/medianews/92-5-mind> (дата обращения: 30/01/2018).
5. Официальный сайт компании «Стан». <http://www.stan-company.ru> (дата обращения: 30.01.2018).
6. Официальный сайт Корпорации МСП. <http://www.corpmsp.ru> (дата обращения: 30.01.2018).
7. Официальный сайт проекта «Национальные чемпионы». <http://www.national-champions.ru> (дата обращения: 30.01.2018).
8. Официальный сайт Фонда развития промышленности. <http://www.frprf.ru>. (дата обращения: 30.01.2018).
9. Сайт Корпорации развития Ульяновской области. <http://www.ulregion.com> (дата обращения: 30.01.2018).
10. Федеральный закон «О промышленной политике в российской Федерации». ФЗ № 488 от 31 декабря 2014 г. <http://www.base.garant.ru> (дата обращения: 30.01.2018).

Мельченко В.Е.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСПОРТИРОВКИ: ПУТИ, СТРУКТУРЫ, АНТИСТРУКТУРЫ

Введение. Транспортировка на глобальном уровне приобрела особую актуальность в условиях глобальных процессов разделения труда, перераспределения природных ресурсов и продуктов производства между территориями производства и потребления.

Резкая территориальная дифференциация районов производства и районов потребления, перенос производства в районы Китая и Юго-Восточной Азии резко увеличил объемы перевозок. Зависимость от путей транспортировки в значительной мере характерна и для России в Евразийском пространстве, функционирующей в глобальном плане, как страна экспорта природных ресурсов и импорта продуктов производства.

Анализ пространственных структур глобального управления может включать различные измерения: экономические, технологические, охраны окружающей среды (экологические), геополитические, социологические, демографические и исторические аспекты. В связи с доминированием финансового сектора в управлении, над реальным, все более значимыми

становятся вопросы приоритета различных форм контроля над реальным сектором. Формы контроля уходят от рыночных механизмов, приоритета технических средств. Актуальным становятся контроль: экономический (финансовый), экологический, социально-экономический.

Особенные проблемы транспортировки создают жесткие пути долгосрочной окупаемости: железнодорожные пути, каналы, порты, трубопроводы. Особенно, ставят в зависимость специализированные пути – трубопроводы. Проблемные ситуации жестких форм транспортировки всегда ставят в зависимость от стран транзита, компаний, что приводит к дополнительным, иногда очень значительным расходам, экономическим, и даже политическим условиям. Вопрос жестких форм транспортировки, в целом, становится вопросом, решаемым на уровне геополитики и экономики глобального уровня.

Структурный подход. В вопросах глобальной транспортировки, структурный подход к управлению имеет особое значение перед рыночными механизмами.

Соответственно образующим структурам (институтам) путей транспортировки формируются *антиструктуры (антиинституты)*: «По нашему мнению, бессмысленно ставить вопрос о том, является ли данный институт "ангелом" или "дьяволом", однако есть основания говорить о том, что каждый "полезный" институт едва ли не автоматически порождает и "антиинститут" [5]. Сюда входят и паразитирующие структуры – пиратство (терроризм), соответственно им организованные структуры охраны, и как финансовые надстройки институты страхования. Сюда вписываются и институты экологического контроля и экологического страхования.

Особенную роль в транспортировке играют институты оффшорных зон, где зарегистрирована значительная часть транспортных средств, особенно, водного, морского транспорта.

Сложившаяся ситуация отражается в теоретических положениях о социально-экономических этапах развития общества, специфики существующего этапа общественного социально-экономического устройства, как «общества Контроля» – завоевание рынков происходит теперь через *захват контроля*, – отмечается в работах французского философа Ж. Делёза [4]. В вопросах транспортировки, *структурный подход к управлению* имеет особое значение перед рыночными механизмами.

Глобальное структурирование пространства. Происходит формирование особенной структуры пространства в процессе глобализации: *ворот глобализации и территории производства*: модель торгово-финансового центра и эксплуатируемой им провинции [6]. Как наиболее активные пространственные структуры глобализации определяются: центры (ворота) глобализации, территории производства и размещения актуальных ресурсов глобального уровня, *пути и пространство на пути транспортных потоков*, административные границы, узлы, узкие места.

Как особые дополнительные элементы модели глобализации, характерны структуры, куда выводится капитал – *оффшорные финансовые центры*. Преимущественно, это пространственно периферийные зоны, расположенные преимущественно на островных государствах, что способствует обеспечению их информационной безопасности. В рассматриваемом вопросе особую значимость приобретают оффшорные зоны, как объекты регистрации морских судов. Хотя это и общемировая тенденция, но для России в постсоветский период приобрела особую значимость. Значительная доля морских судов зарегистрирована в оффшорных зонах. Регистрация в оффшорных зонах дает возможность не только ухода от налогов, но и ухода от ответственности, что в целом, ослабляет возможности контроля. В системе глобального контроля оффшорные зоны приобретают особую значимость и становятся частью системы, зачастую *альтернативной глобальному контролю*.

Наблюдается формирование механизма управления, переходящего, частично, на надгосударственный, глобальный уровень управления, за которым могут стоять конкурирующие транснациональные корпорации. Как отметил актуализируемый в последнее время американский экономист и политик Дж. Гэлбрейт, – современные «зрелые корпорации» уже подчинили рыночный механизм своим целям: сами устанавливают цены, стремясь не к увеличению прибыли, а к *обеспечению своей автономии* [3].

Пространство на пути транспортных потоков. Для глобализации характерно возникновение дублирующих транспортных магистралей за счет конкуренции, *стремление к формированию независимых транспортных путей*.

На глобальном уровне актуальны формируемые и действующие международные транспортные коридоры (МТК), например, ТРАСЕКА (в основе альтернативный, конкурентный России), Восток-Запад (Транссиб), Север-Юг, в зоне повышенного внимания находится формируемый перспективный МТК Северный морской путь.

Особенно выражено стремление к выбору относительно независимого пути при транспортировке энергетических ресурсов.

Активизируется геополитическая ситуация вокруг Северного морского пути, который может выступать и как альтернативный, относительно независимый транспортный путь из Азии в Европу, минуя напряженные и потенциально опасные участки в районе Баб-эль-Мандебского пролива, Суэцкого канала, и Малаккского пролива.

Актуальным и проблемным остается, в транспортном плане, Каспийский регион. Недавно, правительством было заявлено о подключении Северного Кавказа в МТК Север-Юг, включение порта Махачкала в МТК Север - Юг.

Россия и Казахстан могут оказаться в конкурентных позициях в силу выгодного географического положения Казахстана по отношению к грузопотоку из Китая. Ситуация может обостриться, если Казахстан построит дорогу с шириной колеи, соответствующей китайской, европейского размера, тогда Россия может потерять грузы, которые могли идти по Транссибу.

Как *альтернатива глобальному контролю*, в Давосе (экспертом докладе 2018 года) обозначается возникновение «множества проектов масштабных торгово-экономических коридоров» в Евразии.

Прежде всего это *проект Китая «Один пояс, один путь»* по построению новых торгово-логистических маршрутов на континенте и в Тихоокеанском регионе.

Предполагается, что основные маршруты "Экономического пояса Шелкового пути" будут проходить:

— из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря);

— из Китая через Центральную Азию и Западную Азию к Персидскому заливу и Средиземному морю;

— из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану.

Основные направления "Морского Шелкового пути XXI века":

— из морских портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы;

— из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана.

В указанных направлениях планируется сформировать международные коридоры экономического сотрудничества: "Китай — Монголия — Россия", "Китай — Центральная Азия — Западная Азия", "Китай — Индокитай", "Китай — Пакистан" и "Бангладеш — Индия — Мьянма — Китай".

С другой стороны, стратегия ««Один пояс – один путь» – может рассматриваться и как альтернатива (антиструктура) и по отношению к институтам США. Так, генерал-майор Народно-освободительной армии Китая Цяо Лян отмечает, что «Один пояс – один путь» – это ответная стратегия на американский «поворот к Азии». Эксперты Университета национальной обороны НОАК Чжао Чжоусянь и Лю Гуанмин заявляют, что ЭПШП «расширяет стратегическое пространство безопасности вокруг Китая, стабилизирует поставки энергетических ресурсов, обеспечивает экономическую безопасность и прорыв стратегического окружения по сдерживанию КНР» [9].

Но, проект Китая «Один пояс, один путь» может представлять альтернативу и торговым путям России, международным транспортным коридорам (МТК) России, особенно, МТК Восток-Запад (он же Транссиб). Также и частично может составить конкуренцию МТК «Север-Юг», особенно, на южном участке.

Сюда же относится деятельность России по освоению *Северного морского пути* на новом технологическом уровне.

При этом, важно отметить, что альтернативные «торгово-экономические коридоры» не контролируются наднациональной элитой и составляют зримую конкуренцию глобальным соглашениям вроде трансатлантической и транстихоокеанской зон свободной торговли [8].

В условиях сложных отношений с Украиной, построен обходной железнодорожный путь между станциями «Миллерово» и «Журавка».

С другой стороны, формируются пути альтернативные России и на европейском постсоветском пространстве. Проектируется водный путь «Междуморье» – Днепр-Висла (Е-40), проходящий по территории Польши, Беларуси и Украины (через реки: Висла, Западный Буг, Припять и Днепр), соединяющий Балтийское и Черное моря [2], а в перспективе обеспечивающий вход в воднотранспортную систему Западной Европы. Такой путь может составить конкуренцию Единой глубоководной системе Европейской территории России. В главном, проект водного пути Е-40 дает возможность, с одной стороны, независимому транспортному пути, с другой – интеграции государств (Украина, Беларусь, Польша).

Узкие места, перекрестки. Глобализация проявляется, с одной стороны, в создании транспортных путей, а с другой, в стремлении к контролю над грузопотоками. В транспортных узлах и узких местах формируются контрольные точки за грузопотоками. Наиболее характерно использование контроля в морских проливах.

Например, Турция в порту Стамбул, на основании экологических ограничений, контролирует грузопотоки через пролив Босфор. Характерна конкуренция структур управления, в том числе природоохранных и обеспечения безопасности.

Вероятно, на перспективном международном транспортном коридоре «Северный морской путь», контролируемым участком глобального уровня может стать Берингов пролив.

Граница – становится зоной активности при включении схем контроля управления глобального уровня. Так, ещё немецкий геополитик К. Хаусхофер определял границу как зону борьбы, активного взаимодействия. Особенно, граница, как зона повышенной активности в глобальных процессах выступает на пути транспортных глобальных грузопотоков.

Роль границы, как зоны активного взаимодействия, проявляется и в сформированном Таможенном союзе (Россия, Беларусь, Казахстан). Здесь, как отмечено [7], в самом выгодном положении оказывается *государство, через внешние границы которого проходит грузопоток*. Например, Беларусь, через которую могут проходить грузы из ЕС или стран, находящихся под «антисанкциями», может использовать реэкспорт; также Казахстан, через который проходят грузы с юга, находится в более выгодном положении в Таможенном союзе. Ситуация становится особенно актуальной в условиях санкций и «антисанкций».

В тоже время, в условиях контроля, формируются возможности для использования условий преимуществ протекционизма для России, особенно, в сфере производства сельскохозяйственной продукции.

В транспортных евразийских связях, особенно важным *конкурентом намечается Казахстан*, привлекающий грузопотоки на свою территорию и в

тоже время, входящий в международный транспортный коридор ТРАСЕКА (альтернативный России).

Механизм внешнего управления – контроль пространства на пути транспортных потоков. Исторически важнейшие объекты глобализации – пространства на пути транспортных потоков глобального уровня. Они в первую очередь становятся объектами повышенного внимания в мировой экономике за управление торговыми путями.

Прямые и не прямые технологии внешнего управления (экономические, террористические, военные угрозы, контролируемые природоохранные методы,) привязаны к конкретному пространству, к перераспределению материальных благ. Такое положение не всегда очевидно и зачастую затуманивается картинами информационной глобализации, представлениями о гомогенности процессов глобализации в модели неолиберальной экономики.

Для России, в условиях тотальной зависимости от экспортно-импортной экономики, механизмом управления на уровне реального сектора становятся транспортные системы. То есть, именно ***транспорт становится ведущей реальной технологией управления и контроля реальной экономики с возможным внешним управлением и использованием в антироссийских программах.***

Доминирование в России экспорта ресурсов и импорта готовой продукции, создают условия зависимости от транспортных связей. Что создает условия возможности для внешнего контроля за перевозками.

Особенные проблемы транспортировки создают жесткие пути долгосрочной окупаемости: железнодорожные пути, трубопроводы. Особенно, ставят в зависимость специализированные пути – трубопроводы. Проблемные ситуации жестких форм транспортировки всегда ставят в зависимость от стран транзита, компаний, что приводит к дополнительным, иногда очень значительным расходам, экономическим, и даже политическим условиям. Вопрос жестких форм транспортировки, в целом, становится вопросом, решаемым на уровне геополитики и экономики глобального уровня.

Контроль над ключевыми точками грузопотоков, как и во все времена приводит к дополнительным расходам перевозчиков (за счет увеличения расстояния, выполнения особых технических требований, страховых затрат, затрат на безопасность и др).

Объектами контроля и управления на глобальном уровне, прежде всего, являются территории размещения актуальных ресурсов глобального уровня и пространство на пути транспортных потоков.

Технологические схемы скрытого управления (контроля). В последние десятилетия особенно актуальным становится *использование экологических мотивов* в качестве управляющего механизма. В тоже время сложность, неоднозначность, неопределённость природных процессов и явлений дает возможность для различных манипуляций. Такой мотив даёт возможность для использования природоохранных оснований в качестве механизма управления, при этом охрана природы используется только как ограничивающий фактор.

В последнее десятилетие активизируется геополитическая ситуация вокруг Северного морского пути. В Арктике также формируются глобальные природоохранные программы. Признавая значимость природоохранных программ для Арктики, следует признать, что дополнительный надгосударственный механизм контроля и управления может ослабить приоритет России в использовании Северного морского пути.

Наблюдается формирование механизма управления, переходящего, частично, на надгосударственный, глобальный уровень управления, за которым могут стоять конкурирующие транснациональные корпорации.

Безопасность. Выражена мировая тенденция, когда происходит изменение географии источников основных массовых грузов, стремление ослабить зависимость от единственного уникального источника за счет поиска альтернативных, хотя и дальних, источников. В целом, в связи с увеличением мощности грузопотоков, их значимости, соответственно, увеличиваются методы территориального контроля над транспортировкой грузов. Контроль может осуществляться не только в пределах международного права, но и вопреки. Но, во всех ситуациях, безопасность становится бизнесом [10].

Поиск независимых путей. В последние десятилетия особенно актуальным становится поиск независимых путей. При этом доля реального сектора в транспортировке уменьшается. Наблюдаются ситуации, *когда выгоднее в рамках крупных транспортных компаний хотя и технологически более затратные перевозки, но более независимые.*

В рассматриваемом плане, в геополитическом аспекте, особенность России в не самом выгодном положении – континентальность, что влечет за собой относительно повышенные издержки при транспортировке грузов, относительно океанических держав [1]. При этом, континентальность не только удорожает стоимость перевозок, но и создает ситуацию большей зависимости, жесткости маршрутов перевозок, особенно, это касается трубопроводов. Множество проблем создает зависимость от континентальных границ. Актуальным остается вопрос безопасности. Учитывая, что безопасность торговых путей (транспортировки) рассматривается и как бизнес.

Выводы

- Наблюдается повышение значимости глобального контроля за торговыми путями, как механизма управления экономическим развитием государств.

- Особенно актуальным становится поиск независимых путей. При этом доля реального сектора в транспортировке уменьшается. Наблюдаются ситуации, когда выгоднее в рамках крупных транспортных компаний хотя и более затратные перевозки, но более независимые.

- Для освобождения от внешней экономической зависимости необходимо держать под контролем (не допускать внешнего контроля) пути транспортировки грузов: как экспортных, так и импортных. Особое внимание уделять узким местам: пересечению границ, проливов и каналов.

•Актуально организовывать *мобильные формы транспортировки* с возможностью изменения маршрутов (танкеры сжиженного газа, танк-контейнеры сжиженного газа, автопоезда).

•Во всех случаях надо признать технологическую недостаточность изоляционистского независимого подхода в поисках оптимальных путей транспортировки, в силу избыточности технологических затрат (ресурсов и реального сектора) и искать возможности баланса интеграции и независимости в условиях контроля.

Литература

1. *Безруков Л.А.* Транспортно-географическая континентальность России: транспортное хозяйство и адаптивные следствия. Известия РАН. Серия географическая. 2005. №3. С.48-55.
2. *Быков, К. Ю.* Проблемы восстановления водного пути Е-40 / К. Ю. Быков, В. С. Ковалевич; научн. рук. И. П. Крошнер // Актуальные проблемы энергетики: материалы 72-й научно-технической конференции студентов и аспирантов / Белорусский национальный технический университет, Строительный факультет. – Минск: БНТУ, 2016. С. 88 - 90. URL: <http://rep.bntu.by/handle/data/26831> (дата обращения: 20.04. 2017).
3. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество: Пер. с англ. / Дж. Гэлбрейт. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. — 602 с. — (Philosophy).
4. *Делез Жиль.* Общество контроля. PostScriptum. URL: <http://www.irms.ru/delez.html> (дата обращения: 10.04. 2017).
5. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. — 240 с.
6. *Сергеев В.М., Казанцев А.А.* Сетевая динамика глобализации и типология “глобальных ворот” // Журнал «Полис». Политические исследования. № 2, 2007. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/2/3.htm>. (дата обращения: 22 . 06.2010).
7. *Суздальцев А.* Мы отдали свои границы в чужие руки. URL: <http://vz.ru/economy/2010/8/3/422849.html>. (дата обращения: 4.08.10).
8. *Фейнберг А., Макаренко Г.* «Маскировка проблемы»: о каких рисках предупредили эксперты Давоса. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/01/2018/5a5f70049a79471f3ea65ff2> (дата обращения 24. 01.2018).
9. Gen Qiao Liang One belt, One Road // Eurasian Review of Geopolitics. 2015. July 15.
Режим доступа: http://temi.repubblica.it/limes-heartland/one-belt-one-road/2070?refresh_ce (дата обращения: 25.01.2018).
10. Securing Global Transportation Networks: A Total Security Management Approach, by Luke Ritter, J. Michael Barrett, and Rosalyn Wilson. McGraw-Hill, New York, New York. 2007. Pp. 320. ISBN 0-07-147751-9.

Толкачев С.А., Тепляков А.Ю.

ОТРАСЛЕВЫЕ СТРАТЕГИИ «ВКЛЮЧЕНИЯ» В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СТОИМОСТИ: ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

I. Постановка проблемы

Во второй половине XX века начал складываться и осуществлять дальнейшую экспансию феномен глобальных цепочек стоимости, означающий

---

* Статья подготовлена в рамках Международного конкурса РГНФ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (БРФФИ), проект № 16-22-01006 «Воздействие неоиндустриализации на изменение места и роли российских и белорусских предприятий в глобальных цепочках стоимости»

преодоление отдельными звеньями производственного процесса национальных границ. Начав со швейной промышленности в конце 1960-х гг., международные производственные сети охватили многие другие отрасли [1, 20-28]. Наиболее развитые страны мира стали ориентироваться на так называемое «облегчение» отраслевых структур путем передачи трудо-, ресурсоемких и «экологически нагруженных» производств в менее развитые страны (т.н. «бегство заводов»). С конца 1990-х гг. они «пошли» еще дальше и стали выводить за рубеж не только рабочие места в промышленности, но и в сфере услуг, а также интеллектуального труда (т.н. «аутсорсинг бизнес-процессов») [2]. В 2010-е гг. «глобальные цепочки стоимости» (далее - ГЦС) как явление, определяющее «архитектуру» современной мировой экономики, было признано на официальном уровне. Так, в 2013 году вышел ежегодный доклад ЮНКТАД о международных инвестициях, который оказался полностью посвящен данной проблематике [3].

Объективность этого глобального феномена вызывает необходимость адекватной оценки эффективности отраслевого участия национальных экономик в ГЦС. Однако адекватные способы такой оценки еще только разрабатываются. В связи с этим нами была предпринята попытка внести свой вклад в решение данной научной проблемы.

Ключевым компонентом здесь, на наш взгляд, является долгосрочная конкурентоспособность отрасли. Для ее определения можно использовать широко признанный в мировой практике показатель выявленного сравнительного преимущества (Revealed Comparative Advantage, RCA). Он рассчитывается как отношение доли отраслевого экспорта страны в мировом отраслевом экспорте к доле общего экспорта страны в глобальном экспорте [4]. «Включенность» же отрасли в ГЦС традиционно оценивается по двум векторам:

– так называемые «обратные связи» отрасли характеризуют роль импортных компонентов в отраслевом производстве на экспорт и определяются при помощи показателя Backward GVC Participation;

– в свою очередь «прямые связи» отрасли иллюстрируют значение национальной добавленной стоимости, «экспортированной» отраслью и реэкспортированной в третьи страны (Forward GVC Participation).

Обновленные в конце 2016 года значения данных показателей представлены на сайте ОЭСР [5]. Таким образом, попытаемся выявить влияние динамики «обратных» и «прямых» связей отрасли на ее глобальную конкурентоспособность для десяти стран мира, включая Россию.

II. Отраслевое «позиционирование» в глобальных цепочках стоимости в условиях увеличения RCA: эмпирическое обобщение

1. Одновременное снижение и Backward GVC Participation, и Forward GVC Participation:

- нет отраслевых кейсов (в анализируемых странах).

2. Увеличение Backward GVC Participation при снижении Forward GVC Participation:

- Россия (нет отраслевых кейсов);
- США (транспорт, легкая промышленность, деревообработка);
- Великобритания (транспорт, легкая промышленность, деревообработка);
- Германия (легкая промышленность, деревообработка);
- Италия (легкая промышленность, деревообработка);
- Польша (деревообработка);
- Бразилия (нет отраслевых кейсов);
- Мексика (деревообработка);
- Китай (деревообработка);
- Индия (пластмасса и резина, деревообработка).

3. Увеличение Forward GVC Participation при снижении Backward GVC Participation:

- Россия (пищевые продукты);
- Бразилия (сырьевые товары);
- Китай (транспорт, химические препараты, металлургия).

4. Одновременное увеличение и Backward GVC Participation, и Forward GVC Participation:

- Россия (пластмасса и резина);
- США (химические препараты, пластмасса и резина, металлургия, топливо, сырьевые товары);
- Великобритания (химические препараты, пластмасса и резина, металлургия, пищевые продукты);
- Германия (машины и оборудование, транспорт, химические препараты, топливо, пищевые продукты);
- Италия (машины и оборудование, транспорт, химические препараты, металлургия, топливо, пищевые продукты);
- Польша (машины и оборудование, транспорт, химические препараты, пластмасса и резина, пищевые продукты);
- Бразилия (топливо, минеральные продукты);
- Китай (машины и оборудование).

III. Отраслевое «позиционирование» в глобальных цепочках стоимости в условиях снижения RCA: эмпирическое обобщение

1. Одновременное снижение и Backward GVC Participation, и Forward GVC Participation:

- Россия (деревообработка, сырьевые товары);
- Мексика (легкая промышленность);
- Китай (легкая промышленность).

2. Увеличение Backward GVC Participation при снижении Forward GVC Participation:

- Россия (машины и оборудование, транспорт, минеральные продукты, легкая промышленность);

- США (минеральные продукты);
- Великобритания (машины и оборудование, минеральные продукты);
- Германия (минеральные продукты);
- Италия (минеральные продукты);
- Польша (минеральные продукты, легкая промышленность);
- Бразилия (транспорт, деревообработка);
- Мексика (нет отраслевых кейсов);
- Китай (нет отраслевых кейсов);
- Индия (легкая промышленность, сырьевые товары).

3. Увеличение Forward GVC Participation при снижении Backward GVC Participation:

- Россия (химические препараты, металлургия, топливо);
- Польша (топливо);
- Мексика (металлургия);
- Китай (пластмасса и резина, топливо, пищевые продукты, сырьевые товары).

4. Одновременное увеличение и Backward GVC Participation, и Forward GVC Participation:

- Россия (нет отраслевых кейсов);
- США (машины и оборудование, пищевые продукты);
- Великобритания (топливо, сырьевые товары);
- Германия (металлургия, пластмасса и резина, сырьевые товары);
- Италия (пластмасса и резина, сырьевые товары);
- Польша (металлургия, сырьевые товары);
- Бразилия (машины и оборудование, химические препараты, металлургия, пластмасса и резина, легпром, пищевые продукты);
- Мексика (топливо);
- Китай (минеральные продукты);
- Индия (химические препараты, металлургия, минеральные продукты, пищевые продукты).

IV. Общие выводы

Из этих статистических обобщений можно сделать ряд важных выводов, как теоретического, так и прикладного характера. Во-первых, примечательным является тот факт, что мы не зафиксировали ни одного отраслевого случая роста RCA в условиях снижения и Backward GVC Participation, и Forward GVC Participation, а те немногие кейсы, где наблюдается снижение и Backward GVC Participation, и Forward GVC Participation, характеризуются падением RCA. Это свидетельствует о критическом значении включения отрасли в ГЦС для увеличения ее конкурентоспособности на глобальном рынке, что в свою очередь подчеркивает важность учета феномена ГЦС при формировании национальной политики по повышению конкурентоспособности отечественных промышленных производств. Данный вывод, очевидно, не нов в экономической

литературе [6, 24]. Однако в нашем анализе он находит дополнительное эмпирическое подтверждение.

Во-вторых, привлекает внимание то обстоятельство, что абсолютно все отрасли в рассматриваемых развитых странах (США, Великобритания, Германия, Италия) реализуют либо стратегию перемещения «вверх» по ГЦС, либо одновременную экспансию и по вектору «обратных», и по вектору «прямых» связей. В этом смысле, например, Китай реализует отраслевые стратегии, в большинстве своем являющиеся противоположными по своему содержанию (перемещение «вниз» в ГЦС). По всей видимости, это, с одной стороны, объясняется ограниченностью сырьевых ресурсов и возможностей производства продукции «низких переделов» в развитых странах, а с другой – де-факто реализуемой политикой импортозамещения в Китае.

В-третьих, нельзя не заметить, сколь похожи тенденции участия отраслей в ГЦС, наблюдаемые, с одной стороны, в Соединенных Штатах и Великобритании, а с другой – в Германии и Италии. Это касается и «размещения» отраслей в соответствующих квадрантах матриц, и направлений изменения отраслевых значений RCA. Возможно, здесь имеет смысл говорить о европейской (континентальной) и англосаксонской (трансатлантической) моделях отраслевой интеграции в ГЦС. Однако для подтверждения данной гипотезы требуется дополнительный анализ по странам и отраслям.

В-четвертых, интересен и тот факт, что Польша, Мексика и Индия (в отличие, например, от России и Бразилии) демонстрируют в нашем исследовании тенденции, близкие к ведущим индустриально развитым странам. По нашему мнению, это может быть объяснено традиционно тесными экономическими связями Индии с Великобританией, прогерманской хозяйственной ориентацией Польши, а также, как полагают некоторые эксперты, постепенным отказом Соединенных штатов Америки от стратегического сотрудничества с Китаем в пользу экономического тандема «США-Мексика» [7]. Иными словами, Польша, Мексика и Индия располагают выгодной возможностью осуществления импорта технологий на регулярной основе, что позволяет им следовать «в фарватере» своих более развитых экономических партнеров.

В-пятых, довольно пессимистичные выводы по позиционированию национальных отраслей в ГЦС «роднят» российскую и бразильскую экономики. По всей видимости, данному обстоятельству не стоит удивляться [8, 53-57]. Так, имеющие целый ряд культурно-исторических и социально-экономических параллелей Россия и Бразилия, с начала 2000-х гг. осуществляли промышленную политику в рамках доктрины глобальных цепочек стоимости и стремились к сосредоточению на своих территориях максимального количества элементов данных цепочек. Однако при этом они не располагали достаточными ресурсами и не имели сколь-нибудь существенных возможностей выступить в роли концентраторов наиболее продуктивных их «звеньев».

В-шестых, в рамках нашего анализа необходимо отметить уникальность китайской экономики. В отличие от большинства других стран КНР не осуществляет широкомасштабную экспансию в ГЦС. Только производство машин и оборудования и производство минеральных продуктов характеризуются одновременным ростом и по вектору «обратных», и по вектору «прямых связей». Для остальных отраслей используется стратегия, которую можно назвать «избирательным включением» в ГЦС. Конечно, не каждая китайская отрасль демонстрирует увеличение *RCA*, но весь высокотехнологичный сектор уверенно растет (машины и оборудование: +89%; транспортные средства: +113%; химические препараты: +28%).

В этом смысле (в-седьмых) российские отраслевые реалии в контексте ГЦС очень похожи на ситуацию в экономике КНР, но с результатом (динамикой *RCA*) почти полностью противоположным. Только пищевая промышленность с тенденцией перемещения «вниз» в ГЦС и производство пластмассовых и резиновых изделий, осуществляющее весьма умеренную экспансию в ГЦС, показали небольшой прирост *RCA*. Фактически, если не учитывать топливно-энергетический сектор, можно констатировать низкий уровень включенности российских отраслей обрабатывающей промышленности в ГЦС. По всей видимости, в этом и заключается основная причина негативной динамики *RCA* для подавляющего большинства отечественных производств.

V. Выбор отраслевой стратегии «включения» в глобальные цепочки стоимости

Сама по себе активная интеграция российских отраслей в ГЦС вовсе необязательно станет залогом роста их глобальной конкурентоспособности. Поэтому возникает теоретическая проблема выработки соответствующих подходов к реализации на практике государственной политики стимулирования включения отечественных предприятий (прежде всего, обрабатывающей промышленности) в ГЦС. В связи с этим выскажем следующее предположение в статусе гипотезы, требующей соответствующей аргументации и апробации.

В этом вопросе, по нашему мнению, логично оттолкнуться от классификации отраслей по уровню их технологичности [9, 55-56]. Очевидно, что высокотехнологичный сектор обрабатывающей промышленности (в проведенном анализе он представлен производством машин, оборудования и транспортных средств, а также химическая промышленность) «создает» относительно большую массу добавленной стоимости, чем среднетехнологичный (производство топлива, минеральных продуктов, пластмассы и резины, а также металлургическая промышленность), а среднетехнологичный сектор в свою очередь – больше, чем низкотехнологичный (пищевая, легкая и деревообрабатывающая промышленность).

Мы предполагаем, что для низкотехнологичных отраслей более эффективным было бы перемещение «вверх» в ГЦС – в «направлении»

увеличения доли конечной продукции (например, вместо экспорта сухого молока выпуск кондитерских изделий на основе его использования), что предполагает более активное развитие «обратных связей» (измеряемых показателем Backward GVC Participation). Для высокотехнологичных производств, напротив, по всей видимости, более целесообразно развивать, прежде всего, «прямые связи» (измеряемых показателем Forward GVC Participation). Это при прочих равных условиях означало бы курс на развитие данных отраслей преимущественно на собственной технологической базе.

Вместе с тем, открытым остается вопрос о векторе отраслевой интеграции для среднетехнологических производств. По нашему мнению, здесь нет однозначного ответа, хотя бы потому, что любая классификация отраслей достаточна условна. Эта условность особенно «заявляет» о себе при анализе как раз среднетехнологического сектора. Дело в том, что данный сектор включает в себя отрасли, «тяготеющие» как к более «высоким переделам», так и более «низким». Не случайно статистика выделяет среднетехнологичные отрасли высокого уровня и среднетехнологичные отрасли низкого уровня. В связи с этим и отраслевые стратегии здесь, по всей видимости, должны быть дифференцированными.

В целях углубления анализа выведем условия эффективной и неэффективной интеграции отраслей в ГЦС. Исходя из предложенной выше гипотезы, низкотехнологичные отрасли «улучшают» свое положение в ГЦС (RCA растет) за счет увеличения показателя Backward GVC Participation при отстающем от него увеличении либо даже сокращении показателя Forward GVC Participation, поскольку таким образом происходит наращивание национальной технологической базы в тех элементах ГЦС, которые отличаются повышающейся добавленной стоимостью. Такой вариант назовем безусловно эффективной интеграцией низкотехнологичных отраслей в ГЦС.

Высокотехнологичные же отрасли осуществляют безусловно эффективную интеграцию в ГЦС (RCA растет) при условии увеличения показателя Forward GVC Participation при отстающем от него увеличении либо даже сокращении показателя Backward GVC Participation. В таком случае высокотехнологичная отрасль страны осуществляет экспортную экспансию за счет сосредоточения на своей территории технологических «переделов» с высокой и повышающейся добавленной стоимостью.

Если же низкотехнологичная отрасль на фоне роста RCA увеличивает свое присутствие в ГЦС за счет опережающего роста Forward GVC Participation при отстающем либо даже отрицательном росте Backward GVC Participation (в последнем случае RCA тоже может снижаться), то это неэффективная (разоряющая) народнохозяйственная интеграция низкотехнологичной отрасли в ГЦС. В этом случае отрасль развивается путем экспорта компонентов с низкой добавленной стоимостью и тем самым создает основу роста добавленной стоимости в других странах-конкурентах.

В связи с этим вызывает беспокойство перспектива участия в ГЦС самой (почти единственной) успешной в рамках нашего анализа российской

отрасли – пищевой промышленности, поскольку прирост показателя RCA для нее составляет 26% при одновременном росте Forward GVC Participation (+12%) и снижении Backward GVC Participation (-3%).

Аналогичным образом, если высокотехнологичная отрасль на фоне роста RCA увеличивает свое присутствие в ГЦС за счет опережающего роста Backward GVC Participation при отстающем либо даже отрицательном росте Forward GVC Participation (в последнем случае RCA тоже может снижаться) – это неэффективная (разоряющая) народнохозяйственная интеграция высокотехнологичной отрасли в ГЦС.

В российской экономике данный принцип явно нарушают такие высокотехнологичные индустрии, как транспортное машиностроение и производство машин и оборудования, имеющие одновременно отрицательный прирост Forward GVC Participation (от -18 до -7%) и положительный прирост Backward GVC Participation (от +19 до +31%).

Таким образом, мы наметили самые общие принципы эффективной участия отраслей в ГЦС, которыми, по нашему мнению, следует руководствоваться отечественным предприятиям, равно как и правительству при реализации политики по повышению глобальной конкурентоспособности национальных обрабатывающих производств.

Литература

1. *Блинов А.О.* Модернизация российской промышленной политики // Мир новой экономики. - 2015. - № 2.
2. *Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г.* Территориальная проекция промышленной политики в России — кто оплатит издержки глобализации? / ИАА «Центр гуманитарных технологий». - 20.03.2009. - URL: <http://www.shkp.ru/lib/publications/69>.
3. World Investment Report 2013. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. UNCTAD, United Nations, 2013.
4. Revealed comparative advantage / WITS. – World Bank. - URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/country/by-country/startyear/LTST/endyear/LTST/tradeFlow/Export/indicator/RCA/partner/WLD/product/Total>.
5. Trade in Value Added: December 2016 / OECD. – URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=75537>.
6. *Лукьянов С., Драпкин И.* Глобальные цепочки создания стоимости: эффекты для интегрирующейся экономики // Мировая экономика и международные экономические отношения. – 2017. – т.61. - №4.
7. *Donahue D.* US and Mexico – Manufacturing Friends or Foes? // Industry Week. – 30.03.2015. – URL: <http://www.industryweek.com/friends-or-foes>.
8. *Тепляков А.Ю., Толкачев С.А., Андрианов К.Н.* Промышленная политика Бразилии на современном этапе // Промышленная политика в Российской Федерации. – 2015. - №10-12.
9. Индикаторы инновационной деятельности: 2017: Статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2017.

3. УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ СИСТЕМ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИНСТРУМЕНТАРИЙ

*Истомина С.В., Никитенко С.М., Пахомова Е.А., Пахомов А.В.,
Лычагина Т.А., Писарева Д.А., Рожкова О.В., Давтян Т.Б., Щеголев А.В.*

УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ СИСТЕМ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ КОНФИГУРАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)*

Введение. Период после второй мировой войны ознаменовался с одной стороны, движением, и даже взлетом, научно-технического прогресса, с его достижениями в ряде областей, в т.ч. кибернетики, получившей развитие в цепочке «кибернетика – информатика – интернет-экономика – экономика знаний – цифровая экономика», с другой стороны – общественным развитием в сторону глобалистики. Лишь теперь мы вспоминаем о публикации в 1988 г. в журнале «The Economist», упоминающей конференцию в Бреттон-Вудсе в 1944 г., где принималось решение по послевоенному мировому порядку (В. Катасонов 2017); сопоставляем события начала XXI века по разрушению государственности ряда стран Ближнего Востока, фактически демонстрирующей разрушение Вестфальской системы устройства мира, с информацией о мозговых трестах, опубликованной впервые в Университете Пенсильвании в 2006 г., о чем в России узнали только в 2015 г. (А. Кречетов 2015).

Мы упомянули о сопоставлении двух движений, да еще на ретроспективе более 70 лет, потому, что «большое видится на расстоянии» (С. Есенин 1978), а «историческая перспектива, открытая нашему сегодняшнему взору, позволяет увидеть нам это сейчас более чем отчетливо» (И. Виноградов 1977). Наконец отечественная научная общественная мысль забила тревогу о негативных сторонах происходящих геоглобалистических трансформациях с постановкой вопроса – как выжить в современных условиях, как не только сохранить свою государственность и суверенитет, но и выйти на лидирующие мировые позиции, используя достижения в современных областях знания, т.е. два обозначенных нами движения вдруг представляются не независимыми, а взаимодополняющими.

Отсюда явственней становится практическая значимость отечественных исследований в области управления; она принимает в данных условиях отчетливо-конкретный характер служения на благо собственной страны, что для прикладных исследований означает доведение их до конкретного результата, например, методик, пригодных к реальному внедрению на

---

* Работа подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проектов № 16-06-00054 «Инструментально-методический подход к адаптации модели тройной спирали для условий России с учётом исторической ретроспективы»

различных иерархических уровнях управления. В конечном итоге подобные исследования должны помочь обновить концептуальные основы стратегического планирования с тем, чтобы внедрять новые подходы к развитию науки, образования, промышленности; во всех отраслях проводить изменения в виде инноваций так, чтобы процесс развития в прогрессивном направлении шел плавно и уверенно, вовлекая все большее количество предприятий, учебных заведений, предоставляя людям достойную работу, улучшая качество их жизни.

Таковым смыслом мы наполняем наше исследование, основные компоненты которого представим далее.

Использование мирового опыта для управления трансформациями в современной России: методолого-инструментальный аспект.

Основой пятого технологического уклада, выделяемого согласно теории цикличности Н.Д. Кондратьева, была интернет-экономика, заложившая базу для повышательной волны следующего цикла – шестого технологического уклада, ожидания которого связаны с инновациями в экономику знаний. В научном сообществе, как зарубежном, так и отечественном, появились исследования, посвященные региональной структуре образования, повышению качества образования, использованию инвестиций в образовании для ускорения социально-экономического развития и т.д. Постепенно вырисовывается картина предстоящего инновационного процесса, основанного на знаниях: перечень участников, типы и степень их взаимодействия (переход к ныне модной цифровизации не исключает, а лишь технологически окрашивает данный процесс). Выясняется, что исследовательская мысль развивается в данном направлении схожим образом в разных уголках земного шара: например, модель тройной спирали (ТС) «Университет – Бизнес – Власть» профессора Стэнфордского университета Г. Ицковица [5] и параллельное российское исследование «Университет – Наукоград – Регион» (УНР) [8].

В обоих исследованиях образовательному элементу отводится приоритетное значение. В модели ТС подчеркивается, что новую экономику можно построить только усилиями молодых людей, которые есть только в одном месте – университетах, где прежде всего и следует концентрировать ресурсы, необходимые для инновационных процессов. Модель УНР исходит из принципа опережающей функции образования – для того, чтобы образование играло роль локомотива экономического развития, необходимо, чтобы темпы развития образования превышали темпы развития экономики, т.е. срабатывал эффект типа «рычага». Основное отличие ТС от УНР: в первой дана глубокая содержательная проработка процессов, во второй представлен аналитический инструментарий экономико-математического моделирования. Можно сказать, что модели дополняют друг друга: результаты интерпретации, полученные по УНР, становятся ярче с помощью формулировок ТС. Например, модель ТС позиционирует элементы триады в качестве ведущих участников инновационного процесса и обосновывает университет как главную движущую силу инновационного процесса на основе многолетнего изучения мирового

опыта. В модели УНР основополагающий вопрос ставится куда скромнее: «Можно ли ожидать от вложенной системы «Университет – Наукоград – Регион» развития образования, способного оказаться наиважнейшим фактором развития Региона?», после чего взаимосвязи между элементами устанавливаются на основе методов числовой и нечисловой статистики, в т.ч. непараметрического корреляционно-регрессионного анализа, экспертных методов, теории нечетких множеств по данным официальных статистических сайтов России.

Таким образом, основная цель нашего исследования – выработка инструментально-методического подхода к адаптации модели ТС к условиям России с учетом её исторической ретроспективы. Возникающие задачи таковы: определение понятий, наполнение структурных единиц, создание схем их взаимодействия и развития – создание российского аналога модели ТС, применение инструментального математического аппарата для их описания с использованием методов эконометрики, временных рядов, спектрального анализа, теории поля и т.д. При этом следует учесть многоаспектность и иерархичность возникающих задач комплексного исследования.

Новизна исследования заключается в содержательном методическом переосмыслении модели ТС для российских условий и ментальности с наполнением экономико-математическим инструментарием, как используя наш многолетний опыт по разработке исследования УНР, так и привлекая новые инструментальные методы, с учетом исторической ретроспективы (около 50 лет).

На данном этапе разработана и апробирована методика по определению инновационно-экономического потенциала региона [4]. Создание методики основывалось на описательных примерах эмпирической базы механизмов возникновения и развития инноваций, собранной Г. Ицковицем и использованной в модели ТС.

В качестве методологической основы нами использованы элементы векторного анализа и теории поля (градиент, дивергенция, уравнение непрерывности); метод аналогий для адаптации естественно-научных понятий к экономической области, в частности, для разделения характеристик развития указанных объектов на структурные и динамические на основе их содержательного сопоставления; регрессионный анализ для определения составляющих инновационного потенциала региона.

Разработанная методика определения инновационного потенциала социально-экономических объектов различных иерархических уровней в условиях тройственного взаимодействия «Университет–Производство–Государство» состоит из следующих компонент: определение функции инновационного и экономического состояния объекта и определение направлений его развития на основе подсчета градиента, определение инновационного потенциала объекта как интегрального показателя на основе уравнения непрерывности. Инновационный потенциал объекта представлен

тремя составляющими – наукоемким фактором, фактором доходности и фактором производственных мощностей.

Апробация разработанного инструментария была проведена в части исследования динамики инновационного потенциала России за период 2010–2015 гг. Анализ указанного периода показал, что из трех составляющих инновационного потенциала наибольший вклад вносит наукоемкий фактор. Проведенная апробация методики подчеркивает не только её практическую значимость, гибкость предлагаемого аппарата, но и способ работы с реально существующей официальной статистикой, какого бы качества она ни была, а именно: работа с отечественными данными настолько не проста, что хотя бы инструментарий должен быть негромоздким и прозрачным.

Однако для работы с реальными объектами академического представления об институтах пространств недостаточно [9]. Необходим переход из модельной плоскости в плоскость институционального взаимодействия с выявлением институциональных разрывов, поскольку при попытке переложить представление в концепциях и моделях на реальные объекты в отечественных условиях оказывается, что разрывы затрудняют разработку работающих механизмов организационного взаимодействия. Отечественные исследования по моделированию инновационного процесса пока ещё фрагментарны, требуют дальнейшего углубления и разработки системы подходов, позволяющих выявить все институциональные процессы и обосновать целесообразность введения тех или иных структурных элементов в российскую инновационную систему. Существующие модели пока не соответствуют экономическому содержанию взаимодействия секторов, что диктует важность выработки интегральной методики на основе выявленных эмпирических зависимостей в составляющих: инновационной, инвестиционной и составляющей устойчивого развития. Существующие институциональные разрывы между действующими институтами и сформировавшимися практиками усугубляют имеющиеся перекосы. Кроме того, как нам представляется, наличие разрывов является основной содержательной причиной недостаточного качества результатов применяемого инструментария.

Исследование существующих институциональных форм взаимодействия власти, науки и бизнеса было акцентировано на топливно-энергетическом комплексе и отрасли машиностроения на региональном уровне как на одной из базовых отраслей экономики [10]. Выявлены возможности применения концепции "тройной спирали" и ее мульти-спирали изменений для реализации программы импортозамещения. Исследованы возможности применения новых кредитных инструментов для реализации технологических инноваций в машиностроении и других отраслях топливно-энергетического комплекса. Выявлены возможности использования нового инструмента как элемента промышленной политики в рамках программы импортозамещения высокотехнологичной продукции. Исследована проблема поиска способов взаимодействия бизнеса и органов власти в рамках решения задачи по выходу

из кризиса, создания условий для экономического роста и привлечению инвестиций в регионах ресурсного типа.

Учёт уроков прошлого: история и методология вопроса.

Еще в марте 1996 г. на конференции по проблемам экономических реформ в России, проходившей в Вашингтоне, Дуглас Норт обратил внимание на то, что в России необходимо решать тройственную задачу, каждая грань которой противостоит другой. Во-первых, надо осваивать перемены и новые механизмы, во-вторых, преодолевать негативные последствия перемен и ошибок и, наконец, сохранять ценное наследие из прошлого. Это один из основных принципов – при планировании развития следует отталкиваться от сегодняшних реалий, что подчеркивал президент России В.В. Путин во время прямой линии 16 апреля 2015 г. На инструментальном языке это означает, что сегодняшнее состояние основывается на предыдущем, т.е. возможно применение понятие марковского процесса или его экономического аналога – гипотезы эффективных рынков с вытекающим отсюда возможным применением аппарата временных рядов, динамических систем (интересное художественное сравнение – Н. Рерих говорил, что камни прошлого – это ступени в будущее).

Таким образом, приходим к необходимости учета исторической ретроспективы экономики нашей страны – сравнению экономических показателей экономик СССР и России. Здесь при содержательном анализе следует помнить в том числе, что экономика СССР была основана на экономических связях между предприятиями, зачастую находящимися в разных республиках. В связи с распадом СССР прекратили своё существование и межреспубликанские связи предприятий, что негативно отразилось на экономиках всех республик бывшего СССР.

Отсюда вырисовывается подцель исследования – системное сравнение эффективности плановой и рыночной экономик с целью выявления возможностей использования ценного наследия прошлого.

Нами был проведен сравнительный анализ динамики развития некоторых отраслевых показателей экономики СССР и России с использованием эконометрического аппарата [2]. Проведённый инструментальный анализ фрагмента экономики нашей страны, вскрывающий особенности её развития на разных по своей общественной организации исторических периодах, добавляет системности осмысления сухих цифр исторической отчётности: изучение взаимосвязей заставляет задуматься об имеющемся в плановом прошлом положительном опыте – например, об использованных организационных механизмах с целью их адаптированного применения к современным условиям. При этом осознается необходимость продолжения исследования ввиду его масштаба и комплексности, поскольку необходим анализ как внутриотраслевых, так и межотраслевых показателей.

Однако расширение количества исследуемых отраслей, исследуемых показателей, а также анализ внутриотраслевых и межотраслевых процессов оказались, с одной стороны, достаточно громоздкими, с другой – навели на

мысль о корректировке ведущего принципа исследования. В связи с этим был взят на вооружение принцип возможных процессов интеграции на постсоветском пространстве [3]. Для каждой республики бывшего СССР построены зависимости нового показателя ВВП от времени в период с 1990-2016 гг. Анализ научных источников показал, что в них отдается предпочтение исследованию ВВП как одному из основных макроэкономических показателей, обобщающему стоимость всех товаров и услуг в разных отраслях, а, следовательно, отражающему экономический рост страны. Исходя из анализа литературы, имеющихся результатов и выводов для дальнейшего рассмотрения сделан выбор в пользу этого показателя.

В процессе моделирования использован инструментарий временных рядов; выявлена общая тенденция всех экономик по данному показателю. Выделено три стадии динамики, а именно: стагнации, роста и упадка, каждую из которых удалось экономически интерпретировать. Построено около 200 моделей временных рядов, из которых были выделены 25 значимых, подходящих для дальнейшего исследования; разработана типологизация построенных моделей; все республики соотнесены с соответствующими группами. Выделен тип модели, описывающий лучше всего как с инструментальной, так и содержательной стороны практически все экономики республик – модель скользящего среднего, отвечающая за воздействие внешних факторов в виде остаточных временных лаговых процессов, каковыми могут выступать достижения, являющиеся наследием СССР, что в свою очередь говорит о положительном эффекте экономической интеграции.

В части исторической ретроспективы следует выяснить, имеет ли место цикличность происходящих процессов в социально-экономической системе [1]. Для анализа этих задач использован аппарат спектрального анализа, применяемый для распознавания качества сигнала импульсной системы, т.е. являющийся методом исследования сложного динамического периодического или непериодического сигнала, в качестве которого были взяты статистические данные, образующие временные изолированные ряды на двух периодах: СССР (1970-1990 гг.) и России (1991-2012 гг.).

Результаты свидетельствуют, что исследуемые объекты – сельское хозяйство СССР и России – существенно отличаются друг от друга; развитие этой отрасли в 1970-1990 гг. было значительно интенсивнее, чем в 1991-2012 гг. Наличие периодичности в 1970-1990 гг. можно связать с планируемыми пятилетками – экономической политикой СССР. На наш взгляд, этот результат является значимым с содержательной точки зрения: если даже математический инструментарий, объективный и непредвзятый, выявляет сильные стороны планового хозяйства, то следует прецизионнее изучать прошлый опыт в части организационных результативных механизмов с целью адаптации их к современным условиям хозяйствования. Это, в свою очередь, делает небезосновательной задачу дальнейшего детального структурирования и анализа исследуемых данных, тем самым актуализируя развитие инструментальной части исследования.

Сформирована методика анализа влияния состояния основных фондов на экономическое развитие России, а также подтверждение критического состояния основных фондов страны посредством эконометрического моделирования экономического роста [6]. Для достижения цели применен эконометрический анализ с помощью аппарата производственных функций Кобба-Дугласа. Для построения линейной модели использован линейный метод наименьших квадратов, нелинейной модели – нелинейная безусловная оптимизация с помощью итерационного алгоритма Левенберга-Марквардта. Результаты анализа подтверждают официальные данные о критическом состоянии основных фондов России, что является значительной угрозой для экономической безопасности нашей страны. Инвестиционная политика государства, ориентированная на создание новых высокотехнологичных (инновационных) предприятий, не исключает обновления основных фондов уже имеющихся предприятий с целью недопущения как падения уровня производства, так и техногенных катастроф.

Разработка инструментария выявления и отслеживания трансформаций: возможные побочные проблемы.

Адаптацию модели ТС следует проводить не только с учетом исторической ретроспективы, но и современных экономических реалий, вследствие чего вырисовывается работа по анализу экономического окружения, т.е. выявлению и исследованию процессов, которые так или иначе сказываются на состоянии нашей экономики, как-то: экономическое состояние регионов; развитие образования, согласованное с прогнозированием кадровых потребностей; формирование суверенного фонда как возможного источника финансирования крупных проектов; взаимовлияния курса доллара и стоимости нефти и т.д.

Проблема формирования кадрового потенциала существует ввиду наблюдающихся структурных перекосов в экономике, в том числе, в развитии секторов отраслевого хозяйства; в распределения кадровых ресурсов по регионам и отраслям, например, ввиду миграции трудовых ресурсов из сельских районов в города, а также из дальних регионов ближе к центру.

В части исследования согласованности развития образования и прогнозирования кадровых потребностей на примере социально-экономического анализа Московского региона было осуществлено моделирование для прогнозирования кадровых потребностей муниципальных районов Московской области с применением регрессионного аппарата производственных функций Кобба-Дугласа (Пахомова Е.А., Писарева Д.А., Харчева К.С. 2018). Выявлено, что классическая функция Кобба-Дугласа с ограничениями на параметры спецификации не подходит для описания российской нестационарной экономики, однако возможно построение модифицированной функции (без ограничений).

Среди задач экономического окружения – экономико-математическое моделирование для анализа динамики макроэкономического равновесия, для чего использована модель равновесия товарного и денежного рынка IS-LM; по

ней получены некоторые результаты [7]. Однако возникли новые вопросы и проблемы как содержательно-инструментального (как добавить в моделирование кривую платежного баланса ВР), так и технического характера (как правильно считать погрешность с использованием теории измерений). В том числе, почему погрешность так разительно меняется при изменении официальной статистики при том, что само макроэкономическое равновесие практически не меняется? Так, например, случилось, когда в июле 2017 г. мы обнаружили, что данные по ВВП за исследуемый период 2011-2016 гг. кардинально поменялись.

Заключение. Исследование описанных компонент нами продолжается. Для реального практического применения представляется целесообразным рассматривать эти компоненты в качестве блоков будущей распределенной человеко-машинной системы поддержки принятия решения с целью управления / корректировки, которая явилась бы как пример демонстрации и экономики знаний, и цифровых технологий. Воплощение этой мечты (а, по крайней мере, к этому нужно стремиться, если имеется желание поставить научные исследования на пользу обществу) возможно при наличии соответствующих ресурсов, для чего имеет смысл выходить на реальных заказчиков – Правительства России, субъектов, Центральный банк и т.д.

Литература

1. *Важенина В.С., Пахомова Е.А. Писарева Д.А.* Применение гармонического и спектрального анализа для выявления основных циклов развития социально-экономической системы (на примере сельского хозяйства) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность № 11 (344) – 2016 ноябрь С. 4–14.
2. *Давтян Т.Б., Пахомов А.В., Пахомова Е.А., Рожкова О.В.* Эконометрический анализ некоторых отраслевых показателей экономик СССР и России с учетом исторической ретроспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, т. 13, вып. 1, январь 2017 – С. 34–47.
3. *Давтян Т.Б., Пахомов А.В., Пахомова Е.А.* Особенности современных институциональных механизмов на примере взаимосвязи динамики ВВП и интеграционных процессов на постсоветском пространстве в условиях становления цифровой экономики // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. 2017. Декабрь. – 456 с. – С. 79–88.
4. *Истомина С.В., Лычагина Т.А., Пахомова Е.А., Пахомов А.В.* Методика определения инновационного потенциала социально-экономических объектов различных иерархических уровней с использованием элементов векторного анализа и теории поля // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 1 (358). С. 97–120.
5. *Ицкович Г.* Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 238 с.
6. *Лычагина Т.А., Писарева Д.А., Пахомова Е.А.* Применение аппарата производных функций для анализа влияния состояния основных фондов на экономический рост РФ // Национальные интересы: приоритеты и безопасность № 10 (343) – 2016 октябрь С. 4–19.
7. *Пахомов А.В., Пахомова Е.А., Щеголев А.В.* Основные этапы методики определения макроэкономического равновесия на основе модели IS-LM для в условиях цифровизации экономики России. // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. 2017. Декабрь. – 456 с. – С. 67–79.
8. *Пахомова Е.А.* Методологические основы влияния вуза на эффективность регионального развития. – М.: Изд. ООО «МЭЙЛЕР», 2010. –725 с.
9. *Пахомова Е.А., Лычагина Т.А., Истомина С.В., Рожкова О.В., Пахомов А.В.* «Тройная спираль в российских условиях становления цифровой экономики: методология, инструментарий» //

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Специальный выпуск. 2017. Декабрь. – 456 с. – С. 357–368.

10. *Nikitenko S.M., Goosen E.V., Pakhomova E.A., Rozhkova O.V.* Forms of cooperation of government, business and science to create innovative sectors of economy (regional aspect) / Trends of Technologies and Innovations in Economic and Social Studies (TTI ESS 2017) // Advances in Economics, Business and Management Research, volume 38. – P. 469–474. (DOI:10.2991/ttiess-17.2017.77). (Web of Science)

Петренко Е.С.

КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: «ВЕРХИ ХОТЯТ-НИЗЫ НЕ МОГУТ»

Амбициозные задачи Казахстана войти в число 30 наиболее развитых стран мира к 2050 году требуют критического анализа моделей развития, поскольку действующие не могут обеспечить заданных темпов роста. Не случайно Стратегия - 2025 переписывалась несколько раз и в итоге получила невысокие оценки. В последние годы Казахстан проходит серию реформ, проведение которых активно инициируется властью. Реформы призваны практически полностью трансформировать казахстанскую систему государственного управления. План нации «100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ» призваны обновить государственные институты [8]. Подъем отечественного предпринимательства и общее изменение бизнес-ландшафта должны обеспечить т.н. «массовое предпринимательство» и Программы «Дорожная карта бизнеса 2020» и «Дорожная карта занятости 2020». Финансовую систему страны сделает конкурентоспособной создание МФЦА – Международного финансового центра Астаны. Знаковым и уникальным является проект «Рухани жангыру» по модернизации общественного сознания, реализация которого гармонизирует прогрессивные инициативы центральной власти с обновленным пониманием казахстанской идентичности.

При публичном одобрении и поддержке со стороны гражданского общества и бизнеса, эффективность государственных проектов остается удручающе низкой. В отчете Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по Казахстану отмечается неэффективная реализация отраслевых программ: «промышленная политика имела ограниченный успех. Принимавшихся мер было недостаточно, чтобы сделать страну более устойчивой к внешним потрясениям к концу 2000-ых годов, так как цели многих проектов, которые осуществлялись в рамках промышленной политики, так и не были достигнуты» [4]. *Forbs – Kazakhstan* назвал республику «мировым рекордсменом по количеству государственных программ и стратегических планов на практически на все виды деятельности» [2].

На наш взгляд, изучение проблем открывает более глубокие «ловушки» казахстанского институционального строительства.

«Советское экономическое наследие: невыученные уроки»

Высказывание председателя совета по конкурентоспособности НПП «Атамекен», главы группы «Сентрас» Ельдара Абдразакова, отражает итог экспертной оценки бизнес-сообществом проекта Стратегического плана развития Казахстана до 2025 года и эволюцию национальной системы государственного управления [5].

За короткий исторический период Казахстан осуществил переход от командно-административной системы управления к формированию государства с развитой рыночной системой. Трансформации современного Казахстана осуществлялись вынужденно, под влиянием неотвратимого изменения внешней среды. Распад Советского Союза, в экономику которого республика была интегрирована более чем на 80%, привел к потере трети национального ВВП и потере работы 1,6 млн.чел. [4]. Ставшее суверенным, государство сразу заявило о переходе на путь построения рыночного общества и стало формировать соответствующие экономические институты. Трансформация государственного управления отражает поиск наиболее эффективной модели на каждом этапе исторического развития, однако, при этом остается обременена институциональными ловушками предшествующих периодов.

Для Казахстана по-прежнему остается актуальной проблема высокой концентрации государственного вмешательства, обеспечивающего производство от 30% до 40% ВВП. Сырьевая зависимость не может быть устранена государством, поскольку доходы добывающего сектора позволяют решать социальные проблемы даже в условиях невысокой эффективности государственного управления. Нефтегазовый сектор формирует треть бюджетных доходов и ВВП, а также обеспечивает около двух третей две трети экспорта.

Борьба с «сырьевым проклятием» и обеспечение диверсификация экономики были заявлены приоритетной целью экономической политики с середины 1990-х годов, однако изменить ситуацию коренным образом не удалось. Принятая к реализации в 2010 году Государственная Программа по Форсированному Индустриально-Инновационному Развитию (ГПФИИР) показала низкую продуктивность, рассредоточение усилий, применение большого числа инструментов и проблемы с координацией деятельности институтов.

В государственном планировании Казахстана применяется стратегический и иерархический подход, доминирующий так же в негосударственном секторе. На основе долгосрочных целей, определенных как экономическими так и в немалой степени идеологическими факторами, разрабатываются отраслевые и территориальные планы развития.

Во главе государственной системы планирования находится долгосрочная стратегическая концепция «Казахстан – 2050», принятая в развитие действующей стратегии («Казахстан - 2030») [9]. На втором уровне находятся планы десятилетнего развития, предусматривающие количественные целевые

показатели и мониторинг исполнения в середине и конце периода реализации. Следующий по иерархии уровень принадлежит отраслевым программам, часть из которых получает приоритет и статус государственных. Высокая неопределенность внешней среды подрывает позиции долгосрочного планирования, в результате Национальный Банк Казахстана перешел на трехгодичное планирование, а его председатель правления Умут Шаяхметова так определила основную проблему всех программ и стратегий, разработанных и принятых в Казахстане: «У нас было принято много стратегий, но самая большая проблема – в их реализации. Важно посмотреть, что из каждой принятой у нас стратегии было выполнено, а что – нет, и понять, кто отвечает за результаты каждой из этих стратегий. Необходимо спросить с тех, кто не исполнил эти стратегии. Наша основная задача – научиться внедрять стратегии, которые мы принимаем» [1].

Кризис мировой экономики, цивилизационный конфликт, смена технологических укладов оказались новыми вызовами, при которых действующая система государственного управления не смогла обеспечить стабильного и устойчивого состояния экономики и общества. Падение мировых цен на нефть на две трети, пшеницы на треть и на четверть цены на медь-ведущие сырьевые товары Казахстана-поставили под угрозу финансовую систему, серьезно подорвали жизненный уровень и социальный оптимизм страны. На повестку дня выдвинулись вопросы более широкого поиска новой национальной парадигмы общественного и частного экономического поведения. Государство выбрало такой моделью «идеальную бюрократию» профессионального менеджмента в государственном управлении. Гражданам предложено равновесие между социальной справедливостью и экономической эффективностью в обществе сильного государства, развитой экономики и возможностей всеобщего труда.

Идеальная бюрократия по-казахстански

Модели государственных систем управления имеют давние гносеологические корни. Административные формы управления сформировались в глубокой древности, а бюрократические модели управления Римской империи и Китая считаются более развитыми и сложными, чем современные. Научное развитие государственного менеджмента состоялось в конце 17 - начале 18 века, когда сложились научные представления об управлении системами, абстрагированные от личности управленцев. Современная модель «идеальной бюрократии» предложена Максом Вебером на принципах «механистичность» и «обезличенность», обеспечивающих эффективность функционирования государственной службы, за счет снижения затрат сословного и кланового признака.

Казахстан, декларируя принципы «идеальной бюрократии», предполагает осуществить переход от модели лояльности к патрону («слуги государевы») к модели службы национальному, демократическому государству («слуги народа»). «В удачные для страны 2000-ые годы постепенно создавалось государство с упором на технократическую систему управления и

производились попытки найти золотую середину между насаждением казахского языка и культуры и формированием гражданской идентичности» [4]. В замену государственному администрированию в качестве базовой заявляется концепции нового государственного менеджмента (new public management). Деятельность государственного аппарата эволюционирует от защиты государственных интересов к оказанию государственных услуг.

Усложнение задач государственного управления обуславливает применение концепции эффективного государства и концепции корпоративного управления. Инструменты корпоративного управления (corporate governance) используются для согласования интересов крупного капитала, зарубежных инвесторов и потребностей широких слоев населения [6].

Повышение эффективности государственного управления предусматривает выявление и интеграцию общественных интересов, ориентацию на цели, разделяемые обществом, и наличие механизмов, обеспечивающих их достижение. Однако переход государства на новую модель управления не может быть обеспечен ее декларированием или принятием законодательных основ. Ситуация когда, «верхи хотят, а низы не могут» проявилась в реформировании государственной службы, не способной победить неэффективные институты, имеющие самоподдерживающийся характер, в частности коррупцию.

По оценкам международных организаций « двое из трех казахстанцев полагают, что взяточничество глубоко проникло в систему государственного управления, и называют его основным препятствием для ведения бизнеса в стране. Наиболее коррумпированным процессом считаются государственные закупки, на долю которых приходится 43% бюджетных расходов» [4].

Эффективность государственных органов остается низкой, что выражается в малой результативности реализации большинства стратегических планов; слабом планировании; неудовлетворительном межведомственном взаимодействии. Большинство программ государственной поддержки строится вокруг целевых структур экономической деятельности и связано с распределением средств, а значит порождает риск коррупции. Любой процесс, в котором так или иначе участвует государство, неизбежно бюрократизируется, даже если госорганы применяют проектное управление.

Государственное управление в Казахстане трансформируется из политического института в большую управленческую систему. Однако подобная эволюция требует обратного процесса создания рыночных институтов, способных включать взаимодействие экономических и гражданских агентов. Чем более профессиональным управленцем становится государство, тем в большем числе партнеров оно нуждается и тем активнее возвращает институты развития.

Блеск и нищета институтов

Целью существования институтов является обеспечение условий роста объектов участия. Казахские институты развития начали формироваться уже в первые годы перехода к рыночной экономике и прошли несколько

исторических этапов становления. Первоначальная позиция государства ограничивала поддержку институтов, предполагая, что рынок обеспечит все необходимые ресурсы для самоорганизации.

В первые годы построения рыночного общества в республике доминировала концепция поиска собственного пути рыночного развития. Национальная модель долгое время предполагала ограничиться «трансфертом образовательных, военных и промышленных технологий, без копирования западных экономических и политических институтов (свободный рынок, многопартийность, сменяемость власти) [3].

Опираясь на близкий по ментальности опыт юго-восточных стран (Китай, Корея, Малайзия) казахстанские последователи теории модернизации считают, что техническое перевооружение, последовательная экономическая политика и программное проведение модернизации на базе национального менталитета компенсируют необходимость демократии и обеспечат возможность ускорить период преобразований. Отсутствие демократических традиций заменяется концентрацией административных усилий и эксплуатацией персонального авторитета лидера.

В результате Фонд Национального Благосостояния (ФНБ) «Самрук-Казына» концентрирует в своих руках до 40% ВВП страны, формирует 600 (!) дочерних организаций и в итоге заслуживает вместе с другими национальными институтами развития крайне отрицательной оценки на национальном уровне. Холдинги «КазАгро», «Байтерек», «Самрук-Казына» и «КазАгро» превращаются в посредников между бюджетами и банками, тратят огромные государственные средства на раздутые штаты, «в тоже время все это приводит к вытеснению инвестиций и инициативы» [3].

Формирование институтов по своему определению является формированием общественного явления на основе взаимоприемлемых отношений, создающих принимаемые всеми участниками нормы и правила. Процесс институализации происходит «снизу», в результате исторических перемен и массового изменения индивидуальных участников. Развитие института не может опережать развитие страны, на создание национальных институтов может потребоваться не менее 50 лет. Попытки государства, предпринятые с самыми благими намерениями не в состоянии избавить Казахстан от проблемы зависимости от траектории предшествующего развития (эффект колеи). Ярким подтверждением ограниченности казахстанского институционального строительства является опыт создания Национальной Палаты Предпринимателей.

НПП «Атамекен»: от Национального Института к Большой Системе

Развитие предпринимательства в Казахстане отстает от уровня развитых стран.

МСП обеспечивает занятость 20 - 30% рабочих мест в стране против 55% в среднем по миру. Сектор услуг в МСП составляет 24% при 40% в странах ЕС и 63% в США. Отставание предпринимательской активности оценивается как

серьезная проблема, требующая активного решения. Поскольку государственные программы поддержки предпринимательства показывают низкую эффективность, был принят проект создания института самоуправления в предпринимательстве [7].

В течение 20 лет в республике было организовано более 2000 общественных ассоциаций предпринимателей по отраслевому и территориальному признакам, однако на постоянной основе функционировали только 2-3%. Для формирования институциональной основы роста и дальнейшего развития предпринимательства в Казахстане предпринята попытка создания нового института республиканского уровня Национальная Палата Предпринимателей Казахстана «Атамекен», объединившего в обязательном порядке всех предпринимателей страны.

Новый институт предпринимательства создавался как качественно новая форма отношений, свободная от недостатков государственных институтов развития предпринимательства. За короткий срок новый институт превратился в масштабную, работоспособную структуру, обладающую признаками большой системы. Уже спустя 2 года организация перешла от стратегии институционального строительства к решению оперативных задач по заказу государства. Административные функции распределения ресурсов для бизнеса вытеснили институциональные задачи самоорганизации и формирования культуры национального предпринимательства.

Большие системы Казахстана имеют административно-государственный характер и их воспроизводство порождает «эффект колеи». Половину своих доходов НПП получает от обязательных членских взносов и половину от выполнения государственного заказа по реализации услуг бизнесу за счет бюджетных средств. Расходы на содержание и текущие затраты центрального аппарата превышают расходы на содержание 16 региональных палат и районных филиалов (РПП). Не успевая вырастить собственные инициативы НПП регуляторно объединяет действующие Ассоциации (порядка 250), получив от государства право выдачи свидетельств на аккредитацию [7].

При этом предпринимательство, не развивается как системное явление:

- незначительные цифры роста обусловлены изменением методики статистического учета;
- привлекательность деятельности в обществе невысока, более четверти предпринимателей – «по необходимости»;
- не происходит самоорганизация 1,5 млн. предпринимателей в самоуправляемые сообщества, участвующие в жизни территорий.

Верхи хотят - низы не могут

Первый опыт институционального строительства в Казахстане ставит вопросы:

Как соединить эффективность Большой системы с долгосрочным институциональным воздействием? Возможно создать эффективный институт в условиях ограничения сроков и свобод? Является ли предпринимательский оппортунизм проявлением демократии?

Выбрав институты в качестве актуальной модели развития современной экономики, казахстанские чиновники предусмотрели в них прежде всего инструменты (правила, механизмы), обеспечивающие выполнение заданных государством, нормы поведения. Вместе с тем, институты – это в первую очередь и по своей природе, формы *единомыслия, принятые системы реагирования на стимулы и ограничения*. Формирование институтов есть развитие системы отношений на основе отношений, соответствующих современному состоянию экономики и общества.

Формирование институтов есть таким образом взаимное преобразование экономики и идеологии. Попытки ускорить естественный процесс формирования институтов приводит к авторитарному следованию выбранной модели. Авторитарные модели (и их лидеры) выстраивают институты под собственные узкоограниченные задачи и со временем начинают изменять идеологию института. Эксперт Всемирного банка Джон Панзера так отметил проблему эффективности институтов развития: «Что делает хороший институт развития в слабой политической обстановке? Ничего. Скорее даже отрицательные вещи делает это подводит нас снова к разговору о базовых принципах» [3].

Казахстанский опыт институционального строительства убеждает, что если «низы не хотят», государственные решения не в состоянии создать успешные институты. Государство должно перейти от краткосрочных, но низкоэффективных инвестиционных программ к созданию благоприятной внешней среды, обеспечивающей персональным участникам стабильность и прозрачность условий вложение инвестиций. Открытая, понятная и гарантированная внешняя среда мотивирует экономических агентов к получению желаемых результатов, в том числе через институциональные объединения и способствует выработке согласованных норм и правил создаваемых институтов. Присутствие государства в инвестиционных программах должно осуществляться на принципах идеологической нейтральности и обеспечивать равный доступ всем участникам.

Литература

1. *Гайфутдинова Ф.* Почему в Казахстане не работают программы развития Forbs–Kazakhztan https://forbes.kz/process/expertise/pochemu_v_rk_ne_rabotayut_programmyi_razvitiya_ot_zarubejnyih_konsultantov?utm_source=forbes&utm_medium=incut&utm_campaign=158779
2. *Кузьмин З.* Стратегия 2025: почему Казахстан – чемпион по госпрограммам. Forbs – Kazakhztan https://forbes.kz/process/expertise/strategiya_2025_pochemu_kazahstan_chempion_po_gosprogrammam
3. Не стреляйте в институты <http://expertonline.kz/a14944/>
4. Пути развития ОЭСР. Комплексный страновой обзор Казахстана Часть I-II. Предварительная оценка http://www.oecd.org/dev/MDCR_Phase-I_Brochure_RUS_web.pdf
5. *Шановалова А.* Бизнес считает правительство «бездушным», а оно бизнес – «ушлым» <https://www.kursiv.kz/news/vlast1/eldar-abdrakov-biznes-scitaet-pravitelstvo-bezdusnym-a-ono-biznes-uslym/>
6. A Theory of Governing the Public's Business: Redesigning the Jobs of Boards, Councils, and Commissions // PUBLICMANAGEMENT REVIEW, VOLUME 3, ISSUE 1, MAR. 2001.
7. <http://atameken.kz/>

8. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100>

9. <https://strategy2050.kz/>

Пахомов А.В.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ

Важным направлением исследований в настоящее время является оценка факторов влияния на экономический рост в пространственном срезе. Региональный уровень анализа целесообразен ввиду значительного сходства регионов Российской Федерации в институциональном, культурном и других неэкономических аспектах, несмотря на географические, климатические, ресурсные и прочие объективно существующие территориальные различия, и подкреплён действующими одинаковыми методиками сбора и обработки статистических данных, позволяющими более глубоко рассмотреть неравномерность и особенности социально-экономического развития хозяйствующих субъектов.

Проведение подобных исследований представляет собой актуальную научную задачу социально-экономического структурирования, имеющую теоретическую и практическую значимость, поскольку способствует накоплению необходимой статистической информации, совершенствованию существующих методов, механизмов и инструментов управления, определению направлений эффективной региональной политики. Пространственный фактор был рассмотрен нами ранее [3, 4] в следующих аспектах: размещение трудовых и экономических ресурсов по видам экономической деятельности и муниципальным образованиям ряда субъектов Российской Федерации; специфика образа жизни и занятости населения; структурные дисбалансы, социальные и другие ограничения и тенденции с точки зрения силы влияния различных факторов на потребительский спрос и его роли в формировании человеческого капитала и экономических процессов воспроизводства.

Данная статья призвана дополнить проведённое ранее исследование формулированием приоритетов и инструментов государственного и муниципального управления, которые будут призваны реализовать эти приоритеты в региональной практике.

Для комплексного анализа была разработана методика на основе *ППП STATISTICA* и эконометрических методов, позволяющих на нескольких уровнях проверить социально-экономические показатели, последовательно выявить связи и вероятность взаимного влияния посредством оценки эластичности и объединить группируемые объекты по принципу наибольшей близости. Применение эконометрических и статистических методов значительно расширяет возможности экономического анализа на любом уровне принятия управленческих решений, однако в российских реалиях тормозится качеством официальных статистических данных.

Временной отрезок с 2004 по 2017 г. выбран для эконометрического моделирования в связи с необходимостью использовать как можно более широкий массив статистических данных, находящихся в открытом доступе [5-7], а также с целью оценить влияние кризисов и соответствующих антикризисных мероприятий. Следует отметить, что несмотря на неравномерную динамику территориальных диспропорций в зависимости от общеэкономических циклов (что отражается в снижении степени дифференциации в кризисные периоды в противовес периодам экономического подъёма) и различия в силе влияния того или иного фактора в разных отраслях и регионах, кризисные явления в целом продолжают оказывать одинаковое негативное воздействие на социально-экономическую жизнь российских регионов.

В целом, для России характерна высокая степень межрегиональной дифференциации, несмотря на проводимый федеральной властью курс на выравнивание и поддержку. При этом, большинство субъектов показывают слабый и средний уровни социально-экономического развития. Демонстрирующие устойчивость глубокие различия региональных рынков по уровню оплаты труда, занятости, безработицы, мобильности населения свидетельствуют о неравномерном территориальном распределении трудовых ресурсов. Пространственная локализация безработицы проявляется в значительных отклонениях средних значений по ряду регионов и требует адресного подхода к проведению политики занятости. Следствием неэффективного использования трудовых ресурсов становятся недопроизводство валового продукта, а также политические, социальные, психологические последствия безработицы. В целом же, относительно низкая производительность труда при более высокой продолжительности рабочей недели объясняется объективными факторами: отсутствие конкуренции, накопившееся технологическое отставание предприятий, недостаточный объём инвестиций.

В то же время, до конца 2017 г. обанкротились ещё несколько тысяч частных предприятий, что более чем на 12% выше аналогичного периода 2016 г. Ущемление прав работников, обусловленное качеством человеческого капитала и слабостью институциональных возможностей, выражается в том, что несмотря на то, что за последний год средняя продолжительность рабочей недели увеличилась, а номинальная стоимость часа труда даже снизилась, возросшие трудовые нагрузки не оплачиваются.

Уже более 70% граждан демонстрируют отход от сберегательной модели поведения и явную экономию, сокращая расходы на досуг и отдых, одежду и обувь. Наиболее экономными категориями населения являются пенсионеры, жители сельской местности, лица без высшего образования. В случае дальнейшего снижения доходов только четверть опрошенных ВЦИОМ рассчитывают на свои сбережения, что характерно для работников с высокой квалификацией, а также жителей столиц [8].

Неблагоприятная ситуация на рынке труда и продолжающееся несколько лет падение доходов приводят к росту должников, составившему по сравнению с 2009 г. восьмикратное увеличение, и только за последние месяцы – 12%. Самыми высокими темпами ухудшается уровень жизни населения в Уральском, Северокавказском и Сибирском федеральных округах, где долги россиян почти в семь раз превышают уровень заработной платы, что характерно для т. н. «американской модели потребительского поведения».

Выплаты на погашение займов в совокупности с недостаточным ростом доходов и невысокой инвестиционной активностью способны в долгосрочной перспективе оказать ещё более негативное воздействие на потребительский спрос и, соответственно, стимулирование экономики. Тем не менее, в двух десятках регионов, лидерами из которых являются Вологодская, Калининградская, Тульская области и Республика Кабардино-Балкария, зафиксирован рост инвестиций в основной капитал – почти 40% в реальном выражении, что доказывает обусловленность инвестиционного и научно-технического потенциала региона ресурсами; приоритетами в федеральной и региональной политике, а также зависимость от активности и управленческих навыков местных чиновников, согласованности действий со стороны власти, бизнеса, научных и учебных организаций, что в совокупности определяет качество и параметры инновационной деятельности.

По качеству управления инновациями российские регионы также показывают существенное разнообразие, отсутствие чётких закономерностей и необоснованность выработки универсальных рекомендаций, что подтверждается сопоставлением проведённого исследования с рейтингом инновационного развития [9], в основе расчёта которого лежит система из 37 показателей, сгруппированных в четыре тематических блока: «Социально-экономические условия инновационной деятельности», «Научно-технический потенциал», «Инновационная деятельность» и «Качество инновационной политики».

По каждому из указанных блоков проводится региональное ранжирование. Как среднее арифметическое рассчитывается итоговый индекс, а уровень дифференциации исчисляется как отношение значений итогового индекса для регионов, лидирующего и замыкающего в рейтинге. В результате итоговый индекс становится усреднённой оценкой, сглаживающей противоречия инновационного развития субъектов Российской Федерации, но отражающий агрегированную оценку качества управления. Очевидно, что благодаря значимым инвестиционным проектам какой-либо регион может резко изменить свои позиции.

В четвёрку лидеров входят Москва, Санкт-Петербург, Республики Татарстан и Башкортостан. Из остальных участников рейтинга стабильное и поступательное инновационное развитие характерно только для Саратовской области, которая по ряду рассмотренных нами девятнадцати социально-экономических показателей, ставших предметом проведённого

ранее анализа, также показывает рост и значимые позиции среди других регионов.

На итоговые позиции в рейтинге влияют собственно инновационная деятельность организаций и социально-экономические условия (Белгородская, Воронежская, Калужская области и др.) и научно-технический потенциал (Республики Мордовия, Чувашия, Ставропольский край и др.), что соответствует выявленному нами высокому, но недостаточно реализуемому потенциалу этих регионов.

Оценённое в рейтинге как недостаточное качество инновационной политики, например, в Ульяновской области может объясняться, по нашему мнению, низкой активностью исследовательской деятельности при наличии высокого регионального научного потенциала, что действительно выступает слабым местом практически для всех регионов, кардинально ухудшивших свои позиции в рейтинге: Республики Коми и Кабардино-Балкария, Курская область, которых в разной степени коснулись наблюдавшееся в последние годы замедление промышленного роста и стагнация экономики в силу существенных различий в стартовых позициях.

Таким образом, приведённые выше некоторые примеры значимо дополняют наше исследование и подтверждают необходимость разработки адекватной современным запросам политики регионального развития, требующей наполнения многих прежних постулатов новым содержанием или их принципиального переосмысления.

В то же время, интеграция отдельных территорий в единое целое представляет первостепенную важность не только на уровне экономического развития, но и в целях формирования и укрепления российской идентичности. Возросшая в сознании населения ценность провинции, усиливающиеся потоки внутренней миграции, выравнивание жизненных шансов людей в столицах и некоторых регионах, превалирование консервативных, традиционных ценностей над индивидуалистическими представляют собой составляющие тренда на сплочение народа на территории всей России как единого ценностно-мировоззренческого пространства [2] и подкрепляются данными о том, что более половины россиян сожалеют о распаде СССР, что является самым высоким показателем за рассматриваемый почти двадцатилетний период.

Это объясняется, в частности, тем, что в общественном сознании доминирующей ценностью по-прежнему остаётся социальная справедливость, а социалистический выбор представляется прогрессивным, открывающим перспективу включения России в ядро нового мирохозяйственного уклада. Какой получится сплав традиционных и модернизационных ценностей, социализма, гуманизма и патриотизма – зависит от практической работы идеологов государственного строительства [1].

Распад СССР и единого социально-экономического пространства, переориентация и потеря многих экономических связей по причине либерализации цен и роста транспортных тарифов, различный исходный природно-ресурсный потенциал территорий, перевод общегосударственной

собственности в частную, реформы 90-ых гг. по переходу к рыночной экономике и многое другое привели к сильному снижению уровня жизни, резкому спаду производства и, как следствие, оттоку населения в более развитые районы и усугублению регионального неравенства. Хотя межрегиональная экономическая дифференциация присуща многим странам, в России по некоторым показателям, включая валовый региональный продукт на душу населения, она характеризуется гораздо более высоким уровнем.

Поскольку выявленная дифференциация подтверждает невозможность, а главное – нецелесообразность в силу определённых положительных сторон (например, стремления более слабых регионов подтянуться за более сильными) своей ликвидации и безусловного экономического выравнивания субъектов Российской Федерации, необходимо усовершенствовать механизмы оценки дифференциации, выставить новые приоритеты (например, более интенсивные темпы роста для отстающих) и определить средства достижения целей.

Однако постоянное усиление межрегиональных различий, характерное для российской экономики, свидетельствует о неэффективности проводимой региональной политики, то есть существующая система управления не справляется с имеющимся разнообразием объектов управления, тем самым проявляя свою низкую результативность, некомпетентность, коррупционность и утрату целостности, что позволяет сделать несколько важных выводов.

Во-первых, сохраняя свою ключевую роль в политике регионального развития и обеспечения экономической безопасности, идея выравнивания должна сопровождаться комплексом практических мероприятий, разработанных с учётом конкурентного потенциала, выявленных уникальных возможностей отдельных территорий и сохранения этнического многообразия с типичными для данного региона традиционными видами деятельности и жизненным укладом.

Во-вторых, разрыв между регионами Российской Федерации по некоторым показателям, характеризующим инновационное развитие, составляет десятки раз, поэтому сокращать межрегиональную дифференциацию следует постепенно:

- посредством включения инновационной составляющей в стратегию промышленного развития благодаря снижению доли сырьевого сектора и поддержке наукоёмких, внедрению современных форм взаимодействия субъектов и организации производства;

- с помощью выравнивания темпов развития по целевым макроэкономическим показателям и индикаторам уровня инновационного развития;

- уделяя внимание в каждом регионе центрам инновационного развития.

В-третьих, на успех влияют согласованные действия органов федеральной, региональной и местной власти, чему может способствовать создание единого координирующего центра, осуществляющего согласование деятельности (целевой функционал, нормативы и критерии), контроль и поддержку

соответствующих специализированных институтов и инструментов, имеющих в их распоряжении для реализации принятых политик.

В зоне ответственности верхнего уровня должны остаться определение основных направлений и условий и целевое прогнозирование индикаторов по ключевым показателям социально-экономического развития, в то время как от органов местного самоуправления должны исходить непосредственные программы мероприятий, направленные на привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест, повышение уровня жизни населения и, в конечном итоге, достижение конкретизированных федеральной властью до территориального уровня ориентиров, способствующих снижению межрегиональной дифференциации.

В то же время, прямая ответственность за достижение целевых показателей национального социально-экономического развития должна стать сквозной для каждого уровня системы управления и защищённой от воздействия субъективных факторов, основываться на принципах объективности и открытости и формироваться с участием мнения широких слоёв общества.

В-четвёртых, сокращение диспропорций и осуществление продекларированного «дифференцированного подхода к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований» может быть достигнуто через формирование с учётом экономических и внеэкономических факторов региональной политики, организационно-экономических механизмов, обеспечивающих функцию стимулирования саморазвития субъекта на основе чёткой адресной методологии для каждого выделенного конкретного типа территорий и определённого набора методик и инструментов, обоснованных в качественном (организационно-структурном) и количественном (экономическом, с позиции выгод и затрат) аспектах.

Интересы сторон, направленные на повышение конкурентоспособности, рост занятости населения, увеличение выплат в бюджет и пр. должны находить своё отражение в показателях местных и региональных прогнозов, после обобщения которых должны корректироваться федеральные целевые установки, тем самым обеспечивая на каждом уровне переход от единичных исследований к формированию целостной системы планирования.

В-пятых, расширение внедрения любых форматов межфирменного взаимодействия, под которым в научной и публицистической литературе принято рассматривать взаимоотношения хозяйствующих субъектов на основе стратегически ориентированного разделения труда, способствует большей открытости, поиску и созданию новых, конвергентно-дивергентных (в зависимости от сходства и различия целей) бизнес-моделей, организационных форм и структур управления, неизбежно меняющих характер экономических процессов благодаря преимуществам экономического, интеллектуального и др. обмена, синхронизации основных бизнес-процессов и моделей управления па основе единых информационных каналов и задающих новые тенденции в региональных, национальных и международных экономических отношениях.

К внедрению в российскую региональную практику можно рекомендовать маркетинго-сбытовые (разработка инновационных продуктов и/или их составляющих, организация каналов дистрибуции, бенчмаркинг, работа по лицензии, т. н. «партнёрские программы»); научно-технические, технологические и производственные (аутсорсинг, сотрудничество в сфере НИОКР, получение патентов и лицензий) и кадрово-образовательные формы (обучение и повышение квалификации персонала, программы переподготовки, обмен «наилучшими практиками»), охватывающие, по сути, все основные функциональные области управления (производство, финансы, персонал и т. д.), а также относительно новые процессы (например, инвестиционный или риск-менеджмент).

Выявление и мониторинг различных системных и структурных проблем, сигнализирующих о трудностях взаимодействия, осуществляется с помощью информационного обмена, включающего интеграцию соответствующих блоков автоматизированных систем управления, оперативные коммуникации и электронный обмен данными, совместное участие в планировании работ и ресурсов и согласование страховых запасов, отслеживание изменений, непреодолимых ограничений и рисков, обязательное соблюдение всеми сторонами принятых федеральных и отраслевых стандартов качества, управление схемами расчётов и отпускными ценами.

Оценку соответствующим соглашениям между государством, наукой, бизнесом, профессиональными и общественными организациями, наиболее успешным практикам и степени взаимной ответственности должны давать сами участники объединений, для чего могут быть использованы информационные технологии по расчёту рейтингов, комплексных экспертных оценок, общественного мнения по результатам деятельности, соблюдению обязательств перед партнёрами и персоналом, оплате налогов и социальной ответственности. К сотрудничеству с государством и преимуществу по кредитам и налоговым льготам должны допускаться только участники с высоким рейтингом добросовестности по итогам выполнения многосторонних инвестиционных проектов (в первую очередь, государственных заказов).

Признательность

Работа подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-06-00301 «Организационно-экономический механизм управления инновациями на рынке товаров народного потребления: методы, модели, инструментарий».

Литература

1. *Глазьев С.Ю.* Какая идеология поднимет Россию. // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.glazev.ru>.
2. *Горшков М.К.* Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. - М.: Весь Мир. - 2018. – 312 с.
3. *Пахомов А.В., Пахомова Е.А., Рожкова О.В.* Дифференциация регионов России на основе эконометрического анализа по социально-экономическим показателям, влияющим на потребительский спрос. // Национальные интересы: перспективы и безопасность. - 2017. – Т. 13, № 12(357). - С. 2200-2217.

4. *Пахомов А.В., Пахомова Е.А., Рожкова О.В.* Эконометрическое моделирование занятости на основе отраслевой специфики. // Национальные интересы: перспективы и безопасность. - 2017. – Т. 13, № 11(356). - С. 2018-2034.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.gks.ru>;
6. Официальный сайт Центрального Банка РФ. // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.cbr.ru>;
7. Официальный сайт ПАО «Сбербанк России». // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.sbrf.ru>.
8. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.wciom.ru>.
9. Рейтинговый успех регионов определяется качеством инновационной политики. // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.eg-online.ru/article/348351/>.

Черноризова Н.В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Исторически и логически существовала прямая зависимость потребления большинства трудоспособного населения от результатов продуктивной деятельности, прежде всего, производственной. На эти отношения также оказывали влияние собственность на средства производства, система налогообложения, классовое положение в обществе, политическая борьба, государство, идеология и другие институты.

Согласно взглядам классической политической экономии, а позже и К. Маркса, процесс производства в широком смысле слова выступает как непрерывно возобновляющееся общественное воспроизводство и включает распределение, обмен и потребление созданного продукта. Во взаимодействии этих фаз определяющая роль принадлежит производству, которое создает продукт потребления и формирует потребности общества, их структуру.

Определенное производство обуславливает определенное потребление, распределение, обмен и соответствующие отношения этих различных фаз друг к другу. Они образуют собой части целого, различия внутри единства. Отметим, что с течением времени некоторые из этих частей стали нарушать субординацию и единство целого.

Но на потребление оказывает влияние не только производство, но и распределение: от него зависит уровень потребления классов, социальных групп, домохозяйств и отдельных лиц. Определяющую роль здесь играют отношения собственности и существующий социально-экономический строй, государство. Специфика способов распределения определяет дифференциацию доходов населения и дифференциацию потребления.

В условиях натурального хозяйства, и мелкого товарного производства присвоение и потребление происходит на основе единства труда и собственности на факторы производства (крестьянин, фермер, ремесленник,

мелкий лавочник). Но в этот процесс вносит определенные коррективы институт налогообложения, феодальная зависимость (там, где она была), войны и захваты. В Средние века они значительно уменьшали размеры потребления бедных слоев населения и увеличивали потребление власть имущих. Потребление элит всегда носило особый характер, связанный с их общественным статусом, наличием крупной собственности и силовым принуждением.

В эпоху капитализма 18-19 вв. налогообложение было относительно либеральным и не слишком влияло на конечное потребление, сохранялась прямая зависимость сельскохозяйственных и ремесленных производителей от непосредственных результатов производственной деятельности. Но с ростом товарности производства и его размеров, отчуждением производителей от средств производства, изменились отношения собственности на средства производства и на произведенный продукт, соответственно, изменились и пропорции потребления.

Присвоение стало происходить на основе разделения труда и собственности на факторы производства. Владение факторами производства одними субъектами и отчуждение от них других явилось основой как экономического, так и неэкономического принуждения к труду. Недопотребление рабочих было связано с низкой зарплатой, их вытеснением из производственного процесса вследствие использования машин, а позже и с кризисами перепроизводства.

В конце 19-го - начале 20-го века в результате политической и экономической борьбы, принятых законодательных мер, потребление рабочих и других категорий трудящихся в развитых странах и в России значительно увеличилось (в том числе они стали владеть акциями, появились сбережения в банках). Однако в России произошла революционная смена строя с целью более справедливого распределения собственности на ресурсы и результаты производства.

На практике в советские годы трудящиеся стали собственниками средств производства (крестьяне – частично, т.к. не были владельцами земли и не имели почти никакой свободы деятельности), получали зарплату в зависимости от результатов труда, но разница в доходах не была значительной. Однако конечное потребление не могло осуществляться полноценно из-за дефицита товаров, их низкого качества, очередей и др. Фонд личного потребления страдал от чрезмерных военных расходов и поддержки «дружественных» социалистических стран.

При этом потребление так называемой номенклатуры почти не зависело от ее продуктивной, управленческой деятельности, а определялось степенью лояльности коммунистической партии, ее вождям, идеологии, престижностью должности, знакомствами и связями. Номенклатура потребляла в разы больше высококачественной продукции и социальных благ, пользуясь специальными распределителями, магазинами, поликлиниками, поездками за рубеж,

принципом «ты – мне, я – тебе» (бессовестно пользуясь при этом общественными ресурсами).

Это отчуждение потребления от производства в гипертрофированных размерах перешло в 90-е годы, когда номенклатуре в лице руководителей заводов, фабрик, магазинов, банков, партийных, профсоюзных лидеров, силовикам, а также криминальным элементам удалось захватить большую часть национального богатства страны в ходе преступной приватизации. Они увеличили свое потребление в десятки, иногда сотни раз, при том, что объемы производства в стране катастрофически упали – произошло перераспределение богатства в пользу «групп влияния», финансово-промышленных групп.

В то же время четверть населения оказалась за чертой бедности, миллионы людей деградировали, умирали, уезжали. Капиталисты времен Маркса выглядели более благопристойно и функционально, чем «новые русские».

Лауреат Нобелевской премии по экономике Л. Клейн писал по этому поводу [2, с.34], что в России в ходе реформ были проигнорированы важнейшие условия макроэкономической стабильности – справедливое распределение доходов и собственности; обеспечение населения основными видами социальных услуг; создание необходимой инфраструктуры; поддержание высокого уровня занятости.

Известный российский ученый академик Ю.В. Еременко подчеркивал, что во время реформ не рассматривались вопросы аренды или платы за государственные ресурсы. В результате рента превратилась в основную часть стоимости ВВП, жестко закрепленную за олигархическими структурами [4, с.233]. Добывающие отрасли получают ренту, доход без особых затрат, а обрабатывающие – нет, имея старую технологическую базу, слабое инвестирование, высокие издержки и вялый рынок сбыта. Произошла деиндустриализация целых отраслей с соответствующими социальными последствиями – потерей рабочих мест, доходов, социальных услуг.

Также академик Ю.В. Еременко обращал внимание на неправомерность и неадекватность превалирования идеологии либерализма и капитализма над экономической целесообразностью тогдашней России, так как нужно строить эффективную экономику, а не капитализм как таковой. Именно ему принадлежала идея преобразования военной мощи Советского Союза в экономическую, что было проигнорировано руководством страны.

В настоящее время ситуация несколько улучшается, но основные проблемы распределения и конечного потребления не решены. Спасает трудолюбие населения и возврат к натуральному хозяйству как дополнение к основной работе.

Важно отметить, что со второй половины XX века с ростом благосостояния людей движущей силой развития мировой экономики стала сфера услуг – благодаря своей особой функции в общественном воспроизводстве. В экономике развитых стран данный сектор укрепился как доминирующий и по численности занятых, и по вкладу в ВВП. Именно сюда уходят высвобождающиеся из основного производства в результате НТП

работники и приходят новые – специально подготовленные, носители знаний и инноваций.

В постиндустриальном обществе в сфере услуг сформировался так называемый третичный сектор, который включает: образование, здравоохранение, страхование, науку, культуру, торговлю, транспорт, связь, управление, банковскую и финансовую деятельность, информационные, юридические, жилищно-коммунальные, бытовые, туристические, гостиничные, охранные и другие услуги.

В связи с переходом к информационному обществу в последние десятилетия появился новый – четвертичный сектор, связанный с развитием цифровых и коммуникационных технологий. К информационному сектору относятся услуги в области информационных технологий, связанные с планированием и организацией труда и производства, включая науку и образование, банковский и финансовый сектор, глобальный маркетинг и т.п.

Сфера услуг (особенно культура, наука, образование и здравоохранение) производит общественное богатство в особой его форме, внося важнейший вклад в развитие человеческого капитала. Соответственно, постепенно доходы занятых в этой сфере сравнялись с доходами работающих в сфере производства, а то и превысили их (по крайней мере – в добывающих отраслях). Реальностью стало доминирование финансового капитала над производственным, прибыль в виде процента и дохода от торговли финансовыми деривативами оказалась больше, чем от инвестиций в реальный сектор экономики.

На трансформацию производства и потребления большое влияние оказала гуманизация экономики, которая предполагает адекватность процесса ее функционирования и развития нуждам и интересам всех людей, общества в целом, а не только отдельных лиц или групп. При этом нормой становится социальное партнерство бизнеса, государства и общества, бескорыстная помощь нуждающимся.

Гуманизация производства проявляется не только в увеличении материального стимулирования, но и в социальном и технологическом улучшении условий жизни и труда работников, его длительности, интенсивности, обеспечении соответствующих гарантий и др.

Гуманизация потребления подразумевает увеличение количества и улучшение качества потребляемых личных, коллективных и общественных благ, в том числе образовательных, информационных, медицинских, экологических, благ безопасности и т.д.

Положительные изменения в гуманизации производства начались в развитых странах и в России в конце 19-го-начале 20-го веков - под влиянием острой критики капитализма (особенно социалистами и марксистами) политической и экономической борьбы трудящихся за свои права. Росла реальная зарплата, появились профсоюзы, кооперативное движение, фабрично-заводское законодательство. Государство ограничило рабочий день, запретило работу детей; наряду с благотворителями, начало строить школы, больницы,

приюты. Появление кредита и антимонопольного законодательства также в некоторой степени способствовало гуманизации производства и потребления.

Однако Великая депрессия показала недостаточность и ограниченность принимаемых мер в условиях нестабильной рыночной системы, необходимость более активного участия государства в экономической и социальной жизни общества и перехода к смешанной модели (социальной рыночной экономике). Эта модель позволила в наибольшей степени реализовать принципы гуманизма производства и распределения, начиная с 70-х годов XX века. Они проявились в устранении тяжелого физического труда, его интеллектуализации, усилении творческого характера; улучшении условий труда и жизни, в т.ч. экологических и информационных, предоставлении кредитных и страховых услуг; демократизации управления, т.е. участия работников в управлении предприятием и в его доходах; изменении отношений и форм собственности, более справедливом распределении произведенного продукта; повышении уровня и качества жизни, обеспечении всех жителей страны (в том числе неработающих) жизненно необходимыми и социальными благами [3, с.368].

В развитых капиталистических странах после Великой депрессии и перехода к смешанной экономике появилась государственная социальная политика, усилились распределительные процессы и макроэкономическое регулирование. Было решено, как ярко утверждали шведские социал-демократы, лучше не забить «корову капитализма», а доить ее на благо всего народа (т.е. взимать высокие налоги), договариваться с миром капитала.

Основанием для этого послужил не только значительный рост доходов у богатых, но и так называемый психологический закон Кейнса. Он гласил, что по мере роста дохода богатые люди значительную его часть сберегают, инвестируют, динамика личного потребления отстает от роста доходов. Поэтому было законодательно решено изымать часть доходов в виде налога у богатых и передавать его через социальные трансферты беднейшим людям, чтобы выравнивать уровень жизни. В целом же до 70-х годов XX века потребление большинства трудоспособного населения было реально связано с продуктивной деятельностью. Интересы трудящихся защищали соответствующие законы, профсоюзы, советы трудовых коллективов, партии и другие институты.

Однако затем в производственном процессе в широком смысле слова произошли кардинальные изменения, приведшие к сбою и разладу системы. А именно, наряду со значительным увеличением объемов производства, услуг (вследствие НТР), ростом благосостояния, стали гипертрофированно развиваться сфера распределения и сфера потребления, снова усилился отрыв потребления от производства, но уже с иным содержанием и по другим причинам.

Нежелание населения развитых стран рожать детей (по мере роста благосостояния) и выполнять тяжелую и непрестижную работу привело к массовому притоку эмигрантов и беженцев. Данные процессы усилились под влиянием распада колониальной системы (когда население бывших колоний

потянулось в метрополии в поисках лучшей жизни и социальной справедливости), войн и конфликтов.

Утвердившийся принцип толерантности требовал все больших средств не только для инородцев, но и для «своих» безработных, многодетных, матерей-одиночек, инвалидов, малоимущих асоциальных элементов (алкоголики, наркоманы, тунеядцы) и др. Это привело к усилению налогового бремени не только на богатых, но и на средний класс, в некоторых странах налоги стали «съедать» половину доходов работающих людей. Распространился социальный паразитизм, бюрократия, коррупция. Доходы вышеназванных категорий трудоспособного населения оказались не связанными или слабо связанными с их участием в сфере производства товаров или услуг. Капитализм попал в своеобразную «социальную ловушку», когда эффективная норма стала превращаться в неэффективную.

Сфера потребления превратилась в «общество потребления» с непомерно раздутыми и сформированными рекламой и СМИ потребностями, «демонстрационным» (показным) поведением элит, которое стало тиражироваться и среди бедных и отсталых слоев населения, даже целых стран. Все захотели потреблять много и сразу: кто-то - желая работать, но не имея такой возможности, кто-то - желая только получать, в том числе путем насилия (как реванш за колониальное рабство или войны, развязанные развитыми странами, грабеж ресурсов). Это вызвало (и продолжает вызывать¹) недовольство населения, занятого продуктивной деятельностью, вынужденного содержать тысячи неработающих людей, которые при случае устраивают нападения, погромы, теракты, протесты. Привилегированные богатые социальные группы и средний класс терпят эту ситуацию ради социального мира до тех пор, пока такие траты компенсируются приростом общественного продукта и не затрагивают по большому счету распределения уже имеющегося накопленного богатства. Напомним, что на формирование квалифицированного работника Европа потратила 200 лет (Америка получила его в готовом виде в лице эмигрантов). А сейчас складывается такая ситуация, что доходы многодетной семьи из бывших эмигрантов с одним кормильцем могут равняться или быть выше, чем в семье двух работающих европейцев с одним или двумя детьми.

Ситуация осложняется чрезмерным развитием кредита - в долг живет не только бизнес, но и население, что усиливает нестабильность экономики (неплатежи периодически приводят к финансовым кризисам). Процветает спекулятивный рынок ценных бумаг, раздут финансовый пузырь и уже существует без непосредственной связи с реальной экономической деятельностью. Произвол ТНК, финансовое и военное доминирование США усиливают несправедливое распределение ресурсов и результатов экономической деятельности.

Таким образом, в результате трансформации производства и потребления в развитых капиталистических странах, складывается противоречивая ситуация, которая имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

К положительным последствиям можно отнести значительный рост благосостояния подавляющего большинства населения этих стран, обеспечение относительного социального равенства, гуманизацию производства и потребления, которая стала закономерностью социально-экономического развития, связанного с качеством экономического роста.

Отрицательные последствия проявляются в значительном росте неосязаемых активов, фиктивной экономики, падении рождаемости, снижении престижности физического труда, социальном паразитизме, высоком уровне налогообложения среднего класса, потере суверенитета потребителя под влиянием СМИ, рекламы, фетишизации потребления, агрессивном поведении транснациональных корпораций.

Россия прошла свой социально-экономический и политический путь развития и убедилась, что идеального типа хозяйствования не бывает - ни социализм, ни капитализм сами по себе счастья не гарантируют. Учитывая свой и зарубежный опыт, при выборе дальнейшей модели развития необходимо решить следующие важнейшие проблемы.

Во-первых, осуществлять инновационное развитие с учетом не только научно-технических и финансовых, но и морально-этических, социокультурных, психологических, экологических, правовых, внешнеполитических и других факторов. Здесь важны соответствующее поведение элит, поддержка общества, инициативность, высокий уровень доверия и взаимодействия всех субъектов экономики.

Необходимо преодолеть так называемый «эффект колеи» - инерционность мышления, неуверенность, склонность к нетрезвому, нездоровому образу жизни, нежеланию кропотливо выполнять рутинную работу, нарушению законов и трудовых обязательств. Вспомним, что Левша блоху подковал, но она больше не прыгала, т.к. умелец не знал наук, да и сам погиб от пьянства и безответственности (при этом пострадало и государственное оружейное дело).

Профессор А.А. Аузан назвал «русской ловушкой» три институциональных фактора, которые блокируют инновационную экономику в нашей стране. Это «высокая дистанция власти», «низкая договороспособность, или так называемый конфликтный индивидуализм русских» и «высокое избегание неопределенности» [1, с.31].

Во-вторых, по-прежнему актуален социалистический тезис о всеобщей занятости трудоспособного населения полезным трудом в реальном секторе и более справедливом распределении национального богатства. В условиях экологической и террористической угрозы человечеству, возможно, еще придется вернуться к мобилизационной модели развития. Вместо занятий фитнесом, человечеству полезно умеренно потрудиться физически. Уже имеется мировой опыт занятости безработных, получающих пособие, на полдня (например, в Финляндии).

Необходимо перейти к реальной масштабной трудовой деятельности на системной основе, особенно на периферии, чтобы создать рабочие места и заселить пустующие территории, освоить земли и ресурсы. Для этого

государственные и частные инвестиции нужно направлять не в крупные города и центры, а в сельскую местность, создав соответствующую инфраструктуру, особенно дороги и жилье, вспомнить и наконец реализовать Программу развития малых городов, которую предложил академик М.Я. Лемешев.

Источники средств для этого придется изыскивать за счет более справедливого передела природной ренты (в том числе в госкорпорациях), изъятия квазиаренды у чиновников и политиков, неотвратимой конфискации средств и имущества у коррупционеров и нарушителей закона. В нашей стране больше всех в мире финансово-промышленных групп – 80. Примерно 200 семей владеют четвертью национального богатства страны, при этом пятая часть населения находится за чертой бедности. Это означает, что коэффициент децильности очень высок и возможны социальные потрясения. Следовательно, изменения распределительных отношений неизбежны, потребуются усиление налоговых и иных регуляторов для уменьшения доходов сверхбогатых людей и «групп влияния».

В-третьих, нужно уйти от «религии потребления», навязанной западным обществом, раздутости потребностей через СМИ, навязчивую и агрессивную рекламу, демонстрационное поведение элиты. Это выгодно западным производителям, ТНК, которые заинтересованы в расширении сбыта своих товаров и услуг. Для нас важна не максимизация потребления, а его оптимизация.

Еще Демокрит и Эпикур указывали на необходимость нравственности, благоразумия и меры в удовлетворении потребностей. Безграничны потребности людей именно в предметах роскоши, накоплении неумеренных богатств, чрезмерных и порочных удовольствиях. Обеспечить удовлетворение естественных потребностей людей гораздо легче, чем прихотей и «пустых забав».

Для России актуально достижение не только минимального уровня удовлетворения потребностей, обеспечивающего выживание человека, но и базового, нормального, который дает возможность удовлетворения значимых интеллектуальных и духовных потребностей.

В-третьих, России невыгодна полная открытость и ориентация на интеграцию в мировую экономику, – нам больше подходит умеренная автаркия и здоровый протекционизм. В условиях экономических санкций, недоступности иностранных инвестиций, высоких затрат и низкой конкурентоспособности нашей продукции нужна ориентация прежде всего на внутренний рынок.

Мы не можем и не должны производить все, но будем производить то, на что есть внутренний спрос и что покупают за рубежом (например, в прошлом году в развивающихся странах увеличился спрос на автомобили «Жигули»). Мы способны вкладывать в опытные производства, делать уникальные продукты, начали использовать военные наработки для производства гражданской продукции. Наше сельское хозяйство и пищевая промышленность растут даже в условиях кризиса. Неплохие перспективы имеет nanoотрасль и

т.д. Главное – обеспечить здоровую конкуренцию производителей и ликвидировать массовую коррупцию и хищение государственных средств.

Для гармоничного развития производства и потребления нужны политическая воля, всеобщий патриотический настрой, готовность к преобразованиям. Чрезвычайно важны единство, заинтересованность и ответственность элит и общества (особенно в регионах), социальный контроль и строгость наказания, укрепление и подъем отечественной науки и образования. Нужно учитывать международный опыт, но идти своим путем и жить своим умом. Тогда мы сможем сделать инновационный рывок, используя внутренние инвестиции и возможности.

Литература

1. Культурный код нации. Материалы семинара «Реалистическое моделирование» 18 февраля 2015 года. – Аналитический вестник, №7 (560) / Под общей редакцией д.э.н. В.Д. Кривога. – М., 2015.
2. Реформы глазами американских и российских ученых / Общ. Ред. Богомолова О.Т. – М.: Российский экономический журнал, 1996.
3. *Черноризова Н.В.* Основные этапы гуманизации рыночной экономики. – Феномен рыночного хозяйства: векторы и особенности эволюции. Монография. – LSP, 2017.
4. *Еременко Ю.В.* Приоритеты структурной политики и опыт реформ. М.: Наука, 1999.

4. ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ БЮДЖЕТНОГО КРИЗИСА: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

*Аль-Натор М.С.
Соловьев А.К.*

ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА И ЕГО АКТУАРНО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Несмотря на несколько итераций пенсионной реформы, проводимой с 2002г., ключевыми – и пока не решенными – проблемами российской пенсионной системы и, в первую очередь, ее основной части – распределительного компонента системы обязательного пенсионного страхования (ОПС) – продолжают оставаться низкий уровень жизни пенсионеров и дефицит бюджета ПФР.

В связи с кризисом, связанным с падением цен на нефть и санкциями, примененными к России западными странами, экономический рост, а вместе с ним и рост заработной платы – основного источника доходов бюджета ПФР по ОПС – в 2014-2016 гг. фактически прекратился, что негативно сказалось на уровне пенсий (он снизился по отношению к величине прожиточного минимума пенсионеров (ПМП) и среднемесячной номинально начисленной заработной плате в экономике Российской Федерации по данным Росстата (СЗП)) и увеличило зависимость бюджета ПФР от федерального бюджета.

Эти проблемы придали дополнительный стимул и активизировали дискуссию о необходимости и форме повышения пенсионного возраста для приобретения права на страховую пенсию по старости – как способе решения проблем системы ОПС – которая перманентно ведется в России с конца 90-х годов, затихая в благополучные годы экономического роста и выходя на передний план в кризисные периоды.

В «Основных направлениях деятельности Правительства РФ на период до 2018 года (новая редакция)» закреплена необходимость проведения детального анализа и на его основе широкого обсуждения вопроса о повышении пенсионного возраста [1]. К настоящему моменту свою позицию по данному вопросу высказали все ключевые министерства социального и финансово-экономического блоков: Минтруд России, Минфин России, Минэкономразвития России, – а также ряд экспертов и экспертных организаций, причем не только в области пенсионного обеспечения: А. Вишневский, Е. Гурвич, А. Кудрин, Т. Малева, В. Назаров, О. Синявская, А. Соловьев, Институт экономики роста им. П.А. Столыпина («Столыпинский клуб»), Центр стратегических разработок и др. Мнения варьируются в диаметрально противоположных направлениях: от нецелесообразности повышения возраста до необходимости немедленной реализации данной меры

с максимально возможной скоростью. При этом не поддерживают повышение возраста специалисты в области демографии (здоровья) населения и социального обеспечения, сторонниками его, как правило, являются те, кто так или иначе связан с финансовым блоком.

В подавляющем большинстве предложения о темпах и величине повышения возраста не подтверждены актуарными расчетами долгосрочных последствий их реализации и не учитывают объективно существующие условия и ограничения, налагаемые социально-экономической ситуацией в стране и прогнозируемыми перспективами ее развития. Фундаментальные работы по данной проблеме, содержащие всесторонний анализ факторов-оснований для осуществления столь социально непопулярного шага и будущих объективных последствий, несмотря на всю актуальность и сложность проблемы, исчисляются единицами [2, 3].

Для получения обоснованных оценок возможных последствий и разработки схемы повышения пенсионного возраста необходимо провести комплексный актуарный анализ текущих и прогнозируемых условий функционирования распределительного компонента системы ОПС, как внутрисистемных, так и внешних по отношению к ней (демографических и макроэкономических). Выбор направлений и показателей для анализа и обоснования схемы повышения возраста должны быть обусловлены необходимостью достижения в интересах застрахованных лиц фундаментальных долгосрочных целей развития системы ОПС, заявленных в действующих нормативных актах и Конституции России [4, 5], а не решением текущих бюджетно-финансовых проблем в стране, пути преодоления которых следует искать, в первую очередь, в обеспечении высоких темпов экономического роста.

В качестве исходных данных в работе используются не только данные государственной статистики, которые при широком спектре демографических и макроэкономических показателей крайне скудно характеризуют развитие пенсионной системы, но и данные системы индивидуального (персонифицированного) учета ПФР (СПУ ПФР) о численности застрахованных лиц, за которых начисляются (или уплачиваются без предварительного начисления в соответствии с законом) страховые взносы на ОПС, распределении их по уровню дохода, продолжительности фактической занятости в течение года, продолжительности страхового стажа и т.п., а также сведения о незанятых застрахованных лицах, которые будут оказывать влияние на их право получить страховую пенсию.

Для обоснования возможности, формы и последствий повышения общеустановленного пенсионного возраста на основе формулы баланса пенсионных прав и обязательств пенсионной системы были определены внешние и внутренние факторы-условия развития распределительного компонента системы ОПС и проведен их актуарный анализ на основе текущих и прогнозных (до 2050 г.) данных. Проведенный актуарный анализ отобранных факторов позволил оценить степень готовности внешних макроэкономических

и демографических условий (в том числе на уровне субъектов Российской Федерации) к повышению пенсионного возраста, резервы незанятости, использование которых могло бы снизить требуемую для достижения целевых ориентиров Стратегии [5] скорость повышения и величину пенсионного возраста.

В частности, анализ показал высокую региональную дифференциацию по основным демографическим показателям, характеризующим возможность населения страны сформировать и реализовать свои пенсионные права – таким как вероятность дожить до общеустановленного пенсионного возраста (действующего или будущего) и ожидаемая продолжительность жизни после его достижения.

Результаты анализа подтвердили отсутствие демографических оснований для повышения пенсионного возраста для мужчин. В 2016 г. ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) мужчин в возрасте 60 лет составила 15,96 года. В 65 субъектах Федерации она была ниже средней по стране, минимальная ее величина равна 13,1 года. В 63 года ОПЖ мужчин в среднем по стране составляла 14,32 года (в 66 регионах она была ниже), минимальная – 11,74 года, в 65 лет соответственно 13,27 и 10,79 года. Среди мужчин от рождения до 60 лет доживает в среднем по стране 68,17% (минимальное значение по регионам – 61,3%), до 65 лет - 58,14% (минимальное значение 42,75%), у женщин вероятность дожить до 60-летнего возраста выше на 19%, до 65-летнего – на 24,5%.

В числе внешних по отношению к пенсионной системе резервов стабилизации пенсионной системы, которые должны быть использованы до повышения пенсионного возраста, выделены, в частности:

– снижение разрыва в уровне смертности между мужчинами и женщинами, который за прошедшие 25 лет в последних предпенсионных (50-54 и 55-59 лет) и пенсионных возрастах вырос с 2,99 до 3 и с 2,72 до 2,9 раз;

– повышение уровня занятости населения в трудоспособном возрасте. Величина данного резерва оценивается в 13,9 млн.чел.

Анализ положений Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы позволил выделить направления развития распределительного компонента ОПС и целевые ориентиры, достижению которых может способствовать изменение пенсионного возраста. К их числу относятся, в первую очередь:

– обеспечение коэффициента замещения трудовой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате;

– обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости не менее 2,5-3 прожиточных минимумов пенсионера.

В работе осуществлена формализация зависимости уровня пенсий, заданного целевыми ориентирами, от пенсионного возраста и разработаны абстрактные математические модели, решающие задачу определения такого возраста в бездефицитной солидарно-распределительной пенсионной системе

АктUARные прогнозные расчеты, проведенные с использованием разработанных абстрактных моделей, показали, что для достижения коэффициента замещения при средней заработной плате и нормативном стаже пенсионный возраст необходимо увеличить до 63 лет, а для доведения среднего размера пенсии по старости до 2,5 ПМП даже при условии роста рынка труда – до 68 лет, а для 3 ПМП – до 70 лет, причем к 2030 г. переходный период процесса повышения возраста должен быть завершен.

На основании анализа демографической ситуации в стране и перспектив ее развития доказано, что пенсионный возраст, при котором обеспечивается достижение целевых ориентиров на рассматриваемом горизонте прогнозирования, не может быть установлен в Российской Федерации, следовательно, достичь целевых ориентиров Стратегии только посредством повышения возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, невозможно.

На основе полученных результатов актуарного моделирования с использованием абстрактных моделей проведено исследование предельно допустимых возможностей повышения возраста и определены его демографические ограничители: вероятность дожить до пенсионного возраста и ожидаемая продолжительность жизни после достижения пенсионного возраста.

В качестве минимально допустимой вероятности дожить до нового пенсионного возраста принята сложившаяся для населения России по состоянию на 2016 г. (не менее 70% граждан), а в качестве ожидаемой продолжительности жизни после достижения пенсионного возраста обосновано использование широко применяемой ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) проспективной шкалы, предусматривающей, что лицо, дожившее до пенсионного возраста, проживет еще 15 лет. Учитывая значительно худшие демографические характеристики мужчин, проспективный возраст рассчитывался именно для них, а не для населения в целом. С учетом названных ограничителей, предельно допустимый пенсионный возраст составил 65 лет.

В целях достижения целевых ориентиров Стратегии и с учетом невозможности их обеспечения исключительно путем повышения пенсионного возраста используя предельное значение, до которого возможно повысить пенсионный возраст, определены темпы его повышения и правила повышения (компромиссная схема повышения пенсионного возраста, приемлемая в сложившихся и прогнозируемых демографических и макроэкономических условиях).

Компромиссная схема предусматривает повышение пенсионного возраста по году назначения пенсии до 65 лет с шагом 3 месяца для мужчин и 6 месяцев для женщин.

Для обоснования компромиссной схемы произведены многовариантные актуарные прогнозные расчеты на период до 2050 года на актуарной прогнозной модели, учитывающей все нормы пенсионного законодательства, а также макроэкономические и демографические условия развития страны и

использующей данные государственной статистической отчетности, ведомственной отчетности ПФР и информационных систем ПФР (включая систему индивидуального (персонифицированного) учета) для 42 схем повышения пенсионного возраста по 84 вариантам.

Актuarные прогнозные расчеты подтвердили достижение целевых ориентиров по уровню пенсий при повышении пенсионного возраста до 70 лет и более (обоснованного в рамках расчетов на абстрактных моделях), но показали также растущую потребность в трансфертах федерального бюджета на финансирование расходов бюджета ПФР.

Также проведенными актуарными расчетами подтверждено достижение при реализации компромиссной схемы целевого ориентира по индивидуальному коэффициенту замещения и повышение соотношения пенсии по старости с ПМП на 26% по сравнению с действующим законодательством (но недостижение целевого ориентира по его величине до конца горизонта прогноза).

Предложенная компромиссная схема повышения пенсионного возраста предполагает изменения в нормативных правовых актах, в частности, в:

– Федеральном законе от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» не только в части возраста для страховых пенсий по старости на общих основаниях, но и для перехода с пенсии по инвалидности на пенсию по старости, для пенсий государственным и муниципальным служащим и для досрочных страховых пенсий по старости;

– Федеральном законе от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» в части социальных пенсий;

– Законе РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»;

– Федеральном законе от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»;

– Федеральном законе от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»;

– Методике оценки ожидаемого периода выплаты накопительной пенсии, утверждаемой Правительством Российской Федерации.

Настоящая работа является продолжением и логическим завершением ряда прикладных исследований, выполненных авторами ранее [3, 6-10].

Литература

1. «Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года (новая редакция)» // утверждена Правительством РФ 14.05.2015 // Информационно-правовая система «Консультант Плюс».

2. *Синявская О.В.* Оценка экономических последствий возможного изменения пенсионного возраста. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., ВЦУЖ, 2002. – 26 с.

3. «Актuarный анализ и выявление источников и резервов сокращения дефицита бюджета Пенсионного фонда России». НИР. – М.: ФУ при Правительстве РФ, 2016 г. – 183 с.

4. Соловьев А.К., Попов В.Ю., Орещенкова Ю.А., Сорокина М.А. Дефицит бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации: факторы формирования и механизмы регулирования. Монография. – М.: ООО «Вариант», 2016. – 140 с.
5. Конституция Российской Федерации. Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
6. Разработка методических подходов к анализу и оценке эффективности развития пенсионной системы в Российской Федерации в соответствии с рекомендациями Международной организации труда и ОЭСР. НИР – М.: ФУ при Правительстве РФ, 2014 г. – 202 с.
7. Соловьев А.К. Пенсионное обеспечение в России // Народонаселение № 1 (75) – 2017 (январь – март) С. 14-21.
8. Соловьев А.К. Пенсионная реформа в условиях бюджетного кризиса: риски роста бедности // ЭКО, Всероссийский экономический журнал №8 (518), 2017, С. 139-153.
9. Аль-Натор М.С., Донцова С.А. Соловьев А.К. Повышение пенсионного возраста в условиях социально-экономической неопределенности // Экономика и управление: проблемы, решения №6 том 3, июнь, 2017, С. 69-73.
10. Соловьев А.К. Исследование влияния неформальной занятости на сбалансированность бюджета ПФР и формирование пенсионных прав работника // Проблемы теории и практики управления, №10, 2017.

Балынин И.В.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Вопросы, связанные с реформированием пенсионной системы Российской Федерации, в настоящее время находятся в поле постоянных дискуссий и обсуждений. При этом, не вызывает сомнения, что в основе модернизации пенсионной системы нашего государства должен лежать принцип социальной справедливости, в т.ч. гарантирующий соблюдение конституционных прав.

В связи с этим представляется целесообразным проведение новой пенсионной реформы в 2 этапа. Так, этапе №1 (который рекомендуется осуществить в 2019-2035 гг.) необходимо реализовать следующие мероприятия:

Первое. Ужесточить условия назначения социальной пенсии по старости:

А) увеличивая ежегодно минимальный возраст для ее назначения (2019 год – 60 лет и 6 мес. женщинам (далее – Ж) и 65 лет и 3 мес. мужчинам (далее – М); 2020 год – 61 год (Ж) и 65 лет и 6 мес. (М); 2021 год – 61 год (Ж) и 65 лет и 6 мес. (М); 2022 год – 61 год и 6 мес. (Ж) и 65 лет и 9 мес. (М); 2023 год – 62 года (Ж) и 66 лет(М); 2024 год - 62 года и 6 мес. (Ж) и 66 лет и 1 мес. (М); 2025 год – 63 года (Ж) и 66 лет и 2 мес. (М); 2026 год – 63 года(Ж) и 66 лет и 3 мес. (М); 2027 год – 63 года и 6 мес. (Ж) и 66 лет и 4 мес. (М); 2028 год - 64 года(Ж) и 66 лет и 5 мес. (М); 2029 год – 64 года(Ж) и 6 мес. и 66 лет и 6 мес. (М); 2030 год - 65 лет(Ж) и 66 лет и 7 мес. (М); 2031 год – 65 лет (Ж) и 66 лет и 8 мес. (М); 2032 год - 65 лет и 6 мес. (Ж) и 66 лет и 9 мес. (М); 2033 год - 66 лет(Ж) и 66 лет и 10 мес. (М); 2034 год – 66 лет и 6 мес. (Ж) и 66 лет и 11 мес. (М); 2035 год – 67 лет(Ж) и 67 лет(М).

Б) усилив контроль за возможными злоупотреблениями и коррупционными проявлениями, в т.ч. связанными с подтверждением прав на ее назначение

В) отменив в рамках реализации комплекса мер по стимулированию граждан к законной трудовой деятельности региональные и федеральные социальные доплаты к социальным пенсиям по старости гражданам, не выполнившим условия по минимальному количеству лет страхового стажа для назначения страховой пенсии по старости

Второе. Привести возраст выхода на пенсию в соответствие с текущими реалиями и накопленным историческим и зарубежным опытом, а также учитывая значению текущей продолжительности жизни и активности граждан и безусловности обеспечения конституционно гарантированного равенства прав граждан, независимо от половой принадлежности. Так, данную корректировку рекомендуется произвести следующим образом:

2019 год - 55 лет и 6 мес. (Ж) и 60 лет и 6 мес. (М), 2020 год - 56 лет(Ж) и 60 лет и 6 мес. (М), 2021 год - 56 лет 6 мес. (Ж) и 60 лет и 6 мес. (М), 2022 год - 57 лет(Ж) и 61 год(М), 2023 год - 57 лет и 6 мес. (Ж) и 61 год (М), 2024 год - 58 лет(Ж) и 61 год(М), 2025 год - 58 лет и 6 мес. (Ж) и 61 год (М), 2026 год - 59 лет(Ж)и 61 год и 6 мес. (М), 2027 год - 59 лет и 6 мес. (Ж) и 61 год и 6 мес. (М), 2028 год - 60 лет(Ж) и 61 год и 6 мес. (М), 2029 год - 60 лет и 6 мес. (Ж) и 62 года(М), 2030 год - 61 год (Ж) и 62 года(М), 2031 год - 61 год и 6 мес. (Ж) и 62 года(М), 2032 год - 62 года (Ж) и 62 года и 6 мес. (М), 2033 год - 62 года и 6 мес. (Ж) и 62 года и 6 мес. (М), 2034 год - 62 года и 6 мес. (Ж) и 62 года и 6 мес. (М), 2035 год - 63 года (Ж) и 63 года(М).

Третье. Увеличить минимальный страховой стаж для получения страховой пенсии по старости до 20 лет (путем продолжения реализации принятого решения о ежегодном увеличении на 1 год – до 2024 года, сохранением в 2025 году минимального стажа в 15 лет и последующим повышением с 2026 года ежегодно на 6 месяцев до 2035 года).

Четвертое. Усилить роль и значение негосударственных пенсионных фондов путем перехода к исключительно добровольному формированию накопительной пенсии с участием работающих граждан, работодателей и государства. Так, всем застрахованным лицам (до достижения пенсионного возраста должно быть не менее 10 лет) необходимо предоставить право на формирование накопительной пенсии по полной («4%+4%+2%») либо частичной («2%+2%+1%») схемам. Так, плательщиками данных взносов являются работодатели (часть индивидуальной части тарифа страховых взносов направляется на формирование накопительной пенсии: при полной схеме – 4%, при частичной – 2%), застрахованные лица (при полной схеме – по тарифу 4%, при частичной – по тарифу 2%), государство (при выборе полной схемы – начиная с 7 года выбора данной схемы отчислений по тарифу 2%; при выборе частичной схемы – начиная с 12 года отчислений по тарифу 1%). Объект обложения и база для исчисления страховых взносов для всех категорий плательщиков определяются аналогичным образом. При этом, в обязательном

порядке следует сохранить права граждан на присоединение и переход (путем написания соответствующего заявления) к любой из указанных схем либо полный отказ от формирования накопительной пенсии (для осуществления которого никаких дополнительных действий совершать не нужно). При этом, необходимо предусмотреть в главе 23 налогового кодекса Российской Федерации возможность предоставления социальных налоговых вычетов по НДФЛ в сумме уплаченных гражданами страховых взносов в рамках предлагаемых схем формирования накопительной пенсии.

Пятое. Расширить период дифференциации размера коэффициентов за более поздний выход на пенсию до 20 лет (в настоящее время такие коэффициенты при выходе на пенсию в возрасте установлены только до 10 лет). При этом, в случае более позднего выхода на пенсию представляется справедливым использовать данные коэффициенты независимо от наличия права на досрочное назначение (в настоящее время при наличии такого права применяются меньшие значения коэффициентов).

В свою очередь, на этапе №2, который представляется целесообразным реализовать в 2036-2052 гг. путем проведения следующего комплекса мероприятий:

Первое. Продолжить корректировку минимального возраста для назначения социальной (до 70 лет к 2052 году независимо от пола) и страховой пенсий (до 65 лет к 2052 году независимо от пола) по старости. При этом, учитывая, что пенсионный возраст мужчин-госслужащих до 65 лет будет поднят еще в 2026 году представляется целесообразным этой категории граждан не повышать пенсионный возраст на данном этапе.

Второе. Ввести формулу расчета социальной пенсии по старости:

$$\text{Социальная пенсия} = \text{ФВ} * \text{КВСПС} + \text{ИПК} * \text{СПК}$$

При этом, КВСПС (коэффициент выплаты социальной пенсии по старости) рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{КВСПС} = \frac{\text{Количество лет страхового стажа}}{\text{Минимальный стаж для выхода на пенсию}}$$

Третье. Осуществить корректировку минимального возраста для назначения накопительной пенсии по старости. При этом, одновременно необходимо осуществить сокращение ожидаемого периода выплаты накопительной пенсии с 258 месяцев (ожидается, что он достигнет такого значения с 01.01.2020 года) в 2036 году на 6 месяцев, далее ежегодно – на 3 месяца (в 2052 году оно достигнет значения в 204 месяца).

Четвертое. Увеличить минимальный страхового стажа для получения страховой пенсии по старости до 25 лет (посредством увеличения в 2036 году до 21 года, а в 2037-2052 гг. ежегодно на три месяца).

Пятое. Развивать корпоративную социальную ответственность бизнеса, в т.ч. в части выплаты пенсий. При этом, необходимо законодательно обеспечить возможность их выплаты работодателем ранее установленного пенсионного возраста в стране.

Шестое. Рассмотреть возможности для снижения тарифа страховых взносов на обязательное пенсионное страхование до 20% в период с 2039 года ежегодно (до 2048 года) на 0,2% (за счет снижения индивидуальной части тарифа взносов на 0,2% (в 2028 году она достигнет 14%).

Седьмое. Установить право застрахованного лица на назначение страховой пенсии по старости досрочно при наличии страхового стажа от 37 лет и (или) наличии не менее 300 пенсионных баллов. Отказ от реализации данного права граждане должен предполагать использование повышающих коэффициентов (используемых при увеличении фиксированной выплаты и количества индивидуальных пенсионных коэффициентов гражданам при более позднем выходе на пенсию).

Восьмое. Реализовать разработанные на первом этапе порядки изменения минимального страхового стажа для назначения досрочной пенсии по каждой из профессиональной категорий лиц и специальной схемы корректировки минимальных пенсионного возраста и страхового стажа для назначения досрочной пенсии социальным категориям лиц, имеющих такое право.

При этом, представляется, что ряд мер необходимо принять немедленно, к которым относятся следующие:

Первое. Отменить несправедливое решение (действующее в Российской Федерации с 2016 года) относительно отказа в индексации пенсии лицам, являющимся работающими пенсионерами и осуществить незамедлительный и полный возврат каждому пенсионеру всей неполученной суммы (за весь период действия этого решения) в срок до окончания первого полугодия текущего финансового года. Безусловно, более верным (хотя и не менее дискуссионным, в т.ч. с правовой точки зрения) автору представляется отказ от осуществления выплат пенсий лиц, имеющих высокий уровень дохода. При этом, следует подчеркнуть, что достижение социальной справедливости в этом вопросе, конечно, должно обеспечиваться путем введения в Российской Федерации прогрессивного налогообложения доходов физических лиц (подразумевающей установление более высоких ставок для обложения крупных доходов). В связи с этим, самым справедливым и наиболее юридически верным представляется безоговорочная приверженность и неизменность проведения ежегодной индексации пенсий на уровень не ниже значения индекса потребительских цен в предыдущем финансовом году.

Второе. Отказаться от приостановки действия правовых норм, связанных с поддержкой пенсионеров, проработавших в сельском хозяйстве не менее 30 лет и продолжающих проживать в сельской местности.

Третье. Усилить работы Пенсионного фонда Российской Федерации с населением (в т.ч. путем значительного повышения качества и объема оказываемых консультационных услуг на горячей линии)

Четвертое. Ввести законодательный запрет на принятие бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации на один год, рассмотрев при этом возможность для внесения корректив в Бюджетный кодекс Российской Федерации по расширению горизонта бюджетного планирования с трех до пяти

лет (следует отметить целесообразность данного решения и для бюджетов других государственных внебюджетных фондов и федерального бюджета).

Пятое. Ужесточение контроля за расходами, осуществляемыми за счет средств бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации.

Шестое. В целях укрепления доверия к негосударственным пенсионным фондам разработка и утверждение критериев для построения рейтинга негосударственных пенсионных фондов.

Седьмое. Увеличение максимально возможного количества баллов, начисляемых при корректировке страховой пенсии работающим пенсионерам с 1 августа, с 3 баллов (Для застрахованных лиц при формировании пенсионных накоплений за счет страховых взносов на обязательное пенсионное страхование – 1,875 баллов. Однако, в настоящее время они не формируются, поэтому максимальный балл равен 3) до максимального количества баллов (в 2017 году – 8,26), возможных для формирования пенсионных прав застрахованных лиц, не являющихся пенсионерами.

Восьмое. Разработка стратегии развития пенсионной системы Российской Федерации до 2052 года.

Представляется, что реализация вышеперечисленных мероприятий позволит обеспечить качественное реформирование пенсионной системы Российской Федерации на основе принципа социальной справедливости.

Литература

1. Горлова О.С. Бюджетная политика Российской Федерации в области доходов бюджетов: совершенствование механизма реализации // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10-2 (63-2). С. 431-435.
2. Горлова О.С. Поступление средств федерального бюджета в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на выплату трудовых пенсий // Финансы и кредит. 2007. № 34 (274). С. 64-68.
3. Ложечко А.С. Теоретические основы принятия управленческих решений органами государственной власти в условиях экономической неопределенности в аспекте управления доходами бюджетов // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11-2 (64-2). С. 128-134
4. Рыбинцева Е.В. Финансовые основы права граждан на социальное обеспечение в России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 4. С. 310-313
5. Сергиенко Н.С. Санкционирование расходов как метод государственного финансового контроля // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2015. № 1. С. 59-61
6. Сергиенко Н.С., Сулякова О.Н. Государственное страхование в первой половине XX века // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 3. С. 406-410.
7. Соляникова С.П. Ответственная бюджетная политика в социальной сфере: проблемы разработки и реализации // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 5. С. 45-51.
8. Соляникова С.П. Управление государственными финансами: заявленные принципы и реальность // Экономист. 2014. № 4. С. 44-59.
9. Сулякова О.Н., Сергиенко Н.С. Особенности организации государственного страхования в России в довоенное и военное время // Научное обозрение. 2015. № 5. С. 255-258.

УЧЕТ СТАЖЕВЫХ ТРЕБОВАНИЙ В СТРАХОВОЙ МОДЕЛИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ

Одним из существенных направлений реформирования современной социальной политики России выступает совершенствование пенсионной системы. Несмотря на проводимый комплекс реформ в данной сфере, ряд проблем в настоящее время является не полностью решенными:

1. Неэквивалентный учет пенсионных прав отдельных категорий пенсионеров.

2. Недостаточность финансовых ресурсов, необходимых для покрытия пенсионных обязательств, возникающих по вышеуказанным обоснованиям.

3. Неравномерный уровень пенсионного обеспечения для различных категорий застрахованных лиц, не всегда основанный на дифференциации страховых оснований.

Вышеуказанные особенности определяют одно из направлений совершенствования действующей модели пенсионной системы, связанное с модификацией подхода к учету пенсионных оснований и прав, необходимых для назначения страховой пенсии по старости.

Отметим, что в обсуждаемой Программе реформирования пенсионной системы России, разработанной Министерством труда, в качестве одного из основных направлений реформирования действующей пенсионной системы предусматривается повышение страхового стажа с нынешних пяти до сорока лет. Данное предложение является наиболее обсуждаемым и критикуемым в рамках представленного документа. На наш взгляд, несмотря на безусловную правильность принимаемого шага, его дискуссионность вызвана отсутствием экономического обоснования предложенной величины и игнорированием актуарным прогнозированием относительно будущих периодов. Таким образом, недостаточная теоретическая и законодательная разработка и практическая значимость указанного направления определили актуальность и необходимость проведения исследования и разработки методологического подхода к определению требуемой величины минимального страхового стажа в системе обязательного пенсионного страхования.

Целью проводимого исследования является разработка и обоснование методического подхода количественного определения минимального страхового стажа в системе обязательного пенсионного страхования.

Основные допущения проводимого исследования:

1. Не предполагается законодательного изменения возраста выхода на пенсию.

2. Индексация страховой пенсии по старости будет проводиться по существующему нормативному подходу; отношение прожиточного минимума пенсионера является постоянным и соответствует значению текущего года.

3. Темпы прироста средней заработной платы также постоянны и определяются как средневзвешенная величина за последние пять лет; при этом прирост средней заработной платы не может быть ниже величины индексации страховой пенсии по старости в стране.

4. Демографическая ситуация (соотношение между экономическим активным населением и пенсионерами) основана на официальном прогнозе Демографического развития РФ.

Информационная и методическая база исследования.

В качестве информационной базы исследования послужили данные социально-экономического развития Российской Федерации. В качестве методики проведения использован системный и статистический анализ, выводы исследования получены на основе экономико-математических прогнозных моделях, факторном анализе и актуарном прогнозировании. В качестве законодательной основы исследования рассматривается действующее пенсионное законодательство, касающееся вопросов исчисления страховой пенсии по старости, определения прожиточного минимума пенсионера, политики исчисления обязательных социальных страховых взносов на формирование страховых взносов.

На основании вышеизложенного, гипотезами проводимого исследования явились следующие предположения:

1. Действующие стажевые требования являются недостаточными для формирования требуемого пенсионного капитала.

2. В модели пенсионного страхования оптимальным является присутствие многокритериальной системы стажевых требований для формирования пенсионного капитала.

3. Величина страхового стажа зависит от таких параметров, как среднемесячная заработная плата, прожиточный минимум пенсионера (общефедеральный и региональный), требуемый коэффициент замещения. Отмечается зависимость от нормативных и законодательных основ построения тарифной политики обязательного пенсионного страхования.

4. Предполагается постепенное повышение минимального страхового стажа с нынешних пяти лет до полученной в ходе исследования величины в течение будущих пяти лет.

Для доказательства первой гипотезы произведена оценка достаточности величины накопленного пенсионного капитала при различных значениях заработка будущего пенсионера в результате которого определено, что, при нынешнем значении минимального страхового стажа, ни при минимальном заработке, ни при среднем не будет достигнута величина, требуемая для формирования необходимого пенсионного капитала- при этом в долгосрочном периоде данный разрыв имеет тенденцию к увеличению, что подтверждает поставленную первую гипотезу.

Исходя из обобщения зарубежных законодательных требований и исторической ретроспективы развития отечественной пенсионной системы,

выявлено, что установление определенного стажевого значения в пенсионном законодательстве направлено на выполнение следующих функций:

1. Определение минимального значения, необходимого для определения пенсионных прав в пенсионной системе.

2. Обеспечение минимального объема пенсионных накоплений страхового типа, необходимых для формирования минимального размера пенсии.

3. Выявление продолжительности уплаты страховых взносов, при котором будет достигнута требуемая величина коэффициента замещения (на уровне не ниже среднего по стране).

4. Введение ограничений по учету страхового стажа, учитываемого при формировании пенсионных прав застрахованных лиц.

Указанные особенности обуславливают необходимость введение многокритериальной системы требований к величине страхового стажа в пенсионной системе.

Для определения количественного значения данных критериев необходимо выявить зависимость между размером потенциальной пенсии, величиной страхового стажа и прочими факторами и характеристиками пенсионной модели.

В результате проведенного исследования обнаружена следующая зависимость между указанными выше величинами:

1. Размер заработной платы, являющаяся базой для уплаты страховых взносов и, как следствие, основой для исчисления будущей пенсии, находится в обратной зависимости от величины страхового стажа; следовательно, для категорий застрахованных граждан, имеющих величину заработка ниже уровня среднего значения по стране, стажевые характеристики будут оказывать существенное влияние на размер будущих пенсионных выплат.

2. При определении зависимости между прожиточным минимумом пенсионера на региональном и федеральном уровне с величиной стажа прослеживается наличие прямой зависимости.

3. Зависимость между требуемым коэффициентом замещения и размером страхового стажа носит прямой характер, поскольку при увеличении продолжительности времени уплаты страховых взносов потенциальный размер коэффициента замещения пропорционально возрастает.

4. Нормативная и законодательная база регулирования тарифной политики находится в сильной зависимости с уровнем заработной платы и незначительной зависимости от размера страхового стажа будущего пенсионера.

Четвертая гипотеза нашего исследования основана на определении срока внедрения новой величины страхового стажа. Необходимость поэтапного внедрения новой величины обусловлена текущими законодательными особенностями учета пенсионных прав граждан при выходе на пенсию – а именно методикой расчета стажевого коэффициента, который в полном размере рассчитывается для 20-летнего стажа у женщин и 25-летнего стажа у мужчин,

что существенно ограничивает возможность уклонения от солидарного выполнения пенсионных обязательств в пенсионной системе.

Результаты проведенного исследования и выводы:

1. Определено, что система стажевых требований помимо понятия «страховой стаж» включает в себя категорию «трудовой стаж», основное отличие между которыми заключается в уровне уплаты страховых взносов на формирование будущей пенсии. В свою очередь, страховой стаж включает в себя минимальный страховой стаж (минимально необходимый), достаточный страховой стаж, требуемый страховой стаж и максимальный (максимально учитываемый) страховой стаж.

2. Величина минимально необходимого страхового стажа предлагается исходя из суммы среднего размера оплаты труда по региону и прожиточного минимума пенсионера по рассматриваемому региону; окончательная величина стажа определяется как средневзвешенное значения по всем анализируемым регионам страны.

3. Достаточный страховой стаж будет исчисляться исходя из средней заработной платы по стране и величиной коэффициента замещения, рекомендованного Международной организацией труда с учетом современных особенностей образовательного и рынков труда в Российской Федерации (баланс между будущими пенсионными обязательствами и текущими выплатами).

4. Требуемый страховой стаж определяется по сумме пенсионных взносов, необходимых для выполнения солидарных обязательств перед нынешним поколением пенсионеров (баланс между текущими пенсионными обязательствами и текущими выплатами).

5. Максимально учитываемый страховой стаж определяется исходя из законодательных ограничений тарифной политики обязательного пенсионного страхования по базе страховых взносов.

Предлагаемые направления окажут влияние на финансовую устойчивость обязательного пенсионного страхования (путем роста доходной базы от продолжительности уплаты страховых взносов) и уровень жизни будущих пенсионеров путем потенциального увеличения размера страховой пенсии, что будет свидетельствовать об общем росте эффективности социальной политики страны.

Литература

1. *Биткина И.К.* О путях повышения страховых принципов пенсионной системы// Финансы. 2009. № 2. С. 75-76.

2. *Ковальчук И.Э.* Пенсионный фонд как элемент финансовой системы: проблемы и перспективы реформирования пенсионного страхования в РФ// Современное состояние и перспективы развития национальной финансово-кредитной системы сборник материалов I Международной научной конференции студентов специалитета, бакалавриата и магистратуры. Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Воронежский филиал. 2017. С. 253-256.

3. *Колесник А.П.* Должна ли быть пенсионная система инструментом финансовой системы// Стратегии бизнеса. 2016. № 10. С. 3-6.

4. *Соловьев А.К., Орещенко Ю.А.* Проблемы создания эффективной пенсионной системы в целях обеспечения стабильности пенсионной системы России// УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ

КРУПНОМАСШТАБНЫХ СИСТЕМ MLSD'2016 Материалы Девятой международной конференции: в 2-х томах. Под общей редакцией С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна. 2016. С. 230-232.

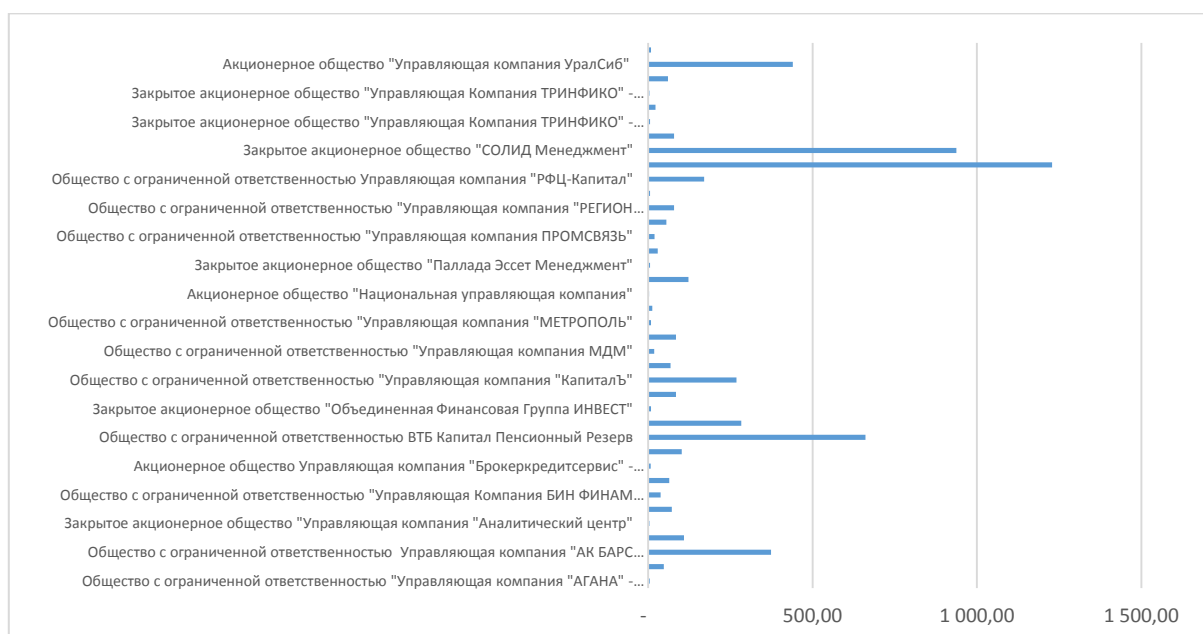
5. Харченко Л.П. Система гарантирования прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования: принципы функционирования// Будущее российского страхования: оценки, проблемы, точки роста Сборник трудов XVII международной научно-практической конференции. 2016. С. 250-256.

6. Хомутов Г.А. Проблемы и перспективы развития пенсионного законодательства в Российской Федерации// ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ Сборник статей международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета и 75-летию Петрозаводского государственного университета. отв. редактор В. В. Блаткова. 2015. С. 194-199.

Фрумина С.В.

ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ПЕНСИОННЫХ НАКОПЛЕНИЙ ЧАСТНЫМИ УПРАВЛЯЮЩИМИ КОМПАНИЯМИ

В Российской Федерации правом на размещение средств пенсионных накоплений обладают Государственная корпорация «Внешэкономбанк» (государственная управляющая компания – ГУК), негосударственные пенсионные фонды (НПФ), и частные управляющие компании (ЧУК), у которых с Пенсионным фондом Российской Федерации (ПФР) заключены договоры доверительного управления. Распределение средств пенсионных накоплений между перечисленными институтами крайне неравномерное. Так, по состоянию на конец 2016 года управляющим компаниям в доверительное управление было передано лишь 1,8% пенсионных накоплений (рисунок 1).

Рисунок 1 – Средства пенсионных накоплений, переданные Пенсионным фондом Российской Федерации управляющим компаниям, млн. руб.

В этой связи актуальным представляется рассмотрение вопроса целесообразности функционирования ЧУК и рассмотрение доходности их управления средствами пенсионных накоплений.

Анализ деятельности ЧУК, участвующих в размещении средств пенсионных накоплений, показал, что за последние 7 лет их доходность едва покрывает инфляцию (рисунок 2).

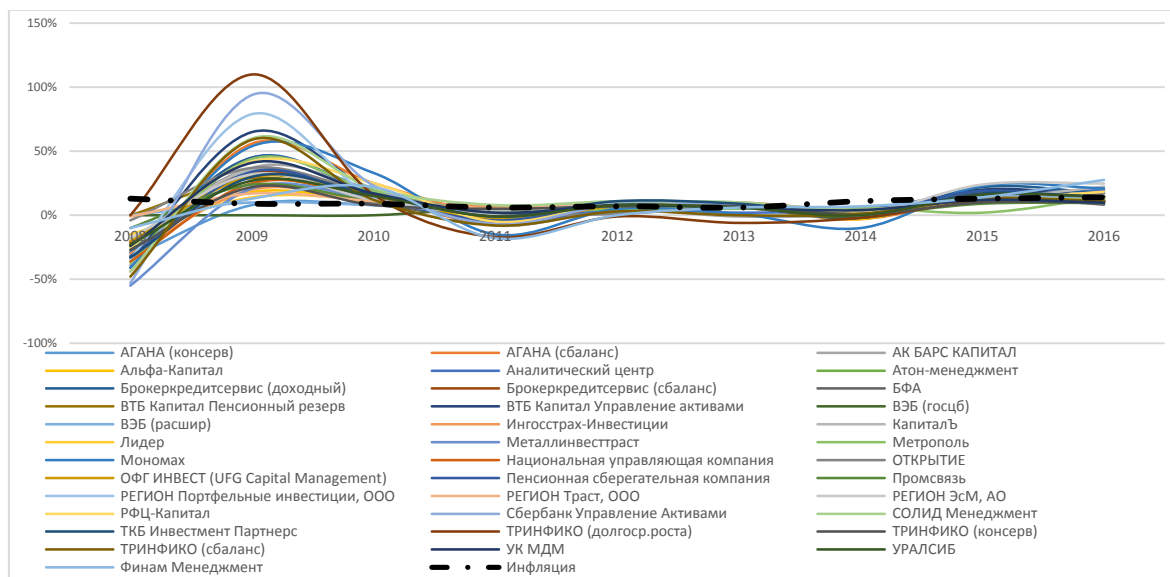

Рисунок 2 – Доходность управления накопительной частью средств пенсионных накоплений ЧУК, %

Демонстрируя отрицательные результаты управления, частные управляющие компании не только не приносят номинального дохода своим застрахованным лицам, но и фактически забирают средства у других застрахованных лиц. Данное утверждение основано на том, что в случае снижения объема средств на индивидуальном лицевом счете застрахованного лица ниже номинала, ПФР как страховщик, обязан восполнить объем средств до номинала, включая чистый финансовый результат.

Вместе с тем, мировой опыт свидетельствует, что частное управление пенсионными накоплениями, несмотря на высокие издержки и необходимость жёсткого контроля со стороны регулятора, способно распределить финансовые риски между группами участников накопительных пенсионных программ и минимизировать политические риски.

Международная практика также позволяет констатировать наличие количественных ограничений по классам активов. Лимиты на инвестирование в акции используются в 21 стране ОЭСР. В большинстве из них установлены ограничения (или запрет) на самоинвестирование; вложения в компании, связанные или аффилированные с поставщиками услуг; инвестирование в активы, выпущенные одним эмитентом или одной группой.

Основными объектами вложений зарубежных управляющих компаний являются акции и облигации (максимум в Норвегии 91% и Швеции 87%,

минимум в Германии и Японии – менее 45%). При этом отмеченные вложения не относятся исключительно к национальным эмитентам, а диверсифицированы по странам. В нашей же стране, инвестиционные портфели ЧУК содержат лишь 0,6% ценных бумаг международных финансовых организаций.

Отличается структура портфеля ЧУК и в отношении таких финансовых инструментов, как облигации. Так, в зарубежных странах доля облигаций, как правило, превышает долю акций, за редким исключением. Например, в Австралии доля акций – 49,7%, облигаций - 9%, в Финляндии соответственно 41,5% и 35,4%, в США- 45,7% и 22,3%. В России в инвестиционных портфелях ЧУК доля акций снизилась до 3%. В то же время ипотечные ценные бумаги, выпущенные в соответствии с законодательством Российской Федерации, составили 0,3% портфелей ЧУК, что значительно меньше их доли в портфелях государственной управляющей компании и НПФ (рисунок 3).

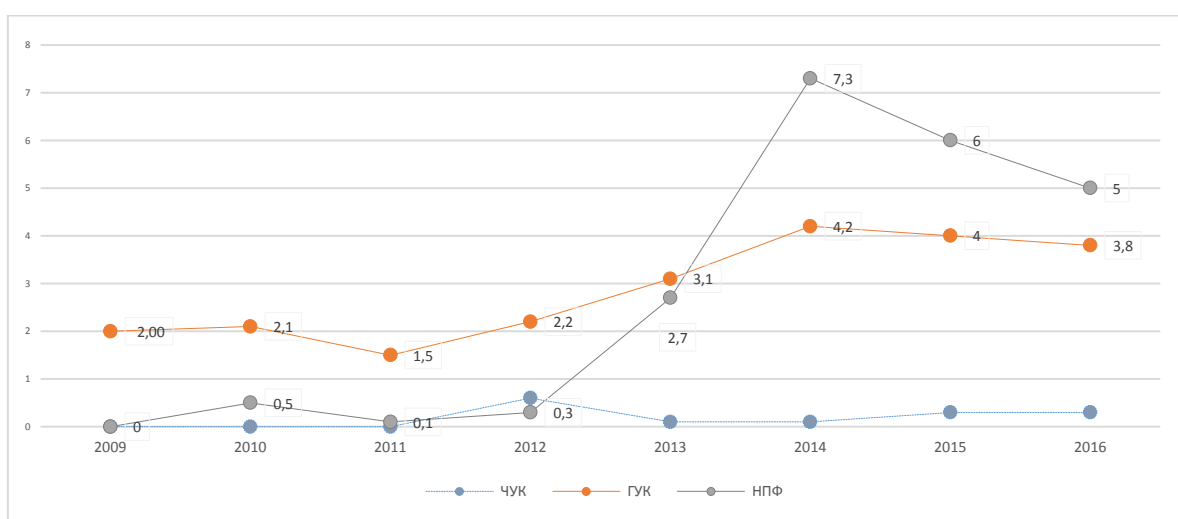

Рисунок 3 – Доля ипотечных ценных бумаг, в инвестиционных ЧУК, государственной корпорации «Внешэкономбанк» и НПФ, %

Высокий уровень размещения пенсионных средств в государственные ценные бумаги наблюдается в Австрии – 88% и Исландии – 87%. В России, напротив, государственные ценные бумаги составляют лишь 6%–7% инвестиционных портфелей частных управляющих компаний. Денежные средства на депозитах играют основную роль в инвестиционных портфелях в Республике Корея – 59% и в Греции – 40,4%. В России, доля средств, размещенных ЧУК на депозитах в кредитных организациях увеличивается незначительно (рисунок 4).

При этом наблюдается существенная разница вложений в депозиты кредитных организаций частными управляющими компаниями по сравнению с государственной корпорацией и НПФ, в которых доля данного инструмента в инвестиционном портфеле в отдельные периоды достигала 39%.

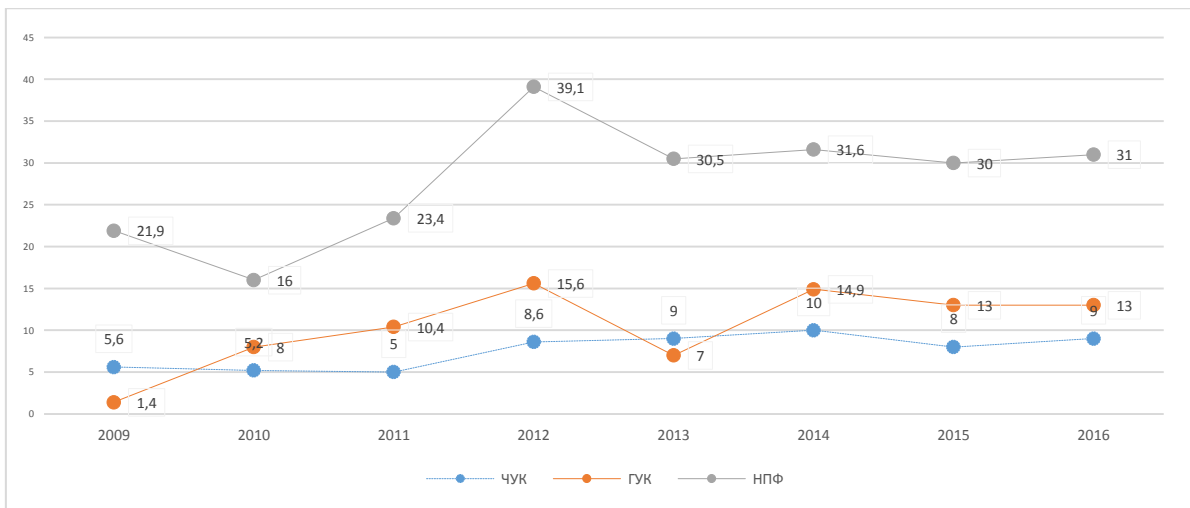

Рисунок 4 – Доля депозитов в кредитных организациях в инвестиционных портфелях ЧУК, государственной корпорации «Внешэкономбанк» и НПФ, %

Структура общего инвестиционного портфеля средств пенсионных накоплений стран ОЭСР выглядит следующим образом: акции составляют 23,8%, облигации – 51,3%, денежные средства и депозиты – 9,6%, доля вложений в другие финансовые инструменты (нетрадиционные финансовые активы) – 15,3%. По сравнению с соответствующей структурой инвестиционного портфеля ЧУК в Российской Федерации она представляется более сбалансированной (рисунок 5).

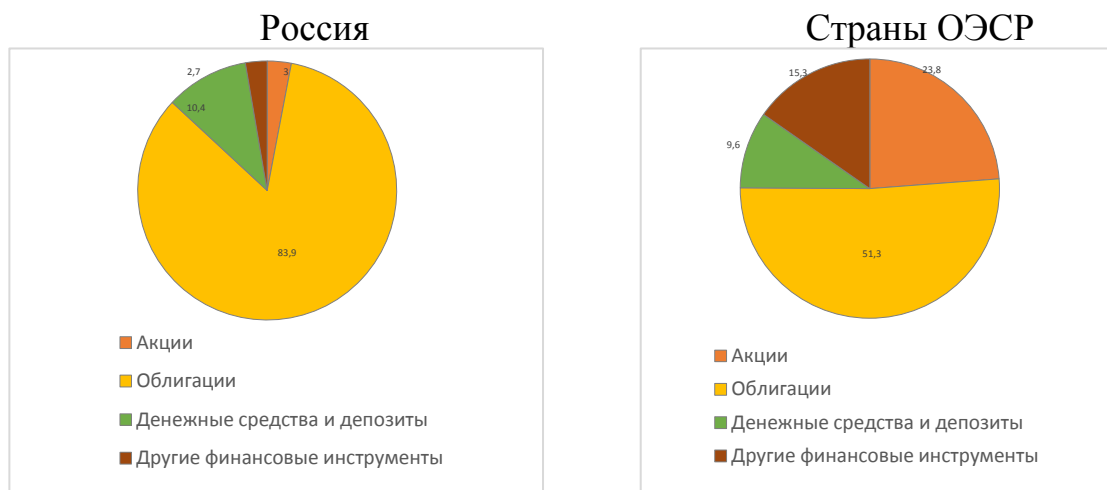

Рисунок 5 – Структура совокупного инвестиционного портфеля ЧУК в России и странах ОЭСР, %

Из представленных российскими управляющими компаниям данным очевидно, что инвестиционные портфели ЧУК не содержат альтернативных финансовых инструментов, которые в ряде зарубежных стран приносят высокую долю доходности.

Несмотря на то, что альтернативные инвестиции в силу их сложности и низкой ликвидности часто связаны с дополнительными рисками, многие страны их используют в достаточно большом объеме.

В структуре портфеля российских частных управляющих компаний отсутствуют также такие активы, как недвижимость. На вложения в недвижимость в ряде стран действуют ограничения. Например, прямые инвестиции в недвижимость не разрешены в Чили, Японии, Италии, Мексике, Польше. Однако за последнее десятилетие повысили лимиты вложений в недвижимое имущество Австрия, Греция, Испания и Португалия, а Канада отменила ранее действовавшие количественные ограничения.

Таким образом, проведенный анализ подтвердил, что инвестиционные портфели, формируемые российскими частными управляющими компаниями, крайне консервативны, и это является одной из причин их низкой или даже отрицательной доходности. Есть частные управляющие компании, в портфелях которых присутствуют некачественные активы. Изложенное подтверждает целесообразность пересмотра направлений инвестирования средств пенсионных накоплений в сторону более доходных и надежных инструментов финансового рынка. Детальные предложения по составу инвестиционных портфелей представлены в научно-исследовательской работе, выполненной по заказу ПФР в 2016 году «Разработка методики комплексной оценки эффективности и качества доверительного управления средствами пенсионных накоплений частными управляющими компаниями, условия расторжения договоров при неэффективном управлении, законодательные нормативы и использование новых инструментов инвестирования с учетом мирового опыта».

За основу в разработанных рекомендациях предложено взять опыт пенсионных систем зарубежных стран, демонстрирующих положительную доходность в управлении средствами пенсионных накоплений.

Представленные предложения по управлению средствами пенсионных накоплений частными управляющими компаниями были учтены ПФР при определении изменений в списке разрешенных финансовых инструментов и разработке условий расторжения договоров доверительного управления в случае, если результаты доверительного управления являются не удовлетворительными или само управление излишне рискованным.

Реализация такого подхода позволит сохранить и приумножить средства пенсионных накоплений застрахованных лиц и реализовать идеологию, заложенную при создании и построении системы обязательного пенсионного страхования, направленную на получение застрахованными лицами значительной прибавки к пенсии.

Литература

1. Федеральный закон от 24.07.1998 №111-ФЗ «Об инвестировании средств накопительной пенсии в Российской Федерации».
2. Горина Г.А., Ахмадеев Р.Г. Страховые взносы совершенствуются, но проблемы остаются // Международная торговля и политика. 2011. №5. С.41-48.
3. Косов М.Е. Критический анализ состояния рынка пенсионных накоплений пенсионной системы РФ // Вестник экономической безопасности. 2017. №2. С.293-298.
4. Седова М.Л., Гилядова М.Н. Финансирование социального обслуживания в России: новый этап // Экономика. Налоги. Право. 2015. С.68-74.
5. Фрумина С.В. Российский и зарубежный опыт управления средствами пенсионных накоплений // Экономика и управление: проблемы и решения. 2017. №4. С.110-116.

ПЕНСИОННАЯ ПАРАДИГМА XXI в.

Многих россиян нервирует непрекращающаяся пенсионная реформа, с течением времени фактически превратившаяся в самоцель, а по сути не дающая гражданам спокойно работать. И если раньше работник был уверен в получении им пенсии, пусть не слишком большого размера, при достижении им пенсионного возраста, сегодня такой уверенности может и не быть – все чаще случаи отказа в назначении пенсии по формальным причинам. Более того, хотя пока что постоянные разговоры о необходимости повышения пенсионного возраста ввиду увеличения продолжительности жизни [3, 22] еще не привели к законодательному оформлению этого предложения, фактически оно уже началось – в виде увеличения расчетного периода дожития. Формальное стимулирование рождаемости не способно скорректировать ситуацию. [4, 76] Стремясь заработать на пенсию в условиях повышения требований к стажу и размеру пенсионных отчислений, люди будут заводить все меньше детей, относительно будущего которых также нет уверенности – ни в сфере образования, ни здравоохранения, не говоря уже о рабочих местах в эпоху цифровизации.

Причем, если рассматривать мировую практику, ситуация в РФ не является одной из худших. За рубежом (в бывших социалистических государствах в особенности) пенсионные реформы, сводящиеся к отходу государства от гарантирования и выплат пенсий своим гражданам, начались раньше и осуществляются более быстрыми темпами. Формально это связывают не только с увеличением продолжительности жизни, но и со стремительным старением населения, и с уменьшением его численности. Вслед за государством частные пенсионные фонды тоже стремятся снять с себя бремя пенсионных выплат, мотивируя это не собственной некомпетентностью, а неблагоприятной ситуацией на мировом финансовом рынке.

В развитых странах ситуация выглядит не лучшим образом. Так, за последние десять лет размеры общих нефондированных обязательств по американским пенсиям выросли почти в пять раз и к концу 2016 года почти достигли 2 трлн долл. (в европейских странах ситуация несколько разнится, но лаг отставания постепенно сокращается [1, 35]). Во многом это связано с процентной политикой Федеральной резервной системы, снизившей политическую процентную ставку почти до нуля. Для пенсионных фондов это означало автоматическое понижение доходности их инвестиций и нарастание потребности в увеличении текущих поступлений для финансирования уже не обычных для них долгосрочных, а более близких по времени пенсионных выплат.

Причем длительное время американские пенсионные фонды достигали для своих клиентов значительных доходностей, придавая им уверенности в завтрашнем дне. Уже в 2014 году [6] лишь в 15 штатах пенсионные фонды

следовали политике финансирования 100% своих пенсионных обязательств (то есть эти фонды объявили о том, что реализуют запланированную норму прибыли), а, например, в Кентукки размеры необеспеченных пенсионных обязательств уже превысили 40 млрд долл., то есть пенсионные расходы могут резко вырасти. И если к 2014 году (с 2009 года) средняя инвестиционная доходность упала с 7,5% до 6,25%, то на этом ее снижение не остановилось. Причем некоторые эксперты (Jeremy Grantham) в 2009 году прогнозировали, что в ближайшую декаду понижения доходности инвестиций наблюдаться не будет. Однако столь высокая доходность сама по себе примечательна, ведь пенсионные средства долгосрочные, то есть формально, если сегодня инвестор располагает 100 тыс долл. с 7%-ной годовой доходностью инвестиций через 30 лет у него будет приблизительно 800 тыс долл. И если сегодня начальные средства не инвестировать, то наращивания средств не только не будет, а они уменьшаться из-за инфляционного обесценивания.

С учетом инфляции и инвестиции пенсионных фондов становятся менее доходными, чем объявлено заранее. А с учетом нежелания инвесторов вкладывать свои средства в институты и продукты, обещающие пониженную доходность, появляется проблема, начинающая со временем усугубляться. Без надлежащего финансирования в условиях понижающихся процентных ставок, фонды начинают затягивать в «порочный круг».

Какой же выход из ситуации видят пенсионные фонды? Уменьшение расходов, например, путем нормативного повышения возраста выхода на пенсию. Либо – опять на государственном уровне – усиление тяжести социального бремени на работающих путем повышения требований к размерам пенсионных отчислений. Этот подход намного проще, нежели чем стимулировать пенсионные фонды улучшать качество их работы (и доходность их инвестиций) на финансовом рынке. Выдвигалось даже социально провальное предложение снижать размеры пенсий. И хотя законодательно оно принято не было, фактически так и происходит из-за различных «уловок» пенсионных фондов. При этом, по мнению экспертов, достичь приемлемых доходностей можно. С другой стороны, целесообразно ли устанавливать предельную доходность для инвестиций пенсионных фондов, например, 6% для 2018-2028 годов, в случае недостижения которой фонды просто объявят себя банкротами, и будущие (и актуальные) пенсионеры потеряют все.

Это гораздо более серьезная проблема, указывающая на нецелесообразность полного отказа от государственного пенсионного обеспечения – для поддержания социальной стабильности в обществе государственные пенсионные фонды жизненно необходимы, пусть даже они будут выплачивать минимальную (социальную) пенсию, но она будет гарантированной и давать гражданам хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне. По сути, неспособность негосударственных пенсионных фондов генерировать целевые доходы не должна понижать ответственность таких фондов. Но на деле происходит иначе. Все чаще государство тоже не стремится поддерживать своих пенсионеров. В том же Кентукки необеспеченные

пенсионные обязательства государства и местных органов власти нарастают. А если падение на фондовом рынке продолжится, то размеры необеспеченности возрастут еще больше. Если еще в 2014 году фактическая задолженность была сопоставима с госбюджетом, то в случае следующей рецессии они может превысить эти показатели.

Причем указанная недофондированность стала концентрироваться и даже в таких сферах деятельности пенсионных фондов, где ранее этого не наблюдалось. Более того, ситуация распространяется по стране. И она сталкивает пенсионеров, ожидающих повышения размера пенсий, и налогоплательщиков, не делающих увеличения налоговых обязательств для передачи их в текущие пенсионные выплаты, государство же не может просто оставить пенсионеров – это самая политически активная группа населения. С другой стороны, будущие пенсионеры (в особенности работники бюджетной сферы – врачи, учителя, пожарные) с опасениями смотрят вдаль, ведь их пенсионные накопления обесцениваются.

Так будущие пенсионеры попадают между молотом и наковальней. И целые города объявляют себя банкротами. Это уже не финансовый кризис, это системные проблемы.

Некоторое время назад у большинства американцев пенсионная формула рассчитывалась довольно просто: человек работал (желательно в крупной компании) длительное время (возможно, в течение всей карьеры), затем в predetermined срок получал ценный подарок и ежемесячный чек в течение всей оставшейся жизни. Выйдя на пенсию, можно было отправляться путешествовать, ибо пенсионные накопления позволяли это. Ряд экспертов полагают, что столь счастливые времена не были настолько доступными, как это представляется сегодня. И ограничены периодом нескольких десятилетий после второй мировой войны. Многие из поколения бейби-бума полагают пенсионные накопления по-прежнему безопасными, как это было в предыдущие годы. Но в 1980-х у порядка 60% компаний были планы с фиксированными выплатами, а сегодня - около 4%. [5]

Это объясняется прежде всего моральным устареванием таких планов фиксированных взносов, связанным прежде всего с абберрацией, исторической аномалией в отношении волатильности в сложившихся на рынке условиях. Ввиду изменившихся обстоятельств такие пенсионные планы почти не сохранились ни в США, ни в Европе (постепенно отходит от них и РФ). Это касается прежде всего частного сектора, в публичном ситуация менее драматична, но повсеместно ухудшается, что становится еще одним источником озабоченности пенсионеров, рассчитывающих на государство, а также налогоплательщиков и инвесторов в облигации, используемые для фондирования таких пенсий. К 2016 году разрыв доверия между молодыми и пожилыми американцами достиг рекордного уровня, тогда как в течение довольно длительного предшествовавшего периода оставался незначительным. По данным Института пенсионного страхования, число респондентов из поколения бейби-бума, уверенных в своей будущей пенсии, резко падает. И это

несмотря на повышательный тренд на американском фондовом рынке, который уже восстановится после кризисных потрясений (а рынок долевые ценных бумаг – даже более того), компаундинга пенсионных планов не произошло, в отличие от ожидавшегося. Ведь в условиях отсутствия денежных средств это просто невозможно. Как было упомянуто ранее, основная причина системная. Американским законодательством предусмотрены две линейки пенсионных планов, предоставляющих льготы при налогообложении доходов, в зависимости от субъектов отчислений и ответственности за получаемые результаты.

Планы с фиксированными выплатами представляют устаревшую систему, гарантирующую некоторый уровень дохода в период дожития. Работодатель осуществляет взносы в план на основе определенной формулы, а некоторые даже перефондировали их. В некоторых случаях требуются дополнительные отчисления средств работником. Но невзирая ни на какие обстоятельства, вышедший на пенсию работник гарантированно получает выплаты до конца своей жизни. Обычно фиксированную сумму, иногда с корректировками по уровню инфляции.

Существуют специализированные разновидности таких планов для индивидуальных предпринимателей, предоставляющие им значительные преимущества в пенсионном обеспечении, но такие планы по многим параметрам напоминают планы с фиксированными взносами, впрочем, в стремлении привлечь как можно больше клиентов пенсионные фонды проявляя креативность, предлагают им множество дифференцированных и диверсифицированных планов с различными акцентами – в зависимости от пожеланий будущих пенсионеров, даже начинают сотрудничать с хеджевыми фондами (2, 97). Но два основных (хотя и условно) типа пенсионных планов продолжают существовать.

В планах с фиксированными выплатами работодатель оказывался как бы «на крючке», поскольку обязан был осуществлять выплаты в соответствии с ранее согласованными условиями, которые не подлежат изменению или пересмотру. Бенефициары также не могли контролировать инвестиционный процесс – и это условие считается главной негативной характеристикой для таких планов. Все, что им оставалось, – ежемесячно получать чеки (ранее) либо зачисления на карточку (в наши дни). С другой стороны, вся ответственность за выплату пенсий (и обеспечение средств для этого) возлагалась на работодателя.

Эта система эффективно работала, пока выполнялись два ключевых условия. Во-первых, работодатель аккуратно выполняет свои обязательства, регулярно осуществляет отчисления, инвестирует с осторожностью. Во-вторых, работодатель продолжает существовать (не банкротится) к моменту выхода работника на пенсию и будет способен к тому времени выполнять свои обязательства, а если в плане будут выявлены недостатки – компенсировать их. На случай банкротства можно было бы предусмотреть создание специального фонда (негосударственного), в который бы работодателем перечислялись пенсионные средства и который не прекратил бы свое существование при

банкротстве первого, но, во-первых, текущие расходы на управление таким фондом (и регулярные выплаты зарплаты его сотрудникам в течение длительного предпенсионного периода, составляющего порядка сорока лет) привел бы к уменьшению размера пенсий. Во-вторых, добавляется риск злоупотреблений, невыполнения этим фондом обязательств, его банкротства. Поэтому такие «гарантийные» фонды не создавались.

Актуариям было довольно просто рассчитать размеры будущих обязательств – в зависимости от предполагаемого периода дожития. Эти калькуляции были исключительно точными, в особенности в больших по размеру группах. В результате спонсор плана знает, какое количество наличных денег ему необходимо на конкретную дату для осуществления текущих расходов. А оставшиеся средства можно инвестировать, чаще всего с использованием инструментов с фиксированной доходностью, поскольку их проще калибровать для достижения требуемых сроков погашения в нужное время в желаемых размерах.

Пенсионные планы второй категории – с фиксированными взносами – сегодня преобладают, и если в наши дни работник вообще решает открыть себе пенсионный план, то это будет план с фиксированными взносами, в котором тоже множество разновидностей – 401 (k), SEP и др. Они так именуются, поскольку регулируются теми, кто осуществляет в них взносы (существует зависимость и от суммы). Обычно это работник и работодатель. Последний должен предложить несколько вариантов инвестирования, а работник выбирает, как наиболее разумно (с его точки зрения) их использовать. Работник получит средства, если на счете к моменту его выхода на пенсию что-нибудь останется; приходится рассчитывать на удачу.

Возникает вопрос, какой из двух планов предпочтительнее. И более важный вопрос – для кого. У обоих планов свои преимущества. С одной стороны, работающие хотели бы (пусть лишь в некоторой степени) контролировать свои пенсионные накопления – тем самым контролируя свое будущее, основная масса людей предпочитает определенность. Компании (предприятия), как известно, предпочитают расчищать свои балансы, убирая с них риск (в этом есть резон, ибо если на балансе много рискованных активов, сложнее получить высокий рейтинг, что сдерживает деятельность компании). Планы с фиксированными взносами предоставляют предприятиям такую возможность. Суть, разумеется, состоит в том что большинство работников не в состоянии разумно распоряжаться своими активами, тем более выбирать подходящие инвестиционные стратегии. И эта реальность оказывает серьезное влияние на всю пенсионную систему. Однако и планы с фиксированными выплатами – не панацея, особенно в ситуациях прямого административного назначения портфельных управляющих (если, конечно, они не входят в число будущих бенефициаров, и обладают профессиональными навыками принятия инвестиционных решений).

Известен случай Studebaker Motor Company, поддерживавшей такой план до 1963 года – года закрытия. План оказался в значительной степени

недофиндированным, и пенсионные обязательства не были выполнены. В результате тысячи работников при выходе на пенсию получили лишь малую толику от причитавшегося, а многие не получили ничего. Громкий скандал привел к многолетним разбирательствам, в результате вылившимся в принятие в 1974 году Закона о защите доходов пенсионеров (ERISA), установившего стандарты частных пенсионных планов и определившего их налоговые преимущества.

Примечательно при этом, что ни ERISA, ни какой-либо другой нормативный акт не требуют от работодателей никаких пенсионных планов, то есть не обязуют их открывать пенсионный фонд – это добровольное решение конкретного предприятия. Закон лишь дает ориентиры для тех, кто такие планы открыл. В результате эти стандарты фактически перестали быть таковыми, превратившись в нечто неупорядоченное, тем более что изначально предусматривалось распределение ответственности между Службой внутренних доходов, Департаментом труда и иными агентствами, что приводило к повышению степени бюрократизации. Поэтому неудивительно, что множество небольших по размеру компаний вообще не желали создавать пенсионные планы, ведь простое оформление соответствующих документов превращались в серьезную головную боль.

С другой стороны, ERISA сумела навести порядок в ранее нерегулированных сферах, предоставив работникам некоторую степень защиты, отсутствовавшую ранее, юридически предопределив администрирование планов работодателями. Также была создана Корпорация гарантирования пенсий (PBGC), страхующая пенсионные планы от дефолта и должностных преступлений.

Многие эксперты полагали, что PBGC будет не хватать денег уже в течение первых десяти лет от ее создания, если сохранятся изначальные условия финансирования. До сих пор PBGC не финансируется налогами, а функционирует как классический страховой фонд, в который каждый пенсионный фонд отчисляет примерно 27 долл. в год на работника. По расчетам, размер этого взноса следует увеличить до 156 долл. за работника для того, чтобы предоставить PBGC 90%-ный шанс сохранить свою платежеспособность в течение следующих двух десятилетий. В результате в случае банкротства пенсионного плана работником начинает заниматься PBGC, однако рассчитывать на 100%-ное возмещение отчисленных ранее средств все равно не придется, в среднем PBGC сможет компенсировать работнику лишь 50%, а по некоторым обанкротившимся фондам бенефициара теряли 75-80% своих отчислений.

В целом по миру отмечается отход от ответственности работодателя (в том числе государства) от гарантирования выплаты пенсий и переложение этой ответственности на работника, зачастую не имеющего ни специального образования, ни навыков управления инвестиционными портфелями, не обладающего даже элементарной финансовой грамотностью. Так в XXI веке меняется пенсионная парадигма.

Литература

1. *Адамчук Н.Г.* Страховой рынок Европейского союза. – М.: МГИМО-Университет, 2016. 238 с.
2. *Парамонова В.Е.* Основные пути выхода частных инвесторов на фондовый рынок: от брокера до семейного офиса. - М.: МГИМО-Университет, 2015. 133 с.
3. *Ткаченко А.А.* Бедность населения и неравенство стран: проблемы развития государств СНГ и ЕАЭС // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 4. С. 14-23.
4. *Хмыз О.В.* Инновации в общественных финансах стран Центральной и Восточной Европы // Финансы и кредит. 2011. № 38. С. 76-84.
5. Just how common are defined benefit plans? [Electronic resource]. URL: http://money.cnn.com/retirement/guide/pensions_basics.moneymag/index7.htm (accessed 11.01.2018)
6. State Public Pension Investments Shift Over Past 30 Years. - The Pew Charitable Trusts and the Laura and John Arnold Foundation, 2014. June. 12 p.

Шаров В.Ф.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И НАДЕЖНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ПЕНСИОННЫХ НАКОПЛЕНИЙ

Понятие эффективности относится к одним из базовых определений финансовой науки. Однако, несмотря на частое его упоминание в экономической литературе, законодательных актах и стратегических документах Российской Федерации, однозначного толкования термин «эффективность» не получил.

В западной литературе эффективность рассматривается через призму экономичности и результативности, что позволяет исключить дублирование данных понятий, наблюдаемое в современной отечественной литературе и представить их взаимосвязь в виде рисунка 1.

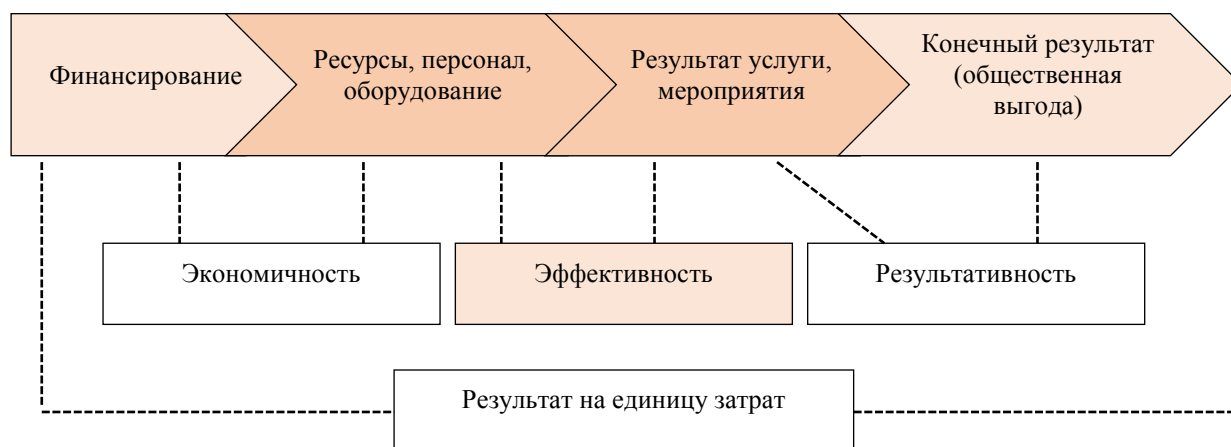

Рисунок 1 – Взаимосвязь эффективности, результативности и экономичности в зарубежной литературе [4]

Понятие эффективности используется и в Федеральном законе «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в

Российской Федерации» [ст.11, 2], где отмечается, что «договор доверительного управления средствами пенсионных накоплений должен содержать индикатор финансового рынка, применяемый для определения эффективности управления пенсионными накоплениями». В свою очередь, индикаторы, отражающие эффективность управления пенсионными накоплениями, утверждаются в соответствии с методикой Банка России.

Однако, несмотря на то, что в контексте пенсионных накоплений эпизодично используется понятие эффективности, адекватного понятийного аппарата и методологии ее оценки до настоящего времени не выработано, отсутствует также методика расчета показателей эффективности, способных оценить управление пенсионными накоплениями частных управляющих компаний.

Учитывая, что в соответствии с №111-ФЗ целью инвестирования пенсионных накоплений является их прирост: «Целью инвестирования средств пенсионных накоплений, переданных в управление управляющей компании Пенсионным фондом Российской Федерации, является их прирост» [п. 2, ст.27, 4], определим, что понятие эффективности должно быть ориентировано на увеличение пенсионных накоплений в результате их инвестирования частными управляющими компаниями. Следовательно, показателем, отражающим долгосрочную эффективность является «доходность инвестирования пенсионных накоплений» (или их прирост в соответствии с №111-ФЗ):

$$D_{\text{ПН}} = \left(\frac{S_k}{S_h} - 1 \right) \times 100\% \quad (1)$$

где $D_{\text{ПН}}$ – доходность инвестирования пенсионных накоплений; S_k – стоимость чистых активов, в которые инвестированы пенсионные накопления в первый рабочий день года; S_h – стоимость чистых активов, в которые инвестированы пенсионные накопления в последний рабочий день года.

В свою очередь, индекс доходности пенсионных накоплений имеет следующий вид:

$$\text{Инд} = \frac{СЧА_k}{\sum_{i=1}^T \left(СВ_i \times \left(1 + \frac{E}{100} \right)^{T+1-i} \right)}, \quad (2)$$

Здесь $СЧА_k$ – рыночная стоимость чистых активов, в которые инвестированы пенсионные накопления, на конец периода; $СВ_i$ – поступления страховых взносов на формирование накопительной пенсии в i -ом году; T – продолжительность периода накоплений (лет); E – норма (ставка) приведения в расчете на года, отражающая неравноценность стоимости денежных средств, отчисляемых на пенсионные накопления, в различные годы периода накопления. При использовании показателя Инд критерий эффективности инвестирования пенсионных накоплений за период должен быть не меньше единицы. Кроме того, учитывая, что с точки зрения «теории декомпозиции доходности» эффективное управление пенсионными накоплениями зависит от распределения инвестиционных активов в портфелях управляющих компаний, рассматривать эффективность управления пенсионными накоплениями, необходимо опираясь на эффективность инвестиционного портфеля.

Соответственно, следующий показатель в предлагаемой методике оценки долгосрочной эффективности пенсионных накоплений будет «коэффициент прироста инвестиционного портфеля».

Для полноты описания методики оценки эффективности управления пенсионными накоплениями, считаем целесообразным перечислить ряд факторов, которые влияют на ее результаты, в том числе: выбранная инвестиционная стратегия; ограничения, установленные законодательством Российской Федерации в отношении инвестирования частных управляющих компаний; соблюдение требований к составу и структуре активов, сформированных за счет пенсионных накоплений (№111-ФЗ, Постановление Правительства РФ от 30.06.2003 №379 [1]); структура инвестиционного портфеля; соотношение риска и доходности инвестиционного портфеля с учетом соблюдения требований риск-менеджмента ЧУК; степень раскрытия информации об инвестировании пенсионных накоплений.

Кроме того, система оценки эффективности управления пенсионными накоплениями должна соответствовать базовым принципам, среди которых:

1) понятность и прозрачность критериев оценки. Безусловным фактором, влияющим на эффективность, является уровень доступности и прозрачности. Данный принцип должен соблюдаться в первую очередь для формирования доверия и спокойствия граждан, реализовавших свое право в передаче права управления накопительной частью пенсии, которая была передана в управляющую компанию. Безусловно, то что и ЧУК и ГУК и НПФ должны обнародовать и формулировать ясные и доступные формы оценки. Критерием оценки должны выступать доступные экономические понятия и процесс, в сравнении с которыми было ясно, насколько тот или иной институт управления соответствует реалиям и текущей сложившейся ситуации;

2) обеспечение соответствующего мониторинга утвержденных критериев оценки. Для оценки актуальности принятых критериев, а также выявления отклонений в управлении ЧУК инвестиционными портфелями, необходимо осуществлять мониторинг отобранных критериев оценки. Принцип необходим для осуществления перманентных исследований и выявления недостатков, текущих принятых утвержденных критериев;

3) Взаимодополняемость и многоаспектность критериев, принцип, базирующийся на гибридности и высокой степени адаптации к изменяющейся конъюнктуре. Принцип активно дополняет принимаемые меры повышения уровня эффективности управления пенсионными накоплениями и оценку показателей деятельности управляющих компаний;

4) регулярность проведения оценки эффективности управления пенсионными накоплениями. Соблюдение данного принципа позволяет реализовывать меры эффективного управления средствами пенсионных накоплений. Регулярность оценки должна осуществляться в купе с вышеназванными принципами;

5) отражение результатов проведения оценки эффективности управления пенсионными накоплениями в открытом доступе для всех заинтересованных пользователей.

Для оценки надежности управляющей компании важно к финансовым критериям добавить еще нефинансовую информацию о внутренних рисках управляющей компании, которые могут оказаться решающими при управлении пенсионными накоплениями и позволят либо построить эффективный и надежный процесс управления, либо это процесс будет неэффективным и негосударственному пенсионному фонду придется решать со временем вопрос о смене управляющей компании.

Определить факторы внутренних нефинансовых рисков управляющей компании, контрагента негосударственного пенсионного фонда, можно экспертными методами в соответствии с заранее разработанным опросным листом. Опросный лист может заполняться дистанционно сотрудниками операционного управления пенсионного фонда или его риск-менеджером на основе полученных ответов в опросном листе, поступивших в управляющую компанию. В случае необходимости пенсионный фонд может осуществить и выездную проверку управляющей компании. По запросу пенсионного фонда руководство управляющей компании подписывает соглашение о профессиональной этике, представляемое в виде дополнительного соглашения к инвестиционной декларации и содержащее информацию о действиях управляющей компании в случае реализации или потенциальной возможности реализации конфликта интересов.

Качественный анализ факторов внутренних нефинансовых рисков управляющей компании проводится экспертными методами путем отнесения полученных ответов к максимально близким по смыслу заданным вариантам, оцениваемым по баллам.

Группы факторов, характеризующих внутренние нефинансовые риски и уровень развития бизнеса управляющей компании, могут быть установлены следующим образом: общая информация, включающая состав и структуру акционерного капитала, деловую репутацию, обязательства и внешние рейтинги управляющей компании; стратегия и контроль, определяющие развития управления активами и рисками; риски, учитывающие кредитные, рыночные, операционные и риски рыночной ликвидности и др. Перечень информации в разделе «стратегия и контроль», представлен в таблице 1 с указанием максимального/минимального количества баллов, в которых оценивается тот или иной ответ.

Перечень информации в разделе «риски», представлен в таблице 2 с указанием максимального/минимального количества баллов, в которых оценивается тот или иной ответ.

Таблица 1 – Информация по разделу «стратегия и контроль»

Описание фактора (возможные варианты ответа)	Баллы
Стратегия управления активами	
Защита капитала, позволяющая реализовать потенциальный upside (TIPP)	3
Защита капитала, не позволяющая реализовать потенциальный upside (CPPI, структурированная нота, Stop-loss)	2
Индексные или спекулятивные стратегии с ограничением величины максимально допустимых убытков	2
Индексные стратегии без ограничения величины максимально допустимых убытков и (или) спекулятивные стратегии с ограничением величины максимально допустимых убытков	1
Индексные или спекулятивные стратегии без ограничения величины максимально допустимых убытков	0
Основания для принятия инвестиционных решений	
Протоколы инвестиционного комитета (документ представлен)	5
Лимитная ведомость (документ представлен)	5
Отсутствие данных документов	-10
Внутренний регламент УК при совершении операций со средствами пенсионных резервов и пенсионных накоплений НПФ	
Да (документ представлен)	10
Нет	-10
Стратегия управления рисками	
Политика или стратегия, описывающая принципы управления рисками (документ представлен)	10
Положение или регламент службы риск-менеджмента (документ представлен)	3
Отсутствие данных документов	-10
Визирование бланков внебиржевой торговли	
Есть подпись контролера, риск-менеджера, старшего портфельного управляющего и (или) генерального директора (руководителя, единоличного исполнительного органа)	2
Прочее	0

Таблица 2 – Информация по разделу «риски»

Описание фактора (возможные варианты ответа)	Баллы
Кредитные риски	
Методика определения кредитного качества юридических лиц	
Продвинутая	5
Есть (документ представлен)	1
Нет и (или) по внешним рейтингам	-5
Методика определения кредитного качества субъектов Российской Федерации	
Продвинутая	5
Есть (документ представлен)	1
Нет и (или) по внешним рейтингам	-5
Методика определения кредитного качества кредитных организаций	
Продвинутая	5
Есть (документ представлен)	1
Нет и (или) по внешним рейтингам	-5
Рыночные риски	
Методика определения рыночного риска долевых инструментов	

Описание фактора (возможные варианты ответа)	Баллы
Продвинутая	5
Есть (документ представлен)	1
Нет	0
Риски рыночной ликвидности	
Методика определения рисков рыночной ликвидности	
Продвинутая	5
Есть (документ представлен)	1
Нет	0

Перечень информации в разделе «динамика изменений», представлен в таблице 3 с указанием максимального/минимального количества баллов, в которых оценивается тот или иной ответ.

Таблица 3 – Информация по разделу «динамика изменений»

Описание фактора (возможные варианты ответа)	Баллы
Персонал	
Положительные	2
Нейтральные	0
Негативные	-2
Технологии	
Положительные	1
Нейтральные	0
Негативные	-1
Процесс	
Положительные	1
Нейтральные	0
Негативные	-1
Взаимодействие	
Положительные	1
Нейтральные	0
Негативные	-1

Полученные экспертным путем баллы суммируются и ранжируются методом скоринговой модели и соответствуют базовому лимиту на размещение средств пенсионных резервов и инвестирование средств пенсионных накоплений, выраженному в процентах от общей суммы средств пенсионных резервов и (или) накоплений Фонда в соответствии с таблицей 4.

Размер доли от общей суммы средств пенсионных резервов и/или пенсионных накоплений является базовым лимитом, предъявляемым управляющей компанией. Итоговый лимит на управляющую компанию приравнивается к базовому лимиту, причем базовые лимиты для средств пенсионных резервов и пенсионных накоплений могут различаться. При этом возможен учет дополнительных ограничений:

- отсутствие внутреннего регламента управляющей компании по совершению операций со средствами пенсионных резервов и пенсионных накоплений негосударственных пенсионных фондов не позволяет

предоставлять в доверительное управление управляющей компании более 20% от средств чистых активов средств пенсионных резервов и пенсионных накоплений пенсионного фонда;

- отсутствие возможности оперативной встречи с руководством управляющей компании, управляющим и риск-менеджером управляющей компании (например, управляющая компания располагается на расстоянии более 300 км от офиса пенсионного фонда) не позволяет предоставлять в доверительное управление управляющей компании более 50% от средств чистых активов средств пенсионных резервов и пенсионных накоплений Фонда.

Таблица 4 – рейтинг надежности управляющей компании по управлению пенсионными накоплениями негосударственного пенсионного фонда

От	До	Рейтинг надежности	Пенсионные резервы	Пенсионные накопления	Качество управления
-73	0	D	0%	0%	Недопустимое
1	13	C-	5%	5%	Приемлемое
14	25	C+	10%	10%	Среднее
26	49	B-	20%	20%	Выше среднего
50	60	B+	30%	50%	Хорошее
61	72	A	50%	75%	Отличное
73	86	A+	100%	100%	Максимальное

Лимит по объему пенсионных накоплений, передаваемых в доверительное управление, на управляющую компанию может быть снижен в случае: неблагоприятных изменений конъюнктуры финансовых рынков; снижение надежности управляющей компании (несоответствие минимальным обязательным критериям); выявление нарушений при исполнении согласованной в договоре доверительного управления инвестиционной декларации (в том числе при мониторинге транзакций управляющей компании); появление негативной информации об управляющей компании в СМИ. Методика определения надежности управляющей компании может эффективно применяться в деятельности негосударственных пенсионных фондов и управляющих компаний.

Литература

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2003 №379 «Об установлении дополнительных ограничений на отдельные классы активов и определении максимальной доли отдельных классов активов и определении максимальной доли отдельных классов активов в инвестиционном портфеле в соответствии со статьями 26 и 28 Федерального закона «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации».
2. Федеральный закон №11-ФЗ «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» от 10 июля 2002 г.
3. Фрумина С.В. Российский и зарубежный опыт управления средствами пенсионных накоплений // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. №4. С.110-116.
4. Nolan Z. Performance Budgeting in the United Kingdom/ OECD Journal on Budgeting. 2008. Vol. 8. №1.

5. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕГО СИСТЕМНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Анатова Н.В.

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Современная социально-экономическая система: названия и их иерархия.

Летом 2017 г. Правительство Российской Федерации взяло курс на построение цифровой экономики до 2024 г., объявив семилетку технологического прорыва. Данное решение сопровождалось многочисленными публикациями, в которых стала идти речь о новой социально-экономической системе – цифровой экономике. Если рассмотреть порядок появления названий сменяющих друг друга социально-экономических систем, то, на наш взгляд, лучше выбрать пять критериев, по которым одна социально-экономическая система отличается от другой: 1) характеру производительных сил; 2) типу технико-экономических отношений; 3) организационно-экономическим отношениям; 4) производственным отношениям; 5) базисным элементам хозяйственного механизма. Новые производительные силы возникли в середине сороковых годов двадцатого века в связи с появлением первых компьютеров, которые стали новыми средствами производства. Последующий за этим в 1950-1970-х годах информационный взрыв и научно-техническая революция привнесли в материально-техническую базу производства автоматизацию и информационный ресурс, а Интернет способствовал появлению всеобщих производительных сил, создаваемых и используемых только коллективно. На первое место среди категорий, характеризующих производительные силы, выходят знания, которые имеют идеальное и материальное воплощение: в образовании, технологиях, производственной квалификации специалистов, а также в новой технике, организационных системах, продуктах и услугах. Интернет, являющейся базой для создания сетевых предприятий и сетевого интеллекта. Информационные и сетевые технологии определяют технологический способ производства, который также формируется технико-экономическими отношениями совместно с производительными силами. Изменяется также характер труда и связанные с этим новые формы организационно-экономических отношений. С возникновением компьютеров появился новый вид деятельности – информационный, а с ростом объемов используемых в производстве знаний и потребностей в новых знаниях, в качестве экономической стали рассматривать и интеллектуальную деятельность. Изменению характера труда также способствуют децентрализация и деурбанизация производства, появились новые формы труда, их общей характерной чертой стал дистанционный труд. Происходят

структурные изменения на макро и микроуровнях системы хозяйствования, а также глобализация бизнеса. Изменение на микроуровне – это появление предприятия нового типа, которое функционирует в компьютерной сети Интернет, использует отдельно действующих и территориально разобщенных работников, а также почти не имеет материальных активов. На макроуровне появляется новая сфера экономики – информационная индустрия, объединившая компьютерную технику, связь и контент. Перечисленные изменения по каждому из выделенных критериев социально-экономической системы позволяют называть ее информационной экономикой [1]. Поскольку на основе потоков информации возникают новые знания, то достаточно справедливым является название «экономика знаний», хотя оно не отражает глубину происходящих изменений в обществе. На основе научных знаний создаются новые технологии, которые при внедрении их в производство и выпуске на их основе нового для рынка продукта, называют инновациями. Следовательно, и название «инновационная экономика» также имеет место, но оно отражает производственный и организационный технологический аспект. Наконец, на основе инноваций в области информационных технологий появились многочисленные новые приложения, которые относят к цифровой экономике, т.к. все они так или иначе связаны с компьютерами, микропроцессорами, Интернет, алгоритмами и программами, обеспечивающими их взаимодействие. Поэтому цифровая экономика – это инновационная часть информационных технологий, позволяющая обеспечить комплексное взаимосвязанное функционирование и развитие производств, инфраструктуры, органов управления, социальных институтов и отдельных граждан. В этой экономике Интернет и другие сети, в том числе, компьютерные социальные, способствуют глобализации бизнеса, а также явного и неявного управления поведением фирм, организаций и людей.

Тенденции индивидуализации. Экономику развитых и развивающихся стран все больше формируют малые предприятия и индивидуальные предприниматели и фрилансеры, чей бизнес связан в основном, с Интернет. Индивидуализация, как тенденция, имеет, прежде всего, экономическую основу, но можно отследить и исторические корни индивидуализма. Под индивидуумом следует понимать зрелую личность, обладающую свободой до той степени, когда она сознательно подчиняет свою деятельность интересам других людей, поэтому индивид не отделим от общества. Британский социолог Зигмунт Бауман утверждает, что индивидуализация пришла надолго. Он характеризует индивидуализированное общество тремя признаками: человек теряет контроль над большинством значимых социальных процессов; возрастает незащищенность личности, в том числе из-за снижения роли семьи; человек готов отказаться от перспектив ради получения быстрых результатов [2]. Как выход из прогрессирующих отрицательных тенденций следует указать повышение духовности личности, в которой она может найти опору и смысл существования.

Рассматривая исторические основы индивидуализации, следует отметить, что данный принцип был заложен в Европе (а с переселенцами перекочевал и в Новый Свет) в самой системе хозяйствования, не требовавшей усилий больших масс людей для получения хороших урожаев, качественных изделий ремесленников и т.п. Также этот принцип главенствовал в религии, когда человеку предоставлялась свобода выбора степени собственной религиозности, и в которой человек мог сам возвыситься до божественного уровня, будучи канонизированным и причисленным к святым, пусть и после своей смерти. Современная европейская система образования и воспитания нацелена, прежде всего, на формирование самостоятельной, ответственной за свои поступки личности, с раннего возраста приучаемой к общественной оценке своих знаний. Формируемое единое европейское образовательное пространство, с едиными требованиями к содержанию обучения, также призвано усилить свободу личности, ее выбор места проживания и обучения, оно выступает гарантом получения высокооплачиваемой и творческой работы не зависимо от того, какой из университетов выдал диплом.

Тенденции объединения и единообразия образовательной европейской системы способствуют реализации принципа автономности личности, рассмотренного П.Ф. Друкером в своей последней книге «Management Challenges for XXI Century». Автор считает, что автономность – важнейшая черта творческой личности и делает вывод, что тремя важнейшими признаками изменений производственных отношений в новой экономике являются: партнерские, а не субординационно-иерархические отношения; координационно-совещательное, а не командное управление; перенос оценки капитала организации с оборудования на работников интеллектуального труда. Формулируя последний признак, П.Ф. Друкер противопоставил «стоимостной» и «ценностный» подходы к оценке результатов деятельности организации, назвав их финансовыми и нефинансовыми результатами [3].

Криптовалюта как глобальный фактор. Криптовалюта является феноменом последнего десятилетия. Возникнув после финансово-экономического кризиса 2008 г. как противовес централизованному финансовому управлению и как единица измерения взаиморасчетов в основном, в теневом секторе Китая, она превратилась в инструмент спекуляций. Начав с биткоина, который и сейчас представляет собой наиболее популярный пример вложений в «ничто», в настоящее время уже имеется несколько сот разновидностей криптовалют, которые находят все более широкое применение для инвестиций индивидуумов и крупных компаний. Получить доступ к сообществу обмена криптовалютой можно из любой точки мира, где есть Интернет. Имеющиеся средства защиты сделок, основанные на взаимном доверии и прозрачность цепочек обмена, сделало криптовалюту популярным источником вложений реальных денежных средств и взвинтило цену до невероятных размеров, затем уронив ее на значительную величину, но все равно оставив достаточно высокой (в 2017 г. максимальная цена была 19 000 долларов США за 1 биткоин, в октябре 2009 г. за 1000 биткоинов давали 1

доллар, в 2010 г. цена составляла 0,5 доллара, в конце января 2018г. – 11 162 доллара США). Фактически первая цена 2009 г. отражала только затраты на электроэнергию для передачи шифра, который получал каждый участник сделки, поскольку для функционирования все системы взаимобменов биткоинами компьютер надо было держать включенным круглосуточно. С ростом популярности криптовалюты начали складываться и тренды ее использования.

Индивидуальные пользователи увидели в ней возможность увеличения дохода, поскольку она в массовые сознания ассоциировалась с электронными деньгами, соответствующими реальным вкладам в банках. Это подтверждала возможность вывода покупки биктоина в реальные деньги, поскольку покупатель расплачивался деньгами со своего банковского счета. Выполняя все функции денег и оставаясь по сути ничем не обеспеченным программным кодом, криптовалюта привлекла крупных инвесторов, которые с ее помощью стали инвестировать в инновационные проекты и использовать ее для перевода реальных средств в те места, которые по разным причинам не имеют возможности получения инвестиций, например, экономика Крыма (пока официальных данных нет, но возможность рассматривается). Как написал в своей статье Сатоши Накамото, в связи с недостатками электронных транзакций с третьей стороной, необходима электронная платежная система, основанная на криптографическом доказательстве вместо доверия, которая позволяла бы любым двум заинтересованным сторонам совершать прямые сделки друг с другом без необходимости использования доверенного третьего лица [7]. Транзакции, которые нецелесообразны для обратного преобразования, защитят продавцов от мошенничества, и обычные механизмы условного депонирования могут быть легко реализованы для защиты покупателей. Но если по каким-либо причинам участник финансовой сети утратит свой ключ, то биткоины будут потеряны, хотя и останутся в сети, поскольку подобрать такой же ключ невозможно.

Описывая схему транзакции, С. Никамото писал: «Мы описываем электронную монету как сеть цифровых подписей. Каждый владелец передает монету, используя цифровую подпись предыдущей транзакции и открытого ключа следующего владельца, что формирует цепочку, позволяющую отследить новому получателю все предыдущие транзакции» [7, с. 2]. Такая система защиты не позволяет владельцу дважды продать монету, а также продавать не существующие у него биткоины. Для осуществления сделки созданы сайты, где имеется список продавцов, и покупатель может выбрать подходящего для себя продавца с предлагаемой им ценой. Продавец отправляет покупателю требуемые биткоины, но сделка приостанавливается до проверки системой наличия этих биткоинов у продавца. После этого покупатель переводит деньги со своей банковской карты или электронного кошелька продавцу и тот подтверждает получение денег, а у покупателя создается запись (определенный шифр), свидетельствующая о наличии биткоинов у покупателя. Для безопасности рекомендуется «холодное» хранение биткоинов –

копирование данного файла с шифром на флэш-память и хранение ее отдельно от компьютера. Последний этап – вывод криптовалюты в реальные деньги реализуется при выводе биткоинов на банковскую карту покупателя или инвестирование их через пересчет по действующему курсу в национальную валюту инвестиционного проекта.

Таким образом, криптовалюта служит внутренним средством глобализации, как ее инфраструктура – Интернет, связывая индивидуумов во всем мире и подрывая систему центробанков в разных странах.

Усиливая роль личности и представляя угрозу существованию множеству рыночных институтов – банкам, биржам и в конечном счете государству, криптовалюта способствовала появлению новых виртуальных институтов анонимов в финансовых сетях, развивая тенденции индивидуализации. По мнению русской православной церкви, официальные электронные деньги и полный переход на безналичные расчеты могут привести к полному контролю над индивидуумом со стороны власти, поскольку закрытие доступа к банковскому счету, предъявление неприемлемых для свободного человека условий для открытия доступа и другие ограничения ведут к нарушению личной безопасности [5]. Криптовалюта является одной из попыток этому противостоять. Приверженность крупных финансистов, в том числе, Г.Грефа, к новым платежным сервисам типа ApplePay, появившемуся в России в октябре 2016 г. и первым внедренным в Сбербанке, а также заявленный отказ Сбербанка от пластиковых карт в ближайшие 3 года, представляют угрозу личной финансовой безопасности, поскольку, во-первых, происходит ориентация на зарубежную централизованную платежную систему, которую в любой момент могут отключить, и, во-вторых, еще больше способствует зависимости индивидуума от технологий и решений одного банка [6].

Блокчейн технологии – катализатор глобализации и индивидуализации. В основе обмена и выпуска криптовалют лежит описанная С. Накамото технология блокчейн. Блокчейн, как база данных аналогичная универсальному регистрационному журналу, содержит учет всех видов транзакций, что позволяет, во-первых, формализовать экономические отношения обмена, во-вторых, сократить его документирование и, в-третьих, используя систему блокировки, обеспечить защиту данных, сделав одновременно транзакции максимально прозрачными. Прозрачность обеспечивается возможностью проверки каждым компьютером в системе каждой произведенной транзакции, что делает невозможным, например, отмывание денег.

С развитием цифровой экономики, ускоренной правительственным постановлением Российской Федерации летом 2017 г., роль технологий блокчейн значительно возрастает и им находят все большее число применений. С точки зрения экономической теории возникает ряд вопросов, в том числе, о формировании добавленной стоимости в цепочках блокчейн, роли государства в управлении организационными и социально-экономическими процессами, государственного регистрацией прав интеллектуальной собственности и

продажи авторских прав за рубеж и другие, пока еще несформулированные вопросы.

Технологии блокчейн оказывают основное влияние на развитие финансового и производственного секторов экономики. Ведущие банки Америки и Азии перешли на новые информационные технологии такие как банковские услуги на основе анализа изображений, виртуальная служба поддержки и робото-консультирование, биометрические функции безопасности, что привело к достаточной свободе в потреблении финансовых услуг и появление нового тренда – бегства потребителей [4]. Это связано с новыми потребностями в совмещении услуг в одном интернет-устройстве и в любом уголке мира независимо от того, где клиент разместил свои финансовые средства. Корпорация MasterCard (США) в ноябре 2016 г. подала четыре патентные заявки на использование технологии блокчейн (хранение и обработка данных в цепочке блоков, представляет собой запись всех транзакций). Таким образом, MasterCard планирует осуществить интеграцию цифровых валют в свою инфраструктуру, что обеспечит для потребителей и бизнеса высокий уровень защиты от мошенников и сохранность персональных данных клиентов. Около 90 % крупных банков в США, Европе и Канаде исследуют возможности применения технологии блокчейн для финансовых платежей. Эксперимент протяженностью 10 месяцев в 2016 г. провели банки Японии и выяснили, что скорость платежей на основе технологии блокчейн составляет 1500 операций в секунду, а обычная система не может совершать более 1400 операций в секунду со значительно меньшим уровнем безопасности. Опыт данных и других банков и компаний, в числе которых Майкрософт, британский банк Barclays и другие показал, что технология блокчейн позволяет значительно ускорить торговые операции, снизить по всему миру издержки компаний и уменьшить риски от мошенничества с документами. В рамках Консорциума финансовых организаций, созданного по инициативе ЦБ РФ, проведено тестирование двух платформ мастерчейна на технологии блокчейна. В начале сентября 2016 г. ЦБ РФ и десять крупнейших банков России провели тестовые транзакции с использованием платформы мастерчейна. В дальнейшем планируется изучить возможность его использования как составной части финансовой инфраструктуры инновационного поколения.

Традиционные финансовые инструменты могут либо утратить, либо приобрести новый смысл, значительно повысив свою надежность. К таким относятся опционы и свопы, а также средства аудита, работающие в режиме реального времени.

Сеть на основе блокчейн может корректировать заявленную стоимость активов или всего, что обладает ценностью, отслеживая истории проведенных сделок и выявляя проведенные транзакции. В сетях блокчейн возрастает роль клиента, создается сетевая стоимость на основе коммуникаций и обмена между индивидуумами, минуя центральный управляющий орган.

Интеллектуальные контракты с блочной связью – «умные контракты», распределенные реестры и неизменяемые криптографические записи способны

снизить издержки производства, повысить эффективность эксплуатации оборудования и человеческих ресурсов, повысить производственную эффективность в целом и раскрыть новые возможности для бизнеса и производителей по всему миру.

Без доверия цепочки добавленной стоимости, особенно те, которые поддерживают глобальное производство, не могут существовать. Однако ранее, чтобы установить это доверие, возникали многочисленные исторические трудности, и оно обходилось слишком дорого.

С помощью использования блокчейн технологий создаются цепочки добавленной стоимости, они позволяют обеспечить в производстве надежных поставщиков, которые тщательно подбираются и управляются, а также контролируются и сертифицируются по качеству, надежности и согласованности действий. Регулирующие органы также требуют сертификации и аудита для обеспечения более хорошей работы, и такие компании, как Intertek, проводят проверки и предоставляют сертификаты качества. В конце цепочки добавленной стоимости стоят клиенты, которые покупают продукты, потому что они доверяют качеству бренда, что является ключевым отличием многих компаний.

Огромные объемы данных, генерируемые глобальными цепочками поставок - если их правильно добывать, - могут помочь проверить надежность производственных процессов и конечных продуктов. Однако процесс проверки в традиционных технологиях требует многочисленных ручных вмешательств и участия многих сторон. Предоставление таких заверений в современном мире производства налагает скрытый (и растущий) «налог на доверие», сопровождающийся большим количеством документов, бесконечных электронных писем и телефонных звонков, а также дорогостоящих визитов и проверок поставляемого сырья, материалов, комплектующих и прочих заказов на закупку. Эта громоздкая деятельность снижает производительность и эффективность во всей экономике, делая ее более дорогой, сложной и отнимающей много времени для клиентов и поставщиков для поиска и ведения бизнеса друг с другом. Существует более простой, менее дорогостоящий и более эффективный способ установления доверия к производству цепочки добавленной стоимости, который заключается в использовании блокчейн - цепочек, основанных на программном обеспечении распределенной системы реестров, поддерживаемых на нескольких вычислительных узлах.

При объединении технологий 3D печати и блокчейн могут появиться следующие положительные преобразования в производстве:

- 1) создавать и внедрять инновации и за счет этого осуществлять экономическое развитие, позволяя предпринимателям даже в отдаленных районах коммерциализировать свои идеи;
- 2) сокращать расходы на инвентаризацию и время обслуживания оборудования, позволяя компаниям печатать детали точно в срок;
- 3) автоматизировать процессы финансирования закупок за счет интеллектуальных контрактов цепочки поставок;

4) увеличить скорость разработки и производства, а также снизить стоимость новых продуктов;

5) создать новые рыночные возможности и повысить эффективность рынка путем массового производства продуктов и развития малых предприятий;

6) произвести учет и оценку местных избыточных мощностей во всем мире с дальнейшим перераспределением и использованием их возможностей для других производств.

В результате использования блокчейн технологий в производстве появляются новые бизнес-модели, основанные на перемещении, взаимозаменяемости и перераспределении заказов, сырья, материалов и продуктов с оптимизацией стоимости такого перемещения и производства.

Примеры таких проектов:

1) виртуальные площадки для конструкторов и дизайнеров, предлагающих свои проекты и публикующие их варианты в виде 3-хмерных файлов, которые могут использовать производственники; в результате конструкторы и разработчики технологий получают свое вознаграждение, как композиторы, чью музыку используют музыканты;

2) торговые площадки предоставят клиентам надежные данные о материалах и процессах, используемых на производственных предприятиях и их продуктах, а также местоположение производства и даты. Понимание таких данных может значительно сократить стоимость таких мероприятий, как контроль качества, соблюдение нормативных требований и гарантий. Хотя любой партнер цепочки поставок может получить доступ к некоторым из этих данных, опытные партнеры могут анализировать его и предоставлять информацию, повышающую скорость бизнеса и его экономическую эффективность. Такое понимание может включать в себя оптимальное сочетание сырья для 3-D печати, скорость или последовательность, с которой материалы печатаются слоями, или описания, какие компоненты, печатные материалы или методы лучше всего работают в различных приложениях;

3) разработка нематериальных активов, представляющих собой дизайн или методы маркетинга, организацию цепочек поставок, создающих добавленную стоимость продуктов;

4) организация узкоспециализированных производств в виде конвейера с получением заказов от вышестоящих, более мощных предприятий, и передача или сбор продуктов с более мелких, «нижестоящих» в производственной цепочке;

5) облачное «программное обеспечение», для которого клиентам не нужно знать, где и кем оно произведено. Программное обеспечение (в виде смарт-контрактов) найдут и осуществят соглашения с тем, какой из партнеров предложит лучшую комбинацию стоимости, сроков и условий, дат поставки и качества.

Современные информационные технологии, основанные на использовании Интернет, являются катализаторами двух разнонаправленных процессов:

индивидуализации и глобализации. Каждый человек, отдаляясь в своем реальном общении от общества, находит поддержку и защита в коммуникационных сетях, все больше перенося в них информационные потоки, связанные с финансами и производством, тем самым способствуя тенденциям индивидуализации. Интернет, являясь по своей сути глобальной инфраструктурой, объединяет индивидуумов, рынки и организации, усиливая глобализацию.

Литература

1. *Анатова Н.В.* Теория информационной экономики. – Симферополь: «ЧП Бондаренко», 2005. -336 с.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. - Москва: Логос, 2005. - 390 с.
3. *Друкер П.Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Издат. дом «Вильямс», 2000. – 272 с.
4. *Куликов Н.И., Кудрявцева Ю.В.* Банки на пороге новой технологической революции // Вопросы современной науки и практики. 2017. № 2 (64). С. 69-78.
5. РПЦ видит угрозу в цифровой экономике. URL: <http://www.tadviser.ru/images/thumb/0/07/Sberbank-budet-identificirovat-klientov-po-golosu.jpg/680px-Sberbank-budet-identificirovat-klientov-po-golosu.jpg> (дата доступа 25.01.2018)
6. *Саркисян Л.В., Всяких Ю.В.* Деньги в информационном обществе // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 3.
7. *Satoshi Nakamoto* «Bitcoin: a peer-to-peer electronic cash system» 2009. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата доступа 25.01.2018)

Берберов А.Б.

ПРОЙДЕННЫЙ УРОК: К. МАРКС И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

Основным трендом цивилизационного развития в XXI в., вне всякого сомнения, является стремительный технологический прогресс, связанный с цифровизацией, активным использованием автоматизированных систем, робототехнических средств и элементов искусственного интеллекта для выполнения различных операций. Их интенсивное применение отражается на всех уровнях социального бытия - общественных ценностях, финансовой сфере, рынке труда.

В этих условиях особую актуальность приобретает необходимость всестороннего научного осмысления современного состояния информационно-экономического общества в системе вызовов и стратегий. Перед человечеством остро встает вопрос безболезненного, безущербного совмещения высоких инженерных технологий с гуманитарными технологиями. С проблемой отрыва научно-технической революции от социальных интересов «маленького человека» мир сталкивался не раз – отсюда следует необходимость изучения корней проблемы с обращением к трудам предшественников в политической экономии.

Следует отметить, что многие виды продукции, особенно в высокотехнологических отраслях, уже практически полностью выпускаются на

конвейерах с минимальным участием человека. Однако развитие такой тенденции может привести к огромным социально-экономическим проблемам, связанным с сокращением «человеческих» рабочих мест и ростом технологической безработицы.

В связи с этим особый научный интерес представляет теоретическое исследование проблем, связанных с оценкой влияния «трудосберегающих» машин и механизмов на существование рабочего класса и эффективности текущей модели экономического роста с точки зрения богатства рабочих.

Одно из первых научных обсуждений «технологической безработицы» можно встретить в работе античного мыслителя Аристотеля «Политика»: «Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они «сами собой входили в собрание богов; если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на – кифаре, тогда и зодчие не нуждались бы в работниках, а господам не нужны были бы рабы». Тем самым, Аристотель выдвигает мысль о том, что если бы механизмы (машины) были бы совершенными, то необходимость в человеческом труде бы отпала [1, 381].

Несмотря на примитивность инновационных технологий, в это время уже формируются концепции по социально-экономической поддержке граждан, пострадавших от развития технического прогресса. Так, в Древней Греции в ответ на развитие технологической безработицы Периклом была запущена программа по проведению общественных работ и предоставлению оплачиваемой работы для безработных. Следует отметить, что особенность древнегреческого рынка труда в тот период определялась наличием помимо двух субъектов рынка – работников и трудосберегающих машин – еще и третьим – рабами, которые по сути являлись эффективными «машинами из плоти и крови» [11, 38].

Эпоха Средневековья характеризуется более широким внедрением технологий, однако рост массовой безработицы, сложившийся в связи как с ростом населения, так и изменениями в доступности земельных ресурсов для ведения натурального хозяйства, снизил положительное отношение к новым технологиям. Поэтому в указанный период в некоторых странах для борьбы с технологической безработицей проводилась по-своему гуманная политика по запрету использования новых технологий в экономике. Описанием общей картины того времени является запрет импорта машинного ситца во Францию под угрозой тюремного преследования или даже смертной казни [12].

Вскоре эпицентром распространения политики по повсеместному внедрению технологий становится Великобритания, где властями использовался менее консервативный подход к инновациям, однако в целом нигилистическое отношение к механистическим нововведениям на островном государстве остается сильным вплоть до начала XVII века, то есть до эпохи Просвещения. В экономической истории запечатлен один из хрестоматийных примеров, связанный с тем, что предусмотрительная королева Елизавета I

отказала промышленникам в выдаче патента на вязальную машину, поскольку такая инновация могла привести к технологической безработице [10].

Обострение проблемы технологической безработицы наблюдается после Славной революции и роста влияния идеологии меркантилистов о том, что широкое введение «трудосберегающих технологий» позволит как снизить уровень безработицы, так и расширить сферу влияния британских компаний. Однако такой поворот в восприятии технологической безработицы негативно сказывается на положении рабочего класса, так как работники больше не могли рассчитывать на поддержку властей в борьбе с технологической безработицей.

Поражение рабочего класса и экспансия автоматизации, согнавшая работников на фабрики и заводы, и заставившая их селиться большими массами возле рабочих мест, привела к кардинальному перевороту в структуре и восприятии рабочего класса.

«Новые» работники перестали быть собственниками промышленных материалов и орудий – теперь они используют средства производства, принадлежащие работодателю на машинах, также составляющих собственность капиталиста-собственника. Вместо того, чтобы продавать собственную продукцию потребителям, они вынуждены продавать свою рабочую силу работодателям, что является для них единственным средством к существованию. Кардинально трансформируются и социальные отношения между работодателем и работниками - они становятся почти обезличенными, в связи с огромным пространством коллективного рабочего места, где каждый сотрудник напоминает всего лишь один из «винтиков», в отличие от былого содружества между мастером и его помощниками.

Интенсивное развитие машин закономерно привело к двум ключевым последствиям. С одной стороны, рабочий перестает существовать как самостоятельная промышленная единица, впадая в зависимость от работодателя-капиталиста. С другой стороны, усиление зависимости рабочего от капиталиста неуклонно приводит к ослаблению и даже к аннулированию работодателем собственной ответственности перед представителями рабочего класса.

Известно, что при предшествующих капитализму феодально-крепостнических производственных отношениях особенностью соединения рабочей силы со средствами производства является наделение принадлежащего крепостнику непосредственного производителя условиями производства, и вследствие этого возникает форма эксплуатации на основе непосредственного господства и подчинения.

Капиталистический же способ производства освобождает производителя от средств производства и характеризуется тем, что здесь средства производства сконцентрированы в руках капиталистов, а не рабочего класса. Соединение рабочей силы со средствами производства в данном случае происходит в форме купли-продажи рабочей силы, о чем и пишет Карл Маркс: «вся система капиталистического производства основана на том, что рабочий продает свою рабочую силу как товар» [6, 332].

В связи с этой особенностью, продажа рабочей силы капиталисту не приводит к улучшению материальных или культурных условий жизни рабочего. Наблюдается обратная ситуация: чем качественнее функционирует рабочая сила, тем больше создается прибавочной стоимости, а значит, тем больше обогащается собственник средств производства – капиталист.

В роли «катализатора» обогащения собственников средств и обнищания рабочего класса выступает индустриальная техника. Об этом пишет К. Маркс: «Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд были первым словом капиталистического применения машин. Принудительный труд на капиталиста захватил не только время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу» [6,309].

Отсюда следует – использование «трудосберегающих» машин и механизмов не только не облегчает труда рабочего класса, а наоборот, резко ухудшает условия рабочего процесса, превращая работников в придаток к машине – «машинный труд, до крайности захватывая нервную систему, подавляет многостороннюю игру мускулов и отнимает у человека всякую возможность физической и духовной деятельности. Даже облегчение труда становится источником пытки, потому что машина не рабочего освобождает от труда, а его труд — от всякого содержания» [6,327].

Очевидно, что труд рабочего при таких условиях превращается в циклическое повторение движений, обусловленных технологическим процессом, и по сути, не является работой, наполненной творческим смыслом и содержанием. При этом творческий, одухотворенный компонент работы исчезает тем интенсивнее, чем быстрее развивается техника.

Обратимся к социально-экономической литературе того времени – Ф. Йозеф в своей монографии «Крах обувного Форда» приводит следующие отзывы рабочих о своем труде: «Конвейер движется со скоростью 1600 пар, и рабочие как бы играют работой... Конвейер увеличивает скорость до 1800 пар – прежней беспечности как не бывало... Конвейер ускоряет ход до 2000 пар, рабочие еле поспевают, обливаются потом. В одном углу раздается проклятие, в другом – слышится ругательство... Руки трясутся от нервной дрожи, пот льется градом» [4, 21].

Шарлотта Годес в своей работе «Лес и труд» приводит следующие примечательные факты: «Специализация и стандартизация процессов низвели большинство рабочих лесопильных деревообрабатывающих и комбинированных предприятий до степени придатка к машинам. Квалифицированных рабочих на лесопильных заводах насчитывается менее 10%, из них высокой квалификацией обладают только распиловщики и пилоправы, а для остальных профессий достаточна весьма скромная выучка» [4, 21].

В советской научно-экономической литературе приводится наглядный пример взаимоотношений между работником и работодателем в досоветское капиталистическое время: «Чахотка была очень распространена среди печатников, литейщиков, табачников, химиков. Очень часты были массовые отравления рабочих и работниц на фабриках резиновых изделий. Обвалы шахт и гибель десятков и сотен рабочих под землей не были редкостью ни в Донцком бассейне, ни в других угольных и рудных районах. Происходило это потому, что хозяева заботились только о своих барышах и экономили на всем – на вентиляции, на крепежном лесе, даже на кипятке. Капиталисту нужен был здоровый, сильный рабочий, который может дать большую выработку. Но заботиться о здоровье рабочего было не в правилах капиталиста» [5, 13].

Что служит причиной игнорирования капиталистами ненадлежащих условий труда рабочих? Ответ прост: владельцы средств производства знали, что взамен истощенных рабочих у ворот фабрики выстраивается очередь из тысяч других безработных, а защита интересов работников не вписывается в интересы работодателя с учетом того, что его главная цель – максимизация прибыли.

В этом же издании затрагивается проблема влияния новых машин на рабочий класс в капиталистическом обществе: «Когда капиталист вводил у себя на фабрике новые машины, он использовал их для еще большего ухудшения положения рабочих. Введение новых машин на фабрике приводило к тому, что за ворота выбрасывалась часть рабочих: новая машина делала то, что раньше ручным способом делали десять или двадцать рабочих. Они оказывались ненужными. Их увольняли. Так капиталисты эксплуатировали рабочих, хищнически выжимая из них все силы и разрушая их здоровье» [5, 15].

Также уровень технологической безработицы наглядно описывает **Эванс Кларк** на страницах «New York Times»: «Мы видим в настоящее время социальный парадокс – небывалые прибыли Генеральной корпорации моторов и небывалую безработицу. Американское процветание является мировой сенсацией, американская производительность – удивление Европы, восьмое чудо мира, - и в то же время ночлежки переполнены безработными, бюро по найму борются с ордами желающих попасть на несуществующие места.

Далее цитата продолжается: «Настоящий кризис иного характера, чем все до сих пор. Производство упало очень незначительно. Многие отрасли производства продолжают расти. Основные кадры безработных вызваны не этим. Парадокс основан на том, что машины пришли в конфликт с человеком. Двери закрытых фабрик откроются вновь, но значительная часть рабочих не вернется» [7, 89].

Подчеркивая актуальность проблемы технологической безработицы, министр труда США Джеймс Дэвис в своем докладе Сенату отмечал: «Имеются два основных типа безработицы: 1) временные безработные, остающиеся в своих прежних профессиях, и 2) рабочие, вытесненные изменениями производственных методов. В настоящее время значительная часть (вероятно, свыше половины) безработных принадлежит ко второй группе. Их безработица

вызвана новыми машинами и механическими приспособлениями, и поэтому для них бесполезно ждать промышленного расцвета. Их работы ушли безвозвратно» [7, 90].

Статистические данные утверждают, что в течение последних шести довоенных лет (после Первой мировой войны) безработица у профессиональных рабочих составляла 4,5% для Англии и 2,4% для Германии. Однако через шесть лет данные показатели выросли в несколько раз - в Англии уровень безработицы составил 11%, а в Германии – 11,2%. Число безработных, получающих пособия, в январе 1929 г. в Германии составляло более 3 млн. человек, а в Англии около 1,3 млн. человек. Отмечается, что данное официальное значение явно не отражает истинной картины проблемы [7, 91].

О «гуманистических» границах капиталистического применения машинной техники Карл Маркс писал следующее: «Если рассматривать машину исключительно как средство удешевления продукта, то границы ее применения определяются тем, что труд, которого стоит ее производство должен быть меньше того груза, который замещается ее применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко, так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силой» [6, 307].

Однако в случае мировых экономических кризисов и резкого падения цены рабочей силы и сокращения производства, зачастую введение машин с капиталистической точки зрения становится нерентабельным. В связи с данной экономической особенностью в ряде зарубежных стран в 20-30-е гг. наблюдались факты прямого отказа от техники в пользу чрезмерного использования человеческого труда.

Так «Закон о восстановлении народного хозяйства в США» специальным пунктом предусматривал необходимость максимального участия человеческого труда вместо машин. В Германии, по данным журнала «Варга», использование оборудования в годы кризиса снижалось от 67,4% в 1929 г. до 35,7% в 1932 г. Типологически сходные политические курсы и тенденции наблюдались в те годы и в других зарубежных странах [4, 23].

Очевидно, что такой отказ от машинной техники в пользу перехода на ручную работу, прямо коррелировал с ростом интенсивности труда, удлинением рабочего времени и использованием человеческого труда.

О том, что капиталистическая форма ведения хозяйства неполно использует производительные силы, красноречиво свидетельствует и отношение к технике и науке в рассматриваемый период – все чаще выявляются факты «ренессанса луддизма», а также негативного отношения к техническому прогрессу.

Так, английский журнал «Power Engineer» (1932) по-своему раскрывает суть противоречий между техническим прогрессом и благосостоянием общества: «Основные отрасли промышленности мира постоянно беременны, и все они преждевременно стареют и изнашиваются. Нам надо иметь меньше

изобретений и подавлять все ненужные... Громадные суммы денег растрачиваются на усовершенствования, которые становятся устарелыми, как только они проведены. Изобретательство нуждается в системе контроля деторождений, темпы прогресса изобретательской мысли далеко превосходят его практическое применение с тем результатом, что индустрия, постоянно подстегиваемая к новым усилиям, продолжает разрушать все то, что она только что достигла. Расширившись за все пределы разумного, она находится на грани полнейшего развала» [2, 25].

Таким образом, капиталистический способ производства не ограничивается высвобождением миллионов свободных работников в контингент безработных, он также ухудшает условия труда и занятой части рабочего класса. Такое неэффективное использование «рабочих рук» и средств производства, включающее в себя невозможность применения новых научных открытий, выражается в конечном итоге в виде растрат производственных сил общества, прямо влияющих на уровень материального и общественного уровня жизни работников.

История повторяется и сегодня, что возводит актуальность марксистских идей на высший уровень важности. Так, по данным организации Oxfam, за период с 2006 по 2015 гг. прибыль предприятий (т.е. по сути его владельцев) росла значительно быстрее, чем доходы работников (13% и 2% соответственно) [3]. Данный факт прямо указывают на неэффективность текущего экономического порядка, особенности построения которого не позволяют богатеть остальному населению.

Кардинально усугубить ситуацию может широкое внедрение новых робототехнических средств. Так, например, доклад MOT «ASEAN in transformation: Textiles, clothing and footwear — Refashioning the future» утверждает, что текущая модель текстильной промышленности близка к закату – количество рабочих мест будет сокращаться в связи с нашествием роботов, а сами промышленные предприятия будут переноситься ближе к рынкам сбыта т.е. в развитые страны. Расчеты утверждают, что внедрение автоматизации в текстильной отрасли может освободить больше 80% занятых во Вьетнаме, Камбодже, значительной также будет потеря мест в Индонезии, Мьянме, Индии и Китае, что определенно негативно скажется на экономическом уровне жизни населения беднейших стран [9].

Проведенное исследование показывает, что проблема технологической безработицы, преследующая человечество на протяжении его существования, может возродиться вновь с учетом общемировой тенденции по автоматизации производств. Следует подчеркнуть, что такая автоматизация не приведет к улучшению положения рабочего класса, а напротив, исходя из противоречий капитализма, значительно увеличит экономическую пропасть между владельцами производств и рабочим классом.

Можно сделать вывод о том, что современная эпоха, которую именуют «постиндустриальная», «информационная», «конвергентная», во главу угла поставила «high tech», которая определяет весь механизм экономического

бытия человека. В этих условиях особую значимость обретает «регулятивный фактор прогресса, как особый вид ценности, который определяет цели и ценности цивилизационного развития и даже некий цивилизационный конструкт» (Тхагапсоев с.10). Другими словами, настало время «высоким технологиям» противопоставить «высший разум», поскольку без учета гуманитарных проблем, культурных, ценностных и этических измерений грядущий качественный технологический скачок способен изменить природу человека, его онтологию, похоронить человечество как вид.

Литература

1. *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 381
2. *Бурдянский И.М.* Основы рационализации производства - Москва: ОГИЗ; Ленинград: Соцэкгиз, 1934. – 25с.
3. *Быркова Екатерина*. Насколько за год выросло мировое неравенство: цифры и факты // Провэд [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn--b1ae2adf4f.xn--p1ai/article/45970-naskolko-za-god-vyroslo-mirovye-neravenstvo--tsifry-i-fakty.html>
4. *Васильев П.В.* Экономика и организация труда в лесной промышленности. - Ленинград: Гослестехиздат, 1936. – 23с.
5. *Ингулов С.Б.* Политбеседы. - Москва: Париздат ЦК ВКП (б), 1937.
6. *Карл Маркс*. Капитал. Том 1. с. 332. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rtunes.ru/content/ebooks/free_ebooks/karl_heinrich_marx/capital_book_one/capital_book_one.a4.pdf
7. *Покровский С.А.* Теория пролетарской революции. - Москва; Ленинград, 1931. - 89 с.
8. Тхагапсоев Х.Г., Мосолова Л.М., Леонов И.В., Соловьева В.Л. Идентичность как навигатор сознания. – СПб. : Астерион, 2016. – 170 с.
9. ASEAN in transformation. Textiles, clothing and footwear: refashioning the future // International Labour Organization [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ilo.org/public/english/dialogue/actemp/downloads/publications/2016/asean_in_transf_2016_r6_textil.pdf
10. Carl Benedikt Frey, Michael A Osborne. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation // Technological Forecasting and Social Change 114 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enliza.es/SECCIONES_1/1_EL%20FUTURO%20DEL%20TRABAJO/RECURSOS/The_Future_of_Employment_OMS_Working_Paper.pdf
11. *John Douglas Forbes*. Some Evidences of Technological Unemployment in Ancient Athens and Rome - Leland Stanford Junior University., 1932. С. 38.
12. *Robert L. Heilbroner*. The Worldly Philosophers - The Lives, Times And Ideas Of The Great Economic Thinkers, Seventh Edition // Simon & Schuster [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://starbooksfeaa.weebly.com/uploads/5/4/8/6/54869709/the_wordly_philosophers.pdf

Дядунов Д.В.

ПРИМЕНИМОСТЬ ТЕОРИИ ДЖ. М. КЕЙНСА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

До 30-х гг. XX в. в экономической науке господствовал либерализм, в соответствии с которым рыночная экономика рассматривалась как автоматически функционирующая система, обеспечивающая максимум общественного благосостояния, и исключалась необходимость ее регулирования. С переходом капитализма к монополистической стадии развития произошла перестройка механизма функционирования экономики.

Государство превратилось в активного субъекта воспроизводственного процесса.

Изменение роли государства было определено рядом причин: переход от совершенной к несовершенной конкуренции; мировая война; экономический кризис 1929-1933 гг., продемонстрировавший, что рыночный механизм не в состоянии решать многие противоречия; кризис экономической науки, проявившийся в том, что оказались несостоятельными теории, предсказывавшие автоматический характер действия рыночного механизма; функционирование системы директивного планирования в советской России; разработка и внедрение в экономическую науку математических методов.

В данной связи, возникла потребность в эволюции методологии экономической науки и разработке новых подходов к вопросу об экономической роли государства. Эти подходы связывают с одним из основателей макроэкономического анализа – Дж. М. Кейнсом.

Дж. М. Кейнс признавал неизбежное существование экономических кризисов и безработицы, одним из первых объяснял причины этих негативных явлений в экономике последствиями проводимой политики невмешательства государства. В данной связи, он выступил с критикой тезиса классической школы о саморегуляции экономики и обоснованием положения об отсутствии автоматического механизма, способствующего обеспечению полной занятости.

В центре анализа Дж. М. Кейнса находится национальная экономика в целом. В данной связи, его макроэкономический метод основывается на исследовании зависимостей и пропорций между совокупными народнохозяйственными величинами, такими как национальный доход, совокупные сбережения, валовые инвестиции, уровень занятости.

Основу макроэкономического анализа Дж. Кейнса составляет теория воспроизводства всего общественного капитала. Но, Дж. Кейнс, в отличие от К. Маркса, не занимается исследованием сущности воспроизводственного процесса, а посвящает анализ определению количественных функциональных зависимостей совокупных народнохозяйственных величин.

По мнению Дж. Кейнса, современный ему капитализм отличался чрезвычайно низкой нормой прибыли. Ее низкий уровень Дж. Кейнс объясняет большой аккумуляцией капитала и недостатком выгодных инвестиций. При этих условиях, которые Дж. Кейнс называет приметами современного общества, возникает тенденция к хронической массовой безработице и недоиспользованию существующих производственных мощностей.

Сбережения и инвестиции представляют собой два отдельных, самостоятельных явления, что касается как субъектов, так и движущих сил. По теории Дж. Кейнса, сбережения являются функцией дохода – растут доходы, растут и сбережения. Уровень инвестиций зависит от того, хватает ли рентабельных возможностей, причем с ростом капитала эти инвестиционные возможности уменьшаются.

Теория занятости Дж. Кейнса опирается на предположение, что сбережения и капиталовложения являются результатами решений и действий

двух отдельных групп экономических субъектов: потребителей и предпринимателей. Поэтому и силы, определяющие их масштабы, будут разными: величина сбережений зависит от размера доходов и склонности домашних хозяйств к потреблению, а объем капиталовложений – от того, насколько сильны импульсы, толкающие предпринимателя к вложению средств. Сбережения и инвестиции действуют противоположным образом на величину эффективного спроса: сбережения его уменьшают, инвестиции увеличивают.

В развитии потребительской функции Дж. Кейнс нашел определенную закономерность, которую приписал своему «основному психологическому закону»: когда реальный доход общества увеличивается, его потребление будет также увеличиваться, но не в такой же степени, как доход. Эту связь между ростом дохода и ростом потребления Дж. Кейнс считал обратимой: она должна функционировать также при снижении доходов, когда потребление хотя и уменьшается, но не настолько, насколько уменьшился доход.

В этих условиях, подчеркивает Дж. Кейнс, рост благосостояния не только не зависит от бережливости людей, как это принято считать, но, скорее всего, задерживается им. Откладывание сбережений не является благом, наоборот, оно становится препятствием на пути достижения полной занятости.

Хроническая тенденция к превышению склонности к сбережению по сравнению с побуждением инвестировать, согласно Дж. Кейнсу, является главной экономической проблемой.

Дж. Кейнс, как и многие его последователи, рассматривал только личные сбережения домохозяйств, не обращая внимания на сбережения предпринимательского сектора. Между тем, именно накопления монополистических корпораций скорее ведут к хроническому избытку денежных капиталов.

Однако, смысл теории Дж. Кейнса был в другом. Он хотел показать, что уровень занятости определяют иные силы, чем те, о которых говорит неоклассическая теория. Предложение труда не имеет значения для реального уровня занятости, поскольку указывает только ее максимально возможный уровень.

Ключом к объяснению реального объема занятости является, по Дж. Кейнсу, совокупный эффективный спрос, точнее, ожидания предпринимателей относительно совокупных затрат общества. На основе этих ожиданий, включая сюда и шансы на прибыль, они решаются нанять определенное число работников.

Иными словами, на основе видов на прибыль связывается большее или меньшее количество работников. Так Дж. Кейнс объяснял хроническую массовую безработицу.

За общий объем занятости отвечают предприниматели, т. к. именно они устанавливают уровень занятости на основе ожидаемой выгоды производства.

Недостаточный эффективный спрос может возникнуть просто потому, что его определяют предприниматели. Они исходят из своих ожиданий, которые выражают их представления о величине потребительского и инвестиционного спроса. Эти ожидания являются очень туманными и неточными. На них оказывают влияние разные иррациональные моменты. Неуверенность, сомнения, иррациональность и риск очень велики при инвестиционных решениях. Поэтому, очень маловероятно, чтобы объем инвестиций отвечал совокупным сбережениям общества в состоянии полной занятости.

Инвестиции стали самой главной причиной нестабильности капиталистической экономики.

Таким образом, ответственность за общий уровень занятости и национального дохода нельзя возлагать на предпринимателей, ее должен нести общественный представитель – государство.

К основным положениям теории Дж. Кейнса о занятости и национальном доходе относится т. н. мультипликатор. Составной частью теории Дж. Кейнса является инвестиционный мультипликатор, опирающийся на склонность к потреблению. Мультипликатор показывает величину доходов, порождаемых единицей капиталовложений. Чем выше склонность к потреблению, тем больше мультипликатор.

Доходы и занятость могут кумулятивно возрастать только при существующих производственных мощностях, которые не использованы полностью. Это и есть реальная граница действия механизма мультипликатора.

В условиях, когда имеются большие резервы неиспользованных производственных мощностей – а именно эти условия являются предметом анализа Дж. Кейнса, - рост доходов и занятости только повышает уровень их использования, но не вызывает необходимости создания новых производственных мощностей.

Инвестиции не могут расширить производственный потенциал общества и обеспечить расширенное воспроизводство общественного продукта. Их целью является только расширение использования уже существующих, но не бездействующих производственных факторов.

Среди предшественников Дж. Кейнса с точки зрения изучаемой проблематики и подхода находятся представители т. н. шведской школы, в частности, К. Виксель, который доказывал, что деньги не нейтральны для хода реальных экономических процессов и могут активно на них влиять, чем, собственно говоря, отвергал классический закон рынков Ж.-Б. Сэя.

По мнению К. Викселя, деньги могут оказывать влияние на основе различия между т. н. «торговой», или «денежной» и т. н. «естественной», или «реальной» нормой процента. Под «реальной» нормой процента он понимал предельную производительность физического капитала, а под «торговой» нормой – ссудный процент. Пока кредитные учреждения сохраняют норму процента на уровне, который ниже «естественной» нормы, растут инвестиции, расширяется производство и занятость.

Дж. Кейнс в «Трактате о деньгах» (1930 г.) признавал, что развивал и уточнял «естественную» норму процента К. Викселя. Расхождение его с К. Викселем заключалось в понимании природы процента. Дж. Кейнс пытался представить процент как чисто денежное явление, которое можно объяснить основами «предпочтения ликвидности». Дж. Кейнс понимал процент как награду, которую следует выплатить собственнику капитала за то, что он отказался от выгод обладания ликвидностью. Дж. Кейнс объяснял процент как явление, которое не имеет общего с производительностью физического капитала и не представляет цену, которая определялась бы предложением и спросом на денежном рынке и автоматически обеспечивала равенство сбережений и инвестиций.

Теория Дж. М. Кейнса оказала влияние на разработку системы национального счетоводства, положений антициклической политики, концепции дефицитного финансирования, системы планирования и программирования. Все дальнейшие макроэкономические исследования в XX – начале XXI вв. проходили под флагами согласия либо отрицания теоретического наследия, оставленного Дж. М. Кейнсом.

Литература

1. Блауг М. Методология экономической науки. - Москва: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. – Москва: Гелиос, 1999. – 352 с.
3. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов. Т. 1. От зари цивилизации до капитализма / Отв. Ред. Г. Г. Фетисов. – Москва: Мысль, 2004. – 718 с.

Звягин Л.С.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ И ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЭКСПЕРТНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В условиях современной тенденции к переходу в постиндустриальную структуру общества получило развитие такое направление научной дисциплины как системное рассмотрение информационных массивов – системный подход к изучению той или иной науки, процесса, явления, определенного предмета. Данное направление научной деятельности привело к выделению отдельной дисциплины под названием системный анализ (некоторые авторы склоняются к тому, что системный анализ, системный подход к изучению определенных явлений и процессов являются синонимичными понятиями, другие же, в свою очередь, придерживаются категорических разграничений данных понятий). В современной науке все чаще происходит применение таких методов познания как классификация, систематизация, структурирование. Однако данные методы являются составной частью анализа структуры целостного единого объекта исследования, что

говорит о важности такой дисциплины как системный анализ, о высокой роли системного изучения объекта. Что касается исторического аспекта, то системное изучение объекта, изучение объекта в развитии получило название как метод философского, то есть метанаучного, наднаучного, познания как диалектика.

Возвращаясь к принципам теоретических положений, системный анализ – это научная дисциплина, которая в своей сущности является разработчиком методологических принципов исследования систем. Характерная особенность общей теории систем, ее существенный признак (т.е. такой признак, без которого данная теория систем не является именно теорией систем, а является, например, просто какой-либо теорией изучения объекта) заключается в подходе к объектам исследования как к системам, к единому субъекту, а не разделении на множество единиц отдельных составляющих и на их последовательное изучение. К исследованиям систем относят такие дисциплины как системный анализ, теорию систем, системотехнику, исследования операций и кибернетику.

При рассмотрении системного подхода стоит упомянуть синергетику – учение о сильно неравновесных самоорганизующихся саморегулирующихся системах. Применение системного анализа есть во многих отраслях современных наук или же к целым системам научного знания: к ним относятся информатика и вычислительная техника, экономика, экономика и управление бизнес-процессами, производство, техника.

Системный анализ в управлении бизнес-процессами и предприятиями преимущественно нацелен на поиск количественно обоснованных управленческих решений. Косвенно степень достижения цели можно оценить через ряд показателей эффективности деятельности предприятия. Существует также отдельная составляющая системного анализа как исследование операций – в данном случае рассматриваются решения противоречий в организации путем методов систематизации и выбора наиболее оптимального решения. Увеличение масштабов экономики и постоянное усложнение ее структуры, постепенное сокращение потребляемых ресурсов, увеличение стоимости реализации проектов, возрастание «цены» неоптимальных решений, принимаемых людьми, – все это делает актуальным вопросы повышения эффективности всех аспектов деятельности. А это, конечно же, невозможно без использования современных методов системного анализа.

В настоящее время системный анализ в изучении политических процессов имеет очень широкое применение – изучаются военные конфликты, факты политического насилия, общественных демонстраций и динамика международных переговоров. Однако одной из сложнейших задач оказывается не сама процедура системного анализа, а завершающая его стадия – внедрение результата на практике. Для наиболее сложных социальных систем иногда не удается четко выделить этапы внедрения, настолько быстро меняется современная социальная окружающая среда.

Пример внедрения результатов системного подхода для оптимизации деятельности: завод выпускает различные виды оборудования. Резкие

колебания спроса на этом заводе приводят к неравномерной эксплуатации оборудования, поэтому администрации приходится то сокращать персонал завода, то снова нанимать квалифицированных рабочих. Данная проблема снижала производительность труда, а, следовательно, и размеры прибыли завода сокращались.

Один из способов решить проблему системным аналитиком заключается в следующем: на первый план функционирования завода выходит, равномерность загрузки оборудования, а не максимизация прибыли. Например, пусть из всех видов оборудований будут выбраны два вида, максимум спроса на которые отличается зимой и летом. Оба вида продукции будут производиться на однотипном оборудовании, что позволит стабилизировать персонал, повысить производительность труда и, наконец, увеличить прибыль.

Человек является неотъемлемой частью и самым активным элементом социально-экономических и политических систем, поэтому этим системам присущи закономерные свойства:

- уникальность и непредсказуемость поведения системы в конкретных условиях, так как индивидуальные характеристики трудно поддаются формализации;

- ограниченные экономические ресурсы обуславливают предельные возможности системы;

- способность адаптироваться к изменяющимся условиям, что является в различных ситуациях положительным либо отрицательным свойством;

- способность и стремление к формированию целей внутри системы;

- способность изменять свою структуру и формировать различные варианты поведения, сохраняя целостность;

- наличие большого числа факторов различной природы, являющихся предметом исследования разных областей знаний;

- способность противостоять разрушающим систему тенденциям, благодаря обмену материальными, энергетическими и информационными ресурсами со средой.

С течением времени, в результате технического прогресса, перехода от административно-командных к рыночным методам хозяйствования, повседневная наша жизнь стала намного легче, с одной стороны, а с другой порядком сложнее. Теперь принятие решений на всех уровнях хозяйствования стоит очень дорого, это и рабочие места, миллионы людей, целые предприятия и даже государства зависят от принимаемых решений. Поэтому прогнозирование, на сегодняшний день, это неотъемлемая составляющая любого решения. Теперь резко изменились представления о значимости, возможностях и необходимых масштабах прогнозирования и, конечно же, значительно ужесточились требования к точности и надежности производимых прогнозов.

Стоит отметить, что на сегодняшний день, возникают проблемы повышения уровня качества экспертных прогнозов при управлении, как социальными, так и экономическими системами. Так мы можем говорить, что

это развивающаяся система, необходимая современному обществу. Роль и место прогнозирования на основе мнений экспертов и непосредственных руководителей за последнее время возрастает год за годом. Мало какая организация не прибегает к услугам экспертов прогнозирования при принятии решений. Во всех сферах общества, на всех уровнях хозяйствования экспертное прогнозирование заняло устойчивую нишу, и теперь любая организация, начиная с маленькой фирмы и доходя до государства, прибегают к прогнозированию результатов при принимаемых решениях.

Безусловно, в различных социально-экономических условиях прогнозирование может играть значительно разную роль. Эта роль зависит и от характера непосредственного управления, и от типа ответственности за принятое решение, и от многих других признаков, доходя и до уровня демократии и даже менталитета в обществе.

Так почему же прогнозирование в последние годы так необходимо и набирает всю большую популярность?! Прежде всего, возрастающий интерес к прогнозированию обусловлен увлечением роли объективных критериев при оценке достижений современной науки и техники, также, стоит отметить, что совершенствование технологий во всех отраслях экономической и социальной жизни общества сподвигли нас на все большую четкость и определенность в деятельности. Также необходимо обратить внимание на то, что резко возрастают масштабы негативных последствий от ошибочных разрешений задач на основе неполных или неверных экспертных решений.

Главная специфика технологии экспертного прогнозирования состоит в том, что она представляет, описывает в виде алгоритма деятельность всех субъектов, участвующих в разработке экспертного прогноза, и поэтому может быть многократно использована, тиражирована для решений сходных прогнозных задач. Конечно, для повышения качества решений, принимаемых на основе экспертных оценок, необходимо использовать весь комплекс всевозможных мер, способствующих этому на всех этапах принятия решений. Но и настоящее состояние данной отрасли представляет собой конкурентоспособную систему, готовую расти и развиваться.

Системный анализ экспертного прогнозирования используется тогда, когда затруднительно или совсем невозможно выполнить прогноз с помощью статистических методов, а также с использованием специальных экономико-математических моделей, либо, когда желательно разработать прогноз с помощью нескольких подходов. Жизнь современного человека сопряжена с принятием решений, а в том случае, если этот человек управляет другими людьми у него появляется больше ответственности, и за каждое принятое им решение будут происходить соответствующие последствия. Для того, чтобы обезопасить себя и ту организационную структуру, где все они работают, существует огромное множество методов прогнозирования. Прогноз, как все мы знаем, это конкретное предсказание, суждение о состоянии какого-либо явления в будущем на основе специального научного исследования. В свою очередь, прогнозирование – это непосредственный процесс разработки данного

прогноза. Чтобы получить четкую и полную информацию о будущем, необходимо изучить законы развития хозяйствования в данной сфере, определить причины и движущие силы его развития. В качестве основных движущих сил развития производства выступают социальные потребности, технические возможности и экономическая целесообразность. В соответствии с этим можно указать на три основные задачи планирования и прогнозирования: установление целей развития хозяйства; изыскание оптимальных путей и средств их достижения; определение ресурсов, необходимых для достижения поставленных целей.

Прогнозирование должно иметь системный характер. Такая потребность системного подхода в прогнозировании обусловлена особенностью развития современных науки и техники, в период научно-технического прогресса. Из-за постоянно меняющихся задач и последующих решений происходит рост количества элементов, объектов прогнозирования, усложнение связей между ними и поведение внешних и внутренних факторов.

Конечно, современные машины обладают иерархичной, сложной структурой, это большие технические системы, в разрабатываемых технических комплексах конструкции отдельных входящих элементов которой, должны быть подчинены общей цели, ради которой создается система, т. е. должна быть обеспечена единая стратегия поведения технической системы. Создание таких больших технических систем вызвало, в последствии, возникновение больших организационно – экономических систем, которые охватывают множество предприятий, которые объединены выпуском определенного технического комплекса. Так стремительно растущие темпы развития науки и техники, возникновение модернизированных организационно – экономических систем привели к росту поступающей информации и увеличению уровня нерегулярности ее поступления. Все эти факторы потребовали усовершенствования методов планирования, создания системы планирования. Важнейшим критерием системного подхода выделяют комплексность прогнозов и непрерывный характер процесса планирования. Такой подход предусматривает взаимосвязь элементов прогноза, как в пространстве, так и во времени. Последнее представляется принципом непрерывности планирования, в свою очередь взаимосвязь в пространстве выражается в установлении рациональных отношений между хозяйствующими отраслями, нахождение оптимального соотношения между изменяющимися темпами развития науки и технического прогресса и промышленного производства, баланс потребностей и ресурсов.

Вернемся к технологии экспертного прогнозирования как объект системного анализа. Главной целью экспертных прогнозов является принятие необходимого решения, а лицо, непосредственно принимающее это решение, может делать это на основе своих собственных суждений, а может прибегнуть к помощи специалистов. На сегодняшний день, остро стоит необходимость не просто принимать решения на основе собственных суждений и суждений

экспертов, а на основе специалистов в области прогнозирования, методологического и методического, то есть к прогнозистам.

Увеличение числа действующих субъектов, которые учувствуют в разработке прогнозов, а также современный подход к методике экспертного прогнозирования через призму системного анализа, вот что даст толчок к развитию прогностики. Так, с развитием этой отрасли, посредниками между людьми, непосредственно принимающими решения и экспертами, станут специалисты, знающие практику экспертных оценок, огромное количество методов прогнозирования, не забывая о математических методах, найдут взаимосвязь с реальными задачами поставленных экспертиз.

Безусловно, всем известно, что при системном подходе к объекту прогнозирования и другим системам, работа этих методик идет намного точнее и слаженнее. Проявление этой системности выражается в разграничении объекта экспертизы, в установлении четких рамок, границ, в четкости обосновании задач и целей экспертного прогнозирования, в выявлении четких взаимосвязей внешних связей исследуемого объекта. Не стоит забывать, что все эти шаги предпринимаются, как элемент общего процесса принятия решения с последующим его обоснованием.

При прогнозировании происходит ответ на множество вопросов, яркими примерами будут вопросы: «как» и «почему». Как можно заметить, это два разных вопроса по сложности и по уровню значимости. Сам факт существования этих разновидных вопросов дали основу существованию таких понятий, как: эксперт, заключение эксперта и группа экспертов. Так как очень сложно ответить однозначно, и сразу найти правильное решение не всегда представляется возможным, существует огромное количество методик получения решения и оценок от компетентных экспертов, групп экспертов в ходе прогнозирования.

Конечно, в процессе прогнозирования, в ходе работы приходится отвечать на огромное количество вопросов для нахождения наиболее верного прогноза. Эта модель, представленная мною выше может быть применена к другим вопросам. В принципе, она может считаться почти универсальной. Вообще, по форме своей вопросы могут быть совершенно разные, они могут быть как закрытые, так и открытые и даже полуоткрытые. Также существует ряд функциональных критериев. На практике же часто встречаются именно смешанные виды вопросов.

Сам прогнозист, на основе своего опыта, знаний и информации, полученной от лица, непосредственно принимающего решение, должен выбрать наиболее эффективный метод решения данного вопроса. На основе выбранной информации, при ответе на вопросы, экспертной группы и экспертов, полученные экспертные заключения и будут составлять основу прогноза.

Таким образом, мы можем говорить, что деятельность по получению высококачественного прогноза носит в какой-то степени творческий характер, зачастую способы ее обеспечения уникальны и направлены на решение

конкретных прогнозных задач, и в большей степени почти не поддаются алгоритмизации. Стоит отметить, что статистические методы и моделирование представляют собой основные инструменты, применяемые в прогнозировании в социально-экономической сферы. Так что процесс экспертного прогнозирования как объект системного анализа – это конкурентоспособная и эффективная технология.

Стоит отметить, что на сегодняшний день, возникают проблемы повышения уровня качества экспертных прогнозов при управлении, как социальными, так и экономическими системами. В том случае, если будет привлечено больше внимания к этой системе, и проработка ее как объекта системного анализа будет происходить именно в этом русле, вскоре мы увидим огромное множество эффективных систем поиска решений. На сегодняшний день мы можем говорить, что это развивающаяся система, необходимая современному обществу. Роль и место прогнозирования на основе мнений экспертов и непосредственных руководителей за последнее время возрастает год за годом. Мало какая организация не прибегает к услугам экспертов прогнозирования при принятии решений. Во всех сферах общества, на всех уровнях хозяйствования экспертное прогнозирование заняло устойчивую нишу, и теперь любая организация, начиная с маленькой фирмы и доходя до государства, прибегают к прогнозированию результатов при принимаемых решениях.

Таким образом, системный анализ технологии экспертного прогнозирования, который найдет свое применение во многих сферах общественной жизни людей, при управлении социальными и экономическими системами, это сильная и перспективная система поиска решений.

Существенная особенность системного анализа, отличающая системный анализ от других типов исследовательских систем, – разработка и использование инструментов, облегчающих формирование и сравнительный анализ целей и функций систем управления данными. Методы управления формированием и изучением структур, целей, структур данных основаны на сборе и обогащении опыта специалистами, которые накапливают необходимый для решения проблем опыт на конкретных примерах фирм и организаций, процессах, вопросах и структурах. Необходимое условие для грамотного применения системного подхода является знание теоретических основ и практическое применение системного анализа и методов математической логики. Но только в практическом подходе к решению современных проблем невозможно учесть всю полноту полученных данных.

Системный анализ находит применение во все большем количестве областей нашей жизни. Он применяется для выяснения причин сложностей, возникших у какой-либо системы, пути её развития, причем при правильном анализе предприятие может найти совершенно неожиданный выход из той или иной сложившейся ситуации. Системный анализ – современное научное направление интеграционного типа, которое разрабатывает системную методологию принятия решений и занимает определенное место в структуре

современных системных исследований. Таким образом, у системного анализа большое будущее. Он и дальше будет развиваться и будет не менее востребован чем сегодня. Только изучив все аспекты применения системного анализа, приходит понимание объема работ, проведенного огромным количеством людей. Понимание, как много сил было вложено в исследования в данной области. И как много было достигнуто за годы его существования. Мы зачастую не видим применение системного анализа в своей повседневной жизни, и именно это показывает, что он работает. Как только где-то происходит сбой, мы тут же начинаем говорить о том, что система не доработана.

Литература

1. Толпегина, О.А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: Учебник для бакалавров / О.А. Толпегина, Н.А. Толпегина. - М.: Юрайт, 2013. - 672 с.
2. Чикатуева Л.А. Системный анализ прогнозных оценок показателей эффективности деятельности предприятий малого бизнеса // Terra economics. – Том 10, № 1, часть 3.- 2014.- С. 137-141;
3. Орехов А.М. Методы экономических исследований: Учебное пособие /. - 2-е изд. - М.: НИЦ Инфра-М, 2013. - 344 с.
4. Ракитов А.И., Бондяев Д.А., Романов И.Б., Егерев С.В., Щербаков А.Ю. Системный анализ и аналитические исследования: руководство для профессиональных аналитиков. - М., 2009. - 448 с.
5. Методы динамического анализа экономики: Учебное пособие / Л.Ф. Петров; Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова. - М.: ИНФРА-М, 2010. - 239 с.

Карасёва Л.А.

О СИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Тема секции, в рамках которой исследуются методологические проблемы кризиса глобализации и его системных последствий, предопределяет необходимость сосредоточения внимания участников дискуссии на целом ряде ключевых вопросов. Эти вопросы продиктованы продолжающимся кризисом глобализации, а также подняты в целом ряде научных публикаций, появившихся за последние пятнадцать лет, посвященных исследованию системы производственных отношений современного капитализма, развернувшемуся кризису глобального капитала. Речь идет, в первую очередь, о фундаментальных трудах: А.В. Бузгалин, А.И. Колганов «Глобальный капитал» [1, 2]; В.Т. Рязанов «(Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России» [10]. Отрадно, что попытку осмыслить основные тенденции и противоречия глобальной экономики, а также геополитические трансформации, оказывающие влияние как на весь мир в целом, так и на Россию, предпринимают и молодые ученые. Примером может служить монография Т.С. Малаховой «Кризис глобальной экономики: тенденции и противоречия» [7].

Это не только вопросы, связанные с *методологическими проблемами раскрытия фундаментальных оснований современного экономического*

кризиса, исследования исторической перспективы капитализма как системы хозяйства и судьбы глобализации в посткризисный период.

Это и принципиальный вопрос о месте политико-экономического исследования в понимании сложных, противоречивых и многообразных парадоксов и проблем современной мировой экономики. Новые качественные перемены и сдвиги в её хозяйственном устройстве обнаруживают себя не только в деиндустриализации экономик ведущих стран мира, но и в сфере обращения глобальной экономики, в ее финансовой и институциональной системах, социальной структуре. Существующие концептуальные подходы к обоснованию вызовов и противоречий в функционировании и развитии национальной и зарубежных экономических и хозяйственных систем, требуют проблематизации и уточнения.

Это и *проблематизация действующего хозяйственного механизма*, обнаруживающего свои изъяны в системном кризисе мировой экономики. Однако эти проблемы не могут быть разрешены без экономико-теоретического осмысления объективной социально-экономической природы, структуры хозяйственного механизма и его адекватного организационно-экономического и институционального субъективного оформления.

Наконец, не линейная сложность взаимодействия хозяйственных процессов, происходящих в современной мировой экономике, многовариантность их влияния на ее развитие актуализируют *недопустимость аспектного подхода* к ее исследованию, а, следовательно, требуют более пристального внимания к системному подходу в исследовании экономики. Системный подход к анализу экономических отношений и противоречий глобальной экономики предопределяет *необходимость реактуализации классической политической экономии на основе критического анализа ее методологического потенциала*, учитывая достижения *нового направления современной политэкономической школы*, которое заявило о себе как «постмарксистский синтез» [10], «неомарксистский синтез» [8].

Попытаемся проанализировать возможности и проблемы системного анализа экономических отношений и противоречий глобальной экономики. При этом мы будем опираться на методологию структурных уровней [3], реализующую один из подходов системного исследования, а также на критическое прочтение уже названных – фундаментальных по масштабности и глубине исследования, качеству поднятых в них вопросов – работ.

В первую очередь оттолкнемся от методологических оснований исследования экономических отношений и противоречий глобальной экономики. Как справедливо замечают авторы монографии «Глобальный капитал» А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, мировой экономический кризис «не подсказал» ничего такого, что не говорилось бы ранее. Он всего лишь *вновь* указал на поиски принципиально иной и в экономической, и в других социальных теориях – парадигмы, лежащей «по ту сторону» не только монетаризма, не только неоклассики в целом, но и ... – методологии исключительно квантифицируемых функциональных связей, верифицируемых

при помощи обращения к статистике или иным эмпирическим данным, являющейся калькой с естественнонаучной позитивистской методологии [1, с. 422]. По мнению авторов, «критически осмысленный, рассматриваемый во всем богатстве противоречий, ... живой, творческий марксизм есть конкретно-всеобщее единство философско-методологический оснований и содержательной теоретической парадигмы всех общественных наук» [1, с. 16].

В.Т. Рязанов в своей работе отдает приоритет «...классической политической экономии, накопленный методологический багаж которой вполне применим к современному кризисному состоянию общества...». И далее, «... экономическая классика, ориентированная на изучение сущностных отношений и внутренних противоречий в их связи с экономическими интересами, формирует целостное мировоззрение, важное для ее познавательного и прогностического потенциала» [10, с. 10]. Вместе с тем автор отдает должное и новому направлению современной политэкономической школы, «которое можно обозначить как *постмарксистский синтез* и прежде всего в его марксистско-кейнсианской версии», считая, что оно «располагает серьезным аналитическим арсеналом в изучении кризисов» [10, с. 10].

В своем анализе В.Т. Рязанов пытается объединить методологию Маркса с целым рядом других исследовательских школ, не отбрасывая то новое, что каждая из них привносит в понимание и решение хозяйственных проблем развития капитализма, связанных с экономическими кризисами, и побуждающими к переосмыслению теоретических взглядов и хозяйственной практики.

Профессор Д.Ю. Миропольский, видя реализацию предмета экономической теории именно как науки, а не как идеологии во всех ее вариантах через «познание экономики как системного целого», считает, что «...сделать в этом направлении очередной шаг можно, только синтезировав осколочные представления предшествующих теорий в новую, менее осколочную, более универсальную» [8, с. 132]. Для профессора это *неомарксистский синтез* как универсальная теория преодоления односторонности марксизма и маржинализма [8, с. 131].

Даже из такого краткого обзора видно, что, во-первых, ученые солидарны в возможности использования наследия классической политической экономии, как и в том, что она требует критического осмысления и развития, потенциал которого заложен в ее методе. Во-вторых, – «для научных исследований и образования в области экономики, адекватных «вызову» качественно изменяющегося глобального мира, необходимы подлинное равноправие и диалог научных школ, языков и методов» [1, с. 391]. Но остается методологический вопрос о том, *в чем суть реализации междисциплинарного подхода, методологии и теории различных школ и направлений в исследовании хозяйственных систем? Какова методология синтеза, представленного в новых направлениях экономической теории?*

Безусловно, это тема самостоятельного исследования, но обозначая ее, мы хотим не только обратить внимание на эту проблему, но и на опасность упрощенного понимания «синтеза» в виде «*мичуринского скрещивания*» или в виде *аспектного похода* к исследованию хозяйственных систем, проблем глобального капитала. Последний (аспектный подход) в последние годы получил очень широкое распространение в научных публикациях, особенно молодых ученых (технологический, организационный, институциональный, и др.). Но достаточен ли он в исследовании реальных и сложных хозяйственных процессов глобальной экономики, которые носят системный характер?

В рамках поставленных вопросов актуализируются два типа подходов к исследованию глобальной экономики и глобального капитала: *генетического*, с одной стороны, и *структурного-уровневого* – с другой; и *структурного-уровневого*, с одной стороны, и *функционального*, – с другой. Генетический подход позволяет рассмотреть «связи и отношения между теми же элементами, но в том порядке, как они возникли исторически (генетически) в ходе развития данной системы» [6, 27]. Но становление новых связей и отношений – процесс, а, следовательно, принципиально важно исследовать «накопление» их нового качества на ключевых этапах этого процесса.

Именно поэтому, участвуя в 2012 году в заочном круглом столе по статье А. М. Новиковой, В. И. Певтиева и Л. А. Титовой «Вызовы глобализации: концептуальные заметки» [9], мы обратили внимание авторов на необходимость познания технико-экономической и социально-экономической основы глобализации, изменений в механизме реализации становящейся социально-экономической сущности глобального капитала на разных этапах ее становления. В частности, мы писали: «Авторы совершенно справедливо указывают на роль финансовой глобализации и финансового капитала в исследуемом процессе. Однако, по нашему мнению, требуют серьезной теоретической проработки и детализации такие вопросы, как 1) изучение особенностей социально-экономической природы финансового сектора экономики и механизма, каналов связи его с реальным сектором в воспроизводственном процессе на современном этапе; 2) анализ спекулятивного финансового капитала как элемента финансового сектора и его влияния на реальный сектор экономики; 3) оценка характера взаимосвязи между финансовым и реальным секторами глобальной экономики и т.п. Представляется, что без глубокого теоретического осмысления указанных вопросов невозможно раскрыть особенности и механизм современного этапа процесса глобализации экономики, форм ее проявления» [4, с. 63].

Еще в 1979 году профессор А.А. Сергеев обратил внимание на то, что системы, возникающие на основе генетического (с точки зрения развития) и структурного (с точки зрения функционирования) подходов, непосредственно не совпадают. Структура функционирования системы лишь в «снятом», преобразованном виде воспроизводит историю системы, а связи функционирования не сводятся непосредственно к генетическим связям [11, с.17]. Но процесс функционирования экономических отношений сложен тем,

что, с одной стороны, он связан с механизмом осуществления экономических отношений как таковых, а, с другой, – отражает реализацию механизма «жизни» внутренней структуры отношений во внешней среде. Именно поэтому так актуальна проблема исследования механизма реализации экономических отношений, если исследователь заявляет об использовании системного подхода.

Участвуя в дискуссии на Международном круглом столе «Политическая экономия сегодня» (Москва, Финансовый университет, 05 декабря 2017 г.), мы отмечали важность развертывания социально-экономической сущности социально-экономических отношений по структурным уровням их функционирования, что, по нашему мнению, дает «вертикальный разрез» их объективного механизма функционирования. Нам представляется это важным в двух смыслах. Во-первых, без опосредования организационно-экономическими, институциональными и собственно хозяйственными отношениями (хозяйственные подуровни) экономические отношения осуществиться (реализоваться) не могут. Во-вторых, механизм выражает предопределенность (заданность) норм хозяйственных подуровней социально-экономической природой экономической системы.

Противоположностью объективному механизму функционирования экономических отношений выступает действующий субъективный хозяйственный механизм. Исследование их взаимодействия позволяет обнаружить характер и механизм связи экономической теории с практикой управления экономикой, в которой экономические отношения осуществляются через хозяйственную деятельность субъектов экономики, реализующих свои хозяйственные интересы.

Яркой иллюстрацией эффективности анализируемых подходов к исследованию глобальной экономики и глобального капитала является анализ становления ГМК–2 (глобально-монополистического капитализма) как перехода к нему от ГМК–1 (государственно-монополистического капитализма) через исследование финансового капитала, представленный в труде В.Т. Рязанова. По мнению автора, финансовый капитал, «будучи перенацеленным с производства жизненных благ на производство денег», в условиях дерегулирования финансовых рынков, информационно-компьютерной революции (глобализации коммуникаций) при поддержке принципов либерализма породил новую хозяйственную систему в виде глобального капитализма. Объективно через процессы финансиализации, долговую проблему, виртуализацию производства и потребления, он «превратившись в «параллельный мир», распространяясь практически на все глобальное экономическое пространство», подчинил его своим иррациональным принципам [10, с. 6-7].

Но в данном исследовании важно и другое. Автор, рассматривая глобализацию как объективное явление, отражающее процессы усиления взаимосвязи между странами и возрастание роли мировых рынков, исследует этот процесс *в единстве организационно-экономических, институциональных и*

собственно хозяйственных форм его проявления. В этом отношении важное место уделено анализу формирования «влиятельного союза мощных сил ..., заинтересованных в форсировании глобализации экономики, в подстегивании тенденций укрепления мирохозяйственных связей» [10, с. 36]: носителей «духа глобализма» – ТНК; национальных правительств стран базирования транснационального капитала; международной бюрократии – нового носителя политики глобализма [9, с. 36–37]. Опираясь на работы отечественных и зарубежных авторов, В.Т. Рязанов приходит к важному выводу о том, что этот окрепший «тройственный союз», во-первых, формирует целый ряд институтов, наднациональных органов, охватывающих весь мир. Во-вторых, экономическая глобализация «все сильнее трансформируется в способ навязывания миру субъективной по своей природе политической воли, принявшей на практике вариант америкоцентричной модели глобализма, а в ее экономической версии – долларо-центричной валютно-финансовой системы» [10, с. 39].

Методологически, по нашему мнению, этот вывод принципиально важен в двух моментах. Во-первых, закономерно, что *противоречие между субъективно установившейся институциональной структурой, поддерживающей интересы и «теневую власть» глобалистов, и объективной социально-экономической природой процесса глобализации, требующей учета и реализации и национально-государственных интересов, приводит к возникновению узла противоречий в глобальной экономике.*

Во-вторых, – для понимания того, что экономические отношения могут осуществиться только через хозяйственную деятельность людей, через их субъективное восприятие объективных экономических интересов, действующих институциональных формальных и неформальных норм, формирующих рамки их хозяйственного поведения. *В долгосрочном периоде воспроизводство спонтанно родившихся хозяйственных норм поведения субъектов экономики, может превратить их в институциональные нормы, существенно влияющие на объективные основания протекания хозяйственных процессов.*

Обратим внимание еще на одну методологическую проблему – соотнесения выявления сущностных и причинно-следственных связей в экономике с реально происходящими общественно-хозяйственными процессами. Так, в интересной уже упоминавшейся работе Т. С. Малаховой «Кризис глобальной экономики: тенденции и противоречия» молодой ученый продемонстрировал корректную и грамотную работу с научными источниками и статистикой, умение систематизировать материал, схематизировать и моделировать связи и процессы. Но в этом нам видится и достоинство, и некая незавершенность работы. Речь идет о том, что за этим массивом информации, выявленными новыми хозяйственными процессами важно было усмотреть и исследовать те системные трансформации, которые претерпевают социально-экономические отношения глобальной экономики, диктуя организационно-экономические, институциональные новые нормы и формы, которые часто вступают в противоречия с субъективно устанавливаемыми правилами игры

«сильных мира сего». Вместе с тем, ориентация на абстрактно-теоретические или предельно формализованные модели превращает теоретические системы «в разновидность экономической идеологии, утрачивая способность к непосредственному применению в хозяйственной практике» [10, с. 170]. Это еще одно важное доказательство необходимости системного исследования как единства структурно-уровневого и функционального подходов к познанию экономических отношений и противоречий глобальной экономики.

Наконец, методологически выделим знаменательный для нас еще момент в исследовании глобальной экономики. Он связан с идеей В.Т. Рязанова о том, что «при... спекулятивной модели экономики инвестиционное поведение экономических агентов, как и в целом хозяйственная деятельность, подчиняются уже не столько экономическим законам и принципам, сколько законам психологии, которые ... все чаще имеют дело с примерами не рационального, а иррационального поведения» [10, с. 226]. И далее: «можно уверенно констатировать, что классическая модель *Homo Economicus* сменилась вариантом *Homo Speculativus*» [10, с. 226]. Мы посмели в статье «Реальный и значимый труд о (не) реальном капитале» в данном случае вступить в дискуссию с уважаемым профессором. В частности, мы обратили внимание на то, что примененный субъектный подход может быть реализован как субъектно-объективный и субъектно-субъективный. Новая модель *Homo Speculativus*, став элементом институциональной структуры, объективно отражает изменения в социально-экономической природе функционирующего капитала. Она возникла как результат рационального существования хозяйствующих субъектов в данной хозяйственной системе, как реакция на самоподдерживающиеся механизмы финансовых рынков, на дерегулирование национальных рынков, глобальную дезорганизацию хозяйственной деятельности с избыточными рисками и высокой неопределенностью. Именно поэтому деятельность хозяйствующих субъектов по экономическому критерию приобретает мнимый характер [5, с. 260].

Подводя итог, заметим, что нами были выделены методологические проблемы системного исследования глобальной экономики, носящие дискуссионный характер, и требующие широкого обсуждения, на которое очень надеемся.

Литература

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Глобальный капитал». В 2-х т.т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и суц. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 640 с.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Глобальный капитал». В 2-х т.т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. Изд. 3-е, испр. и суц. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 912 с.
3. Карасёва Л. А. Метод структурных уровней в познании экономических отношений: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т. 2011. 172 с
4. Карасёва Л.А. Исследование глобализации экономики в единстве генетического и структурно-уровневого подходов. //Вестник Ивановского государственного университета. Вып. 3 (18). 2012. С. 63 – 64.
5. Карасёва Л.А. Реальный и значимый труд о (не) реальном капитале. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 3. С. 249-263.

6. Кедров Б.М. Кедров Б.М. Методологические проблемы естествознания // Материалы к симпозиуму «Диалектика и современное естествознание». – М. 1966. Вып. 4. С. 38–58.
7. Малахова Т. С. «Кризис глобальной экономики: тенденции и противоречия» /Т.С. Малахова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. 210 с.
8. Миропольский Д.Ю., Попов А.И. Марксизм и маржинализм: неомарксистский синтез – методологическая основа создания новой модели развития хозяйственной системы // Вестник ВСГУТУ. 2016. № 5 (62). С. 125-134.
9. Новикова А. М., Пефтиев В. И., Л. А. Титовой «Вызовы глобализации: концептуальные заметки». // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). № 3. 2012. С.69 – 73.
- 10.Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016. 695 с.
- 11.Сергеев, А.А. Структура производственных отношений социализма / А.А. Сергеев. – М.: Наука, 1979. – 240 с.

Кукина Е.Н.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭКОНОМИКИ А.В. ЧАЙНОВА

Существующие в настоящее время модели множественности путей развития национальных экономик являются альтернативами в понимании развития мирового хозяйства как универсального, линейно – поступательного и стадийного процесса. К таким альтернативным основному мейнстриму концепциям относятся модели, отражающие параллельный, циклический характер социально-экономического развития. Наиболее известные из них: модель азиатского способа производства (восточного деспотизма); цивилизационные подходы (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби); идеи матричного развития, воплощенные в моделях мир-экономики Ф. Броделя и И. Валлерстайна; модели внесистемных форм хозяйствования (эксполярной экономики).

По мнению Т. Шанина, предложившего термины «эксполярной экономики», «эксполярных форм (структур)», эксполярность имеет исторический и когнитивный аспекты. Первый связан с пониманием хозяйственной жизни в социальном пространстве неурбанизированных локальных территорий. Второй связывает понятие с социально-экономическими образованиями, находящимися вне основных полюсов: социалистического планового хозяйства – государства, государства – рынка. Такие образования относятся к неформальному сектору, они достаточно автономны, имеют конкретные исторические формы, сохраняют свою целостность, внутреннюю упорядоченность, способность к саморегулированию. Несмотря на автономию, они способны оказывать влияние на доминирующую среду [3, 14-16].

По мнению ученых, эксполярные социальные структуры характеризуются рядом специфических черт:

– специфические регулятивы, где регулятором выступают культурные нормы, а не законы рынка и цели (нацеленность на выживание, а не накопление капитала; направленность на обеспечение занятости, а не максимизация средней прибыли);

– индивидуальное и групповое поведение субъектов этих структур основываются как на рациональном, так и ценностно-рациональном действии, или следовании стереотипам, имеющих архаический характер;

– организация социальной и хозяйственной жизни носит неформальный и персонифицированный характер;

– основой эксплоярной организации социальной жизни являются социальные сети, основанные на родственных, соседских и этнических связях, направленных на воспроизводство не только конкретного домохозяйства (семьи) и ее окружения, но и более широкомасштабных социальных организаций;

– особенностью эксплоярного взаимодействия является инкорпорированный в экономику быт: будучи экономически значимыми, такие взаимоотношения несут в себе неэкономические детерминанты как на личном, так и социальном уровнях;

– особенности генезиса и сходство с принципами организации архаических обществ [1, 136-138].

Одной из таких эксплоярных, вненесистемных форм (традиционных укладов), является крестьянское хозяйство. А.В. Чаянов писал: «одними только категориями капиталистического экономического строя нам в нашем экономическом мышлении не обойтись хотя бы уже по той причине, что обширная область хозяйственной жизни, а именно ее аграрная сфера производства, в ее большей части строится не на капиталистических, а на совершенно иных, безнаемных, основах семейного хозяйства, для которого характерны совершенно особые мотивы хозяйственной деятельности, а также специфическое понятие рентабельности» [2, 114].

Под крестьянским трудовым семейным хозяйством А.В. Чаянов понимает семью крестьянина или ремесленника, не использующую наемный труд, а только труд входящих в нее членов даже и в том случае, когда этот признак не четко выражен.

А.В. Чаянов создал особую теорию трудового семейного предприятия, по своей мотивации отличающегося от мотивации предприятия, организованного на наемном труде. Главным отличием является то, что предприниматель и рабочий в семейном трудовом хозяйстве соединены в одном лице. Семья в результате затраты годовичного труда получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с получаемым материальным результатом. А.В. Чаянов пишет: «Мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему определять время и напряжение своей работы» [2, 203].

В основополагающем труде А.В. Чаянова «Организация крестьянского хозяйства», изложена не только политэкономическая сущность организационно-производственной концепции крестьянского трудового семейного хозяйства, но и его морально-нравственные основы.

В первой главе автор устанавливает связь размеров семьи и объема хозяйственной работы. «В семейном хозяйстве, не прибегающем к наемному труду, запас рабочей силы, ее состав и степень трудовой активности всецело определяются составом и размером семьи» [2, 214]. Крестьянская трудовая семья понимается им как «кооперация рабочих и потребительских единиц» и как «производящий аппарат». Именно семейным составом своих работоспособных членов определяются «высшие и низшие пределы» объема хозяйственной деятельности, где «возможный наивысший предел объема хозяйства зависит от размера той работы, которую могут дать эти рабочие силы при наибольшем своем использовании или напряжении». В той же мере низший объем хозяйства определяется той суммой материальных благ, которые абсолютно необходимы для самого факта существования семьи. А.В. Чаянов подчеркивает, что рост семьи «дает возможность применять в работе принципы сложной кооперации» [2, 215].

Во второй главе А.В. Чаянов рассматривает условия, которые «определяют собой степень самоэксплуатации рабочих сил трудовой семьи». В силу особенностей земледельческого процесса «кривая напряжения труда в сельском хозяйстве всегда дает неравномерное развитие», нормы напряжения труда значительно ниже его полного использования. Он выделяет два фактора, влияющих как на меру самоэксплуатации трудовых сил крестьянской семьи, так и на объем трудового хозяйства:

– ее внутреннее строение с позиции меры давления на работников «потребительскими запросами» их семей (отношение числа едоков к числу работников). Чем сильнее давление потребностей семьи, тем большую энергию развивает работник;

– тех условий производства, которые обуславливают собой разную степень производительности труда.

В условиях отсутствия категории заработной платы (она выражается в натуральных единицах затраченного труда), понятие выгоды в трудовом крестьянском хозяйстве строится на субъективных оценках соотношения между чистой производительностью труда как разностной величины валового дохода и материальных издержек. При этом трудовые затраты не «могут быть вычитаемы из материальных элементов формулы и единственно могут быть с ними сопоставлены». Если чистая производительность данной затраты труда выше субъективной оценки его тягостности, значит она признается удовлетворительной и, наоборот.

А.В. Чаянов утверждает, что понятие выгоды зависит от состояния основного равновесия между мерой удовлетворения потребностей и мерой тягостности труда. Если в сметном учете хозяйства основное равновесие не достигнуто, острота непокрытых потребностей еще достаточно остра,

хозяйствующая семья сильнее всего стимулируется к расширению своей работы, мирясь с низкими уровнями его оплаты. Если основное равновесие вполне покрывается сметными соображениями хозяйства, то только очень высокая оплата труда может побудить крестьянина к новым работам. Таким образом, низшая (предельная) из допустимых оплата единицы труда устанавливается в зависимости от общего равновесия хозяйства.

Третья глава работы освещает основные принципы организации крестьянского хозяйства. В ней автор подчеркивает, что сельскохозяйственное предприятие и промысловая деятельность семьи связаны одной системой основного равновесия хозяйственных факторов. Они, соединившись, дают тот синтетический трудовой доход семьи, который, сопоставляясь с её потребностями, и дает основное хозяйственное равновесие. Хозяйство «весь свой неиспользованный труд бросает на промысловые и иные внехозяйственные заработки и противопоставляет своим потребностям весь свой суммарный сельскохозяйственный и промысловый доход, а тягостность его добычи приводит в равновесие с мерой насыщения личных потребностей» [2, 265]. А.В. Чаянов указывает на относительную выгодность промысловой деятельности, определяемой двумя причинами: неравномерным распределением сельскохозяйственного труда по времени и более высокой конъюнктурой оплаты промысловой работы.

Четвертая глава работы содержит анализ конкретных вопросов организации индивидуального крестьянского хозяйства. А.В. Чаянов подчеркивает его приобретательскую природу, говоря, что «хозяйственная семья крестьянина, приступая к организации производства, стремится в конечном итоге в наиболее полной мере удовлетворить свои потребности и обеспечить процессом восстановления капитала дальнейшую устойчивость своего хозяйства с наименьшей для себя затратой энергии». Она стремится обеспечить такие приложения своему труду, которые бы обеспечили наивысшую из всех возможных оплату каждой его единицы» [2, 285]. По мнению А.В. Чаянова критерием, определяющим собой весь характер структуры хозяйства, является степень связанности этого хозяйства с рынком, развитие в нем товарного производства. Далее он сравнивает между собой «почти натуральное» и высокоденежное (льняное) хозяйства. Он отмечает значительное упрощение организационного плана товарного хозяйства, удовлетворение потребностей покупными продуктами, возможность значительно увеличить количество добываемых им ценностей и оплату своего труда. В организационном плане остается только то, что или дает высокую оплату труда, или является по техническим соображениям незаменимым элементом производства.

В отношении организации территории А.В. Чаянов считает, что «в семейном хозяйстве данной величиной является не земля, а трудовые и потребительские элементы семьи, следовательно вопросы организации территории не могут иметь того значения, которое придается земледельческому

хозяйству, построенному на наемном труде. Здесь организация территории есть исходный, определяющий момент в устройении хозяйства»[2, 292].

В пятой главе книги А.В. Чаянов, говоря о капитале подчеркивает, что «капитал как таковой в трудовом хозяйстве подчиняется иным законам кругообращения и играет иную роль в сложении хозяйства, чем на капиталистических предприятиях» [2, 365]. Через анализ влияния внутривладельческого равновесия на процесс капиталообращения (кругообращения) в крестьянском хозяйстве ученый установил, что:

– всякая трудовая семья, располагающая возможностью регулировать площадь своего землепользования, может повышать производительность своего труда, увеличивая капиталоемкость своего хозяйства до известного оптимального для этой семьи уровня. Всякая форсация капиталоемкости за пределы этого оптимального уровня поведет к усилению тягостности труда и даже к падению его оплаты, так как, с одной стороны, повышение расходов на восстановление снашиваемого капитала будет погашать полезный эффект дальнейшей капиталоинтенсификации, а с другой – хозяйственная реализация этого капитала потребует от хозяйствующей семьи большего напряжения труда, чем это допускается равновесием внутривладельческих факторов;

– далеко не все семейные хозяйства работают при оптимальной капиталоемкости. Многие из них ведут хозяйство с пониженной капиталоемкостью и получают пониженную оплату труда. Часто семьи эти несмотря на полное стремление довести капиталы своего хозяйства до оптимальных размеров, сделать этого не могут, так как процесс капиталовосстановления, связанный известным равновесием с процессом удовлетворения личных потребностей, не может достичь размеров, гарантирующих расширенное воспроизводство капитала;

– процессы капиталообразования и капиталовосстановления увязаны в некоторое равновесие с другими процессами семейного хозяйства (напряжением труда, удовлетворением личных потребностей) и в своей силе зависят от развития этих последних. В малоудачные хозяйственные годы процесс капиталовосстановления угасает вместе со снижением личного бюджета и повышением уровня самоэксплуатации рабочих сил семьи, в хорошие годы он ведет к расширенному воспроизводству капитала вместе с повышением уровня личного потребления и понижением напряжения труда.

В шестой главе А.В. Чаянов в сравнительном анализе актуализирует проблему земельной ренты и цены земли. Он утверждает, что «при отсутствии в семейном хозяйстве категории заработной платы как величины, объективно даваемой хозяйству, арендную плату вывести даже исчислительно из доходов семейного хозяйства представляется совершенно невозможным»[2, 398]. Исследование земельной ренты он переносит в плоскость «влияния, которое рентообразующие факторы оказывают в крестьянском хозяйстве на капиталообразование, уровень напряжения труда и личный бюджет в разных условиях семейного состава и землеобеспечения [2, 400]. Он утверждает, что

рентообразующие факторы, порождающие в капиталистическом хозяйстве явления земельной ренты как особого вида нетрудового дохода, в хозяйствах семейных и трудовых вызывают повышение уровня потребления, увеличение силы капиталонакопления и ослабляют меру напряжения труда. Сумма повышения потребления и капиталонакопления не будет количественно совпадать с размерами капиталистической ренты этих же земель и будет зависеть от субъективных особенностей в «сложении каждого хозяйства и общей плотности населения района» [2, 403].

Постановку вопроса о цене земли в соотношении с сущностью капиталистического хозяйства А.В. Чаянов считает невозможным, так как в трудовом хозяйстве отсутствует рента как обособленный реально существующий доход.

В заключительной главе своей работы А.В. Чаянов логически завершает исследование феномена крестьянского семейного трудового хозяйства рассмотрением «вопроса о его месте в системе современного народного хозяйства, о свойствах его как социально-экономического целого, его связях с системой капиталистического хозяйства и уяснения возможных форм дальнейшего развития» [2, 414].

Морфологически крестьянское хозяйство по своей природе имеет разнородный состав по причине социальной дифференциации и влияния демографических процессов роста и распада семей (нисходящие и восходящие потоки в развитии семьи). На динамику размера хозяйств также оказывает влияние и народнохозяйственная конъюнктура. На примере обширного статистического материала А.В. Чаянов делает вывод об обнищании деревни.

А.В. Чаянов принимает во внимание «наличность в деревне элементов капиталистического производства...т.е. наличности в хозяйствах наемного труда, привлекаемого не в помощь к своему, а как базы для получения нетрудовых доходов, наличности кабальных аренд и ростовщического кредита» [2, 426]. Опираясь на статистические материалы, ученый делает вывод о сравнительно малом распространении таких хозяйственных типов («полутрудовых полукапиталистических») и надеется на то, что «трудовое хозяйство, усиленное своими кооперативными организациями, сможет отстоять свои позиции» [2, 428].

А.В. Чаянов признает факт вовлечения сельского хозяйства в общий капиталистический оборот мирового хозяйства посредством попадания под власть торгового капитализма, который «в форме весьма крупных торговых предприятий вовлекает в сферу своего влияния массы распыленных крестьянских хозяйств и, овладев связями этих мелких товаропроизводителей с рынком, хозяйственно подчиняет их своему влиянию и, развивая систему кабального кредита, превращает организацию сельскохозяйственного производства чуть ли не в особый вид раздаточной конторы, построенной на «системе выжимания пота» [2, 429].

А.В. Чаянов приводит примеры вертикальной концентрации сельскохозяйственного производства в условиях капиталистического общества,

происходящих в чисто капиталистических и в кооперативных формах. Ученый указывает на то, что «в кооперативных формах процесс этот идет глубже, чем в формах капиталистических, так как кооперативным формам концентрации крестьянин сам передает такие отрасли своего хозяйства, которые капитализму никогда не удастся оторвать от крестьянских хозяйств в процессе борьбы» [2, 436].

На протяжении всего исследования А.В. Чаянов выстраивает систему морально-нравственных принципов крестьянского семейного трудового хозяйства, подчеркивая его антикапиталистическую ментальность.

Семейно-трудовой организационной сущности крестьянского хозяйства свойственна психология трудопотребительского баланса, а не стяжательства. Автор указывает, что эта психология замечена эмпирически, на основе наблюдений за особенностями хозяйственного поведения крестьянских масс.

Концепт трудопотребительского баланса является тем стержнем, на котором строится антикапиталистическая природа крестьянского хозяйства.

А.В. Чаянов пишет: «Поскольку основным стимулом хозяйственной деятельности трудовой семьи является необходимость удовлетворять потребности её едоков, а главнейшим средством к тому – ее рабочие руки, мы должны прежде всего ожидать, что объем хозяйственной деятельности семьи количественно в той или иной мере будет соответствовать этим основным элементам семейного состава. Основной хозяйственной проблемой трудового хозяйства является правильная и совокупная организация своей годовой работы, стимулируемой единой потребностью семьи в покрытии своего годового бюджета, и единым желанием сбережения или капиталонакопления в случае, если условия хозяйственной работы это допускают» [2, 221].

В организационном отношении в хозяйстве, построенном на наемном труде, стремление к беспредельному расширению ограничивается наличностью капитала и практически беспредельно. В хозяйстве семейном оно, помимо наличного капитала, выраженного в средствах производства, ограничивается рабочими силами семьи и нарастающей тягостностью труда при форсации его напряжения. Выражением механизма этого ограничения потребительских стремлений крестьянской семьи и является трудопотребительский баланс. При высокой производительности крестьянская семья будет стремиться не только к покрытию своих личных потребностей, но и к расширенному воспроизводству капиталов своего хозяйства и к накоплению капитала вообще.

А.В. Чаянов подчеркивает, что выгодность или невыгодность того или иного хозяйственного начинания в крестьянском хозяйстве решается не путем арифметического исчисления доходов и затрат, а чаще всего интуитивным ощущением хозяйственной приемлемости или неприемлемости этого начинания.

Степень напряженности (тягостности) труда или его самоэксплуатации с одной стороны, и мера потребительских запросов семьи, с другой, является факторами достижения основного равновесия в крестьянском хозяйстве.

А.В. Чаянов подчеркивает, что изложенные им принципы присущи не только крестьянскому, но и всякому семейному трудовому хозяйству, в котором работа связана с затратой физических усилий, а заработок пропорционален этим затратам, будь то ремесленное хозяйство, хозяйство кустика или даже любая хозяйственная деятельность трудовой семьи.

По утверждению А.В. Чаянова «крестьянское трудовое семейное хозяйство как организационный тип производящего аппарата существовало исторически и мыслимо теоретически входящим в различные народнохозяйственные системы» [2, 210]. Подчеркнем, что его неизменная семейно-трудовая сущность пронизывает многие современные практики хозяйствования и актуализирует необходимость их изучения и оценки от которой зависит стратегический выбор.

Литература

1. Самсонов В.В. Эксплоярные модели социального взаимодействия в российском обществе: понятие, признаки и генезис / В. В Самсонов // Беларусь и Россия в европейском контексте: проблемы государственного управления процессом модернизации: материалы международной научно-практической конференции, г. Минск, 20-21 октября 2011 г. / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; ред. А.А. Лазаревич [и др.]; рец.: В.К. Лукашевич, С.В. Решетников. – Минск: Право и экономика, 2012. – С. 132 – 140.

2. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редкол. сер.: Л.И. Абалкин (пред.) и др. – М.: Экономика, 1989. – 492 с. – (Экон. наследие).

3. Шанин Т. Эксплоярные структуры и неформальная экономика современной России / Т. Шанин // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М.: Логос, 1999. – С. 11 – 32

Лапинскас А.А., Хайкин М.М., Содномбалова Т.Г.

КОРПОРАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ, ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Одной из ключевых проблем как глобальной, так и российской экономики является определение роли корпораций, с учетом соблюдения и сочетания глобальных и национальных интересов. Как правильно замечено в преамбуле данной конференции, в условиях глобализации «идея формирования «человека-творца» уступила место нежизнеспособной концепции общества потребления, в итоге сводящегося к обществу отчуждения». Мания потребительства искусно подогревается корпорациями (не жалеющими денег на рекламу потребительского образа жизни) с целью удовлетворения собственных интересов, далеко не всегда совпадающих с общественными.

В настоящее время все чаще констатируется факт кризиса глобального капитализма, причины которого также связываются с деятельностью крупных корпораций. Глобальные кризисные явления по разному отражаются в национальных экономиках: например, на российскую экономику они оказывают значительно большее влияние, чем на китайскую. На наш взгляд, это прежде всего связано с диспропорциями в структуре экономики. Соответственно, чтобы Россия вошла в число новых экономических лидеров,

необходимо провести постепенные и последовательные преобразования ее макроэкономической структуры, где важнейшую роль также играют корпорации.

В начале считаем необходимым уточнить терминологию, так как нередко встречаются работы, озаглавленные как «Роль корпорации в современных капиталистических странах», «Кризис глобального капитализма» [см.:11, 12, 13] и т.п. До сих пор преобладают неоклассическое понимание термина «капитализм», в котором он неявно отождествляется с рыночной системой. Однако, «рынок» и «капитализм» - далеко не одно и то же. Идеализированную структуру рынка описал еще А.Смит, тогда как «капитализм» наиболее всеобъемлюще проанализировал К.Маркс. К сожалению, с развалом СССР и мировой системы социализма, марксизм был предан забвению.

Капитализм как система возникает на определенном этапе развития рынка (что свидетельствует о не тождественности данных терминов) и это хорошо отражено в формационном подходе: его рождение можно отождествлять с промышленным переворотом в Англии, в результате которого мануфактуры были заменены фабриками с массовым производством товаров. Маркс различал простое товарное производство и капиталистическое (фабрично-заводское), основанное на широкомасштабной эксплуатации наемного труда – вот главный критерий отличия рыночной системы от непосредственно капиталистической. К признакам капитализма можно добавить нещадную эксплуатацию природных ресурсов, которая в современных условиях глобализации довела все человечество на грань выживания. У рынка и капитализма есть и общие черты – частная собственность, главенство частных интересов над общественными и невмешательство государства и др. (основные постулаты либерализма). Соответственно, капитализм является подсистемой рынка, отодвинувший простое товарное производство, в процессе своего экспансионистского развития на задний план (вторая стадия развития рынка). На современном этапе наблюдаем третью стадию – глобальные транснациональные корпорации отодвинули на задний план национальные, в т.ч. частно-капиталистические и даже государственно-капиталистические субъекты хозяйства.

В целом это означает возобладание интересов крупных корпораций над общественными уже не только в национальном, но и в глобальном масштабе. Прежде всего это проявляется в превращении людей и природных ресурсов, уже в глобальном масштабе, в средство личного обогащения немногочисленной группы лиц и подталкивании всего человечества на грань физического выживания в результате истощения среды обитания.

Современные транснациональные компании, несмотря на свою корпоративную природу, по сути остаются капиталистическими, однако этого нельзя экстраполировать на все национальное хозяйство. Необходимо учитывать, что термин «современные капиталистические страны» – это гипербола (в литературном смысле). Все современные развитые страны обладают экономическими системами смешанного типа, включающем несколько секторов. Все эти сектора можно объединить в два уровня –

1) стратегический (включающий государство и крупные компании) и 2) оперативный, включающий сектора малого и среднего предпринимательства. Корпоративный сектор, сохраняя некоторые важные черты капиталистического предприятия, тем не менее, отличается некоторыми особенностями. С учетом наличия практически во всех современных странах государственного регулирования, приходится констатировать, что термин «капиталистические страны» - явно устарел. Таковые в Европе были преобладающими примерно до I мировой войны, а США – до Великой депрессии, точнее, до внедрения «Нового курса» Ф.Рузвельта.

В частности, Д.Петрас отмечает различия между собственно рыночным и корпоративным сектором: последнее представляет собой «отрицание основного правила «свободно рыночной» капиталистической системы, а именно идеи, что капиталист сам несет ответственность и сам расплачивается за свои потери» [14]. Если в рыночной системе в неоклассическом представлении каждый инвестор и руководитель фирмы полностью отвечают за свои действия и поступки, то в современной глобальной экономике финансовые и промышленные магнаты «более не обязаны оправдывать свою деятельность каким-либо вкладом в общественное благо» [там же]. С учетом того обстоятельства, что в ряде экономически развитых стран государство служит не интересам общества (большинства населения), а в первую очередь крупным корпорациям, современный «смешанный» капитализм можно охарактеризовать как «государственно-монополистический», точнее, как «государственно-олигополистический». По этому поводу Д.Петрас пишет, что «На смену демократии пришло государство корпораций, в основе которого находится «вращающаяся дверь» между казначейством и Уолл-Стритом, перекачивающая общественное богатство в карманы частных финансистов. Произошел полный и окончательный разрыв между общественным благосостоянием и деятельностью финансовых структур» [там же], - имеется в виду перемещение одних и тех же лиц из руководящих постов корпораций в руководящие должности государственных служб.

Д.Петрас, Д.Кларк, Г.Дин, и другие современные экономисты нередко пересказывают или повторяют идеи, ранее высказанные такими авторами, как Дж.Гэлбрейт и Д.Кортен. В целом можно согласиться, что последние внесли весомый вклад в анализ сущности и особенностей корпоративной формы предпринимательства. Ниже вспомним, наш взгляд, основные их тезисы. Дж.Гэлбрейт одним из первых обратил внимание на проблему экономической власти, связанных с процессами концентрации производства, перестройки рыночных структур и рыночного механизма и с возрастанием государственного присутствия в социально-экономических процессах. Он доказывал, что по мере развития корпорации управление ею переходит от акционеров к техноструктуре, что является довольно спорным тезисом. Однако, можно согласиться с тем, что изменились цели деятельности – основной целью становится уже не получение максимальной прибыли, а высокий темп

производства. По мнению Гэлбрейта, это соответствует интересам общества [1, 16], однако, как будет показано ниже, в основном это не так.

По мнению Гэлбрейта, крупный размер предприятия необходим для стабильности и возможности стратегического планирования, которое позволяет максимально устранить неопределенность рынка (а это уже совсем близко к Марксу). Крупные размеры обязательны также для сектора экономики, где единственным покупателем выступает государство. Он задавался вопросом, почему фирма «Дженерал моторс» достаточно велика, чтобы производить вещи столь различные, как, например, авиамоторы и холодильники, что не может быть объяснено выгодами крупного масштаба производства? И сам отвечал, что ее размеры обусловлены требованиями планирования. Гэлбрейт полагал, что под углом зрения потребностей планирования (контроля над предложением, контроля над спросом, обеспечения капиталом, минимизации риска) желательный размер фирмы не имеет четкого верхнего предела: «возможно, что чем крупнее фирма, тем лучше. Корпоративная форма отвечает этой потребности» [там же, 124].

Многие современные экономисты отмечают, что реальные корпорации значительно отличаются от образа, навеянного формально-юридической характеристикой корпорации [см. 11, 12, 13]. Крупные корпорации пользуются на рынках, где они закупают материалы, сырье, оборудование и рабочую силу и продают свои готовые продукты, гораздо большим влиянием, чем это обычно представлялось возможным, когда дело касалось единоличного собственника. Корпорации нередко лишает своих акционеров возможности управлять ею, вырастает до огромных размеров, распространяет свою деятельность на области, совершенно не связанные с основной отраслью, выступает как монополия в тех случаях, когда она покупает, и как монополия в тех случаях, когда она продает – что явно не вписывается в неоклассический образ рыночной фирмы [см., например, 13]. На наш взгляд, все названные версии частично справедливы.

Главная объективная причина данных явлений – использование положительного эффекта масштаба. Еще Маркс отмечал, что выгоду от его использования безвозмездно присваивает капиталист (Маркс этот эффект понимал как результат простой кооперации труда и других факторов производства). Однако, мало кто обращает внимание (в т.ч. и К.Маркс), что по мере роста масштабов производства, на определенной стадии возникает и *отрицательный* эффект масштаба, который оказывает значительное влияние на эффективность функционирования хозяйственной структуры, в т.ч. и на уровне макроэкономики.

Еще в 1950-1960 гг. некоторые аналитики обратили внимание на то, что важнейшей чертой фирмы или компании является не ее форма собственности, а размеры. В частности, один из основателей теории организации, лауреат Нобелевской премии Г. Саймон справедливо заметил, что: "В современном управлении часто наблюдается больше различий между небольшими и крупными организациями, чем между государственными и частными" [8, 21].

Если о причинах и последствиях положительного эффекта масштаба говорится повсеместно, то этого нельзя сказать про отрицательный. В крупнейших хозяйственных организациях, при наличии недостаточно эффективной организационно-управленческой структуры, операционные издержки могут существенным образом влиять на динамику общих средних издержек, зеркальным отражением которой является кривая эффективности. Усложнение управленческой вертикали и рост объемов полномочий в верхних «этажах» создают основу для возникновения отрицательного эффекта масштаба. Последний проявляется в росте общих средних издержек и снижении эффективности функционирования данной организации. Если положительный эффект масштаба (эффект синергии) в крупных организациях возникает в благодаря простой и сложной кооперации факторов производства, то отрицательный – в результате снижения эффективности обратных информационных связей: верхние уровни управления начинают испытывать хроническую нехватку времени для своевременной ассимиляции полученной информации, для нижних это проявляется потерей мотивации труда, отсюда – рост тенденций оппортунистического поведения и т.д. Увеличение размера хозяйственной организации и/или рост степени централизации управления неизбежно ведет к ужесточению вертикальных связей иерархии и падению эффективности обратных связей. Передача информации по этим уровням сопровождается искажениями, которые, как показывает опыт функционирования крупных корпораций, являются кумулятивными и экспоненциальными по форме [подробнее см. 5].

Эти явления приводят к фактической потере контроля над низовыми структурными подразделениями, а также к материальным и финансовым потерям, превышающим доходы от роста масштабов производства. С точки зрения эффективности управления этот предел определяется как «граница управляемости», причины возникновения которой описал еще А.Богданов [2]. Следовательно, подход Гэлбрейта, одобряющий неограниченный рост масштабов корпорации является неверным. Более того, это повторение утопической идеи Маркса о полном обобществлении производства и возникновении в результате этого «единой фабрики».

При этом необходимо учитывать, что в некоторых отраслях (металлургия, машиностроение, химия и нефтехимия, горнодобывающая промышленность и т.д.) преобладает положительный эффект масштаба, и, соответственно, крупные предприятия. Но эти отрасли в совокупности в странах с хотя бы относительно эффективной экономикой, дают не более половины ВВП. Таким образом, эффекты масштаба фирмы, как микроэкономическое явление, перерастает и на уровень макроэкономики – эффективность национального хозяйства заметно падает при наличии тенденций монополизации отраслей [подробнее см. 6]. С расширением процессов экономической глобализации, вышеуказанные и другие проблемы вышли на мировой уровень.

Глобальный кризис проявляется в том, что, как отмечают многие авторы, почти все страны испытывают все ускоряющееся социальное и экологическое

разрушение, что проявляется в росте нищеты, безработице, неравенстве, росте преступности, нарастании экологических и демографических проблем. По мнению Д.Кортена, «Это кризис самого управления, порожденный слиянием идеологических, политических и технологических сил, стоящих за процессом экономической глобализации, которая забирает власть у правительств, ответственных за общественное благосостояние, в пользу небольшой кучки корпоративных и финансовых институтов» [3, 23], у которых главная цель – стремление к сиюминутной финансовой выгоде. СМИ, контролируемые крупнейшими корпорациями, убеждает, что потребительство – это путь к счастливой жизни, что причина наших бед в правительственном вмешательстве в дела рынка, а экономическая глобализация – это одновременно и историческая неизбежность, и благо для человеческого рода [см. там же].

Почему же корпорация из института по объединению финансовых ресурсов на благо того или иного сообщества превратилась в структуру, позволяющую одному или нескольким лицам управлять огромными экономическими и политическими ресурсами для целенаправленного достижения частных интересов и защищать себя от ответственности перед законом за негативные последствия на уровне общества? Дело в том, что корпорации по мере их роста и усиления начали создавать свои собственные корпоративные цели, которые не полностью находятся под контролем даже тех людей, которые ими владеют и управляют. Эти цели направлены, как уже отмечалось, на увеличение прибылей и защиты самих себя от случайностей рынка. Их возникновение обусловлено сочетанием рыночной конкуренции, требований финансовых рынков и алчности высшего менеджмента.

Для достижения этих целей, как отмечают ряд аналитиков, члены корпоративного сектора склонны выработать совместные политические и экономические задачи. Например, «в США корпорации уже на протяжении 150 лет занимаются перестройкой законов и форм власти для удовлетворения собственных интересов» [там же, 48]. Все в большей степени именно корпоративные интересы, а не человеческие, определяют политическую повестку дня государств и международных организаций. Корпорации превратились в устойчивую структуру, заставляющую тысячи людей слаженно работать для достижения цели, которая вовсе не обязательно совпадает с их собственной. Те, кто проявляет неуступчивость, заменяются другими, при этом структура и направленность ее функционирования остаются неизменными. «Современная корпорация все больше превращается в независимую сущность, независимую даже от людей, составляющих ее. Каждый член корпорации, каким бы влиятельным ни было его положение в ней, стал заменим, как это начинает понимать все большее число высших руководителей» [там же, с.83]. С т.з. общей теории систем, это объясняется тем, что структура представляет собой функциональный инвариант.

Организационная структура – это совокупность связей (правил), определяющих поведение каждого ее элемента и всей системы в целом, движение ресурсов. От этого, в свою очередь, зависят затраты (инвестиции),

результаты хозяйственной деятельности и эффективность функционирования данной организации. Поведение организованной системы в целом обуславливается не столько свойствами ее отдельных элементов, сколько свойствами структуры. В то же время структура организации представляет собой механизм согласования целей (интересов) ее составных элементов. В некоторых науках (кибернетике, психологии, лингвистике и др.) только в XX в. возникло понятие изоморфизма, означающее, что системы, существенно различные по составу, могут обладать сходными свойствами благодаря общности в способах организации; этим и объясняется такое поразительное сходство деятельности транснациональных корпораций, базирующихся в разных странах. Возникла парадоксальная ситуация: глобальная экономическая интеграция, осуществляемая посредством ВТО и других международных торговых-финансовых институтов, содействует условиям, которые противоречат самим основам рыночной экономики и заменяют ее на экономическую систему, которая запрограммирована на саморазрушение с чудовищными последствиями для человечества.

Все указаны проблемы и противоречия только характерны и для современной российской экономики; более того, в ряде случаев они являются более глубокими. Главное требование к эффективной структуре национальной экономики – ее сбалансированность: сектор, занимаемый крупными корпорациями и сектор среднего и мелкого предпринимательства должны производить примерно по 50 процентов ВВП [см. 6]. Согласно статистике, этому критерию соответствуют практически все экономически развитые страны, в т.ч. и КНР. Например, в самой индустриально развитой стране мира – США в 2016 г. доля крупных компаний в ВВП оставила 55,4%.

Крупные компании с количеством занятых более 500 человек составляют всего 0,3% от общего количества американских компаний, при этом в них работает 52% всех занятых в частном секторе. Мелкий бизнес, на долю которого приходится 99,7% всех компаний, обеспечивает около двух третей, вновь создаваемых в США рабочих мест, следовательно, на долю крупного бизнеса приходится треть новых рабочих мест [4].

В то же время 500 крупнейших российских компаний, среди которых преобладают сырьевые, дают около 80% ВВП страны; это значит, что доля крупных корпораций даже возросла – в 2014 г. они производили примерно 77 процентов ВВП. Причем, российские корпорации стараются избежать российской юрисдикции. Из 460 компаний, для которых можно установить детали владения, лишь чуть более половины (239 – 52%) зарегистрированы в России. Еще 40% (183) инкорпорированы в оффшорных зонах и на Кипре, который недавно был выведен из списка оффшорных зон [7]. По мнению директора института энергетике и финансов В.Фейгина, вклад нефти и газа в ВВП России составляет около 30%, в доходы бюджета – около 50%, в объем российского экспорта — около двух третей, причем доля продажи нефти и газа в доходах бюджета и ВВП все последние года росла [9].

Заметной проблемой российского корпоративного сектора также является слабое развитие и гипертрофированность корпоративных отношений. Последние являются важной частью экономической системы (особенно для особо важной для России сферы недропользования), и «должны быть нацелены на выполнение важнейших социально-экономических задач общества: создание благоприятных социально-экономических условий, способствующих росту качества жизни в стране и регионе, соответствие не только содержанию проводимой в стране промышленной политике, но и создание благоприятных условий для реализации социальных целей всей национальной экономики [10, 100].

Главным условием решения проблем корпоративного сектора экономики является сильное правительство, ясно понимающее данные проблемы и способно отстаивать интересы всего общества.

Литература

1. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество/Транзиткнига. М-СПб, 2004.
2. *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989. Кн.1).
3. Кортен Д. Когда корпорации правят миром. СПб.: ВиТ-принт, 2002.
4. Крупные корпорации в американской экономике и их зарубежная активность// http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&cat=mc&mc=149&type=news&top_menu=etiquette&sb=55&newsid=3641
5. *Латинкас А.А.* Типы и особенности функционирования экономических систем (монография)/СПб, НИИ Химии СПбГУ, 2001.
6. *Латинкас А.А.* Главное – эффективная модель//Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания (сборник научных трудов)/под ред. Р.М.Нуреева, М.Л. Альпидовской. – М.: Финансовый университет, 2015. С. 272-282.
7. РБК назвал 500 крупнейших российских компаний// <https://www.rbc.ru/business/23/09/2015/5601aded9a7947a6e9a4e474>
8. *Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В.* Менеджмент в организациях. М.. 1995.
9. *Фейгин В.* Доля доходов от продажи нефти и газа в экономике РФ// <https://thequestion.ru/questions/111/kakaya-dolya-dokhodov-ot-prodazhi-nefti-i-gaza-v-ekonomike-rossii>
10. *Хайкин М.М.* Сфера недропользования в контексте современного развития экономической теории//Записки Горного института. Т.213. С. 100-109.
11. Capitalism is under attack//<https://www.mckinsey.com/global-themes/long-term-capitalism/redefining-capitalism>
12. *Gilpin R, Gilpin J.M.* The Challenge of Global Capitalism. The World Economy in the 21st Century//Princeton University Press/
<http://www.nytimes.com/books/00/04/30/reviews/000430.30sangert.html>
13. Monopoly Capital at the Turn of the Millennium//<https://monthlyreview.org/2000/04/01/monopoly-capital-at-the-turn-of-the-millennium/>
14. Petras D. The Global Crises of Capitalism: Whose Crises, Who Profits ?// <https://petras.lahaine.org/the-global-crises-of-capitalism-whose-crises-who-profits/>

Малова Т.А.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОРЯДКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Мировая экономика и современный мир в целом переживают глубокие изменения по сравнению с примерно 40-летним периодом относительно

спокойного состояния. Углубление и продвижение процессов глобализации, рост масштабов и влияния этого явления на жизнь отдельных людей и сообществ сопровождаются разрушением норм и правил, обеспечивающих управление и развитие современного мира. Глобализация все острее ассоциируется с хаосом, «беспорядком», в рамках которого возникают ситуации как разрушения, так и созидания. Вместе с тем, в этом состоянии все сложнее прогнозировать и контролировать последствия стратегий, программ, действий. В результате все чаще приходит осознание необходимости перехода к новому мировому порядку: «Даже на международных встречах глав государств и правительств на высшем уровне постоянно указывают на необходимость привести в надлежащий порядок развитие, т.е. обновить управление им» [7, 126].

Провокаторами глубинных сдвигов в современном мире выступают «технологические вызовы и конкуренция» [6, 273], усложнение связей и зависимостей в неопределенной и нестабильной глобальной среде. В пространстве этих изменений концентрируются следующие ключевые факторы формирования нового мирохозяйственного порядка.

1. Изменение характера глобализации, кризис англо-саксонской модели глобализации, повышение глобальных рисков на фоне тенденции укрепления национального суверенитета.

2. Завершение эпохи полного доминирования на мировом рынке группы американских, европейских и азиатских стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Резкий подъем новых центров экономического влияния, изменение состава ключевых игроков мирового рынка, которые бросают вызов глобальному соотношению сил.

3. Распространение экстернальных эффектов цифровых технологий в различных секторах экономики, определяющих фундаментальные изменения в промышленности, финансах, социуме.

4. Обострение соперничества за «пальмовую ветвь лидерства» в мировой экономике, что отражается в жесткости форм и методов конкуренции, использовании экономических инструментов воздействия как альтернативы невоенных способов давления одной страны на другую.

5. Сглаживание различий в благосостоянии между развитыми и развивающимися странами, но возрастание неравенства внутри почти всех государств в результате постоянно существующего разрыва между доходностью на капитал и темпами экономического роста. С внедрением цифровых технологий неравенство возрастает.

Взаимодействие этих факторов определяет необходимость ускорения перехода к «новому мирохозяйственному порядку». С позиций нормативного подхода экономический смысл этого понятия состоит в обновлении комбинации экономических, политических, институциональных, технологических инструментов и механизмов, ценностных ориентаций, обеспечивающих трансформацию системы взаимных связей и зависимостей глобального мира в качественно новую форму и содержание.

Позитивный подход к анализу проблемы пересмотра миропорядка ориентирует на выявление и анализ актуальных и будущих источников противоречий, кризисных ситуаций в процессе перехода к новому устройству в мире. Открытию и обоснованию путей их предотвращения способствует теоретический анализ принципов формирования нового мирового порядка. К наиболее значимым из них можно отнести следующие важные условия реализации эффективной модели современного мироустройства.

Разработка альтернативы неолиберальной социально-экономической доктрине. Опыт стран, принявших неолиберальный подход для достижения цели экономического роста, показывает, что реализация либерально-самоорганизующейся модели развития ведет к умеренной деиндустриализации Европы и США, потери ими статуса самых мощных экономических регионов мира. В странах СНГ, Восточной Европы либеральная экономическая модель привела к многочисленным провалам и деформациям, включая разрушение системы социальной безопасности, рост социальной дифференциации, сокращение доли промышленного сектора и соответственно масштабов НИОКР, рост безработицы.

Об исчерпании потенциала неолиберальной модели развития свидетельствует противоречие между принципами и правилами (норм и идеалов свободного рынка, либеральных ценностей), пропагандируемыми и навязываемыми США (главным центром глобализации) остальному миру и следовании собственным интересам вопреки этим принципам. Так, 10 ноября 2017 года на саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) президент США Д.Трамп выступил в поддержку экономического национализма, заявил об отказе от многосторонних торговых соглашений, провозгласил принцип «America first» – «Америка превыше всего» [5].

Альтернативная доктрина должна учесть все тенденции глобальных перемен и предложить модель управления экономическими процессами, выводящую хозяйственную систему на более высокий уровень самоорганизации, способствующую приспособлению к изменениям глобального мира.

Переход к альтернативной доктрине возможен на основе реализации следующих концептуальных положений:

– интеграция рынка и государственного регулирования экономики, отход от требования «минимального» государства, так как движение экономики к новому хозяйственному порядку требует значительных капиталовложений с целью осуществления структурных и институциональных изменений, создания образовательных программ для сотрудников компаний и населения, что в состоянии обеспечить прежде всего государство;

– переход от стихийной экономической политики к стратегическому планированию как в вопросах внутренней, так и внешней политики;

– финансовая поддержка государством приоритетных отраслей и компаний, предоставление налоговых льгот в условиях трансформации мировой экономики в связи с возрастающей ролью цифровых технологий;

– ориентация крупного бизнеса не только на частные интересы, но и на социально-экономические цели государства и общества; принятие бизнесом ответственности за соблюдение законов, выплату налогов, модернизацию и расширение своего производства, создание высококвалифицированных рабочих мест, внедрение инноваций, участие в социальном развитии.

Базовые принципы этой модели невозможно ограничить рамками отдельных государств; они должны составить основу для построения эффективного мирового хозяйства, вне которого не могут быть решены все наиболее острые проблемы глобального мира: воспроизводство неравенства, международный терроризм, напряженная политическая обстановка, экологическая ситуация, киберуязвимость.

Учет тенденции политизации международных экономических отношений. Политизация мировой экономики является следствием ужесточения конкуренции в условиях распада военно-политического, экономического и идеологического доминирования стран ОЭСР, а также сохранения высокой взаимозависимости стран в современном мире, когда подъемы и спады, финансовые кризисы приобретают глобальные масштабы. Проявлением политизации международной экономики является ключевая роль политических отношений при трансфере технологий и обмене другой актуальной информацией, при определении географии размещения производственных структур, реализации торговой и финансовой политики. В логике политической доминанты международных экономических отношений следует рассматривать военно-политическое превосходство США, конвертируемое в глобальную кредитно-денежную пирамиду, номинированную в долларах США. Генеральная тенденция на политизацию мировой экономики находит отражение в переходе глобальной конкуренции с корпоративного уровня на межгосударственный. В ответ на «сланцевую революцию» активизировался процесс кооперации участников «газовой ОПЕК» и нефтяного «ОПЕК+». Конфликт Украины и России в области поставки и транзита газа совпадает с периодом подготовки Третьего энергопакета ЕС, введением санкций против России.

Применение санкций становится главным инструментом геоэкономической войны. В настоящее время треть человечества живет в странах, против которых применяются односторонние принудительные меры – односторонние санкции. Целью введения санкций Соединенными Штатами Америки, странами Евросоюза и рядом других стран против Российской Федерации является сохранение монопольной позиции США в геополитическом и геоэкономическом контурах мирового порядка. Вместе с тем, реальным результатом введения экономических мер давления на Россию является создание нашей страной эффективной модели поведения государства, находящегося под экономическими санкциями по политическим мотивам. Так,

Россия после введения санкций совершенствует стратегию разнополярного развития, уделяя особое внимание азиатскому направлению. По оценке специального докладчика Совета ООН по правам человека Идриса Джазаири, который отвечает за вопросы негативного воздействия односторонних принудительных мер, за три года противостояния европейские государства потеряли в сумме около 100 млрд долл. США, что вдвое превышает ущерб, ощутимый для России [4]. Представив результаты своего исследования, И.Джазаири отверг обвинения в том, что в процессе подготовки доклада о влиянии санкций на экономику России и стран Евросоюза, на него было оказано влияние с российской стороны, включая меры финансовой поддержки [10]. Получение европейскими странами ощутимых экономических потерь привело к расколу в финансовых и политических кругах Европы.

Использование эффектов цифровой экономики в глобальном масштабе. Оценка перспектив и роли эффектов цифровой экономики, основ ее регулирования составляют содержание Программ развития цифровой индустрии во многих странах: в Японии – это программа «Общество5.0», в Германии – «Индустрия 4.0», в США – программы Консорциума промышленного интернета. Все возрастающее внимание государств к цифровому сегменту экономики объясняется экспоненциальным ростом качественных и количественных изменений, происходящих под воздействием процесса «цифровизации» – перехода с аналоговой формы передачи информации на цифровую форму. В результате происходит кардинальное изменение бизнес-моделей, повышается их эффективность за счет снижения транзакционных издержек и оптимизации. Компании, работающие в секторе цифровых технологий, демонстрируют резкое увеличение капитализации [2, 51], а в экономике возрастают инвестиции в инновации, происходит развитие государственных институтов по поддержке высокотехнологичного предпринимательства, инновационных производств, научных разработок и исследований.

Эффекты внедрения цифровых технологий в обобщенном виде отражаются в принципах функционирования технологии блокчейн, которая наряду с другими криптовалютными платформами окажет в будущем наибольшее влияние на глобальную экономическую систему. Анализ эффектов блокчейн [8, 26-27] позволяет охарактеризовать преимущества и ограничения применения цифровой технологии в целом. К преимуществам относят:

– надежность, долговечность, прочность. Блокчейн самостоятелен относительно централизованной компьютерной системы, следовательно, отклонение определенных узлов не может изменить действия всей системы;

– особо уполномоченные пользователи. Блокчейн позволяет пользователям контролировать как транзакции, частью которых они являются, так и информацию;

– относительно дешевые и быстрые транзакции. Отказ от посредников позволяет цифровой технологии сократить время и издержки;

– неизменный и прозрачный процесс. В цифровой технологии транзакции отслеживаются и не изменяются.

Выделяют следующие ограничения технологии блокчейн, которые могут служить препятствием для ее распространения:

– ограничение количества транзакций в определенный период времени и процесса верификации транзакции;

– государственное регулирование. Необходимость регулирования финансовых транзакций на основе технологии блокчейн вступает в противоречие с природой и принципами функционирования цифровых технологий;

– незащищенность программного обеспечения. Особо уязвимыми для незаконного использования являются баги в коде программного обеспечения. С ростом сложности программного обеспечения снижается безопасность его применения, а уязвимость растет. В связи с необходимостью преобразования блокчейн в глобальную инфраструктурную технологию возрастает роль целостности сети и программного обеспечения. Когда блокчейн установит связь ведущих финансовых систем мира, крупные атаки на технологию станут источником катастрофических последствий;

– «privacy» и безопасность. Проблема кибербезопасности – это один из главных факторов, который влияет на намерения общества передавать персональные сведения с помощью блокчейн;

– издержки внедрения. Внедрение блокчейн (как и других цифровых технологий) требует значительных инвестиций, что означает необходимость анализа эффективности их применения.

Распространение цифровых технологий предполагает взаимосвязанность информационных систем всех стран мира. Об острой необходимости согласованных действий в глобальном масштабе в связи с угрозой кибератак, кражей персональных данных, сбоям ключевых систем информационной инфраструктуры шла речь на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2018. Снижение рисков использования цифровых технологий в глобальном масштабе требует создания единых стандартов регулирования, хранения и распространения данных в глобальном цифровом пространстве. Ограничение регулирования цифровой экономики на национальном уровне ведет к возникновению проблем с созданием добавленной стоимости. Особую остроту приобретает проблема единого законодательства в области использования данных в связи с введением в Евросоюзе (ЕС) GDPR (General Data Protection Regulation) – нового регламента о защите персональных данных. Согласно этому акту, личные данные гражданина ЕС не могут быть переданы неевропейской стране, в которой нет достаточно безопасного законодательства для защиты данных. В связи с этим зарубежные компании не могут получить доступ к данным европейских сотрудников своих компаний без заключения специальных соглашений.

Установление инклюзивного международного сотрудничества.

Глобалистские проекты англосаксонских стран по большей части потерпели неудачу: США вышли из Парижского соглашения по климату и Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Североамериканская зона свободной торговли переживает не лучшие времена. К числу проблемных вопросов относятся Brexit Великобритании и будущее Евросоюза.

В этой ситуации возрастает запрос мирового сообщества на интегрированный, инклюзивный миропорядок, который маловероятен, но возможен. В рамках такого порядка «соперничество между странами будет находиться под контролем, а возможности для их сотрудничества расширятся» [1, 9]. Осуществление этого подхода возможно на основе применения глобального стратегического планирования, идеи которого используются в восточных проектах объединения стран Азии. На такой основе работает инициатива Китая по реализации проекта создания глобальной транспортной и инвестиционной инфраструктуры "Один пояс, один путь", предполагающий создание единого экономического пояса Шелкового пути, который объединяет два проекта – "Экономический пояс Шелкового пути" и "Морской Шелковый путь XXI века". Несмотря на то, что амбициозный геополитический проект Китая затрагивает интересы стран с конкурирующими концепциями, в его рамках формируется новая модель интегрированного мирового порядка, основанная на инвестициях не только в «жесткие» инфраструктуры, такие как порты, мосты, дороги и энергетические объекты, но также и в «мягкие» инфраструктуры, включая международную систему инвестиций и торговли, международную валютную систему, международную инвестиционную среду и правовую систему.

Объем одновременных триллионных капиталовложений Китая в связи прокладкой одновременно нескольких сухопутных и морских транспортных магистралей из КНР в Европу, Азию и Африку поднимает авторитет Китая как глобального игрока на новый уровень. Опыт Китая и других стран Азии свидетельствует о том, что на мировой арене возникают и набирают потенциал новые центры силы. На открытии Всемирного экономического форума в Давосе в январе 2018 года звучала уже не только английская речь. «Премьер-министр Индии Нарендра Моди, который хотя и знает английский язык, предпочел говорить на хинди» [3, 13].

Производство глобальных общественных благ как условие социальности мировой экономики. Согласно оценкам Международного валютного фонда (МВФ) «за последние три десятилетия в 53% стран мира возросло неравенство в доходах. Этот тренд особенно остро проявился в развитых странах. Более того, экономические деформации создали почву для долгосрочных проблем: высокий уровень частного долга в соединении с неадекватными сбережениями и пенсионным обеспечением усугубляют разочарования среди населения на годы вперед» [9, 9].

Один из подходов к решению проблемы снижения последствий социального неравенства, развития и благополучия человека и общества

основан на «направляющем принципе общественных благ» [7, 136], что означает возрастание роли и значения производства и потребления общественных благ. В значительной мере это связано с тем, что «акцент теперь делается не на владельца благ, а на функцию, которую такие блага должны обеспечивать для хорошей, достойной жизнедеятельности общества» [7, 136]. В основе идеи общественных благ новое измерение собственности, а именно – их противоположность собственности: «общие блага принадлежат сообществу, которое заботится о них и совершенствует свои усилия, свидетельствующие о его готовности инвестировать в будущее развитие» [7, 137]. «Направляющий принцип общественных благ» предполагает углубленное международное сотрудничество по гарантированию мировому сообществу предоставления общественных благ, определяемых в настоящее время как глобальные общественные блага, включая обеспечение международного мира и безопасности, финансовую стабильность, соблюдение прав человека, поддержание власти закона и порядка, борьбу с болезнями и повышение медицинских стандартов, окружающую среду, культурное наследие. При этом должен быть обеспечен доступ к этим благам без дискриминации между странами, группами населения, поколениями. Вероятность предоставления этих благ возрастает в результате имплементации принципов формирования нового мирохозяйственного порядка.

Литература

1. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Пер. с англ./ Под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. –М.: ИМЭМО РАН. 2016
2. Малова Т.А. Капитализация по Марксу и цифровая экономика // Страховое дело. 2017. № 10. С. 47-54.
3. Мамедьяров З. Лукавство глобалистов// Эксперт. 2018. №5. С.13-17.
4. ООН: санкции против РФ стоят ЕС \$3,2 млрд в месяц. URL: <http://www.vestyfinance.ru/articles/90887>. (дата обращения: 19.01.2018).
5. Трамп объявил новый торговый миропорядок. URL: [http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/11/10/741259-tramp-torgovii-miroporyadok3#galleries/140727493637198/normal/4](http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/11/10/741259-trump-torgovii-miroporyadok3#galleries/140727493637198/normal/4) (дата обращения: 20.01.2018).
6. Шульце П. Будущее промышленности: четвертая революция – функции государства и общества/ Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перезагрузка. Том 1. Сборник пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2017). СПб., 2017
7. Риччери М. Как спасти социальность рыночной экономики // Мир перемен. 2017. № 1. С. 124-138.
8. Morabito V. Business Innovation Through Blockchain // Springer International Publishing AG, 2017.
9. The Global Risks Report 2018 13-th Edition. URL: http://www.iccwbo.ru/komissii/komissiya-pokruzaushei-srede-i-energetike/2018_WEF_GRR18_Report.pdf (дата обращения: 29.01.2018).
10. UN Special Rapporteur rejects accusations of Russian influence on sanctions findings. URL: <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=22080&LangID=E> (дата обращения: 27.01.2018).

ИДЕАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ТОМАСА ПИКЕТТИ

Выход в свет в 2014 году англоязычной версии книги Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке» произвел эффект разорвавшейся бомбы. Почти сразу книга стала мировым бестселлером, была переведена на многие языки, в 2015 году книга вышла на русском языке [4]. Автора называют «новой звездой экономической науки» и даже сравнивают с Карлом Марксом, которого Пикетти несколько раз упоминает (правда без ссылок) в своем объемном труде.

Главной темой книги, по мнению многих ее читателей (как сторонников, так и критиков), является анализ экономического неравенства, тем более что автор сам заявляет: «Давно пора вновь сделать проблему неравенства центральной в экономическом анализе» [4, 34], причины которой автор трактует по-новому, опираясь «на методы и подходы, применяемые историками, социологами и политологами, в той же мере, в какой используются методы и подходы экономистов» [4, 50].

При этом он подвергает серьезной и справедливой критике современную экономическую теорию, которая все больше теряет связь с реальными экономическими процессами, увлекшись созданием и анализом абстрактных математических моделей, упрощающих реальность [4, 34, 588].

Тезис о том, что экономическая теория не должна «отделяться от прочих социальных наук: она может развиваться только в их рамках» [4, 50], справедлив, но совсем не нов: еще в «Общей теории занятости, процента и денег», увидевшей свет более чем 80 лет назад, Дж. М. Кейнс, предостерегал от злоупотребления математическими методами [2, 276]. Он вообще утверждал, что экономическая теория – это «моральная дисциплина» [2, 40], и приоритет принадлежит анализу причинно-следственных связей [2, 69, 81, 84, 105], то есть качественному, а не количественному анализу.

Однако, как представляется, анализ проблемы неравенства не является главной целью книги Пикетти, хотя и составляет главное ее содержание. Целью автора является разработка образа *идеального общества* [4, 56, 305, 587], в котором и эта проблема сможет найти свое решение. Он много раз употребляет слово «идеальный» (идеальное общество, идеальное социальное государство, идеальная налоговая система, идеальный налог на капитал, идеальная мера, идеальное решение, идеальный уровень национального капитала).

Понятие «идеального» неоднозначно. Его употребляют как для характеристики чего-то совершенного, образцового, так и для представления чего-то абстрактного, нереального, мысленно представляемого. Так в каком же смысле употребляет этот термин Пикетти? Для того чтобы это понять, нужно разобраться в предпосылках, допущениях и определениях, которые лежат в основе анализа Пикетти. Это важно не только для экономического, но и любого научного исследования, что, в частности, подчеркивал Дж. М. Кейнс в предисловии к «Общей теории занятости, процента и денег» [2, 39].

Название книги Пикетти предполагает, что объектом анализа является капитал. Так оно и есть, а значит нужно определить эту категорию. Поскольку Пикетти много раз упоминает Маркса, он очевидно знаком с его пониманием капитала и должен был либо его принять, либо опровергнуть. Ничего этого нет. Он дает свое определение *национального капитала*, фактически сводя его к категории национального богатства, или национального имущества как накопленного богатства [4, 63]. Такое определение капитала закрывает путь к научному анализу особенностей капитала в XXI веке (как и в любом другом), поскольку, во-первых, оставляет за рамками исследования социально-экономическую сущность капитала, во-вторых, не позволяет проанализировать отличительные особенности различных форм капитала, смешивая в кучу земельную собственность, недвижимость, финансовые активы, промышленный капитал. Фактически капитал – это все, что приносит собственнику доход, причем «речь идет о более широком понятии, чем норма прибыли, и намного более широком, чем процентная ставка, даже если оно и включает в себя и то, и другое» [4, 67-68]. Поэтому анализ форм дохода также становится невозможным. Правда, автору приходится отказаться от включения в этот конгломерат человеческого капитала, поэтому все виды дохода с «капитала» он противопоставляет трудовому (заработанному) доходу.

В таком подходе есть своя *логика* (это слово также часто употребляется в книге Пикетти): и прибыль, и рента, и процент, будучи нетрудовыми (незаработанными) доходами, противопоставляются трудовым доходам как доходам от работы по найму (куда включаются смешанные доходы, как они представлены в национальных счетах).

И вот на основе такой трактовки капитала Пикетти заявляет о существовании двух основных экономических законов капитализма, причем выраженных в форме простеньких математических уравнений, хотя, как уже упоминалось выше, сам он критиковал попытки представить сложную экономическую реальность в таком упрощенном виде. Первый закон связывает доходность капитала r (усредненную доходность всего национального имущества) и соотношение между капиталом и доходом β с долей дохода с капитала в национальном доходе α : $\alpha = r \times \beta$.

Из дальнейшего изложения становится ясно, и автор сам это признает, что никакой это не закон, а «чисто бухгалтерское уравнение», формула которого «по определению приложима ко всем обществам и ко всем эпохам» [4, 67, 173].

«Второй основной экономической закон капитализма» [4, 171], связывает соотношение между капиталом и доходом β с соотношением нормы сбережений s и темпом экономического роста g (который «отражает темпы структурного роста в долгосрочной перспективе, т. е. сумму темпов роста производительности и населения» [4, 231]): $\beta = s/g$. Этот закон представляет собой перевернутое с ног на голову уравнение темпа экономического роста Домара-Харрода. Однако в уравнении Домара-Харрода то, что Пикетти обозначает как β – это предельная капиталоемкость национального дохода

(отношение ΔK к ΔY), в котором искомой переменной выступает темп экономического роста.

Соединив уравнения двух сформулированных им законов, Пикетти выводит условие экономического равенства $r = g$ [4, 576]. Точнее, это условие не изменения неравенства.

Таким образом, исходным условием идеального общества выступает равенство $r = g$, которое может обеспечить «сбалансированное распределение» [4, 364].

Следует подчеркнуть, что речь идет о норме доходности после уплаты налогов. В противном случае пришлось бы накопить слишком большой запас капитала, что, по мнению Пикетти, вряд ли целесообразно [4, 577].

Растущий разрыв между r и g является «ключевой силой расхождения» в доходах и имуществе [4, 45], а значит, и главной причиной нарастающего неравенства с 70-гг. XX века.

Это «фундаментальное неравенство» [4, 45], которое Пикетти также называет «ключевым противоречием капитализма» [4, 585], обосновывается с помощью второго основного экономического закона капитализма $\beta = s/g$: если норма сбережений s больше, чем темп экономического роста g , то норма доходности r также больше темпа экономического роста. Вся книга по существу содержит исторические факты (представленные в виде статистических графиков), которые должны подтвердить, что норма сбережений выше темпов роста. На основе этих статистических фактов, которые по признанию самого автора являются весьма условными, делается вывод: история человечества подтверждает, что сбережения растут быстрее дохода (производства) и нет автоматического рыночного механизма, который мог бы противодействовать этой долгосрочной тенденции. Следовательно, поскольку доходность капитала сравнительно стабильна и этот факт «играет ключевую роль в нашем исследовании» [4, 210], усиливается «фундаментальное неравенство $r > g$, главная сила расхождения», и это «никак не связано с какой-либо погрешностью рынка — напротив, чем более «совершенен», в понимании экономистов, рынок капитала, тем скорее оно проявится» [4, 45].

«Беспрецедентное», по утверждению Пикетти, снижение неравенства в XX веке обусловлено стечением ряда обстоятельств: прежде всего две мировые войны, Великая депрессия 30-х годов и русская революция. Причем автор обходит вопрос о природе этих обстоятельств, в том смысле, являются они случайными или закономерными. Главное, что в результате этих событий снизилось значение β , так как в результате больших разрушений капитала, которые имели место в ходе этих исторических событий, увеличился темп экономического роста g . Эти же события обусловили необходимость увеличения экономической роли государства, прежде всего в налоговой сфере. Повсеместное введение прогрессивного налогообложения доходов (прежде всего доходов с капитала) и наследства также способствовало сокращению доходности капитала r после уплаты налогов. Результатом этого и стало

снижение неравенства, появление в развитых странах среднего класса, что автор справедливо признает «ключевым структурным изменением в распределении богатства в развитых странах в XX веке» [4, 259]. Причем «этот феномен имел место повсюду» [4, 345].

Наличие среднего класса выступает как важнейший признак идеального общества.

Однако последние 30-40 лет показали, что в развитых странах начался процесс размывания среднего класса. Особенно он ускорился в ходе мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. На этот процесс обратили внимание многие известные ученые: лауреаты Нобелевской премии по экономике Пол Кругман и Джозеф Стиглиц [5; 6], социологи Иммануил Валлерстайн, Рэндалл Коллинз, Майкл Манн, Георгий Дерлугьян, Грэг Калхун [1] и др. Эти проблемы также активно обсуждаются и российскими учеными [7; 8; 9].

Пикетти объясняет ухудшение положения среднего класса в развитых странах прежде всего восстановлением закономерной, с его точки зрения, тенденции нарастания разрыва между доходностью капитала и темпами экономического роста. Он утверждает, что «Славное тридцатилетие» (которое длилось в развитых странах с конца 40-х до конца 70-х гг. XX века) представляет собой отклонение от этой закономерности, которую он подтверждает опять-таки историческими данными. Однако Пикетти подчеркивает, что в указанное тридцатилетие капитализм претерпел серьезные структурные изменения: возникло социальное государство. Это обусловило перерождение чисто рыночной экономики в смешанную экономику, в которой государство является активным макроэкономическим субъектом. Социальное государство взяло на себя решение целого ряда проблем, прежде всего социальных, в частности в области развития доступного широким массам образования, включая высшее, и здравоохранения. Решение этих проблем потребовало увеличения доли государственных расходов в национальном доходе, которая в настоящее время достигает в среднем 50% национального дохода в европейских странах [4, 474]. Для обеспечения активности государства в этих сферах в развитых странах развивалась система прогрессивного налогообложения с высокими, вплоть до конфискационных значений, ставками на сверхдоходы. Именно такая бюджетно-налоговая парадигма, по мнению Пикетти, и обусловила формирование социального государства в развитых, прежде всего европейских странах. Без социального государства невозможно решить современные насущные социальные проблемы, в частности, проблему неравенства, так как не существует рыночных механизмов для их решения [4, 40].

Идеальное социальное государство является важнейшим признаком идеального общества.

Что же понимает Пикетти под «идеальным социальным государством» [4, 489]?

Во-первых, это социальное государство, «адаптированное к реалиям нынешнего столетия» [4, 52].

Во-вторых, такое государство эффективно решает важнейшие социально-экономические проблемы: обеспечение равного доступа к здравоохранению, образованию, и пенсионному обеспечению [4, 480]. Достигается это за счет эффективных государственных расходов на эти цели. Приведенная статистика должна убедить в том, что европейские страны достигают более значительных результатов в этих сферах, особенно страны Северной Европы, по сравнению с англосаксонскими государствами (США и Великобритания). Именно типичная для европейских государств «распределительная пенсия останется частью идеального социального государства будущего во всех странах» [4, 489]. «Идеальную систему» «реального равенства возможностей в области высшего образования еще предстоит придумать» [4, 487], хотя Европа гораздо ближе к такой системе, чем США и Великобритания.

В области организации здравоохранения Европа, включая Великобританию, также ближе к идеалу, чем США [4, 476].

И наконец, такое государство стремится снизить экономическое неравенство. В европейских странах неравенство хотя и растет в последние десятилетия, но медленнее, чем в США и Великобритании.

По мнению Пикетти, такая динамика неравенства обусловлена тем, что в 70-80 годы XX века в англосаксонских странах по существу начался постепенный демонтаж некоторых важных элементов социального государства. Действительно, именно в этот период начала проводиться политика, которая получила название рейганомии (США) и тэтчеризма (Великобритания). В результате резко снизились предельные ставки подоходного налога и налога на имущество (капитал), что и привело к ускоренному нарастанию неравенства в этих странах.

Более того, снижение ставок подоходного налога привело к формированию совершенно новой формы неравенства. Речь идет о неравенстве в зарабатываемых доходах: стремительный рост оплаты труда топ-менеджеров крупных компаний [4, 331-334, 511-515]. Эту новую форму неравенства фиксируют и другие авторы, в частности Кругман и Стиглиц, однако их анализ приводит к выводу о связи этого процесса с усилением финансовализации экономики [3, 116-134; 6, 120-121, 158].

Поскольку Пикетти не рассматривает финансовый капитал как особую форму капитала, он такой связи не прослеживает. По его мнению, необходимо усилить прогрессию в налогообложении доходов. Это, во-первых, уменьшит неравенство между доходами с капитала и трудовыми доходами. Кстати, все доходы с капитала, т.е. незаработанные доходы он называет «рентой» [4, 422]. Во-вторых, повышение предельных ставок уменьшит неравенство и в трудовых доходах. Пикетти доказывает, что сверхвысокие зарплаты топ-менеджеров невозможно объяснить их сверхвысоким вкладом в результаты компаний, полагая, что, несмотря на их формально трудовое происхождение, они по существу также включают в себя рентную составляющую.

Идеальная налоговая система должна быть направлена прежде всего на борьбу со сверхвысокими рентными доходами.

Но этим не исчерпывается характеристика идеальной налоговой системы [4, 531]. Дело в том, что, по мнению Пикетти, современные системы учета доходов не являются достаточно прозрачными, что позволяет уходить от налогов, особенно в условиях налоговой конкуренции (в частности, оффшорные схемы). В этой ситуации проще облагать налогом сам капитал, точнее сверхвысокие капиталы. В связи с этим он выдвигает идею «мирового прогрессивного налога на капитал» [4, 469]. Имеется в виду, что все страны, в которых сосредоточены крупнейшие капиталы, должны ввести единый прогрессивный налог на сверхкрупные капиталы. По мнению автора, этот налог мог бы обеспечить «немалые поступления» в бюджет [4, 535], но не это является главной целью введения такого налога. «Ключевая роль налога на капитал заключается не в финансировании социального государства, а в регулировании капитализма» [4, 523]. Именно этот налог «позволил бы установить верховенство общественного интереса над частным, сохранив при этом открытость экономики и действие сил конкуренции» [4, 469], поскольку «альтернативные способы регулирования не столь удовлетворительны по сравнению с налогом на капитал и иногда создают больше проблем, чем решают» [4, 543].

В результате фундаментальное неравенство $r > g$, которое лежит в основе экономического неравенства, может сократиться, что может затормозить объективно присущую капитализму тенденцию к усилению неравенства.

Несколько удивляет тот факт, что Пикетти не обращает внимания на возможность решить проблему $r > g$, следовательно, и проблему экономического неравенства с помощью увеличения темпа роста g . Тем более что он обращается к теориям экономического роста Домара-Харрода, Солоу, «золотому правилу накопления» Э. Фелпса [4, 234-236, 575].

Однако он трактует их весьма своеобразно, сводя различие между ними к форме записи уравнения своего «второго экономического закона капитализма».

Уравнение Домара-Харрода имеет вид $g = s/\beta$. Теория Солоу, по утверждению Пикетти, позволила изменить эту запись и представить то же уравнение в виде $\beta = s/g$. Получается, что теория роста Домара-Харрода, которая выводится на основе функции Леонтьева, и теория Солоу, которая опирается на функцию Кобба-Дугласа, являются просто разновидностями одной теории. Из «золотого правила» Фелпса Пикетти исключил проблему поиска нормы сбережений, которая обеспечивает максимальный уровень потребления в обществе, сведя его к равенству $r = g$.

Что касается собственного понимания автором экономического роста, то он, опираясь на обзор исторических данных, ограничивается замечанием: «мне кажется маловероятным, что долгосрочный рост производства на душу населения в наиболее развитых странах может превысить 1,5% в год» [4, 108]. Кроме того, по его мнению, «рост может создавать новые формы неравенства» [4, 109].

Вообще говоря, произвольные и неточные трактовки теорий других ученых очень характерны для книги Пикетти. В тексте несколько раз упоминается всеобщий закон капиталистического накопления и закон тенденции нормы прибыли к понижению Маркса, которому автор приписывает вывод об автоматической гибели капитализма под воздействием снижения нормы прибыли, а потом критикует этот вывод [4, 231].

То же самое относится и к теории Кейнса, которая, как представляется, должна служить идейной основой концепции Пикетти, так как именно Кейнс объяснил необходимость изменения экономической роли государства по мере развития и усложнения капитализма как социально-экономической системы. Методологической основой теории Кейнса является агрегатный анализ экономического кругооборота, который представляет реальную экономику как взаимодействие потоков расходов и доходов. Кейнс никогда бы не объединил в один агрегат землю, недвижимый капитал, промышленный капитал (реальный, физический капитал) и финансовые активы. По Кейнсу, финансовые активы не имеют отношения к производству реального продукта, а финансовые инвестиции – это форма сбережений, но никак не реальные инвестиции. Пикетти же постоянно смешивает сбережения и инвестиции. В этом смысле характерны его утверждения: «правильнее всего будет рассматривать прибыль предприятий, вновь вложенную в производство, как сбережения, накопленные их собственниками, а значит, как составляющую частных сбережений», «чистые сбережения увеличивают объем капитала» [4, 182].

Поэтому его справедливое замечание о том, что «рост цен активов обусловил от четверти до трети повышения соотношения между национальным капиталом и национальным доходом» [4, 195], не привело его к выводу об усилении финансиализации экономики как причине сокращения темпов роста вследствие торможения реальных инвестиций, и усиления неравенства. Он лишь констатирует: «прослеживается мощная тенденция к финансиализации экономики и структуры имущества, в результате которой масса активов и пассивов, принадлежащая различным категориям (домохозяйствам, компаниям, управленческому аппарату), увеличивалась еще быстрее, чем чистая стоимость имущества» [4, 198]. Отсюда парадоксальный вывод: «ключевую роль в накоплении капитала играет замедление роста» [4, 201].

По мнению Кейнса, предельная эффективность капитала (категория, близкая к категории доходности Пикетти, но у Кейнса она представляет собой характеристику только реального капитала) находится под воздействием *animal spirits* инвесторов-предпринимателей, осуществляющих реальные инвестиции и которая ослабляется по мере развития капитализма прежде всего под влиянием усиления роли финансового сектора, что превращает реальную экономику в «побочный продукт деятельности игорного дома» [2, 166], так как усиливает присущую природе капитализма неопределенность в ожиданиях будущих прибылей. Сбережения, не превращающиеся в инвестиции, – вот по Кейнсу главная проблема капитализма, которая и приводит к необходимости государству принимать на себя функцию инвестора (реального).

Пикетти, объявив в начале книги, что для него главной задачей является «сделать вопрос о распределении центральным в экономических исследованиях» [4, 33], не смог понять ни логику Маркса, ни логику Кейнса, которые исследовали *производство*. Приписывая им свою логику, он приписывает им и свои выводы, которые затем подвергает критике.

«Капитал в XXI веке» - очень сложная книга, и автора нельзя упрекнуть в том, в чем он упрекает других ученых: «экономисты любят простые истории, даже когда их точность остается приблизительной» [4, 222]. Однако точность его весьма непростой истории также оставляет желать лучшего.

Вместе с тем нельзя отрицать, что Пикетти в какой-то степени смог реализовать столь привлекательную для него идею: «внести свой скромный вклад в определение наиболее адекватных и эффективных способов социальной организации, институтов и государственной политики, которые действительно позволили бы создать справедливое общество в рамках правового государства, чьи законы известны заранее, применимы ко всем и могут подвергаться демократическому обсуждению» [4, 49].

По собственному признанию Пикетти, он «склонен придавать больше значения борьбе идей» [4, 518]. Эта борьба отражает противоречивый характер процесса глобализации. Содержание книги демонстрирует, что автор ориентируется прежде всего на реализацию проекта единой Европы. Однако этот процесс также чрезвычайно противоречив, поскольку Европа, вынуждена «преодолевать свою политическую раздробленность и логику ожесточенной налоговой конкуренции» [4, 546], что не способствует формированию столь необходимой единой налоговой системы. Он сокрушается, что «у различных стран отсутствует ясное стремление к созданию европейского налогового и бюджетного союза в долгосрочной перспективе» [4, 575], но его предложения вряд ли осуществимы в ближайшем будущем. В свете событий, которые происходят в мире и в Европе в последние годы, почти безнадежно выглядит идея, которую Пикетти выдвинул в конце книги:

«Приоритетом для европейских стран сегодня должно стать построение континентального государства, способного установить контроль над имущественным капитализмом и частными интересами и сохранить европейскую социальную модель в XXI веке; мелкие различия между ее национальными вариантами носят второстепенный характер, когда речь идет о выживании общей модели» [4, 573].

Итак, «идеальное общество, где все прочие задачи почти полностью автоматизированы и где каждый сможет целиком посвятить себя образованию, культуре и здоровью» [4, 305], является пока что абстракцией, а может быть даже и утопией, хотя интересной и в чем-то полезной.

Литература

1. *Есть ли будущее у капитализма?* Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манн, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 320 с.
2. *Кейнс Джон Мейнард*. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.

3. *Кругман П.* Выход из кризиса есть! — М.: Азбука Бизнес, Азбука-Аттикус, 2013. — 320 с.
4. *Пикетти, Томас (1971–)*. Капитал в XXI веке. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 592 с.
5. *Стиглиц, Джозеф.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему: — М.: Эксмо, 2015. — 512 с.
6. *Стиглиц, Джозеф.* Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? — Москва : Эксмо, 2016. — 480 с.
7. *Джомо, К.С., Попов В.В.* Долгосрочные тенденции в распределении доходов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 146–160.
8. *Капелюшников, Р.И.* Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117—139.
9. *Григорьев, Л.М.* Социальное неравенство в мире – интерпретация неочевидных тенденций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 160–170.

Погребинская Е. А.

ОСОБЕННОСТИ КООРДИНАЦИИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА РЫНКЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Дисбалансы различной природы проявляются в современной экономике. Проблему несбалансированности спроса и предложения в современной экономике исследуют многие экономисты, так В.М. Бондаренко отмечает [1,8-25]: «Десятки тысяч машин производят на заводах каждую неделю, но они почти не продаются... на нашей планете больше машин, чем человеческих существ, почти 10 миллиардов штук. По всему миру скапливаются запасы ненужных автомобилей. Но сегодня происходит перепроизводство не только машин и других товаров, но и перепроизводство денег и информации. Сегодня, например, в Китае, Монголии и др. странах существуют невостребованные человеком из-за высокой стоимости целые новые города, построенные в угоду инвесторов с целью получения высоких доходов, а \$6,8 трлн. были инвестированы впустую...». Многие экономисты разделяют мнение, что модель человеческих отношений, основанная на опосредованной связи между производством и потреблением, на конвейерном, массовом производстве, затратная и неэффективная, себя исчерпала. В массовом производстве потребительских товаров широкий доступ к цифровым технологиям бросает вызов традиционным моделям производства, значительно снижая как трансформационные, так и транзакционные издержки: цифровое прототипирование персонифицировано, ориентировано на выпуск продукции для «рынка», состоящего из одного человека. В сфере медицинских услуг такое не всегда возможно.

Для характеристики актуальности этой проблемы в экономике здравоохранения подойдут многочисленные аргументы, но наиболее весомыми являются два. Во-первых, качественные трансформации в виде перенесения инноваций в практику хозяйствования и реальную действительность. Во-вторых, понимание «инновации» как фундаментальной общенаучной категории в современном обществе. Интенсивное и широкое использование инноваций преобразует практически все сферы жизни общества и вызывают в них

глубокие сдвиги, сфера здравоохранения является одним из форвардов. Формируется новая среда и новая инфраструктура общественной жизни, и медицинских услуг, в частности. На конец 2016 года объем предоставляемых платных медицинских услуг оценивался в 47,7 млрд. рублей, а ежегодный прирост этого рынка – не менее 5% [4].

В практическом плане наиболее остро ощущаются такие проблемы здравоохранения, как неполнота спектра услуг, охватываемых ОМС, доступность и качество ДМС, доступность отдельных видов инновационных медицинских услуг. По данным исследования Высшей школы экономики, 80% россиян не могут рассчитывать на бесплатную медицинскую помощь, соответствующую своим потребностям от государства. В 2015 году негосударственные медицинские клиники по ОМС оказали услуг на сумму более 1,2 млрд. руб. Тем не менее, в случае болезни большинство наших сограждан (60%) прежде всего идут в государственные поликлиники. При этом две трети россиян (65%) оценивают качество медицинских услуг, предоставляемых в государственных больницах и поликлиниках, в целом как низкое (чаще это отмечают люди с высоким достатком (69%), нежели малоимущие (59%). Наиболее актуальными проблемами российского здравоохранения, по мнению населения, являются низкое качество медицинских услуг (50%) и недостаточный уровень профессиональной подготовки врачей (49%), несколько реже отмечается неэффективная работа страховых компаний, участвующих в системе ОМС (9%) [3].

На классическом рынке потребитель приобретает повседневные товары по рыночным ценам, выбирая подходящего производителя, руководствуясь ценностью покупки, бюджетными ограничениями, ценой продукта и явными неценовыми детерминантами. На рынке медицинских услуг на спрос значительное влияние могут оказать риск заболевания и его неопределенность, внешние эффекты, асимметрия информации, этические соображения и чувство несправедливости, государственное вмешательство. Так, потребность в медицинских услугах может возникнуть внезапно в силу риска заболевания и его неопределенности: никто не может быть уверен, что с ним не случится несчастный случай, заражение, либо проявление наследственности. Поэтому человек либо должен иметь деньги, для того, чтобы рассчитаться с врачом за оказанные услуги, либо рассчитывать, что за оказание медицинской помощи за него кто-нибудь заплатит (государство, фирма, либо страховщик по ДМС). Самыми востребованными являются стоматологические услуги, анализы (разные анализы крови, кардиограммы, УЗИ), лечение некоторых заболеваний, массаж, психологическая и психиатрическая помощь, различные терапии (игло-, рефлекс-, мануальная терапия). Среди наиболее востребованных платных медицинских услуг – услуги стоматолога, их оплачивает почти половина опрошенных - 49%; анализы и диагностика - 43% опрошенных, при этом 63% из них сдают анализы и по полису ОМС; консультации узких специалистов – за услуги кардиологов, онкологов и других врачей платят 30% пациентов [3].

В современной российской экономике в процессе взаимодействия субъектов на рынке здравоохранения присутствуют явления и отношения, способствующие нерациональному использованию потенциала медицинских организаций и отдельных медицинских услуг. Это обуславливает необходимость четкого осознания и институционализации экономических интересов субъектов рынка услуг здравоохранения и формирования маркетингового механизма взаимодействия на основе социальной ответственности государства, бизнеса и самого пациента. Необходимо формирование принципиально нового типа отношений на многосубъектной основе, предполагающего, что каждому из участников процесса взаимодействия свойственны общие ценностные ориентиры. Существующий временной лаг подчёркивает инерционный характер стоимости медицинских услуг и обуславливает необходимость взаимодействия с целью минимизации издержек запаздывания спроса пациентов и предложения на рынке инновационных медицинских услуг. Кроме этого, на характер взаимодействия влияет специфика поведения субъектов рынка инновационных медицинских услуг и пациентов.

Известно регулирующее и координирующее воздействие на рынок свободного ценообразования, свободы потребительского выбора, конкуренции и транспарентности производителей. В идеале ценовой механизм является средством достижения эффективного распределения ресурсов. Уровень цен на медицинские услуги и медикаменты (при условии их свободного формирования) предоставляет медицинским организациям необходимую экономическую информацию об условиях предложения и спроса – о потребностях и предпочтениях пациентов, степени наполнения рынка, размере издержек и необходимом качестве медицинских услуг. На практике ситуация осложняется. Спрос и предложение на рынке медицинских услуг определяются не только традиционным, но и гораздо более широким и противоречивым набором факторов, во многом нерыночных. Как российский, так и зарубежный опыт показывает, что пока ни одно общество не выработало действенный механизм реализации права человека на здоровье. Этому мешает противоречие между потребностями пациентов, желаниями врачей и ограниченными ресурсами.

В здравоохранении спрос – это количество медицинских услуг, которое желают и могут приобрести пациенты за некоторый период по определенной цене. Здесь спрос выступает как платежеспособная потребность в медицинских услугах, но изменения под влиянием цены не так чувствительны, как на рынке потребительских товаров. Существенным фактором спроса являются оппортунизм пациента (потребителя) и оппортунизм доктора (производителя), что находит проявление как в системе ОМС, так и в системе ДМС. Пациент, застраховавшись на случай болезни, перестает ее опасаться, меньше заботится о здоровом образе жизни, в результате чего у него могут развиваться заболевания, и вырасти потребление медицинских услуг. С другой стороны, застрахованный пациент получает медицинские услуги в момент наступления страхового

случая бесплатно или с символическими доплатами. Исчезают ценовые сигналы, действующие на традиционных рынках благ, происходит перепотребление «бесплатных» медицинских услуг (пациент обращается за медицинской помощью и тогда, когда мог бы без нее обойтись, затягивает лечение и т.д.). Оппортунизм производителей возникает там, где производители получают вознаграждение по гонорарному принципу, так, у докторов возникают стимулы рекомендовать пациенту необязательные или даже ненужные обследования и процедуры, тем самым, стимулируя излишний спрос на медицинские услуги и вызывая их перепотребление. Внешние эффекты являются существенной характеристикой рынка медицинских услуг. Асимметрия информации между доктором и пациентом проявляется в возможности врачей оказывать влияние на спрос медицинских услуг. Руководствуясь собственными экономическими мотивами, особенно при гонорарной системе оплаты, доктора назначают не всегда нужное обследование и лечение, вызывая явление «спроса, стимулируемого производителями». Излишний спрос на медицинские услуги вызывает их перепотребление. На рынке медицинских услуг пациент плохо осведомлен об услугах, которые он покупает, возможно, меньше, чем о любых других приобретаемых услугах. Чаще всего именно врач и медицинская организация предлагают типовой набор: диагностика, лечение, прием лекарств, госпитализация, периодичность повторных посещений врача. Теоретически пациент может принимать участие в регулировании рынка, но его участие гораздо более ограничено, чем в практически любой другой области финансово-хозяйственной деятельности.

Вмешательство же ОМС или частной страховой организации, преследующей интересы снижения страховых выплат, способно свести спрос на дорогостоящие инновационные медицинские услуги на нет. Пациент воспринимает их как товары роскоши, и в более значительной степени prone отказывается от необходимого, выдаваемого за роскошь. Об этом свидетельствует тот факт, что в случае болезни большинство россиян (60%) идут в государственные поликлиники. Хотя о правах по полису ОМС известно большинству, но известно и то, что наличие полиса дает возможность получить первичную медико-санитарную и скорую медицинскую помощь (по 71%), консультации узких специалистов (57%). А качество медицинских услуг, предоставляемых в государственных больницах и поликлиниках, две трети россиян (65%) оценивают, как низкое (чаще это отмечают люди с высоким достатком - 69%, нежели малоимущие - 59%). Наиболее актуальными проблемами российского здравоохранения, по мнению населения, являются низкое качество медицинских услуг (50%) и недостаточный уровень профессиональной подготовки врачей (49%). Реже всего участники опроса жалуются на неэффективную работу страховых компаний, участвующих в системе ОМС (9%). Индекс доступности медицинской помощи показывает, как часто больные россияне обращаются в больницы. Чем выше значение индекса, тем чаще обращения в больницы и поликлиники, на текущий момент его значение 38 (из 100), хотя в начале 2000 гг. он едва превышал 15 [3].

Предложение в здравоохранении – это количество медицинских услуг, которое врачи могут оказать за определенный период времени населению. Предложение, при прочих равных условиях, изменяется в прямой зависимости от изменения цены: по мере роста цен производители предлагают пациентам большее количество услуг, и большее количество производителей согласны оказывать данные услуги, при падении цены соответственно уменьшается количество производителей, представленных на этом рынке и уменьшается количество оказываемых услуг. Однако на предложение инновационных медицинских услуг оказывают влияние и такие факторы, как совершенствование медицинского оборудования и техники с одновременным их удорожанием, высокая доля импортного оборудования и медикаментов, появление на рынке новых медицинских услуг, оказываемых недобросовестными конкурентами, что приводит к накрутке «за бренд». Медицинские организации под воздействием конкуренции ведут себя не совсем так, как ведут себя обычные товаропроизводители потребительской продукции. Они обладают возможностью ограничивать объем предоставляемых услуг, повышая цену, даже если соотношение спроса и предложения неблагоприятно. Графически это отображается в положении кривой предложения выше и параллельно кривой спроса, без пересечения, в силу особенностей услуг (запасы и потери минимальны даже в этом случае).

Современную ситуацию с дисбалансами в здравоохранении и сфере высокотехнологичных инновационных услуг можно охарактеризовать, как «парадокс Абалкина». Параллельно существуют и перенакопление капитала, и резервы неиспользуемых производственных мощностей и оборудования, а на другом полюсе – непрекращающийся и исчезающий дефицит (по отношению к технико-производственным возможностям) доступных высокотехнологичных и доступных услуг диагностики, протезирования, реабилитации, т.д. Как и в случае с чрезвычайно заостренным выражением тех парадоксов, которые присущи переходной экономике и описываются параллельным существованием дефицита и перенакопления, графической характеристикой рынка многих медицинских услуг является феномен параллельности кривых предложения и спроса. Как и в исследованной Л. И. Абалкиным ситуации, в современном здравоохранении к дисбалансу приводят как сама специфика рынка, так и факторы спроса и предложения. Специфичность рынка услуг проявляется в неосязаемости ряда медицинских услуг (диагностических, консультационных), в невозможности ощутить до момента её приобретения, в практически полной интегрированности с источником услуги (даже в случае с телемедициной), в чрезвычайности и несохраняемости услуги, в неоднородности качества медицинской услуги (как в зависимости от квалификации специалиста, оснащенности, так и от спонтанного оппортунизма), в неоднозначности последствий.

Традиционно общество считает, что, если человек не может купить себе автомобиль или бриллиантовое кольцо – это его личное дело, но отсутствие доступа к базовой медицинской помощи – это несправедливость. Охрана

здоровья рассматривается как «право», а, значит, медицинские услуги не должны распределяться только по ценам или доходам. Объективные основы изменений в обществе, тенденции к созданию инновационной экономики диктуют принципиально новые требования к организации взаимоотношений между субъектами рынка медицинских услуг и потенциальными и реальными пациентами. Маркетинговая среда взаимодействия содержит как возможности, так и угрозы для деятельности медицинских организаций, подвержена влиянию как макросреды, так и микросреды, что обосновывает необходимость двойной адаптации к изменениям внешней среды. Сама по себе маркетинговая среда может быть механизмом, до некоторой степени сглаживающим дисбаланс на рынке медицинских услуг. Здравоохранение имеет наиболее широкие, устойчивые и сильные обратные связи со своей макросредой, так как влияет на человеческие ресурсы, которые в своей дальнейшей деятельности начинают определять изменения этой среды [2]. Здравоохранение в большей степени, чем какая-либо другая сфера деятельности, испытывает на себе воздействие внешней макросреды, являясь, по сути, её отражением. Коммуникативное пространство системы здравоохранения рассматривается в качестве одного из инструментов сокращения дисбалансов через распространение услуг телемедицины. Оно складывается на основе совокупности элементов различной ресурсной природы, формируя сложную децентрализованную структуру с высокой динамичностью и неравномерной плотностью на различных участках, своего рода, «невидимую руку».

Государственное вмешательство рассматривается как дополнение «невидимой руки» рынка, которая на рынке медицинских услуг легко теряет свою осязаемость. Государственное вмешательство необходимо и вызвано тем, что функционирование рынка медицинских услуг вызывает много проблем для населения. Это служит аргументом целесообразности правительственного вмешательства, а страновые различия лежат в плоскости форм и степени вмешательства. Так в США, стране с преимущественно частной системой медицинского страхования, 40% средств на здравоохранение поступает через государственные программы.

Вмешательство государства на этом рынке «опекаемых благ» заключается в установлении особых «правил игры», направленных на защиту пациентов и проявляющихся в обязательном лицензировании медицинских организаций и услуг, аккредитации лиц, оказывающих медицинские услуги, у которых знания и материально-техническое оснащение соответствуют профессиональным стандартам. Регулирование рынка медицинских услуг имеет отношение не только к экономике, но и к политике. Управляемость объемом и качеством медицинскими услугами играет важную роль. Нерегулируемый хаос в этом вопросе может представлять угрозу для социальной стабильности государства, именно поэтому практически все страны разрабатывают меры регулирования этой сферы услуг с помощью разнообразного набора экономических и правовых форм и методов воздействия на хозяйственные процессы в здравоохранении. Правовые методы регулирования в современных условиях

являются механизмом, превентивно снижающим уровень энтропии на рынке здравоохранения. Долгосрочные концепции, программы развития здравоохранения и его подотраслей, законы, указы вносят ясность в существование медицинских организаций всех организационно-правовых форм и всех форм собственности. С помощью административных методов регулируется деятельность медицинских организаций, финансируемых из бюджета, оборот лекарственных средств. Государство, будучи принципалом, регулирует работу медицинских организаций с целью оптимального (с точки зрения государственных органов) функционирования бюджетного здравоохранения. Это проявляется через издание документов, имеющих обязательное действие (приказы, распоряжения и пр.). В свою очередь руководитель медицинской организации, будучи агентом, управляет ей в пределах своей компетенции. Именно административные методы способны минимизировать оппортунизм врачей. Экономические методы, традиционно эффективные в коммерческих секторах (налоговые ставки, льготы, субсидии, дотации), бесспорно интересны, но не обнаруживают аналогичного воздействия на здравоохранение. Более эффективны формирование и использование бюджетных средств, направляемых на финансирование системы охраны и укрепление здоровья. Организационно-экономические методы регулирования путем создания государственных ведомственных служб здравоохранения (военная, транспортная, судебная медицина, медицина катастроф и пр.) хорошо зарекомендовали себя в функциях координации и «опеки» благ здравоохранения, переставших быть общественными.

В экономике необходима новая модель отношений между людьми, адекватная новым производительным силам. Подготовка промышленности к шестому технологическому укладу на базе NBICТ (нано-био-инфо-когнотехнологий) должна сопровождаться адаптацией отношений между людьми по поводу производства инновационных благ и нацеленности этих благ прежде всего на первостепенные потребности человека. В здравоохранении, производстве и потреблении инновационных медицинских услуг необходим механизм согласования интересов государства, общества, бизнеса с интересами конкретного человека. Только в таком случае инновационные изменения будут восприниматься как объективные, и медицинские организации будут ориентированы на подбор задач, инструментов и механизмов, которые заполнят временной лаг между возникновением потребности конкретного пациента и ее удовлетворением, нацеленный на минимизацию всех процессов и эффективное использование всех ресурсов.

Литература

1. *Бондаренко В.М.* Мировоззренческий взгляд на проблемы развития России и мира // Теоретическая экономика. № 2 (26), 2015. С. 8-25. www.theoreticaleconomy.info
2. *Гущина, Е.Г.* Маркетинговый механизм взаимодействия социально-значимых рынков (на примере образовательных услуг и рынка труда) / Е.Г. Гущина // Экономические науки. - 2009. - № 57.
3. Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов. Пресс-выпуск ВЦИОМ №2919. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115370>
4. Самые востребованные услуги: 7 идей для бизнеса с нуля. <http://moneymakerfactory.ru/biznes-idei/samyie-vostrebovannye-uslugi/>

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Трансформации воспроизводственной структуры отечественной экономики происходят в условиях изменившейся парадигмы развития мировой экономики и обострении общей геополитической обстановки. Всё ещё действует модель трансграничного движения капитала в России, которая основана на вывозе невозпроизводимых природных ресурсов при значительном оттоке капитала. Данная модель создаёт дополнительные риски для экономической безопасности страны, устойчивости отечественного финансового рынка. Вместе с тем интеграция в мировую экономику остаётся стратегическим направлением развития современной России, поскольку призвана повысить эффективность хозяйственной деятельности. Участие в МРТ, предполагающее специализацию, должно способствовать оптимизации отраслевой и региональной структуры отечественной экономики. Расширение доступа к мировым инвестициям и технологиям будет стимулировать отечественное предпринимательство. Интеграция в мировую экономику расширит рынки сбыта и даст импульс для выхода на траекторию устойчивого роста и социального развития.

Актуальность анализа современного этапа глобализации возрастает по мере углубления интеграции России в мировое хозяйство. Отечественная экономика всё более подвержена воздействию обостряющихся противоречий глобализации. Последние порождают риски усиления негативных тенденций, кризисных явлений в экономике нашей страны [1, 47].

Глобализация представляет собой объективное, и многоплановое и противоречивое явление современной мирохозяйственной жизни, характеризующееся качественными изменениями мировой хозяйственной системы. Анализ взаимодействия центробежных и центростремительных сил, действующих в отношениях между экономическими субъектами мирового рынка, осмысление и разрешение имеющихся и намечающихся противоречий между ними требует последовательного системного подхода.

Глобализация тесно связана с либерализацией мировой экономики, которая предполагает свободное межстрановое перемещение товаров, услуг и факторов производства. Либерализация сопровождается обострением конкуренции на мировом рынке и порождает качественно новые противоречия и проблемы между экономическими субъектами [2, 31].

Развитие глобализации непосредственно связано с теорией и практикой неолиберализма. Последний претерпевает определенные трансформации. Официально западные страны ориентируются на глобальную либерализацию, тогда как реально ведется поиск альтернативных моделей мирохозяйственного регулирования. Наблюдается усиление вмешательства государства в экономику, в частности, в форме субсидирования реального сектора, введения

замаскированных протекционистских мер. Модель всеобщей экономической либерализации постепенно модифицируется, что четко прослеживается в усилении различия механизмов её реализации в разных странах.

Как известно, нелиберальная модель базируется на общих постулатах либерализма. Последние были реализованы в 70-х годах при разработке концепции нового мирового экономического устройства. Она предусматривала, в частности, унификацию механизмов экономического регулирования на жесткой монетарной основе. Стихийные рыночные регуляторы рассматривались в качестве главного рычага экономического роста. Предполагалось ослабление государственного регулирования.

Усиление роли рыночных механизмов на национальном и международном уровне ставится неолибералами во главу угла и рассматривается как средство интенсивного глобального развития и гармонизации мировой экономики. Вместе с тем опыт мировой истории породил неоднозначное отношение к либеральной теории. Так, экономика Китая и Индии далека от воплощения неолиберальных идеалов. Тем не менее, высокие темпы роста этих стран общеизвестны [9, 7].

Для неолиберальной модели глобализации характерно также подталкивание слаборазвитых стран к устранению торговых ограничений при сохранении собственных. Это ведёт к консервации экономической отсталости и технологической зависимости, углублению поляризации стран на развитый центр и зависимую периферию. Существует реальная опасность деградации слаборазвитых экономик, обусловленная экологическим, технологическим и информационным колониализмом [5, 35].

Происходит резкое расширение экспансии транснационального капитала. Главными генераторами идей неолиберализма являются глобальные ТНК и мировые финансовые центры, находящиеся, по сути, вне рамок правового поля. Социально-экономическая специфика национальных экономик игнорируется. Навязывается унифицированная модель догоняющего развития в целях ускорения интеграции менее развитых стран в мировую экономику на неравноправных условиях. Ограничение национального суверенитета происходит в условиях усиления диктата международных финансовых институтов [4, 117].

Насколько жизнеспособна неолиберальная модель в современных условиях? Каковы перспективы и направления её трансформации? В значительной степени ответ на эти вопросы зависит от её способности предложить реальные методы разрешения основных обостряющихся противоречий, порождаемых глобализацией, решения проблем, в которых они проявляются.

Их можно систематизировать следующим образом:

- слабая регулируемость мировых финансовых рынков;
- обострение конкуренции на всех уровнях и сегментах мирового рынка;
- усиление поляризации населения по уровню доходов;

- усиление диспропорциональности развития в рамках отдельных стран, регионов, и мировой экономики в целом;
- интенсификация регионализации и локализации как контртенденций;
- качественное изменение роли государства в рыночной экономике.

Можно выделить следующие тенденции, порожденные обострением реальных противоречий и проблем глобализации. Страны вынуждены адаптировать свои экономические институты к требованиям глобализации, следствием чего является либерализация практически во всех сферах экономической жизнедеятельности. Национальным экономикам приходится выживать в условиях резкого усиления роли ТНК и ТНБ, которые, по сути, являются относительно новыми экономическими субъектами, институциональной формой интернационализации производства и обмена эпохи глобализации. Фактически реальной силы, способной противостоять ТНК в условиях глобализации не существует. В этой связи радикально меняются функции государства при общем ослаблении его регулирующих возможностей [7, 65].

В условиях глобализации государству становится всё труднее регулировать экономику на национальном уровне по многим причинам. В частности, можно выделить следующие:

- межстрановая конкуренция за приток иностранных инвестиций ослабляет использование традиционных рычагов макроэкономического регулирования, таких, как курс национальной валюты, таможенные тарифы, экспортные субсидии и т.д.

- происходит ослабление связи глобального рынка с географической территорией;

- наблюдается уменьшение эффективности трудового законодательства, подрыв возможностей реализации социальных программ в связи с усилением мобильности капитала;

- имеет место функционирование всё большей части национального богатства (интеллектуальные ресурсы, научно-технический потенциал и т.д.) вне рамок государственного контроля.

К обостряющимся противоречиям современного этапа развития процесса глобализации относятся, в частности, противоречия:

- между формированием единого мирового экономического пространства и делением мировой экономики на центр и периферию, имеющие, в свою очередь, противоречивые интересы;

- между возникновением единого мирового экономического пространства и мощных региональных блоков:

- между общемировой тенденцией возрастания производительности труда, увеличения объемов производства и углублением поляризации доходов и потребления, между повышением эффективности мировой экономики в целом и снижением жизненного уровня значительной части её населения;

– между эффективностью свободного трансграничного движения капитала и дестабилизирующей спекулятивной деятельностью мировой финансовой элиты;

– между финансовым и реальным секторами глобальной экономики.

Обостряющиеся противоречия современной глобализации проявляются также в качественном изменении характера конкуренции. Межфирменная конкуренция на олигополистических рынках превращается в конкуренцию между ТНК и государствами. Глобальные финансовые рынки, где главными игроками являются ТНК и ТНБ, превратились в колоссальную самостоятельную силу. Как национальный, так и международный контроль над мировыми финансовыми рынками практически отсутствует, что является основной причиной экономической нестабильности в современном мире [8, 70].

В этих условиях одним из направлений формирования предпосылок финансовой стабильности призвано стать дальнейшее развитие интеграционных объединений, в частности, на постсоветском экономическом пространстве. Наиболее зрелые институциональные формы регионализации экономического и валютно-финансового сотрудничества – это Евразийское экономическое сообщество и учреждённый в 2015 году на его основе Евразийский экономический союз.

Финансовая стабильность в интеграционных объединениях достигается за счёт снижения рисков, обусловленных снижением потребности объединившихся стран во внешнем финансировании, благодаря созданию коллективных форм защиты от внешних шоков. Развитие евразийской валютно-экономической интеграции перспективно с точки зрения формирования системы коллективной защиты от внешних финансовых угроз, усиливающихся в процессе развития глобализации. Последовательность этапов развития данного интеграционного взаимодействия должна быть дополнена комплексом совместных антикризисных мер в сфере курсовой политики, а также формирования коллективных финансовых институтов. Целью их должно стать взаимодействие финансовых систем стран-участниц, противостояние проникновению внешних шоков на территорию объединения.

Степень глобализации рынков рабочей силы в настоящее время существенно отстает от глобализации рынков товаров и капитала. Следствием этого является повсеместное растущее неравенство в доходах: инструментом повышения конкурентоспособности в условиях глобализации стала практика сокращения рабочих мест и снижение реальной заработной платы. Ранее государство смягчало эти негативные тенденции, но усиление неолиберальной доктрины в последние десятилетия привело к ослаблению роли государства в данной сфере.

Вместе с тем, по отношению к развивающейся глобальной власти мирового капитала в настоящее время наблюдаются следующие контртенденции [6, 59]. На уровне производительных сил – это локализация производства и, в целом, экономической жизни. С одной стороны, развитие новейших технологий позволяет сделать производство максимально гибким и

приблизить его к потребителю, снизить транзакционные издержки. С другой стороны, наблюдается сворачивание международного разделения труда, ведущее к увеличению издержек, отставанию стран и регионов в сфере НТП.

В сфере социально-экономических отношений антитезой глобализации является усиление протекционистских тенденций и относительного «закрытия» экономик. Данная тенденция, в свою очередь, противоречива. С одной стороны, развитие протекционизма служит одной из форм защиты малых и относительно слаборазвитых экономик от монополистического господства ТНК, развитых стран и их международных представителей (МВФ, НАТО и т.д.). С другой – ведёт к отрицательным последствиям, связанным со свёртыванием МРТ и кооперации. В целом, для многих стран третьего мира в настоящее время всё более характерна контр-интеграционная стратегия, предполагающая возрождение национальной государственности, защиту суверенных экономических интересов. Реализация этой стратегии ведёт к созданию блоков, противостоящих гегемонии мирового капитала [10, 146].

Ряд менее развитых стран, а также регионов, отдельных секторов экономики пытаются реализовать стратегию догоняющего развития с целью прорваться во «второй», а, в перспективе, и в «первый» эшелон корпоративного капитала. Вместе с тем, представляется, что монополизация капиталом развитых стран потенциала информационного общества не даст менее развитым странам, ориентированным на догоняющее развитие, подняться выше среднеразвитого индустриального общества.

Самоопределение нашей страны в современном мировом пространстве предполагает поиск сочетания тенденций постиндустриализма со спецификой потенциала России [6]. Необходимо отработка экономического инструментария ослабления воздействия внешних противоречий, порождаемых глобализацией, на макроэкономическое состояние отечественной экономики, которая обладает достаточным потенциалом для разработки технологий новой инновационной парадигмы, но их внедрение требует широкомасштабных инвестиций.

Антироссийские санкции ограничивают доступ на международные рынки капитала. В этих условиях внутренний кредит становится, фактически единственным источником кредитования отечественного инновационного сектора. Стоимость же российского кредита значительно выше стоимости кредита в развитых странах, что, по сути, замедляет переход на инновационный путь развития, затрудняет реализацию политики импортозамещения [3, 127].

Если в ближайшие годы такового не произойдёт, возникнет реальная угроза остаться на обочине развития мировой цивилизации, превратиться в сырьевой придаток развитых стран и испытать на себе в полной мере негативные последствия глобализации, рассмотренные в данной статье. От рациональности, гибкости и научной обоснованности, в частности политики ЦБ РФ, зависит реальная возможность отстоять экономический суверенитет, противостоять внешним негативным последствиям глобализации и выйти на траекторию устойчивого роста.

В условиях санкций необходимо последовательно совершенствовать механизмы защиты национальных интересов России. Так, например, стратегия привлечения иностранного капитала должна реализовываться во взаимовыгодных формах привлечения прямых инвесторов через софинансирование инновационных проектов и создания совместной отечественной и иностранной собственности как альтернативы полного выкупа иностранными инвесторами отечественных предприятий. Особенно это касается региональной политики. Сложно выйти на траекторию устойчивого роста при имеющемся дисбалансе между относительно развитым центром и отстающими регионами. Привлечение к софинансированию иностранного капитала могло бы реально дать дополнительный импульс к их развитию через внедрение новых технологий, создание рабочих мест, увеличение налоговых поступлений в бюджет и т.д.

Ещё одной серьёзной проблемой в условиях санкций и антисанкций является то, что в результате масштабного импортозамещения вместо дешевого и качественного импорта российские потребители получают более дорогие и менее качественные товары отечественных производителей, поскольку данные товары зачастую производятся на устаревшем оборудовании, с использованием несовершенных технологий. В таких условиях импортозамещение ведёт, по сути, к сокращению выгод от МРТ и снижению жизненного уровня наших граждан.

Вынужденный отказ от качественного импорта из европейских стран, замещение его российскими и некоторыми китайскими аналогами, продукцией из стран ближнего зарубежья замедляет ликвидацию технологического отставания во многих сферах производства. Поэтому мы тактически и стратегически заинтересованы восстановить интеграционные процессы России с Европой, перейти от вынужденной технологической и инвестиционной изоляции к взаимовыгодному экономическому партнёрству.

В условиях возрастающего ограничения ресурсов эффективное импортозамещение на основе подъема собственного производства может быть реально обеспечено благодаря концентрации средств на чётко ограниченном числе соответствующих проектов. Речь идёт о точечном росте импортозамещения, который предполагает отраслевую и территориальную декомпозицию данного процесса. При этом необходим отбор наиболее реальных и эффективных проектов. Некоторые проекты импортозамещения требуют бюджетного финансирования. Это касается авиационной, судостроительной, оборонной промышленности. Помимо создания благоприятного инвестиционного климата для экономики в целом, государство призвано сформировать для проектов импортозамещения особых условий и гарантий.

По сути, импортозамещение впервые создаёт объективные предпосылки для развития полноценной сбалансированной диверсифицированной структуры отечественной экономики, которая неизбежно должна придти на смену давно изжившей себя сырьевой модели. Реально происходящие структурные

преобразования российской экономики можно рассматривать как объективную историческую необходимость.

Представляется, что сложный процесс импортозамещения будет проходить в несколько этапов. На начальном этапе данного процесса России предстоит вернуть в значительной степени отечественной продукции собственный рынок. На следующем этапе, по мере усиления её конкурентоспособности, предстоит переход на экспорто-ориентированное производство. Импортозамещение призвано радикально улучшить структуру нашей экономики, однако, приходится признать, что в обозримом будущем вклад добычи нефти, газа и атомной энергетики в российскую экономику будет всё ещё весом.

Существенное отставание нашего инвестиционного среднетехнологического машиностроения можно преодолеть путём развития совместных производств и заимствований инноваций, свертывания неконкурентоспособных предприятий. Сложно будет поначалу отказаться от импорта оборудования связи, медицинской аппаратуры, многих лекарственных препаратов. На начальном этапе как альтернативу можно рассматривать возможность переноса в Россию зарубежных производств, поскольку это становится реальным в условиях удешевления труда. В целом переход от сырьевого на инновационный путь развития должен компенсировать удешевление ресурсов на мировом рынке, обеспечить будущий устойчивый рост страны.

Россия обладает серьёзным преимуществом физического пространства, богатыми природными ресурсами. Вместе с тем, имеет место дисбаланс между богатейшими ресурсами и социально-экономическим потенциалом их освоения, что расценивается лидерами глобализации как неспособность к эффективному хозяйствованию. Сохранить жизнедеятельность в условиях масштабных санкций можно, последовательно продвигаясь по пути системного освоения имеющегося потенциала, реализуя инновационную стратегию диверсификации отраслевого и регионального развития отечественной экономики, которая должна стать в значительной степени самодостаточной.

В этой связи интересен опыт Китая, который меняет стратегию воспроизводства, делает в настоящее время ставку не столько на внешнюю экономическую экспансию, сколько на обеспечение равновесного развития внутреннего рынка, вкладывает большие средства в развитие национальной инфраструктуры. США также начали подобного рода трансформацию макроэкономических приоритетов, перенося центр тяжести на активизацию сбалансированного роста национальной экономики. В том и другом случае речь идёт о доминировании в макроэкономических воспроизводственных пропорциях приоритета именно внутреннего рынка.

В целом же, исчерпание традиционных алгоритмов макроэкономического и мирохозяйственного регулирования заставляет основных игроков мировой экономики, в том числе и Россию, менять приоритеты, механизмы взаимодействия и искать новые эффективные пути развития.

Литература

1. Айрапетян М. Современные глобальные проблемы и экономика России // Проблемы теории и практики управления. — 2017. — № 6. — С.38-50.

2. *Акобян Н.Г.* Влияние глобального экономического кризиса на российскую экономику / Акобян Н.Г., Альпидовская М.Л. // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 3.-Ч.11.-С.33-35 .

3. *Богачев Ю.С.* Факторы, определяющие развитие национальной экономики в условиях перехода на новый технологический уклад / Богачев Ю.С., Трифонов П.В. // Экономика. Бизнес. Банки . — 2017. — № 3.-С.118-131 .

4. *Моисеев А.А.* Глобальная трансрегионализация: перспективы развития / Моисеев А.А., Альпидовская М.Л. // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 3.-Ч.11.-С.115-119 .

5. *Навой А.В.* Интеграция России в систему глобального движения капитала в условиях обострения геополитических рисков: в поисках новой национальной парадигмы // Банковское дело. — 2017. — № 2.-С.32-43 .

6. *Осьмова М.* Меняющийся облик экономической глобализации // Экономист .— 2017 .— № 1.-С.57-62.

7. *Перская В.В.* Крах неолиберализма как теории построения монополярного мира или трансформация глобализации? // Экономические стратегии. — 2017 .— № 5.-С.64-77 .

8. *Толкачев С.А.* Глобальные цепочки стоимости и национальная промышленная компетентность / Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. // Экономическое возрождение России. — 2017. — № 1.-С.63-81 .

9. *Фальцман В.К.* концепции экономического роста России: импортозамещение, экспортозамещение, умеренная глабализация // Экономист .— 2017. — № 11.-С.3-8.

10. *Юдин А.А.* Проблемы и отличительные черты современной глобализации / Юдин А.А., Альпидовская М.Л. // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — № 3а.-Ч.12.-С.142-146.

Терская Г.А.

МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ

Вопросы, касающиеся мотивации поведения индивидов в экономике, волновали исследователей на протяжении многих веков. Что движет людьми: стремление к богатству, славе, признанию окружающих или же стремление к достижению справедливости и других общечеловеческих идеалов, в первую очередь к материальным благам или к другим принципам взаимоотношений с окружающим миром? Отношение к данной проблеме менялось на протяжении столетий с изменением социально-экономических условий, образа жизни. В произведениях средневековых философов звучала идея о том, что взаимоотношения людей во многом строятся на отчуждении, когда воля отдельных лиц, воплощённая в социальных институтах, таких, как мораль, религия, искусство, обычаи, привычки – заставляет их подчиняться частным интересам и превращает людей в «дробные единицы». В философии Гегеля (1770-1831 гг.) отчуждение является одним из ключевых понятий, для него отчуждение – это реализация и «овнешнение» Абсолютного Духа.

Развитие общественной связи между людьми прошло ряд ступеней, которые исследуются К. Марксом в первоначальном варианте «Капитала». Сначала эта связь является природной зависимостью; в условиях капитализма впервые в истории создаётся универсальная общественная связь членов

общества; а с ликвидацией частной собственности начинается движение к «действительной социальной общности» [2, 208]. Переход к этой «действительной социальной общности», по К. Марксу, означает устранение рассмотренных им основных форм отчуждённости труда. Маркс видел в качестве пути преодоления отчуждения в капиталистическом обществе смену формы собственности, обобществление производства.

Классики экономической науки утверждали, что экономическое развитие общества проявляется прежде всего через движение интересов. В основе категории «интерес» лежит движение человека в общественном жизненном процессе, в котором происходит удовлетворение его биологических, социальных и идеальных потребностей. Интерес относится к категории, характеризующей поведение личности, и выступает во всеобщей рефлексированной форме, то есть включает отражение одного в другом. С одной стороны, выступает совокупность потребностей и влечений человека, а с другой – условия общественной жизни, которые способствуют или препятствуют реализации этой совокупности потребностей и влечений. Анализ движения интересов создает возможность дать объективную оценку происходящим в обществе процессам, связанным с поведением человека в тех или иных реальных условиях общественной жизни. Развитие общественного производства как сложной динамической системы осуществляется при наличии непрерывного единого движения в системе и определяется характером универсальной взаимосвязи в совокупном общественном организме, взаимной зависимости членов общества, самодвижением общественного производственного процесса, выражающего сочетание общественных, коллективных и личных интересов.

Первым экономистом, создавшим теоретическую модель экономического поведения, был А. Смит (1723-1790 гг.). Одним из ключевых понятий в экономической системе А. Смита является «Экономический человек» (“*Homo Economicus*”). Главный мотив поведения «экономического человека» – его собственная выгода, эгоизм, то есть «одинаковое у всех людей постоянное и неисчезающее стремление улучшить свое положение». Стремление к собственной выгоде, эгоистический интерес реализуется в товарно-денежном обмене в условиях экономической свободы и экономического либерализма. В современных работах присутствует справедливая критика классического подхода к человеку как к расчётливому «рационализатору», отражённого в «Исследовании о природе и причинах богатства народов». Однако в концепции самого А. Смита присутствует дуализм. Если обратиться к его более ранней работе – «Теория нравственных чувств, или Опыт исследования законов, управляющих суждениями, естественно составляемых нами сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных» (1759 г.) – то можно сделать вывод, что, согласно А. Смиту, эгоистический интерес людей имеет серьёзные ограничители. В этом произведении классик пытается ответить на два основных этических вопроса: как следует понимать добродетель и какие способности души побуждают нас предпочитать достойное поведение. У

Платона (427-347 гг.) в его сочинении «Государство» описываются три основные добродетели человека, лежащие в основе деления людей на классы: мудрость, мужество и «сдерживающая мера» (способность понимания необходимости соблюдать законы). Смит даёт собственную трактовку добродетели.

В общественные связи человека включает соучастие, или симпатия, которую Смит характеризует как основу морального поведения. Свойственный человеку эгоизм компенсируется чувством участия к другим, возникающим при попытке поставить себя на место другого человека. Конечно, личная заинтересованность может быть больше, но, по мнению Смита, симпатии «все-таки достаточно для установления в обществе гармонии и для поддержания возможной связи между несчастным человеком и свидетелем его страданий ... природа научает постороннего человека воображать себя на месте несчастного, а последнего — представлять себя в положении свидетеля. Они постоянно переносятся мыслью один на место другого ...»

Еще одна категория, рассмотренная А. Смитом в «Теории нравственных чувств» - «беспристрастный наблюдатель», или «посторонний свидетель»: «Мы стараемся взглянуть на наше поведение так, как на него посмотрел бы, по нашему мнению, беспристрастный и справедливый человек»... «Мы представляем себя свидетелями собственных действий и пытаемся испытать впечатление, которое они оказали бы на нас в таком случае. Это единственное зеркало, при помощи которого мы можем судить о приличии наших собственных поступков». Таким образом, по теории А. Смита, поведение человека направляется умением поставить себя на место другого человека и желанием заслужить одобрение внутреннего «беспристрастного зрителя».

Представители немецкой исторической школы экономической мысли (Ф. Лист (1789-1846 гг.), В. Рошер (1817-1894 гг.), К. Книс (1821-1898 гг.), Б. Гильдебранд (1818-1878 гг. и другие), критикуя классиков, показали, что в основе мотивов действия экономического субъекта лежит не только эгоизм, но и стремление к справедливости, ориентация на нравы и обычаи. Так, В. Рошер, например, подчёркивал, что для изучения политической экономии нужно знать семь сторон общественной жизни: язык, религию, искусство, национальность, право, государство и хозяйство. Представитель «молодой» исторической школы Л. Brentano (1844-1931 гг.) писал, что чисто экономических процессов не существует, и “*Homo Economicus*” является бессодержательной абстракцией, поскольку даже свободное предпринимательство, не ограниченное государственным вмешательством, всегда ограничено рамками нравственными (обязательность, честность и т.д.) Влияние обычаев на экономическое поведение не подвергалось сомнениям: приводился пример о том, что отношение в обществе к «жизни в долг» определяет склонность к сбережениям. Г. Зиммель (1858-1918 гг.) в «Философии денег» писал о влиянии денежной культуры на изменение психологии человека и отмечал, что денежная культура создает экстравагантность, порождает цинизм (раз все ценности, в том числе и моральные (совесть, честь) продаются за деньги, то они значения не имеют), и

делает существование человека бесхарактерным, а труд безразличным, поскольку последний имеет смысл, только если приносит доход.

Включение психологических факторов в анализ экономики является безусловной заслугой Дж. М. Кейнса (1883-1946 гг.) Кейнс писал, что «лишенные исчерпывающей информации субъекты не имеют возможности точно рассчитать результаты своих действий и должны опираться на свои далеко не рациональные (опять-таки в силу отсутствия информации) ожидания, предчувствия, интуицию, оптимизм и т.д.» [1, 169]. Неопределенность является одним из ключевых понятий кейнсианской теории. Поиск путей снижения неопределенности, проблема несовершенства рыночной информации находятся в сфере внимания современной западной некейнсианской теории.

Влияние фактора неопределенности проявляется в том, что неуверенность экономических субъектов в будущих доходах ведет к росту предпочтения ликвидности (по мотиву предосторожности). В итоге инвестиции в низколиквидные и имеющие длительные сроки окупаемости проекты снижаются, а ведь именно эти долгосрочные инвестиции и определяют экономический рост.

Основоположник старого институционализма (и институционализма вообще) американец норвежского происхождения Т. Веблен известен прежде всего своей резкой критикой против неоклассического понимания человека как рационального оптимизатора. Человек, по мнению Т. Веблена, не является "калькулятором, мгновенно вычисляющим удовольствие и боль", связанные с приобретением благ, т.е. выгоды и издержки их получения. В «Теории праздного класса» в 1889 г. он пишет, что «человека нельзя представить в качестве молниеносного вычислителя удовольствий и неприятностей или маленького шарика, раскатывающегося под действием стимулов, которые швыряют его туда-сюда, а он остается невозмутимым».

Поведение хозяйствующего субъекта определяется не оптимизирующими расчетами, а инстинктами, определяющими цели деятельности, и институтами, определяющими средства достижения этих целей. Инстинкты представляют собой цели осознанного человеческого поведения, формирующиеся в определенном культурном контексте и передающиеся из поколения в поколение. Перечень основных инстинктов, управляющих поведением "цивилизованных народов Запада", выглядит следующим образом [3]:

- Инстинкт мастерства, заключающийся в стремлении к "эффективному использованию наличных средств и адекватном управлении ресурсами, доступными для достижения жизненных целей". Иными словами, это культурно обусловленный инстинкт хорошо и эффективно делать свою работу.

- Родительский инстинкт, представляющий собой заботу о благе данной социальной группы и всего общества в целом.

- Инстинкт праздного любопытства. Он связан с бескорыстным стремлением к новым знаниям и информации.

- Инстинкт приобретательства.

- Инстинкт соперничества, агрессии и желания прославиться.

- Инстинкт привычки.

Инстинкт привычки, с точки зрения Т. Веблена, играет особую роль в человеческом поведении. Дело в том, что, по мнению основателя институционализма, взгляд на человека как на "рационального оптимизатора" формирует о нем представление как о пассивном субъекте, механически и мгновенно реагирующем на внешние изменения в соответствии со своей функцией полезности. В реальности же люди постепенно вырабатывают привычки, т.е. некие устоявшиеся способы реакции на определенные внешние события. Как полагал Т. Веблен, тот факт, что человек формирует привычки, является обратной стороной тезиса об активности его бытия. При этом привычки не являются формой бессознательного поведения.

Динамика экономического развития зависит от того, какие инстинкты преобладают в человеческом поведении. Если доминируют первые три инстинкта (или соединяются с последним инстинктом, т.е. "входят в привычку"), т.е. человеческое поведение управляется желанием хорошо делать свою работу (инстинкт мастерства), альтруистической заботой об общественном благе (родительский инстинкт) и тягой к новым знаниям (инстинкт праздного любопытства), то оно – будучи, по терминологии Т. Веблена, "промышленным поведением", – приводит к быстрому техническому развитию или "росту технологического мастерства". Если же доминируют "эгоистические инстинкты" – приобретательства, соперничества, агрессии и желания прославиться, то такое человеческое поведение, принимающее форму "денежного соперничества", негативно влияет на хозяйственное развитие.

Основные социальные институты, по Т. Веблену, – это экономический интерес, экономическое мышление, определенный образ мыслей, который формируется в рамках той или иной стадии исторического развития.

В произведениях многих представителей социально-психологического направления продвигается идея необходимости коллективных действий для достижения экономического результата и для смягчения экономических противоречий. Этому посвящены исследования Дж. Коммонса (1862-1945 гг.) – его последняя книга называется «Экономика коллективных действий», где он пишет о возможности уравновесить интересы действующих предприятий: «Самое лучшее производственное предприятие – это такое, где технические факторы используются наиболее пропорционально благодаря усилиям менеджеров. Самая лучшая фирма – та, где правильно соразмеряются покупки и продажи путем рыночных сделок. Самый лучший действующий коллективный институт – тот, где в правильном соотношении находятся техника и бизнес».

У.К. Митчелл (1874-1948 гг.), являясь учеником Т. Веблена, считал справедливой критику модели рационального гедониста, жёсткой поведенческой модели человека. Но, в отличие от Веблена, он считал денежную экономику лучшей из экономических систем, несмотря на то, что в ней сильны иррациональные институты.

В бихевиористской теории центральное место занимают поиски устойчивых предсказуемых взаимосвязей между стимулом и реакцией, которые можно моделировать.

В известной работе Д. Канемана (1934 г.) и А. Тверски (1937-1996 гг.) «Теория перспектив: изучение процесса принятия решений в условиях риска» описаны 11 «когнитивных иллюзий», искажающих способность к рациональной оценке: эффект якоря, боязнь потери, стадное поведение и избегание риска. «Теория перспектив» объясняет причины повторения людьми действий, приводящих к какой-то катастрофе, в том числе и финансовой. Авторами был раскрыт так называемый феномен «иллюзии невозвратных потерь», состоящий в том, что люди часто принимают ошибочные решения: когда экономический субъект в итоге неверных оценок понёс убытки и с целью минимизации этих потерь должен прекратить свои действия, но не делает этого по причине срабатывания механизма снижения чувствительности, иными словами, человек при растущих денежных потерях всё меньше ощущает дополнительные потерянные деньги.

Нобелевский лауреат 2013 года Роберт Шиллер (1946 г.), например, назвал свою главную книгу «Иррациональный оптимизм». В ней он показал, как изменения в сознании людей влияли на рынки в XX – начале XXI веков: «новости о повышении цен распаляют энтузиазм...и спекулятивный пузырь растёт» [10].

Всего несколько лет назад появилось новое направление в экономических исследованиях, значение которого мы, возможно, ещё не осознали. Это – нейроэкономика, находящаяся сейчас на начальных этапах своего развития. Много поколений экономистов в своих исследованиях исходили из предположения о рациональности поведения экономических субъектов. В реальной экономике часто (если не сказать всегда) присутствуют риск и неопределённость, особенно в кризисные времена. Разумеется, существуют разные объяснения того, что лежит в основе кризисов, и есть разные подходы к объяснению экономического поведения в условиях неопределённости. Однако всё большее число экономистов признают значение структуры человеческого мозга, определяющего принципы мышления и поведения человека. Эти идеи не новые, еще А.А. Ухтомский (1875-1942 гг.), выдающийся отечественный мыслитель XX века, создал учение о доминанте поведения, основывающейся на интегральном образе, который может быть переинтегрирован только через длительные постоянные действия [8]. Таким образом, вырабатывается привычка к повторению различных действий с целью реализации интересов человека, при определённых условиях может возникнуть искаженная реализация потребностей и влечений, приводящая к негативным явлениям в обществе и к тенденции их роста по объему и по продолжительности действия.

Одним из первых научных произведений по нейроэкономике является книга П. Глимчера (1961 г.) «Основы нейроэкономического анализа» (он и ввёл данный термин в научный оборот в 2010 г.). Глимчер попытался идентифицировать в мозгу структуры, которые отвечают за основные элементы

утилитарного подхода, свойственного человеку в условиях неопределённости: субъективная ценность; вероятность; результат субъективной ценности и вероятности – ожидаемая субъективная ценность; нейро-вычислительный механизм, который из нескольких возможных вариантов выбирает обладающий наибольшей ожидаемой субъективной ценностью.

Исследования в области нейроэкономики направлены на объяснение того, как люди принимают решения в разных экономических ситуациях. Дж. М. Кейнс, например, сделал вывод о том, что на бизнес-циклы по большей части влияют колебания уровня иррационального оптимизма (*animal spirit*) – жизнерадостности.

Созданное рыночной экономикой общество собственников, по мнению Р. Шиллера, «по своей природе...способствует развитию спекуляций, а благодаря причудам психологии человека возникает огромное количество рисков, которыми мы должны как-то управлять». Иррациональное поведение основано на вере людей в то, «что если они будут внимательно отслеживать все резкие колебания конъюнктуры при инвестировании, то в один прекрасный день станут богатыми, и никоим образом не готовятся к худшему» [10, 12]. На примере финансового кризиса Р. Шиллер показывает, что наряду с факторами, лежащими в границах реальной экономики и подстегивающими развитие кризиса (использование предприятиями большого количества заемных средств, ведущее к обесценению их активов; требования к капиталу финансовых институтов; конфликт интересов в кредитных рейтинговых агентствах; риски контрагентов и слабость финансовой системы), причина и главные источники проблем состоят не в этом. В основе всех катаклизмов, по мнению автора книги, лежит человеческая природа. Спекулятивные «пузыри» формируются потому, что люди, веря в лучший исход событий, не начинают беспокоиться, когда активы растут очень резкими темпами, и не прогнозируют начало кризиса. При оценке акций существует психологическая предвзятость, которая только усиливается с распространением мнения толпы и модой на определённые финансовые институты.

О внимании научного сообщества к развитию новых направлений поведенческой экономики свидетельствует присуждение в 2017 г. премии «В память А. Нобеля» Р. Талеру (1945 г.). Нобелевский комитет Шведской академии наук заявил, что Талер «дал нам новое понимание того, как человеческая психология влияет на принятие решений». Разработанная им «теория умственных расчётов» объясняет, как люди часто принимают финансовые решения, ориентируясь не на общий эффект, а на частные последствия, поддаваясь сиюминутным соблазнам. По этой причине далеко не все имеют способности для занятий планированием финансовой деятельности.

Поведение инвесторов может зависеть от случайных, мелких или незначительных факторов, связанных с эмоциями и настроением в момент принятия решения (например, такие, как погода). Талер на основе своих исследований разработал стратегию «либертарианского патернализма», которая направлена на то, чтобы подтолкнуть людей к разумному оптимальному

выбору. Одна из его основных книг – Nudge («Толчок»). Люди часто ведут себя нерационально, но, если разобраться с причинами нарушения рациональности, то можно управлять поведением людей, подталкивая их к правильным решениям. Поведенческие ошибки многочисленны:

- гиберболическое дисконтирование (предпочтение настоящих благ будущим);

- эффект владения (осуществление купли-продажи в зависимости от того, владеет ли в настоящее время человек данным предметом, в случае владения ему бывает сложно расстаться с этим благом);

- неприятие потерь (огорчение от потери может быть намного больше радости от приобретения);

- психологическое бюджетирование (теория ментального учёта);

- эффект приманки (человек делает выбор не на основании собственных потребностей, а на основе большей альтернативной полезности);

- гедоническая адаптация (удовольствие от приобретения новой вещи длится не долго);

- влияние эмоций;

- ошибки оптимизма и пессимизма;

- эффект присутствия (переоценка вероятности наступления события, участниками или свидетелями которого люди были);

- чувство справедливости (люди учитывают не только собственную выгоду при принятии решений);

- эффект фрейминга (зависимость от контекста).

Критики теории Р. Талера утверждают (и не без основания), что его теория либертарианского патернализма основывается на насилии, а нужно оставлять человеку широкую свободу выбора.

Вместе с тем Р. Талер, справедливо, по нашему мнению, утверждает, что «антипатерналистская позиция оказывается непоследовательной, потому что возможности каким-либо образом избежать воздействия на поведение и акты выбора людей просто не существует. Для убежденного либертарианца задача состоит в том, чтобы, несмотря на наличие таких воздействий, все же сохранить свободу выбора» [5].

Нам представляется, что такое равновесие между воздействием на людей со стороны социальных институтов и свободой выбора возможно только при условии высокого уровня доверия в обществе.

В политико-экономическом исследовании американского социолога Френсиса Фукуямы (1952 г.) «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию (2004) (англ. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity) (1995)» проводится идея о том, что экономического благополучия возможно достичь лишь при высоком уровне общественного доверия [8]. Доверие, по Ф. Фукуяме, представляет собой «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [9, 53].

Наличие в обществе разных форм оппортунистического поведения свидетельствует о том, что люди не всегда играют подчинённую роль по отношению к учреждениям-институтам, то есть они могут (хотя и в определённых пределах, в силу имеющихся полномочий) осуществлять действия от имени институтов в своих собственных, возможно, корыстных, интересах.

Институциональное отчуждение в современном обществе имеет свои особенности, принимая новые формы: если классики описывали негативные формы отчуждения, то сейчас институциональное отчуждение может выражаться в позитивных, а не отрицательных эмоциях – когда обожествляется государство, партия и т.д. Реформация институтов может быть успешной лишь при условии формирования новых привычек, норм и правил взаимоотношений людей и групп в обществе; для своей реализации она требует немалых совместных усилий членов общества.

Литература

1. Дж. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2011.
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. – Книга I. -Маркс К., Энгельс Ф. //Соч.- 2-ое изд. Т.23.
3. Розмаинский И.В., Холодилин К.А. История экономического анализа на Западе. - http://society.polbu.ru/rozmainsky_econanalysis/ch76_i.html
4. А. Смит. Теория нравственных чувств, или Опыт исследования законов, управляющих суждениями, естественно составляемых нами сначала о поступках прочих людей, а затем и о своих собственных. - http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=school&links=./in/smith/works/smith_w2_1_1_1.txt&img=works_small.gif&name=classic&list_file=
5. Р. Талер, К. Санстейн. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. - Издательство МИФ, 2017.
6. Терская Г.А. Рост потребительской активности как условие экономического роста // «Экономика и предпринимательство», № 4 (ч.2), 2016. С.175-179.
7. Терская Г.А. Институциональное отчуждение: истоки и современность / Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности. Сборник научных трудов / Под ред. Сорокина Д.Е., Альпидовской М.Л.- Краснодар, 2017. С. 278-282.
8. Ухтомский А. А. Доминанта. – М.-Л.: Наука, 1966.
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ./ Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
10. Р. Шиллер. Иррациональный оптимизм. Как безрассудное поведение управляет рынками. – М.: Альпина Паблшер, 2013.

Хасанов И.Ш.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ТРЕХСЕКТОРНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современных условиях вполне очевидно отмечается как кризис фундаментальной экономической науки, так и кризис практики глобальной экономики. В течение последнего столетия окончательно сложилась мировая капиталистическая система и даже проявились ее особенности на этапе

глобализации. Это послужило основанием для некоторых ученых приступить к выявлению закономерностей развития глобального капитализма [9]. В настоящее время мировая экономика это единая глобальная хозяйственная система со сложными связями между ее элементами, в качестве которых выступают практически все страны, включая бывшие социалистические государства. Всеобщий мировой экономический кризис 2008-2009 гг. явился наглядной иллюстрацией тесной внутренней взаимной связи всех стран и всех секторов экономик, а также высокой уязвимости современной глобальной капиталистической системы.

Мировая экономика в отличие от национальной экономики отдельной страны имеет следующие особенности. Когда изучается национальная экономика отдельной страны, тогда рассматривается индивидуальный воспроизводственный процесс, т.е. производство, распределение, обмен и потребление валового выпуска и внутреннего продукта определенной страны. Как известно, воспроизводственный процесс отдельной страны осуществляется благодаря тому, что часть валового выпуска и национального продукта реализуется на внутреннем рынке страны, а другая часть на внешних мировых рынках. Поэтому предметом изучения национальной экономики, главным образом, является механизм функционирования внутренних рынков и их воздействие на воспроизводственный процесс. Когда изучается мировая экономика, тогда предметом исследования является механизм функционирования мировых рынков за счет валового выпуска и национального продукта, поступающих в остальной мир из национальных экономик, а также их влияние на воспроизводственный процесс всех стран. Таким образом, мировая экономика представляет собой в качестве сравнения определенный резервуар, в который «вливаются водные ресурсы», в виде экспортируемых одними странами товаров (продукты, услуги, работы и другие активы), и «выливаются водные ресурсы» в виде товаров, импортируемых другими странами для поддержания в равновесном состоянии национальную экономику. Благодаря мировой экономике и ее рынкам происходит специфический обмен товаров на доходы между ее отдельными территориями (регионами), в качестве которых могут выступать отдельные страны или объединения стран. При изучении мировой экономики необходимо сосредоточиться на международных экономических связях, мировых рынках и их влиянии как внешнего фактора на национальные экономики отдельных стран.

Что же связывает национальную экономику каждой страны с мировыми рынками товаров или мировой экономикой? Каждая страна с ее национальной экономикой как субъект международных хозяйственных отношений характеризуется, на наш взгляд, прежде всего, тем, что она может иметь три варианта поведения: действовать только как экспортер, или только как импортер товаров и, наконец, как экспортер и импортер одновременно. В первом случае определенное государство осуществляет на мировых рынках предложение (как продавец) товаров и формирует валютные доходы, во втором случае выступает как покупатель и осуществляет спрос в обмен на свои

валютные доходы, а в третьем случае оно является и продавцом и покупателем товаров. Поэтому страны мира могут быть классифицированы на страны чистые экспортеры и чистые импортеры, т.е. имеющие соответственно превышение экспорта над импортом или наоборот, а также страны, имеющие равенство экспорта и импорта товаров.

Важным критерием при классификации стран является качественные признаки экспортируемых и импортируемых товаров. По нашему мнению, наиболее общей группировкой товаров по потребительной стоимости является следующая классификация:

- товары производственного назначения или средства производства (по мнению К.Маркса продукция отраслей I подразделения, а по Дж.М.Кейнсу капитальные блага) [2];

- товары потребительского назначения или предметы потребления (по взглядам К.Маркса продукция отраслей II подразделения, а по Дж.М.Кейнсу потребительские блага) [1];

- финансовые, кредитные, валютные и другие аналогичные ценности; ценные бумаги корпораций, драгоценные металлы и камни, деривативы и другие так называемые, инструменты денежного, кредитного и остальных финансовых рынков;

- движимая и недвижимая роскошь в виде земельных участков, замков, художественных ценностей, антиквариата, ювелирных изделий, исторических артефактов, дорогостоящих судов, самолетов, автомобилей и других транспортных средств;

- объекты интеллектуальной собственности: научные открытия и изобретения, современные технологии и аналогичные блага;

- продукция военно-промышленного комплекса, военные услуги, техника и технологии, движимое и недвижимое имущество военного назначения;

- невозпроизводимые природные ресурсы, находящиеся в реальной собственности [8].

Вышеуказанная группировка может быть детализирована также делением на товары продукты, товары услуги и товары работы, а также на товары, производимые и потребляемые юридическими лицами, в частности, транснациональными корпорациями, и товары, потребляемые широкими слоями населения (наемным трудом) и богатым населением (собственниками различных активов). Со второй половине XX становится важным деление, как национальной экономики, так и мировой экономики, по крайней мере, на следующие сектора:

- сектор видов экономической деятельности, производящих товары-продукты, товары-работы (строительные, научно-исследовательские и т.п.) и товары-услуги производственного назначения (капитальные блага) для юридических лиц;

- сектор отраслей, производящих предметы потребления и услуги для физических лиц (потребительские блага для населения);

– сектор видов экономической деятельности, оказывающих финансово-кредитные услуги, осуществляющих операции с недвижимостью, предметами роскоши для юридических и физических лиц.

Признание деления национальной экономики на два сектора (по К.Марксу на два подразделения, а по Дж.М.Кейнсу на две группы отраслей), по нашему мнению, позволило многим ученым в XX веке выявить следующие макроэкономические зависимости между: эффективным спросом и предложением; автономными и стимулирующими инвестициями; мультипликатором и акселератором; потреблением и сбережениями; предельной склонностью к потреблению и инвестициям; мультипликатором инвестиций и занятости; инвестициями и сбережениями; заработной платой и занятостью [3].

Исследование воспроизводственного процесса национальной экономики с использованием двухсекторного подхода (деления макроэкономики на группы отраслей, производящих средства производства и предметы потребления) позволило определить факторы, влияющие на темпы ее экономического роста [4; 5]. Изучение мировых хозяйственных связей глобальной экономики с точки зрения ее деления на вышеуказанные три сектора дает возможность обнаружить современные закономерности воспроизводственного процесса, определить факторы экономического роста и причины глобального кризиса мега экономики.

Важнейшей методологической предпосылкой воспроизводственного процесса мировой экономической системы и ее роста является равенство совокупного спроса и совокупного предложения на мировых рынках: потребительских благ и услуг (предметов потребления и услуг населению); капитальных благ и услуг (средств производства и производственных услуг организациям); финансово-кредитных услуг юридическим и физическим лицам (на финансовых рынках). Условие равновесия мировой экономической системы может соблюдаться только в том случае, если соблюдается пропорциональное развитие вышеуказанных секторов мировой экономики. Под пропорциональным развитием трех секторов мировой экономики нами понимается равенство совокупности предлагаемых к продаже товаров в обмен на платежеспособный спрос покупателей товаров [6; 7]. Экспорт товаров из национальных экономик на мировые рынки выступает в качестве предложения, а импорт товаров в национальные экономики является формой выражения платежеспособного спроса.

Для рассмотрения равновесного состояния мировой экономики обратимся к условной схеме расширенного общественного воспроизводства мега экономики. Допустим в 2017 году, имеются следующие исходные данные о состоянии мировых хозяйственных связей, экспорта произведенных товаров и соответственно импорта товаров на мировых рынках:

$$\begin{aligned} \text{I. } & 2500c_1 + 2000v_1 + 1500m_1 = 6000w_1 \\ \text{II. } & 2000c_2 + 1800v_2 + 2200m_2 = 6000w_2 \end{aligned}$$

$$\text{III. } 1000c_3 + 1800v_3 + 1200m_3 = 4000w_3.$$

$$5500c + 5600v + 4900m = 16000w,$$

где: I, II, III - соответственно, первый, второй и третий сектора мировой экономики. Под первым сектором понимается производство капитальных благ, под вторым производство потребительских благ, включая услуги, для населения, а под третьим подразумеваются финансовые услуги для населения и юридических лиц;

– c_1, c_2, c_3 – материально-вещественные затраты и амортизационные отчисления в валовом выпуске экспортируемых товаров, соответственно, в первом, втором и третьем секторах мировой экономики;

– v_1, v_2, v_3 – затраты живого труда (оплата труда наемных работников) в валовом выпуске экспортируемых товаров, соответственно, в первом, втором и третьем секторах мировой экономики;

– m_1, m_2, m_3 – прибавочная стоимость (в денежном выражении валовая прибыль) в валовом выпуске экспортируемых товаров, соответственно, в первом, втором и третьем секторе мировой экономики;

– w_1, w_2, w_3 – валовой выпуск товаров, соответственно, в первом, втором и третьем секторах мировой экономики. Все принятые нами условные обозначения соответствуют имеющимся статистическим данным в международной системе национальных счетов.

В вышеуказанной системе уравнений соблюдаются все условия расширенного воспроизводственного процесса и роста мировой экономической системы. Первое условие означает превышение производства средств производства первого сектора мировой экономики (который обуславливает соответствующую величину предложения на мировых рынках, т.е. экспорт товаров из национальных экономик) над потребленными средствами производства в трех секторах национальных экономик стран (который вызывает соответствующий спрос или импорт в национальные экономики): $2500c_1 + 2000v_1 + 1500m_1 > 2500c_1 + 2000c_2 + 1000c_3$ или $2000v_1 + 1500m_1 > > 2000c_2 + 1000c_3$

Следовательно, это условие допускает дополнительные инвестиции в реальные сектора национальных экономик или расширенное воспроизводство валового выпуска и национального продукта в следующий период времени (например, в 2018 году).

Из второго условия следует, что совокупный национальный доход стран мира, получаемый за счет экспорта ими товаров на мировые рынки, превышает экспортируемые ими потребительские товары и финансовые услуги для домашних хозяйств (населения):

$$5600v + 4900m > (2000c_2 + 1800v_2 + 2200m_2) + (1000c_3 + 1800v_3 + 1200m_3).$$

Это условие означает, что национальный доход может использоваться не только для цели потребления, но и на реальные инвестиции и инвестиции в финансовые активы.

Исходя из условия равновесия мировой экономической системы распределение валового выпуска экспортированных на мировые рынки и

импортированных из мировых рынков товаров, а также валового национального продукта мог осуществляться в 2017 году следующим образом. Условия равенства совокупного предложения на мировые рынки (экспорта товаров) и совокупного спроса на мировых рынках (импорта товаров):

$$\text{I. } 2500c_1 + 278\Delta c_1 + 2000v_1 + 224\Delta v_1 + 998m_1/x = 6000w_1$$

$$\text{II. } 2000c_2 + 148\Delta c_2 + 1800v_2 + 134\Delta v_2 + 1918m_2/x = 6000w_2$$

$$\text{III. } 1000c_3 + 74\Delta c_3 + 1800v_3 + 42\Delta v_3 + 1084m_3/x = 4000w_3.$$

$$5500c + 500\Delta c + 5600v + 400\Delta v + 4000m/x = 16000w,$$

где: $\Delta c_{1,2,3}$ – прирост вещественных затрат включая стоимость потребления основного капитала (амортизационные отчисления) за счет импорта товаров из мировых рынков, соответственно в первом, втором и третьем секторах;

– $\Delta v_{1,2,3}$ – прирост оплаты труда наемных работников и прирост потребления потребительских благ и услуг населением за счет собственных денежных доходов, а также денежных и натуральных выплат из государственных и некоммерческих организаций;

– $m_{1,2,3}/x$ ($m_{1,2,3} - \Delta c_{1,2,3} - \Delta v_{1,2,3}$) – оставшаяся часть прибавочной стоимости (чистой прибыли), используемой на приобретение финансово-кредитных активов и другие спекулятивные цели;

– $w_{1,2,3}$ – валовой выпуск продуктов и услуг в рыночных ценах.

Товары первого сектора полностью реализуются в направлении расширения производства в 2018 году, т.е. платежеспособный спрос на капитальные блага и услуги (импорт в национальные экономики стран) равен товарному предложению (экспорту средств производства из национальных экономик на мировые рынки):

$$\begin{aligned} 2500c_1 + 278\Delta c_1 + 2000c_2 + 148\Delta c_2 + 1000c_3 + 74\Delta c_3 = \\ = 2500c_1 + 278\Delta c_1 + 2000v_1 + 224\Delta v_1 + 998m_1/z. \end{aligned}$$

Распределение валового выпуска товаров второго сектора (предметов потребления и услуг для населения) при равенстве спроса (импорта) и предложения (экспорта) могла быть в 2017 году следующей:

$$\begin{aligned} 2000v_1 + 224\Delta v_1 + 1800v_2 + 134\Delta v_2 + 1800v_3 + 42\Delta v_3 = \\ = 2000c_2 + 148\Delta c_2 + 1800v_2 + 134\Delta v_2 + 1918m_2/x \text{ или} \end{aligned}$$

$$2000v_1 + 224\Delta v_1 + 1800v_3 + 42\Delta v_3 = 2000c_2 + 148\Delta c_2 + 1918m_2/z.$$

Из приведенной условной схемы секторов экономики видно, что из всего объема валового выпуска товаров (16000w) на долю сектора I приходится - 37,5% ($6000w_1 : 16000w \times 100\%$), на долю сектора II - 37,5% ($6000w_2 : 16000w \times 100\%$), а сектора III - 25,0% ($4000w_3 : 16000w \times 100\%$).

Теперь рассмотрим, как могла происходить реализация финансово-кредитных услуг в третьем финансовом секторе мировой экономики:

$$998m_1/x + 1918m_2/x + 1084m_3/x = 1000c_3 + 74\Delta c_3 + 1800v_3 + 42\Delta v_3 + 1084m_3/x$$

$$\text{или } 998m_1/x + 1918m_2/x = 1000c_3 + 74\Delta c_3 + 1800v_3 + 42\Delta v_3$$

В результате рассмотрения реализации валового выпуска товаров трех секторов нами было получено важное третье условие: $m_1/x + m_2/x = c_3 + \Delta c_3 + v_3 + \Delta v_3$.

Таким образом, важным условием равновесия мировой экономической системы является равенство платежеспособного валютного (в основном за счет конвертируемых денежных единиц) спроса (импорта), с одной стороны, и предложения (экспорта) финансово-кредитных услуг третьим сектором мировой экономики, с другой стороны:

$$m_1/x + m_2/x + m_3/x = c_3 + \Delta c_3 + v_3 + \Delta v_3 + m_3/x.$$

Указанные транзакции отражаются в международной системе национальных счетов как чистое кредитование (+) или как чистое заимствование (-) на мировых финансовых рынках.

В результате международных экспортно-импортных операций, транзакций на мировых рынках факторы производства (капитал и труд) могли быть распределены между тремя секторами к началу 2018 года следующим образом: I. $2778c_1 + 2224v_1$; II. $2148c_2 + 1934v_2$; III. $1074c_3 + 1842v_3$. Тогда при условии сохранения органического строения капитала, нормы прибавочной стоимости ($m_1 : v_1 = 0,75$; $m_2 : v_2 = 1,22$; $m_3 : v_3 = 0,67$) в 2018 году в национальных экономиках стран для экспорта будет произведено следующее количество валового выпуска:

$$\text{I. } 2778c_1 + 2224v_1 + 1668m_1 = 6670w_1$$

$$\text{II. } 2148c_2 + 1934v_2 + 2364m_2 = 6446w_2$$

$$\text{III. } 1074c_3 + 1842v_3 + 1228m_3 = 4144w_3.$$

$$6000c + 6000v + 5260m = 17260w.$$

Таким образом, совокупный объем производства валового выпуска для экспорта на мировых рынках в 2018 году может составить 17260 денежных единиц, т.е. экономический рост может быть равен: $17260 : 16000 = 1,07875$ или равный приросту 7,875%. Однако, это абстрактный условный пример. Равновесие в мировой экономической системе зависит от многих факторов. Для равновесия мировой экономической системы и темпов экономического роста в условиях глобализации (равенства совокупного спроса и предложения товаров трех секторов) важное значение имеет пропорция, в которой делится прибыль (прибавочная стоимость) на накапливаемую (Δc), на потребляемую (Δv) и на транзакционную (m/x) части, т.е. прибавочная стоимость (прибыль) распадается на следующие направления использования: $m_1 = \Delta c_1 + \Delta v_1 + m_1/x$; $m_2 = \Delta c_2 + \Delta v_2 + m_2/x$; $m_3 = \Delta c_3 + \Delta v_3 + m_3/x$, а отсюда: $m_1/x = m_1 - \Delta c_1 - \Delta v_1$; $m_2/x = m_2 - \Delta c_2 - \Delta v_2$; $m_3/x = m_3 - \Delta c_3 - \Delta v_3$.

Для дальнейшего роста мировой экономической системы в следующий период времени необходимо, чтобы соблюдались вышеуказанные условия равенства предложения (экспорта) и спроса (импорта) товаров на мировых рынках. В действительности мировая экономическая система стремится к равновесному состоянию через постоянные неравенства и экономические кризисы, т.е. капитальные и потребительские блага, а также финансовые услуги экспортируются и импортируются в больших или меньших объемах, чем это необходимо для нормального накопления и потребления, т.е. мировая экономика может иметь следующие возможные условия или неравенства для своего развития:

$$c_2 + \Delta c_2 + c_3 + \Delta c_3 > \text{или} < v_1 + \Delta v_1 + m_1/x$$

$$v_1 + \Delta v_1 + v_3 + \Delta v_3 > \text{или} < c_2 + \Delta c_2 + m_2/x$$

$$m_1/x + m_2/x + m_3/x > \text{или} < c_3 + \Delta c_3 + v_3 + \Delta v_3 + m_3/x$$

Вышеуказанные неравенства между тремя секторами мировой экономики возникают по следующим причинам: несоответствия спроса (импорта) и предложения (экспорта) товаров на мировых рынках; изменяющегося органического строения капитала (с:v); нормы прибавочной стоимости (m:v); деления прибавочной стоимости и прибыли (m) на фонд накопления и фонд потребления ($\Delta c:\Delta v$); использования прибыли на покупку финансовых активов (m/x) и действия экономических законов капитализма. Если в прошлом веке на этапе государственно-монополистического капитализма экономические законы отчетливо проявляли свое действие в разных формах в пределах национальных экономик высокоразвитых индустриальных государств, то на этапе глобализации границы и масштабы действия законов капитализма (общественного разделения труда; прибавочной стоимости и средней нормы прибыли; оплаты труда (заработной платы); органического строения капитала; совершенствования производительных сил и человеческого капитала; производительности труда; конкуренции; концентрации и централизации производства и капитала; снижения издержек производства, стоимости и ценообразования; спроса и предложения; процента и ренты и других) расширили свое действие на всю мировую экономику. Подтверждением эпохи глобального капитализма является произошедший всеобщий мировой экономический кризис 2008-2009 гг. Кризис начался в одной из отраслей и видов банковских операций в экономике (отрасли жилищного строительства и ипотечного кредитования) отдельной страны (США), потом охватил весь ее финансовый сектор, а затем вызвал кризис реальных секторов национальных экономик большинства стран в мире. Причины глобального капитализма те же, что и у капитализма на предыдущих этапах ее развития. Они носят сущностный или природный характер, меняются лишь формы проявления.

Литература

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег /Дж.М.Кейнс. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.
2. Маркс Карл. Капитал. Критика политической экономии /К.Маркс Пер. И.И.Скворцова-Степанова; – под ред. Ф. Энгельса. – М.: Политиздат, 1978. Т.2. Кн.2. Процесс обращения капитала. 648 с.
3. Хасанов И.Ш. Трансакционная модель экономической системы (диалектика национального счетоводства) / И.Ш. Хасанов. – Казань : Изд-во Казанск. ун-та, 2008. – 354с.
4. Хасанов И.Ш. Общественное воспроизводство и формирование трансакционного сектора национальной экономики России в современных условиях / И.Ш.Хасанов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 352 с.
5. Хасанов И.Ш. Трансакционный сектор экономической системы: национальное счетоводство общественного воспроизводства. Автореферат докторской диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2009. – 50 с.
6. Хасанов И.Ш. Финансовый сектор России на этапе интеграции в мировую экономику (вопросы теории, методологии и практики национального счетоводства) / И.Ш. Хасанов, К.И.Айер. - Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2012. – 318с.

7. *Хасанов И.Ш.* Секторная методология исследования национальной экономики // Экономика. Бизнес. Банки. Издательство: Русско-итальянский международный университет. Москва, 2016. – 4(17). – с.49-64.

8. *Khanna, Parag.* Connectography: mapping the future of global civilization. Random House. New York. 2016 – 466P.

9. *Piketty, Thomas.* Capital in the Twenty First Century. The Belknap Press of Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. London. 2014. – 685 P.

Щербаков А.П.

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НА ВЫБОР ДОМИНИРУЮЩИХ ФОРМ ПРИБЫЛИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ИННОВАЦИОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

При рассмотрении механизмов взаимовлияния институтов и экономического роста, с уверенностью можно сказать, что институты являются фундаментальной причиной экономического роста. При этом непосредственным передаточным механизмом позволяющим проанализировать структуру стимулов, оказывающих положительное влияние на экономический рост, является прибыль. Источники формирования прибыли могут быть различны. Это и благоприятные условия, складывающиеся на рынке в результате спонтанного нарушения рыночного равновесия, и возможности таким образом заработать на разнице в ценах. Это возможность заранее предвидеть подобные изменения и принимать определенные действия, дающие некоторое преимущество за счет скорости и правильности последовательно принимаемых решений. Это также преимущества связанные с наличием природных ресурсов, в том числе уникальных. Факторы, связанные с социальными преимуществами, такими как прилежание, готовность жертвовать, дисциплинированность, ценность труда в иерархии личностных ценностей и многие другие, которые позволяют производить продукцию со сравнительно более низким уровнем издержек. Безусловно, сюда же относятся преимущества, получаемые за счет технологических, продуктовых и организационных инноваций. И в завершение, факторы обуславливающие получение прибыли за счет преимущества в доступе к государственной власти, и асимметрии рыночной информации. При этом именно прибыль определяет мотивацию для инвестирования, желание принимать на себя бремя риска, изобретать и внедрять новые продукты и способы их производства, и таким образом создавать инвестиционный спрос в экономике и непосредственные условия для долгосрочного экономического роста. Таким образом, стратегическая политика по управлению нормой прибыли тождественна политике стимулирования долгосрочного экономического роста.

Поскольку главное, что отличает экономическую систему, определяет ее способность развиваться в основном за счет интенсивных факторов, является то какова доминирующая форма извлечения прибыли, постольку и анализ ключевых факторов динамичного, устойчивого роста лежит в плоскости

анализа институциональных предпосылок, способствующих доминированию тех или иных форм получения прибыли.

Исходя из тезиса о необходимости «таргетирования прибыли», необходимо конкретизировать принципы этого управления. Для этого необходимо проанализировать, как степень развития различных институтов может либо подавлять, либо напротив стимулировать получение прибыли согласно тех или иных моделей. В частности, как развитая система контрактов, обеспечивая гарантию прав и соблюдение обязанностей, способствует максимизации прибыли.

Первое на что хотелось бы обратить внимание, это уровень развития институтов способствующих защите прав собственности. При прочих равных, чем выше уровень развития современных институтов защиты частной собственности, тем в большей степени они оказывают влияние на темпы и устойчивость долгосрочного экономического роста. Это непосредственно связано с расширением временного горизонта положительной связи между предельными издержками и предельными выгодами в оперативной деятельности предпринимателя, что как упоминалось ранее, является одним из обстоятельств определяющих границы и возможности развития национальной экономики.

Независимость судебной системы от системы исполнительной власти является гарантией принятия справедливых решений при реализации права собственности. При этом ключевым признаком институционального развития экономической системы является наличие механизмов ограничения, прежде всего органов исполнительной власти в области имущественных отношений. Именно законодательное ограничение королевской власти в Англии, закрепленное в «Биле о правах» в 1689 году, после «Славной революции 1688 года, ознаменовало начало эпохи институциональной модернизации, которая привела в итоге к созданию системы институтов способствующих в последующем экономическому росту, который опирался, в том числе и на инновационное развитие, выражаясь современным языком. Впоследствии, именно это стало причиной начала развития промышленной революции в Англии, а не в Германии или Франции.

В свою очередь четкая спецификация прав собственности является неотъемлемым условием для интенсивного развития современных финансовых рынков. Поскольку на финансовых рынках центральное место занимают долгосрочные отношения заемщика и кредитора, именно финансовые рынки исполняют роль, своего рода сигналов, определяющих уровень защиты прав собственности и уровень развития механизмов призванных обеспечивать реализацию указанных прав. При этом одинаково важно как развитие структуры финансовой системы, так и ее инфраструктуры, прежде всего доступности основных финансовых услуг, как в сегменте банковских услуг, так и на рынке ценных бумаг. Совершенствование и развитие инфраструктуры непосредственно связано с уровнем конкуренции на финансовых рынках. Интересный пример приводится в работе Дарона Асемоглу, Саймона

Джонсона и Джеймса Робинсона «Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста». Он демонстрирует различия в уровне конкуренции на рынке финансовых и банковских услуг в США и Мексике в середине XIX века. В Мексике банковская сфера была в значительной степени монополизирована. Правительство ограничивало вход на рынок, максимизируя таким образом получаемую банками ренту, с тем чтобы разделить ее в последствии. В США наоборот различные штаты были вынуждены конкурировать между собой за инвестиции и мигрантов. Таким образом, шаг за шагом создавались условия для получения прибыли за счет повышения качества и расширения ассортимента предоставляемых финансовых услуг в ходе развивающейся конкуренции на рынке. «В 1818 году в Соединенных штатах функционировало 338 банков с совокупным капиталом в 160 млн. долларов, что приблизительно в три раза превышало количество банков и их капитал в 1810 году. К 1860 году в Соединенных Штатах было 1579 банков с совокупным капиталом в 422,5 млн. долларов. К 1914 году количество банков возросло до 27864. При этом совокупные активы возросли до 27.3 млрд. долларов» [8]. Количественный рост финансовых посреднических услуг, по мнению многих ученых, явился одним из основных факторов, способствовавших индустриализации и как результат более высоким темпам интенсивного экономического роста. Именно функционирование конкурентных механизмов развития финансовых рынков, определяет условия интенсивного развития научно-исследовательских и опытно- конструкторских разработок, создавая благоприятные стимулы для инновационной активности предпринимателей, за счет расширения возможностей выбора между различными инвестиционными проектами, с одной стороны, и ужесточения финансового контроля, с другой. Ряд теоретических моделей подтверждают устойчивую взаимосвязь между развитием финансовых рынков и интенсивностью развития научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, инновационной активностью предпринимателей. В частности в работе М. Пагано указывается, что «степень развитости финансовых рынков оказывает непосредственное влияние не только на норму сбережения, но и на выбор технологии, она задает масштабы затрат труда и материальных ресурсов на осуществление посреднических операций [9].

В работе Т. Бек, Р. Ливайн, Н. Лозйза говорится о том, что «влияние складывающихся финансовых отношений проявляется не столько в увеличении суммы сбережений и более интенсивном накоплении реального капитала, сколько в повышении эффективности использования имеющихся ресурсов, и ускоренном росте совокупной факторной производительности» [7]. Таким образом, появляется возможность получения прибыли не за счет монополизации, а за счет повышения эффективности использованных факторов производства. В работе Р. Рэджен и Л. Зингалес делается вывод о том, что развитие финансовых рынков, расширение возможности использования внешних источников финансирования в большей степени способствует увеличению числа фирм в отрасли, нежели росту средних размеров фирм [10].

Рост численности компаний способствует преодолению монополистических интересов отдельных групп и расширяет сферу благоприятного влияния рыночной конкуренции. Совершенствование и развитие конкуренции на финансовых рынках безусловно не единственное условие для формирования доминирующих форм извлечения прибыли основанных на развитии инноваций и новой технологической платформы. Для развития инноваций необходимо чтобы экономическая система генерировала спрос на технологические инновации. Тогда возникнет спрос на науку, образование и исследования как инструмент инновационного развития. Но пока есть возможность извлекать прибыль за счет эксплуатации ресурсов, путем монопольного доступа к ним, либо за счет неконкурентного обладания экономической властью, инновационно-технологический путь извлечения прибыли будет гораздо менее привлекателен. Инновационно-технологический путь связан со значительными инвестиционными рисками, и, как правило, предполагает длительный временной горизонт планирования. А это в свою очередь, становится возможным только при развитой и стабильной системе прав собственности. Если у предпринимателя есть хоть малейшие опасения, что его бизнесу что либо угрожает он, безусловно, предпочтет инновационному, рентный путь извлечения прибыли. И будет инвестировать не в инновации, а во власть. Под инвестициями во власть, в данном случае, подразумеваются система финансирования политической деятельности партий и продвижение выгодных бизнесу решений через своих представителей в исполнительной, законодательной и исполнительной структуре. Таким образом выбор институциональной траектории будет зависеть от размера альтернативных издержек, связанных с выбором между инвестициями в инновации и инвестициями во власть. И регулируя величину данных издержек можно управлять механизмом формирования доминирующей в экономике формы прибыли.

Как упоминалось ранее одним из обстоятельств определяющих границы и возможности развития национальной экономики является совпадение чистого частного и чистого общественного продуктов. Поэтому при формировании принципов бизнес-стратегии в национальном масштабе необходимо акцентировать внимание на возможности несовпадения интересов страны в целом и конкретных групп, обладающих фактической властью, и оказывающих влияние на принятие определенных решений. Последствия изменений в способах извлечения прибыли могут быть различными, поскольку даже меры экономической политики, направленные на повышение аллокативной эффективности ресурсов будут тормозиться, поскольку будут происходить изменения в распределительном характере отношений. Таким образом, будут те, кто выиграет от подобных изменений так и проигравшие. «Это означает, что переход от набора неудачных экономических институтов к более совершенному набору ухудшает положение некоторых людей или групп (и не будет улучшением по Парето). Это в свою очередь означает, что у этих групп будет стимул блокировать подобные институциональные изменения или

препятствовать их осуществлению, даже если они выгодны обществу в целом» [1 с. 221].

В связи с этим бесполезно уповать на возможность развития и формирования тех или иных институтов, способствующих изменению доминирующих форм извлечения прибыли. Необходимо понимание условий, при которых неэффективные институты сменяются более эффективными институтами.

Так как институты это правила игры, то логично предположить, что именно правила задают определенные экономические тренды. А это, в свою очередь влияет на темпы, а главное устойчивость экономического роста. Например, на фармацевтическом рынке можно извлекать прибыль либо вкладываясь в инновации (что очень дорого), совершенствование управленческих и маркетинговых технологий. А можно и за счет нарушения параметров качества. И простого ужесточения контроля недостаточно. Необходимо управления на уровне мотивов участвующих в процессе акторов. Частные поликлиники, рекламируя возможность бесплатного ультразвукового исследования, в первую очередь руководствуются мотивом максимизации прибыли, а уж затем возможно беспокоятся о здоровье населения. Дополнительные исследования вполне предсказуемо вызовут дополнительный спрос на услуги медицинских специалистов, что в результате может привести к росту прибыли. Если регулировать норму прибыли в отрасли, в том числе поощряя развитие конкуренции, можно гораздо более действенными методами, нежели бессмысленно рассуждая о необходимости государства, навести порядок, добиться роста общественного благосостояния через рост прибыли отдельных фирм.

То же самое в области научных исследований. Если рассматривать прибыль в более широком смысле, как положительный результат соотношения издержек и выгод целенаправленной деятельности, то можно говорить о приращении знаний как о прибыли в определенном смысле. Оценка деятельности ученых по количеству опубликованных статей вывела Китай на ведущие позиции по этим показателям в мире, при этом вряд ли за это время Китай занял такое же место как научный и инновационный лидер.

«Почти во всех областях человеческой деятельности наблюдается колоссальный разрыв между работами среднего и самого высокого уровня. Испокон веков любую науку продвигали немногие гиганты мысли. Человеческая изобретательность проявляется в полную силу, а наука движется вперед, когда высокомотивированным, самостоятельным учёным предоставляют свободу проводить самостоятельные исследования. Система вознаграждения по итогам работы может заставить ученых публиковать статьи, но ничего другое так не душист свободу творчества и оригинальность мышления, как явная материальная заинтересованность» [4, 141]. Таким образом, создание мотивов, ведущих к росту количественных, но не качественных показателей создает институциональную структуру, не способствующую созданию предпосылок для экономического роста.

Противоположный пример характеризует процессы, происходившие в Китае в ходе налоговой реформы 1994 года. Одним из основных компонентов налоговой реформы 1994 года стала замена достаточно сложной, многоуровневой системы налога с оборота, системой единого налога на добавленную стоимость. Данные изменения привели к устранению ценовых диспропорций, и в результате покончили с избыточными инвестициями в секторы экономики, где за счет низких налоговых ставок были искусственно завышена норма прибыли. Относительно низкие налоговые ставки образовывались в связи с тем, что в рамках старой налоговой системы китайская экономика не имела единой структуры налогообложения, при этом отношения в налоговой сфере между провинциальными и центральными властями выстраивались на основе договоров и достаточно часто менялись. В результате появлялись привилегированные предприятия с низкой эффективностью. Результатом новой налоговой реформы стало освобождение китайских предприятий от непосредственного влияния централизованной налогово-бюджетной политики, и отделение микроэкономической среды деятельности предприятий от макроэкономической политики государства. Таким образом, создавалась конкурентоспособная микроэкономическая среда для всех китайских предприятий. Замена налога на продукцию, который предприятия платили в местный бюджет налогом на добавленную стоимость, в корне изменила стратегию местных властей в отношении работающих на их территории предприятий. Налог на добавленную стоимость являлся основным источником дохода региональных властей, а для того чтобы заплатить налог на добавленную стоимость, предприятиям необходимо стать прибыльными. «Это имело далеко идущие последствия: региональная экономическая динамика не зависела теперь от хаотически развивающихся вотчин, а определялась устойчивой и эффективной конкуренцией между регионами. Отныне местные органы власти соревновались друг с другом, чтобы привлечь инвестиции за счет улучшения инфраструктуры и бизнес среды. Конкуренция между регионами обеспечила замечательную экономическую динамику в Китае, начиная с середины 1990-х годов» [4, 87]. Региональные власти стали заинтересованы не в создании «тепличных» условий для местных предприятий, которые были не всегда самыми эффективными. При этом они получали прибыль за счет различных льгот и защиты от конкуренции. А в привлечении инвестиций и развития конкурентного бизнеса. Соответственно они были заинтересованы в снижении административных барьеров, предоставлении более качественных административных услуг за более короткое время. Все это сказалось на снижении издержек и повышении прибыли.

Похожая проблема снижения издержек административного контроля существует и в России. Много споров вокруг уменьшения или увеличения количества проверок малого и среднего бизнеса различными государственными инстанциями. Вполне вероятно ключевая проблема в доверии, а значит в мотивации игроков. В институционально развитых обществах фирмы по разным причинам не заинтересованы в нарушении правил. Значит, нет

необходимости в таком количестве проверок, при том, что проблемы качества в значительной степени решены. Это означает возможность получения прибыли не за счет обмана и снижения качества, а за счет роста разнообразия ассортимента, повышение качества обслуживания, и всего того, что дает возможность получать прибыль в краткосрочном периоде в условиях конкуренции. «Обеспечение доверия к заключаемым контрактам требует всемерного развития механизмов взаимных сдержек и противовесов в публично-правовой сфере» [5, 736.]

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть решающее значение институциональной структуры как фактора определяющего доминирующие в экономической системе формы извлечения прибыли. А уже это, в свою очередь создает стимулы для интенсивного экономического роста, опирающегося на развитие реального сектора экономики на новой технологической основе.

Литература

1. *Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Д.* Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста. Эковест. 2006. №5. стр 180-247.
2. *Бабо А.* Прибыль. Пер. с фр./ Общ. ред. и коммент. В.И. Кузнецова.- М.; А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993.
3. *Истерли В.* В поисках роста: приключения и злоключения экономистов в тропиках/ Пер. с англ.-М.; Институт комплексных стратегических исследований, 2006.
4. *Коуз Р., Ван Н.*, Как Китай стал капиталистическим. М., Новое издательство, 2016.
5. *Радыгин А., Энтов Р.* Институты и экономический рост: современные теоретические подходы. Вопросы экономики. 2008. №8. С. 4-27
6. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.; Эксмо, 2008.
7. *Beck T., Levine R., Loayza N.*, Finance and the Source of Growth// Journal of Financial Economics. 2000. Vol58.
8. *Haber S.H.*, Political Institutions and Banking Systems: Lessons from the Economic Histories of Mexico and United States, 1790-1914., Stanford University., 2002.
9. *Pagano M.* Financial Markets and Growth: an Overview//European Economic Review. 1993. Vol.37. N 2-3
10. *Rajan R., Zingales L.*, Financial Dependence and Growth// American Economic Review. 1998. Vol. 88.

Ядгаров Я.С.

КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОЙ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЕ С. СИСМОНДИ

Со времен обнародования в 1867 году I тома «Капитала» К. Маркса достоянием экономической науки (политической экономии) в числе прочего стала впервые осуществленная им на страницах этого тома всесторонняя и целостная аргументация положения о том, что данной отрасли человеческих знаний присущи исследовательские парадигмы, имеющие альтернативный и преходящий характер. При этом концептуально обосновывая сущностные аспекты политэкономической исследовательской парадигмы, сменившей

предшествующую ей меркантилистскую и названную им «Классическая политическая экономия», он предпринял попытку показать не только методологические и теоретические основания этой парадигмы, но и, как ему представлялось, ее временные рамки существования.

В частности, по Марксу, зарождение парадигмы классической политической экономии в идейной борьбе с теоретико-методологической парадигмой «уходящего» политэкономического, да и хозяйственного феномена, который принято называть «Меркантилизм», обусловили на рубеже XVII – начала XVIII вв. сочинения У. Петти и П. Буагильбера. Уточним здесь лишь то, что, с точки зрения автора «Капитала», исключительно приверженцы принципов экономического либерализма (*laissez faire*) «классики», отвергнув меркантилистскую протекционистскую исследовательскую парадигму, положили начало «истинно научной» исследовательской парадигме, которую и надлежит называть «Классическая политическая экономия». Завершение же вслед за меркантилизмом и собственно парадигмы «классической политической экономии», состоялось, на его взгляд, в первой четверти XIX века трудами самых значимых последних «классиков» А. Смита и Д. Рикардо. Причем эту очередную метаморфозу, связанную со сменой политэкономических парадигм и обусловленную вытеснением теперь уже политэкономической парадигмы самих «классиков», автор «Капитала» счел возможным интерпретировать, как известно, в контексте процесса начавшейся вульгаризации политэкономических знаний и формирования некой следующей «ненаучной» парадигмы, названной им «Вульгарная буржуазная политическая экономия».

Не вдаваясь в детали и подробности изысканий К. Маркса в области осмысления вышеуказанных политэкономических исследовательских парадигм, представляется правомерным отметить, что именно результаты его теоретико-методологических изысканий в наиболее концентрированном виде вобрали в себя важнейшие составляющие основополагающих предпосылок качественного обновления экономической науки, рассматриваемых через призму чередования присущих ей исследовательских парадигм. Более того, содержащиеся в «марксовом наследии» идеи, обобщения и выводы социально-институциональной направленности, на наш взгляд, способствовали формированию нынешних, как принято говорить, социально ориентированных междисциплинарных оснований современной парадигмы экономической науки.

Между тем, несмотря на пространные и объемные размышления в «Капитале» о насущной необходимости в грядущем будущем такой социально-экономической модели, которая стала бы альтернативой периодически переживающей всеохватные кризисные явления либеральной капиталистической экономике, К. Маркс, в сущности, не воздал должное уже заявившим о себе в его бытность адептам «нелиберальных» политэкономических исследовательских парадигм. В частности, имеются в виду творческие изыскания приверженцев вновь возникшей в постмануфактурном периоде (первая половина XIX века) «в противовес» сентенциям классиков морально-нравственной исследовательской парадигмы,

которая, на наш взгляд, вбирает в себя методологические и теоретические новации экономического романтизма и утопического социализма. Ведь это они, будучи оппонентами либеральных воззрений, прежде всего, Смита – Рикардо, во-первых, отдавали себе отчет о сложившихся в их бытность хозяйственных реалиях, сопровождавшихся кризисными явлениями, а также о том, что «государство отказалось от всякого вмешательства в организацию производства и в отношения между рабочими и хозяевами» [1, с. 143]. И, во-вторых, со всей убежденностью отвергали центральный постулат «классиков» о самопроизвольной гармонии между частным и общественным интересами [1, с. 145]. Причем один из них – родоначальник экономического романтизма С. Сисмонди лишь единожды в 1873 году в послесловии ко второму изданию I тома этой книги упомянут К. Марксом как ученый, с которого «начинается критика буржуазной политической экономии» [4, с. 14].

К сказанному уместно добавить и о том, что в постмануфактурном периоде впервые проявлявшие себя невиданные ранее социальные проблемы достигли своей кульминации и, начиная с 1825 года, обыденным явлением стали происходившие периодически экономические кризисы, разрушительная сила которых возрастала раз от разу. Эти обстоятельства во многом предопределили неприятие «противниками классиков» либеральных оснований исследовательской парадигмы, ориентировали их на поиск и концептуальное обоснование альтернативной идеальной системы (модели) хозяйствования, базирующейся на многообразных нравственных и моральных ценностях. В данном контексте возникшие в первой половине XIX столетия морально-нравственные исследовательские парадигмы экономического романтизма и утопического социализма, думается, заслуживают пристального внимания с точки зрения их беспристрастного осмысления и продолжения изысканий, направленных на концептуальное обоснование идеальной системы хозяйствования в современных условиях.

Однако, учитывая довольно широкий спектр вновь введенных в научный оборот в постмануфактурном периоде нелиберальных концепций идеальной хозяйственной системы на принципах морали, нравственности, этики и социальной справедливости, ниже речь пойдет об особенностях видения подобного рода модели хозяйствования в творчестве французского экономиста и историка швейцарского происхождения – родоначальника экономического романтизма С. Сисмонди (1773-1842). Но предварительно полагаем немаловажным напомнить о том, что В.И. Ленин в одной из своих ранних публикаций под названием «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)» (1897), характеризуя личность и творчество данного стоявшего у истоков морально-нравственной политэкономической исследовательской парадигмы ученого, довольно активно (с критических позиций!) использовал термин «экономисты-романтики». В этой работе, в частности, речь идет о том, что российские «экономисты-народники», подобно С. Сисмонди и другим романтикам, развивают «экономические теории романтизма», ограничиваясь «сентиментальной

критикой капитализма с точки зрения мелкого буржуа» [2, с. 192]. И, как следствие, «возлагают все свои надежды именно на слабое развитие капитализма, взывают к его задержке» [3, с. 27, 124].

Кроме того, говоря о творчестве С. Сисмонди, уместно, очевидно, иметь в виду то, что первые его экономические работы – «Картина сельского хозяйства Тосканы» (1801) и «О коммерческом богатстве или о принципах политической экономии в их применении к торговому законодательству» (1803) – свидетельствовали, скорее, о приверженности этого ученого смитианскому либеральному принципу *laissez faire*. Зато в расцвете своего творческого пути в более поздних сочинениях и особенно в лучшем в их числе произведении – двухтомнике «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению» (1819) С. Сисмонди смог обозначить собственную лепту в формирование морально-нравственной политэкономической исследовательской парадигмы и базирующейся на ней концепции идеальной системы хозяйствования при ведущей роли в ней сферы мелкого товарного производства или, как принято ныне говорить, малого бизнеса. Не лишним при этом представляется заметить и то, что его «Новые начала...» были названы таким образом как бы наперекор изданным двумя годами ранее – в 1817 году «Началам...» Д. Рикардо, основанным на смитианской – либеральной политэкономической исследовательской парадигме.

Сущностные аспекты идеальной системы хозяйствования в «Новых началах политической экономии...» С. Сисмонди весьма подробно изложены на страницах этого сочинения в связи с принципиально отличным толкованием, прежде всего, таких научных политэкономических составляющих, как предмет и метод изучения науки «Политическая экономия», а также теорий производительного труда и разделения труда, народонаселения и доходов, воспроизводства и реформ. В них со всей очевидностью обращает на себя внимание его искреннее сочувствие бедным и малоимущим слоям общества, упование в процессе создания идеальной хозяйственной системы на требующиеся правительственные законодательные решения.

Что касается предмета, метода и общественного предназначения политэкономической науки, то размышления о них красной нитью проходят через весь его вышеназванный двухтомник. Так, уже в предисловии к этой работе С. Сисмонди напоминает читателю, что намерен внести значительные изменения в «принципы Адама Смита», которыми руководствуется данный именитый шотландский ученый-экономист. Там же он заявляет о том, что «рост богатства является не целью политической экономии, а лишь средством для обеспечения всеобщего счастья» и что «само по себе увеличение богатства и населения есть лишь абстракция...» [6, т. I, с. 134, 143].

По-видимому, поэтому если в структуре «Начал» Д. Рикардо первая глава книги посвящается проблематике теории стоимости, то в «Новых началах» из четырех книг, составляющих I том сочинения, первая специально целиком посвящена политэкономической проблеме о предмете этой науки и названа

«Предмет политической экономии и происхождение этой науки». И, размышляя над этой проблемой, С. Сисмонди выделяет три главных, на его взгляд, этапа в эволюции политической экономии и трактовке предмета ее изучения, определив первым этапом школу меркантилистов, вторым – этап школы экономистов-физиократов, третьим – этап школы Адама Смита. Причем на первом и втором этапах, пишет С. Сисмонди, материальное благосостояние людей как предмет политической экономии рассматривалось в рамках односторонней системы, поскольку меркантилисты источник богатства видели только в торговле, а физиократы – только в земледелии. И лишь на третьем этапе, заключает ученый, «Адам Смит не пытался, как его предшественники, создать априорную теорию, с тем чтобы потом пристегнуть к ней факты» [6, т. I, с. 164-165].

Далее, казалось бы, солидаризируясь с А. Смитом в том, что источник богатства следует искать в общественном труде, и, сводя «предмет политической экономии» к материальному благосостоянию людей, С. Сисмонди в то же время делает категорическую оговорку об обязанности государства «дать возможность всем гражданам пользоваться тем физическим довольствием, которое доставляет богатство». И, полагая так, автор «Новых начал» приводит затем две трактовки предмета политической экономии и комментарии к ним, отображающие принципиальные особенности видения им оснований политэкономической исследовательской парадигмы с позиций морали, нравственности, этики и социальной справедливости. В соответствии с первым определением политическая экономия – это наука, изучающая «управление народным богатством»; в соответствии со вторым – «наука моральная» и «в значительной мере нравственная». Причем, комментируя то, почему политическая экономия являет собой «моральную» науку, С. Сисмонди, в частности, отмечает, что она «вводит в заблуждение, когда оперируешь голыми цифрами, и ведет к цели тогда, когда приняты во внимание чувства, потребности и страсти людей». А в отношении того, что ее следует воспринимать еще и как «нравственную» науку, обращает внимание на то, что эта наука, во-первых, «должна предвидеть... страсти» (людей. – Я.Я.) и, во-вторых, «неверно, будто достаточно указать на их (людей. – Я.Я.) выгоду, чтобы они стали ее добиваться» [6, т. I, с. 148, 150, 291, 360]. Отсюда, согласно Сисмонди, характеризуя предмет изучения политической экономии, следует иметь в виду, что государству в целях формирования идеальной модели хозяйствования следует непременно управлять «народным богатством» и полагаться при этом не на «абстракции» и «голые цифры», а на «чувства, потребности и страсти людей».

Отчасти опирается С. Сисмонди и на смитианскую интерпретацию политэкономической методологии, заявляя в этой связи о том, что «доктрина Адама Смита есть наша доктрина, факел, который его гений вознес над наукой, указал правильный путь всем его последователям» [6, т. I, с. 167]. Стало быть, К. Маркс едва ли преувеличивал, когда наряду с Д. Рикардо к числу завершителей классической политической экономии отнес также С. Сисмонди,

тем более что последний заимствовал из сокровищницы классической политической экономии конца XVIII – начала XIX в. [7, с. 216]:

- каузальный метод анализа основных сфер экономической деятельности людей, что, в частности, обусловило противопоставление друг другу сфер производства и обращения и признание первой определяющей (доминирующей) сферой общественного хозяйства;

- классовый метод анализа, в соответствии с которым рассматриваются социально-экономические отношения между так называемыми главными классами общества;

- затратный (с учетом количества затраченного труда) подход к определению стоимости товаров;

- постулат (на основе описательного метода) априорного неприятия самостоятельной и значимой роли денег в общественном воспроизводстве.

Однако именно специфические элементы методологического инструментария в творчестве С. Сисмонди позволяют судить о новизне и своеобразии его научной позиции в рамках разработанной им на его основе концепции идеальной модели хозяйствования, вобравшей в себя положения о том, что:

1) не следует сводить «всю политическую экономию к простому... принципу *laissez faire*» [6, т. I, с. 133], поскольку «только власть» может не допустить расширение производства ради интересов «отдельных лиц», ибо целью всех наций должно быть соображение «роста всеобщего довольства и достатка» [6, т. I, с. 168];

2) последователи А. Смита «бросились в абстракции, забывая о человеке», вследствие этого наука в их разработках стала носить «спекулятивный характер» и «кажется оторванной от всякой практики» [6, т. I, с. 169];

3) классики, принимая смитовскую доктрину об «экономическом человеке» в качестве «одной из аксиом» и полагая, что «интерес каждого образует общий интерес», упускают из виду такие последствия, как [6, т. I, с. 335-336, 357]:

- «каждый, стремясь осуществить свой собственный интерес за счет других, пускает в ход все доступные средства и не всегда при этом сдерживается силами, равными его силам»;

- «благополучие каждого промышленника строится на разорении его собрата».

4) в процессе экономического анализа целесообразно применение не только каузального, но и функционального метода, поскольку «в политической экономии все связано, все заключено в круг, так как следствие становится, в свою очередь, причиной» [6, т. II, с. 139];

5) целостный экономический анализ предполагает учет наряду с экономическими факторами и некоторых факторов неэкономической среды, включая религию, воспитание, чувство чести [1, с. 145], потому что «они либо способствуют приближению людей к цели, которую ставит себе политическая экономия, либо отдаляют их от нее» [6, т. I, с. 338].

Не менее отчетливо контуры и содержание концепции идеальной системы хозяйствования представлены в «Новых началах» в рамках теоретических размышлений о воспроизводстве и рекомендуемых им социально ориентированных реформаторских мероприятий «сверху», то есть под эгидой регулирующих мер государства (правительства). В них С. Сисмонди, в частности, обращает внимание своих оппонентов-классиков на то, что вопреки их ожиданиям и предсказаниям в английском «коммерческом мире один за другим последовали кризисы», что, учитывая взаимосвязь промышленности всего мира, суть этих кризисов «представляет историю нашего собственного будущего, если мы будем продолжать поступать по тем принципам, которым она (Англия. – Я.Я.) следовала» [6, т. I, с. 134, 140]. При этом в отличие от классиков он всесторонне аргументировано обосновывает положение о кризисах как феномене, имеющем всегда и неизбежно только общий, а не частный характер. И это положение, по всей видимости, воспринял впоследствии К. Маркс, заявляя, к примеру, в духе С. Сисмонди, что кризисы «являются не случайностью... а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающихся в бурной форме, охватывающими широкую область и повторяющимися через определенные периоды» [5, с. 527].

Будучи привержен морально-нравственной политэкономической исследовательской парадигме, С. Сисмонди призывает авторов нынешних, да и предстоящих научных изысканий ориентироваться на то, чтобы «весь интерес политической экономии с точки зрения теоретической сводился к объяснению кризисов, а с точки зрения практической – к отысканию мер предупреждения их и улучшения положения рабочих» [1, с. 145].

Необходимость в этой связи под эгидой государства реформ он видит в том, чтобы предотвратить процесс вытеснения в конкурентной борьбе крупными предпринимателями «мелких торговцев» и «мелких промышленников» и сделать этот процесс необратимым [6, т. I, с. 314, 316; т. II, с. 158]. Здесь необходимо заметить о том, что в концепции идеальной системы хозяйствования автора «Новых начал» отнюдь не исключаются присущие рыночной экономике конкурентные (при доминировании частной собственности и свободного ценообразования) принципы предпринимательской деятельности.

Наконец, необходимо признать факт впервые высказанного суждения С. Сисмонди о том, что «возможно, что лучше направленные частные интересы сами исправят то зло, которое они же причинили обществу» [6, т. II, с. 176] и законодательно обеспечат «бедняку... гарантии против всеобщей конкуренции» [6, т. II, с. 164]. И это он, как никто ранее до него, в целях формирования рекомендуемой идеальной хозяйственной системы адресовал государству (правительству) такие законодательные воззвания, как [6, т. I, с. 181, 304-309, 324, 325, 328-329; т. II, с. 165-166, 168-173, 175]:

- создать условия «городским» и «сельскохозяйственным» рабочим для взаимодействия на принципах коалиции и свободной кооперации;
- не допускать намеренного снижения или фиксирования процентной

ставки;

- запретить общественный труд в воскресные дни;
- ввести возрастной ценз на наемный труд малолетних детей и сократить продолжительность рабочего дня взрослых рабочих;
- освободить от налогов «класс сельскохозяйственных рабочих» и увеличить их размеры «праздным землевладельцам» и «крупным фермерам»;
- обязать нанимателей содержать рабочих на период их болезни, безработицы и старости;
- поощрять дробление наследств, а не их накопление и др.

Таким образом, основанная на морально-нравственной политэкономической исследовательской парадигме концепция идеальной системы хозяйствования С. Сисмонди, в самом деле, «не склоняясь к социализму... сильно расшатывает либерализм» и доказывает «ложность положения... о естественном совпадении частного и общественного интересов» [1, с. 154]. Кроме того, политэкономическая ценность данной концепции состоит также в том, что «после Сисмонди» [1, с. 159]:

- 1) уже нельзя больше говорить о спонтанной гармонии интересов;
- 2) нельзя больше забывать, какие бедствия и страдания скрывает в себе прогресс производства;
- 3) нельзя больше скользить по кризисам как по явлениям преходящим и безразличным; нельзя больше забывать, какую роль играет в экономическом мире неравномерное распределение собственности и доходов;
- 4) нельзя, словом, больше забывать социальных последствий экономических переворотов, ...становится уместной социальная политика.

Литература

1. *Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений: Пер. с фр. / Предисл. Я.И. Кузьминова. М.: Экономика, 1995.
2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2.
3. *Ленин В.И.* К характеристике экономического романтизма. В кн.: Сисмонди Ж.С. Новые начала политической экономии в его отношении к народонаселению. Т. I. М.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1937.
4. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. Т. 23.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. III.
6. *Сисмонди С.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. В 2 т. М.: Гос. социально-эконом. издат-во, 1937.
7. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003.

6. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ XXI ВЕКА

Богацкая К.А.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ И ТЕОРИИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА» В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В глобализирующемся мире экономика развитых стран все больше зависит от трудовой миграции, способствующей их обогащению за счет использования дополнительных трудовых ресурсов. Трудовая миграция населения стала важным фактором мирового развития, обеспечивающим гибкость международного рынка труда. Все это не может не привлекать к данной теме внимание специалистов различного профиля, рассматривающих этот сложный социально-экономический феномен с различных позиций, что в свою очередь, создает многообразие понятийного аппарата миграции как экономической категории [8, 145].

Миграция оказывает большое влияние на динамику численности и структуры населения, состояние рынка труда. Высокая миграционная мобильность населения является необходимым условием устойчивого развития социально – экономического комплекса. В регулировании состава трудовых ресурсов возрастает роль миграционной составляющей, которая более оперативно, чем инерционные процессы естественного движения населения, реагирует на управляющее воздействие. В настоящее время в условиях массовой социальной глобализации, трудовая миграция играет важную социально-экономическую роль. Миграционный процесс представлен, как позитивными так и негативными факторами воздействия на внутреннюю и внешнюю экономику страны, а также региона и субъекта. С появлением новых форм миграционных процессов, возникала необходимость в уточнении и совершенствовании теоретического подхода к миграционным процессам [10, 280].

Предметом настоящей статьи является теоретический анализ экономической миграционной теории Маркса, с целью определения особенностей данной теории и ее ключевые недостатки, а так же определение направления, смеющие восполнить имеющиеся информационные пробелы которые были определены в ходе развития социума и экономики в целом [5,63].

Говоря о международной миграции населения в современном понимании этого явления, необходимо подчеркнуть, что по мере развития производительных сил и формирования внутренних и внешних рынков, развития торговли, образования централизованных государств создаются реальные предпосылки для роста миграционной подвижности населения.

Миграция выступает неким индикатором социально-экономического положения в стране, а так же выступает в виде процесса оказывающем влияние

на социальную структуру региональных и локальных рынков труда. Анализ построен на базе анализа экономико-теоретического обзора миграционных процессов. Соответственно усиливается внимание со стороны ученых к миграции населения, от отдельных высказываний мировая общественная мысль переходит к формированию различных типологий и классификаций миграционного движения, разработке законов и закономерностей, объясняющих это движение [4, 232].

Взгляды на миграцию населения формировались на протяжении столетий. Исследователи этого явления использовали разнообразные подходы для установления закономерностей его развития. При этом они руководствовались базой, накопленной экономической теорией, демографией, географией, этнологией, историей, социологией и другими научными дисциплинами. Сегодня представление о миграции продолжает совершенствоваться. Рассматривая территориальное перемещение населения, большинство исследователей придерживается мнения, что роль экономических факторов в детерминации миграционных процессов превалирует над другими. Но, очевидно, проблемы миграции – это проблемы более широкой направленности, которые требуют совместного рассмотрения учеными разных специальностей и комплексного подход [4, 263].

Статья базируется на экономической теории капиталистической системы хозяйствования, сформулированной К. Марксом. Для проведения успешной социально-экономической политики, определения ключевых закономерностей миграционных потоков, природу и особенности эмиграционных и иммиграционных рынков труда, необходимо обратиться к теоретическому обзору в разрезе экономических учений марксизма [1, 7].

На закате феодального строя и зарождении капитализма (XVI – XVIII) возникло экономическое учение, получившее название, меркантилизм, на завершающем этапе развития которого, совпавшем с эпохой Великих географических открытий, торговые связи между странами стали развитыми и насильно регулярный характер, возросла экономическая мощь торговой буржуазии, завершилось образование абсолютистских государств. «Меркантилизм — одно из первых научных направлений, представители которого в качестве важного фактора процветания и увеличения силы государства-нации рассматривали приоритет привлечения иностранных рабочих и запрет эмиграции своих граждан, что, в свою очередь, приводило к росту благосостояния и численности населения» [2, 92].

Среди основных теоретических положений марксизма, можно определить ключевые постулаты:

1. Наблюдение прямой зависимости уровня развития производственных сил общества и уровня миграционной подвижности населения. Необходимо отметить что изменения первого осуществляются под воздействием эволюционных процессов, таким образом спрос на миграционные единицы, определен недостаточным уровнем развития производственных сил.

2. Активное развитие капиталистического мира (господство капиталистического устройства мирового хозяйства), приводит к взаимозависимости эмиграционных и иммиграционных волн рабочего ресурса, обусловленного неравенством в уровне эксплуатации трудовых ресурсов, условиях труда и заработной платы, что и составляет ключевую закономерность и обусловленность миграционных процессов.

3. Последний ключевой постулат заключается в неравномерности мирового воспроизводства (регионального неравенства). Данная неравномерность приводит волнообразному спросу на иностранную рабочую силу, и ее неравномерному распределению по центрам мирового хозяйства (по «производственным впадинам»), миграционные потоки рассматриваются как водный ресурс, стремящийся к земным впадинам, тем самым образуя миграционную глубину в производственных регионах «производственных впадинах»).

Анализируя природу неравномерного стечения миграционных потоков, необходимо отметить важность демографического аспекта, который взаимозависим с экономическим уровнем благосостояния эмиграционного или иммиграционного поля, выражающейся в частности, в уменьшении численности, а так же в ухудшении возрастно-половой структуры и так далее. С учетом озвученных особенностей, применимо замечания Маркса с. «Сокращение населения, вызванное эмиграцией, совпадает с неслыханным ростом производительных сил и капитала [7, 270].

Марксистская теория влияния миграционной силы на внутренние воспроизводственные процессы, противоречит теории Мальтуса, полагавшего, что «всех флотов мира никогда не хватило бы для перевозки эмигрантов в таких масштабах, чтобы можно было хоть сколько-нибудь воздействовать на чрезмерный рост народонаселения», таким образом исключая марксистскую теорию воздействия [1, 435].

Вклад Маркса в миграционную теорию, заключается в том что он определил эмиграцию, как процесс исторически преходящего механизма приспособления «рынка труда» к потребностям капитала в самовозрастании.

Суть концепции Маркса, при анализе процесса накопления капитала, заключается в том что «рабочее население, производя накопление капитала, производят средства. Которые делают его «относительно избыточным населением» миграционной политики господствующих классов, которое в свою очередь является основным объектом. При осуществлении накопления, происходит расширение производства, рост строения капитала, повышение степени эксплуатации рабочей силы, возникают новые структурные сдвиги в экономике, такие как: экспорт капитала, экспорт и импорт рабочей силы, милитаризация, государственные-монополистические меры по стимулированию экономического роста. Некоторые факторы способствуют притяжению миграционных потоков, некоторые напротив, оказывают противоречивые влияния.

Анализируя марксистское направление в контексте миграционной политики, необходимо отметить, что в основном главное внимание было сосредоточено на миграционных процессах в разрезе макроуровня, что является значительным недостатком и «Ахиллесовой пятой» данного направления, не учитываются элементы реакции экономики, на рациональные ожидания миграционной единицы, что не позволяет объяснить и выделить основные закономерности миграционной природы. Так же в теории марксизма, не учитывается такой фактор, как доход семьи, потенциально выступающей группой в миграционном движении [7, 29].

Необходимо взглянуть на миграционные явления, как на стратегический подход домохозяйства, нацеленный на минимизацию расходов и снижению колебания доходов, посредством их диверсификации и на преодоление финансовых ограничений производственных возможностей.

Таким образом анализируя, все высшее сказанное, можно сделать вывод, что необходимо изменить объект изучения, а именно вместо глобального экономического анализа, необходимо обратить внимание на отдельную миграционную единицу, семью (миграционная группа или ячейка общества), которая принимает решение о смене места жительства – коллективно.

Эмпирические исследования миграционных перемещений жителей развивающихся стран, служат основанием для изменения концентрации внимания теоретиков марксизма, природу которой марксистская теория, в виду своего ограниченного поля внимания, не способна объяснить [9, 237].

Наблюдается процесс перехода изучения объекта миграции от глобального анализа и закономерностей миграционных процессов, в разрезе капиталистических формаций миграции населения, до анализа принципа принятия индивидуального решения трудовой единицей (группой лиц), на свершение миграционного действия. Таким образом, реализуется принцип принятия решения о миграции, которое носит исключительно выгодный для всех участников – характер, что подтверждает ориентацию на объяснение трудовой миграции как некой стратегии развития домохозяйства.

Господство капиталистического мирового хозяйства порождает взаимозависимость эмиграции и иммиграции рабочей силы. Взаимозависимость эмиграции и иммиграции рабочей силы, обусловленная различиями в степени ее эксплуатации, условиях труда и заработной платы, порождается благодаря развитию капиталистического мирового хозяйства. Так же, процесс мирового воспроизводства, характерен своей неравномерностью, что и порождает волнообразный спрос на иностранную рабочую силу, а так же на ее неравномерное распределение по центрам мирового хозяйства [10, 279].

Как известно, К. Маркс выделял три главные формы относительного перенаселения: текучую, скрытую и застойную, соответственно которым можно выделить и три формы международной трудовой миграции: миграция «текучего перенаселения», миграция «скрытого перенаселения», миграция «застойного перенаселения».

Одной из главных среди этих форм является «текущее перенаселение», при котором рабочие то отталкиваются, то притягиваются в более значительном количестве, так что в общем и целом число занятых увеличивается, хотя в постоянно убывающей пропорции по сравнению с масштабами производства [7, 655].

Поскольку обратное вовлечение рабочих в производство, особенно мужского пола и в молодых возрастах, доля которых при этом постоянно возрастает по мере роста промышленности, происходит, как отмечает К. Маркс, в убывающей пропорции по отношению к расширению производства, часть рабочих вынужден эмигрировать [7, 656].

Учение Маркса получило в трудах В.И. Ленина. По его мнению, именно движение населения является той прогрессивной силой, которая «...разрушила патриархальную замкнутость...неподвижных докапиталистических отношений...и толкает вперед индустриальное развитие». В.Ленин отмечал, что миграция является необходимым условием развития не только капиталистического общества, но и последующих, более высокоразвитых формаций общественного устройства, хотя ее отдельные виды и формы могут видоизменяться или вообще утрачивать свое действие. При этом именно различия в уровне заработной платы промышленно развитых и развивающихся стран он выделял как основную причину миграции трудовых ресурсов [6, 548].

Все эти изменения, которые произошли в действии капиталистического закона народонаселения, в известной мере повлияли и на основные формы резервной армии труда, из которых вытекают и основные формы миграции рабочей силы, непосредственно зависящей «от миграций различных форм относительного перенаселения, поскольку мигрируют в основном рабочие, которые временно находятся вне процесса производства». Выгоды от миграции не обнаруживают себя мгновенно, а проявляются в течение определенного промежутка времени, можно сказать, что миграция представляет собой инвестицию. Все вышеуказанные совершенствования представлены в экономической школе «человеческого капитала», которая по мнению автора превзошла теорию Марксизма.

По нашему мнению данная школа почерпнула элементы марксизма, но при этом дополнена элементами, микроуровня, так не достающих в теории К. Маркса [3, 40].

Представленная в школе «человеческого капитала» модель, позволяет определить, что выгоды от миграции проявляются только в течение определенного промежутка времени, и это частично объясняет тот факт, что показатели миграции падают с увеличением возраста индивидуума.

Продолжительность периода, в течение которого могут проявиться выгоды от миграции, падает с увеличением возраста человека. В то же время человек может перемещаться даже в том случае, если не ожидается никаких скорых доходов от миграции. Во-вторых, теория человеческого капитала не ограничивается рассмотрением чисто экономических выгод и издержек миграции. Действительно, многие экономические исследования узко

сфокусированы на денежных факторах; однако издержки и выгоды миграции могут быть измерены множеством не денежных показателей, которые в свою очередь даже не упоминались в теории марксизма.

Базовая модель человеческого капитала предлагает простой оценочный критерий: текущая стоимость или чистая выгода от перемещения из пункта «а» в пункт «в» есть функция разницы между пунктом исхода и пунктом назначения, за вычетом издержек перемещения, с поправочным коэффициентом.

Поправочный коэффициент есть метод, позволяющий учитывать то обстоятельство, что человеку свойственно придавать меньшее положительное значение событиям, могущим произойти в будущем, но сравнительно с такими же событиями в настоящий момент [1, 105].

Заметим, хотя модель и позволяет использовать различные способы измерения издержек и выгод, она ясно относит процесс принятия решения на уровень отдельного домохозяйства. Именно домохозяйство в последние годы все более учитывается в теории человеческого капитала.

Не исчезли и такие факторы, обуславливающие международную миграцию рабочей силы, как неравномерный характер мирового экономического развития, стремление к получению сверхприбылей за счет привлечения очень дешевой рабочей силы из менее развитых и развивающихся государств. К этому можно добавить чрезвычайно возросшую зависимость ряда отраслей экономики стран иммиграции от труда иностранных рабочих, как и расширение информационной базы среди населения мира относительно "потенциальных иммиграционных возможностей" тех или иных стран, развитие транспорта, демографический фактор, в значительной степени обуславливающий эмиграцию из развивающихся государств [10, 280].

Ключевое отличие теории марксизма и теории «человеческого капитала» заключается в применимости. К примеру Марксизм это одна из основных теории международной трудовой миграции, которая применима на макроуровне, а теория человеческого капитала носит универсальный характер представлена комбинированным подходом на макро и микроуровнях, которая носит значительно резонансный характер.

Научные взгляды теоретиков в области миграции служат для понимания причин и факторов не только прошлых, но и современных процессов международной миграции. Изучение теоретических подходов помогает понять закономерности и последствия миграционных процессов, строить прогнозы, проводить более взвешенную и рациональную миграционную политику. Теории миграции были созданы для осмысления влияния миграционных процессов на население и рынки труда [1, 153].

К. Маркс был одним из первых, кто выделил основные особенности миграционных процессов. Хотя его законы по большей степени были описательного глобального характера, но они оказали огромное влияние на последующие работы в области моделирования и концептуализации миграционных процессов.

Попытки выделить факторы миграции начали предприниматься значительно позже, в первую очередь учеными-экономистами. Экономисты предполагают, что миграционные потоки задаются различиями в зарплате, уровне жизни. Для них миграция – прежде всего элемент функционирования рынка труда, а также форма накопления человеческого капитала.

Предложенные гипотезы имеют разные последствия для разработки миграционной политики. В зависимости от того, какая модель поддерживается, политики могут регулировать международную миграцию путем изменения заработных плат и условий труда в странах приема путем содействия экономическому развитию в странах происхождения, создавая при этом программы социального страхования, совершенствование фьючерсов или рынков капитала в развивающихся регионах или комбинировать эти действия.

Необходимо отметить что различия в аргументации, подходах и выводах, все экономические течения и школы изучали именно взаимодействие рынка труда и трудовой миграции как одну из актуальных проблем современности, которая отнюдь не потеряла своей остроты и значимости и в настоящее время [10, 281].

В истории экономической науки значение трудовой миграции как фактора рынка труда и занятости определяется неоднозначно, а порой и противоречиво: то как благо для развития производительных сил, то как отрицательный фактор, являющийся помехой для роста благосостояния. С изменением объективных обстоятельств в недрах экономической мысли меняются взгляды на экономическую действительность, эволюционирует трактовка основных категорий, совершенствуются методы исследований, трансформируются направления и подходы. Но, несмотря на различия в аргументации, подходах и выводах, все экономические течения и школы изучали взаимодействие рынка труда и трудовой миграции как одну из актуальных проблем современности, которая отнюдь не потеряла своей остроты и значимости и в настоящее время [8, 116].

Несмотря на то, что разные аспекты имеющихся концепций работают и в настоящее время, единой всеобщей теории миграции до сих пор нет. Именно поэтому классические теории миграции не теряют своей актуальности по сей день и используются для решения поставленных целей и задач.

Литература

1. Алешковский И.А., Ананьева Г.Е., Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Калабихина И.Е., Магомедова А.Г. и др. «Экономика народонаселения» 2016 г., место издания Проспект Москва, ISBN 978-5-392-20602-5, 672 с.
2. Безбородова Т.М. «К вопросу об определении понятия и административно-правового статуса трудового мигранта» // Проблемы современной экономики. 2011. №4 (40). С. 90-93.
3. Ивахнюк И.В. «Развитие миграционной теории в условиях глобализации» Ст. 26 Век глобализации 1–2/2016 26–43 с.
4. Ионцев В.А. Международная миграция: населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.–(Международная миграция населения: Россия и современный мир; Вып. 3).
5. Ионцев В.А. Экономика народонаселения: Учебник / Под ред. проф. В.А. Ионцева (Учебники экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) / В. А. Ионцев, А. А. Саградов, Г. Е. Ананьева и др. — Москва ИНФРА-М, 2007. — С. 668

6. Ленин В.И. Развитие капитализма в России./ Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности./ Полное собрание сочинений. т.3, изд.5. — М.: Изд. Полит. литературы, 1971г. — 792с.

7. Маркс К., Энгельс Ф., Собрание сочинений. Второе издание. Т.40-50. - М.: ИПЛ. - 1975-1981 гг.

8. Ниворожкина Л.Н., Н.А. Колосова Эволюция научных взглядов на трудовую миграцию как движущую силу развития мирохозяйственных связей 2014 № 1 (45) Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) ст. 153

9. Цхададзе Н.В. Последствия расширения неформального сектора в экономике //«Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного социохозяйственного развития». Сборник статей международной научно-практической конференции. / под ред. Г.Б. Клейнера, Э.В. Соболева, В.В. Сорокожердьева, З.М. Хашевой – Краснодар: ЮИМ, 2015. – С.235-240.

10. Цхададзе Н.В., Богацкая К.А. Миграция рабочей силы и ее влияние на воспроизводственные процессы //«Воспроизводство России в XXI веке: диалектика регулируемого развития» в 80-летию выхода в свет книги Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег».Сборник докладов III Международной научной конференции, г. Москва, 2016 – С.278-283.

Гайсин Р.С., Мигунов Р.А.

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ УСТОЙЧИВОГО РОСТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Введение. Социально-экономические трансформации в России развиваются на протяжении последних 17 лет. Часть исследователей считает, что они уже завершены и российская экономика и её аграрный сектор стали частью мировой рыночной системы. Иные учёные продолжают настаивать на том, что специфика российской экономики по-прежнему слишком велика, чтобы считать трансформацию завершённой. Трансформационные процессы должны означать переход к более прогрессивной в мировом социально-экономическом развитии институциональной системе (к таковым относят: либерализацию экономики, связанную с активизацией рыночных институтов; формирование качественных комплементарных институтов государственного регулирования; наличие разнообразных форм собственности и эффективную систему её спецификации; учёт социальных и экологических факторов развития; развитие новых технологий, повышение роли науки и образования и т.п.) [6, с. 153-156]. Трансформационные процессы в России сопрягались с указанными тенденциями весьма противоречиво, особенно в отношении её аграрного сектора.

В ходе трансформационных процессов в сельском хозяйстве новой России за период с 1991 по 1998 годы произошло падение валового производства отрасли на 45%, в животноводстве на 55%, в растениеводстве на 38%. Одновременно произошло увеличение доли натурального хозяйства в валовом продукте отрасли с 20-25% в 1991 году до 40-55% в 1998 году [рассчитано по данным:5]. Показатели экономического развития аграрного сектора начала 90-х годов до сих пор не восстановлены и на сегодня сложился ряд

институциональных ловушек и трансформационных барьеров на пути устойчивого экономического роста аграрного сектора в современной России. Снижение уровня волатильности развития сельского хозяйства, особенно на втором этапе развития циклов долгосрочной конъюнктуры агропродовольственного рынка (как в России), возможно при формировании эффективных институтов поддержки спроса на продовольствие и трансформировании институтов стабилизации агропродовольственной конъюнктуры.

Институты поддержки потребления и спроса на продовольствие в России. Современный агропродовольственный рынок России с позиции циклов долгосрочной конъюнктуры, или длинных волн, находится на этапе неполного насыщения рынка, что подтверждается данными об уровне потребления населением России основных продуктов питания и его соотношении с рациональными нормами потребления (имеются в виду не платёжеспособные, а абсолютные потребности по медицинским нормам). Особенно низок уровень самообеспеченности продуктами питания в низкодоходных группах населения. В связи с этим в низкодоходных группах относительно высока эластичность спроса по доходам и ценам. Высокий удельный вес малообеспеченных слоёв населения влияет и на средние по России показатели насыщенности потребностей домашних хозяйств в продовольствии. Другой особенностью спроса на продовольствие в России по сравнению с развитыми государствами является то, что спрос не растёт или растёт медленно не из-за низкой его эластичности (как в западных государствах), а вследствие того, что относительно низки и медленно растут доходы населения, высок уровень их дифференциации. Низкий уровень доходов основной части населения приводит к тому, что, несмотря на эластичность в этих группах спроса на продовольствие по доходам, он не растёт из-за бюджетных ограничений. Низкий уровень реальных доходов населения, их снижение обуславливают стагнацию и падение спроса на некоторые виды продуктов питания. Соответственно остаётся на низком уровне и среднестатистическое потребление важнейших видов продуктов питания, особенно у наименее обеспеченных слоёв населения.

Для России проблема регулирования рынка, особенно регулирования спроса, является крайне актуальной. Тем не менее, она явно недооценивается. Нет должного понимания того, что болезни российского рынка носят системный характер. Поэтому принимаются лишь отдельные решения в этой области, которые не дают необходимого результата, т.к. реализуемые меры в большинстве случаев носили односторонний характер и были направлены на регулирование в основном предложения (главным образом производства) на агропродовольственном рынке при ограниченности мер регулирующих спрос, потребление. Такой односторонний подход к регулированию конъюнктуры агропродовольственного рынка не мог обеспечить баланс интересов производителей и потребителей на этом рынке. Более того, такая направленность рынка только усугубляла кризисную ситуацию рыночного неравновесия со всеми вытекающими отсюда последствиями. Необходимо в

механизм регулирования конъюнктуры агропродовольственного рынка встроить новые элементы, регулирующие спрос и направленные, в первую очередь, на поддержку потребителей. В конечном счёте, это окажет большую поддержку производителям по сравнению с прямыми формами поддержки сельхозпроизводителей [2, с. 111-119].

Роль государства в условиях относительного перепроизводства должна сводиться не к подмене рыночного механизма регулирования, а к созданию условий, при которых он уравнивал бы спрос и предложение не за счёт сокращения или сдерживания роста предложения продукции, а за счёт повышения спроса на неё. Такая направленность динамики спроса и предложения соответствует потребностям общества и нацеливает на их удовлетворение производственные возможности отрасли. Для того чтобы устранить или сгладить указанные причины необходимо построение прозрачной единой системы институтов и институциональных механизмов поддержки спроса и потребления продовольствия, состоящей из трёх взаимосвязанных институциональных подсистем:

- ✓ института поддержки матерей и ранних детей;
- ✓ института социального школьного питания;
- ✓ института адресной поддержки нуждающегося взрослого населения

[подробнее в 3].

Государство через различные институты социальной адресной помощи в продовольствии сможет охватить все слои российского населения (от младенцев до пожилых), что позволит более эффективно снижать медицинские риски, связанные с недостаточностью питания. Необходимо изучить и использовать опыт США, когда оба регулирующих, режущих «лезвия ножниц» (регулятор спроса, регулятор предложения) оказываются в руках одного ведомства. Тогда эти «два лезвия» может быть, смогут согласованно на основе мер «зелёной корзины» «нарезать цены» эффективного конкурентного равновесия, соответствующие интересам как производителей, так и потребителей продовольствия. Однако такое комплексное регулирование конъюнктуры рынка потребует довольно больших бюджетных затрат. Реализация институтов поддержки потребления и спроса на продовольствие в РФ при благоприятных условиях позволит сформировать дополнительный спрос на отечественную продукцию пищевой промышленности в размере 336,2-771,7 млрд руб., что сформирует вторичный спрос на продукцию сельского хозяйства в сумме 140,1-321,5 млрд руб. [расчёты авторов на 2016 г. по данным 1].

Государство, совершая закупочные операции на такую сумму, тем самым, поддерживает не только спрос, но и предложение, не только потребление, но и производство сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Такие меры являются более эффективным путём поддержки производителей по сравнению с односторонними мерами прямой поддержки производства. Поддержка производства может дать высокую отдачу только в том случае, если она осуществляется параллельно с поддержкой спроса ориентированного

государством на отечественную продукцию. Следует изыскать для этого необходимые дополнительные ресурсы. В противном случае показатели, предусмотренные Доктриной продовольственной безопасности РФ, не будут достигнуты*.

Институты стабилизации агропродовольственной конъюнктуры. Переход сельского хозяйства России на этап относительного насыщения спроса на агропродовольственном рынке характеризуется нарастанием амплитуды краткосрочных колебаний цен на рынках сельскохозяйственной продукции. Проявляет своё действие «Закон Кинга»: при снижении эластичности спроса происходит повышение зависимости (эластичности) изменения рыночных цен от изменения объёмов производства и реализации продукции. При неэластичном спросе даже небольшие изменения в объёмах производства вызывают намного большую степень изменения рыночных цен. В связи с этим чётко прослеживается определённая закономерность. Развитие аграрного сектора экономики ведёт к повышению степени насыщенности потребностей в продовольствии, что, в свою очередь, обуславливает падение эластичности спроса по доходам и ценам. Падение эластичности спроса усиливает волатильность рыночных цен. Повышение уровня колебаний цен (особенно в зерновом хозяйстве) приводит к нестабильности в получении доходов у сельхозпроизводителей и снижает инвестиционную привлекательность отрасли. В таких условиях утрачиваются возможности для долгосрочного экономического роста аграрного сектора, рыночный механизм не может самостоятельно восстанавливать цены эффективного конкурентного равновесия. Отмеченное позволяет сделать вывод о том, что для стабилизации агропродовольственной конъюнктуры необходимо вмешательство государства в зерновое хозяйство через институты и институциональные механизмы, регулирующие спрос и предложение на рынке.

Обеспечение устойчиво стабильной ценовой конъюнктуры без расходящейся амплитуды её колебаний невозможно осуществить путём рыночного воздействия на спрос и предложение на агропродовольственном рынке. Невозможно решить эту задачу и путём применения отдельных мер государственного воздействия на конъюнктуру рынка. Требуется формирование особой комплексной системы институтов и институциональных механизмов стабилизации ценовой конъюнктуры на агропродовольственном рынке, в частности на рынке зерна. Создание и использование такой системы позволяет смягчить колебания цен на рынке зерна, что даёт возможность

---

* В развитых государствах мощным средством воздействия на агропродовольственный рынок, на расширение спроса на нем является политика государства по регулированию подоходного налога. Там распространена практика освобождения от подоходного налога беднейших слоёв населения, применяется дифференцированная шкала обложения этим налогом. И то, и другое существенно увеличивает эластичный спрос малообеспеченных слоёв населения на продовольствие. Необходимо рассматривать налоговую политику в области взимания подоходного налога как средство существенного повышения уровня потребления продуктов питания со стороны беднейших слоёв населения и, соответственно, как средство повышения спроса на агропродовольственном рынке и как эффективную форму поддержки производства в аграрном секторе экономики.

формировать стабильные доходы у сельхозпроизводителей (достаточные для расширенного воспроизводства) и осуществлять инвестиции в отрасль в «более предсказуемой» среде [2, с. 124-127].

Опыт США и стран ЕС показывает, что система институтов и институциональных механизмов стабилизации ценовой конъюнктуры на рынке зерна включает в себя четыре взаимосвязанные институциональные подсистемы: 1) институты товарно-закупочных интервенций и механизмы их реализации; 2) институты и институциональные механизмы ценового регулирования; 3) институты хранения интервенционного фонда, 4) система мониторинга ситуации на агропродовольственном рынке.

Рассмотрим содержание и механизм политики стабилизации конъюнктуры на примере рынка зерна. Существенные межгодовые колебания производства зерна являются основной причиной неустойчивости конъюнктуры, что подтверждается реальной ситуацией на зерновом рынке России по годам. Интервенционные мероприятия представляют собой вмешательство государства в процессы формирования и функционирования рынка зерна путём использования институциональных механизмов, регулирующих спрос и предложение. В урожайный год спрос со стороны населения и предприятий на зерно меньше его предложения. Вследствие избытка зерна рыночные цены падают. Государство в этой ситуации может увеличить спрос на зерно за счёт закупочных интервенций на рынке зерна. При оперативном осуществлении этой меры, при достаточном выделении бюджетных средств на закупку зерна совокупный спрос на зерно увеличится, рыночные цены повысятся. В неурожайные годы предложение будет меньше спроса. Вследствие нехватки зерна рыночные цены повысятся, спрос упадёт до уровня предложения. В такой ситуации государство принимает меры по увеличению предложения зерна на рынке путём товарных интервенций из «буферных запасов», сделанных в высокоурожайные годы. Вследствие этого рыночные цены понизятся.

Формирование институтов стабилизации агропродовольственной конъюнктуры в России в последние годы ставит вопросы относительно эффективности институтов (правил), по которым они осуществляются. Исследования показывают, что в результате проведения интервенций в период с 2007 по 2014 гг. производители получили дополнительный доход в размере всего лишь 1,2 млрд руб., потребители сократили свои расходы на 3,7 млрд руб., а нетто поступлений в бюджет составило минус 25,4 млрд руб. [7]. Экономические результаты проведения интервенций в России показывают всю неэффективность сложившейся системы институтов стабилизации ценовой конъюнктуры в России.

В целях стабилизации цен и доходов российских сельхозтоваропроизводителей необходимо осуществить следующие меры по корректировке института стабилизации ценовой конъюнктуры в России: 1) сформировать чёткую модель института стабилизации ценовой конъюнктуры в России; 2) скорректировать правила институционального механизма товарно-закупочных интервенций; 3) скорректировать правила институционального

механизма ценового регулирования; 4) скорректировать правила институционального механизма хранения интервенционного фонда; 5) снизить трансакционные издержки сельхозтоваропроизводителей для участия в товарно-закупочных интервенциях [подробнее в 4]. Построение качественных институтов стабилизации агропродовольственной конъюнктуры:

1. Позволяет погасить амплитуду колебаний цен и доходов производителей зерна и стабилизировать их по годам. Это имеет особое значение, т.к. на рынке зерна отклонение цен от среднегодового равновесного уровня намного значительнее, чем на рынках многих других товаров.

2. Даёт возможность устранить негативные последствия действия рыночных институтов в зерно-продуктовом подкомплексе экономическими методами вмешательства государства в сферу зернового рынка.

3. Соответствует экономическим интересам не только производителей зерна, но и потребителей (как населения, так и предприятий переработки). Обеспечивается стабильность и предсказуемость динамики цен покупки зерна, что важно для устойчивого развития предприятий, производительно потребляющих зерно, а также для стабилизации социальной обстановки в обществе, обеспечения продовольственной безопасности.

Заключение. Построение теоретической модели и сравнение теории с практикой позволяют говорить о том, что институты стабилизации ценовой конъюнктуры и институты поддержки спроса на продовольствие в современной России могут показать высокую эффективность в сфере снижения волатильности цен и доходов сельхозпроизводителей в условиях чётко прописанной модели, что приводит к возможности устойчивого экономического роста в отрасли.

Литература

1. Внутренняя продовольственная помощь в Российской Федерации. Доклад Министерства сельского хозяйства РФ на слушаниях в Общественной палате РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.oprf.ru/files/1_2016dok/Prezent_vnutrennyaya_prodovolstv_pomosh_minselshoz21012016.pdf, свободный.

2. *Гайсин Р.С.* Рыночное равновесие в аграрном секторе экономики: учебное пособие / Р.С. Гайсин. – М.: Издательство РГАУ-МСХА, 2014. – с. 144.

3. *Гайсин, Р.С., Мигунов, Р.А.* Институты поддержки потребления и спроса на продовольствие // Российский экономический журнал №1, 2018.

4. *Мигунов, Р.А.* Институциональные механизмы стабилизации агропродовольственной конъюнктуры на рынке зерна // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, №10, 2017. – С. 64-69.

5. Статистические данные единой межведомственной информационно-статистической системы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.fedstat.ru, свободный.

6. Трансформационная экономика России: Учеб. Пособие / А.В. Бузгалин, В.В. Герасименко, З.А. Грандберг и др.; Под ред. А.В. Бузгалина. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 616 с.

7. *Узун В.Я.* Оценка эффективности закупочных и товарных интервенций на рынке зерна в России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. - №10. – 2016. – с. 7-17.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ

В условиях развития рыночной экономики актуализируется необходимость исследовать неэкономические факторы, влияющие на тенденции развития экономики и ее финансового сектора. Выбранный экономический курс на приоритетность развития финансовой системы возможно реализовать только в условиях достаточно высокой активности как юридических, так и физических лиц, особенно молодежи. При этом финансовая культура человека позволяет ее носителю демонстрировать конкурентоспособность на рынке труда, пользоваться социальными лифтами, обладать повышенной мобильностью, правильно формулировать свои жизненные приоритеты.

Для определения понятия «финансовая культура» воспользуемся подходом В.И. Добренкова, рассматривающего финансовую культуру как систему ценностей, жизненных представлений, правил и норм, образцов поведения в области финансовых отношений, совокупность способов и приемов человеческой экономической деятельности, объективированных в предметных, материально-финансовых носителях и передаваемых последующим поколениям.

Более развернутую, но далеко не исчерпывающую характеристику дает профессор Р.Г. Насибуллин: «Финансовая культура населения – это совокупность традиций, норм и идей, отражающих уровень финансовой грамотности, навыки и поведение людей в области финансовых отношений, финансового планирования и распределения денежных средств при существующем уровне развития в обществе инфраструктуры рынка, финансовых институтов и различных ценностей финансовой сферы, имеющих материальное воплощение и созданных целенаправленным воздействием людей» [8]. Такой подход в целом дает представление о специфике финансовой культуры, представляющей собой единство материального и духовного. Сложность формулировки «финансовая культура» состоит в многомерности понятия «культура» и неоднозначности раскрытия сущности категории «финансы».

Таким образом, финансовая культура представляет собой совокупность социальных ценностей и норм, регулирующие финансовое поведение личности и социальных групп, а также выполняющие функцию социальной памяти финансового развития.

Проблематика финансовой культуры в рамках социологического подхода относительно нова, что объясняется краткостью истории свободного рынка, сформировавшегося только в постсоветский период. Тем не менее, можно отметить устойчивый интерес к этой проблеме в отечественных исследованиях последних лет, рассматривающие различные аспекты феномена финансовой культуры, что, впрочем, не позволяет говорить о его концептуальном единстве.

Регулярные исследования финансовых практик населения на протяжении многих лет проводят ведущие российские исследовательские лаборатории и центры: ВЦИОМ, НИУ ВШЭ, НАФИ, ЦИРКОН, ФОМ, Левада-центр и др.

Особую актуальность имеет проблема формирования и повышения финансовой культуры молодого поколения, поскольку это одна из наиболее уязвимых социальных групп. В последнее время всё больше внимания уделяется вопросам включения обучения управлению финансовыми ресурсами в систему общего обязательного образования. Так, Банк России и Минобрнауки подготовили образовательный курс по финансовой грамотности для школ и учеников 9-11 классов, а с конца 2016 года Центральный Банк начал внедрять меры по повышению уровня финансовой грамотности в 72 регионах и планирует в 2017 году охватить порядка 500 школ [5].

В целом, под формированием финансовой культуры понимается выработка ясного представления об финансовых закономерностях развития общества и воспитание на этой основе таких качеств личности, которые необходимы ей в производственно-экономической деятельности. Формирование финансовой культуры неразрывно связано с подготовкой человека к жизни, труду, и является одним из необходимых условий становления гражданской позиции личности.

С позиции институционального подхода, можно выделить следующие основные социальные институты, влияющие на формирование финансовой культуры: образование, государство, СМИ, Интернет, семья и экономические институты. Рассмотрим каждый возможный источник формирования финансовой культуры.

На начальной стадии финансовое поведение формируется в детском и подростковом возрасте в семье. Первым этапом социализации любого человека становится семья – это та среда, в которой складывается личность, формируются его мышление, сознание, образ жизни и объясняются правила поведения и нормы, а также приобретаются первые знания и навыки управления личными финансами.

Но особое значение приобретает не просто передача знаний и приобретение специальных навыков, но и воспитание внутренней культуры, потребности в личностном совершенствовании. Самоопределение и выбор из множества различных ценностных иерархий, самостоятельное формирование индивидуальной системы ценностей становятся кардинальными задачами в жизни каждого самостоятельного человека [10].

О семье, как важном социальном институте, влияющем на развитие личности и формирующую у нее нормы и ценности, а поэтому формирующую финансовую культуру личности, говорят и опросы населения.

Так, опросы, проведенные аналитическим центром «Левада-центр» [1] в 2000 г. и в 2010 г., свидетельствуют о том, что семья остается по-прежнему главным социальным институтом, который формирует основы жизненного опыта молодых людей. Также школа и компания товарищей остаются важными элементами, формирующие жизненный опыт молодежи.

В 2016 году исследовательским центром НАФИ в рамках проекта «Дети и финансы» было проведено социологическое исследование проблем финансовой грамотности детей и подростков [6]. У большинства детей и подростков 14-17 лет есть в распоряжении собственные деньги (86%). Причем свои деньги (карманные, заработанные или подаренные родственниками) имеют все (100%) дети, с которыми регулярно обсуждают вопросы, связанные с деньгами, экономикой и финансами, и 90% тех, с кем иногда обсуждают данные вопросы. Среди детей, с кем взрослые не обсуждают данные вопросы, 29% опрошенных не имеют своих денег.

Большинство взрослых россиян не привлекают своих детей или внуков к учету доходов и расходов семьи и планированию бюджета (61%). Еще четверть россиян рассказывают несовершеннолетним про семейный бюджет, но не спрашивают их мнения (24%). Интересуются мнением и советуются со своими детьми по поводу бюджета семьи лишь 15% опрошенных.

Исходя из всего вышесказанного, можно говорить о том, что семья закладывает основы финансовых знаний человека, формирует его потребности, ценности, сознание, мышление, поэтому семья является одним из главных факторов формирования финансовой культуры.

Система образования является важнейшим социокультурным регулятором общественного развития, которая помогает в осознании социальных ценностей в экономической жизни, в понимании действующих законов и значимости их для общества и для себя лично. Предпосылкой достижения высокого уровня финансовой культуры является определение содержания знаний в финансовой сфере, поэтому образование играет большую роль в обеспечении ключевых национальных интересов. Каждой стране нужны специалисты, которые способны принимать ответственные решения и обладают высоким уровнем финансовой культуры.

Так, с 1 сентября 2016 года в российских школах начались факультативные занятия по финансовой грамотности в таких регионах, как Татарстан, Саратовская, Волгоградская, Томская, Калининградская области, Краснодарский, Ставропольский и Алтайский края.

Финансовый Университет, как один из ведущих вузов экономического образования, уделяет большое внимание повышению уровня финансовой грамотности россиян, в том числе и молодежи. Поэтому в рамках Стратегии развития Финансового университета на 2010-2015 гг., была разработана и апробирована программа «Формирование экономической культуры в общеобразовательной школе» на базе ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» [9].

Стоит отметить, что осуществление любой политики, принятие новых законов в экономической сфере непосредственно формирует у населения предпосылки к определенному финансовому поведению.

В 2011 году был создан проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в

Российской Федерации», который реализуется Министерством финансов Российской Федерации совместно с Всемирным банком.

В рамках данного проекта с 23 по 31 октября в 42 регионах страны прошла неделя сбережений, в которой приняли участие более 150 тыс. человек в 42 регионах России.

Также существуют следующие государственные программы повышения финансовой грамотности: «Государственная программа повышения финансовой грамотности в РФ», «Программа Экспертной группы по финансовому просвещению при ФСФР России», «Школа начального финансового образования», «Финансовая культура и безопасность граждан» и др. 25 сентября 2017 года Правительством РФ представлена «Стратегия повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 - 2023 годы», целью которой является «создание основ для формирования финансово грамотного поведения населения как необходимого условия повышения уровня и качества жизни граждан в том числе за счет использования финансовых продуктов и услуг надлежащего качества» [4].

СМИ и Интернет играют особую роль в формировании общественного мнения, а также в формировании финансовой культуры общества. СМИ и Интернет выполняют функцию передачи и трансляции знаний обществу, при этом не всегда может обеспечивать усвоение таких знаний. Стоит отметить, что СМИ и Интернет рассматриваются автором как два разных социальных института, однако функции их очень схожи, поэтому целесообразно рассмотреть влияние СМИ и Интернет-сети в комплексе.

Значительную часть информации в различные периоды своей жизни человек получает именно с помощью СМИ и Интернет-сети. СМИ и Интернет являются важными источниками пополнения знаний, причем для некоторых людей они становятся чуть ли не единственным каналом повышения уровня своих знаний, в том числе и знаний в области финансов.

На сегодняшний день Интернет становится достаточно популярным каналом получения информации. По данным ВЦИОМ, на конец 2015 года пользователями Сети были 73% россиян, причем 50% выходили в Сеть ежедневно. В крупных городах России проникновение интернета еще выше [3]. Интернет позволяет населению получить доступ к разнообразным справочным материалам, которые раскрывают различные аспекты в деятельности организаций, привлекающих средства населения, например, минимальные суммы вложений, размер вознаграждения, надбавок и скидок, периоды размещения средств, требования к оформлению и перечень документов для заключения договоров.

Также стоит отметить, что на данный момент существуют множество Интернет-сайтов, которые способствуют повышению финансовой культуры: Информационный портал Банки.ру, Город финансов, ФинграмТВ, Экспертная группа по финансовому просвещению при Федеральной службе по финансовым рынкам России, Азбука финансов, Ваши финансы и др.

Институт экономики включает в себя такие подсистемы, как институт собственности, денег, банки, заработная плата и т.д., каждый из которых определенным образом оказывает влияние на формирование финансовой культуры.

Так, по статистическим данным, количество банков в России за последние годы постоянно снижается. Это подтверждает заключения экспертов, которые уже давно говорят, что в ближайшие годы в России останется около 500 - 600 банков. В соответствии с данными Банка РФ по состоянию на 01.01.2017 года количество коммерческих банков и не банковских организаций в России составляет – 623, из которых 336 (53,9%) можно отнести к крупным банкам, при этом год назад на соответствующий период количество коммерческих банков и не банковских организаций в России составляло – 733, из них - 383 (52,3%) можно отнести к крупным [2].

По прогнозам ряда аналитиков, начавшееся в период финансового кризиса сокращение количества действующих банков России продолжится. Многие эксперты ожидают значительное сокращение количества действующих банков, но сколько банков останется фактически, уверенно сказать никто не может.

Однако, при значительном уменьшении числа кредитных организаций, можно наблюдать увеличение количества страховых компаний и их доступности. Это способствует повышению уровня страхового поведения, как элемента финансовой культуры, поскольку страховые компании предоставляют большой спектр услуг по страхованию жизни и имущества граждан от различного рода рисков.

По данным Федеральной службы государственной статистики на 2015 год приходилось 360 страховщиков, прошедших лицензирование и осуществлявших в отчетном периоде страховые операции [7].

Число филиалов страховщиков к концу 2015 года составило 4863 единицы (в 2014 году – 4803), из них 4766 филиала находились в пределах Российской Федерации. Среднее число филиалов на одного страховщика составило 14 единиц и увеличилось по сравнению с 2014 г. на 2 филиала.

Экономика, как социальный институт, создает материальный базис для развития социальных отношений, так как нестабильное и бедное общество не в состоянии поддерживать высокий уровень финансовой культуры. Все социальные институты связаны с институтом экономики, зависимы от него и своим состоянием во многом определяют перспективы развития российского общества, являясь мощными стимуляторами его экономического прогресса.

Число социальных институтов формирования финансовой культуры не ограничивается приведенным списком, поскольку они многочисленны и разнообразны по своим формам и проявлениям.

Таким образом, формирование финансовой культуры населения, в том числе молодежи, невозможно без деятельности целого ряда социальных институтов: государства и его политики, образования, семьи, СМИ, Интернет, экономических институтов. Рассматривая процесс институционализации как системообразующий фактор формирования финансовых ценностей, мы

исходим из убеждения, что институты, так же как культура, являются основой предсказуемого поведения индивида. В то же время нельзя сказать, что это взаимозаменяемые процессы, они протекают параллельно. Задача работы – указать, каким структурам принадлежит основная роль в процессе институционализации и каким образом процессы обуславливают друг друга.

Литература

1. Аналитический центр «Левада-центр» [Электронный ресурс] // Опросы рубрики «Семья», 2010 г. URL: <http://www.levada.ru/category/rubrikator-oprosov/semya> (дата обращения: 29.05.2017)
2. Банк России [Электронный ресурс] // Количество кредитных организаций - участников рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования (в целом по Российской Федерации). 24.04.2017. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?TblID=3-1> (дата обращения: 29.05.2017)
3. ВЦИОМ [Электронный ресурс] // База результатов опросов (с 1992 года). 4.10.2015. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1043&q_id=72185&date=04.10.2015 (дата обращения: 29.05.2017)
4. ГАРАНТ.РУ [Электронный ресурс] // Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017 - 2023 гг. 2.10.2017. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71675558/#ixzz55roXmWtQ> (дата обращения: 01.02.2018)
5. Коммерсант [Электронный ресурс] // Лента новостей (Москва). 13.04.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3269953> (дата обращения: 29.05.2017)
6. НАФИ [Электронный ресурс] // Дети и финансы 2.0: безопасность сбережений и расчетов. 4.04.2017. URL: <http://nafu.ru/analytics/deti-i-finansy-2-0-bezopasnost-sberezheniy-i-raschetov/> (дата обращения: 29.05.2017)
7. Росстат [Электронный ресурс] // Обзор деятельности страховщиков в 2015 году. 12.07.2016. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/strah-org.htm (дата обращения: 29.05.2017)
8. Фатихов, А.И. Проблемы формирования финансовой культуры населения России сквозь призму социологических исследований [Текст] / А.И. Фатихов, Р.Т. Набибуллин // Вестник ТСГУ. 2010. №2. С. 235-244
9. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс] // Программа повышения финансовой грамотности. 2013 г. URL: <http://www.fa.ru/projects/ppfg/Pages/default.aspx> (дата обращения: 25.04.2017)
10. Шорохова Н.А. Экономическая культура в условиях перехода к инновационной экономике: проблемы и тенденции развития // Шорохова Н.А. // Вестник новгородского государственного университета. – 2014. – № 82. – С. 12-16.

Епифанцев А.А., Коляго П.В.

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ, КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

В девяностые годы XX столетия во многих странах мира, имеющих разветвленные системы образования, столкнулись с рядом негативных тенденций в развитии современного образования. Во-первых, снизилось качество общеобразовательной подготовки: падение уровня грамотности и нравственности выпускников, пассивность, неготовность к самостоятельной деятельности и к учебе в высшей школе, акцент на усвоение больших объемов информации без четкого разделения на ключевые знания и вспомогательный материал. Во-вторых, проявились отрицательные явления при подготовке специалистов в высшей школе: смещение акцента на профессиональную подготовку студентов в ущерб общекультурному развитию, низкий уровень

профессиональной мотивации и ответственности, жесткая регламентация деятельности, приводящая к пассивности выпускников вуза и др.

Таким образом, мы столкнулись с всемирным кризисом образования, преодоление которого требует переосмысления исходных представлений о сущности образовательно-воспитательной практики, о целях и ценностях обучения и воспитания, их содержания, методов и средств достижения поставленных целей.

На современном этапе, высшая школа России перестала адекватно отражать потребности общества в подготовке специалистов высшей квалификации, с одной стороны, и потребности личности в развитии – с другой. Основными причинами, вызвавшими кризис системы высшего образования в России, явились:

- децентрализованный механизм организации и управления, переход на трехуровневую систему обучения, внедрение критериев оценки, выражающиеся в фактическом игнорировании механизмов самоорганизации вуза, саморазвития личности студента и педагога, самообучения и самообразования, т.е. неспособность подготовить разностороннего, творчески мыслящего специалиста, способного решать инновационные задачи;

- установка на экстенсивный путь развития, неадекватность структуры высшего образования, изменяющимся требованиям к выпускникам со стороны потенциальных работодателей, практически отсутствие механизма индивидуальной подготовки специалиста по заказу конкретной организации;

- недооценка перспектив развития научной деятельности вузов, и как следствие, ограниченность источников финансирования, слабая материально-техническая оснащенность, отсутствие научной основы для интеграции российских вузов в мировое образовательное пространство.

Краткий анализ опыта ведущих стран в сфере высшего образования позволил выявить основные тенденции развития мировой образовательной системы:

- в области управления образованием: поиск компромисса между жесткой централизацией и полной автономией;

- стремление к демократической системе образования путем обеспечения его доступности всему населению страны, преемственности ступеней и уровней образования, предоставление автономности и самостоятельности учебным заведениям;

- увеличение спектра учебно-организационных мероприятий, направленных на развитие способностей учащихся, а также удовлетворение их разносторонних интересов;

- постоянное обновление и корректировка школьных и вузовских образовательных программ;

- переход от нацеленности на «среднего ученика» к «одаренному ученику» путем повышения интереса к особенностям раскрытия и развития способностей личности в процессе обучения.

В плане решения проблем мировой образовательной системы большое значение приобретают крупные международные проекты и программы, к которым можно отнести следующие:

- Эрасмус – обеспечивает мобильность студентов Европейского Союза, например, в рамках этой программы до 10 % студентов должны пройти обучение в вузе другой европейской страны;

- Лингва – программа повышения эффективности изучения иностранных языков;

- Эврика – проект, основной задачей которого является осуществление координации исследований со странами Восточной Европы;

- Эсприт – проект, предполагающий объединение усилий европейских университетов, научно-исследовательских институтов, компьютерных фирм в создании новых информационных технологий;

- Темпус – общеевропейская программа, ориентированная на развитие мобильности университетского образования.

Формированию единого мирового образовательного пространства также способствует развитие дистанционных форм обучения, использующих компьютерные сети и средства спутниковой связи, позволяющие решать образовательные задачи в региональных масштабах. Так происходит реализация проекта единой Европейской обучающей среды, а шведский Балтийский университет, объединяет посредством дистанционных методов обучения более чем 50 университетов десяти стран балтийского региона.

Реформирование системы высшего образования в России характеризуется поиском оптимального соответствия между сложившимися традициями в отечественной высшей школе и современными тенденциями развития мировой образовательной системы. В этой связи можно выделить несколько основных направлений преобразования отечественной высшей школы:

- внедрение многоуровневой системы подготовки специалистов, обеспечивающей более широкую мобильность в темпах обучения и в выборе будущей специальности, предоставляющей выпускнику осваивать на базе полученного университетского образования новые специальности;

- переход российских вузов в режим опытно-экспериментальной работы по апробации новых учебных планов, образовательных стандартов, новых технологий обучения, учитывающих механизмы самоорганизации вуза и саморазвития участников образовательного процесса;

- оснащение вузов современными информационными технологиями, создание университетских сайтов с интерактивным пользовательским интерфейсом в сети Internet, а также интенсивное развитие дистанционных форм обучения;

- интеграция российских высших учебных заведений с ведущими отечественными и зарубежными университетами и научно-исследовательскими институтами в рамках различных международных проектов и программ.

Таким образом, управление высшим образованием, проведение организационно-структурных изменений в образовательных учреждениях,

совершенствование образовательного процесса, развитие вузовской науки должны осуществляться в рамках четкой концепции, опирающейся на опыт преемственности каждого нововведения, а также систему основополагающих принципов:

- фундаментальности, способствующей формированию у будущего специалиста целостного профессионального кругозора, основанного на базовых знаниях и их логической взаимосвязи;

- системности, требующей ухода от узкоотраслевой направленности, дающей возможность адаптации к широкой группе родственных специальностей;

- самоорганизации, стимулирующей инновационные процессы на элементарном уровне путем создания соответствующей научно-исследовательской среды для основных участников образовательного процесса;

- гибкости, способности образовательной системы быстро реагировать при подготовке специалиста на нормативно-правовые, научно-технические, экономические и другие изменения, предъявляющие новые требования к уровню подготовки и знаниям будущего специалиста;

- опережающей подготовки, опирающейся на исследовательский подход в конкретных предметных областях, способствующий выработке навыков прогнозирования развития науки и техники, закреплению у участников образовательного процесса психологической готовности воспринимать передовые идеи;

- саморазвития личности, как средства формирования зрелого, самостоятельного, творчески мыслящего специалиста, призванного справиться с любой профессиональной задачей.

В результате проведенных исследований было установлено, что построение образовательного процесса в высшем учебном заведении, отвечающего международным стандартам качества, не представляется возможным без планомерного решения целого комплекса проблем. Так, например, при подготовке специалиста по экономическому направлению, как правило, остаются не решенными следующие проблемы:

1. Профессиональные:

1.1 Теоретико-методологические, в частности: узкий профессиональный кругозор, отсутствие логики познания, навыков научно-исследовательской работы, проблемы с научным и экономическим понятийным аппаратом, пробелы в базовых экономических знаниях, игнорирование влияния национальных особенностей на экономическое развитие в разных странах мира и др.

1.2 Прикладные, например: отсутствие целостных взаимосвязанных знаний для решения конкретной профессиональной проблемы, которые бы легко воспроизводились студентом из таких предметных областей как: рынок ценных бумаг, инвестиционная деятельность, страхование, государственное регулирование создания, функционирования и ликвидации экономических субъектов, управленческий, бухгалтерский и налоговый учет, кадровая

политика, особенности и инновационные перспективы развития отрасли; слабое владение математическим аппаратом; отсутствие навыков владения английским языком для решения профессиональных задач: деловая переписка, оформление международных документов, ведение переговоров, сложность в применении современных информационных и иных технологий в профессиональной деятельности.

2. Личностные:

2.1 Сложность социальной адаптации (проблемы с общением в коллективе, умением организовывать деятельность в группе, предупреждать конфликтные ситуации, ограниченность в общении из-за незнания английского языка).

2.2 Проблемы с запоминанием новых знаний и своевременным их применением в конкретных условиях.

2.3 Проблемный стиль мышления (разрушительный характер внутренних психологических установок).

Поскольку часть обозначенных проблем относится в целом к процессу обучения, то целесообразно разграничить общие проблемы, связанные с переходом вуза к многоуровневой системе подготовки специалистов и те проблемы, которые непосредственно относятся к качеству подготовки бакалавра и магистра по экономическому направлению.

Киселёва Н.И.

ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Трансформация социальных институтов, опыт пережитых экономических и финансовых потрясений, изменившийся экономический и социальных уклад жизни населения и слабое развитие экономики страны сформировали особое направление в общественных науках, нацеленное на объяснение особенностей экономического, а том числе финансового поведения, финансовой грамотности и финансовой культуры в целом.

Так экономический подход характеризуется настойчивым утверждением, что именно поведение населения формирует и способствует развитию экономики, именно активность населения как экономической, а точнее потребительской силы является двигателем развития экономики страны, так и мира в целом. От того, какой сформировался тип финансовой культуры (аскетическая или гедонистическая и др.) зависит экономический рост, все чаще появляются утверждения, что именно сложившаяся в постсоветской России экономическая культура является барьером нынешнего экономического роста России.

Не вдаваясь в полемику экономических размышлений и гипотез обратимся к проверенным научным методам познания сущности явлений и процессов.

В общественных науках только формируются методологические подходы к исследованию финансовой культуры как социально-экономического феномена. В рамках социально-культурной традиции изучения явлений, понятие «культура» выступает ключевым многогранным феноменом, отражающим символические, наиболее ценные аспекты и традиции поведения индивида и общества. При описании специфики проявления культуры человека и общества чаще всего прибегают к анализу языка, системы норм, описание обычаев, традиций поведения, приобретаемых в процессе социализации. Надо предполагать, что, изучая финансовую культуру исследователь будет описывать сложившуюся в обществе систему коммуникаций в сфере финансовых отношений, языковые формы описания финансовых процессов, систему норм в сфере финансов, описание финансовых обычаев традиций финансового поведения. Некоторые исследователи дополняют исследование финансовой культуры описанием системы финансовых ценностей, мотивации финансового поведения.

В тоже время активно развивается поведенческий уровень исследования финансовой культуры. В рамках этого подхода авторы концентрируют свое внимание не только на анализе финансовой активности, но и умении безопасно пользоваться финансовыми услугами, что предполагает не только наличие финансовых целей, опыта в области финансовых отношений, но необходимых знаний в этой сфере, навыков планирования и распределения денежных средств, т.е. высокой финансовой грамотности.

Безусловно уровень финансовой культуры зависит от уровня финансовой грамотности. Этот подход отражен в рамках Национальной программы повышения уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации, где под финансовой культурой принимается наличие многих навыков: эффективно управлять личными финансами; осуществлять учет расходов и доходов домохозяйства и осуществлять краткосрочное и долгосрочное финансовое планирование; оптимизировать соотношение между сбережениями и потреблением; разбираться в особенностях различных финансовых продуктов и услуг (в том числе инструментов рынка ценных бумаг и коллективных инвестиций), иметь актуальную информацию о ситуации на финансовых рынках; принимать обоснованные решения в отношении финансовых продуктов и услуг и осознанно нести ответственность за такие решения; компетентно планировать и осуществлять пенсионные накопления.

Развитие современных экономических отношений сформировали не только высокую социальную значимость дохода, денег, но и новые социальные ценности: финансовая независимость, успех, доверие в сфере финансовых отношений.

Еще М. Вебер отмечал, что на формирование финансовой культуры существенную роль оказывает социальная среда: семья, воспитание, протестантская религия. По М. Веберу только воспитываясь в среде, где идеалом является добропорядочность, кредитоспособность, ростовщичество, стремление приумножать капитал может сформироваться финансово

грамотный и культурный гражданин, а отступление от это «этики» следует расценивать как нарушение долга.

Долги годы считалось, что механизм формирования финансовой культуры был разрушен советской идеологией, однако если следовать логике М. Вебера именно среда обитания, религиозные нормы формируют ту или иную финансовую культуру. Так со времен Древней Руси и до Российской империи ростовщичество (более 12%) не считалось идеалом, более того порицалось, считалось аморальным, паразитическим предпринимательством, а по В.И. Далю подобных дельцов называли “христородавцами, жидами, гиенами немилосердными” и всячески осуждались и запрещались Законом. Основанием для подобных заявлений служили утверждения, что деньги растут обманом и только трудом (земледелием, производством) необходимо повышать свое благосостояние.

И даже 70-летний опыт отказа от частной собственности и представлении, что «не в деньгах счастье» показал, что за годы формирования рыночной экономики ценности протестантской культуры активно вошли в нашу жизнь.

Но большинство граждан страны в 90-е годы не были финансово опытными, грамотными, не владели навыками работы с ценными бумагами, валютой, ваучерами, что дало возможность другим успешно перераспределить материальные ресурсы СССР. Активная пропаганда развития свободного предпринимательства, приватизация государственных предприятий, либерализация экономики сформировали новые социально-экономические представления и механизмы адаптации к ним.

Поэтому современная финансовая культура россиян – это противоречивый комплекс морально-нравственных норм, хозяйственных традиций, современных возможностей и опыта финансовых потрясений последних десятилетий [1].

Социологический анализ социального механизма позволяет определить глубинные и скрытые социальные процессы и изменения, которые сопровождают финансовую культуру как социальное явление, а также выявить механизм регулирования и управления.

В социологии сформировалось системное представление о социальном механизме экономики как результате представлений о взаимосвязи социальных институтов и различных групп общества и императиве, что результаты экономического развития являются следствием не прямого действия органов управления, а опосредуются активностью социальных групп, т.е. их деятельностью, поведением и взаимодействиями.

Социальный механизм формирования финансовой культуры представляет собой систему из пяти взаимосвязанных между собой социальными отношениями блоков: управленческий, статусный, социокультурный и поведенческий. Где лидирующую позицию занимает управленческий блок именно он формирует статус личности, его социально-экономические возможности, что в свою очередь влияет на социально-культурный фон

населения и только сформированные социокультурные представления находят свое отражение в поведении, в том числе в финансовой сфере.

Поэтому при исследовании финансовой культуры как сложного социально-экономического явления необходимо искать не влияние на экономическое развитие страны, а совсем наоборот. Какие изменения в управленческие приемы и законы в сфере экономики и финансов сформировали финансово культурное поведение?

В тоже время при описании особенностей финансовой культуры ключевыми показателями должны являться не только финансовая активность/поведение, уровень финансовой грамотности, но и финансовые ценности, финансовые нормы, традиции и инновации в сфере экономики и финансов.

Более того, при описании финансового поведения абсолютизированы теории потребностей, полезности, блага, рациональности выбора, равновесия, распределения, богатства, конкуренции и многие исследователи опираются на описание и прогнозирование поведения через изучение отдельных элементов поведения, игнорируя объективные факторы формирования и иные подходы к исследованию финансового поведения.

Одной из «модных» и «молодых» является теория игр, полюбившаяся экономистами с середины XX века, за математическую логичность, строгость в объяснении весьма эфемерных категорий. Главным постулатом является рациональность поведения личности, которая стремится к максимизации (полезности) прибыли. Но этот же постулат стал мишенью для психологов и социологов, доказывающих ограниченность этой теории и демонстрирующих массу примеров нерациональности (иррациональности) поведения, в том числе под воздействием эмоций и чувств (страх, стыд, обида, ревность, интерес, восторг). А в условиях многозадачности возникает не только внешний конфликт, но и внутренний (справедливость, истина, коллективизм, солидарность, лояльность, перфекционизм, мотивы). Более того, нет гена полезности, полезность формируется средой, институтами и модой. Поэтому в последнее десятилетие активно появляются модели не подчиняющиеся правилам рационального выбора, модели с поэтапным выбором, с двумя и более альтернативами и скрытыми желаниями [2], но все они требуют дальнейшего апробирования и методологического осмысления, так как тоже не учитывают социальные реалии.

Правовой подход на примере изучения девиантного поведения доказал, его зависимость от стандартов тех групп, в которых они имеют место, от социальной ситуации, совпадения, наложения негативных социальных факторов на слабые места [3. с.184.].

Демографический подход позволяет дифференцировать специфику экономического поведения по гендерным, возрастным и семейным особенностям. Пол и возраст стали классическими факторами для описания поведения, а сближение характеристик поведения описывается как «бесполое» и «без возрастное» общество. Тем не менее, демография как наука о

народонаселении, дает нам не только статистические представления о количестве и составе населения, но отдельные её отрасли, например, социальная демография, предметом своего научного изыскания выдвигает особенности демографического поведения (брачного, семейного, репродуктивного, самосохранительного, миграционного и др.). С середины XX в. наблюдается сближение социологических и демографических теории и методологических подходов при изучении воспроизводства населения. Но начало нового века привнесло новые концепции мультикультурализма и многообразия, представления о детерминантах демографического поведения. Ключевыми показателями изучения демографического поведения являются потребности, ценности, установки. Всё чаще социальные демографы применяют не только количественные, но и качественные методы (биографический метод, контент-анализ, проективные и др.).

Психологический подход является самым древним. Однако, не смотря на многообразие подходов к исследованию поведения, из психологии социальные науки отбирают лишь некоторые.

Так получило широчайшее (иногда и единственное) объяснение поведения система теорий мотивации. Некоторые авторы считают, что достаточно выявить мотиватор и можно спрогнозировать поведение личности и социальных групп. Так хорошо изученная экономистами теория потребностей А.Маслоу возводится до сих пор во главу угла, для объяснения причин того или иного поведения. Что весьма примитивно и не позволяет прогнозировать динамику поведения. Однако собственно теория деятельности, теория социального научения, когнитивные теории, теории групповой динамики, психоаналитический и др. остаются вне поля интересов не психологов.

Социологический подход основывается на комплексе теорий и подходов при изучении социального поведения: теория социального действия; теория социальных ролей; концепция бихевиризма; концепция интеракционизма; теория социального обмена; теория ожиданий; теория социальной аномии и др.

При использовании той или иной теории, необходимо учитывать уровни социологического анализа финансового поведения: категориальный, онтологический, содержательный, гносеологический, праксеологический, институциональный, генетико-исторический.

Приобретает всё большую популярность теории социальных ролей. Так ролевое поведение представляет собой систему индивидуально-статусной деятельности человека, в которой выявляются конкретные социальные позиции и установки [З. с.193-194]. Поведенческий аспект статусно-ролевой деятельности опирается на концепции бихевиризма и интеракционизма. Но ограниченность применения этого подхода состоит в том, что статус не детерминируют проявления индивидуальности. Принадлежность к тому или иному статусу предполагает определенные роли, которые формируются нормами, ценностями, правилами, санкциями и др.

Поведение является лишь проявлением деятельности человека и находится в строгой подчиненности от его внутреннего состояния, которое формируется

на протяжении всего жизненного опыта и развития человека и общества в целом. Поэтому все чаще социологи представляют результаты полевых исследований, выполненных не только методом опроса, но качественными методами, в том числе дискурс-анализ, анализ биографий, позволяющих не только оценить масштабы поведения, но и условия формирования объективных факторов.

Преимущество биографических методов заключаются в возможности в хронологии определить процесс принятия решения, выявить ограничители, изучить когнитивную и эмоциональную составляющие экономического поведения. Так при разработке категорий составления биографий целесообразно учитывать теорию стресса.

Стресс является одним из самых сильных переживаний и справиться с ним, преодолеть его последствия и адаптироваться к жизни в новых условиях – одна из самых трудных для человека задач. Соответственно, систематическое изучение речевой продукции лиц, переживших эту травмирующее обстоятельство, совладающих со стрессом и адаптирующихся к новой жизни, может иметь существенное значение для понимания процессов сенсбилизации личности, совладания со стрессом, адаптации вообще и трансформации экономического поведения. Иначе говоря, те особенности автобиографических рассказов, систематическое проявление которых будут обнаружены в исследованиях, могут быть характерны и для других лиц, в той или иной степени подвергшихся стрессующему воздействию сильных травм, и пытающихся адаптироваться к изменившимся условиям жизни.

Сравнение групп является классическим методом проверки валидности контент-аналитических техник (Готтшалк, МакКлелланд, Винтер, Спивак, и др.).

Наконец, отдельной задачей для социолога является усовершенствование методов контент-анализа, которое позволило бы эффективно изучать структуру рассказа, измерять содержание текста надежно и независимо от таких побочных факторов, как например, величина сообщения. Эти вопросы при их, казалось бы «техническом» характере имеют первостепенное значение.

Абсолютно незаслуженно забыты исследователями экономического поведения социальные эксперименты, а ведь все фундаментальные теории и законы вышли из них. Тем не менее сегодня только в теоретических работах можно встретить описание социальных экспериментов.

Таким образом, социология максимально стремится обобщить теории и методы описания особенностей экономического поведения, характерные для представителей различных социальных групп, а также объяснить закономерности формирования, развития и трансформации этих типов.

Только всестороннее рассмотрение поведения как научной категории совокупности социальных наук, позволит не только констатировать, но и прогнозировать особенности экономического поведения в условиях нарастающих кризисов.

Важнейшей является развитие формирования у исследователя навыков перевода комплекса теоретических конструкторов и методов экономической социологии в методические и инструментальные процедуры конкретного (универсального) эмпирического и прикладного анализа, связанного с изучением различных аспектов экономической жизни Российского общества.

Масштабы и активизация негативных социально-экономических явлений, низкие темпы роста производства являются результатом разлаженности социального механизма развития экономики. Нарушение связей между структурными элементами нарушает работу механизма в целом, и каждый элемент, не имея возможности к взаимодействию с другими элементами, перестает эффективно выполнять свои функции. Таким образом, формирование современных методологических подходов к исследованию финансовой культуры и построение социального механизма его формирования позволит создать систему, структурные блоки которой позволят обеспечить обратную связь во взаимоотношении населения и государства и построить социально-ориентированную экономическую политику.

Литература

1. Голубева К.А. Объективные факторы формирования финансовой культуры молодёжи // сборник материалов Современное состояние российской экономики: задачи и перспективы / всероссийской студенческой конференции «Современное состояние российской экономики: задачи и перспективы» - М.: Финансовый университет, 2017. 858 с.
2. Зак Ф.Л. Психологические игры в теории выбора // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. №1 (21). С.12-32.
3. Социологическая энциклопедия/Под ред. Г.Ю.Семигина. Том 2. – М.: Мысль. 2003.

Коблова Ю.А., Погребинская Е.А.

ИНСТИТУТЫ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ В ВИРТУАЛЬНЫХ РЫНОЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ

Первой сферой экономики, которую изменил Интернет, стал рынок. Внедрение интернет-торговли заложило основы рыночного механизма в виртуальном пространстве и вызвало сильный и стабильный рост количества сделок, совершаемых при посредстве Интернета. В результате появилась новая система рынка, несущая радикальные изменения действующих моделей экономического поведения рыночных агентов – индивидов и организаций. Дж. Де Лонг выразил мнение о том, что современные Интернет-технологии начинают подрывать свойства, которые делают «невидимую руку» рыночной системы эффективным средством для организации производства и распределения продукции [7]. К таким свойствам относятся исключительность, соперничество, прозрачность. Однако необходимо отметить, что данное утверждение справедливо в отношении прямых информационных товаров и услуг [2], или цифровых товаров – тех объектов купли-продажи, которые могут быть оцифрованы и существовать в цифровой форме. В силу присущих им

особых свойств рынок информационных товаров также специфичен. Высокий потенциал развития имеет сегмент разработки программных продуктов. Рынок программных средств развивается наиболее высокими темпами по сравнению с другими составляющими рынка информационных технологий, и к 2018 году возрастет на 3,9%. Вместе с тем доля рынка программных средств в общем объеме рынка информационных технологий сохраняется на уровне 2014 года.

Традиционно рассматривается рынок информационных товаров, имеющих материальное воплощение, в том его сегменте, когда взаимодействие продавцов и покупателей осуществляется в виртуальном пространстве Интернета (e-commerce). Агентами на товарном рынке, складывающимся в виртуальном пространстве, являются «цифровые потребители» и «цифровые» поставщики. Под «цифровыми» потребителями понимаются потребители, отдающие предпочтение онлайн-технологиям выбора и приобретения товаров или услуг. BrandZ дает следующее определение «цифрового» потребителя для каждой категории: «некто, приобретавший товар данной категории или получавший о нем информацию онлайн» [6]. При этом схема «цифрового» потребления пользователей может существенно различаться: каждый человек может быть «цифровым» потребителем для одних категорий товаров, но не являться таковым для других. Например, потребители могут приобретать многие вещи и услуги онлайн. Следовательно, они являются «цифровыми» потребителями разных категорий товаров. Разнообразие товаров и возможность сравнивать цены делает «электронный базар» особенно привлекательным. Хотя в Сети чаще совершают мелкие покупки, в Интернете продают и автомобили, и недвижимость. По данным Национальной ассоциации риэлторов, около 80% тех, кто ищет себе жилье, ищут его в Интернете [9].

Продвинутые цифровые технологии породили более удобный, чем прежде, рынок, где потребители могут сосредоточить внимание именно на тех товарах, которые им на самом деле нужны. Одна из самых массовых операций на данном рынке – поиск поставщика. Под «цифровыми» поставщиками понимаются поставщики, использующие онлайн-технологии продажи товаров или услуг. Бизнес-модель, реализуемая ими, нашла свое воплощение в создании так называемых виртуальных организаций (предприятий). С начала XXI в. происходит устойчивое расширение виртуального присутствия организаций, под которым понимается удаленный доступ к ресурсам на основе регуляторов для изменения их состояния через сеть. В плане сочетания реальных и виртуальных элементов каждая организация уникальна. Степень виртуального присутствия зависит от таких факторов, как размер организации, вид деятельности, характер продукции или услуг, тип используемых ресурсов, взаимосвязи между компанией и ее клиентами и поставщиками и т.д.

Определить положение организации в виртуально-реальном пространстве экономики позволяет матрица создания ценности [5]. Для каждого параметра необходимо отметить положение между реальными и виртуальными компонентами деятельности организации (предприятия). Сумма всех этих данных составляет матрицу создания ценности, в пределах которых

интегрируются виртуальные и реальные компоненты. Сетевые технологии взаимодействия в Интернете позволяют продавцам удерживать постоянных потребителей путем детального изучения и учета их индивидуальных предпочтений. Плотность информационного взаимодействия с потребителями становится такой же, как между подразделениями предприятия. Это способствует формированию особого информационно-экономического поля, своего рода «клуб постоянных покупателей». В свою очередь, это требует новых форм организации и управления организацией (предприятием), характерных для сетевых экономических взаимоотношений [1].

Важнейшим следствием более тесного контакта поставщика и потребителя является индивидуализация продукции в соответствии с запросами заказчика. Все технические особенности продукции, возможности подгонки ее под конкретные нужды потребителя, перспективы и условия обновления могут быть доступны потребителю до акта продажи или подписания контракта. Это особенно заметно на рынке информационной продукции и программного обеспечения, который в наибольшей степени соответствует условиям информационно-сетевой экономики.

Другой особенностью взаимодействия в виртуальном пространстве является возможность детальной дифференциации спроса как в смысле предлагаемых товаров (известны случаи, когда заказ, например, дизайн изделия, передается с Интернет-сервера в заводские цеха, в том числе и напрямую исполнительным автоматам), так и в смысле цены на него. Эффект дифференциации цен позволяет предприятию учитывать разную эластичность спроса у различных групп потребителей. Количество групп дифференциации цены может быть сколько угодно, и каждый дополнительный шаг в этом направлении дает прирост прибыли и реализации продукции. Причем, в информационном пространстве группы потребителей образуются крайне легко (независимо от их реальной связи друг с другом). Современные информационные технологии дают возможность накапливать и оперативно обновлять информацию, нужную для построения индивидуальных функций спроса и проведения на этой основе эффективной политики дифференциации цен.

И хотя в виртуальном пространстве покупатель и продавец находятся в непосредственном контакте друг с другом, потребность в квалифицированных информационных посреднических услугах будет не уменьшаться, а возрастать по следующим причинам:

– экспоненциально возрастающее число вариантов требует наличия специальных баз данных и навыков работы с ними, в частности оценок качества и потребительской привлекательности конкретных продуктов, надежности поставщиков, прогнозирования спроса на новые продукты и оценки эластичности спроса и т.п.;

– покупатели тяготеют к комплексным решениям, в то время как продавцам выгодно концентрироваться на отдельных продуктах;

– покупателям часто требуется консультант, и даже гарант сделки. Последнее обстоятельство в условиях информационной неопределенности становится особенно важным. Существует несколько процедур для его реализации, например, зачисление покупателем платежа, который становится доступным продавцу после соблюдения всех условий. Кроме того, брокер может распространять информацию о недобросовестной деятельности некоторых участников рынка.

Наряду с традиционными информационными посредниками в виртуальном пространстве складывается новый институт, выполняющий посреднические функции между поставщиками и потребителями, – институт репутационных (рекомендательных) онлайн-систем.

В настоящее время уже стало привычным, что пользователи Интернета оставляют свои отзывы в базах тех или иных виртуальных сообществ, давая свою оценку приобретенным товарам, услугам, событиям и т.д. Это стало возможным благодаря широкому распространению сервисов Web 2.0 – сайтов закладок и других файлообменных сервисов. Репутационные онлайн-системы имеют широкое хождение в Интернете в качестве средства решения проблемы доверия между пользователями. С помощью таких систем собираются и составляются автоматические рейтинги отзывов об их добросовестности или недобросовестности. В свою очередь, используя эти данные каждый пользователь может получить информацию о поведении любого участника сообщества или о качестве того или иного продукта.

Одной из наиболее известных репутационных онлайн-систем является система Ebay. Покупатели и продавцы после совершения сделок размещают здесь отзывы друг о друге, тем самым принцип действия системы воспроизводит механизм «устной молвы», основанный на передаче информации от человека к человеку. Можно назвать и другие известные системы подобного рода, с помощью которых складывается и поддерживается доверие и сотрудничество на онлайн-рынках, например, Epinions.com, Reviewcentre, Mouthshut. В России это сайт Отзовик.ру и другие.

Первоначально репутационными системами располагали сайты онлайн-аукционов, сообществ потребителей и т.п., а сейчас практически все «цифровые» поставщики обладают рейтинговыми и репутационными системами и сервисами, различными по форме и параметрам. Большинство сайтов предлагают пользователям дать оценку или комментарий товарам, услугам, событиям, новостям, статьям или информации.

О роли и значении репутационных систем для бизнеса, использующего онлайн-технологии продаж, красноречиво свидетельствует опыт компании Amazon.com. Считается, что третью всех своих продаж компания Amazon обязана своим рекомендательным системам, а также системам персонализации. С их помощью компания не только вытеснила с рынка большие книжные и музыкальные магазины, но и сотни местных книготорговцев. Данная технология произвела революцию в сфере электронной коммерции, поскольку этот метод был подхвачен практически всеми.

Таким образом, рекомендательные или репутационные системы являются мощным фактором роста объемов продаж и действенным инструментом конкурентной борьбы компаний, использующих онлайн-технологии продаж.

Значение репутационных систем для онлайн-рынков проявляется в их функциях. Выделяются две функции репутационных систем:

- санкционирующая функция состоит в стимулировании добросовестного поведения продавцов и покупателей;
- сигнализирующая функция указывает на степень доверия или компетентности продавцов и покупателей.

Доминирование санкционирующей функции неизбежно ведет к тому, что главным мотивом поведения пользователя становится стремление укрепить свою репутацию. Однако действия индивида могут быть также вызваны альтруистическими побуждениями, удовольствием, получаемым от общения, выплатой денежного вознаграждения или чувством взаимосвязи с остальными участниками сообщества и взаимным доверием.

Контент, из которого состоят рекомендательные системы, как отмечалось, наполняется Интернет-пользователями – покупателями товаров и услуг, которые комментируют, дают оценку, делятся опытом их использования.

Авторы, исследующие подобные рекомендательные системы и их особенности, называют разные факторы мотивации пользователей, оставляющих отзывы. П. Коллок считает, что основными мотивами активного участия в жизни таких сообществ являются стремление поддержать или укрепить репутацию и осознание взаимной заинтересованности и взаимосвязи [10]. Что касается такого мотива активного пользовательского поведения, как чувство взаимной заинтересованности, то здесь имеется в виду тот факт, что индивиды стремятся принести максимальную пользу сообществу, поскольку ожидают получить в ответ не менее ценную информацию. При этом Коллок подчеркивает различие между непосредственной взаимной заинтересованностью двух индивидов, обменивающихся отзывами, и чувством взаимности по отношению ко всему сообществу в целом. Авторы большинства исследований, посвященных мотивации участников онлайн-репутационных сообществ, отмечают влияние на них, во-первых, ожидания взаимности в обмене информацией, и во-вторых, роль альтруистических побуждений и удовольствия от взаимодействия.

Существование репутационных (рекомендательных) систем также может быть объяснено с позиции концепции «базовых притязаний на значимость» Ю. Хабермаса [8]. Для него вовлеченность в морально-ориентированные дискурсы, обеспечивающие поиск «правды» для лучшего взаимного понимания между свободными гражданами, является наиболее оправданной формой организации общества. Роль публичных дискуссий заключается в обсуждении вопросов, актуальных для всего общества или его части, интерпретации ценностных категорий, выдвижении аргументов и их критики.

Исследования также подтвердили, что само наличие репутационной системы воспринимается пользователями как наиболее важная черта виртуального экономического пространства. Главным образом, они воспринимают такие системы как сервис, помогающий людям находить и оценивать отзывы при совершении покупки. В эпоху Интернета большинство покупок совершается при посредстве репутационных онлайн-систем, аккумулирующих опыт уже совершивших подобную покупку пользователей («цифровых» потребителей). Обобщение этого опыта оказывает непосредственное влияние на принятие решения о покупке, в свою очередь, направляя спрос и определяя его объем и структуру. Подобное поведение потребителей становится распространённой нормой, рутинизируется, что позволяет говорить об институционализации репутационных онлайн-систем в качестве института рынка, складывающегося в виртуальном пространстве.

«Институциональная природа» репутационных систем усматривается нами и в проявлении индивидуальных психологических предпосылок социально-экономического поведения субъектов. Так, достаточно распространенной является преувеличенная склонность к выстраиванию рейтингов, сравнения «всего со всем», «неистребимая тяга людей к сравнению», по выражению Л. Тевено [4]. В виртуальном экономическом пространстве для потребителей открываются беспрецедентно широкие альтернативы выбора тех или иных товаров и услуг, поэтому в нем актуализируется гипертрофированное влечение субъектов к ранжированию или рейтингованию. В рамках онлайн-репутационных систем это находит свое выражение в построении рядов наиболее дорогих, дешевых, популярных, продаваемых, рецензируемых товаров, их группировке по назначению, сфере, отрасли, размеру, цвету, форме и другим характеристикам.

По нашему мнению, развитие института репутационных систем, сложившегося внутри виртуального пространства, способствует изменению соотношения между реальным рынком и моделью свободного рынка – теоретической абстракцией экономической науки. Как известно, одним из важнейших признаков абстрактного свободного рынка является наличие у каждого участника конкуренции полного объема рыночной информации.

В условиях виртуального пространства абсолютная полнота информации становится более реальной для участников рынка, замкнутых в едином сетевом сообществе:

– «цифровые» потребители получают более полную и достоверную информацию о качестве товара, продавцах, ценах, обслуживании и т.д. за счет использования онлайн-репутационных систем и низких издержках поиска информации в Сети;

– «цифровые» поставщики получают более полную и достоверную информацию об объемах и структуре спроса, конкурентах, потребительских предпочтениях, поведении, намерениях, мнениях о товарах (услугах) за счет использования онлайн-репутационных систем, корреляционного анализа

массива данных о каждом клиенте, накопленных в результате тесных и длительных связей.

Таким образом, формирование рыночных отношений в виртуальном пространстве доказывает, что рыночная система содержит множество не востребуемых резервов. Перенос рыночной деятельности в новую сетевую среду создает принципиально новые условия хозяйствования, и меняет многие правила игры. Это позволяет нам говорить об электронно-рыночном механизме, отличном от механизма традиционного рынка.

Модель товарного рынка, складывающаяся в виртуальном пространстве, включает следующие положения:

1) «цифровые» потребители – это потребители, отдающие предпочтение онлайн-технологиям выбора и приобретения товаров или услуг;

2) «цифровые» поставщики – это поставщики, использующие онлайн-технологии продажи товаров или услуг;

3) «цифровые» потребители оставляют на сайтах отзывы и рецензии о качестве товаров и услуг, ценах, поставщиках и т.д., наполняя контент рекомендательных или репутационных систем;

4) между «цифровыми» потребителями складывается «удаленный» тип доверия;

5) рекомендательные (репутационные) онлайн-системы выполняют роль посредника в сделках между «цифровыми» поставщиками и потребителями;

6) «цифровые» потребители, прежде чем совершить сделку, обращаются за более полной рыночной информацией в репутационные онлайн-системы, на основе которых либо принимают решение о покупке, либо отказываются от нее;

7) данное поведение потребителей становится нормой или рутиной, что позволяет говорить об институционализации репутационных онлайн-систем в качестве института рынка, складывающегося в виртуальном пространстве;

8) между «цифровыми» потребителями также складываются вторичные товарно-денежные отношения, формируется так называемый Интернет-базар;

9) рекомендательные или репутационные системы являются мощным фактором роста объемов продаж и действенным инструментом конкурентной борьбы компаний, использующих онлайн-технологии продаж;

10) «цифровые» поставщики аккумулируют массивы данных об индивидуальных особенностях потребителей, получая более полную рыночную информацию;

11) возможность учета индивидуальных особенностей потребителей и быстрого отклика на изменение потребностей позволяет «цифровым» поставщикам устанавливать длительные тесные устойчивые связи с потребителями;

12) в условиях виртуального пространства абсолютная полнота информации становится реальностью для участников рынка, замкнутых в едином сетевом сообществе.

Таким образом, в виртуальном пространстве рыночные отношения приобретают новые формы, опираются на новые структуры. Активно формируются «институты доверия», рутинизирующие проверку добросовестности, снижающие риски оппортунизма, дополняющие необходимую для принятия решения информацию. Возникает специфический электронно-рыночный механизм, отличный от механизма традиционного рынка. Агентами нового рынка являются «цифровые» поставщики и потребители, единые в нескольких рыночных ролях, между которыми складываются тесные долговременные устойчивые связи. Взаимодействие между ними регулируется новыми институтами рынка, формируемыми в виртуальном пространстве.

Литература

1. *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли. М.: Издательство «Эксмо». 2003.
2. *Попов А.А.* Институциональные параметры информационного общества (технологический, научный, социальный, антропологический). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. философ. наук. Чебоксары. 2007.
3. «Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов» (разработан Минэкономразвития России) – <http://economy.gov.ru/mines>
4. *Тевено Л.* Организованная комплексность: конвенции координации и структура экономических преобразований. / В кн.: Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: РОССПЭН, 2002.
5. *Уорнер М., Витцель М.* Виртуальные организации: Новые формы ведения бизнеса в XXI веке. М.: Добрая книга, 2005.
6. Цифровые потребители предпочитают бренды.
URL:<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2230>
7. *De Long J.B., Froomkin A.M.* The Next Economy. URL: <http://www.law.miami.edu/~froomkin/articles/newecon.htm>
8. *Habermas J.* On the pragmatics of communication. Cambridge: MIT press, 1998.
9. *Know N.* Home shoppers do their hunting online // USA Today. February 9. 2007.
10. *Kollock P.* The economies of online cooperation: Gifts and public goods in cyberspace // Communities in cyberspace. L.: Routledge, 1999. P. 220-239.

Маликова Н.Р.

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Тематика V Международной научно-практической конференции «Проблемы конфигурации глобальной экономики: идея социально-экономического прогресса и возможные интерпретации», посвященная 100-летию Финансового Университета, чрезвычайно широка, что уже предполагает междисциплинарный характер фронтального обсуждения. Не претендуя на приближение к решению генеральной цели конференции – «реактуализации фундаментальных политико-экономических исследований закономерностей функционирования глобальной геоэкономической системы в условиях системного кризиса», можно попытаться определить, что именно обуславливает необходимость социологического сканирования социальных

рисков, последствий дефицита ресурсного потенциала «человеческого», «культурного» и «социального капитала» в контексте турбулентной трансформации глобальной и российской экономики.

Многообразны противоречивые диспозиции/конфигурации социальных проявлений соотнесенности «глобального» и «локального» экономического поведения. Глобализирующийся мир действительно стал взаимозависимым. События, происходящие в разных частях планеты, воздействуют не только на принятие политико-экономических решений ведущих акторов и институтов глобальной экономики, но и определяют принципиально новую социальную реальность. Интенсифицируются все сферы жизнедеятельности, вследствие того, что социально-экономическое взаимодействие связывает пространственно удаленные друг от друга сообщества. Воздействие глобальных информационных сетей, средств коммуникации, производства, потребления, обмена пронизывает нашу повседневную жизнь. Одновременно, парадоксальным образом, локальные сообщества оказывают обратное воздействие на социальную динамику глобализации. Указание на своевременность постановки, масштабность исследуемых проблем содержится уже в самом понятии «глобальности». Кстати, в широкий научный оборот, оно вошло, с легкой руки американского социолога Р. Робертсона (1990). Как правило, при описании глобализации, акценты расставляются в следующем порядке, на: 1) экономических ее аспектах, 2) формировании единого информационного пространства, 3) на развитие общих стандартов организации производства, быта, социальной жизни, при этом, как известно, используется метафора «макдоналдизация мира». Однако, социальное измерение глобализации, требует не описательных и оценочных суждений, а предварительного внимания к обоснованию методологии. Основным отправным моментом и стимулом для теоретико-методологического осмысления специфики социологического познания глобализации послужили концептуальные идеи немецкого социолога Ульриха Бека, известного по книгам «Общество риска», «Что такое глобализация?», «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма». Побуждает к ответной рефлексии глава УШ: «Маленькая надгробная речь у колыбели космополитической эпохи». Начинается она с тезиса: «Великие идеи европейского модерна – национализм, коммунизм, социализм, а также неолиберализм – исчерпали себя. Следующей великой идеей мог бы стать *самокритичный космополитизм*, если бы эту исконную традицию модерна удалось открыть для вызовов XXI века» [Бек, 2007, с. 368].

Представляется, что эта задача не из легких, да еще и поставленная столь остро. В чем все-таки заключается специфика социологического измерения глобализации? По каким компонентам, уровням, критериям, принципам научного познания разнятся цели и задачи социологии, мировой политики, международных экономических отношений, глобалистики? Имеются ли современные методы познания актуальных социально-экономических проблем глобализации? Специфика социологического видения заключается в констатации того, что Глобализация – это объективный социальный процесс,

который пронизывает буквально все сферы экономической, социальной, политической и культурной жизнедеятельности. Исходным моментом научного поиска является адекватное определение объектов социологического анализа. Это, глобализирующиеся сообщества, глобальные социальные институты и структуры, транснациональные социальные группы «глобалов» и «глокалов», виртуальные сетевые комьюнити; принципиально новые социально-культурные феномены глобализации, трансформирующиеся идентичности. Актуальны проблемы социальной коммуникации акторов глобализации: VIP- персон, МНПО, МПО, ТНК, ее лидеров и аутсайдеров. Мы свидетели того, как глобальные сетевые информационные потоки создают современные коммуникации и стили потребления, принципиально новые социальные практики повседневности, воплощенные в культурах «глобалов» и «глокалов». Особая грань социологического познания, заключается в раскрытии того, как возникли и развились новые облики социального неравенства и социальные движения антиглобалистской направленности. Все это требует социологического анализа. Не случайно проблематика глобальной социальной турбулентности стала «передним краем» современной социологии. Социолога привлекает и возможность постановки методологической проблемы соотношения уровня макросоциологического анализа трансформации глобальной экономики, с осмыслением ресурсного потенциала преодоления постоянно возникающих социальных рисков на уровне национального, регионального социально-экономического взаимодействия, сквозь призму реалий жизнедеятельности российского общества. Чтобы отойти от оценочных суждений, для адекватной содержательной семантической и логической операционализации ключевой категории анализа – «глобальная экономика», целесообразно обратиться к М. Кастельсу. Глобальная экономика, по определению авторитетного социолога, это, экономика, в которой национальные экономики зависят от деятельности глобализационного ядра, включающего в себя финансовые рынки, международную торговлю, транснациональное производство, в определенной степени науку и технологию, и соответствующие виды труда. В этой экономике основные компоненты обладают институциональной, организационной и технологической способностью действовать целостно в планетарном масштабе. Транснациональные корпорации и банки во многом являются проводниками глобализации. Более широкий круг составляют корпорации глобального транснационального «гражданства», капитал которых привлечен от вкладчиков из разных стран; заводы и фабрики разбросаны по многим государствам и нередко меняют свое местоположение в зависимости от мировой конъюнктуры; сбытовая сеть охватывает различные континенты, а менеджмент по существу космополитичен [Кастельс, 2000].

Число участников международного экономического взаимодействия постоянно растет. Многие проблемы, с которыми сталкивается сегодня мир, не могут быть решены односторонне даже самой экономически могущественной страной. Самыми дискуссионными являются ключевые

вопросы о том, в какой мере глобальная экономическая система мира регулируема, обеспечивает ли формирование экономической безопасности? В центре внимания проблемы сотрудничества и противостояния в дилемме: Национально-государственные интересы Vs. ТНК. Актуально осознание необходимости изучения международной экономической системы во взаимосвязи с социально-экономическими трансформациями, происходящими в национальных государствах, в региональном экономическом взаимодействии. Мировая экономика стала рассматриваться как результат конкуренции, столкновения, конфликта акторов, имеющих как различные, так и взаимозависимые региональные, транснациональные коалиционные социально-экономические интересы. Дискуссионные представления о социально-экономических последствиях глобализации экономики повсеместны. Есть авторитетные суждения о положительных ее сторонах, немало и негативных оценок (о подрыве национального суверенитета, усилении разрыва между развитыми и развивающимися странами, сдерживании распространения инновационных отраслей экономики ряда стран, одностороннем использовании их экономического потенциала, как источников сырья и дешевой рабочей силы, росте борьбы за раздел влияния на региональных рынках).

Неоднократно утверждалось, что в глобализации, на смену индустриальной эре, с ее заводами, паровозами и ориентацией на естественные ресурсы (газ, нефть, зерно, лес и т.п.), пришла эпоха доминирования высоких технологий, когда центральным ресурсом стали знания. Если мы обратимся к анализу стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), то зафиксировано, что более 50% ВВП создается именно в наукоемких областях. Повсеместно распространяются информационные и коммуникационные технологии. Число пользователей Интернета удваиваются каждые 100 дней. Различные отрасли экономики и сферы социальной, трудовой, профессиональной, деятельности все в большей степени, оказываются компьютеризированными. Несомненно, что информационные и коммуникационные технологии способствуют перестройке экономики, внесли решающий вклад в развитие современной глобальной хозяйственной системы. Они получают и правовое оформление в социально-экономических отношениях. Очевидно, что глобализация финансовой сферы означает резкое возрастание роли и централизацию финансовых рынков путем интеграции денежных потоков, с легкостью перемещающихся по миру с помощью компьютерных сетей.

В условиях глобализации развитые страны продолжают эксплуатировать развивающиеся, используя не силовые формы экономического принуждения, оттого повсеместно наблюдается феномен «двухуровневой экономики», неравномерное развитие экономики: одни отрасли в них становятся суперсовременными, с открытыми границами, процветающими и конкурентоспособными, в то время как другие остаются традиционными с отсталыми способами производства. Все это влечет за собой социальную, экономическую и политическую нестабильность. Как известно, одновременно с глобализацией

торговли и финансов глоболизируется рынок труда. Разделение труда сопровождается жесткой конкуренцией, миграцией рабочей силы. В глобализованной экономике существуют парадоксальные проявления многочисленных экономических предпринимательских групп, связанных не столько формальными международными экономическими отношениями, сколько организацией неформальных сетей транснационального экономического взаимодействия. Их деятельность альтернативна экономическим действиям «глобальных игроков», основана на установлении особых «правил» и практик экономического взаимодействия, они представляют собой своеобразную, квазирыночную форму организации торгово-экономического обмена. Так возникло явление «этнического предпринимательства», когда представители малого и среднего бизнеса, включенные в международный товарооборот и предоставление сервисных услуг, объединяют свои ресурсные возможности, в международной кооперации, осуществляя бизнес в других странах. Для уменьшения сильного давления, со стороны крупных участников рынка и рисков глобализованной экономики, они осуществляют торговые операции, с опорой на кредитное и инвестиционное участие, организации международной цепочки посредников, торговых представителей и контрагентов, также основанной «по сетевому принципу», но с участием представителей своих диаспорных этнических общин. Такую форму неформальных экономических отношений можно сравнить разве что с семейными предприятиями восточных неогоциантов, на средневековых рынках, отношения которых основаны не на контрактных обязательствах [Маликова, 83-84].

Так называемая, глобальная экономическая элита, «клубная культура Давоса», не принимает их во внимание, она пытается определять ключевые позиции обсуждения, сравнения и оценки потенциала экономического роста, инвестиционных возможностей, финансовых рисков, актуальности решения проблем глобальной экономики. Однако, сама постановка темы для обсуждений Давосского форума-2018 «Создание общего будущего в разрозненном мире», не сулила торжества оптимизма. По мнению организаторов форума, глобализация сейчас переживает острый кризис: спустя десятилетия после окончания холодной войны по единому миру прошли «геостратегические трещины», которые будут иметь широкие политические, экономические и социальные последствия. Внимание к аналитическим данным экспертного отчета ВЭФ и РБК, ЦСР позволяет отчасти осуществить и социологическую диагностику потенциальных расколов и возможностей трансформационного дрейфа между «сциллой» и «харибдой» десятилетнего преодоления социально-экономических рисков после глобального экономического кризиса. Позволяет ли она с оптимизмом смотреть на рост потенциала позитивных трансформаций, как полагали некоторые отечественные спикеры, выступающие в Финансовом университете, на Международном Форуме «Что день грядущий нам готовит?», на Гайдаровском Форуме, участники Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе?

Эксперты ВЭФ в отчете о глобальных рисках на 2018 год отмечали, что, несмотря на ускорение мировой экономики, зафиксирован «необъяснимо слабый» рост производительности, что тормозит инвестиции, оттого восстановление после рецессии идет медленно, вследствие того, что произошла не только трансформация, но и «мутация» уже «знакомых» угроз. Цены на активы неустойчивы, игроки ставят на рост стоимости активов, рынки бьют рекорды. Вывод экспертов ВЭФ - это создает опасения, что уроки кризиса не выучены, а рынки могут ожидать «глубокая коррекция». С отрицательной доходностью в мире торгуются государственные облигации (инвесторы платят за право держать высокорискованные финансовые инструменты). Этой аномалии способствуют масштабные послекризисные программы центробанков по скупке активов гособлигаций (инструмент выхода из рецессии за счет гарантированного спроса). К традиционным рискам прибавились и новые экономические риски, обусловленные ограниченными возможностями центральных банков, завышенными ожиданиями в области развития технологий. Отмечалось, что если раньше тенденцию к глобализации поддерживали ведущие страны Запада, которые теперь замыкаются на себе, обращаясь к протекционизму, а страны альтернативной экономической повестки реализуют множество проектов масштабных торгово-экономических коридоров, что, по мнению экспертов, может спровоцировать дальнейшие трения между державами. Была отмечена и способность небольших стран «излучать» нестабильность вокруг себя. Тремя главными глобальными рисками эксперты ВЭФ, с точки зрения масштабности последствий считают: 1) применение оружия массового поражения, 2) чрезвычайные погодные условия, стихийные бедствия и 3) кибератаки. Риски транснациональной вынужденной миграции (отмеченные ранее) не вошли даже в числе основных пяти угроз.

Как корреспондируют с анализом рисков глобальной экономики, оценки основных рисков российской экономики? Есть ли понимание ее социальной ориентированности? На Гайдаровских Форумах (2017, 2018), в противовес оптимизму представителей экономического блока правительства, ключевым, был признан не комплиментарный, а весьма критический доклад экс-министра финансов РФ, председателя совета Центра стратегических разработок (ЦСР) А. Л. Кудрина. В панельной дискуссии «Устойчивый экономический рост: модель для России» он призвал к объективной оценке того, что «инерционная модель» не конкурентоспособна, тем более, что: «Мы сейчас находимся на достаточно исторически низких темпах экономического роста, которые даже ниже, чем в период застоя в Советском Союзе». Он выделил 5 основных рисков: демографический вызов, недостаток инвестиций, включая санкции и дистанцирование от мировых рынков, технологическое отставание, низкую производительность и низкое качество госуправления, подчеркнув, что считает технологический вызов приоритетным: «Это самый серьезный вызов на 10-15 лет < > прямым последствием технологического отставания может стать «сжатие экономического потенциала и снижение уровня жизни граждан».

Определенные риски создаются и для обороноспособности. < > «Развитые страны активно принимают программы технологических прорывов. России также необходима форсированная цифровизация всех процессов» < > для российских органов власти создано 390 информационных систем, однако полноценного обмена данными не существует пока даже между министерствами и ведомствами» [Кудрин, 2017, 2018].

Социально-экономические последствия этого вполне предсказуемы. Это означает отставание технологического и экономического потенциала, темпов экономического роста, снижение доходов, уровня жизни россиян, при слабости институционального обеспечения повышения компетенций в сфере профессионального образования и переквалификации, формирования инициативности, предпринимательства. К сожалению, на фоне умножения разговоров о ценности качества человеческого потенциала как решающего ресурса, альтернативного сырьевой ориентации экономики XXI века, мало понимания того, что его капитализация безусловно требует переориентации бюджетной, налоговой, социальной политики, не когданибудь в обозримом будущем, а безотлагательно.

Вновь и вновь требуют содержательного анализа вопросы о готовности социально-экономических институтов к задачам актуального реформирования экономики, адекватному решению грядущих социально-экономических задач обеспечения экономического роста страны в будущем, имеются ли для этого необходимые ресурсы? Преодолены ли многочисленные риски транзитивного перехода социального реформирования, государственного управления в условиях нестабильности, еще и отягощенные режимом санкций? Каков ресурсный капитал управления социальными инновациями в современных российских организационных структурах? В какой мере учитываются в организационном взаимодействии интегративный ресурсный потенциал национального капитала, который, увы, не является безграничным ресурсом? В том числе и далеко не праздный вопрос об эффективности управления социально-экономическими трансформациями в условиях нестабильности и дефицита ресурсов «человеческого капитала».

Представляется, что, прежде всего, необходимо обращение к ресурсному потенциалу качества «человеческого капитала» (совокупности профессиональных знаний, умений и навыков). Наряду, и, во взаимосвязи с этим, следует учитывать эффекты «социального капитала», ядром которого является «*социальное доверие*», определяющее качество социальных связей, как на групповом, так и на институциональном уровнях. Взаимное доверие общества и различных структур власти, социально-экономических институтов, оптимизация организационного взаимодействия, во многом обеспечивают устойчивость экономического роста, социальной стабильности, социально-политической интеграции. Эффективность органов власти, следование принципам, провозглашенного в Конституции РФ, социального государства является одним из определяющих факторов динамики социально-экономического развития, условий жизнедеятельности россиян.

Основной урок, извлекаемый из социального измерения глобализации, состоит в том, что без осознания приоритетности качественной трансформации системы образования, ориентированной на то, что инновации формирования знаний и компетенций является главным двигателем экономики. Имитация включенности в Болонский процесс, с административными практиками тиражирования обладателей «корочек»/дипломов, не востребованных на современном рынке труда, вряд ли может стать драйвером позитивных трансформаций. Как показали данные аналитического исследования The Boston Consulting Group (BCG), с привлечением ведущих российских экспертов, фиксирует: низкая безработица вместо конкурентоспособности, вследствие того, что нет критической массы спроса на знания, а рынок труда недостаточно привлекателен для талантов, экономика ориентирована на использование ресурсов, а не интеллекта, система образования не готовит таланты для экономики знаний, всеобщее высшее образование» подменило образованность дипломированностью, система профессионального образования финансируется неудовлетворительно, отована от потребностей современной экономики [Россия 2025,22-43].

Как не вспомнить, применительно к нынешнему дню, строки о прошлых ревнителях административных реформ: *«узок круг их интересов, страшно далеки они от народа»*. Все также мала заинтересованность в познании ресурсного потенциала человеческого, социального капитала, общественного доверия россиян. В то время, как, по мнению Президента РФ В. В. Путина, главным критерием оценки эффективности государственной власти, организаций социальной сферы должно стать общественное мнение самих граждан.

Россияне в эпоху глобализации, в первую очередь обеспокоены жизненно важными вопросами социальной политики (41%); затем внимание обращено к экономической ситуации в стране (21%), к теме коррупции, чиновников, произвола олигархов, власти (12%); ЖКХ (11%). На периферии общественного внимания - проблемы образования и науки, локальные проблемы (по 6%), «плохие дороги» (4%). Мало внимания международной политике (4%), проблемам преступности и терроризма (1%). **Внимание россиян обращено к локальным вопросам жизнеобеспечения. Общественное мнение россиян оценивает многие институты управления, как не эффективные [Левада-Центр, ВЦИОМ].**

Растет потребность в социальном проектировании, прогнозировании и информационно – аналитическом обеспечении социально-экономического развития в долгосрочной перспективе. ВЦИОМ, совместно с клубом «ВАЛДАЙ», на основе статистических данных и экспертных опросов, в результате оценки положения дел в 10 сферах, представили осенью 2017 года «Итоговый индекс готовности к будущему стран G20», где Германия (1,0)– на первом, а Россия (0,34) на 12-ом месте. **Со скрипом, осознается значимость сохранения социальной ориентации стратегии экономического развития. Помнится, выступая на конференции в**

НИУ ВШЭ, А. Л. Кудрин заявил: «Мы стоим на пороге изменений, которые назрели». Он отметил, что для него необычно говорить о ценностях, институтах и доверии, но ценности и институты являются очень важными и существенно влияют на результаты реформ, а нынешний уровень развития судебной системы, взаимодействия правоохранительных органов и общества, эффективности власти стали препятствием для дальнейшего развития.

Что делать? Осуществлять программы реформирования, с помощью демократических процедур институциональных изменений, укрепляя потенциал социального капитала, общественного доверия, преодолевая привычные, рутинные практики государственного патернализма, содействуя полезным инновациям социально-экономического трансформирования во всех сферах жизни и социального взаимодействия.

Литература

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. Пер. с нем.. А. Григорьева, В. Седельника. М.: «Прогресс-Традиция», 2007.
2. Индекс готовности к будущему: первые 20 стран. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3494 <http://www.wciom.ru>; <http://ru.valdaiclub.com>,
3. Кудрин А. Л. Пять вызовов экономическому развитию России. Источник: <http://gaidarforum.ru/about/history/2017/>
4. Маликова Н. П. Социальное измерение глобализации. М., РГГУ, 2012.
5. Мау В. Низкие темпы роста – плата за устойчивость в условиях кризиса. Источник: <http://gaidarforum.ru/2018/>
6. Россия 2025: от кадров к талантам. М., VCG-Сбербанк, 2017
7. Россияне назвали бедность, цены и безработицу главными проблемами. Пресс-выпуск № 3470 Левада-Центр - <https://www.levada.ru>;
8. Robertson R. Globalisation. Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992.

Марчук А.А.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Существующая система регулирования международных хозяйственных связей, окончательно сформированная к концу XX века, состоит из различных элементов, имеет определенную структуру, цели и схожие характеристики: взаимодействие и координацию с субъектами других подсистем, динамичность и информационность. В основе регулирования лежит система организационно-правовых форм и методов воздействия конкретными международными субъектами и инструментами на объекты международных экономических взаимоотношений. Основная цель заключается в ликвидации диспропорций развития отдельных элементов системы, а эффективность зависит от согласованности действий всех задействованных субъектов. На сегодняшний день одним из наиболее актуальных вопросов является вопрос доверия к глобальным финансовым институтам, а также к мировой финансовой системе. С ростом глобализационных тенденций экономическое взаимодействие между странами осуществляется не посредством диалога, а в рамках деятельности

различных блоков и объединений, членами которых они являются. Рост интеграционных объединений является объективным процессом становления нового мирового экономического порядка. Становится очевидным, что государствам в одиночку не в силах справиться с вызовами глобализации, поэтому приоритетным направлением их внешней политики становится участие в межгосударственных объединениях с целью встраивания в современную систему международных экономических отношений. Существующая глобальная инфраструктура международного взаимодействия подвижна и развивается асимметрично. По мере устранения диспропорций экономического развития определенных стран и регионов, складывается не только новая расстановка сил, формируются новые центры принятия решений, но и также увеличиваются противоречия между ними. Существуют три основных подхода к изучению международных организаций [4, 53]: реалистический, идеалистический и институционалистский, который является преобладающим на данный момент. В рамках институционалистского подхода исследуются политические аспекты международных организаций: функционирование их как политических систем, автономность их деятельности. В рамках реализма и функционализма, которые также продолжают играть важную роль в теоретическом дискурсе, изучаются природа и логика действия международных организаций, вопросы соотношения права и силы, функций международных организаций. Также можно отметить теории межорганизационных процессов, сетей, отношений «принципал – агент», внутриорганизационных процессов [11]. Теории межорганизационных процессов рассматривают отношения кооперации и конфликтов между организациями. Теории сетей обращают внимание на особенности современной структуры формирующейся системы международных организаций и их отношений с другими политическими и социальными сетями. Теории отношений «принципал – агент» изучают вопросы делегирования полномочий международным организациям со стороны государств по тем или иным причинам, проблемы автономности международных организаций. Теории внутриорганизационных процессов включают в себя теории организационной культуры, адаптации и обучения. В процессе развития организации формируют собственную культуру – систему норм и ценностей, становясь акторами системы глобальной политики, а не просто структурами международной кооперации. Культура международных организаций многообразна и развивается с течением времени. Собственная культура способна оптимизировать работу организации и влиять на действия государств. Вопросы развития организаций описываются теориями адаптации, когда происходит процесс расширения сфер компетенции, и обучения, когда меняются организационная база, ценности и внутрисистемные процессы на основе получения нового знания и информации внутри организации и вне нее. В целом в теориях международных организаций рассматриваются проблемы реформирования, осуществления «рационального дизайна» международных организаций, их роли в миротворческой деятельности, вопросы об ответственности, транспарентности, финансировании, управлении. Основным

предметом исследований становится не сфера многосторонней дипломатии, а сфера глобального управления. Международные организации рассматриваются как институты глобальной политики, а вопросы согласования воли государств в рамках межправительственных учреждений отводятся на второй план. Ключевым вопросом построения системы глобального управления является проблема взаимозависимости и координации действий между организациями.

Развитие современного экономического кризиса способствовало усилению дискуссий о роли институтов в достижении стабилизации мировой экономики [3, 4–16]. В условиях «биполярного» мира достижение стабильности мировой экономической системы происходило в рамках противостояния «СССР – США», в ходе которого равновесие определялось посредством ограничений и сдерживаний, используемых сторонами по отношению друг к другу. Однако с распадом СССР и крахом биполярной системы международного регулирования с одновременным усилением роли США и стран Западной Европы в мировой экономике, необходимость в эффективном регулировании системы международных экономических отношений стала остро ощущаться, поскольку перекос в сторону развитых стран и, соответственно, усиление диспропорций в мировой экономике между «Севером» и «Югом» будут способствовать росту кризисных явлений в международной экономической системе и, как следствие, нестабильности существующего миропорядка. Сегодня существует более 120 международных институтов и организаций, чьи решения по специализированному профилю правоотношений признаются на уровне суверенных государств и, более того, часто являются обязательными к исполнению в рамках систем национального правосудия. Их деятельность осуществляется в спектре от регулирования и унификации торговых и налоговых режимов глобального и макрорегионального уровня (ВТО, НАФТА, ОЭСР), трудовых отношений (Административный трибунал Международной организации труда), финансовых рынков (административные трибуналы Мирового банка, Международного валютного фонда) до сферы прав человека (Комитет по искоренению расовой дискриминации, Международный уголовный суд). В настоящее время правовое регулирование последней инстанции распространяется на 108 государств, еще в 40 ожидается ратификация. Однако ряд государств, включая США, Китай, Индию, Россию, на данный момент не признали ее полномочий. В современных условиях институтами, способными к регулированию существующей системы международных экономических отношений, выступают международные экономические организации, сочетающие в себе одновременно признаки мировых регуляторов, осуществляющих свою деятельность в соответствии с нормами международного права и субъектов мировой экономики как неотъемлемой части глобального экономического порядка. К таковым относятся Организация промышленного развития ООН (ЮНИДО, UNIDO), Программа развития ООН (ПРООН, UNDP), Международный банк реконструкции и развития (МБРР, IBRD), Международная финансовая корпорация (МФК, IFC) и др. Важную роль в трансфере компетенций играют и

региональные организации — прежде всего, функционирующие в рамках евразийского пространства: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Таможенный союз, формируемый сегодня Евразийский союз. По уровню влияния и составу представителей ведущими из них, являются МВФ и ВТО, представляющие в настоящее время систему многостороннего валютно-финансового и торгового регулирования. Международный валютный фонд является специализированным агентством ООН, созданным для обеспечения стабильности мировой валютно-финансовой системы и оказания помощи государствам – членам [11, 406]. Финансовая поддержка участникам организации осуществляется путем предоставления кредитных средств. Деятельность МВФ на протяжении всего периода его существования подвергалась критике, в основном за слишком жесткие условия, предъявляемые к странам – получателям финансовой помощи. Экономическая политика, проводимая Фондом, базировалась на «столпах» рыночной экономики, таких как частная собственность, либерализация торговли, минимальное участие государства в регулировании экономики, и нашла свое отражение в работах американского Института мировой экономики, получившего название «Вашингтонский консенсус» [7, 136]. Главным разработчиком данной концепции является Дж. Вильямсон. Основными структурообразующими элементами выступают рекомендации, касающиеся экономической политики, необходимость соблюдения которых увязывается с получением кредитных средств МВФ, такие как бюджетная дисциплина, приоритетность бюджетных расходов, дифференцированность системы налогообложения, либерализация торговли, минимизация участия государства в экономике. Применение подобных положений в отношении каждого конкретного заемщика было основным условием получения кредитных средств от МВФ, поскольку руководство Фонда считало, что следование данным рекомендациям будет способствовать достижению равновесия между спросом и предложением, тем самым, обеспечивая стабильный экономический рост и повышение уровня занятости. Правильность курса подтверждалась в официальных докладах МВФ, где указывалось, что Фонд занимает «прагматичные позиции, признавая, что было бы не верно применять какую либо универсальную модель ко всем странам». Однако практическая реализация программ макроэкономической стабилизации МВФ, основанных на «Вашингтонском консенсусе», приводила к значительным социальным издержкам и росту бремени внешней задолженности национальных государств. Неудачи политики МВФ во время кризисов 90–х гг. XX века способствовали росту критики в его адрес, а также пересмотру политики «Вашингтонского консенсуса». Вместе с тем в настоящее время можно говорить о смягчении политики Фонда в отношении предоставляемых кредитных средств странам – членам, выразившемся, прежде всего, в расширении механизмов кредитования и увеличении объемов выделяемой финансовой помощи. В 2008 году МВФ ввел новый механизм кредитования – Short-Term Liquidity Facility (SLF), целью

которого является поддержка стран – членов, испытывающих временные трудности с ликвидностью. В отличие от большинства кредитных механизмов Фонда, требующих от реципиентов соблюдения значительных условий, получение финансовой поддержки в рамках данного механизма требует от получателя лишь подтверждения намерения осуществлять эффективную макроэкономическую политику [14]. На современном этапе экономического развития деятельность МВФ претерпела значительные изменения, обусловленные ростом глобализационных тенденций в мировой экономике и, как следствие, увеличением скорости распространения финансовых кризисов. Основные направления функционирования МВФ сосредоточены в рамках реализации следующих мер: расширение кредитных договоренностей «стенд – бай», удвоение лимитов доступа к средствам Фонда, модернизация предъявляемых условий, адаптация и упрощение механизмов определения стоимости и сроков погашения кредитов [8, 96]. Таким образом, несмотря на существенную критику в адрес МВФ в отношении политики, проводимой этим международным финансовым институтом, нужно отметить, что альтернативы данному институту на сегодняшний день не существует. Создание новой организации также видится весьма затруднительным в силу непреодолимых разногласий, существующих между странами. Очевидно и то, что роль этого финансового учреждения со временем будет только возрастать, в силу того, что ни одно государство в мире не располагает таким количеством ресурсов, которые можно направить на поддержание макроэкономической стабильности в сфере международного валютно-финансового регулирования. Поэтому основным направлением деятельности данного международного института в настоящее время следует считать оказание целенаправленной финансовой помощи нуждающимся странам, совершенствуя при этом механизмы и условия предоставления этой помощи.

Другим не менее важным глобальным институтом, отвечающим за развитие международной торговли, является ВТО. Всемирная торговая организация начала функционировать с 1 января 1995 года в качестве механизма по реализации соглашений, достигнутых в ходе переговоров, проводившихся в рамках ГАТТ с 1986 по 1993 год и называвшихся «Уругвайский раунд». ВТО охватывает все сферы международной торговли на основе более 50 основных правовых актов, составляющих так называемый пакет соглашений Уругвайского раунда (1986–1994 гг.) многосторонних торговых переговоров государств участников ГАТТ. Создание ВТО началось еще в 1947 году с Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ – General Agreement on Tariffs and Trade), которое должно было в будущем быть заменено на Международную торговую организацию (International Trade Organization – ИТО). Однако Международная торговая организация так и не была создана из-за существенных разногласий, возникших между социалистическими и капиталистическими странами. ГАТТ существовало в период с 1947 по 1994 год, когда в результате Уругвайского раунда переговоров (с 1986 по 1994 г.), участниками которого были 118 стран, был подписан

Заключительный акт, представляющий собой кодекс международной торговли [11, 102]. По данным на 1 января 2018 года, членами организации являются 164 члена, включая Европейский союз, как отдельный субъект торговых отношений. Некоторые исследователи, рассматривая деятельность ВТО, выделяют три аспекта лидерства в современной системе международных торгово-экономических отношений: структурную, предпринимательскую и интеллектуальную, отмечая при этом, что структурное лидерство происходит из доминирующего экономического положения [9, 132–133]. Дэвид Диз проводит эмпирическое исследование формирования и развития ВТО, делая вывод о том, что, несмотря на многочисленные изъяны и трудности эволюции режима ГАТТ/ВТО, альтернатив ему пока нет [13]. Я.Д. Лисоволик считает, что вступление в ВТО – это не решение всех экономических проблем государства, а скорее, «развязывание рук», обретение новых возможностей для строительства сложной архитектуры торговых соглашений более частного порядка [5, с. 19–23]. При этом необходимо использовать преимущества ВТО, как это делают «успешные страны», т.е. США, Канада, ЕС, Япония [11, 201–204]. МВФ, Всемирный банк и ВТО можно описать как «институциональную триаду». Они были учреждены для того, чтобы усовершенствовать сотрудничество между странами-членами. С этой целью им был поручен ряд функций. Во-первых, они представляют «форумы» или «агоры», где государства – «полноправные жители» международного сообщества могут периодически встречаться и проводить обсуждения. Это снижает недоверие между ними. Также МВФ, Всемирный банк и ВТО являются центрами (фокальными точками), где страны имеют больше шансов достичь соглашения, объяснить сложные и противоречивые вопросы, согласовать общие позиции. Кроме того, перечисленные институты объединяют вопросы, актуальные для различных государств, в проблемные группы и достигают согласия, которого невозможно было бы достичь иным способом. Функции вышеупомянутых международных институтов включают «общее наблюдение за политикой» посредством мониторинга исполнения странами, подписавшими соглашение, его требований и оглашение примеров неисполнения. Высоко оценивая важность ВТО, МВФ и Всемирного банка для развития международного сотрудничества в области экономики и финансов, не следует забывать, что их деятельность в значительной степени не соответствует ожиданиям. Обвинения в адрес ВТО главным образом связаны с точкой зрения, согласно которой организация лишает развивающиеся страны возможностей использовать свою торговую политику как инструмент для развития и как таковая не обладает демократической легитимностью. В своей нашумевшей работе представитель критической школы Ха Джун Чхан заявил, что вопрос свободной торговли в терминах ВТО означает «отказ от шкалы развития», т.е. лишение наиболее бедных членов ВТО возможности догнать западные страны. Критикуя давление со стороны организации, направленное на преждевременное открытие рынков развивающимися странами, он показал, что это может привести к постоянной периферизации развивающихся экономик из-за невозможности конкурирования

их бизнеса с крупными западными корпорациями. Именно глобализация является ключевым процессом в развитии глобального управления как системы, определяющим новые формы отношений, создаваемых акторами глобальной политики на разных уровнях. Становление глобальных отношений на основе международных является «не только пространственно-географическим процессом, но и системно-содержательным». В XXI в. проблемы распределения власти и собственности, конвергенция и синхронизация национальных экономических систем, автономность действия государств и культурная идентичность обретают глобальное измерение. Комплексность данных процессов проявилась в переходе управляющих структур мировой экономики от системы взаимозависимости к сетевой организации, появлению новых международных организаций. Таким образом, система глобального управления с учетом универсальных тенденций мирового развития и современных процессов изменения системы глобальной политики является системой институтов будущего. Ее формирование связано с эволюцией институтов в условиях глобализации. Именно возникновение системной целостности в совокупности международных организаций может послужить началом становления системы глобального управления. Система глобального управления является закономерным этапом развития политических институтов в условиях глобализации. Уже сейчас действуют механизмы глобального регулирования в качестве элементов системы глобального управления, которая, возможно, появится в будущем. Становление целостной системы международных организаций под влиянием процессов глобализации означает переход от международных отношений к глобальным и усиление комплексности глобальной политической системы. Увеличение количества организаций и их многообразия, расширение сфер компетенции свидетельствуют о возрастающей роли международных организации в глобальной политике.

В настоящий момент усиливается потребность институционализации международной экономической системы через создание новых институтов, модернизацию действующих, создание новой институциональной среды для всех акторов глобальной экономики, где важная роль должна отводиться функции контроля и надзора за основными участниками глобального, а особенно финансового рынка. Под воздействием институционализации глобальная экономика будет конституировать новый характер совокупности экономических отношений между субъектами глобальной экономической системы. Конституирующая роль глобального рынка как базовой субстанции глобальной экономики, в формировании целостной иерархически субординированной институциональной системы, которая обеспечивает реализацию его функций (формирование глобального спроса и глобального предложения, интернациональной цены, условий глобальной конкуренции и развитие глобальной инфраструктуры), сохраняется. Трансформируется содержание институтов за счет таких качественно новых его функций, как субсидиарность, дискретность, реализация интересов международного

государственно-монополистического капитала, регулирование глобальных диспропорций, участие в решении глобальных проблем человечества и т. д., которые свойственны институциональным структурам глобального типа. Оценка эффективности деятельности международных институтов будет осуществляться по критериям их вклада в социально-экономический прогресс человечества, поддержку мирового экономического равновесия, решение глобальных проблем, формирование общецивилизационных норм, стандартов и ценностей. Глобализация как высшая ступень интернационализации национальных отношений постепенно утверждается в качестве господствующих общецивилизационных принципов, норм и ценностей в системе общественных отношений, регулируемых международными (глобальными) институтами, отличающимися от существующих определений институциональной составляющей. Ключевыми институтами глобального экономического развития в эпоху постиндустриализма, основными продуцентами материальных и нематериальных благ, инновационных продуктов, знаний и технологий, определяющих ведущие тренды мирохозяйственного развития благодаря концентрации финансового, технологического, кадрового и интеллектуального ресурсов и монопольному праву их перераспределения на мировой экономической карте, являются университеты.

Литература

1. *Абрамов Д.В.* Глобальная символическая экономика: к вопросу о сущности явления // Проблемы совершенствования организации производства и управления промышленными предприятиями: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. / редкол.: Н.А. Чечин, С.А. Ерошевский (отв. ред.) [и др.]. Самара : Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2015. С. 3.
2. *Балацкий Е.В.* Предпосылки глобальной политической инверсии // TERRA Economicus. Экономический вестник Ростовского государственного университета. Ростов, 2014. Т. 12, №3. С. 17.
3. *Акерлоф Дж. А.* Поведенческая макроэкономика и макроэкономическое поведение // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: в 5 т., 6 кн. / сопред. науч.-ред. совета Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. – М.: Мысль, 2004–2005. – Т. V: Всемирное признание: Лекции Нобелевских лауреатов. Кн. 2.
4. *Войтоловский Ф.* Нестабильность в мировой системе // Международные процессы. – 2009. – Том 7. – № 1.
5. *Деягин М.* Политика модернизации и глобальный финансовый кризис // Свободная мысль. – 2008. – № 11. – Ноябрь.
6. *Андропова Н. Э.* 1. Воздействие финансовой глобализации на трансформацию мировой финансовой архитектуры и проблемы участия России в этих процессах // Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.э.н. — М.: МГУ, 2014.
7. *Афонцев С. З.* Политические рынки и экономическая политика. — М.: КомКнига, 2010.
8. *Григорьев Л. М. А. , Курдин А. А.* Механизмы глобального регулирования: экономический анализ // Вопросы экономики. — 2013. — № 7.
9. *Крылов И. С.* 5. Сравнительный анализ основных механизмов регулирования глобальных экономических процессов // Сравнительная политика. — 20123. — № 3/9.
10. *Стиглиц Дж.* Доклад о реформе международной валютно-финансовой б. системы: уроки глобального кризиса. — М.: Международные отношения, 2012.
11. *Gilpin R.* 9. APEC in a New International Order// The National Bureau of Asian Research (NBR) Analysis. – Washington, 1995. Vol. 6. № 5; *Gilpin R.* Global Political Economy: understanding the International Economic Order. – New Jersey: Princeton University Press, 2001.
12. *Rosenau J.* 13. Governance in the Twenty-First Century // Palgrave Advances in Global Governance / J. Whitman (ed.). — Basingstoke; Palgrave Macmillan, 2009.

Молчанов И.Н., Молчанова Н.П.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ

В современном обществе здравоохранение позиционируется как социально-экономический институт, который позволяет поддерживать коммуникационные связи, относящиеся к сохранению здоровья населения, осуществлять правовое и финансовое регулирование взаимоотношений всех заинтересованных сторон как участников экономической деятельности: заказчиков, поставщиков, потребителей услуг медицинских, лечебно-профилактических и оздоровительных учреждений. Принципиально новые цели, которые предстоит достичь отечественной системе здравоохранения, сформулированы в Государственной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 №1632-р: «обеспечить граждан России доступной медицинской помощью по месту требования, соответствующей критериям современности, персонализации, превентивности, технологичности и безопасности; повысить производительность и эффективность использования материальных, человеческих, информационных и иных ресурсов и данных при оказании медицинских услуг (к 2024 году не менее чем на 30%), при сохранении качества оказания медицинской помощи для всех пациентов в соответствии с нормативными документами Минздрава России; создать экосистему цифрового здравоохранения посредством трансфера инновационных решений в медицинские организации и поддержки отечественных стартап компаний в этой области».

Важные функции по воспроизводству населения и сохранению общественного здоровья принадлежат системе обязательного медицинского страхования, характерными чертами которой являются: 1) создание механизмов для повышения заинтересованности трудоспособного населения в количественных и качественных, натуральных и стоимостных характеристиках результатов своего труда, вовлечение работающих и неработающих граждан в процесс резервирования страховых накоплений; 2) формирование условий для развития медицинского страхования как вида экономической деятельности, создание высокоэффективных страховых организаций, специализирующихся по видам медицинского страхования (обязательного и дополнительного) и комплексно обслуживающих застрахованных лиц; 3) гарантирование государством конституционных прав граждан, а также обеспечение необходимых объемов страховых накоплений, образуемых согласно

требованиям социальных стандартов, связанных с выделением (резервированием) и распределением финансовых ресурсов в соответствии со страховыми (актуарными) расчетами. В условиях ограниченности финансовых ресурсов существует необходимость соблюдения преемственности в достижении принципа социальной справедливости, который предполагает равенство всех граждан в получении медицинской помощи и различных услуг здравоохранения, но при этом возникает потребность в дифференцированном подходе к управлению различными видами медицинского страхования. Такой прагматический подход необходим для минимизации характерных для данной сферы рисков (экономических, социальных, финансовых, инвестиционных и других) и создания условий для повышения уровня и качества социальной защиты населения в сфере здравоохранения.

Если в Советском Союзе существовала система государственной медицины с бюджетным финансированием, то в России в начале 1990-х годов начала создаваться система обязательного медицинского страхования на основе бюджетно-страховой модели. Основанием для проведения такой масштабной реорганизации здравоохранения стало признание государством приоритетности мер, связанных с необходимостью решения накопившихся в социальной сфере вопросов и принятие ответственности за сохранение здоровья населения. В этот период государство не располагало необходимыми бюджетными средствами для полномасштабного обеспечения медицинской помощи населению. Обязательное медицинское страхование внедрялось в целях привлечения дополнительных (внебюджетных) финансовых ресурсов в систему здравоохранения, поддержания ее устойчивости и предоставления гражданам равных возможностей в получении бесплатных медицинских услуг. Было принято решение о том, что объемы и виды медицинской помощи должны регламентироваться базовыми программами обязательного медицинского страхования.

Распространение бюджетно-страховой модели в здравоохранении происходило поэтапно, путем введения и последовательного совершенствования порядка взимания страховых взносов и платежей на цели обязательного медицинского страхования. Были созданы Федеральный фонд обязательного медицинского страхования (в рамках всей страны) и территориальные фонды обязательного медицинского страхования (в каждом субъекте Российской Федерации). В соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации", обязательное медицинское страхование представляет собой самостоятельный вид социального страхования. Законодательные основы формировались поэтапно, и в настоящее время система нормативных документов включает регламентируемые государством правовые, экономические и организационные меры, предназначенные для обеспечения застрахованному лицу гарантий бесплатного оказания медицинской помощи при наступлении страхового случая. Указанная деятельность осуществляется, во-первых, за счет средств обязательного медицинского страхования (в

пределах территориальной программы обязательного медицинского страхования) и, во-вторых, в определенных законодательством случаях (в рамках базовой программы обязательного медицинского страхования). Углубление рыночных отношений сопровождается изменениями в практике финансирования здравоохранения в России. «До 2013 года в рамках медицинской помощи, включенной в базовую программу обязательного медицинского страхования, за счет средств обязательного медицинского страхования оплачивалась только часть статей затрат ... Остальные расходы компенсировались за счет бюджетов субъектов Российской Федерации. С 2013 года тариф на оплату медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию стал включать все статьи затрат («полный тариф») ...» [1, с. 43]. Произошел переход практически всех оказываемых населению видов медицинской помощи, гарантируемых государством, на полное финансирование из средств бюджетов фондов обязательного медицинского страхования.

Наряду с успехами, достигнутыми в пореформенный период (1990-2000-е годы), проявились и обострились некоторые проблемы финансирования здравоохранения. Вследствие дифференциации природно-климатических условий и объективных различий в обеспечении регионов факторами производства, базовые программы территориальных фондов обязательного медицинского страхования во многих субъектах Российской Федерации были дефицитными. По данным государственной статистики, в начале 2010-х годов от 60 до 70 субъектов (при сравнительном анализе за ряд лет) не обеспечивали сбалансированное функционирование бюджетов территориальных фондов. В принятой модели обязательного медицинского страхования распределение накопленных финансовых ресурсов происходило преимущественно на централизованной основе, с использованием сметных расчетов, без учета клинической потребности пациентов в получении средств из страховых фондов. В качестве негативных факторов, которые оказывали влияние на снижение доступности граждан к получению гарантированной государством медицинской помощи в полном объеме, следует особо выделить несовершенство практики планирования (в части развития методических основ и технологии использования нормативного метода) как на региональном уровне, так и применительно к отдельным медицинским организациям.

В условиях реформирования государственных и муниципальных финансов, проведения административной реформы возникла необходимость совершенствования управления ресурсами здравоохранения. Новые потребности обусловили целесообразность развития методологии планирования и расширения применения нормативного метода в финансировании обязательного медицинского страхования. Был разработан и с 2013 года получил практическую реализацию новый методический подход при формировании базовой программы государственных гарантий, основанный на единых принципах и учитывающий специфику административно-территориальных образований. Принципиально важным является то, что

положенный в его основу подушевой норматив, построенный за счет средств обязательного медицинского страхования, обеспечивает равные условия предоставления медицинской помощи населению на всей территории страны, позволяет сбалансировать работу территориальных фондов обязательного медицинского страхования, сократить различия между регионами в уровне обеспечения финансовыми ресурсами предоставляемой гражданам медицинской помощи. В основу методики определения размеров субвенций для субъектов Российской Федерации поставлен дифференцированный коэффициент, учитывающий социально-экономические особенности регионов, к которым относятся: территориальное расположение, климатогеографические условия, обеспечение факторами производства. Ключевое значение имеют половозрастная и образовательная структуры населения, уровень доходов и оплаты труда, размеры территории и расположение городских и сельских населенных пунктов, стоимость продуктов питания и различных видов услуг, наличие транспортной инфраструктуры и др. Таким образом, состав доходов территориальных фондов обязательного медицинского страхования различается в зависимости от региональных особенностей: структуры населения, экономической ситуации и объема трансфертов. Данные новации позволили уже в первые годы применения принципа подушевого финансирования существенно снизить различия в размерах доходов территориальных фондов обязательного медицинского страхования в расчете на одного жителя при одновременном существенном росте объема субвенций. В результате предпринятых действий имевшие место отклонения между отдельными территориями были нивелированы. Согласно официальным комментариям, в настоящее время мероприятия базовой программы обязательного медицинского страхования практически полностью обеспечены финансовыми ресурсами [3, с. 6].

Принятая на законодательном уровне технология организации обязательного медицинского страхования внедряется поэтапно и поэтому существующий механизм финансирования здравоохранения требует определенной доработки. Например, с теоретических позиций следовало бы продолжить работу над нормативной правовой базой. Дело в том, что заложенный в основу системы обязательного медицинского страхования комплекс норм и нормативов (как материальных, так и стоимостных) весьма развернутый и сложный. Данное обстоятельство затрудняет деятельность по финансовому планированию лечебно-профилактических учреждений (и особенно специализированных), поскольку они, как правило, имеют различные исходные материально-технические условия и отличаются обеспеченностью высокопрофессиональными квалифицированными кадрами. В этой связи менеджменту организаций здравоохранения следовало бы больше внимания уделять работе служб, связанных с финансовым планированием и прогнозированием, а научно-исследовательским подразделениям целесообразно было бы сформулировать методические рекомендации по применению методологических положений в хозяйственной практике.

Дальнейшее совершенствование работы в данном направлении состоит в разработке инструментов по унификации подушевых нормативов, формализации порядка их определения и алгоритмов расчета, что позволит улучшить технологию планирования на различных уровнях управления и условия предоставления медицинской помощи населению.

Наряду с финансированием здравоохранения через систему обязательного медицинского страхования, для повышения финансовой устойчивости медицинских организаций привлекаются бюджетные средства. Сохраняется необходимость поддержки процесса оказания медицинской помощи населению из Федерального бюджета. В этих целях сформирована и поэтапно реализуется Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения», разработанная на период до 2020 года. В ней установлены цели, задачи, основные направления развития отрасли и ключевые мероприятия, а также механизмы их реализации и финансовое обеспечение. За счет предусмотренных источников, в соответствии с законодательством, либо в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, финансируются: специализированная медицинская помощь (оказывается в федеральных медицинских учреждениях, перечень которых утверждается уполномоченным органом исполнительной власти); высокотехнологичная медицинская помощь (оказывается в специализированных медицинских организациях в соответствии с установленным государственным заданием); виды медицинской помощи, которые регламентируются законодательством для определенных категорий граждан (оказываются на основе государственного задания); дополнительные мероприятия профилактического характера (диспансеризация, иммунизация граждан, ранняя диагностика отдельных заболеваний); дополнительная бесплатная медицинская помощь по обеспечению отдельных категорий населения лекарствами; медико-санитарное обеспечение населения отдельных территорий, перечень которых законодательно установлен (с учетом особенностей организации местного самоуправления) и утверждается Правительством Российской Федерации; дополнительная медицинская помощь (оказывается на основе государственного задания). На основе сформулированных в документе приоритетов Министерством здравоохранения планируется организация финансово-экономической работы в отрасли на перспективный период. Программа является основой для проведения целенаправленных действий по модернизации деятельности медицинских организаций. Механизм реализации мероприятий Государственной программы основан на обобщении накопленного положительного опыта (как отечественного, так и зарубежного).

В научных работах отечественных исследователей раскрываются проблемы, связанные с особенностями формирования финансовых ресурсов некоммерческих организаций (к которым по роду своей деятельности относятся и учреждения здравоохранения). Например, в форме теоретической концепции финансовые ресурсы некоммерческих организаций можно определить как «денежные средства, привлеченные на безвозмездной и безвозвратной основе

от других субъектов экономики на правах собственности или распоряжения, в целях производства и предоставления социально значимых товаров и услуг потребителям независимо от платежеспособности последних» [4, с. 45]. На практике финансовые ресурсы некоммерческих организаций формируются в виде доходов, поступлений и накоплений от осуществления экономической деятельности на нерыночных условиях (при безвозвратности и безвозмездности использования). В этой связи для достижения сбалансированности необходимо максимально использовать в процессе хозяйствования все законодательно разрешенные источники получения доходов. Наряду с этим, следует задействовать все имеющиеся возможности для привлечения поступлений, а именно: средства государственных внебюджетных фондов (в данном случае фондов обязательного медицинского страхования), бюджетные средства (федерального и региональных бюджетов).

Однако, работа в рыночной среде побуждает медицинские организации привлекать финансовые ресурсы на «условиях возмездности и обмена, приводящих к получению экономической выгоды» [4, с. 56]. В этой связи менеджменту лечебно-профилактических учреждений особое внимание следует обратить на привлечение средств сторонних организаций (юридических лиц) и граждан (физических лиц). Данный потенциальный источник поступлений выглядит весьма весомым, поскольку средства могут выступать в различных формах (как пожертвования, спонсорские и благотворительные взносы, другие безвозмездные платежи). Нельзя приуменьшать и возможности участия населения в финансовой поддержке организаций здравоохранения. Средства граждан (физических лиц) формируются в процессе создания личных и предпринимательских доходов домашних хозяйств. Общемировой практикой, которая находит применение и в нашей стране, является расширение участия населения в различных формах благотворительной деятельности. Этот вопрос приобретает все большую актуальность, поскольку в динамике объемов финансовых ресурсов домохозяйств наблюдаются позитивные тенденции. Кроме этого, сохраняется актуальность учета объема накоплений, которыми располагают медицинские организации. Этот вид финансовых ресурсов весьма специфичен, поскольку они образуются из денежных средств (доходов и (или) поступлений), которые были получены самими лечебно-профилактическими учреждениями, но по каким-либо причинам не были использованы ими в текущем финансовом году. Формирование накоплений объективно необходимо, а целесообразность их включения в состав располагаемых финансовых ресурсов вполне очевидна. Важнейшее условие создания накоплений – их объективная необходимость для организации сбалансированной экономической деятельности медицинских организаций в перспективном периоде.

В современных экономических условиях актуальной является задача обеспечения оптимальных пропорций между объемами денежных средств, направляемых из государственных источников (федерального и региональных бюджетов, внебюджетных фондов), и частными (принадлежащими юридическим и физическим лицам) финансовыми ресурсами. В развитых и

развивающихся странах доля государства во всем объеме расходов, предназначенных на функционирование системы здравоохранения, колеблется в довольно широких пределах. Например, в Великобритании она составляет 85%, в других экономически развитых странах варьируется от 70 до 80%. В России наблюдается тенденция к снижению участия государства в финансировании здравоохранения (при общем росте выделяемых на эти цели финансовых ресурсов). Одновременно, характерной тенденцией является увеличение объема средств, затраченных населением на лечение (в совокупности с денежной оценкой медикаментов, приобретаемых в аптечной сети). Если рассматривать долю государственных расходов на здравоохранение в структуре ВВП (2014), то в России она составляет 3,7%, в странах-членах ОЭСР – 6,5%, в странах западной Европы – 7,9%. В современных условиях существует необходимость поиска и применения в практике хозяйствования новых механизмов социальной защиты населения в сфере здравоохранения, которые были бы ориентированы на привлечение внимания и повышение заинтересованности всего общества в их разработке и реализации. Наблюдается потребность в упорядочении всех известных регулятивных мер, выработанных экономической наукой для поддержания системы обязательного медицинского страхования в работоспособном состоянии и повышения ее нацеленности на достижение высоких конечных результатов.

Эксперты указывают на важность проведения бюджетного маневра, его влияние на финансирование здравоохранения и конечные результаты – улучшение здоровья населения. Позитивные сдвиги в финансировании здравоохранения могут быть достигнуты при пересмотре базовых положений проводимой бюджетной политики в направлении решения «трех взаимосвязанных задач: восстановление кратко- и среднесрочной бюджетной сбалансированности и защищенности от рисков; обеспечение долгосрочной бюджетной устойчивости; создание благоприятных условий для экономического роста» [2, с. 7]. Решение первой задачи предполагает повышение результативности государственных расходов, основанное на изменении подходов к бюджетному финансированию и предусматривает существенное повышение конечных результатов. Вторая задача направлена на стабилизацию размеров бюджетного баланса в перспективном периоде (после достижения краткосрочной сбалансированности). Ее решение связано с необходимостью применения мер по защите бюджетной системы от последствий объективного процесса повышения удельного веса населения старших возрастов, вследствие чего рекомендуется комбинирование различных мер по увеличению доходов и уменьшению расходов бюджетов. Третья задача предполагает поддержание экономического роста и повышение экономической активности за счет различных факторов, например, увеличения государственных инвестиций в объекты инфраструктуры, повышения макроэкономической устойчивости, совершенствования структуры налогов и государственных расходов. В рамках данного направления приоритетное внимание рекомендуется уделять росту совокупной производительности

факторов производства и, следовательно, поддержке инвестирования и трудовой активности населения, в основе которой – качество человеческого капитала, базирующееся на уровне образования и квалификации работников.

В качестве рекомендаций, при разработке мер по бюджетному обеспечению проводимой политики следует продумывать возможности для увеличения государственных расходов на здравоохранение. Для подтверждения данного тезиса можно привести результаты зарубежных исследований, которые свидетельствуют о наличии обратно пропорциональной связи между объемами финансовых вложений в охрану здоровья и уровнями показателей заболеваемости и смертности населения. Так, увеличение государственных расходов на здравоохранение приводит к снижению заболеваемости и смертности населения, в результате чего повышается продолжительность жизни, в том числе и активной, здоровой жизни. Одновременно, при рассмотрении факторов, которые способствуют ускорению экономического роста, наблюдается прямо пропорциональная зависимость между количеством работающих и повышением уровня образования. Например, зарубежные исследователи в качестве значимых компонентов, определяющих экономическое положение страны, отмечают увеличение численности рабочей силы и повышение качества человеческого капитала [5]. Согласно оценкам Международного валютного фонда, рост расходов на здравоохранение в 40% случаев инициирует ускорение темпов роста производства. Иными словами, позитивный результат от данных государственных инвестиций наблюдается сравнительно чаще, чем увеличение расходов по любым другим направлениям их использования [6].

Несмотря на объективные трудности современного периода экономического развития, обязательному медицинскому страхованию по праву принадлежит лидирующее место в системе социальной защиты населения. Существует потребность в совершенствовании различных форм и методов экономического механизма, положенного в основу модернизации деятельности организаций здравоохранения. Особое внимание в дальнейших научных исследованиях следовало бы сконцентрировать на развитии теоретических положений финансового регулирования в социальной сфере и разработке научно обоснованных методических рекомендаций применительно к работе лечебно-профилактических учреждений различных профилей и подчиненности в условиях цифровизации экономики. В составе приоритетных направлений в сфере здравоохранения можно выделить: реформирование системы медицинского и дополнительного профессионального образования, включая порядок определения и подтверждения квалификационного уровня обучающихся; трансформацию функций и повышение требований к врачам «общей практики»; реорганизацию систем управления здравоохранением и оказания медицинской помощи на основе активизации инвестирования, мониторинга и эффективного контроля за состоянием здоровья пациентов; налаживание работы по софинансированию затрат на нужды здравоохранения всеми экономическими субъектами - государством, организациями и

населением; введение стандартизированных систем учета расходов; распространение конкурентных отношений на рынке медицинских услуг, как результат повышения их качества, сокращения избыточной инфраструктуры, оптимизации региональной сети медицинских организаций.

Литература

1. Кривонос О.В., Арутюнян Д.А. Оценка эффективности финансового обеспечения медицинской помощи, оказываемой в рамках программы государственных гарантий // Вестник АКСОР. 2015. №3 (35). С. 41-50.
2. Кудрин А.Л., Соколов И.А. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. №9. С. 5-27.
3. Стадченко Н.Н. Приоритетом базовой программы ОМС остается финансовое обеспечение первичной медико-санитарной помощи // Обязательное медицинское страхование в Российской Федерации. 2017. № 5. С. 6.
4. Теория и практика финансов некоммерческих организаций / Марзаев А.В., Молчанова Н.П., Киселева Т.Ю., Рябова И.С., Завгородняя В.В., Молчанов И.Н., Чернов А.Ю., Дзусова С.С., Долина О.Н., Гузь Н.А. Коллективная монография. / Москва: Издательский дом «Экономическая газета», 2015. 172 с.
5. Afonso A., Jalles T. (2013). Fiscal composition and long-term growth. ECB Working Paper Series, No. 1518. Frankfurt am Main: European Central Bank.
6. IMF (2015b). *Fiscal policy and long-term growth* (IMF Policy Paper). Washington, DC: International Monetary Fund.

Назаренко С.В.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ФИНАНСОВЫХ НОВАЦИЙ И ДЕВИАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Институционализация финансово-экономической и социально-экономической жизнедеятельности в обществе – это процесс определения и закрепления норм-правил финансово-экономического и социально-экономического поведения хозяйствующих и социальных субъектов, приведение их в систему взаимодействий, способную функционировать в направлении удовлетворения конкретной общественной потребности – максимизация прав собственности на движимое и недвижимое имущество, дохода, денежных средств. Она предполагает замену спонтанного или экспериментального действия (поведения) на предсказуемое, которое не только ожидается, но и моделируется, а также регулируется. Посредством ее конкретная потребность начинает осознаваться участниками взаимодействий и для ее реализации в обществе устанавливаются особые моральные и правовые нормы финансово-экономического и социально-экономического поведения (деятельности), специально готовятся профессиональные кадры, выделяются различного рода ресурсы – финансовые, организационные, идеологические, трудовые [10].

Необходимое условие появления института – потребность. При этом, как только она удовлетворяется совместными и организованными усилиями –

появляется институт. Он является следствием предварительных расчётов и рационального планирования, так как рыночный механизм не всегда устанавливает равновесие между их жизнеспособностью и эффективностью.

Людей необходимо финансово заинтересовать, организовать разрозненные усилия их действий, сплотить вокруг идеи. В зависимости от институциональных средств и от достижения социально одобряемых целей члены образующихся профессионально-трудовых общностей (групп) неоднородны, так как бывают исполнителями (хорошими подчиненными), ретритистами, ритуалистами, новаторами, мятежниками. Проявляя социальную активность позитивной направленности, доминирующая часть из них приносит социальную пользу, а незначительная часть, осуществляя действия негативной направленности – вред. Это девиации корыстной или агрессивной ориентации, а также социально-пассивного типа (должностная халатность, служебное бездействие, небрежное отношение, неисполнение решений). Если механизмом общественного развития является социальное творчество, то противоположным его полюсом – отрицание. Различные виды творчества (образование, наука, искусство, спорт, религия и др.), а также различные виды антиобщественных проявлений (фрилансерство, дауншифтинг, воровство и др.) – это формы активности, новаций и девиаций, тяготеющих к отклонению от норм. При этом, если первая – объективно полезна, прогрессивна, служит поступательному развитию общества, то вторая – опасна, так как снижает темпы его развития. Более того, в контексте закона нормального распределения, у новаторов и девиантов (около по 2-3%) есть ранние (около по 12-13%) и поздние (не более по 34-35%) последователи.

Социальный контроль посредством поддержания и совершенствования упорядоченности и организованности обеспечивает безапелляционное подчинение деятельности каждого участника финансово-экономического и социально-экономического взаимодействия конкретным нормам-правилам и их требованиям, выполняет охранительную (способствует сохранению значимых ценностей, норм-запретов, норм-обязанностей, норм-прав (льгот, привилегий) в финансово-экономической и социально-экономической сфере) и стабилизирующую (обеспечивает типичное финансово-экономическое и социально-экономическое поведение (деятельность) участников взаимодействий) функции.

Современные институты – это реальные правила игры и контроль их соблюдения. В этом выражается социологический фокус социального института. При этом, современные организации (учреждения) – это субъекты, играющие по институциональным правилам и обладающие определенной свободой выбора вектора последующих финансово-экономических и социально-экономических взаимодействий [5]. Степень их подчинения правилам зависит от строгости институционального управления и контроля, альтернативными технологиями реализации которых являются: первая – прямые методы управления и жесткие санкции контроля; вторая – прямые методы управления и мягкие санкции контроля; третья – косвенные методы

управления и жесткие санкции контроля; четвертая – косвенные методы управления и мягкие санкции контроля.

Институты общества образуют его институциональную структуру, отличающуюся своей возможностью к альтернативной конфигурации реализации данных технологий в конкретных сферах – экономической, политической и идеологической. Так, современная институциональная практика представлена двумя типами принципиально и диаметрально различными институциональными матрицами, а именно: западной (Y–матрицей), источники формирования которой исходят из некоммунальности материально-технологической среды при возникновении государства, что определяет систему базовых институтов общества рыночной экономики (институты частной собственности, наемного труда, конкуренции, обмена /купли – продажи/, прибыли), федеративно-субсидиарного политического устройства (институты – федерации, выборов, многопартийности и демократического большинства, самоуправления и субсидиарности, судебных исков) и субсидиарной идеологии (индивидуализма, стратификации, свободы); восточной (X–матрицей), условием которой служит коммунальность материально-технологической среды при возникновении государства, что определяет систему базовых институтов общества редистрибутивной экономики (институты общей собственности, служебного труда, координации, редистрибуции /аккумуляции – согласования – распределения/, пропорциональности), унитарно-централизованного политического устройства (институты административного давления, назначения, общего собрания и единогласия, иерархической вертикали во главе с Центром, обращения по инстанциям) и коммунитарной идеологии (институты коллективизма, эгалитаризма, порядка) [2].

Оптимальной институциональной структуре присущи эффективные государственные экстерналии. Их эффективность формирует дополнительные доходы (удельная потребляемая прибыль, если в абсолютном значении растёт, то в относительном – снижается) [7]. Так, свойства образования и науки, трансформируемые в человеческий капитал, обуславливают возникновение государственных экстерналий (внешних эффектов: издержек или выгод для третьих лиц) на рынке образования, труда, занятости в формах: а) прямых положительных экстерналий, которые производятся государством в денежной форме (выплаты, дотации, субсидии, субвенции) или через систему льготирования предоставляемых услуг образования; косвенных отрицательных экстерналий, которые обусловлены вмешательством государства в определенный сектор рынка трудоустройства выпускников как базового субъекта рынка; нормативно-правовых (административных) экстерналий, связанных с законотворческой деятельностью государства.

Институциональная система формируется эволюционно или искусственно как совокупность норм-правил координации экономической игры – совокупности политических (правовых), экономических, социокультурных (идеологических) институтов. В современной трансформации социально-

экономических институтов российского общества преимущественно выражен тренд смещения приоритетов с институциональной X–матрицы к Y–матрице. При этом институты государственного регулирования модифицируются при трансформации экономики и политики общества. Прежде всего, на основе принципа самоорганизации и закона необходимого разнообразия посредством преодоления эффекта блокировки усилий взаимодействующих субъектов, которые подавляются в результате несовершенства как экономических, так и политических структур. Так как эффект блокировки нарушает устойчивость взаимодействий, то актуализируется потребность в обновлении и выборе нового инструментария государственного регулирующего воздействия. Исходя из этого, возникает необходимость заключения нового «общественного договора» между заинтересованными сторонами, учитывающего трансформационные и транзакционные издержки. Игнорирование проблем институциональной среды порождает модель экономической активности, посредством которой разного рода организации – хозяйствующие и/или социальные субъекты могут выступать барьером рыночной трансформации регионального и отраслевого сегмента национального хозяйства.

Институциональная трансформация отменяет старые неэффективные институты, но неизбежно приводит к росту издержек координации. Институты не только функционируют, обслуживая хозяйственные субъекты, но и развиваются для активизации вовлеченности их в экономические процессы, «успокаивая» отрицательные тенденции и «поощряя» положительные. Так они стимулируют или сдерживают развитие, усиливают или ослабляют накопление человеческого и интеллектуального капитала, расширяют или уменьшают платежеспособный спрос государства, корпораций (промышленных предприятий) и непосредственно населения. Поэтому оптимальность его соотношения обеспечивает экономическую эффективность совместных усилий. Институты либо предписывают, либо запрещают определенные способы действия, при этом одновременно ограничивают и стимулируют финансово-экономические действия. Неэффективные институты, являются институциональной основой дисфункциональности – следствия нарушения комплементарности. Институты дополняя друг друга усиливают ожидаемый экономический эффект, достигаемый посредством взаимосвязанных институциональных преобразований или изменений. Следует правильно понимать, что дисфункции институтов могут быть: а) обусловлены противоречивостью функционирования формальных и неформальных институтов; б) возникли на этапе становления и при функционировании института; в) существуют при взаимодействии институтов микро- и макроуровня; г) возникли при взаимодействии экономических субъектов, вследствие их заинтересованности и выгоды; д) вызваны высокой стоимостью возникновения и функционирования института; е) обусловлены несоответствием спроса и предложения; ж) вызваны неподвижностью, негибкостью или наоборот повышенной изменчивостью; з) порождены

неопределенностью институциональных трансакций (асимметричность информации).

Институциональным инновациям присущи свойства децентрализованного порядка, ибо они связаны с нарушением существующих правил. Достижение экономической устойчивости взаимосвязано с экономическим ростом как причина и следствие. При этом следствие является причиной последующего действия (устойчивость → рост → устойчивость). Устойчивость формирует экономический климат росту – расширению и увеличению производства продукции. Благодаря росту хозяйствующий субъект приобретает устойчивость. Основой будущего экономического роста является: во-первых, структурная трансформация, сопровождаемая наращиванием инвестиций; во-вторых, научно-технические инновации; в-третьих, институциональные преобразования [1]. Если структурные деформации обусловлены как ценовыми, так и стоимостными диспропорциями, то скорость институциональных преобразований – нормами и правилами, нарушение которых изменяет структурную трансформацию. Научно-технические инновации являются предпосылкой устойчивого экономического роста. Ускоренное воспроизводство высокоинтеллектуального человеческого капитала (посредством профессионального образования) и высоких технологий (посредством науки) усиливают интеграционные процессы внутри и вне национальной экономики [6]. При этом, региональные и отраслевые кластеры не дублируют, а взаимно дополняют друг друга. Так, национальный человеческий и интеллектуальный капитал становится конкурентоспособным.

Рост устойчивой сбалансированности финансово-экономических и социально-экономических усилий (действий) возможен при: а) прогрессивной структуре соотношения бюджетных и внебюджетных денежных средств привлекаемых для профессиональной подготовки квалифицированных работников; б) развитой банковской системе и банковской продукции, связанной с образовательными инвестициями; в) наличии выгодных условий для крупных стратегических инвесторов, инвестирующих образовательные организации или образовательные программы в них; г) легальной, признаваемой системе отношений собственности образовательного и интеллектуального капитала; д) объективной системе мониторинга эффективности образовательных организаций; д) спросе на образовательную продукцию – на выпускника образовательной организации; е) наличии управляемости системы экономических отношений между образовательными организациями и промышленными предприятиями; ж) функционировании общегосударственной информационно-справочной системы в открытом доступе отражающей состояние рынка образования, труда и занятости.

В современных условиях ухода от экономики производства к экономике знаний не столько высокие технологии, сколько услуги по продвижению высоких технологий являются движущей силой экономического роста хозяйствующих субъектов. Знания сами по себе не способны трансформировать экономику. Так же нет гарантий того, что система инвестирования в научные

исследования (разработки) или в иную продукцию высшего образования обеспечит положительную отдачу [6]. Это связано с тем, что научные знания способны принести наибольшую экономическую выгоду, когда используются в комплексе национальной инновационной системы взаимодействий образовательных организаций в сфере профессионального обучения и промышленных предприятий, функционирующей и развивающейся в соответствии: а) с законодательной (нормативно-правовой) базой; б) с коммуникационной инфраструктурой; в) со знаниями, конкурентоспособными на глобальном рынке мирового хозяйства; г) с сформированными рыночными условиями, способствующими внедрению инноваций. Без наличия национальной единой инновационной системы деятельность образовательных организаций и промышленных предприятий, в том числе отдельных их инновационных проектов не сможет быть максимально эффективной.

Функционирование существующей отечественной институциональной системы имеет свои особенности: а) институты изменяются вслед за факторами, детерминирующими их развитие; б) состояние экономики обусловлено комбинацией всевозможных институтов; в) влияние институтов значительно всегда; г) прогрессивные институциональные изменения встречают сопротивление. Так, при закреплении нормы изменяются издержки – уменьшение трансакционных сопровождается увеличением трансформационных, и наоборот, увеличение трансакционных сопровождается уменьшением трансформационных. В сущности, речь идет о поиске институционального равновесия – компромисса между устремлением получить распределительные преимущества (в краткосрочной перспективе) и целью снижения суммарных издержек стратегического сотрудничества: а) трансакционных; б) трансформационных. Так, на институциональном рынке конкурентоспособность института определяется его возможностью охватывать максимальное количество взаимодействий агентов рынка при относительно низком уровне разного рода трансакционных издержек. Однако, важно учитывать риск попадания в институциональную ловушку – характеристику неэффективной устойчивой нормы, то есть неэффективного института [8]. Условием устойчивости нормы является «невыгодность» и нецелесообразность неисполнения или игнорирования ее экономическим субъектом. Исходя из этого следует, что устойчивость и функциональность института достигается механизмом стабилизации, в котором доминирует отрицательная обратная связь.

Направлениями институциональных преобразований являются: первое – трансформация формальных институтов; второе – создание неформальных институтов, благоприятных для стратегического сотрудничества; третье – ликвидация экономически неэффективных и социально вредных институтов; четвертое – разрушение функциональных вертикальных и горизонтальных связей и организаций, которые воспроизводят дисфункции институты или институты теневой экономики. При этом, чем активнее проявляются функции государства как в спецификации, так и в защите прав собственности, тем

многоуровневая внутренняя структура государства, а также более количественно число его государственных и муниципальных служащих. В этом проявляются трансформационные издержки национальной институциональной матрицы (типа экономических, политических и идеологических институтов), когда существуют различные административные средства торможения сдвига от эффективной (функциональной) нормы к неэффективной (дисфункциональной). Так, сильные институты образования, труда и занятости возможны при формировании системы права, адекватной сложившимся в национальной экономике потребностям общества, эффективность которой достигается результативной деятельностью государственного регулирования (управления и контроля) по ее защите.

Согласно инженерного подхода институты оцениваются с позиций результативности, так как должны обеспечивать повышение эффективности не столько экономического действия самого по себе, сколько институциональной структуры, в которой оно осуществляется. В связи с этим, актуальным становится вопрос о стратегическом сотрудничестве хозяйствующих и социальных субъектов в финансово-экономической и социально-экономической сферах – совокупности форм финансово-экономических и социально-экономических отношений, институтов и неэкономических факторов, включающей: а) формы координации ресурсов образовательных организаций и промышленных предприятий; б) структуру распределения факторов производства человеческого капитала; в) структуру распределения социальных благ (доходов); г) реальные возможности потенциала образовательных организаций и промышленных предприятий, их экономических связей с внешней средой [3].

Современное стратегическое сотрудничество выстраивается в условиях институциональной трансформации национальной экономики российского общества: во-первых, в условиях завершения перехода от редистрибутивной (плановой, командно-административной) к рыночной; во-вторых, в условиях активного перехода от индустриальной (промышленной) к информационной – экономике знаний, основанной на максимизации не столько модернизации существующих, сколько разработке и внедрении принципиально новых технологий, начиная от системы профессионального образования и заканчивая удовлетворением потребительской потребности в произведённой продукции (товаре или услуге) [4]. При разработке и реализации управленческих решений на государственном уровне следует учитывать, что стратегическое сотрудничество, непрерывное профессиональное образование, индивидуальные образовательные траектории, административно-должностные и профессионально-квалификационные карьерные траектории, технологические инновации на промышленном предприятии – это социально-экономические процессы, которые тесно взаимосвязаны между собой. При чем, интеграционные процессы с развитием стратегического сотрудничества хозяйствующих и социальных субъектов все более приобретают институциональные черты.

В стратегическом сотрудничестве одной из главных его задач является достижение взаимной выгоды участников проекта от организованного ими экономического взаимодействия, специфика которого обуславливается состоянием: во-первых, промышленного рынка и рынка образования; во-вторых, институциональных механизмов взаимодействия – сотрудничества образовательных организаций и промышленных предприятий в форме стратегических альянсов, союзов, ассоциаций и т.п.; в-третьих, технологических нововведений, сокращающих жизненный цикл воспроизводственных элементов (инвестиционных товаров); в-четвертых, производственной потребности в проектах технического перевооружения; в-пятых, технологического прогнозирования технического перевооружения промышленного предприятия и стратегического планирования его взаимодействия с образовательными организациями, обеспечивающими под эти задачи человеческим капиталом.

Однако, нельзя игнорировать проблемы их стратегического сотрудничества, такие как: а) предоставление прав (свобод) гражданам в выборе образовательной организации, профессии (специализации, квалификации), а также трудоустройства по профилю профессионального образования или обучения; б) установление автономности и ответственности образовательных организаций как производителей и промышленных предприятий как потребителей человеческого капитала; в) установление жестких бюджетных ограничений; г) трансформация регулирующих функций государства. При этом, установление автономности и ответственности происходит в условиях жестких бюджетных ограничений, что востребует инновации институционального контроля государства, не снижающего открытость и конкуренцию [9].

В стратегическом сотрудничестве современное государственное регулирование характеризуют: 1) государство как экономического и институционального субъекта в системе «знания – стратегическое сотрудничество», альтернативными функциями которого являются: первая – снижение общественных транзакционных издержек («государство-фирма»); вторая – интеграция институционально значимых процессов создания, распространения и использования знаний («государство-фирма-интегратор»); третья – активное монопольное производство собственных знаний; 2) внутренняя институциональная среда: на макроуровне – тип национальной институциональной матрицы (тип экономических, политических и идеологических институтов); на микроуровне – тип социального капитала (как уровня доверия в обществе в котором высока склонность к экономически значимому обмену знаниями при относительно низких транзакционных издержках) и поведенческой формы (модели нерационального поведения, определяющей предрасположенность экономических агентов к институциональному выбору, обеспечивающему эффективную передачу знаний; 3) взаимодействие государства и внутренней институциональной среды с внешней средой – мировой глобализирующейся экономикой: эффективный

обмен знаниями между обществами («заимствованная модернизация») может состояться или может быть затруднен, что не приводит к усвоению (интернализации) импортируемых эффективных экономических институтов в рамках функционирования национальных формальных и неформальных институтов.

Таким образом, посредством эффективного государственного регулирования и социального контроля общественности достигается стабилизация, но с другой стороны, она является следствием эффектов и рыночного саморегулирования: интеграции – совершенствования и объединения ресурсов и усилий уменьшающих трансакционные издержки, связанные с реализацией нормы; координации – чем последовательнее исполняется норма-правило, тем больший объем ущерба при отклонении от нее; сопряжения – отказ от исполнения одной нормы влечет за собой ряд изменений и трансформационные издержки; инерции – экономические агенты консервативны и не стремятся менять алгоритмы финансово-экономической и социально-экономической деятельности (стереотипы поведения), ранее доказавшие свою функциональность.

Литература

1. *Зубец А.Н., Новиков А.В.* Качество медицинских услуг, оказываемых российскому населению, в условиях социальных преобразований / Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 2 (26). С. 58-63.
2. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – С. 78 - 80, 117, 129, 165.
3. *Киселева Н.И.* Развитие социального потенциала в инновационных российских кластерах (на примере калужского фармкластера) / Проблемы анализа риска. 2017. Т. 14. № 3. С. 34-45.
4. *Назаренко С.В.* Институт интеллектуальной собственности как социальный контроль в экономике знаний / Экономика. Бизнес. Банки. 2017. Т. 4. С. 39-44.
5. *Назаренко С.В.* Социология: учебное пособие для курсантов военных вузов. Сер. Учебное пособие (2-е изд.). – М.: Питер, 2009. – 496 с.
6. *Оборский А.Ю.* Становление современной науки как социального института / Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 71-79.
7. *Разов П.В.* Социальный институт в системе научного знания: включение в повседневность / Научно-информационный журнал Армия и общество. 2013. № 1 (33). С. 15-20.
8. *Родионова М.Е., Силласте Г.Г.* Социальные риски в условиях финансово-экономических кризисов / Экономика и предпринимательство. 2014. № 7 (48). С. 197-200.
9. *Тюриков А.Г.* Качество человеческого капитала и перспективы социальных инноваций в России / Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10. № 4. С. 24-29.
10. Финансовая социология: Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению «Социология» / Под редакцией А.В. Новикова, А.В. Ярашевой. – М.: Финансовый университет, 2016. – 344 с.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СРЕДСТВАМИ УТВЕРЖДЕНИЯ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»

1. Политика – область интересов

Исходной посылкой исследования проблемы глобализации национальных интересов средствами нового миропорядка служит утверждение, как данности многовековой социально-хозяйственной практики и новейшей истории, безусловного приоритета политики над экономикой. Это означает, что *общественным развитием управляют политико-экономические интересы*. Содержанием политических процессов, во всех случаях, служат противоборство и согласование системной совокупности интересов. Качество политики состоит в искусстве управления обществом с учётом интересов всех его слоёв. В управлении на основе интересов состоят генеральная функция и содержание политики, зрелость и эффективность политических деятелей, агентов, стратегов.

Определение политики связано с этимологией греческого слова *πολιτικός*, где *πολι* (поли) означает *множество*, а *τικός* (тикос) — *интерес*; (дословно — «множество интересов»). Так, государственные служащие в городах древней Греции именовались *политикос*, а граждане, которые мало интересовались и участвовали в политической жизни своего города, именовались *ιδιότηκος* (*идиотикос*) [10].

Государственную политику мы определим как системную, организованную, программную деятельность государства по формированию и осуществлению властных полномочий в национальном сообществе, используемую в качестве механизма и инструментально – методического средства согласования национальных (общественных) интересов в сложившейся производственно-технической и социально-экономической среде.

Согласование интересов не может состояться при безраздельном, доминировании интересов одного или нескольких субъектов. Дискриминация одних интересов другими деформирует и разрушает не только собственные интересы, но и их общую систему. Возможности *осуществления функции воспроизводства жизнедеятельности (то есть интересы)* доминирующих субъектов оказываются необоснованно (зачастую безгранично) расширены, за счет (в ущерб) столь же необоснованного ограничения (отчуждения) функций воспроизводства жизнедеятельности прочих субъектов.

Преодоление данного противоречия может быть обеспечено единственным образом. *Управление национальным сообществом должно осуществляться на основе ассоциирующих (объединяющих) совокупность составляющих его собственных интересов, национального (общественного) интереса – функции воспроизводства жизнедеятельности национального сообщества, его объединения, сохранения, защиты, обеспечения консервативной стабильности и модернизационного развития.*

Непризнание политической и бизнес элитой роли национального интереса, его отчуждение всегда имеет для общества деструктивные последствия. Доминирование интересов лишь одной группы политических сил в социально-хозяйственном процессе может означать лишь то, что не политика служит обществу, а общество обслуживает политику. В этом случае политика превращается в самодостаточный процесс и отрывается от интересов общества. Зацикленная в границах ортодоксальной идеи, отчужденная от общества политика конфронтует с обществом, в силу чего реализуется как деструктивная.

Продуктами и адептами конфронтационной («оседлавшей» общество) политики служат олигархические структуры – властные и бизнес элиты (глобальные, национальные, региональные, местные). Главным смыслом политического процесса, в данном случае, является обеспечение условий роста и присвоения олигархическими группами маржинальных доходов. Мировоззрение и социальный образ действий олигарха подобны модели поведения корсара. Олигарх позиционирует себя как Богом избранную персону, миссия которой в собственной стране и мире состоит, в лучшем случае, в превращении всего, что возможно, в территории собственного бизнеса.

2. Национальные и глобальные интересы

Отчуждение у общества национальных интересов [6], вследствие установления приоритета над ними интересов глобальных [1], несёт в себе, ни много - ни мало, момент отчуждения национальной политики. Возникающий в результате эффект проявляется в деструкции национально-государственных образований, их социальной и хозяйственной жизнедеятельности.

Современная политика, реализуемая в России, во многих своих проявлениях противоречит ее национальным интересам. Одной из основных причин такого положения дел является то, что в современном глобальном политическом процессе доминирующей тенденцией служит ожесточённое столкновение и противоборство интересов. Оно проявляется в экспансии мировой финансовой системы [5] в отношении национальных, социально-хозяйственных систем. Обострение этого противоречия носит выраженный деструктивный характер: под воздействием глобальных процессов национальные хозяйственные системы дестабилизируются и разрушаются.

Мы далеки от мысли о том, что причины проблем в развитии российской экономики носят исключительно экзогенный характер. Эндогенные факторы существенны. В хозяйственном развитии современной России национальные интересы дискриминируются интересами госкорпораций, олигархических кланов, топ менеджмента и финансово-корпоративных элит в центре и на местах. Реализация интересов данных групп ориентирована на извлечение основной массы доходов из национального хозяйства и приобретение благ, а также инвестирование преимущественно за рубежом, в регионах с политически и институционально благоприятным, инвестиционно-привлекательным климатом, включая прямую офшоризацию российской экономики.

Сложившаяся в современной России хозяйственная система характеризуется отсутствием стратегической направленности на определение содержания и реализацию её национально-государственных (общественных) интересов. Об этом свидетельствуют:

- серьезные проблемы в ее демографическом развитии [2];
- деструктивные тенденции, доминирующие в развитии отраслей инфраструктуры, промышленности, социальной сферы и культуры;
- деваستация малых и средних городов, сельских поселений – динамичные сокращения освоенных и нарастание дефицита пригодных для жизнедеятельности территорий национального пространства (уничтожение провинции) [8];
- приоритетные национальные проекты, которые по своим целям и результатам расходятся с национальными интересами [7];
- разрушение и деградация условий жизнедеятельности в мегаполисах, крупных, средних и малых городах, сельских районах (в многообразных сферах и аспектах: экологии, безопасности, инфраструктуры и коммуникаций, культурной среды, чрезмерной дифференциации условий жизнедеятельности в регионах-донорах и реципиентах, столице и за ее пределами, в мегаполисах и провинции);
- зашкаливающие межрегиональные социально-экономические диспропорции [4].

В этом смысле российские топ менеджеры, олигархи, представители элит различных уровней из национальных буржуа превратились в агентов мирового финансового альянса [9], для которых национальные интересы, как таковые, чужды и бесполезны. Однако, функционируя в глобальном мире, «власти предрержащие» России в союзе с представителями ее крупного бизнеса, без учета и часто вопреки национальным интересам целенаправленно внедряют здесь, под влиянием и совместно с мировым финансовым альянсом, *новый мировой порядок*.

3. Новый мировой порядок и национальные интересы

Влияние нового мирового порядка на национальные интересы представляет собой глобальный процесс, состоящий в проведении системной, жесткой и агрессивной политики всеобщего подчинения интересов национальных государств глобальным интересам мирового финансового альянса. Новый миропорядок насаждается глобальным финансовым центром, присвоившим статус безальтернативного лидера мирового конкурентного процесса, выступающего в роли глобального правительства и доминирующего бенефициара.

Основой продвижения нового мирового порядка стало изменение философии развития межгосударственных отношений и самих государств, глубокие трансформации, произошедшие в институциональной сфере в последние десятилетия 20-го, начале 21 веков. До окончания периода «холодной войны» (до начала 90-х), в мировом сообществе определяющую

роль играл свод законов, сформированных на основе модели международного права. Его субъектами являлись суверенные государства.

Однако в восьмидесятых – нулевых годах в нормах и организации жизнедеятельности мирового сообщества произошла смена приоритетов. Нормы международного права были стремительно отодвинуты на второй план нормами «защиты прав человека». Прежде государства были относительно независимы и суверенны. Происходившие в них процессы и события, как правило, признавались их внутренними делами.

В новых условиях, международное право и государственные суверенитеты, сами по себе, не в тренде. Они бывают востребованы и активно отстаиваются лишь в случаях, когда это продиктовано интересами глобального центра. Реализуемая международными надгосударственными структурами доктрина защиты прав человека предписывает мировому сообществу активно действовать, постоянно вмешиваясь во внутренние дела государств, вводя санкции, организуя и поддерживая гражданские, гибридные, террористические войны, территориальные расчленения стран. При этом широко используется политика двойных стандартов, позволяющая глобальным игрокам в своих интересах манипулировать нормами международного права, информацией, отстаивая либо отвергая национальные суверенитеты.

Изменения, которые привносятся новым мировым порядком в общественное сознание и образ жизни, с позиций здравого смысла и традиционного мировоззрения иррациональны. Под эгидой безграничного расширения либеральных ценностей, защиты прав и свобод человека в общественное сознание агрессивно внедряется идеология нового мирового порядка. Упраздняются общепринятые мировоззренческие и моральные нормы, традиции, понятия, установки. Происходит их замена новыми моделями социального поведения, неприемлемыми с позиций традиционных представлений о нравственных и моральных нормах.

Системное воздействие осуществляется институциональными и психолого-идеологическими средствами. Цель – изменение общественного сознания – достигается технологичным, массированным применением информационных ресурсов. Перманентное проведение глобальных по масштабам, тенденциозных информационных кампаний, внедряющих в общественное сознание мироощущения, соответствующие доминирующим интересам глобального центра. Таковыми (мироощущениями) служат: социальные фобии; психология и нормы поведения меньшинств и маргинальных групп, «предписанные» обществу; убеждения об источниках угроз и вызовов, странах и индивидах – олицетворениях добра и зла, «друзьях и врагах», объектах преследования (вплоть до ликвидации) и поощрения.

Совершенно очевидно, ни один народ (в глобальной политической драматургии народ даже не «безмолвствует», а, вообще, отсутствует, поскольку никого не интересуется) на такие перемены никогда не давал своего демократического согласия. Однако, в XXI веке, подобно тому, как это было в средние века, процветает своего рода *экзорцизм*, «изгнание бесов» из

одержимых идей сохранения и защиты традиционного, естественного порядка вещей, с помощью новейшей «религии».

Результатом внедрения нового миропорядка служит *создание нового вида человека, психологически и социально дезориентированного и нестабильного*, не находящего в современном мире собственной идентичности - ни половой, ни социальной. Достаточно того (вопреки мнению церкви!) что, в соответствии с ценностями нового миропорядка, гендер стал чрезвычайно мобилен. Социальный пол утратил зависимость от биологического. Вместо традиционных двух (на всякий случай вспомним: «мужского» и «женского»), признаны порядка шести полов; вместо отца и матери приняты «родители №1 и №2»; вместо беременных женщин принято говорить беременные люди, чтобы не оскорбить чувства представителей многообразных сексуальных ориентаций; а чего стоят узаконенные однополые браки, современный безграничный, безудержный, всеокрушающий феминизм [3].

Обобщая изложенное отметим отчетливый, нарастающий тренд на уничтожение «глобальным финансовым центром» сложившихся представлений и форм организации социально-экономической жизнедеятельности посредством системного внедрения институтов деструкции и продвижения многообразных рецидивов – переключений:

- от международного права, к единому новому мировому порядку;
- от национальных суверенитетов и прав государств на самоопределение, к защите прав человека;
- от народов и наций, к единому мировому сообществу;
- от приоритета национальных интересов к доминирующей роли интересов альянса мировой финансовой элиты;
- от равноправия полов к их тождественности и «гендерному мейнстримингу»;
- от относительной свободы слова и информации к их практически полному подчинению глобальным интересам, доминирующим в информационном пространстве, что делает возможным и допустимым любые манипуляции информацией: от искажения роли и содержания событий, до информационных войн и управления мировоззрением мирового сообщества;
- в конечном итоге, *через формирование нового, психологически и социально дезориентированного и нестабильного индивида к доминированию интересов мирового финансового альянса над национальными и частными интересами посредством их подавления, деструкции и подчинения*. В последнем и видится смысл ускоренного перехода к новому мировому порядку.

В сложившемся миропорядке, «маятник» глобального мейнстрима из одного крайнего положения *движения к мировому господству* – «битвы, под эгидой СССР, за идеалы мировой революции в XX в.» (политической, но, в принципе, не экономической идеи) - сегодня переместился в противоположную крайнюю позицию - «битвы, под эгидой США, за глобальную гегемонию доллара» (политической идеи доминирования, по сути, асоциальной и деструктивной глобальной финансовой системы). Такой переход, «от

ортодоксальной политики к ортодоксальной экономике», воспринимается как своеобразный сигнал (привет?!) через столетие из небытия: от вождей социалистических революций неоглобалистам – современникам. Идея «ортодоксализации» глобальной экономики была выражена И.А. Бродским («Речь о пролитом молоке») ещё в 1967: «Вещи больше, чем их оценки. \Сейчас экономика просто в центре. \Объединяет нас вместо церкви, \Объясняет наши поступки».

Изложенное убеждает в том, что *главное противоречие современности состоит и проявляется в подчинении глобальными финансовыми интересами интересов национальных, а так же прочих ассоциированных, традиционно сложившихся интересов.*

В России его (данного противоречия) содержание продиктовано псевдолиберальным порядком, внедренным ещё в 90-х годах на основе Вашингтонского консенсуса (системы институтов деструкции, вирусных институтов). Заведомо неприемлемые преобразования изначально были представлены обществу как необходимые и прогрессивные. При полном отсутствии оснований и условий они были внедрены как реформы (реформирование, в принципе, должно происходить с целью улучшений, которые при заведомо вредоносных преобразованиях не реальны) и неуклонно проводятся до настоящего момента. Концептуальные положения Вашингтонского консенсуса, в их практическом применении не выдерживают критики.

1. Управление фискальной политикой, ориентированной на поддержку минимального дефицита бюджета в условиях двух кратного сокращения уровня промышленного производства в России 90-х годов означало установление полной финансовой зависимости России от внешнего финансирования.

2. Приватизация с последующей обязательной охраной права собственности и юридическим его закреплением означала экономически и социально не обоснованную, бесконтрольную «раздачу» активов, включая стратегические, с сугубо политической целью, достижения «точки невозврата» и укрепления власти, внедрённой глобальным центром.

3. Свободный, нерегулируемый курс валют послужил созданию идеальной среды для валютных спекуляций в финансовом секторе и бесконтрольной высокой волатильности на рынках валют.

4. Полная либерализация экономики в неконкурентной среде означала доминирование монополий в лице органов власти, естественных и иных корпоративных структур.

5. Снятие ограничений с импорта товаров дало неограниченные преференции импортёрам и обеспечило дискриминацию российских товаропроизводителей.

6. Определение в качестве приоритетных направлений развития: науки, культуры, здравоохранения - в условиях бюджетного дефицита, сокращения бюджетного и внебюджетного финансирования социальной сферы и коммерциализации социальных услуг вообще носит демагогический характер.

7. Минимальное вмешательство государственных служб в процессы регулирования рынка означает создание дикого, нецивилизованного рынка и не соответствует мировой практике, во всех развитых странах рынок строго институционален.

В современной России преодоление глобального диктата требует:

— свободы от внешнего управления, институтов деструкции, насаждённых глобальным центром и самоуправления государства средствами свободной национальной политики;

— доминирования национально-государственных интересов в качестве определяющей национальной идеи развития;

— политики роста, производства и потребления продукции отечественных производителей, создания рабочих мест в отраслях переработки и сельского хозяйства, освоения собственных ресурсов (природных, территориальных, энергетических, финансовых, трудовых и пр.;

— фискальной политики, ориентированной на рост экономики, а не на минимум бюджетного дефицита;

— рационального и взвешенного, деидеологизированного, институционального подхода к вопросам собственности;

— ограничения возможностей извлечения спекулятивных доходов на финансовых рынках и на рынках посреднических услуг;

— ограничения монополистической деятельности на рынках, как необходимое условие либерализации экономики;

— защиты внутренних рынков и отечественных товаропроизводителей;

— существенного расширения бюджетного финансирования науки, образования, здравоохранения, социальной сферы;

— защиты государственности и поддержания высокого уровня обороноспособности;

— рационального согласования государственного управления с конкурентным развитием на основе использования прогрессивного международного опыта.

Литература

1. Глобальные интересы - это... Что такое глобальные интересы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://universal_ru_en.academic.ru/888614/глобальные_интересы

2. Демографический кризис в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

3. Катрин Денев извинилась перед жертвами сексуальных домогательств и объяснилась по поводу письма в поддержку мужчин время публикации: 15 января 2018 г., 13:22 | последнее обновление: 15 января 2018 г., 14:46 <https://m.newsru.com/cinema/15jan2018/apologise.html>

4. Киселева О.В. Регионы России: диспропорции в инвестиционной активности // Российское предпринимательство. — 2012. — № 19 (217). — с. 126-130. — <http://www.creativeconomy.ru/articles/25242/>; Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>; http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/24-03.htm; http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/24-05.htm

5. Мировая финансовая система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globfin.ru/articles/finsyst.htm>

собственном электронном кошельке можно увидеть транзакцию, в которой вы получили свой первый биткойн.

Очень часто отмечается необходимость рассматривать применение технологии блокчейна не только в качестве основы для виртуальных денег и исследовать потенциальные возможности ее применения за пределами денежных платежей [1].

Резервирование данных с помощью блокчейна в системах электронного правительства (e-government) сможет решить целый ряд проблем, которые возникают в работе государственных органов в настоящее время. Граждане не чувствуют обратной связи со своими правительствами, что способствует повышению общего уровня бюрократии. Поэтому перевод государственных услуг в цифровую форму в целом, а особенно с применением для этого блокчейн-технологий является чрезвычайно интересным процессом для наблюдения.

Блокчейн-технология считается главной инновацией биткойна, потому что именно служит «не требующим доверия» (*trustless*) механизмом верификации всех транзакций в сети. Принципиальное новшество блокчейна заключается в его архитектуре, обеспечивающей возможности децентрализованных транзакций, не требующих доверия. Вместо того чтобы устанавливать и поддерживать доверительные отношения с партнером по транзакции (другим человеком) или сторонним участником-посредником (например, банком), пользователи полагаются на общедоступную распределенную базу данных, хранимых на многих децентрализованных узлах и поддерживаемых «майнерами-бухгалтерами». Блокчейн позволяет избавиться от «доверенных посредников» и полностью децентрализовать транзакции произвольных типов между любыми участниками в глобальном масштабе.

Технически блокчейн-технология привносит в интернет совершенно новое звено поддержки экономических транзакций – как моментальных денежных платежей в универсальной криптовалюте, так и более сложных и долгоживущих финансовых контрактов.

В системе, похожей на блокчейн, могут совершаться транзакции с любыми валютами, финансовыми контрактами, материальными и нематериальными активами. Более того – блокчейн может применяться не только для транзакций, но и для фиксации, отслеживания, мониторинга и совершения операций с любыми активами. По сути, мы имеем дело с громадной электронной таблицей для регистрации всех активов и учетной системой для выполнения операций с ними в глобальном масштабе без ограничений по форме активов, типу участников или географическому положению.

Тем самым блокчейн может стать средством регистрации, учета и обмена любых финансовых, материальных (имущество) и нематериальных (права голосования, идеи, репутация, намерения, медицинские данные и другие) активов.

Многие страны пытаются подвести биткойн (и цифровые валюты в целом) к своим существующим регулятивным нормативам, зачастую обнаруживая, что

криптовалюты не вполне соответствуют им, и, наконец, приходят к выводу, что криптовалюты имеют много особенностей, поэтому, для них может потребоваться новое законодательство. Одни страны, например Великобритания, считают биткойн валютой (и не облагают НДС операции покупки-продажи биткойнов), другие же страны, например Австралия, не смогли определить биткойн как валюту из-за законов об эмиссии и потому облагают операции с биткойнами НДС или налогом на продажу.

Налоговое управление США рассматривает биткойн как актив, подобный ценным бумагам, а не как деньги, подразумевая, что транзакции в биткойнах облагаются налогами на прирост капитала. С их точки зрения виртуальные валюты являются активом, а не валютой.

С самого начала предполагалось, что биткойн будет не просто валютой. В процессе разработки протокола в него была встроена функциональность программируемых денег и контрактов. В 2010 году Сатоши Накамото заявил следующее: «Архитектура [криптовалюты] поддерживает огромное разнообразие транзакций, которые я разработал несколько лет назад – эскроу-транзакции, гарантийные контракты, трехсторонний арбитраж, многосторонняя подпись и т.д. Если биткойн станет популярным, то придет время для использования этих функций, но, чтобы они были доступны в дальнейшем, важно было изначально предусмотреть их». Концепции и структура, разработанные для биткойна, очень мобильны и легко расширяются.

Блокчейн 2.0 – вторая важная ступень в развитии блокчейн-индустрии, которая осенью 2014 года все еще была в фазе активного формирования. Так как пространство Блокчейн 2.0 еще разрабатывается, существует множество различных его категорий, описаний и концептуализаций. Стандартные классификации и определения все еще формируются. Некоторые термины, в широком смысле слова, относящиеся к пространству Блокчейн 2.0, могут включать в себя Биткойн 2.0, протоколы Биткойн 2.0, умные контракты, умные активы, децентрализованные приложения (Dapps), децентрализованные автономные организации (DAO) и децентрализованные автономные корпорации.

Блокчейн 1.0 предназначен для децентрализации денежных расчетов, а Блокчейн 2.0 – для децентрализации рынков в более широком аспекте. Он поддерживает переводы через блокчейн множества других видов активов помимо валюты, от момента создания любой единицы стоимости до момента ее перевода или деления.

Основная идея состоит в том, что с помощью функции децентрализованного журнала записей транзакций можно регистрировать, подтверждать и передавать все виды контрактов и собственности.

Сатоши Накамото называл сделки эскроу, гарантийные обязательства, трехсторонний арбитраж и многостороннюю подпись. Блокчейн позволяет переопределить все виды финансовых транзакций, включая операции с ценными бумагами, акциями и долями компаний, инструментами краудфандинга, долговыми обязательствами, взаимными фондами,

аннуитетами, пенсионными фондами и разного рода производными финансовыми инструментами (фьючерсы, опционы, свопы и прочее).

В распределенный журнал записей можно перемещать и общедоступные документы: свидетельства о праве собственности на земельные участки и недвижимость, свидетельства о регистрации транспортных средств, бизнес-лицензии, свидетельства о браке и свидетельства о смерти. С помощью блокчейна можно подтверждать цифровые удостоверения, например водительские удостоверения, удостоверения личности, паспорта и свидетельства о регистрации избирателя. Можно хранить и частные документы, например долговые расписки, займы, договоры, пари, подписи, завещания, доверенности и эскроу. Посредством блокчейна может выполняться заверка страховых свидетельств, свидетельств о собственности и нотариальное заверение документов.

Нематериальные активы, например патенты, торговые марки, авторские права, брони и доменные имена, также могут быть защищены и передаваться через распределенный журнал записей. Например, чтобы защитить изобретение, можно вместо регистрации торговой марки или патента закодировать его в распределенном журнале записей, с отметкой даты и времени. Так можно будет подтверждать существование изобретения на определенный момент времени.

Блокчейн-технология может быть использована для ведения реестров любых видов, инвентаризации и учета операций с активами в финансовой сфере, различных отраслях экономики и при денежных расчетах; в операциях с реальными (предметы физического мира) и нематериальными (голосования, идеи, репутация, намерения, медицинские данные и информация) активами. Такое использование блокчейн-технологии создает возможности для развития различных классов приложений во всех сегментах бизнеса, связанных с деньгами, рынками и финансовыми сделками. Актив, представленный на блокчейне, становится умным активом, сделки с которым можно совершать посредством умных контрактов.

Основная идея умных активов – осуществление сделок с любой собственностью в моделях на основе блокчейна. Активы могут быть как материальными (дом, автомобиль, велосипед, компьютер), так и виртуальными, такими как акции, заказы или авторское право (книги, музыка, иллюстрации и цифровые художественные изображения).

Одним из примеров использования блокчейна для управления художественными изображениями с ограниченным тиражом и их передачи является Swancoin, где иллюстрация, выполненная на лакированной фанере размером 30 × 30 см, доступна для покупки и передачи. Все активы можно зарегистрировать в распределенном журнале записей, а собственностью на них могут управлять все обладатели секретного ключа. Владелец может продать актив, передав секретный ключ другому лицу. Таким образом, умный актив – это актив, владение которым регулируется посредством блокчейна с использованием контрактов в соответствии с действующим законодательством.

Например, умный контракт, настроенный соответствующим образом, может автоматически передавать собственность на транспортное средство от финансовой компании физическому лицу после выполнения всех выплат по займу, что автоматически подтверждается другими умными контрактами на блокчейне. Аналогично можно, скажем, изменять процентные ставки по ипотеке в умном контракте на основе блокчейна, проверяя заранее указанный в контракте веб-сайт или элемент данных для получения процентной ставки на определенные даты в будущем.

Идея умного актива заключается в том, чтобы управлять собственностью и доступом к активу, зарегистрировав его в качестве цифрового актива в блокчейне и имея доступ к секретному ключу. В ряде случаев реальные активы могут в буквальном смысле слова управляться с помощью блокчейна. Смартфон может разблокироваться после подтверждения цифрового удостоверения пользователя, закодированного в блокчейне.

Блокчейн-технология позволяет организовать проверку подлинности удостоверения и верификацию доступа более тонкими, гибкими и настраиваемыми в реальном времени способами, чем те, что используются сейчас. Это достигается путем изящной интеграции существующих аппаратных решений и цифровых программных интернет-технологий.

Сделки с умными активами с помощью блокчейна – это совершенно новая идея, к которой пользователи пока еще не привыкли. Закодированные права собственности реализуются с помощью кода. Код запускается автоматически технической инфраструктурой – это значит, что он запрограммирован работать в зависимости от заложенного кода, и не может отклоняться от него. Если кодом предусмотрена передача собственности, она не может не произойти. Таким образом, умные активы на основе блокчейна подразумевают возможность реализации распределенных децентрализованных систем управления активами, а также активов, реализуемых с помощью кода. Это может привести к существенной трансформации законодательства в сфере владения собственностью и к упрощению любых операций с собственностью.

Принцип децентрализации журнала записи транзакций, лежащий в основе блокчейн-технологии, – это главный фактор в контексте умных активов и умных контрактов.

Придание объекту собственности тех или иных умных свойств дает возможность проводить операции с такими объектами, не требуя высокого уровня доверия. Это снижает затраты на страхование от мошенничества и неправомерных действий, но что еще важнее – это дает возможность оперировать куда более значительными суммами, чем было принято ранее, так как сторонам нет нужды доверять друг другу. Например, можно одалживать деньги через интернет, используя в качестве залога умные активы заемщика, благодаря чему кредитование становится более конкурентоспособным и выгодным.

Кроме того, существует вероятность, что благодаря умным контрактам, исполняемым в децентрализованных сетях, может существенно уменьшиться количество судебных споров.

Как известно, больше всего судебных процессов приходится на споры, связанные с договорами – 44 % в США и 57 % в Великобритании. Этого можно избежать за счет более высокой точности составления соглашений и внедрения автоматизированных механизмов их исполнения. Ник Сабо, популяризатор криптовалют и теоретик умных контрактов, считает, что проблема контрактов связана с более широкой проблемой неэффективного (то есть иррационального) принятия решений. Данную ситуацию можно исправить с помощью таких автоматизированных механизмов, как умные контракты.

Подводя итоги, можно отметить, что определение для технологии блокчейна давались неоднократно, и все же блокчейн - это безопасная, распределенная, открытая и недорогая технология баз данных, что, возможно, делает ее идеальным инструментом для модернизации государственных услуг в электронном правительстве.

Существует много сфер, готовых к экспериментам и инновациям, и все же несколько из них можно выделить как идеальная среда для применения блокчейн-технологий.

Первая и самая очевидная область применения блокчейна в электронном правительстве включает в себя все, что связано с проверкой и регулировкой различных типов деятельности - это лицензии, разрешения, различные типы транзакций, процессов, событий. Эта технология позволяет удобное, безопасное и прозрачное управление такими процедурами.

Кроме того, блокчейн является идеальной средой для хранения прав собственности на любые физические активы - различных реестров недвижимости и земельных участков. Безопасность такой электронной идентификации является бесспорной, применение блокчейн-технологий может позволить всем гражданам пользоваться публичными сервисами без опасений. Она будет функционировать подобно обычному паспорту и обеспечит ее владельцам доступ к широкому спектру услуг.

Литература

1. Биткоин. Больше чем деньги/А.Форк- ОАО Тверская областная типография, 2014-С.280.
2. Блокчейн. Схема новой экономики / М. Свон — «Олимп-Бизнес», 2015 – С. 154.
3. Цифровое Золото. Невероятная история биткойна или о том, как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново / Н Поппер — Вильямс, 2016 – С. 350.
4. <https://blockchain.info>.

7. НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ «ТЕОРИИ ВРЕМЕНИ»

Будкевич Г.В.

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ ...

Современная геополитическая ситуация в мире характеризуется углублением системного кризиса, усилением межстрановой конкурентной борьбы, нарастанием неопределенности, рисков и нестабильности во всех сферах и на всех уровнях экономики и общества. Ситуация усугубляется тем, что большинство ученых, менеджеров и политиков являются приверженцами теоретических догм рыночного фундаментализма (либерализма). Их действия и решения базируются на концептуальном непонимании сути происходящего в глобальной экономике. В связи с чем, сегодня встает задача мировой и отечественной научной мысли преодолеть догматизм экономического мышления, вырваться из порочного круга, носившего со второй половины XVIII века название «laissez faire», согласно которому рынки должны быть максимально свободными от стороннего управления. Сегодня стоит задача разработать новую научную парадигму, адекватную информационно-цифровой эпохе в рамках нового, перспективного, динамично развивающегося междисциплинарного научного взаимодействия, обеспечивая тем самым новый идейно-концептуальный принцип современного развития в эпоху перемен. Данный принцип должен базироваться на соединении философии, науки и современных перспективных технологических прорывах. Для реализации данного выбора следует освободиться от многих мифологических «благоговейно» принимаемых представлений, при этом унаследованные взгляды и понятия должны быть освобождены от своей мифологической формы и рационально объяснены. Другими словами, цивилизация вступила в период поиска нового глобального общественного устройства и потребовала переосмысления парадигмального подхода. Здесь уместно вспомнить слова Пригожина о том, что вне равновесия материя прозревает, придав прозрению смысл величия необходимой информации в сочетании с самоорганизацией.

До последнего времени междисциплинарный подход понимался как независимое исследование одной и той же проблемы разными дисциплинами, а не как конкретный вклад различных дисциплин на разных стадиях исследования проблемы на единой методологической основе. Однако успешным примером второй формы такого взаимодействия в историческом аспекте может послужить вышеперечисленное взаимодействие.

Реальный мир и знание о нем взаимообусловлены и пересекаются, потому что они есть всего лишь различные интерпретации одного и того же. Это пересечение реализуется в интеграции таких направлений развития науки как

философия и гуманитарные науки. Их можно охарактеризовать как систему взаимодействия мировоззренческих универсалий в сочетании с категориями и идеальными моделями реальности. Универсалии выполняют функции отбора социального опыта, формируя тем самым категориальные структуры сознания, отражающиеся в мировоззренческой позиции. С данной точки зрения, универсалии становятся базисными ценностями осмысления экономической реальности и развития экономического знания. Если же взять экономическую науку, как особый объект методологической рефлексии, то в ней цели теоретического анализа варьируются в зависимости от мировоззренческих позиций. Философия же прослеживает, как изменяются универсалии, придавая им новые смыслы, в зависимости от изменения реальности, тем самым она изменяет методологические установки экономического знания в соответствии с реальной картиной мира: эмпирические установки требуют выдвижения определенных научных фактов или предвидений, рационалистические установки, обобщающих выводов: законов, теорий.

Тем самым философия познания обеспечивает особую форму самосознание человеческой жизнедеятельности. Ведь название философии переводится как любовь к мудрости – «любомудрие», а мудрость всегда стремится к глубокому системному пониманию действительности.

А действительность характеризуется устойчивым спросом на качество человеческого и социального капиталов. Это связано с тем, что эти две специфические формы капитала устраняют физический предел экономического развития, обладая свойствами обеспечивать потоки запаса и дохода. Так как данные формы реализуются самим человеком, то воплощенные в нем запасы здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций содействуют росту производительности труда, принося индивидууму, регулярный доход в форме возрастающей заработной платы или дивидендов на протяжении всей жизни, обеспечивают динамику потребительского спроса, а, следовательно, способствуют инвестиционной активности и экономическому росту в будущем. В связи с чем, социальная политика, обеспечивающая генетическую природу, физические и психические качества человека являются главной задачей государственной политики. Уникальность нынешней ситуации в России состоит в том, что в условиях затянувшегося экономического кризиса страна недостаточно эффективно использует этот имеющийся в наличии перспективный высокопроизводительный резерв экономики, способный обеспечить развитие экономики РФ в новой экономической реальности. Для России в создавшихся условиях единственным выходом из затяжного кризисного состояния может быть механизм, который обеспечит опору на внутренний рынок на базе развития национального человеческого капитала, и его социальной основы. К сожалению, российское государство, несмотря на все потуги, современный аттрактор экономического развития ориентирует по-прежнему в основном на экспортную модель экономики, ожидая повышения цен на нефть. Такая позиция основывается на устоявшемся мнении, что основным источником энергии будут невозобновляемые естественные ресурсы:

нефть, газ, уголь, в основе использования, которых лежит двигатель внутреннего сгорания, что технологии не заменят бензин, что экспортная модель энергоресурсов будет составлять долгосрочное величие России.

Но остаются российские проблемы: северные территории, Сибирь, полоса среднего Нечерноземья со всеми проблемами природных катаклизмов, обрушившихся на эти районы за последние месяцы и годы. Следует отметить, что основной причиной этих бед является недоразвитость всех видов инфраструктуры в РФ, включая цены и поставки на электроэнергию, отрасли по поставкам тепла, дефицит услуг железнодорожного, авиационного и автомобильного транспорта, нехватка логистических центров в условиях новых трансформаций. Казалось бы, что системное обеспечение решения этих проблем могло бы стать форпостами экономического развития страны, обеспечивая создание современных производств с высокопроизводительными рабочими местами, потенциал которых заложен в обрабатывающей промышленности, решая проблемы занятости, мобильности трудовых ресурсов и благосостояния дотационных регионов РФ. Да, инфраструктурный рывок для нас задача № 1. И мы строим дороги, мосты, нефтегазовые проводы, реализуем проекты транспорта, связи, автопрома, судо- и самолетостроения, Интернета и даже 3Д принтеров и т.д. И ни слова об обновлении основных фондов, которые более чем на 70% устарели, как морально, так и физически.

Начиная с 90-х годов XX века в США стало активно развиваться новое междисциплинарное направление научных исследований, которое можно обобщенно назвать «наукой о хаосе» или «наукой о сложном» (complexity sciences). Предметом ее исследования являются системы с нелинейной динамикой, неустойчивым поведением, эффектами самоорганизации, наличием хаотических режимов, бифуркациями.

Значительный вклад в разработку основатель концепции управляемого хаоса внес американский исследователь Стивен Манн. Он опубликовал в журнале Национального военного колледжа в Вашингтоне работу «Теория хаоса и стратегическая мысль», в которой прямо говорит о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создании хаоса» у противника как инструмента обеспечения национальных интересов США (1). Главная цель исследований – это использование теории управляемого хаоса для разработки механизмов и методов обеспечения гиперконкурентного доминирования и успешного решения прикладных военно-политических задач США на мировой арене.

Наука о хаосе определяется с точки зрения С.Манна четкими ключевыми принципами:

- теория хаоса прилагается к динамическим системам – системам с очень большим количеством подвижных компонентов;
- внутри этих систем существует непериодический порядок, по внешнему виду беспорядочная совокупность данных может поддаваться упорядочиванию в разовых моделях;

- подобные «хаотические» системы показывают тонкую зависимость от начальных условий; небольшие изменения каких-либо условий на входе приведут к дивергентным диспропорциям на выходе;

- тот факт, что существующий порядок подразумевает, что модели могут быть рассчитаны как минимум для более слабых хаотических систем.

В условиях обостряющейся борьбы за ресурсы между основными мировыми лидерами США, Европой, Китаем и Россией мы видим реализацию американским истеблишментом стратегии управляемого хаоса. Пришедший к власти 45-й Президент США Д.Трамп как опытный менеджер – миллиардер, ставя перед собой цель оставить на планете Земля 1 золотой миллиард, рассматривает США как отдельную фирму и соединяет основные принципы менеджмента с теорией хаоса. Управляемый хаос он применяет во внешней политике США, ослабляя сильных конкурентов и страны среднего звена, обладающие запасами нефти и газа, такие как Украина, Сирия, Ливия, Афганистан, Иран, включая Россию. А во внутренней политике укрепляет экономику страны. В США провозглашена инфраструктурная революция, согласно которой должна быть обеспечена тотальная замена устаревшего технически и морально оборудования и технологий современными. Революционным призывом Д.Трамп задает новый стандарт качества жизни среднего звена американцев, решая проблему занятости, обеспечивает развитие обрабатывающей промышленности на территории страны и рост ее производительности, и предоставление необходимого количества потребления дешевой энергии. В условиях 70% устаревшего оборудования нам тоже необходимо менять все и полностью, а мы озабочены экономией бюджетных средств, которая преимущественно происходит за счет сокращения расходов на развитие человеческого капитала и использования резервного фонда.

Да, в 2017 году наметился определенный позитивный сдвиг в динамике реального производства. Но уже к концу года Росстат вынужден был опубликовать отчет, в котором говорилось, что промышленное производство в России к концу 2017 года снизилось на 2,7%. При этом россияне на начало декабря 2017 года увеличили свои сбережения до 29,5 трлн. рублей. (7) Об этом говорится в данных Росстата: Рост составил 13,9% при том, что инфляция в прошлом году была всего лишь 2,5%..

Следует отметить, что ВВП России демонстрирует тенденцию к улучшению ситуации в российской экономике. Экстраполяция этой тенденции на 2018 год выводит экономику на цифру роста, равную 2,2%. Переход экономики к росту – весомый повод радоваться достигнутому результату. Одним из классических положений макроэкономики является: изменение различных макроэкономических переменных на разных фазах экономического цикла происходит синхронно (почти). Однако товароборот розничной торговли, который максимально четко отображает потребительское поведение россиян, отстает от роста ВВП за счет роста сбережений. О чем это говорит? О том, что населения в условиях неопределенности не спешит расставаться со своими доходами, снижая потребительский спрос, являющийся мотивацией для

предпринимательской активности, критически оценивая предвыборную активность государства, в условиях отсутствия системной стратегии технологического обновления реального производства и диспропорциональность I-го и II-го подразделений. Объективный результат: снижение инвестиционной активности.

Значительный вклад в рост ВВП России вносят госрасходы на инвестиционные мегапроекты (мосты, стадионы и т.д.). При этом прибыльность последних роли не играет, в расчет ВВП идет только их заложенная стоимость. А она – высокая (зачастую пересматривается в сторону роста их стоимости), что и дает прирост ВВП при росте госрасходов. Но большая часть результатов этих мегапроектов не отражается на доходах и, следовательно, расходах граждан. Доля зарплат в этих проектах мала, а мультипликативный эффект не наблюдается. Таким образом, рост ВВП, полученный за счет роста этих госрасходов, не приводят к росту благосостояния страны, обеспечивая эффект вытеснения, а значит и снижению в потребления граждан. При этом монетарные власти не хотят учитывать, что рост потребительских цен происходит во многом за счет индексации тарифов госмонополий. В частности, каждый год резко поднимаются цены на ЖКХ, автоперевозки, ж/д тарифы и т.д. Все это очевидным образом сказывается на результатах деятельности предприятий всех секторов экономики, которые вынуждены поднимать цены за счет роста издержек. Результат: снижение возможностей инвестиционной активности и дефицит свободных денежных ресурсов, которые, они могли бы вложить в развитие высокотехнологического производства, формируя достойное состояние реального производства РФ.

Ситуация усугубляется тем, что в 2017 г., согласно новой методике ФСГС РФ, число бедных к концу 1 полугодия составляло в РФ 15,1%. Это означает, что по старой методике их численность оценивается примерно в 19–20% населения страны. При этом численность бедных в России за последние 2,5 года выросла вдвое. В результате общая численность бедных и находящихся на «черте бедности» россиян составляла осенью 2017 г. почти треть населения. Следует заметить, что логика бюджета 2018 года не слишком отличается от логики 2017 года. Сохранен рост расходов на оборону и падение на науку, медицину и образование. При этом активно анонсируется снижение нефтяной зависимости. Действительно, доля прямых нефтяных доходов в федеральном бюджете может сократиться с 51% до 44%, но если цена на нефть останется в пределах 60 долл. за баррель, то излишек свыше 40 долл. пойдут в фонд национального благосостояния, а не на обновление технологий реального сектора экономики (5).

Кейнс, когда разрабатывал свою теорию, ориентировался на решение конкретных проблем, вставших перед британской экономикой в пору Великой депрессии начала 30-х годов: безработица и падение производства. Анализ российской ситуация подводит нас к выводу о необходимости поиска вслед за Кейнсом решения конкретных экономических проблем сегодняшней РФ. Как же можно решить все вышеперечисленные проблемы? Для их решения

необходимо, прежде всего, переформатирование менталитета всех субъектов экономики.

В условиях "Великой депрессии" понимание необходимости смягчения классовых борьбы и последствий первого мирового экономического кризиса потребовало от истеблишмента западных стран изменения тактики, определяющей общественные отношения между трудом и капиталом, в результате появляется кейнсианство, нашедшее эффективные методы противостояния наметившимся тенденциям. Заслуга Дж.М.Кейнса (6) состоит в том, что он показал, что в современных условиях автоматического восстановления нарушенных пропорций не происходит между основными параметрами воспроизводственного процесса. Рыночные регуляторы оказываются неспособными обеспечить равновесие. В соответствии с кейнсианской концепцией разрулить наметившиеся противоречия должно государство, обеспечивая умеренно растущие цены и доходы всех субъектов экономики, определяющие потребительский спрос, который обеспечивает инвестиционную активность, расширяющую рамки рынка и позволяющие наращивать объемы производства, способствуя сокращению безработицы и выходу из экономического спада. Именно решение этой проблемы сняло социальную напряженность и обеспечило дальнейшую эволюцию экономики западных стран. Кейнс показал, что эффективность инвестиций постоянно убывает по мере роста инвестиций. Однако рост инвестиций по мере снижения ставки процента не носит устойчивого характера. Другими словами, динамика инвестиций, прежде всего, зависит от уровня ставки процента, а затем уже от уровня средней прибыли. Не все положения работы Кейнса выдержали проверку временем, однако в целом его подходы к данной проблеме сохранили свое значение вплоть до настоящего времени.

Сегодня в условиях экономической нестабильности недостаточно вмешательства государства на основе макрорегулирования или стандартных современных форм промышленной политики. В условиях стагнации российской экономики прогрессивная направленность деятельности государства должна быть направлена на оптимальное соотношение между дирижизмом и либерализмом на стадии макробифуркационного скачка на основе моральной и этической составляющей философии, науки и опережающего развития технологий. Следовательно, основной задачей государственной политики должно стать смещение центра тяжести интересов большого бизнеса в сферу использования интеллектуальных ресурсов и на их базе обновления основных фондов.. Предпринимательский капитал должен переориентировать свой бизнес и понять, что сегодня нельзя добиться успеха за счет добычи и переработки природных ресурсов, которые вместе с физической рабочей силой и капиталом теряют свою значимость. Конечно, для решения проблем внутреннего рынка необходимо развитие сельского хозяйства, но это традиционная основа экономики, а нам нужно опережающее развитие, следовательно, акцент на современные приоритеты инновационного развития на основе формирования конкурентной среды всех форм собственности.

Значит начальным условием выхода из кризисной ситуации является понимание властными структурами объективных зависимостей нелинейного характера, которое может определить цель, а, следовательно, перейти от прогнозов к системной стратегии развития, от констатации фактов к действиям, обеспечивающим долгосрочное развитие экономики РФ. Государство должно взять на себя выполнение экзогенно заданной функции определения необходимого количества денег в экономике, процентной ставки и методов индикативного планирования, обеспечивающие возможность мобилизационного сценария на базе взаимодействия Правительства РФ с профессионалами научных и отраслевых объединений предпринимателей, профсоюзами, различными партиями и потребителями, который позволит стране стать, экономикой, которая будет базироваться на национальном производстве, тогда рубль не будет привязан к цене на нефть. Следует отметить, что мировая практика по Кейнсу обеспечивала выход из кризиса через формирование необходимых объемов денежной массы (изменение агрегата М), системное снижение налогов и ставок по кредитам. Их использование в условиях девальвации российской национальной валюты могло бы также обеспечить рост уровня конкурентоспособности отечественной продукции на внешних рынках. У нас же налоги зашкаливают, не говоря уже о процентной ставке ЦБ (несмотря на снижение до 8,5%). Основной причиной данной ситуации является ментальность российской элиты, формирующей неформальный характер общественных отношений, возникающих между экономическими субъектами в России, т.е. неконтролируемый официальными институтами сферы хозяйственной деятельности. Результатом является раковая опухоль чиновнического аппарата в форме коррупционной составляющей, противостоящей формированию позитивного развития экономики страны. Поэтому создание реальных общественных институтов способствовало бы формированию гармоничных условий социального взаимодействия и современной институциональной среды страны в целом. Для этого необходима долгосрочная стратегия государственного регулирования, направленная на реструктуризацию российской экономики, на приоритетное развитие национального реального производства, обеспечивающее независимое развитие страны, которое обеспечит создания новых рабочих мест, а значит развитие человеческого капитала, что с объективной последовательностью создаст финансовые потоки для решения всех необходимых инфраструктурных проектов и развития человеческого капитала. Проведение такой политики связано с использованием потенциала частного бизнеса, включая возможности по диверсификации производства, обеспечению условий «социального лифта» для населения через систему образования и социального обеспечения. Универсальный выход из рецессионного состояния – это реализация общей цели гармоничного развития общества без социальных разделений, возникновение объективной потребности общества в расширении поля знаний, их реализации и создания естественных условий, при которых экономические

процессы будут происходить в русле созидательного, а не деструктивного процесса сегодняшней РФ.

Тогда российское предпринимательство займет на мировом рынке специализированную нишу, основанную на высокоинтеллектуальном потенциале нашего народа, а так же на абсолютных и относительных сравнительных издержках производственных и природных условий, где у нас есть очевидное превосходство на мировом уровне, где мы можем обеспечить себе прочные позиции. Принцип ориентации на интеллектуальные товары и услуги на внутреннем рынке должен стать применимым ко всем сферам деятельности российской экономики, что приведет к росту производительности труда, обеспечивающему рост доходов всех субъектов экономики.

Для этого необходимо: во-первых, продолжить системную ориентацию российской экономики с рынка невозобновляемых природных ресурсов в сторону неиссякаемых источников, т.е. на формирование «мозгов» «на российской почве», которые станут основой движения общественного развития и главным стратегическим оружием против мирового бизнеса.

Во-вторых, Россия должна обеспечить на государственном уровне высокоэффективную систему всеобщего среднего и высшего образования с акцентом на формирование опережающего технико-экономического механизма «сетевой экономики», что поможет остановить «экспорт мозгов». Если деградируют интеллектуальные активы, падают финансовые потоки, а затем снижается объем национального богатства. Именно инвестиции в «человеческий капитал» могут обеспечить эволюционное развитие финансовой сферы и производительные силы российского общества, приводя к интеллектуализации, а значит и конкурентоспособности рынок российских товаров и услуг, утверждая тем самым устойчивость как экономической, так и политической систем в целом. Другими словами, должны создаваться объективные условия для обеспечения национального потенциала долговременных тенденций экономического роста, который соответствовал бы реалиям современного мира.

В-третьих, стратегическая направленность экономической политики должна иметь вектор на «консервативные ценности» – это соответствие роли государства проблемным реальностям национальной действительности: обеспечить развитие внутреннего рынка на базе роста производительности труда, обеспечивающего рост высококвалифицированных рабочих мест, способствуя повышению потребительского спроса всех субъектов экономики.

XXI век будет жить знаниями, сила которых будет увеличиваться, и превалировать по всей цепочке создания добавленной стоимости. Поэтому все отчетливее возникает проблема новой стратегии человеческой жизнедеятельности и ее социальной основы в РФ. Речь идет о поиске нового типа цивилизационного развития. Бурно протекающий технологический прогресс выдвинет целый ряд новых мировоззренческих проблем, которые еще предстоит осмыслить. Интеллектуальный капитал может послужить также тем накопителем, который приведет к возможной духовной революции,

отрицающей основы потребительского общества, создавая необходимые предпосылки критического осмысления ценностей современной техногенной эпохи «бессмысленного» потребления, и выработки новых мировоззренческих идей.

Литература

1. <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.shtml>
2. Кругман П. Возвращение Великой депрессии М.: Эксмо 2008 с. 15;
3. Сорос Дж. Новая парадигма финансовых рынков М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008 с.11;
4. Бринкли А. Наследие «Нового курса Ф.Рузвельта // США и Канада: экономика, политика, культура. 1999. - №8. с.57;
5. О федеральном бюджете на 2018 год: проект Федерального закона № 911755-8;
6. Российское общество: год в условиях кризиса и санкций (проект 14-28-00218) с.25;
7. Ведомости от 01.06.3017, с.3
8. Антология экономической классики: Т.Мальтус, Д.Кейнс, Ю.Ларин, с. 307-308;
9. там же, с. 242-243;
10. там же,с.247.

Буевич А.П., Варвус С.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УСЛОВИЙ И ИНСТРУМЕНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Происходящие в современном мире глобализационные процессы, интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), начало процесса информатизации второго поколения, заложившее основу для формирования VI технологического уклада, определяют необходимость реформ, модернизации различных областей общественной жизни, в первую очередь экономической сферы. Наша страна является частью мирового сообщества, поэтому модернизация российской экономики представляет собой необходимое и закономерное условие для развития российского общества.

С точки зрения функционирования экономики можно выделить в настоящее время (достаточно условно) две формы: «аналоговую» и «цифровую» экономики. Сущность «аналога» заключается в совокупности отношений, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления. Однако, экономическая природа цифровой экономики вызывает много споров в профессиональном сообществе. Одни экономисты считают, что цифровая экономика основывается на цифровых технологиях в узком сегменте рынка – электронных товаров и услуг. Другие экономисты (с более расширенным подходом) подразумевают использование цифровых технологий для производства товаров, услуг с целью получения большего дохода. Бесспорным преимуществом цифровой экономики является «рождение» новых отраслей и, как следствие, производство новых продуктов.

Формирование инновационной экономики с учетом сложившихся экономических условий (экономических санкций, турбулентности мирового развития, затянувшегося выхода из кризиса, высоких политических рисков)

способствует экономическому росту в стране. Начиная с 2000-х годов, устойчивую динамику развития приобретают рынки высокотехнологической продукции: информационно-коммуникационные технологии, наноиндустрия, биотехнологии, атомная и водородная энергетика. Для них характерен более чем двукратный рост по сравнению с обрабатывающей промышленностью. По данным PwC, доля российской высокотехнологичной продукции в 2016 составила около 0,25% на мировом рынке. Доля ничтожно мала по мнению Правительства РФ и ее следует довести до 0,5% к 2024 году и до 1% к 2035 году [1].

Доля высокотехнологичной продукции в экспорте страны указывает на уровень развития инновационных разработок в стране и развитие в ней цифровой экономики, как двигателя прогресса. В России этот показатель равен 19%, в Японии-38%, в Индии-8%. Но в целом, по мнению экспертов, развитие цифровых технологий в промышленности в России находится на стадии диффузии и апробации [2].

Как ответ на вызовы XXI века возникла цифровая экономика, являющаяся переходом к новому укладу жизни, к новой модели ведения бизнеса и построения производственных процессов. Если в период с 1985 по 2001 гг. темп прироста ВВП составил примерно три с небольшим процентов, то уже, начиная с 2002 года началась понижательная волна большого цикла Кондратьева. При этом в некоторых странах ВВП снизился до 1,5-2%. Эксперты ОЭСР в 2015 сообщили о рисках попадания мировой экономики в ловушку низких темпов роста [3]. В связи с вышесказанным, на первый план выходят вопросы поиска новых источников роста национальных экономик. И как раз развитие цифровой экономики рассматривается многими экономистами как возможный драйвер роста. Действительно, активное внедрение в нашу жизнь новых технологий приводит к кардинальным изменениям в процессах производства, бизнес-процессах.

Цифровая экономика обладает рядом преимуществ. Она позволяет снизить стоимость платежей, открывает новые источники дохода. Снижение затрат на продвижение товаров обеспечивает в онлайн более низкую стоимость услуг, чем в традиционной экономике. Сами услуги, и государственные, и коммерческие, становятся более доступными. Упрощается выход товаров и услуг на глобальный рынок, они становятся более доступными для людей в любой точке мира. Появляется возможность быстрой трансформации предлагаемых товаров и услуг под новые ожидания или потребности потребителя. Цифровой экономикой предоставляется гораздо более разнообразный информационный, образовательный, научный, развлекательный контент, практически все становится более быстрым, качественным и удобным. Но нельзя не отметить и недостатки цифровой экономики.

Новые эффекты, порождаемые непрерывными потоками информации в условиях цифровой экономики, трансформируют социально-экономические отношения, обладающие информационной природой. То есть наблюдается рост количества моделей поведения, в основе которых лежит определенная

информация. К сожалению, не всегда такая информация верная, зачастую она искажена, возможно намеренно, и влечет за собой злоупотребления при использовании данных о конкурентах, рынках и технологиях. Наиболее яркими примерами таких злоупотреблений информацией становится современная политика, тесно связанная с экономикой. Так, потребление населения США оплачивается покупкой всем миром их государственных бумаг с нерыночно низкой доходностью, которая является основным условием устойчивости финансовых пирамид. Для поддержания этой стратегия США состоит в запугивании своих союзников российской угрозой и в хаотизации мира.

Другим примером злоупотребления информацией является киберпреступность. В эпоху цифровых революций происходит трансформация всей картины мира, появляются новые вызовы. Проблемы перетекли в информационную плоскость и связаны они с цифровыми атаками, воровством и вымогательством, компьютерным пиратством, кибертерроризмом и др. Согласно исследованию Allianz Global Corporate & Specialty, проведенному в 2016 году, общий оцениваемый ущерб (прямые потери плюс недополученная прибыль, расходы на восстановление систем) от интернет-преступности для мировой экономики (включая прямые потери, недополученную прибыль и расходы на восстановление систем) от киберпреступности более 575 млрд долларов, что составляет 1% от мирового ВВП [4]. Ущерб России составил 18 млн.\$ за первую половину 2017 г. По данным МВД РФ, количество киберпреступлений (преступлений с использованием ИКТ) в нашей стране выросло на 26% (или в абсолютном выражении 40 тыс.), увеличившись в 6 раз [5].

Для сохранения и усиления своих позиций в мировой экономике, экономического суверенитета России требуется развивать собственную цифровую экономику. В России сегодня присутствуют все признаки перехода к цифровой экономике. Уже сейчас наша страна стоит на пути к трансформации в крупнейший рынок цифрового бизнеса в Европе, занимая лидерские позиции по числу интернет-пользователей. Так, по данным Mediascope, в 2017 году аудитория интернета составила 87 млн. человек (приблизительно 71% населения страны), за 2017 год произошло увеличение российской интернет-аудитории на 2%. Цифровая революция в России охватывает сегодня практически все виды деятельности. Активно развивается электронная коммерция. По данным Почты России и Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), объем российского рынка интернет-торговли в 2017 году показал рост в 22% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом значительная доля рынка приходится на международную торговлю. В информационный мир приходит новая терминология, в наш лексикон вошли новые слова: криптовалюты, «умные города», блокчейны, биткойны, цифровые технологии, роботизация и т.д. Присутствуют в стране и все признаки цифровизации, представленные, в частности, открытостью данных, системой электронного правительства, эффективной деятельностью таких отечественных цифровых гигантов, как «Яндекс», «Касперский» и др.

Формирование новой социально-экономической модели в условиях перехода к цифровой экономике определяет необходимость переосмысления роли человека в такой модели, выявления более совершенных форм, методов и направлений, условий и инструментов для развития человеческого капитала. На государственном уровне неоднократно подчеркивалась необходимость наращивания кадровых, интеллектуальных, технологических преимуществ в сфере цифровой экономики.

Использование информационных технологий преобразует самого человека и все формы его общественной жизни. Происходит комплексная и беспрецедентная трансформация человечества, трансформируется сознание и восприятие меняющегося окружающего мира.

Развитие цифровой экономики сопровождается ростом доли информационного труда в его общем объеме, а процесс формирования человеческого капитала становится не только инвестиционным, но и информационным процессом [6, 15].

Данное обстоятельство обусловлено тем, что в цифровой экономике ключевым производственным ресурсом становится информация, а базовыми технологиями являются наукоемкие методы производства. Исходя из того, что информация представляет собой совокупность неких знаний и сведений, которые создаются и накапливаются человечеством и реализуются в практику именно через человека, информацию следует рассматривать в качестве составляющей человеческого капитала.

Роль информационных потоков в условиях глобализации мирового сообщества растет, ими пронизаны все сферы жизни человечества. Использование информации происходит путем доставки ее потребителям, коммуникаций, управления и обработки. В результате информация становится ключевым фактором успешной экономической деятельности [7].

Современная социально-экономическая система находится под влиянием возрастающих информационных потоков, в условиях цифровой экономики происходят изменения в производственных процессах, переориентация производства с создания материальных благ на предоставление услуг, усиливается глобализация экономики.

Влияние цифровой экономики на человеческий капитал, человека бесспорно. Однако влияние это целесообразно рассматривать с двух сторон.

С одной стороны, развитие цифровой экономики актуализирует вопросы подготовки кадров, изменяются требования к компетенциям и всеобщей цифровой грамотности. Существует тесная взаимосвязь науки и образования с информацией. И сама информация как совокупность знаний и сведений, накопленных человечеством и используемых в образовательных процессах и научных исследованиях, и информационные технологии, способствующие эффективному использованию накопленных этих знаний и сведений, в корне меняют научный и образовательный процессы. Цифровая экономика нуждается в человеческом капитале. В частности, для успешного перехода к цифровой экономике, обеспечения гарантированной занятости и наращивания количества

высокопроизводительных рабочих мест нужны новые навыки и компетенции, необходимо формирование и внедрение моделей профориентирования в соответствии с реальными потребностями рынка труда, массовое внедрение программ профориентации, дополнительного образования в сфере профессиональных навыков, в среднем и высшем образовании. Авторы считают, что успешного перехода необходимо учитывать теорию поколений, которая была предложена Нилом Хоувом и Уильямом Штрауссом. Согласно этой современной, классической концепции поколения рассматриваются как совокупность людей, появившиеся на свет в промежутке 20-25 лет, с разными ценностями и компетенциями. Все население делится на поколения «молчаливых», бейби-бумеров, X, Y, Z. Для каждого поколения характерны свои ценности, которые формируются под воздействием исторических событий, модели воспитания в семье. На протяжении двух последних веков исследователи отмечают: смену шести поколений, пограничные зоны. По мнению авторов, данный подход применим и к России, особенно к методологической оценке среднего класса. «Поколение X» отличается самостоятельностью в принятии решений, информацию рассматривают как ценность, поэтому неохотно ею делятся. «Поколение Y» открыты для сотрудничества, заставляют руководителей менять стиль управления, активные пользователи современных гаджетов. «Поколение Z» испытывает дефицит общения со сверстниками и как следствие плохо разбираются в эмоциях, но дадут многим фору в использовании современных технологий, воспринимают информацию визуально. Отметим, что по численности «поколение Z» превзойдет «поколение Y». По состоянию на начало 2017 г. численность поколений составляет: Z – 25548 тыс.чел.; Y – 38934 тыс.чел.; X – 40690 тыс.чел.; бейби-бумеры и «молчаливое поколение» - 41632 тыс. чел.* [8]. То есть со стороны цифровой экономики существует высокий спрос на человеческий капитал.

Модернизация стратегических для экономики страны отраслей, таких как энергетика, здравоохранение, финансы, обрабатывающая промышленность, торговля обуславливает большую потребность в переосмыслении бизнес-процессов, создании новых технологий, активном внедрении управляющих ИТ-систем и оборудования нового поколения. Стране крайне необходимы квалифицированные кадры, инженеры, рабочие, готовые выполнять задачи нового уровня в условиях цифровой экономики. Так, по оценке UNESCO в России численность специалистов, занятых в науке – 495 тыс. человек. Тогда как в Японии – 787 тыс. человек, что на 58,99% больше числа ученых и инженеров в России [8].

Цифровизация жизненного пространства позволяет человеку быть всегда на связи, в курсе последних событий и новостей, предоставляет доступ к развлечениям, скрашивая нашу жизнь, увеличивает возможности для

---

* Авторы опирались на западную методику определения численности поколений, но старались учесть все особенности для России. Именно различия в методике подсчета могут привести к различным результатам и могут отличаться от мнению других экономистов.

самообразования, продвижения творчества и бизнеса, делает доступной образовательную информацию. Генерация идей на базе объединенных медицины и информационных технологий позволила изменить подход к мониторингу состояния здоровья, лечению, доступу медицины для жителей удаленных территорий. 3D-биопечать, телемедицина сегодня как никогда актуальны в разрезе устранения имеющегося технологического отставания в области здравоохранения. Разработка и внедрение прорывных информационных технологий предоставляют компаниям новые источники роста и оптимизации деятельности, меняют принципы ведения бизнеса, способствуют созданию новых рынков и трансформации потребительских привычек. Цифровизация вызывает изменения во всех сферах жизни и повышает уровень комфорта для каждого человека. Образование, медицина, финансовые услуги приобретают цифровой формат, становясь более качественными, удобными и широко доступными. Стремительное развитие информационных технологий закладывает основу для быстрого роста индустрии возобновляемых источников энергии, сегментов интеллектуального учета и управления транспортом, внедрения передовых транспортных и инфраструктурных проектов. Интеллектуальные системы принятия решений активно используются при перемещении в городской среде, предсказывают ситуацию на дорогах, управляют электроникой. Большие перспективы в сельском хозяйстве, в промышленном и высокотоксичном производстве следует отвести и роботизации, автоматизации разнообразных видов деятельности.

Однако при всех этих положительных моментах не следует игнорировать и другую сторону влияния цифровой экономики на человека. Взаимодействие с информационными технологиями делает личность пластичной, мозаичной, внушаемой, не способной на долгосрочное целеполагание и систематическое приложение усилий. Сознание становится «кликновым», нуждающимся в незамедлительной реакции на разрозненные внешние раздражители ради получения эмоции, а не результата. Популярны социальные сети, становясь структурообразующим элементом общества, трансформируются в социальные платформы, в которых интегрируется вся внешняя активность личности, и где за счет информационно-эмоционального фона определяется ее поведение. В результате развитие индивидов останавливается по причине отсутствия мотивации для этого, происходит алгоритмизация общества. Кроме того, человек становится потребителем информации, причем не всегда качественной, убивая порой в себе интерес к творчеству. Интернет, социальные сети вызывают зависимость, лишают реального общения [9].

Кроме того, усложнение мира, увеличение обратных связей, усиление хаотического воздействия на индивида снижают познаваемость мира, что влечет за собой вырождение науки, снижение качества образования. В результате знания, информация могут стать достоянием избранных, а попытка приватизации информации путем применения права интеллектуальной собственности может быть вырождена в злоупотребление монопольным

положением, что в целом грозит вырождением человечества. Также особую опасность несет за собой существующий сегодня в цифровой экономике правовой вакуум [10, 5].

Таким образом, информация в условиях цифровой экономики является ключевым фактором формирования человеческого капитала и отражает различные грани организации социально-экономических отношений.

Данный факт, свидетельствующий о трансформации роли информации в цифровой экономике, позволяет сделать вывод о формировании новой системы взаимосвязей между человеком и информацией. Исходя из рассмотренных сторон влияния цифровой экономики на человеческий капитал, можно говорить о различном характере таких взаимосвязей. Во-первых, рост интенсивности информационных потоков влечет за собой ускорение процесса обучения, а, следовательно, и формирования человеческого капитала. Во-вторых, происходит формирование человеческого капитала нового типа, характерного для информационного общества.

Существует радикальное отличие информации от других факторов производства. Более того, само производство в условиях цифровой экономики меняет свое содержание и становится целенаправленным и обеспеченным со стороны человека в процессе его трудовой деятельности ростом информационного богатства реального мира. Потребление при этом трактуется как процесс присвоения информации, который сопровождается частично ее разрушением (изменением ее свойств).

Происходящее в условиях цифровой экономики снижение доли занятых в сфере производства и увеличение в сфере услуг свидетельствует о замещении физического труда информационным, о трансформации социально-экономических отношений. Так как информация выступает ключевым ресурсом, существенный рост доли труда в сфере ее обработки может рассматриваться как переход к цифровой экономике.

Что касается самой информации, ее дополнительное количество, созданное человеческим трудом и материализованное, становится источником прибавочной стоимости.

Усиление роли информации, человеческого капитала в цифровой экономике объясняет, что эффективность последней, в том числе и процесса материального производства, в большей степени определяет интеллектуально-творческий потенциал и информационные ресурсы.

Накопление информации в различных сферах повышает значимость науки и образования в развитии общества. Однако лишь приобретения новых знаний, получения новой информации, их упорядочивание, оценка полезности недостаточны для развития. Достижение каких-либо результатов определяет необходимость их должного хранения и дальнейшего создания. В этом случае сохраняется информационный фундамент для развития экономической системы. Инструментом накопления и структуризации информации, формирования и развития человеческого капитала являются инвестиции в человека, в интеллектуальную составляющую. Именно инвестиции позволяют

решить задачи нормального замещения (восстановления) и реновации (качественных сдвигов в структуре и характеристиках резерва человеческого капитала).

Эффективность инвестиций в человеческий капитал, являющихся своего рода двигателем технологического прогресса, оценивается в экономике предельно высоко. Инвестирование это реализуется через организацию среднего и высшего профессионального образования, профессионального обучения, дошкольного воспитания, воспитания в семье, через систему здравоохранения, рынок труда и др.

Основными составляющими человеческого капитала являются культурно-образовательная и физиологическая составляющие. Поэтому инвестиции в образование и повышение квалификационного уровня людей позволяют обеспечить эффективное освоение нововведений, поддерживать должную конкурентоспособность с производственными единицами. Инвестиции в здоровье позволяют вырастить физически и эмоционально здоровую личность. При этом в современной экономике процесс инвестирования находится в зависимости от информированности субъекта, являющегося носителем человеческого капитала. Таким образом, информированность является еще одной составляющей интеллектуального человеческого капитала, но при этом ее следует соотносить не с формальным образованием, а с поиском и обладанием актуальной экономической информацией [11, 76]. Так, например, положение работника на рынке труда в условиях высокой конкуренции зависит от его образования, навыков, здоровья, а также информированности.

Для трансформации инвестиций в человеческий капитал в условиях цифровой экономики потребуется создание определенных условий. Цифровая экономика не может быть дееспособной без цифровизации одновременно общества, бизнеса и правительства, поэтому ее развитие заключается в ускорении процессов проникновения цифровых отношений на все уровни взаимодействия ее участников – от государственных до личных. То есть, требуется изменить структуру самого человеческого капитала путем его информатизации. Поэтому в первую очередь возникает необходимость в развитии национального ИТ-сектора, стимулировании создания инновационных технологий, организации сотрудничества для их развития на международном уровне. Однако цифровая экономика нуждается не только в специалистах по компьютерной технике. Развитие здравоохранения, госуправления, «умных» городов определяет потребность не столько в программистах, сколько в людях с обширными «цифровыми навыками», то есть умеющих обращаться с компьютерами, интернетом, вообще с цифровыми устройствами и сервисами. И это при том, что сегодня квалификация среднестатистического россиянина явно недостаточна для покрытия даже этих потребностей.

Кроме того, в стране необходимо создание условий для прекращения оттока из страны высококвалифицированных специалистов, а также для возврата уже уехавших. Так, по разным оценкам, за пределами Российской

Федерации сегодня трудится более 1,5 миллиона россиян, имеющих российские паспорта, хорошую подготовку, это совершенно конкурентные кадры. То есть эмиграционный поток характеризуется высокими показателями качества человеческого капитала - высоким образовательным и профессиональным уровнем, молодым возрастным составом. Причинами такой утечки мозгов являются низкие заработные платы, ограниченные возможности для самореализации, невостребованность научных результатов экономикой и обществом. Сегодня как никогда актуально решение задач стимулирования инвестиций и предпринимательской активности, в том числе в цифровой экономической деятельности. Важной составляющей также является обеспечение информационной безопасности информационных и инновационных технологий, которая обеспечивает доверие общества к цифровой экономике.

В период с 1992–2016 гг. в Россию переехало более 9 млн. мигрантов. Это существенно позволило компенсировать естественную убыль населения. Но при этом стоит отметить, что если в 1990-е годы их уровень образования соответствовал российскому, то уже в начале 2010-х г. оказался ниже. Только около 15% иммигрантов имеют высшее/незаконченное высшее, в то время как 28% россиян имеют высшее образование (по данным переписи населения 2010 г. среди лиц старше 15 лет). Все это обуславливает низкий экономический рост России. Численность иммигрантов из развитых стран характеризуется отставанием в 2 раза (а по некоторым странам, таким как США, Великобритания, Испания – в 6 раз) по сравнению с аналогичным показателем за 2013г. [12].

Проблему серьезной нехватки квалифицированных кадров, в частности в ИКТ-сфере, необходимо решать и на уровне учебных заведений (разработка и внедрение образовательных курсов в школах и вузах), и на уровне компаний (развитие корпоративного обучения), и на уровне государства (внедрение госпрограмм развития образования, в том числе в области ИКТ). Полагаем, что информатизация хозяйственной среды является одним из условий трансформации процесса инвестиций в человеческий капитал.

Другим условием трансформации процесса инвестиций в человеческий капитал являются обусловленные такой информатизацией институциональные изменения. Для развития цифровой экономики требуется соответствующая законодательная база, адаптированная к новым реалиям, связанным с новыми технологическими решениями бизнес-процессов. Также требуется создание благоприятных условий для компаний, которые идут по пути цифровизации производства, в том числе корректные способы учета средств производства и юридическая защита компаний от киберугроз.

Инвестиции в человеческий капитал как инструмент его формирования могут быть структурированы следующим образом: прямые вложения (вложения с целью увеличения человеческого капитала, например, расходы на образование) и косвенные вложения (издержки в виде затраченных человеком усилий, времени, перенесенных неудобств, связанных, например, с миграцией,

утомительный поиск работы и др.) [13]. Исходя из этого, следует понимание того, что для накопления человеческого капитала требуется высокая заинтересованность самого индивида. При этом отметим, что инвестициям в человеческий капитал сопутствует рост его потребления. Спрос на него не снижается при увеличении затрат. В этом заключается особенность потребления человеческого капитала, которая определяет рост интеллектуального воспроизводства, способствует развитию научной и образовательной деятельности, обеспечивает самовоспроизводство информации.

Таким образом, в условиях цифровой экономики происходит трансформация условий, инструментария формирования человеческого капитала, меняется суть полезности, определяющей становится в большей степени не материальная, а информационная ценность.

Литература

1. https://www.pwc.ru/ru/publications/iot-for-industry_.pdf
2. <http://inecprom.spbstu.ru/files/industry-2017/digital-transformation-economy-industry.pdf>
3. <https://www.rbc.ru/economics/01/06/2016/574eaa099a7947ad14862e23>
4. <http://www.agcs.allianz.com/about-us/financials/>
5. <http://www.tadviser.ru/>
6. *Зусев, Г.Ю.* Трансформация условий и инструментов формирования человеческого капитала в информационном обществе: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.01 / Зусев Григорий Юрьевич. - Курск, 2011. - 197 с.
7. *Семячков, К.А.* Цифровая экономика и ее роль в управлении современными социально-экономическими отношениями / Константин Александрович Семячков // Современные технологии управления, 28.08.2017 [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://sovman.ru/issue/2017-80/> (дата обращения 26.01.2018).
8. Составлено авторами на основе данных http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
9. <http://uis.unesco.org/>
10. *Бувевич А.П.* Человеческий капитал как условие формирование инновационной экономики региона // Экономика и предпринимательство. 2017. №4-1 (81-1). С.279-291.
11. *Быков А.Ю.* Право цифровой экономики. Некоторые народно-хозяйственные и политические риски. М.: Проспект, 2018. 24 с.
12. Человеческий капитал: содержание и виды, оценка и стимулирование: монография / Смирнов В.Т., Сошников И.В., Романчин В.И., Скоблякова И.В.; под ред. д.э.н., профессора В.Т. Смирнова. – М.: Машиностроение-1, Орел: ОрелГТУ, 2005. – 513 с.
13. *Варвус С.А.* Измерение уровня бедности: анализ имеющихся подходов // Экономика. Налоги. Право. 2016. Т.9. №6. С.26-34.
14. *Бувевич А.П.* Инновационное развитие России в условия санкций: угроза или возможность перехода к устойчивому развитию // Экономические системы. 2016. №4. С.51-53.

Дементьев В.В.

НОРМА ПРИБЫЛИ КАК «БЛИЖАЙШАЯ ПРИЧИНА» ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Главный вызов для национальной экономики России – обеспечить устойчивый и долгосрочный экономический рост. К настоящему времени

предлагается множество программ экономического роста в России. В рамках данных программ прослеживается две стратегии (или концепции) решения проблем роста российской экономики.

Первая из них (ресурсная) делает упор на расширении предложения инвестиционных ресурсов: переход к денежно-промышленной политике, рост денежного предложения в увязке с целями экономического развития и с опорой на внутренние источники денежной эмиссии [3].

Вторая стратегия (институциональная) исходит из того, что проблемы роста не могут быть решены такими мерами, как смягчение денежно-кредитной или бюджетной политики. Для решения проблемы роста необходима стабильная макроэкономическая ситуация и институциональные меры по совершенствованию условий для ведения бизнеса и сокращению масштабов административного контроля над деятельностью бизнеса. Институты должны создать стимулы для роста [6].

Изучение программ и стратегий экономического роста оставляет чувство некой неудовлетворенности. Суть последней состоит в том, что предлагаемые меры (количество денег или институты) не связаны непосредственно и однозначно с экономическим ростом. Данные меры носят такой характер, что их последствия для экономического роста могут быть самые разнообразные и непредсказуемые. Отсюда отсутствие уверенности в том, приведут ли принимаемые меры к экономическому росту. Все зависит от обстоятельств. Недостатком (слабым звеном) обеих концепций является очевидная недостаточность и неопределённость предлагаемых мер. Учитывая многовариантность возможных результатов той или иной политики, каждый может домысливать те из них, которые отвечают его интересам и представлениям, опровергать или поддерживать предлагаемые меры экономической политики.

Проблема «ближайших причин» экономического роста. Приближение к реальности предполагает ответ на вопрос о том, какой фактор более однозначно, – по сравнению с указанными (предложение ресурсов и институты), – влияет на экономический рост (расширение производства, инвестиций и инноваций), является его «ближайшей» причиной и опосредует действие других (институциональных, финансовых и пр.) факторов? Иными словами, наличие какого условия является обязательным условием роста, о действии которого можно утверждать, что если есть некий фактор А, то (с высокой долей вероятности) будет экономический рост; или если есть экономический рост, то присутствует А.

Повышение реалистичности и действенности программ экономического роста предполагает поиск его ближайших причин. Что стоит между ресурсами и (или) институтами, с одной стороны, и экономическим ростом, с другой? Что

соединяет действия и его результаты (экономический рост)*. Иными словами, возникает проблема «промежуточного (передаточного) механизма».

Конечным пунктом политики роста является принятие доминирующими агентами фирмы решения о расширении объемов производства и повышении производительности. производства. Что непосредственно предшествует такому решению и является его ближайшей причиной и основанием. Как собственник активов приходит к данному решению?

Решению предшествуют стимулы, которые порождают побуждение к инвестированию. Непосредственной причиной роста – структура стимулов, порождающая стремление к расширению производства, инвестициям и пр. Подчеркивая решающую роль стимулов, В.Истерли пишет: «Процветание происходит, когда у всех игроков – участников процесса развития есть нужные стимулы» [4, 298].

О каких стимулах может идти речь.

Исходный пункт экономического роста в рыночной экономике – это инвестиции, которые осуществляет собственник активов. Собственник, как и всякий экономический агент, не обладает естественной или «врожденной» мотивацией к таким действиям, которые порождают экономический рост. Расширение производства и все, что с ними связано, а именно, инвестиции, сбережения, физический и социальный капитал, инновации сами по себе не являются абсолютной целью ведения бизнеса. Любые инвестиции непосредственно представляют собой издержки или упущенную выгоду для собственника активов или, как минимум, являются фактором риска. Соответственно, стимулы, которые побуждают к расширению производства и инвестициям, носят производный или вторичный характер.

В основе мотивации собственника активов, к действиям, направленным на экономический рост, лежит возможность получения прибыли. Именно прибыль является главной целью предпринимательской деятельности. Инвестиции, инновации, сбережения и пр. условия экономического роста могут попасть в круг интересов и целей предпринимательской активности лишь в той мере, в которой способствуют созданию и присвоению прибыли. Как известно, «капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли как природа боится пустоты» [7, 770].

Иными словами, решающее и «ближайшее значение» для «побуждения к инвестированию» имеет величина ожидаемой нормы прибыли или предельная эффективность капитала. Ожидаемая прибыль, согласно Кейнсу, есть решающий фактор, влияющий на инвестиции [11, 500]. По его мнению, прибыль представляет собой мотор, который движет предпринимательством: «уровень занятости (а, следовательно, и размеры производства и реального дохода) устанавливается предпринимателем под влиянием стремления довести до максимума его нынешнюю и будущую прибыль» [5, 35].

---

* «Истинно научное объяснение должно включать промежуточный механизм, соединяющий причину со следствием и гарантирующий, что найденная нами связь между двумя событиями является «необходимой».

Ближайшая и непосредственная причина, которая побуждает к расширению производства, есть прибыль, точнее ожидаемая норма прибыли. И наоборот, непосредственная или «ближайшая» причина отсутствия экономического роста - не ограниченность инвестиционных ресурсов или незрелость институциональной среды, а прежде всего отсутствие положительной связи между инвестициями и величиной ожидаемой прибылью, и отсутствие по этой причине побуждения к инвестированию.

В отличие от ресурсов или институтов по отношению прибыли с гораздо большей степенью уверенности и определённости можно утверждать, что, если имеются инвестиции (рост), значит предприниматель ожидает получение прибыли. Или, если ожидается положительная норма прибыли, то будут и инвестиции.

Именно ожидаемая норма прибыли (предельная эффективность капитала) представляет собой то опосредующее (промежуточное) звено, которое связывает институты и ресурсы, с одной стороны, и экономический рост – с другой.

Ограниченность ресурсного и институционального подходов к проблеме экономического роста. Отсутствие учета фактора прибыли как «мотора» рыночной экономики имеет следствием ограниченность ресурсного и институционального подходов к проблеме экономического роста.

Расширение инвестиционных ресурсов вне связи с прибыльностью экономики представляет собой, используя известное выражение У. Истерли, «очередное бесполезное лекарство» и более того может стать причиной возникновения и углубления депрессии в экономике.

Во-первых, факт наличия «дешевых» денег не означает, предприятие будет автоматически принимать решение о расширении производства и брать для этого кредиты (по крайней мере, в условиях отсутствия мягких бюджетных ограничений). Целью деятельности предпринимателя не является освоение кредитных ресурсов.

Основанием кредита служит вероятность, что эта сделка может принести прибыль (Дж.М.Кейнс). Фирмы не инвестируют не потому, что не имеют доступа к средствам, а потому, что (по самым разным причинам) не видят перспективы окупаемости вложений.

Если перспективы окупаемости инвестиций отсутствуют, отсутствует спрос на инвестиционные ресурсы и, далее, и спрос на кредит. То есть, расширение предложения кредитных ресурсов не означает, что будет расширяться и спрос на данные ресурсы. Отсюда т.н. «инвестиционная ловушка», когда спрос на инвестиции совершенно неэластичен к ставке процента,

Во-вторых, состояние таких параметров как величина процентных ставок, система денежного обращения, финансовая стабильность, уровень налогообложения, макроэкономическая стабильность, хотя и оказывают существенное влияние на процесс инвестирования и экономический рост,

представляют собой лишь условия экономического роста, но, никоим образом не являются двигателем (первопричиной) роста.

Даже если присутствуют источники для инвестиций, низкие налоги, доступный кредит, макроэкономическая стабильность и пр., но нет положительной нормы прибыли – инвестиций и роста не будет (в частном секторе экономики). И наоборот если есть возможность получить прибыль, экономика будет привлекать инвестиции и расти, несмотря на высокие налоги и процентную ставку.

Доступ к финансовым ресурсам для инвестиций, как-то низкая процентная ставка, рост денежного предложения и пр. сами по себе еще не решают проблемы экономического роста. Необходимо то, ради чего эти инвестиции делаются.

В-третьих, условие кредитной экспансии – спрос на ресурсы для роста, который опирается на возможности реального сектора «производить» устойчивую прибыль. Расширение предложения кредитных ресурсов при отсутствии или низкой величине положительной нормы прибыли (в условиях мягких бюджетных ограничений) влечет за собой увеличение рисков для экономики и в частности для банковской системы.

Что касается институтов.

В последние годы, благодаря работам Д.Норта, Д.Асемоглу, В.Истерли и пр. центр анализа проблем экономического роста перемещается от проблемы ресурсов к проблеме институтов. Утверждается, что именно различия институтов служат фундаментальным объяснением экономического роста [16].

Вместе с тем, обращения к институтам недостаточно для объяснения мотивации к росту.

Во-первых, открытым остается вопрос о том, что первично, а что вторично, или о том, что является причиной, а что следствием. Экономические институты порождают экономический рост или же наоборот - экономический рост создает возможности для возникновения институтов?

«Линейный» подход – сначала институты, потом рост - критикуется как чрезвычайно упрощенный взгляд на экономическое развитие. Чанг: «В настоящее время доминирующий дискурс о связи институтов и развития страдает от двух категорий теоретических проблем. Первая состоит в том, что предполагается, что причинно-следственная связь идет исключительно от институтов к экономическому развитию, игнорируя важную возможность того, что экономическое развитие меняет институты. Во-вторых, даже когда мы рассматриваем ту часть причинности, которая связана с влиянием институтов на развитие, теоретические модели отношения между институтами и развитием являются довольно упрощенными, линейными и статическими» [19, 475-476].

Во-вторых, установление ряда экономических институтов, таких как развитая система прав собственности, представляет собой довольно длительный процесс, который может продолжаться десятилетиями. Что делать с экономическим ростом?

В-третьих, институты являются основой для возникновения мотивации к росту в том смысле, что в состоянии установить связь между инвестированием и присвоением будущих доходов. Но институты сами по себе не в состоянии создать доход, т.е. то, что можно будет присвоить.

Сокращение масштабов административного контроля за деятельностью бизнеса или усиление конкуренции и т.п. меры чрезвычайно важные для условий экономического роста. Но, последние оказывают положительное воздействие на экономический рост лишь в том случае, когда способны положительным образом влиять на создание прибыли.

В-четвертый, институциональная теория роста страдает определенной абстрактностью подходов и не дает ответ на вопрос о том, какие **именно** институты необходимы для обеспечения роста в данное время и в данном месте, каковы критерии отбора таких институтов?

Таким образом, институты являются, безусловно, фундаментальной причиной роста, но не являются его ближайшей причиной? Влияние институтов на экономический рост опосредовано определенными формами денежного дохода и прежде всего нормой прибыли.

Влияние институтов на экономический рост требует отхода от примитивных и упрощенных схем анализа и выявления или исследования опосредующих звеньев между институтами и экономическим ростом. Экономические институты, - имеют, безусловно, значение и оказывают положительное влияние на экономический рост не сами по себе, а лишь постольку, поскольку оказывают благоприятное влияние на условия максимизации прибыли. Сам по себе высокий рейтинг в “Doing business” не породит экономический рост (Грузия). Почему сингапурские предприниматели, инвестируют капитал не на своей родине, с ее высоким местом в “Doing business” и защищенными правами собственности, а едут в Индию и Китай.

Таким образом, объяснение экономического роста через институты также сталкивается с рядом проблем*.

Прибыль и экономический рост. Именно величина нормы прибыли является, «фундаментальным фактором, определяющим темпы, с которыми образующие экономику компании будут накапливать капитал и расширять занятость, а значит, темпы роста выпуска, производительности труда и заработной платы, и, таким образом, темпы роста совокупного спроса – как инвестиционного, так и потребительского» [1, 18].

Границы, темпы, качество и последствия экономического роста определяются доминирующими механизмами создания и присвоения прибыли (прибавочной стоимости, избытка)*.

---

* Критический анализ неоинституционального подхода к проблеме экономического роста можно найти в работах Ха-Джун Чанга [17].

* «Без развития, - писал Й.Шумпетер, - нет предпринимательской прибыли, а без последней не бывает развития» [15., 304].

Основой экономического роста, которая создает мотивацию и ресурсы для инвестиций является:

- наличие **положительной связи** между издержками (инвестициями) и доходом от бизнеса (**положительной нормы прибыли**);

- распространение положительной нормы прибыли в **пространстве национальной экономики**;

- более или менее **длительные временные границы** этой положительной связи;

- равенство «чистого частного и общественного дивиденда»** (частных и социальных издержек). Прирост прибыли фирмы должен корреспондироваться с ростом общественного благосостояния. Создание прибыли не должно превращаться в игру с отрицательной суммой, когда создание прибыли одними фирмами имеет своим результатом простой «вычет» из прибыли других.

Если прибыли нет – активы необходимо забирать в государственную собственность. Если экономика не прибыльна и остается частной, то для собственника остается только один способ обогащения – разграбление принадлежащих ему активов, а для национальной экономики - превращение в страну, где «единственное прибыльное занятие — это лоббирование правительства с целью получения льгот» [4, 8].

Динамика нормы прибыли в национальной экономике России. Величина нормы прибыли является основным индикатором здорового состояния экономической системы, который определяет способность последней к экономическому росту.

Причина экономической стагнации России в отсутствии способности национальной экономики создавать прибыль и обеспечивать достаточную доходность инвестиций.

Начиная с 2005 г. в российской экономике наметилась явно выраженная тенденция нормы прибыли к понижению. Данные статистики были удручающие. Удельный вес убыточных предприятий в 2014 г. составил 33 % от общего числа организаций [10, 561]. Доля прибыли в ВВП России опустилась до минимальных значений за последние 15 лет. Рентабельность активов организаций сократилась, начиная с 2005 г., почти в 4 раза. Рентабельность проданных товаров, работ и услуг сократилась за 10 лет в два раза [10, 566–567].

Таким образом, можно констатировать, что в российской экономике сложилась явно выраженная тенденция и исчерпанию источников (стимулов и ресурсов) экономического роста.

Начало стагнации отечественной промышленности было положено не в 2012 или в 2008 гг., а в 2005 г., когда норма прибыли начала год от года снижаться.

Причины возникновения тенденции нормы прибыли к понижению – убывающая отдача факторов производства, отсутствие инноваций, рост заработной платы, тарифов естественных монополий и пр.

Ситуация с прибыльностью российской экономики неожиданно меняется в 2015 -2016 гг. Так доля убыточных предприятий в РФ, по данным Ростата, к концу 2016 года снизилась с 33% в 2014 году до 26%. Именно рост нормы прибыли и стал причиной оживления в национальной экономике.

Причина такой ситуации - инфляционные процессы в российской экономике и связанная с этим тенденция к сокращению величины издержек на оплату труда: средимесячная реальная заработная плата в 2015 г. составила 91% от уровня 2014 г. при росте цен на промышленные товары в размере 10,7% в 2015 и 7,4% в 2016 г. Определенное влияние оказала также и санкционная политика.

Рост прибыли, таким образом, носит случайный характер и определяется исключительно «игрой» внешних макроэкономических факторов. Неустойчивость и краткосрочность ожидаемой величины нормы прибыли имеет следствием неустойчивость и краткосрочность экономического роста.

Норма прибыли и политика роста. Национальная экономика должно приносить прибыль. Это есть главное условие экономического роста.

Для того чтобы ускорить экономический рост, необходимо создавать условия, благоприятствующие максимизации прибыли. Именно в этом заключается ключевой вопрос политики экономического роста в рыночной экономике. Величина ключевой ставки, индекс “Doing business”, экономические институты, - имеют, безусловно, значение и оказывают положительное влияние на экономический рост лишь постольку, поскольку оказывают благоприятное влияние на условия максимизации прибыли. Без решения проблемы повышения прибыльности бизнеса никакой инвестиционный прорыв в российской экономике невозможен, поскольку отсутствует мотивация к инвестициям. Более того, формируется своего рода «порочный круг»: отсутствие ожидаемой нормы прибыли порождает отсутствие инвестиций. Отсутствие инвестиций снижает норму прибыли.

В связи с этим возникает естественный вопрос: поскольку экономический рост (инвестиции) существенным образом зависят от ожидаемой нормы прибыли, то возможно ли «управлять» величиной нормы прибыли и в каких пределах. Может ли прибыль быть объектом экономической политики, или, говоря современным языком, можно ли проводить политику «таргетирования прибыли» также как инфляции или денежного предложения?

Величина прибыли (по умолчанию) воспринимается либо как естественный, автоматический результат инвестиций, либо как следствие действия случайных, внешних условий (например, колебаний конъюнктуры рынка), либо же как результат умелых и успешных предпринимательских действий. В такой трактовке прибыль не может быть рассмотрена как компонент какой-либо экономической модели и, тем более, не может рассматриваться как объект экономической политики (политики роста).

Проблема, однако, состоит в том, что, если мы примем, что величина нормы прибыли в экономике есть стихийная и случайная величина, то любое изменение институтов, величины денежной массы или ключевой ставки не

могут дать нам предсказуемых изменений в темпах экономического роста. Поскольку действие указанных параметров опосредовано предельной эффективностью капитала, то их влияние на экономический рост также будет стихийным и непредсказуемым.

В таких условиях возможности долгосрочной политики по управлению экономическим ростом в целом являются ограниченными: эффективность такой политики будет определяться тем, насколько состояние «управляемых» параметров экономической системы (например, ключевая ставка) будет корреспондироваться с величиной нормы прибыли, которая формируется стихийно.

Формирование величины прибыли в России не является результатом (по крайней мере, прямым) государственной политики, а выступает как набор случайных факторов. Вместе с тем, значение величины нормы прибыли для экономического роста слишком велико, чтобы полагаться только на случайность

Таким образом, эффективное управление экономическим ростом или осуществление политики роста предполагает управление величиной нормы прибыли в национальной экономике.

Основой экономической политики, ориентированной на экономический рост, должна стать политика создания макроэкономических и институциональных условий для повышения прибыльности национальной экономики. Управлять ростом означает управлять условиями максимизации экономической прибыли.

Литература

1. *Бреннер Р.* Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистической экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945-2005. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994
3. *Глазьев С.Ю.* О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Доклад / С.Ю. Глазьев. - М.: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт, 2015. — 60 с.
4. *Истерли В.* В поисках роста: Приключения и злоключения экономистов в тропиках. - М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006
5. *Кейнс, Дж. М.* Общая теория процента занятости и денег. - М.: Гелиос АРВ.
6. *Кудрин А., Гурвич Е.* Новая модель роста для российской экономики // ВЭ №12, 2014.
7. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т.1. Процесс производства капитала// Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23. М.: Политиздат, 1960.
8. Россия в цифрах. 2017: Стат. сб. – М.: Росстат, 2017
9. Российский статистический ежегодник, 2015. Стат. Сб. - М., Росстат, 201. - 727 с. с. 566–567.
10. *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М. "Прогресс". 1968
11. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. - М.: Прогресс, 1982.
12. *Acemoglu, D., Johnson, S., and Robinson, J. (2005)* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth, P. Aghion, S.N. Durlauf (eds), Handbook of Economic Growth, Vol. 1A, New York, Elsevier, pp. 385–472.
13. *Chang Ha Joon.* Institutions and economic development: theory, policy and history // Journal of Institutional Economics (2011), 7: 4, p. 475-476.

УСКОРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В начале XXI в. идет активный поиск методологических ориентиров определения специфики социологического видения научного познания социальных проблем глобализации. Обобщая существующие в зарубежной социологии подходы, можно сделать вывод, что глобализация рассматривается как объективный нелинейный процесс возникновения межрегиональных структур, а также систем взаимодействия и обмена, влияющий на развитие отдельных общественных систем и всего человечества в целом. В отечественной социологии глобализация рассматривается как процессы становления более или менее единых общемировых систем в экономике, технологии, информационной среде, в сфере культуры [4, 90].

Социальная сущность глобализации – это внутреннее содержание детерминированного социального взаимодействия индивидов, групп и институтов разных стран, выражающееся в финансово-экономической интеграции, персональных контактах, развитии технологии, вовлеченности в международные отношения, обеспечивающего социальную стратификацию общества в процессе социальных преобразований в современном социуме, влияющих на все человечество в целом [1, 199].

В основе данного подхода лежит взаимодействие и ожидаемое ролевое поведение индивидов, социальных групп, в процессе возрастающего влияния различных факторов международного значения на их судьбу и участь всего человечества в целом. Социальная сущность глобализации опирается на определенные параметры человеческой деятельности, а основой ускорения социального прогресса общества в условиях глобализации являются социальные преобразования.

В исследованиях современной социологии происходит переосмысление масштабов социального пространства, каковое представляется в качестве общемирового, а также перенос центра внимания с изучения социальных структур на социальные процессы [6, 25]. Поэтому понятие «общество» в социологическом исследовании можно рассматривать как формирующуюся совокупность социальных взаимодействий между людьми, складывающаяся в процессе их деятельности, под воздействием социальных институтов и групп конкретной территориально-политической государственной системы.

Российское общество представляет собой определившееся в процессе исторического развития отечественное многонациональное сообщество со своей относительно устойчивой системой социальных связей и отношений как между большими, так и между малыми группами людей, поддерживаемое силой закона, социальных институтов, культуры, обычаев, традиций и т.п., основывающееся на определенном способе производства, распределения,

обмена и потребления материальных и духовных благ. Главное направление развития современной России – это дать гражданам возможность раскрыть себя. Свобода для развития в экономике, социальной сфере, в гражданских инициативах – это лучший ответ и на внешние ограничения, и на наши внутренние проблемы [2, 723].

В современном российском обществе создана система социальных институтов, обеспечивающих развитие рыночных отношений. Российская экономика адаптировалась в рамках глобальной социально-экономической системы. Экономические санкции Запада и объективные ограничения экспортно-сырьевой модели – реалии современного положения дел настоящей России. Без научно-практического решения вопроса о новых источниках социального ускорения немислимо практическое решение ни одной из социально-экономических задач нашей страны. Одной из них является обеспечение ускорения социально-экономического прогресса российского общества в условиях глобализации.

В своей работе автор опирался на то, что социальное ускорение – это есть величина, которая выражает быстроту изменения социальных отношений, как по уровню, так и по направлению. В отечественной социологии под прогрессом понимается процесс поступательного развития, движения вперед [3, 262].

В нашем исследовании мы исходили из того, что социальный прогресс – это изменения в социальных отношениях, которое ведет к более полному равенству, росту социальной свободы и социальной справедливости. Категория «свобода» означает способность человека поступать в соответствии со своими желаниями, интересами и целями на основе знаний объективной действительности. Под справедливостью мы понимаем понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия между практической ролью различных индивидов (социальных слоев, групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, трудом и вознаграждением, заслугами и их общественным признанием, преступлением и наказанием [5, 338]. В нашем исследовании под совокупностью взаимодействия социальной справедливости, свободы и равенства мы будем определять как социальное самочувствие.

Итак, под социологической категорией «ускорение социального прогресса российского общества в условиях глобализации» мы понимаем быстроту изменения социальных отношений, как по уровню, так и по направлению социальных связей в отечественном многонациональном сообществе, опирающихся на социальные институты и определенный способ производства, распределения, обмена, потребления материальных и духовных благ, ведущее к улучшению социального самочувствия в условиях объективного нелинейного мирового процесса возникновения межрегиональных структур.

Основная гипотеза нашего исследования была сформулирована следующим образом: для жизнеобеспечения российского общества в условиях глобализации в XXI веке необходимы эволюционные позитивные изменения в социальных отношениях отечественного многонационального сообщества,

ведущих к улучшению социального самочувствия. Их отсутствие или слишком медленное развитие может привести к росту социальной напряженности в российском обществе.

В целом, отечественные эксперты-обществоведы далеки от однозначных оценок ситуации в стране: одни из них полагают, что экономический кризис закончился в конце 2016 г., другие уверены, что он продолжается, а в ближайшей перспективе, на фоне появившихся симптомов нового мирового экономического кризиса, может даже усугубиться. Проведенное автором социологическое исследование статистических показателей 2017-го года свидетельствует о завершении начавшегося в 2014 г. экономического кризиса. Однако его окончание отнюдь не тождественно ликвидации проявившихся еще в конце 2000-х гг. диспропорций (ярко выраженная сырьевая направленность экономики, крайне недостаточная развитость малого бизнеса, перекосы федерального бюджета и т.д.), которые в конечном итоге и привели национальную экономику сначала к замедлению роста, а потом и к спаду. Исследователи в области экономики полагают, что падение мировых цен на нефть и западные санкции, введенные в 2014 г., явились лишь дополнительными отягчающими факторами, которые в настоящее время смягчили остроту кризисной ситуации: цены на нефть существенно выросли, а экономика в целом, судя по экспертным оценкам, завершила адаптацию к санкционному режиму. В то же время структурные диспропорции, которые были главной причиной кризисных явлений, остались и продолжают определять развитие российского общества.

Контент-анализ результатов социологического исследования*, проведенного Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской академии наук в 2014-2017 гг. показал следующее.

Одной из существенных особенностей социального самочувствия россиян является разница между восприятием ими собственной жизни и того, что они видят вокруг себя. В начале XXI в. непосредственная среда обитания российского человека воспринимается им в существенно более благоприятном свете, чем все то, что находится за ее пределами. Так, если собственное социальное самочувствие в конце 2017 г. со знаком плюс оценивали 54% опрошенных, то самочувствие своего окружения – лишь 37%.

Стоит обратить внимание на неоднозначность оценок россиянами своей жизни по такому показателю как «счастье». С одной стороны, 77% наших сограждан считают свою жизнь счастливой («безусловно» и с некоторыми оговорками). С другой, слишком большая доля среди них (более двух третей) полагает, что их счастьем чего-то не хватает для того, чтобы оно было бесспорным и безусловным. Наибольшая доля однозначно счастливых людей (29%) наблюдается среди молодежи в возрасте 18-30 лет, то есть среди тех, у

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00218-П). По репрезентативной общероссийской выборке было опрошено 4000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы населения и проживающих во всех территориально-экономических районах страны в различных типах поселений.

кого жизнь еще впереди, и кто заведомо более оптимистичен. В то же время уже в следующей возрастной категории (31-40 лет) доля оптимистов существенно сокращается (до 20%), а к пожилому возрасту падает до 15%. Поселенческий срез анализа демонстрирует: чем дальше от столиц проживают опрошенные, тем сильнее выражено у них ощущение счастья. Самыми счастливыми чувствуют себя представители высокодоходных групп населения (42%). В то время как среди тех, кто оценивает свое материальное положение как «плохое», таковых только 7%. Таким образом, в современной России материальный достаток все чаще выступает тем универсальным мериллом, которое определяет не только жизнь россиян, но и рефлексию по отношению к ней.

Сравнение оценок перемен, уже произошедших в стране, с ожиданиями будущих перспектив дает основание полагать, что население современной России ориентировано, скорее, на будущее, чем на прошлое. Россияне не склонны экстраполировать негативные оценки прошлого на перспективу. С одной стороны, подобный настрой служит поддержкой в кризисной ситуации, помогая пережить трудные времена, и свидетельствует о вере населения в правильность проводимой в стране политики, но, с другой, может сформировать неоправданные ожидания, которые, в свою очередь, способны стать катализатором роста социального недовольства. В этом плане обращает на себя внимание тот факт, что, хотя доля оценивающих перспективы развития страны негативно постепенно уменьшается (с 59% в марте 2015 г. до 34% в октябре 2017 г.), доля уверенных в дальнейшем движении России вперед остается пока еще незначительной (29%), как и тех, кто полагает, что «ничего не изменится» (37%). Таким образом, ситуация в стране в целом воспринимается россиянами скорее как посткризисная, нежели как находящаяся на подъеме. Выход из кризиса определил коридор возможностей, доступных для россиян, в рамках которого треть из них пока не видит для себя и страны перспектив развития.

На протяжении 18 лет большая часть наших сограждан (не менее 58%), вне зависимости от обстоятельств, оценивает свою жизнь как удовлетворительную, то есть дает ей среднюю оценку. На эту тенденцию не повлияли даже экономические кризисы 1998 и 2008 гг. Все последние годы доля тех, кто оценивает свою жизнь как «среднюю», варьировалась в коридоре значений от 58 до 70%. Весной 2017 г. произошел откат оценки «хорошо» в удовлетворенности жизнью на те же позиции, которые фиксировались в конце 2015 г. (28%). Это свидетельствует о том, что «планка жизненных притязаний» россиян вновь поднялась вверх и то, с чем они соглашались мириться в условиях острой фазы кризиса, на этапе выхода из него перестало их устраивать. В настоящий момент зафиксирован рост доли неудовлетворенных своей жизнью молодых людей (с 4 до 8%), а также самый низкий, начиная с октября 2014 г. (то есть с момента старта кризиса), показатель числа тех из них, кто оценивает свою жизнь как «хорошую» (39%). Видимо, запас прочности у российской молодежи оказался существенно ниже, чем у старшего поколения. Удовлетворенность разными сферами жизни (оценка «хорошо») также подтверждает наметившуюся проблему – противоречие между декларируемым

улучшением положения дел в стране и субъективным (пусть даже не всегда осознанным) ухудшением своего личного положения.

Важно отметить, что, оценивая социальную напряженность в регионе своего проживания, россияне склонны видеть ситуацию в лучшем свете, чем по стране в целом. Так, в ходе опроса, проведенного весной 2017 г., о росте напряженности в России заявили 44% респондентов (13% из них полагали, что она растет существенно, а 31% — немного), тогда как ее усиление в собственном регионе фиксировали 36% (10 и 26% соответственно). Поскольку жизнь региона, в котором они живут, люди знают во многом по собственному опыту, оценки уровня и тенденций изменения напряженности в нем оказываются реалистичнее оценок ситуации по стране в целом и подтверждают наметившуюся тенденцию к снижению социальной напряженности в российском обществе.

Другая важная тенденция зафиксирована в ходе изучения наличия или отсутствия у россиян спроса на перемены. Согласно данным предыдущих опросов, с конца 1990-х гг. имели место неуклонное снижение доли россиян, выступающих за существенные перемены (с 69% в 1999 г. до 28% в 2012 г.), и одновременный рост сторонников стабильности (с 31 до 72%). Однако осенью 2016 г. наметилась обратная тенденция, и к сегодняшнему дню доля сторонников перемен существенно выросла (с 39 до 51%), в то время как доля сторонников стабильности сильно сократилась (с 61 до 49%). Таким образом, наметилась новая «волна» спроса на перемены. Это — фактор потенциального роста в ближайшем будущем социальной напряженности, поскольку перемены, как правило, связаны с противоборством различных социальных сил.

В постсоветском обществе во многом сохраняется и воспроизводится поляризация на «власть имущих» и «подданных». К «власть имущим» россияне относят всех тех, кто, по их мнению, входит в государственную элиту («власть», «чиновники»), смыкающуюся с бизнес-элитой («олигархами»). Хотя постсоветская Россия живет в условиях рыночной экономики, богатство в ней оказывается зависимым от способности включаться во властные или околовластные отношения. Поэтому общественное мнение не видит особой разницы между «властью», «чиновниками», «богатыми» и «олигархами»: все эти обозначения относятся, по существу, к одной элитной социальной группе обладающих властью и деньгами.

Наиболее острым противоречием, по мнению россиян, является противоречие между властью и народом — его упомянули 36% респондентов. С учетом того, что данное противоречие во многом созвучно с конфликтами между чиновниками и гражданами, между бедными и богатыми, а также между олигархами и остальным обществом, неудивительно, что 69% опрошенных отнесли к категории достаточно «острых» хотя бы один из них. Все прочие социальные конфликты — трудовые (между собственниками предприятий и наемными работниками), межэтнические (между русскими и нерусскими), межконфессиональные (между православными и мусульманами) — рассматривались ими как гораздо менее значимые. Это говорит о том, что в России так и не сложились эффективные механизмы и институты разрешения

противоречий между властью и народом, которые пользовались бы высоким доверием россиян, что не исключает в перспективе новых волн роста общественной напряженности.

В период 2014-2017 гг. уровень доверия государственным и общественным институтам со стороны россиян демонстрировал заметные колебания: максимум – в 2014 г., минимум – в 2016 г., определенное выравнивание – в нынешний период. За этой динамикой стоят важные для страны процессы и события, которые в разной степени повлияли на отношение российских граждан к отдельным социальным институтам. Если пик доверия к большинству, прежде всего, госструктур был опосредован реакцией общества на воссоединение Крыма с Россией, то его падение – ухудшением положения населения в условиях кризиса. Последующая стабилизация ситуации способствовала некоторому росту социального оптимизма. Однако на текущий момент ни одному институту не удалось вернуться к уровню осени 2014 г. и сохранить относительно устойчивые показатели доверия со стороны общества.

Уровень доверия правительству снова опустился до 38%, что объясняется не только негативными последствиями кризиса, но и отсутствием внятной программы выхода из него, равно как и сколько-нибудь ясных представлений о целях развития общества и способах их достижения. Даже конкретные программы пока не находят своего реального практического воплощения. Речь идет, прежде всего, о социальной составляющей «майских» (2012 г.) указов президента РФ. Заложенная в них задача пятидесятипроцентного увеличения заработной платы выглядит сегодня совершенно нереализуемой на фоне сокращения реальных доходов населения и растущих цен на продукты, товары первой необходимости и услуги ЖКХ. Остроту ситуации добавляют обеднение значительной части населения и сохраняющаяся в условиях кризиса коррупция, в том числе среди высших госчиновников.

Динамика и структура доверия показывают, что стержнем институциональной системы по-прежнему остаются так называемые «державные» институты: президент РФ (69%), российская армия (63%) и православная церковь (42%). Аутсайдерами на протяжении многих лет выступают институты политического представительства. Данный факт свидетельствует о сложившейся устойчивой публичной модели взаимоотношений государства и общества, в основе которых лежат сакрализация верховной власти, государственный патриотизм, примат коллективных интересов над частными и групповыми. Отсюда – низкий уровень доверия представительной, региональной и местной власти, суду, общественным и правозащитным организациям, политическим партиям.

Нынешний уровень поддержки деятельности президента Российской Федерации В.В. Путина свидетельствует о происходящих в обществе изменениях. Безусловно, в политическом пространстве России по-прежнему отсутствуют лидеры, деятельность и авторитет которых хотя бы отчасти были соизмеримы с соответствующими характеристиками действующего президента. Вместе с тем, ресурсы для поддержания позитивного эмоционального состояния общества, такие как Олимпийские игры в Сочи, воссоединение Крыма с Россией

и успешные операции российской армии в Сирии, близки к исчерпанию. Большинство сторонников президента В.В. Путина – это хорошо материально обеспеченные россияне. Чем ниже уровень материальной обеспеченности опрашиваемых, тем больше среди них тех, кто одобряет его деятельность частично. В группе малообеспеченных россиян доля его абсолютных сторонников составляет всего треть, а доля оппонентов – 20%.

Благоприятная экономическая конъюнктура первого десятилетия 2000-х гг., сопровождаемая ростом доходов значительного числа россиян, обуславливала отчетливо выраженный запрос российского общества на стабильность. Однако начиная с конца 2016 г. ситуация начала меняться. Внутриполитические и международные события последних двух лет, в эпицентре которых оказался экономический кризис, существенным образом повлияли на социальное самочувствие россиян. И хотя явно не сбылись многочисленные прогнозы, согласно которым страну ожидала экономическая разруха и полномасштабный политический кризис, в обществе стали расти настроения тревожной неопределенности. Сегодня лишь менее трети россиян (29%) полагают, что страна в ближайшие годы будет развиваться успешно, в то время как большая доля опрошенных скептически настроена в отношении позитивных сценариев развития страны – 37% считают, что ситуация в стране принципиально не изменится ни в лучшую, ни в худшую сторону, а 29% и вовсе уверены, что Россию в ближайшие годы ждут трудные времена. В значительной степени это связано с тем, что в окружающей реальности россияне не видят «точек роста» ни в экономике, ни в социальной сфере, ни в функционировании демократических институтов. В результате многолетний тренд на стабильность, на сохранение в неизменном виде сложившейся в иной политико-экономической реальности системы социальных и политических институтов, начал смещаться в сторону формирования запроса на перемены.

Российское общество постепенно подходит к очередному повороту, развилке, за которой открывается новая социально-политическая перспектива. В стране растет понимание, того, что без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее относительно благополучное десятилетие, страна вряд ли преодолет последствия кризиса, который определялся сложной конфигурацией факторов внешнего и внутреннего характера, далеко выходящих за пределы экономики как таковой, сможет успешно двигаться вперед.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что существенной дифференциации в оценках предпочтительных направлений возможных и желаемых перемен в разных группах и слоях населения не наблюдается. Так, интенсивность запроса на справедливость в когорте респондентов 18-30 лет существенно ниже, чем в старших возрастных группах (51-60 и старше 60 лет). Доля молодежи, которая сочла это направление приоритетным, составила 41%, тогда как среди россиян пред пенсионного и пенсионного возраста – 60 и 55% соответственно. Причем в когорте 51-60 лет запрос на справедливость явно доминирует, а среди молодежи он сопоставим с запросом на экономические

реформы и реформы социальной сферы (образование, наука, здравоохранение, культура).

Среди молодежи более отчетливо выражено стремление к либерализации общественной жизни страны – развитию демократии, политических и экономических свобод, о чем заявили 17% респондентов самой младшей возрастной группы (18-20 лет), сближению со странами Запада, приходу к управлению страной нового поколения россиян. Напротив, неоконсервативный тренд развития страны – защита русских, возрождение традиционных нравственных и религиозных ценностей имеет чуть больше сторонников у старшего поколения. То же самое можно сказать и о необходимости укрепления обороноспособности страны.

Что же касается, разных социально-имущественных групп, то здесь уже довольно четко просматривается наличие заметных противоречий в видении путей возможной трансформации России. Это выражается в том, что усиление социальной справедливости, борьбы с коррупцией считают актуальным 61% респондентов, оценивающих свое материальное положение как «плохое», в то время как хорошо обеспеченные в материальном отношении россияне данный дискурс возможных перемен считают важным и необходимым существенно реже – 39%.

Таким образом гипотеза исследования была подтверждена. При некоторых различиях в приоритетах, общий вектор ожиданий российского общества ориентирован на минимизацию разнообразных неравенств, включая возможности индивидуальной самореализации и политического выбора. При этом, запрос на перемены, отнюдь не тождественен запросу на радикальную смену экономического курса или «опрокидывание» политического режима. Многие наши сограждане, помня свою историю, опасаются радикальной ломки привычных устоев жизни, после которой стране, чтобы прийти в себя, нужны годы, десятилетия. Именно поэтому эволюционный, без волонтаристских экономических экспериментов, без агрессивной политической конфронтации, а не революционный, сценарий развития страны представляется им наиболее оптимальным.

В целом же можно констатировать, что эволюция системы политической власти в нашей стране еще далека от завершения, а в нашем обществе она всегда вариативна. Но если оценивать вероятность реализуемости того или иного проекта с точки зрения его поддержки обществом, то демократический проект, судя по результатам исследований, на эту поддержку может рассчитывать все же в большей степени, чем авторитарно-мобилизационный. Прежде всего, потому, что запрос на него востребован молодежью, то есть теми, кто уже сегодня начинает активно участвовать в строительстве этой самой будущей России.

Литература

1. *Лапишов В.А.* Социальная сущность глобализации // Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке: Материалы международной научной конференции / Под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. М.: Финансовый университет, 2014. С. 198-201.

2. *Латишев В.А.* Социальный капитал развития современной России // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания. Материалы II Международной научной конференции: сборник научных трудов / Под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. М.: Финансовый университет, 2015. С. 722-732.

3. Социологическая энциклопедия. В 2-х т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд (Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. Гл. ред. В.Н. Иванов). М.: Мысль, 2003. 863 с.

4. Социологический словарь / Отв. ред Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Черношек. М.: Норма: Инфра-М, 2014. 608 с.

5. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: Изд-кая группа ИНФРА·М–НОРМА, 1998. 488 с.

6. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.

Шибанова-Роевко Е.А.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОГРЕССИВНОГО ТИПА РАЗВИТИЯ С КРИЗИСНЫМ УКЛОНОМ

Введение

В принципе любая человеческая деятельность осуществляется как комбинация циклической и нециклической природы, и в экономической сфере речь может идти об объемах производства, деловой активности, комбинациях конъюнктуры, потоках ресурсов. Циклическая природа экономики в упрощенном варианте трактуется как совокупность подъемов и спадов либо смена депрессии и бума, но наиболее популярна в среде экономистов трактовка цикла, которая детализирует его состав в виде четырех фаз (этапов): кризис, стагнация, оживление и экономический рост. Нередко исследователями, особенно американскими, из рассмотрения убирается «кризис» и вводится «рецессия», т.е. замедление роста. Циклическая тенденция, неоднократно и спиралевидно повторяясь, совокупно с нециклической соответствует цивилизационному прогрессу.

Казалось бы, все просто и звучит как истина.

Последний глобальный финансово-экономический кризис (2007-2009 гг.) значительно усложнил картину бытия, и массово возникло осознание целого ряда мировых экономических проблем, причем не как преходящих явлений, с которыми человечество в недалеком будущем успешно покончит, но как совокупности состоявшихся, стойких тенденций. Тогда казалось, что наступило переломное состояние в познании и понимании социально-экономической реальности и научной картины мира: тяжесть движущих сил кризиса и последствий для экономики, его глобальный масштаб, повсеместные национальные антикризисные программы – все указывало на кризис-ориентированные действия и их победу над кризисом. Но, чем дальше отходят события тех лет, тем больше при рассмотрении страновых моделей развития негативные стороны жизни социума ассоциируются лишь с кризисной фазой. И напротив – восстановление успешного социально-экономического развития все

более увязывается с имманентными свойствами экономического роста. Так ли справедлива данная дифференциация?

Основания для однозначных группировок кроются в логике современного толкования прогресса. В отсутствие политэкономической образованности, на слабо-научном и тем более обыденном уровне экономический рост и прогресс воспринимаются как синонимы. Поэтому считается, именно благодаря прогрессу обеспечивается рост благосостояния и качества жизни населения, автоматически увеличивается число рабочих мест и социальных гарантий, воплощаются в полноценную реальность технико-технологические возможности общества и личностные устремления индивидуумов.

Хотя бум, расширение деловой активности, экономический рост в целом отождествляются с прогрессом, нахождение экономики в состоянии роста не означает беззаботного процветания, причем в примитивном временном срезе – от кризиса до кризиса. Значительная нестабильность и разнообразие типов экономической динамики вновь усиливают внимание к особенностям прогрессивного типа развития и ставят вопрос о слабой идентификации и недостаточности набора ранее изученных характеристик экономического роста. Цель неуспокоенных исследователей – постановка новых проблем.

1. Прогресс и развитие в координатах познания

Вопрос о прогрессе как о движении вперед, успехе и благоденствии является одним из центральных в социальной философии, истории, обществоведении, социологии и, конечно, в экономике. Такой общенаучный интерес объясняется тесной связью с вопросами жизнедеятельности социума, истории и перспектив социально-экономических систем, причинами и факторами общественного развития.

Идеи исторического прогресса стойко обозначились в специальных работах ко второй пол. XVIII века в связи со становлением и развитием капиталистической формации. Основоположниками считаются А.Р.Ж. Тюрго и Н. де Кондорсе, разработавшие рационалистическую теорию. Далее глубокую трактовку прогресса дал Г. Гегель, который сформировал о нем процессное представление от низшей ступени развития к высшим и как непрерывное восходящее движение к духовной свободе. Данная концепция считается идеалистической. Но К. Марксу как экономисту довелось увязать прогрессивный тип развития общества с развитием материального производства и как социологу – с движением общества от одной общественно-экономической формации к другой.

По Марксу, прогресс – это изменение и развитие социально-экономических структур общества, при котором создаются условия для успешного развития производительных сил и, на их основе, для более полного развития человека, для повышения благосостояния народа. Критерием прогресса выступают уровень развития производительных сил, производительность общественного труда, производственные отношения.

У сторонников важности и первостепенности прогрессивных тенденций немало явных либо опосредованных противников – Ф. Ницше, О. Шпенглер, М. Фуко, К. Поппер, А. Дж. Тойнби, Ф. Фукуяма. На деле список более обширен и насчитывает не менее трех-четырёх десятков имен.

Те исследователи, которые не являются сторонниками прогресса, в своем большинстве не отрицают возможности прогрессивных тенденций, но считают, что обычно происходят лишь некие общественные изменения, и – основное – что осуществляется почти вечный круговорот социально-экономических и культурологических реалий, направленных против прогрессивного типа исторического развития. Например, Шпенглер выделяет несколько локальных, не связанных друг с другом цивилизаций (культур), совершающих цикл рождения, расцвета и умирания; весь период цикла хоть и определяется в период 1000 лет, но имеет фатальный уклон; сама цивилизация характеризуется господством антидиалектических процессов – мертвой природы над живой, техники над искусством и иных. Схожая позиция, но с возможностью спасения, у Тойнби, который прогрессистскую теоретику подменяет теорией цикличности. Для Поппера рост научного знания является частным случаем, а законы развития не являются объективными. Фуко считал, что прогресса нет в традиционном смысле, т.е. как движения вперед, а есть череда состояний мысли, неких схем конвенций; объяснение – в скачкообразной смене эпох. Ницше ставит акценты на расцвете промежуточных форм и убыли типов, а также на разрыве с традицией и ослаблении силы воли. Примечательно мнение нидерландского теоретика Йохана Хейзинги: ученый не только не отрицает развития техники и «бастионов экономической и политической эффективности», но уверен, что «варварство тоже может воспользоваться всеми этими средствами.. и станет только сильнее и деспотичнее» [4, 350]. Талантливый русский и американский ученый Питирим Сорокин, по сути, отрицая цикличность развития, утверждал, что происходит лишь разрушение одной формы, «за которым последует новая интеграция», и что замена фундаментальных форм не ведет к гибели того общества, которое подвергается трансформации.

Не только противники прогресса ошибочно трактовали закономерности развития. Среди сторонников мы наблюдаем либо в неизменном виде, либо с некоторыми особенностями тезис о *развитии как функции сохранения системы*. Его популярность основана и на авторитетах известных функционалистов (Р.К. Мертон, Т. Парсонс, П.А. Сорокин, А.А. Богданов-Малиновский и др.), но главное – на принципах неоклассиков, которые выражаются в поддержке абсолютизации устойчивости социальной системы, засилии теоретического абстрагирования и практического игнорирования качественных изменений системы и присущих ей противоречий. Присмотреться к непреклонной «правильности» функционалистского тезиса, считаем, пришел срок.

Развитие может происходить как по прогрессивному типу, так и по регрессивному (восходящее и нисходящее). Развитие не может происходить и

не существует без своей основы – функционирования. Проф. Коротков Э.М. указывает: «Функционирование – это поддержание жизнедеятельности, сохранение функций, определяющих ее целостность, качественную определенность, сущностные характеристики. Оно предполагает наличие предмета труда, средств труда и человека, осуществляющего трудовую деятельность; развитие характеризует их изменения» [1].

Развитие – это приобретение нового качества, укрепляющего жизнедеятельность в условиях изменяющейся среды. С экономических позиций фактом развития служит повышение производительности труда, изменение его характера, возникновение новых технологий. Развитие не является и не может быть чьей-то функцией, это особняком исполняемый процесс; отправление функций есть задача процессов функционирования.

Исполнение взаимодействия функционирования и развития обеспечивается обратной связью. Оба процесса связаны гармонией системы: функционированию соответствует темп системы, развитию – ее ритм.

Функционирование и косной природы, и техно-технологической среды, созданной человеком, дегрессивно, и лишь живая природа, включая человека, способна к самовоспроизведению. Поэтому без развития природно-техно-социально-экономическая система погибнет.

Делаем промежуточный вывод по заявленной теме исследования: развитие системы имеет своей основой ее функционирование и одновременно является необходимым условием как успешного сохранения системы, нормального ее функционирования, так и патологического функционирования (дисфункций) системы вплоть до ее гибели, но вдобавок есть и условие активного и реактивного маневрирования.

2. Экономический рост vs кризис: так ли однозначен синоним прогресса?

В научных публикациях, посвященных экономическому росту, нередко отмечаются его ситуационные трудности и особенные эффекты, причем большинство умозаключений сводится к их современному, внеисторическому характеру. Наиболее распространена аналитика быстрого морального старения продукта, преобладания сферы услуг над сферой материального производства, а также создания совокупной добавленной стоимости современных продуктов цепочкой страновых добавленных стоимостей.

Но имеются разработки, увязывающие проблемы роста экономики в единый историко-цивилизационный континуум и указывающие на такие глубокие трансформации, которые нельзя назвать просто ситуационно проблемными.

К наиболее значимым аспектам отнесем следующие: 1) экономический рост уже не может пониматься чисто физически – только за счет увеличения объемов производства либо валовой прибыли; 2) прогрессивные тенденции роста имеют разрывы или кратковременные проседания по разнообразным

инновационным причинам*); 3) на фоне сохранения прежних объемов экономики ее возможности расширяются за счет перехода к точечному, персонифицированному производству продукции под конкретного клиента: 20% на анализ и 80% на сбор данных (эффективность клиентоориентированности); 4) прочно укоренилось сопровождаемое противоречиями потребление товаров, являющихся по своей сути массовыми, но обладающих временно индивидуализированными характеристиками («экономика впечатлений»); 5) исследователи конкретно говорят о цивилизационных, структурных и др. кризисах в фазе экономического роста*.

Практические специалисты, предприниматели, рассчитывая на успех и прогресс своих бизнес-проектов, также все чаще учитывают экономическое неравновесие: мантрами звучат «рецепты смесей из семян успеха, удачи и неудач, кризиса», состоящие в оптимальной предрасположенности к риску, способности к коррекции своего экономического поведения, осмотрительном и расчетливом использовании материальных, финансовых и информационных ресурсов, своевременной диверсификации и модернизации деятельности, адаптации к трансформациям экономики будущего. В случае оптимального и оптимистического сценариев все перечисленное рассматривается как своеобразный ориентир успеха. При варианте эскалации конфликтов и потрясений ситуация оценивается на языке предпринимательского арго как «умение вовремя выйти из игры». С научной точки зрения это – кризисная ситуация, которая может закончиться ликвидацией бизнеса и корректным уходом с рынка.

Как видим, и научное, и бизнес-сообщество все активнее поворачиваются к пониманию прогрессивности развития с позиций неравновесного процесса, в котором присутствует более быстрая, чем ранее, по темпам и ритму реакция современного рынка¹. С позиций кризис-ориентированной реальности реакция может возникать в виде: а) кризисных флуктуаций – слабых и нередко потенцирующихся (накапливаемых) воздействий, приводящих к резкому обрыву сложившихся тенденций; б) кризисных бифуркаций – вариантов

---

* Например, при рассмотрении инновационного продукта, реализуемого на современном рынке, основные доходы из сферы производства перемещаются в сферу обмена (маркетинга), а оставшиеся доходы в сфере производства тоже дифференцируются и сосредоточиваются более в области разработок. Эти процессы актуализируют состояние прямых производителей как проблемное, а достижения экономического роста расслаиваются на успехи и проблемы [Источник: Каплинский Р. Распространение положительного влияния глобализации: анализ «цепочек» приращения стоимости // Вопросы экономики. 2003. №10. С. 4-26].

* Это – своеобразный переход от масс-потребления к квазистатусному или квазиуникальному потреблению. В работе японского экономиста Т. Sakaiya на ярких примерах демонстрируются противоречия между новой стоимостью временно альтернативных товаров и величиной средних издержек [6]

* В качестве своеобразного примера подтверждения приведем следующую статистику: акционеры-держатели акций компаний из листинга Лондонской, Парижской и Нью-Йоркской бирж к концу 2000г. в среднем держали акции в течение всего лишь 1,3 лет; десятью годами ранее этот срок составлял 2,5 года, в 70-е г.г. XX в. – 4 года, в 60-е г.г. – 8 лет [Источник: Wall Street Journal. 25 июня 2001 г.]

альтернативно-путевого развития экономических процессов, в числе которых может наблюдаться гибель системы*.

3. К вопросу о сочетаемости экономического роста с кризисным уклоном

Итак. В традициях неоклассиков развитие воспринимается как тождество экономического роста, который, в свою очередь, провозглашается единой желанной целью, а в отдельных трактовках – обязательным условием существования. Экономическим ростом считается состояние экономики, сбалансированное как устойчивое равновесие и, соответственно, неустойчивость трактуется как шум и случайные возмущения. При таком подходе проблема бедности, безработицы, несправедливого распределения доходов ассоциируется с природой человека и представляется в виде норм человеческих отношений и отклонений от этих норм. Регресс почти однозначно увязывается с ухудшением условий деятельности, сужением рынка, ликвидацией экономических субъектов и, соответственно, с фазой кризиса в ходе экономической деятельности.

Говоря об экономическом цикле, то в части спада активности, свобод и демократии, осознанности саморегуляции, а также обвалов рынка, сжатия гуманности, совокупной деградации и тому подобных негативных и угрожающих тенденций соответствуют общекризисным фазам – рецессии, фазе собственно (явного) кризиса и стагнации (депрессии). За этим вновь следует оживление и бум, т.е. экономический цикл возобновляется. В результате в центре внимания традиционных экономических теорий оказываются ординарные экономические явления и процессы, изучение которых предваряется обязательным абстрагированием целого ряда изменений.

Такой состоит идейная логика традиционных экономических концепций неоклассиков, называемой еще «физической экономикой» в виду линейности подходов.

Идеи, кажущиеся простыми, логичными и стройными, придали популярность неоклассическим экономическим учениям; это же за многие годы сделало подход в целом консервативным, в чем-то даже догматичным, не соответствующим в достаточной мере стремительно меняющейся реальной картине мира конца XX – нач. XXI вв.

Иная гносеологическая парадигма – экономическая эволюция (или, как говорят экономисты, «эволюционная экономика») – как таковая

---

* Для аналитического представления о роли и месте кризисных бифуркаций автором сформулирован дуальный бифуркационный принцип: статика бифуркации являет собой оптимизационную структуру, состоящую из нескольких возможных векторов развития; динамика бифуркации как процесса протекания экономического события в целом имеет формат: а) магистрали, т.е. линейного моно-пути; и б) парадигмального сдвига, т.е. принципиального изменения модели постановки проблем и их решений. В свою очередь, сдвиг может происходить в виде ростового скачка и в виде явного реактивного кризиса [5, 71]. Бифуркация, по мнению автора статьи, должна быть отнесена к атрибутивным элементам кризиса как системного явления. Отдельные ученые трактуют: «чем ближе очередная бифуркация, тем короче горизонт видимости, тем неопределеннее и альтернативнее будущее» [3, 44].

ортодоксальными учениями в принципе не отвергалась, но в реальный учет не бралась. Тем не менее, эволюционные идеи параллельно традиционным все же привлекали внимание отдельных выдающихся философов, экономистов – К. Маркса, Й. Шумпетера, Д. Норта. В последние годы, с конца XX в. идеи эволюционизма переживают ренессанс и благодаря сотням публикаций и книг значительно продвинулись вперед на пути популяризации подхода. Однако в экономической теории эволюционные идеи все же не нашли пока достойного закрепления и не приобрели реально широкого образовательного распространения.

Основой развития в эволюционной парадигме считается не устойчивое состояние, а как раз наоборот – неустойчивость, нестационарность, нелинейность. Приверженцы экономической эволюции считают, что экономическое развитие – это вынужденный процесс адаптации; рост же количества и качества потребляемых благ объявляется не желанной целью, как у неоклассиков, а как успешный совокупный результат вынужденных преобразований. Как видим, объединяет обе гносеологических парадигмы опора на так называемого экономического человека.

Для отвоевывания эволюционными идеями надежных позиций в экономической среде имеются значительные сложности. Они состоят в идейно-содержательном наполнении эволюционной экономической парадигмы, а именно: исследователями этого направления экономической теории признается примат неравновесия в успешном развитии социума, но понимается неустойчивость так по-разному и выставляется так дифференцированно, что подходы смотрятся принципиально отличающимися друг от друга. Необходима серьезная и развернутая научная работа по эндогенной типологизации.

Выделим три крупных экономических группировки внутри эволюционной парадигмы: 1. Отдельные ученые основным параметром, в соответствии с которым происходят изменения структуры экономических процессов, считают «время». 2. Следующая группа – информационно наиболее массивная – ведущим элементом развития считает поведение индивидуумов*. 3. Третью группу объединяет идея обратной связи*.

---

* Например, некоторые исследователи считают, что по мере приближения к критическим значениям параметров рынка (цен, спроса на товары, временных факторов) локомотивом развития выступает повышенная способность отдельных индивидуумов к коррекции своих ожиданий и экономического поведения (причем не обязательно в виде рациональных действий). Данное – антропогенное – направление представлено как умеренно-активными теоретическими разработками, так и продвинутыми идеями, что в целом выдвигает его в формат значительно развитых в рамках эволюционной экономики. К примеру, Костюк В.Н. (ИСА РАН) в ряде работ разработал и ввел понятие «мультипликатор предпринимательской уверенности», в основе которого лежит учет объема сделанных инвестиций и предельной склонности к потреблению; ученый уверен, что динамика совокупного дохода в основном (или сильно) зависит от индекса предпринимательской уверенности.

* Обратная связь имеет место как в живом организме, в работе технических устройств, так и в обществе. В случае сохранения и усиления результатов управляемого или регулируемого процесса связь является положительной; с помощью отрицательной обратной связи результаты ослабляются. «Понятие обратной связи необходимо для анализа функционирования и развития сложных систем

Еще имеются так называемые отрицательные эффекты экономического роста, особняком выделенные эволюционной парадигмой: а) меняющееся во времени отношение потенциальных потребителей к «индивидуализированной знаковой ценности товара (sign-value), отражающей смещение устремлений человека от первичных потребностей (needs) к желаниям вторичного плана (wants, desires)» [5]; б) эффект морального старения (товара А) и эффект возникновения сверхвысокой стоимости (товара В), в случае переключения покупателя на лучший товар; в) повышение роли информации в создании стоимости, причем затраты на поиск и приобретение информации растут на фоне снижения затрат на материалы и энергоресурсы.

Как видим, единства среди экономистов по вопросам прогрессивного развития нет. Но в целом усилия всех участников следует отнести к удачным попыткам «улучшения» обеих гносеологических парадигм – и физической, и эволюционной: устранение недостатков и пробелов учеными предлагались в форматах теории переходной (транзитивной) экономики, трансформационного подхода, синергетического и гомеостатического системного подходов, теории экономических изменений (управления изменениями), идей патэкономии и др. Вводились и развивались понятия «эволюционный кризис», «цивилизационный кризис», «терминальный кризис», «преобразующая адаптация», «комплексный адаптивно-энтропийный эффект» и ряд других, существенно обогативших понятийный аппарат научного знания о кризисных и паракризисных проблемах развития.

Заключение

Среди спорящих друг с другом или дополняющихся гипотез разнообразной кризисной проблематики в условиях роста и движения вперед обычно упоминаются: макроэкономические изменения; метаконкуренция; целенаправленная инновационная деятельность и, напротив, эндогенная инерция; общая цикличность развития; технологический прогресс; случайное зарождение институтов и их отбор; «кластер драматических эпизодов» в истории любой страны – кризисы, войны, революции.

И, тем не менее, вдумчивому исследователю очевидно, что нельзя понимать кризис только как односторонний регресс, неотвратимо несущий в себе гибель системы или ее нарушение и разрушение. Кризис как вариант общего гармоничного развития несет в себе также возрождение, становление нового и даже более сложного порядка. Так и экономический рост не тождественен непременно лишь успешному прохождению сложных, более высоких уровней.

Для идентификации отрицательной обратной связи, ослабляющей успешное управление, необходимо выделение ее движущих сил, т.е. факторов. Этому поможет правило: кризисные факторы соответствуют потоку кризисных фактов. Но еще особняком необходимо учитывать Событие как род особо

управления в живой природе и обществе, для раскрытия структуры материального единства мира» [Источник: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова.- М.: Политиздат, 1980. С.254].

значимых фактов, потому что именно события реализуют статику кризисных актов в их динамику*. Однако в реальной производственно-хозяйственной жизни отрицательную обратную связь оценить крайне непросто, ибо чаще всего она неочевидна.

Важные дополнительные выводы мы получаем при введении в анализ экономического роста учет развития кризисных бифуркаций. Во-первых, выбранный субъектом путь не имеет гарантий полной гармонии и неизменности, и что планы не есть магистральная линейная догма. Во-вторых, совокупный взгляд на бифуркацию подвигает нас к ее пониманию не только как возможности альтернативных путей, но и выдвигает бифуркацию в качестве имманентного условия движения к новой структурной организации. Бифуркационная проблематика прогрессивного развития требует углубления научных исследований для дальнейшего построения научных гипотез, их экспликации.

Литература

1. Антикризисное управление: Учебное пособие / Под ред. Э.М. Короткова. М.: ИНФРА-М, 2012. 240 с. ISBN 978-5-16-003005-0
2. *Валлерстайн И.М.* Система переживает коллапс / Интервью П. Власова, П. Быкова, П. Кирьяна. – URL: www.archipelag.ru/authors/wallerstein/?library=1087
3. *Костюк В.Н.* Нестационарные экономические процессы. - М.: Едиториал УРСС, 2004. 240с.
4. *Хейзинга Й. Homo Ludens.* В тени завтрашнего дня. М., 1992.
5. *Шибанова-Роенко Е.А.* Кризисные бифуркации как проблема успешного развития социально-экономических систем: контекст обоснования // Друкерровский Вестник. 2016. №5. С. 61-73.
6. *Sakaiya T.* The Knowledge-value Revolution, Or History of Future. N.Y. – Tokyo, 1991; Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего. Сокр. пер. // Новая индустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С.337-371.

---

* Под событием мы понимаем сочетание действий, некую комбинацию внешних и внутренних факторов, приводящих к существенному изменению конфигурации системы.

8. РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В XXI СТОЛЕТИИ: ЗАПАД ИЛИ ВОСТОК?

Орусова О.В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ЯПОНИИ: ВОЗМОЖНЫЕ УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Выступление японского премьер-министра Синдзо Абэ на Восточном экономическом форуме (ВЭФ) в сентябре 2016 года во Владивостоке стало заявкой на совершенно новое качество отношений Токио и Москвы. Премьер представил глубоко проработанный план сотрудничества двух стран. Похоже, что экономические санкции между странами могут быть вскоре отменены. Что в этом случае ждет обе страны, какая политика проводится в современной Японии, какой опыт японских антикризисных мер может быть полезен российской экономике – этим вопросам посвящена данная работа.

Напомним, что Япония и западные страны в свете того, что Россия в марте 2014 года аннексировала украинский Крымский полуостров, ввели санкции в отношении России, в июле того же года введя дополнительные. Помимо приостановки выдачи виз и заморозки активов отдельных лиц под запрет попали ценные бумаги, выпущенные определенными российскими банками, а также импорт продуктов крымского производства и экспорт товаров военного назначения. В ответ на это российская сторона ввела «ответные меры», например, ввела запрет о въезде в страну определенных лиц.

По данным Федеральной таможенной службы России, в январе-марте 2017 года Япония оставалась одним из основных торговых партнеров России среди стран дальнего зарубежья, занимая по этому показателю шестое место. Товарооборот с Японией за этот период составил \$6,6 млрд (снижение на 15% по сравнению с первым кварталом 2016 года). При этом США по объему товарооборота с РФ занимают седьмую строчку с показателем \$6,4 млрд.

По итогам 2016 года Япония вышла на седьмое место в списке торговых партнеров России, опередив США, Турцию и Италию. По данным Госкомстата, торговый оборот РФ с Японией тогда составил \$33,2 млрд, или 3,9% от общего объема внешней торговли РФ [1].

Как видим, торговые отношения наших стран имели внушительный объем. Отметим, что курс на укрепление отношений с Россией был взят с конца 2012 года, когда к власти пришла администрация Синдзо Абэ, начавшая экономические реформы. Современная экономическая политика, осуществляемая в Японии, и получила название «Абэномика», по имени премьер-министра страны Синдзо Абэ (Shinzo Abe). Её стержень – «Японская стратегия восстановления», или программа «Трех стрел», была принята в июне 2013 г., но с течением времени программа видоизменялась, появлялись новые стрелы и направления реформы.

Само название программы – «*стратегия восстановления*» – говорит о том, что руководство страны, принимая ее в 2013 году, оценивало ситуацию как сложную и ставило задачу принятия неотложных мер по «лечению» экономики.

Предпосылки стратегии. С какими наиболее серьезными вызовами была призвана бороться новая стратегия роста?

Во-первых, это потеря позиций в мировых рейтингах. В 2011 г. Китай впервые по размеру ВВП обошел Японию и занял место второй экономики мира. Если в 1992 г. доля ВВП Японии (по покупательной способности – ППС) от мирового ВВП составляла 13,65%, то в 2012 г. она упала до 8,25%, а в 2015 г. составила уже 4,4% [6]. По годовым темпам роста ВВП в 2014 г. экономика Японии находилась на 199-м месте среди экономик остальных государств [10].

Во-вторых, это дефляция, начавшаяся в 1990-х гг. и ставшая причиной попадания Японии в т.н. «ликвидную ловушку». Как известно, дефляционные тенденции в кризисных условиях стали одной из самых опасных угроз для развитых экономик. Японский опыт служит наглядным примером негативных последствий дефляции: падение выпуска промышленной продукции, сокращения внутреннего спроса, уменьшение банковской процентной ставки, рост «неработающих» сбережений населения. Как пишет американский экономист и публицист Пол Кругман, «...Япония находится в ужасной «ловушке ликвидности», где денежно-кредитная политика становится неэффективной, поскольку невозможно опустить процентные ставки ниже нулевой отметки».

В-третьих, это большой внутренний государственный долг. Согласно данным Министерства финансов Японии, в 2015 г. суммарный государственный долг Японии составил 229,02% от ВВП, а в 2016 г. он, по прогнозам, составит 232,4% ВВП [4].

В-четвертых, это демографические проблемы. В докладе министерства здравоохранения, труда и социального обеспечения Японии отмечается, что структура возрастной пирамиды населения серьезно деформировалась в сравнении с 1950 г., и этот негативный процесс при отсутствии грамотной демографической политики будет продолжаться [10].

В-пятых, в конце XX в. – начале XXI в. Япония выбилась из ритма динамики развитых экономик и утратила в пользу Китая как лидерство в Тихоокеанской Азии, так и позиции в международной торговле. Постепенная ревальвация иены ускорила развитие японского предпринимательства по транснациональной модели, когда компании инвестируют за границей больше, чем внутри своей страны. Бюджет теряет налоговые поступления от экспорта, а экспортная выручка не трансформируется во внутренний спрос.

Первый этап реализации стратегии. Чтобы переломить ситуацию, премьер-министр Синдзо Абэ обнародовал «Японскую Стратегию восстановления» [8] – т.н. программу «Трех стрел», которую разработал отставной профессор Йельского университета (США) Коити Хамада, ставший впоследствии правительственным советником. Примечательно, что Стратегия не является конечным неизменным документом - она постоянно дополняется и

расширяется по мере изменения общей экономической и политической ситуации в стране.

Первая «стрела» реформ была направлена на преодоление дефляции и достижение двухпроцентного годового уровня инфляции. Вторая «стрела» включала активное расширение бюджетных расходов для поддержки экономики, включая инфраструктурные проекты и новые технологии. Третья «стрела» должна была вывести Японию на стабильный экономический рост.

Для достижения цели, заключавшейся в спасительном росте цен, экономику предполагалось насытить добавочными объемами наличных денег, т.е. «включить» на некоторое время «печатный станок». Кроме этого, начиная с 2014 г. Центральный банк планировал ежемесячно закупать у банков и других участников рынка ценные бумаги на 13 трлн иен (\$108,3 млрд). Временных рамок у этой программы нет. Предполагается, что направляемые финансовым органам деньги превратятся в доступные кредиты, пойдут на расширение инвестиций и, в конечном итоге, приведут к скачку во внутреннем потреблении.

Вторая «стрела» была направлена на расширение государственных бюджетных ассигнований в инфраструктурные проекты, включая дороги, мосты, туннели, восстановление объектов, разрушенных стихийными бедствиями. Огромные средства выделялись на производства, связанные с новейшими технологиями, включая новые направления медицины, в т.ч. на создание первой в мире индустрии выращивания человеческих органов из стволовых клеток.

Третья «стрела» – комплекс мер по тонкой административной и правовой настройке, которые направлены на создание т.н. «позитивного цикла роста». Что означает формирование условий, способствующих увеличению и инвестиций, и потребления [3].

По сути, все 3 «стрелы» вместе должны развернуть движение экономики по спирали в обратную сторону - от сужения к расширению. Если в нынешней ситуации рецессия стимулирует дефляцию, а та, в свою очередь, стимулирует рецессию, экономический рост будет стимулировать инфляцию, которая должна оказаться отличным подспорьем для дальнейшего экономического роста. По прогнозам властей, в совокупности все эти меры позволили бы стране получить 50 трлн иен ВВП (\$416,7 млрд), потерянных за 2 десятилетия экономической стагнации. Тогда же появилась и четвертая «стрела»: планируемые к проведению в Японии Олимпийские игры 2020 г. потребуют развернуть в стране крупномасштабное строительство. Все четыре направления суммируются в одну задачу: максимально расширить спрос на внутреннем рынке.

Результаты первого года реформы были обнадеживающими. По т.н. совокупному индикатору, учитывающему промышленный рост, объём розничных продаж и предложение новых рабочих мест, Япония вышла на самый высокий уровень за последние 5 лет. Японские акции в 2013 г. показали самый высокий рост более чем за 40 лет.

В 2013 г. ВВП вырос на 1,9%, безработица уменьшилась с 4,3% до 3,7%, увеличились оборот розничной торговли и потребление домохозяйств, прекратилась дефляция. В январе 2013 г. инфляция составляла +0,2%, а в декабре – +1,3%. Курс иены понизился с 85 до 105 иен за доллар. В целом, итоги 2013 г. были расценены как свидетельство успеха проводимой экономической политики.

Однако результаты 2014-2015 гг. оказались уже не столь впечатляющими. В 2014 г. произошло падение ВВП, и дефляция осталась главной проблемой. Основной причиной спада можно считать снижение потребительского спроса, связанное с повышением с 1 апреля 2014 г. налога с продаж с 5% до 8%. Отметим, что в первом квартале 2014 г. объем розничных продаж увеличился на 11%, потребительский спрос возрос на 8,4%, но после повышения налога снизился на 19%. Правительство планировало второй раз повысить налог на потребителей с 1 апреля 2017 г. до 10%, но 1 июня 2016 г. эта мера была отложена до октября 2019 г. Эксперты отмечают, что такое решение кабинета министров окажет стимулирующее воздействие на расходы населения в 2016-2017 гг.

Экономические результаты первых 2,5 лет реформ не достигли запланированных. Среднегодовой рост ВВП составил только 1,7%, а не 3%, как ожидалось. Вырос государственный долг страны. Мягкая денежно-кредитная политика Банка Японии признана первопричиной дефляции. Рост «плохих долгов» и вхождение экономики в ликвидную ловушку побуждают хозяйствующих субъектов увеличивать свои сбережения в денежной форме и не расходовать их на приобретение произведенных товаров и услуг. Поэтому монетарные власти не в состоянии с помощью денежных средств и фискальных инструментов стимулировать экономический рост.

Второй этап реализации стратегии. Премьер-министр Синдзо Абэ 7 октября 2015 г. объявил о новом витке «Абэномики» («вторая стадия оживления» – «революция производительности»). От стимулирования внутреннего спроса стране необходимо перейти к резкому скачку в производительности труда, но этого трудно достичь из-за сокращения доли экономически активного населения в результате старения нации. Теперь правительство берет курс на стабилизацию экономики и социальных условий для стимулирования роста рождаемости. В первую очередь, повышение производительности труда связано с «инвестициями в будущее», будь то инвестиции в физический капитал, в технологии, а также в человеческий капитал. Производительность труда рабочих в Токио выше, чем в регионах, что свидетельствует о потенциальных резервах роста производительности труда в масштабах всей страны.

«Новая волна» реформ включала в себя 10 ключевых направлений развития:

– совершенствование корпоративного управления: продолжение налоговой реформы, поддержка венчурного предпринимательства и т.д.;

– реформа образования с целью построения т.н. инновационной системы университетов;

– развитие туризма: увеличение числа туристов до 20 млн в год;

– агрессивная сельскохозяйственная политика: ставится задача за 10 лет в 2 раза увеличить доходы сельскохозяйственного бизнеса путем расширения масштабов экспорта и освоения заброшенных или трудных для использования сельскохозяйственных угодий;

– финансы: удвоить к 2020 г. число прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику страны;

•фармацевтика: упорядочить процесс законодательного утверждения новых медикаментов и больничного оборудования путем создания японской версии Американского национального института здоровья (Национальный институт здоровья – учреждение Департамента здравоохранения США, основной центр правительства Соединенных Штатов, ответственный за исследования проблем здравоохранения и биомедицины);

•дальнейший рост женской занятости; за время правления кабинета Синдзо Абэ резко возрос уровень занятости японок; компании со штатом свыше 300 человек все чаще выдвигают женщин на руководящие должности;

•построение более мобильной системы рынка труда: уход от принятого в стране т.н. пожизненного найма, удержание от выхода на пенсию людей законодательно определенного пенсионного возраста;

•активное привлечение иностранной рабочей силы в высокотехнологичные отрасли и отрасли, обслуживающие стареющее население;

•улучшение качества медицинских услуг и развитие здравоохранения с целью повышения рождаемости [2].

В июне 2016 г. правительство Японии обнародовало «План активного вовлечения всех граждан» [8], который включал 3 новых «стрелы» увеличения занятости. Первая – повышение номинального ВВП с 490 трлн иен (\$4,08 трлн) в 2015 г. до 600 трлн иен (\$5 трлн) в 2021 г. Вторая – достижение уровня рождаемости 1,8 ребенка на семью до 2025 г. (средний коэффициент рождаемости составлял в 1984 г. 1,81 ребенка на семью; затем был существенный спад за 30 лет до 1,43 - в 2013 г). Третья – создание такой системы социального обеспечения и социальной защиты, при которой для ухода за больными членами семьи никто не будет покидать свои рабочие места. Было подсчитано, что к 2020 г., когда в Токио пройдут Олимпийские и Паралимпийские игры, японцам, которые родились после войны, будет больше 70 лет. И если их дети покинут рабочие места для ухода за пожилыми и больными родными и близкими, то японский рынок труда ждет настоящий коллапс. Поэтому правительство уже сейчас ставит задачу создания сильной системы социальной защиты и помощи пожилым и престарелым людям.

Механизмами реализации этих задач правительство видит, во-первых, поддержку со стороны государства системы защиты материнства и детства, во-вторых, поддержку ухода за престарелыми, в-третьих, содействие занятости

пожилых людей, в-четвертых, обеспечение равных прав и оплаты труда для работников с полной и неполной занятостью, в-пятых, ежегодное увеличение минимальной заработной платы на 3%. В настоящее время средний уровень минимальной зарплаты составляет 749 иен (\$7,41) в час. В зависимости от префектуры, этот показатель колеблется от 652 иен в сельских районах до 850 иен в Токио (в последние годы в Японии с поправкой на инфляцию наблюдается сокращение средней заработной платы: в 2014 г. – на 1,4%, в 2015г. – на 0,9%). Как видим, задачи определены достаточно конкретно и точно, подсчитан и экономический эффект от реализации этих мероприятий вплоть до 2025 г.

Каковы же предварительные результаты проведенной с 2013 года политики «Абэномика?» Номинальный ВВП вырос на 56 трлн. йен с 2012 года до 2016 года, прибыль корпораций за этот же период увеличилась на 25,6 трлн. йен, частные иностранные инвестиции выросли на 11,8 трлн. йен, количество занятых увеличилось на 1,9 млн. человек, из них женщин на 1,5 млн. человек, уровень безработицы снизился с 4,5 до рекордно низкого 2,8 %, налоговые поступления увеличились на 15,4 трлн. йен [7].

Третий этап реализации стратегии. 8 декабря 2017 года Правительство Японии принимает новый пакет реформ, включающий 4 основных направления:

- «революция» производительности. Ставятся задачи удвоения производительности труда, увеличения инвестиций в основной капитал на 10% к 2020 году и увеличения средней заработной платы на 3% после 2018 года. Росту производительности должна помочь «революция» в развитии человеческого капитала через увеличение на дополнительные 2 трлн. йен финансирования, главным образом, образования и поддержки детского развития. Впервые озвучена задача построения «общества 5.0», основанного на преимуществах использования инноваций четвертой индустриальной революции: интернете вещей, искусственном интеллекте, технологии больших баз данных, робототехнике;

- осуществление структурных реформ в отраслях здравоохранения, энергетики и сельском хозяйстве. Сделать Японию одним из мировых центров регенеративной медицины путем построения мобильной системы внедрения научно-исследовательских разработок в производство, сделав упор на хирургические, неврологические и офтальмологические исследования – конечная цель реформ в здравоохранении. В сельском хозяйстве ставится задача ослабления государственного регулирования для развития конкуренции, привлечения частного предпринимательства, в том числе молодежи. Планируется дальнейшее увеличение экспорта сельхозпродукции до 1 трлн. йен в 2019 году. В энергетике предпочтение отдается развитию газовой отрасли и электричества;

- использование внешних возможностей роста. Активное включение в рост внешних рынков – один из ключей для роста японской экономики. Ставится задача и дальше расширять сферы свободной торговли со странами партнерами

во внешнеэкономической деятельности, прежде всего участие Японии в высокотехнологичных инфраструктурных проектах. Развитие въездного туризма через создание дополнительных 100 туристических офисов внутри страны и за рубежом, продвижение туристических маршрутов в национальных парках и объектах мирового культурного наследия, введение на туристических маршрутах дополнительных зон бесплатного интернета и установка 3000 банковских терминалов для международных транзакций, упрощение условий для временного размещения туристов в частном секторе. К 2020 году количество иностранных туристов амбициозно планируется увеличить до 40 млн. чел. в год, к 2030 году – до 60 млн. чел.;

- улучшение бизнес-климата для привлечения прямых иностранных инвестиций. Продолжатся реформы в системе корпоративного управления для повышения прозрачности деятельности компаний, планируется снизить ставки налога на прибыль корпораций до уровня менее 30%. Для привлечения иностранных высококвалифицированных кадров упростятся многие визовые процедуры, например, срок рассмотрения документов для выдачи виз таким специалистам снизится до 10 рабочих дней, выдача Green card возможна после 1 года проживания в стране.

В целом, современная экономическая политика Японии - «*Абэномика*» - это, по нашему мнению, удачный пример сочетания активного государственного вмешательства в рыночную экономику, с одной стороны, и соблюдение принципов свободной рыночной экономики, с другой. При этом она направлена как на решение текущих задач (прежде всего, это преодоление дефляции и урегулирование проблемы государственного долга), так и на достижение долгосрочных стратегических целей: реформирование экономической структуры страны и построение гибридной модели экономики, т.е. опирающейся и на внутренний спрос, и на внешний рынок. Планируется, что позиционирование государства на внешнем рынке будет меняться: наряду с традиционным экспортом высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности Япония будет предлагать торговым партнерам инфраструктурные системы и решения.

Естественно, у подобной программы есть как сторонники, так и противники. Оппоненты премьер-министра Синдзо Абэ полагают, что ее реализация может привести к необузданной инфляции. К тому же, мягкая монетарная политика неминуемо приведет к снижению стоимости национальной валюты, что может оказать негативное влияние на импорт энергетических ресурсов, спрос на которые, а значит и общая стоимость, в период экономического роста значительно возрастут.

Однако, по мнению одного из ярких адептов современного варианта кейнсианской теории, лауреата Нобелевской премии Джозефа Стиглица, несмотря на сложности, есть все основания верить, что японская стратегия обновления экономики окажется успешной. Тем более, что страна имеет хорошо образованную и высококвалифицированную рабочую силу и находится в самом динамичном регионе мира [5].

Пока еще рано делать окончательные выводы об эффективности экономической политики Японии, но следует признать очевидный факт: программа оживления экономики премьер-министра Синдзо Абэ привела к укреплению уверенности и оптимизма населения страны. Если все намеченные планы будут успешно осуществлены, в долгосрочной перспективе сегодняшняя уверенность японцев в быстром и «надежном» экономическом росте окажется вполне оправданной.

Опыт проведения экономических реформ в Японии, несомненно, интересен и полезен, поскольку многие страны могут столкнуться с похожими проблемами, а изучение и освоение японского опыта поможет им быстрее выбраться из многовариантных трудных ситуаций и восстановить рост экономики и повышение благосостояния населения. Этот опыт может быть, безусловно, полезен, и России, когда в условиях экономической стагнации и неблагоприятной внешней конъюнктуры, перед страной стоит задача осуществить структурные реформы, найти внутренние драйверы роста экономики и сменить модель социально-экономического развития.

Литература

1. Кириллов А.Н. Два года «Абэномики»: первые результаты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61), Т. 2, С. 226.
2. Орусова О.В. Как лорд Джон Кейнс помогает Японии // Азия и Африка сегодня. - 2017. - №1. – с. 33 -40.
3. Орусова О.В. Реализация кейнсианской экономической политики в современной Японии //Тезисы докладов участников III Международной научной конференции «Воспроизводство России в XXI веке: диалектика регулируемого развития». М.: Финуниверситет, 2016.
4. Сенина Д.Н. Абэномика и дефляция в Японии // Банковское дело. 2015. № 7, С. 32.
5. Стиглиц Дж. Обещания “абэномики” - <http://www.vestifinance.ru/articles/26035>
6. Стрельцов Д.В. Попадут ли «стрелы» «Абэномики» в цель? // Азия и Африка сегодня. 2014. № 3, С. 9.
7. Achievements in two years of Abenomics - [Seika01gaiyouEN.pdf](http://www.seika01gaiyouEN.pdf)
8. Japan Revitalization Strategy-http://www.kantei.go.jp/jp/singi/keizaisaisei/pdf/en_saikou_jpn.pdf
9. Statistic Bureau of Ministry of Internal Affairs and communications in Japan.- <http://www.stat.go.jp/english/data/cpi/1581.htm>
10. Statistical Handbook of Japan: 2015 /Statistics Japan. Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications, Japan.

Супрун В.А.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА И ОБМЕНА НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ.

Современный этап развития экономической системы в целом и, в частности развития производительных сил, характеризуется многолетним переходом в новый индустриальный (технологический) уклад, с новыми доминирующими принципами организации производительных сил. Об этом говорит нам, в первую очередь, деиндустриализация ведущих мировых держав

и многочисленные финансовые пузыри, в последующие очереди – нарастающие миграционные потоки, доминирование внеэкономических способов влияния в мировой экономической политике, возврат к протекционистской торговой политике и т.д.

На данном этапе наиболее важным, пожалуй, основным производственным ресурсом, становится информация, которая некоторыми учеными уже относится к числу факторов производства. А за информацией следует и интеллектуальный капитал, носителем которого, а в некоторых случаях и признанным собственником является человек.

Текущий этап экономического развития, помимо перечисленного, характеризуется поиском в запасах и хранилищах научных открытий недооцененных данных, способных ускорить темпы экономического развития, а если повезет, – вывести на новый уровень. Борьба за информацию становится одним из главных видов конкуренции. Она тем более обостряется, чем дороже становится абсолютная стоимость новых научных исследований и изысканий. При этом следует отметить, что стоимость фундаментальных исследований объективно более высокая по сравнению с прикладными. Во-первых, результаты фундаментальных исследований непредсказуемы и труднопрогнозируемы. Это специфика фундаментальных исследований – они подтверждают или опровергают гипотезу, предположение ученого. Во-вторых, результаты фундаментальных исследований зачастую требуют исследований прикладного характера, приближающего их к практическому применению. Это дополнительные затраты материального и временного характера. По этим и другим причинам (в том числе и политического свойства) результаты фундаментальных исследований не всегда востребованы в производственном процессе. Они представляют собой «отвалы интеллектуальной породы», которые ждут своего часа, чтобы отдать запасы полезной информации и знаний. Об этом в частности говорят всплески индексов цитирования по WoS статей 20-30 летней давности. Интерес обусловлен, как правило, двумя ситуациями – возврат к фундаментальным исследованиям и реализация результатов исследований прошлых лет в прикладных направлениях.

Очевидно, что в данном аспекте на первый план выходят вопросы обмена информацией в целях формирования адекватной политики обмена знаниями и информацией. Этот процесс характеризуется следующими тенденциями:

1. Ускорение темпов обмена знаниями и информацией.
2. Появление новых способов и ресурсов для обмена информацией, при этом легитимизация некоторых происходит в процессе использования.
3. Появление в числе значимой информации, информации созданной с помощью искусственного интеллекта.
4. Рост значимости экспертного мнения.

Из общего объема информации необходимо выделить информацию научную, которая представляет собой генеральный ресурс новой экономики. Можно выделить следующие детерминирующие черты научной информации.

1. Результаты фундаментальных исследований в части научных открытий и математических методов не могут быть запатентованы. Также не патентуются идеи и гипотезы.

2. Научная информация имеет четкие способы фиксирования, признаваемые всем мировым сообществом, для этого существует ряд соглашений и организаций, которые фиксируют эти данные (COPE, Crossref, WoS, Scopus, PubMed, различные национальные базы данных научной информации и т.д.). Взаимоотношения между этими организациями постоянно развиваются, способы фиксирования научной информации модернизируются. Ландшафт имеет тенденцию к изменениям, сохраняя при этом уже устоявшиеся нормы – признание сообществом индексов и следование принципам отнесения информации к научной.

3. Способы распространения научного контента. В отличие от информации в широком смысле, научная информация - как результат интеллектуальной деятельности, научных исследований, имеет регламентируемые пути распространения. Важно отметить, что способы распространения, ресурсы, инструменты стремительно меняются. Далее рассмотрим этот процесс подробнее.

4. Несмотря на ускорение обмена, тенденции изменения первенство публикации является отправной точкой в определении первенства открытия, а, следовательно, в дальнейшем обосновании претензий на добавленную стоимость.

Следующий этап анализа в целях выработки основ политики в области распространения научной информации и ее воспроизводства – анализ на уровне интеллектуального капитала.

Интеллектуальный капитал, по мнению экономистов, представляет собой и проявляется в производственном процессе как определенный вид капитала. По своей экономической сути он – «стоимость, приносящая прибавочную (дополнительную – примечание автора) стоимость» [4].

Томас Стюарт так говорит об интеллектуальном капитале: «...талант сотрудников, эффективность менеджмента, характер взаимоотношений с клиентами – все вместе и есть интеллектуальный капитал компании» [9, 55].

Однако отличием интеллектуального капитала является его неразрывная связь с носителем и собственником интеллектуального капитала – человеком. В случае закрепления прав на интеллектуальный капитал и встраивания в производственный процесс, в процесс формирования добавленной стоимости, носитель интеллектуального капитала претендует на часть прибавочного продукта. При этом важно понимать, что интеллектуальный капитал – это тот производственный фактор, который и определяет в современной экономике формирование добавленной стоимости. Таким образом, добавленная стоимость или ее часть в глобальной экономике будет принадлежать тому, кому принадлежат права на интеллектуальную составляющую.

На макроэкономическом уровне интеллектуальный капитал имеет сложную структуру – он появляется в зоне пересечения человеческого капитала и структурного капитала общества [5, 163].

Сложилось два подхода к пониманию человеческого капитала. С одной стороны, человеческий капитал понимается как производительная способность человека. Эту точку зрения разделяет, например, Лесли Туроу [10,15]. К этой точке зрения близки основоположники теории человеческого капитала – Т.Шульц [8] и Г.Беккер [7]. Человеческий капитал «есть мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Человеческий капитал включает врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию» [6, 303]. Эти качества неотделимы от носителя человеческого капитала. В развитие теории человеческого капитала Герри Беккер показывает, что человеческий капитал на рынке получает только арендную плату за пользование им, которая регулируется рынком.

Второй подход к определению человеческого капитала – как понятия идентичного категории «рабочая сила». Специфика подхода заключается в особом акценте на адекватность современному (постиндустриальному) состоянию общества [1, 10]. Такой подход характерен для исследований человеческого капитала в основном российскими учеными.

Структурный капитал – это совокупность производственной и организационной системы общества.

Итак, на макроуровне человеческие навыки, способности, знания и идеи только при сращении с производственной и организационной структурой общества превращаются в интеллектуальный капитал. Детерминирующим признаком капитала в данном случае выступит способность приносить добавленную стоимость, формировать новую стоимость. Как правило, этот процесс является невидимым или неосознаваемым.

Задействованными в процессе формирования общественного интеллектуального капитала с точки зрения структурного капитала будут:

1. Информационная структура общества.
2. Система научных и проектных учреждений.
3. Система образования.
4. Государственная структура управления [5, 112-114].

Эффективность сращения человеческого капитала со структурным – как квинтэссенция процесса общественного воспроизводства – в итоге будет характеризовать, определять эффективность всей национальной экономической системы.

Определенным показателем, который характеризует подобную эффективность и который можно измерить, является восприимчивость экономики к инновациям. Оценить ее можно, в первую очередь, по спектру показателей в области интеллектуальной собственности. Эти данные дают нам видение основных тенденций.

Для современного этапа характерны следующие тенденции:

1. Продажи патентных прав неуклонно падают, при этом растет беспатентная продажа прав (авторские права, ноу-хау).

2. За 25 лет (1992-2016 гг.) в странах ЕАЭС выдано 1200 000 патентов, из них действует 350 000, продается 1-2%. При этом в развитых экономиках продается 15-20% от числа действующих патентов.

3. Прирост поданных заявок составил всего 5% (по данным Роспатент). При этом половина заявок – от иностранцев. В таких отраслях как биотехнологии – до 90% патентных заявок поступает от иностранных заявителей [3].

Описанная ситуация говорит о том, что российская экономика крайне невосприимчива к инновациям. Это значит, что механизм формирования и реализации национального интеллектуального капитала в российской экономике нарушен. Рассмотрение причин – тема отдельного исследования. Между тем, само видение этой ситуации дает верные выводы для формирования политики в области распространения научной информации.

Возвращаясь к анализу реализации интеллектуального капитала в процессе общественного воспроизводства, в рамках проводимого анализа (применительно к научной информации) особое внимание следует уделить механизму включения результатов интеллектуальной деятельности непосредственно в структуру интеллектуального капитала.

Когда научная информация (как наиболее ценная часть общественных знаний) попадает в общественный оборот, концептуальным становится определение момента ее первичного фиксирования. В первую очередь, этот момент представляет ценность с точки зрения последующего отнесения части добавленной стоимости, созданной с применением такой информации.

В процессе создания научного знания (от идеи к использованию в экономическом процессе) момент появления – перехода в капитал, тесно связан с публикацией. Именно в этот момент у «идеи» появляются идентификационные признаки. Именно они в последующем могут быть использованы в процессе оспаривания первенства, в том числе межстранового, в обосновании претензий на часть добавленной стоимости.

Именно категория «научной публикации» становится первичной и более широкой по отношению к другим формам закрепления прав а, следовательно, – основной для понимания. Публикация фиксирует принадлежность автору даже на уровне идеи и научного открытия, в отличие от всех форм юридического закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности. Кроме того публикация результатов интеллектуальной деятельности практически всегда предшествует их юридическому закреплению.

Проведенный анализ заставляет нас более серьезно взглянуть на отрасль издания и распространения научной информации (контента). Научная информация, в отличие от других видов информации, распространяется и публикуется с обязательным соблюдением определенных институциональных условий, которые ставят ее в разряд легитимных и обеспечивают достоверность для сообщества и защиту прав для автора.

– Определенные условия рецензирования. Рецензирование подтверждает отнесение информации к категории научной, а также позиционирует ее в информационном научном поле.

– Распространение через легитимные специализированные институты: журнал, репозиторий, платформа и т. д.

– Фиксирование информации общепризнанными способами, позволяющими обеспечить быстрый поиск и анализ значения информации для научного знания.

Ключевая фигура в процессе издания и распространения научного контента – издатель. Его деятельность в современном экономическом пространстве приобретает стратегическое значение. Качество исполнения своих профессиональных обязанностей и соответствие передовым тенденциям со стороны издателя обеспечивают эффективность воспроизводства национального интеллектуального капитала.

Для того, чтобы научная информация была должным образом защищена и включена в процесс общественного воспроизводства, статье должен быть присвоен индекс, позволяющий ее «увидеть» и идентифицировать (как правило сейчас это DOI), полный текст должен быть доступен, она должна быть должным образом отрецензирована и не попасть в дискредитировавшие себя периодические издания или средства распространения.

При этом важно понимать, что отрасль, связанная с изданием и распространением научного контента во всем мире стремительно меняется. Далеко не все издатели научного контента смогли адаптироваться к эпохе «Open access». Трудно понять как зарабатывать в условиях открытого доступа. Как эффективно бороться с нечестными конкурентами, например, мусорными журналами. Кроме того в отрасли появляются принципиально новые институциональные игроки. В 2016 году проявилась тенденция, меняющая сформированный к этому времени состав игроков на рынке «Open access». Крупнейший грантодатель – фонд «Wellcome trust» запустил свою платформу F1000 для публикации статей, написанных по результатам исследований, выполненных на средства фонда. Таким образом, средства, выделяемые на публикацию результатов исследований в формате «Open access» теперь от этого фонда не будут поступать к Издателям [11]. С точки зрения экономической эффективности это правильная стратегия. Поэтому, скорее всего, ей последуют и остальные грантодатели.

Очевидно, что в данных условиях в число приоритетов государственной политики должно войти построение инфраструктуры издания и распространения научного контента в самом широком смысле. Необходимость опережающих инвестиций в условиях низкой рентабельности в отрасли издания научного контента в России не позволяет эффективно действовать сложившимся институциональным игрокам – издателям.

Второй аспект, связанный с введением в систему общественного воспроизводства результатов интеллектуальной деятельности – это четкая

регламентация политики открытого доступа («Open Access») к научной информации во всех ее видах.

История движения за открытый доступ началась 15 лет назад с Будапештской инициативы. «Результаты по-прежнему неутешительны: к настоящему моменту только 15% научных публикаций размещено в открытом доступе, а 96% доходов научных издателей составляет плата за подписку», по мнению представителя Института Макса Планка Колин Кэмпбелл, выступившей на круглом столе «Open Access: новая культура публикации, доступа и защиты научной информации», проходившем в рамках VI Санкт-Петербургского международного культурного форума в ноябре 2017 года [2].

Оценка данных результатов как неутешительных связана с тем, что большинство идеологов открытой науки смотрят на процесс раскрытия национального богатства в виде накопленных результатов интеллектуальной деятельности несколько идеалистически, отмечая чисто экономические факторы и руководствуясь исключительно гуманитарными и социокультурными аспектами.

С экономической же точки зрения, вполне целесообразно тщательно анализировать уровни доступа к научной информации и четко регламентировать политику использования открытой лицензии для результатов интеллектуальной деятельности.

Целью анализа, приведенного в статье, в том числе было показать, что на данном этапе развития мировых производительных сил, научная информация является ценным источником интенсификации процесса общественного воспроизводства. Причем «отвалы» недооцененных ценных пород фундаментального научного знания требуют гораздо меньших вложений по сравнению с уже произведенными, поскольку затраты концентрируются на уровне поиска и доведения результатов интеллектуальной деятельности. А также, что интеллектуальный человеческий капитал, в том числе и в виде результатов интеллектуальной деятельности, приобретает способность формировать национальный доход, новую добавленную стоимость, только при сращении со структурным капиталом. При этом крайне важно понимать, что добавленная стоимость будет формироваться по принадлежности структурного капитала — такова современная практика.

Итак, если российская экономика обладает (как было показано) крайне низкой восприимчивостью к инновациям, то режим максимально открытого доступа ко всем накопленным результатам интеллектуальной деятельности и небрежное отношение к научным публикациям могут в очередной раз спровоцировать вывоз национального богатства России!

Литература

1. Дятлов С.А. «Теория человеческого капитала: Учебное пособие. СПб.: СПбУЭФ, 1996. С.10
2. Культура свободного общения. <http://nooregistry.ru/news/kultura-svobodnogo-obmena-5a18cf258b8a8703eedfda32>
3. Лопатин В.Н. Доклад «Информационная открытость или экономическая целесообразность». Конференция МЦНТИ - Международного центра научной и технической информации. «Информационная поддержка науки и образования: наукометрия и библиометрия». Москва 21-22

сентября 2017 г.; «Патентная активность России в 2000-2015 гг». Институт статистических исследований и экономики знаний ВШЭ. 18.08.2016г.

https://issek.hse.ru/data/2016/08/25/1118423396/NTI_N_13_18082016.pdf

4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23 М: Изд-во политической литературы, 1960

5. Сундрун В.А. «Интеллектуальный капитал: Главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке». Изд. 2-е. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.- 192 с. ISBN 978-5-397-00967-6, стр.112-114.

6. Фишер С., Дорнбуш Р. «Экономика / Пер. с англ. М.: Дело ЛТД, 1993. С.303

7. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. October

8. Schultz T. Investment in Human Capital // The American Economic Review. 1961. #1. March

9. Stewart Thomas A. Intellectual Capital: the New Wealth of Organizations. N.Y.; L.: Doubleday/Currency, 1997. p. 55

10. Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970. P.15

11. Wellcome to launch bold publishing initiative <https://wellcome.ac.uk/press-release/wellcome-launch-bold-publishing-initiative>

12. World Intellectual Property Report 2017 «Intangible Capital in Global Value Chains» World Intellectual Property Organization 34, chemin des Colombettes, P.O. Box 18 CH-1211 Geneva 20, Switzerland, 2017 // ISBN: 978-92-805-2895-4

http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_944_2017.pdf

Фадейчева Г.В.

РОССИЯ КАК ДЕМИУРГ ИДЕИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И ВЕКТОР ЕЕ РАЗВИТИЯ XXI В СТОЛЕТИИ

Процессы, протекающие в современном глобальном экономическом пространстве, существенным образом видоизменяют отношения между его субъектами, формируют новую конфигурацию самой глобальной экономики и актуализируют вопрос о роли и месте России в глобальной системе. Актуализируются вопросы о векторе экономического развития нашей страны, о перспективах сотрудничества ее с теми или иными странами и группами стран, о возможности собственного пути, о хозяйственной стратегии, отвечающей национальным интересам России.

Современная ситуация, касающаяся взаимодействия России в различных сферах с ведущими странами и институтами, формирующими политические и экономические процессы в глобальном пространстве, весьма противоречива. С одной стороны, существуют откровенные попытки принизить роль России как участницы общемировых процессов, приведем наиболее яркие примеры:

– игнорирование положительного влияния России на урегулирование региональных конфликтов (современный пример – позиция по Сирии);

– попытки переписать историю Второй мировой войны и переформатирование образа России как освободителя народов от германского фашизма в образ поработителя и оккупанта;

– раздувание антидопингового скандала в спорте, создание образа государства-лжеца, сформировавшего целую систему обмана международного спортивного сообщества;

– попытки представить Россию современным оккупантом, поддерживающим сепаратистов-террористов (позиция по Крыму и Украине).

С другой стороны, субъекты мировой экономики не могут абсолютно игнорировать Россию и обойтись без неё в различных сферах своей жизнедеятельности. Например:

– в получении природных ресурсов (ситуация в данной сфере доходит до абсурда, например, идущие в настоящее время поставки российского сжиженного газа в США, оформлены таким образом, что прибывающий в конечный пункт назначения товар уже не считается российским. Так было с танкером *Gaselys*, находящимся с первой партией сжиженного газа у входа в Бостонский порт, аналогичная ситуация со вторым танкером *Provalys*, который должен забрать топливо из французского Дюнкерка и доставить его на северо-восток США, в Новую Англию);

– в развитии космических программ;

– в реализации крупных научных проектов (например – проект "Ника" в Дубне):

– в активной борьбе с международным терроризмом (как это происходило и происходит в Сирии).

Особо подчеркнем, что Россия, на наш взгляд, на протяжении всей своей истории различным образом порождала и олицетворяла идею социально-экономического прогресса. Причем это олицетворение было весьма своеобразным и сочеталось порой с иными, отнюдь не социально-прогрессивными формами организации экономической и социальной жизни внутри самой страны. В научном творчестве ярким примером выражения идей социально-экономического прогресса были труды Ивана Тихоновича Посошкова, предвосхитившие некоторые идеи школы классической политэкономии, в том числе – главный труд Адама Смита "Исследование о природе и причинах богатства народов". Судьба И.Т. Посошкова – яркий пример того, как идеи социально-экономического прогресса и их воплощение в практику могут быть весьма далеки друг от друга. В практическом плане Россия неоднократно способствовала социально-экономическому прогрессу других стран, например:

– приняв на себя напор татаро-монгольских войск, в результате чего было остановлено татаро-монгольское нашествие на Европу;

– в 1797 адмирал Ф.И. Ушаков стал автором Конституции Греческой Республики и семи соединенных Ионических островов;

– остановив наполеоновское нашествие и освободив Европу от наполеоновской оккупации;

– показав всему миру возможность построения альтернативной капитализму системы, пусть и просуществовавшей недолгое, по меркам истории человечества, время и давшую массу поводов и материалов для дискуссий, изучения опыта и размышлений;

- дав старт независимому развитию Финляндии после революционных событий столетней давности, за что финны до сих пор благодарны и у них в городе Тампере существует действующий музей В.И.Ленина;
- способствовал социально-экономическому развитию и рывку вперед из фактически феодальной системы отношений к социально-ориентированной гуманистической системе для целого ряда территорий, входящих в Российскую империю;
- освободив мир от германского фашизма ценой огромных человеческих и материальных жертв;
- создал социалистическую систему, способствовавшую в период своего зарождения и развития социально-экономическому прогрессу ее участников;
- участвуя в процессе объединения Германии;
- формируя новые союзы и организации на постсоветском пространстве;
- участвуя в организации различных международных организаций и союзов (например - ШОС, БРИКС)
- посредством научных открытий и исследований, в том числе – сделав прорыв к космос.

Вышеприведенный список – очень краткая иллюстрация роли нашей страны в различных социально-экономических и политических процессах на протяжении всей её истории. И это лишь некоторые штрихи к портрету России как участницы международных, а впоследствии, с заключительной четверти XX века, – глобальных процессов.

Отдельная тема – вклад России в мировую литературу, искусство и культуру, это тоже отражение социально-экономического прогресса. В настоящее время, к сожалению, история нашей страны, ее культурное наследие примитивизируются в угоду формированию отрицательного ее образа в мировой истории прошедшего и настоящего времени. Вклад в данный процесс идет как в непредумышленных формах, так с помощью различных профессионально разработанных сценариев, а набор исполнителей данного процесса включает как отдельных "творцов-одиночек", так и команды внутренних и внешних сценаристов.

Подчеркнем, что столетие назад наша страна впервые в мировой истории явила миру проект построения на практике социально справедливого общества и разработала механизмы достижения данной цели, прежде всего - механизм планового ведения национальной экономики, которому не было аналогов в истории человечества. Что касается опыта Парижской коммуны, тоже предпринявшей попытку создания альтернативной капитализму системы, то отметим, что в социохозяйственном плане она не была проектом и, отдавая дань героизму ее защитников, тем не менее позволим утверждать, что социально-экономических основ развития новой системы она не заложила.

Опыт директивного планирования в нашей стране, в 1922 году оформившейся в новое государство – СССР, просуществовавшее семь десятков лет, безусловно, уникален, изучается и дал импульс формированию индикативного планирования, применяемого большинством развитых стран.

Построение плановой экономики, нацеленной на реализацию гуманистических принципов социохозяйственного устройства является, на наш взгляд, важнейшим вкладом нашей страны в идею социально-экономического прогресса и его практику. К сожалению, данный вклад нашей страны в идею и практику социально-экономического прогресса в настоящее время недооценивается, причем и внутри страны. Достаточно показательным в этом отношении является столетний юбилей событий 1917 года, которые все более в современной научной и публицистической литературе зовутся Великой революцией, включающей два этапа - события февраля и октября 1917 года. К юбилею был приурочен выход на телеэкраны отечественных сериалов "Троцкий" и "Демон революции", никаких официальных торжеств, подобных пятидесятилетнему юбилею революции не наблюдалось. Если обратиться к событиям пятидесятилетней давности, то по хроникам, публикациям можно составить представление о размахе тогдашних торжеств. Один из примеров - незадолго до юбилея, летом 1967 года на борту крейсера "Аврора" впервые была исполнена *Мурей Матье* сочиненная Полем Мориа песня "Quand fera-t-il jour, camarade?" (Когда же придёт рассвет, товарищ?) о революционных событиях 1917 года.

В отечественном научном сообществе было несколько интересных обсуждений, посвященных столетнему юбилею революции, в том числе – международная научная конференция на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, озаглавленная "Великая российская революция 1917 года: экономические предпосылки, интерпретации, последствия". Другим событием стал международный форум "Октябрь. Революция. Будущее", проходивший в начале ноября в Москве и Санкт-Петербурге и собравший значительное число зарубежных участников. В числе организаторов форума были МФЮА, Всемирная политэкономическая ассоциация, ИЭ РАН, Фонд Розы Люксембург, Журнал "Альтернативы". Показательно, что на форуме самая представительная делегация была из Китая.

При всей неоднозначности современных отечественных и зарубежных трактовок и интерпретаций событий столетней давности отрицать их влияние на мировую историю двадцатого века и на идею социально-экономического прогресса неправомерно. Любое принижение роли нашей страны в мировой истории направлено на день сегодняшний, главной повесткой которого на глобальной уровне является борьба за лидерство. Субъектами борьбы за лидерство выступают как отдельные страны, так и группы стран, различные международные институты, прежде всего- финансовые. Процессы интеграции, в том числе – евразийской [1] идут сложно и противоречиво. Поляризация социально-экономических и политических интересов в современной глобальной экономике идет непрерывно, сопровождается различными формами борьбы за лидерство и актуализирует проблему национальных интересов России и ее направлений сотрудничества с другими странами. Показателен в плане перспектив развития сотрудничества нашей с страны с зарубежными партнерами состоявшаяся 23-24 ноября 2017 года в Таврическом дворце Санкт-

Санкт-Петербурга и организованная Правительством Санкт-Петербурга IV Международной конференции "Евразийский вызов", на которой присутствовала большая китайская делегация и достаточно представительные делегации из стран Центральной Азии. Отметим, что ключевыми темами конференции были вопросы о роли ЕАЭС в глобальном мире XXI века и проблема нового шелкового пути.

Подчеркнем, что перспективы России с точки зрения вектора ее развития и поиска хозяйственной стратегии – проблема многоуровневая и затрагивающая интересы не только исключительно внутренние, российские, но и интересы большинства субъектов современного глобального экономического пространства.

В контексте вопроса о траектории движения России в современном глобальном пространстве наметились следующие желаемые исходы данной траектории:

- ослабление всех позиций России по абсолютно всем направлениям и переход ее в разряд второстепенных стран, либо – уничтожение (позиция ряда ведущих западных стран);

- частичное усиление позиций России в глобальной экономике, отвечающее некоторым интересам Китая, группы стран с развивающейся экономикой, ряда стран постсоветского пространства;

- усиление позиций России как страны – инноватора социального эксперимента по построению справедливого общества (позиция различных "левых" движений в глобальном пространстве).

В рамках концептуального противостояния по вопросу траектории движения России в самой России единого видения данного процесса не выработано. Разброс мнений и рецептов включает весь спектр концептуальных предложений, от абсолютно неолиберальных, через шкалу умеренно-центристских, до радикально "левых" предложений. Отметим, что современное состояние расстановки сил в глобальном пространстве (которое включает не только экономическую составляющую, но и – иные компоненты, в том числе военный) способствует объединению всех патриотически настроенных институтов национальной российской экономики на поиски единственно верного в данной ситуации решения, выражением которого должна стать новая хозяйственная стратегия, отражающая национальные интересы России.

Отметим, что выбор национально ориентированной хозяйственной стратегии для России важен в связи с определением ее места в глобальной системе. Место нашей страны в глобальной и все усложняющейся системе, в разных контекстах предстает в противоречивом единстве, а именно:

- Россия как объект глобальных интересов и глобального влияния;
- Россия как субъект современной глобальной экономики;
- Россия как субъект, избравший и отстаивающий свой путь в современном мире.

Первые два пункта неизбежно будут присутствовать, вопрос заключается в той мере, в которой данные влияния могут нейтрализоваться самой Россией и быть подчинены ее национальным интересам.

Хозяйственная стратегия, отвечающая национальным интересам России, движения "России на пути в России" [3] предполагает, на наш взгляд:

- "вырыв к развитию" [2];
- неоиндустриализацию;
- неодирижизм [4].

Подчеркнем, что социохозяйственное устройство и траектория развития России на протяжении всего её исторического пути были объектом длительного противостояния остальному миру.

Современную социохозяйственную модель России, на наш взгляд, можно считать пореформенной, но окончательно не оформившейся в определенную модель развития. Отметим, что в период с середины восьмидесятых годов до начала девяностых годов двадцатого века дискуссии о пути развития и модели экономики порождали диаметрально противоположные тезисы, начиная от предложения строительства "планово-рыночной экономики", затем – "социально-ориентированной рыночной экономики", далее – "регулируемой рыночной экономики", завершая тезисом строительства "свободной рыночной экономики". Концептуальный поток идей того периода четко противостоял как сложившейся практике ведения народного хозяйства, так теории социалистического планового хозяйства. Сопровождаясь дискуссиями о траектории развития страны и реальными структурными и институциональными преобразованиями, прошел переходный период и начался пореформенный. А вопрос о траектории развития остался в ряду актуальных и дискуссионных.

Современное взаимодействие России с глобальным миропорядком актуализирует проблему траектории развития нашей страны. Определенное противостояние России и ведущих игроков глобального миропорядка, которое намечилось по многим параметрам, включая как экономические рычаги в виде различных санкций, так и политическое давление, втягивание в противостояние спорта в виде допинговых скандалов и т.д. объективно способствует смещению акцента в поиске модели развития в пользу поиска своего собственного вектора развития. Однако это не единственная точка зрения на будущее России.

Вопрос о траектории развития России можно рассматривать с разных точек зрения, с учетом интересов различных субъектов как мирового глобального или регионального пространства, так и с позиции национальной социохозяйственной системы. С позиции лидеров мирового глобального пространства Россия как сильный субъект нежелательна, при этом не имеет значение суть ее мироустройства, главное – отсутствие какого-либо развития. Концептуальные поиски вектора развития России на уровне представителей различных отечественных научных школ и направлений представлены спектром идей и теорий от явного неолиберализма и монетаризма до неодирижизма.

Концептуальное противостояние по вопросу развития современной России, на наш взгляд, еще не скоро приведет к выработке единой точки зрения на процессы развития нашей страны, но оно находит прямое отражение в экономической политике. Например, так называемый экономический национализм призывает к развитию инновационного реального сектора экономики, ориентации на собственные внутренние резервы развития. Неолиберальное крыло предлагает иную экономическую политику.

При всем многообразии различных подходов к вектору и модели развития России, современная социохозяйственная практика, на наш взгляд, ведет в сторону выбора траектории, принципиально отличающейся от уже имеющихся моделей мироустройства. И поиск данной траектории есть центральная проблема современной российской обществоведческой мысли.

Литература

1. Евразийская интеграция: геополитический аспект/Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой.- М.; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2014. - 584 с.
2. *Осипов Ю.М.* Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию/ Постреформизм и развитие: монография /Под ред Ю.М. Осипова, Е.С.Зотовой.- М.; Ирпень: Издательсо Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2013. С.3-10
3. *Осипов Ю.М.* Россия на пути к России// Философия хозяйства. 2017. № 6. - С. 11-22.
4. *Фадеечева Г.В.* Неэкономика с точки зрения концепции общественных потребностей// Сборник статей / под ред. А.А. Аузана, В.В.Герасименко. - М.: Экономический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 2016, - С.381-388.

Цикин А.М.

АНАЛИЗ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

Для формирования эффективной экономической системы конкурентоспособность на всех уровнях (товара, фирмы, отрасли и страны) должна быть не меньше чем у лучших мировых представителей. В связи с этим анализ внешнеэкономической деятельности России является необходимым элементом в исследовании национальной конкурентоспособности. Именно внешний рынок диктует минимально необходимый уровень конкурентоспособности товаров, организаций, отраслей и экономик в целом, обеспечивающий развитие в современном обществе.

Внешнеэкономическая деятельность России характеризуется рядом фундаментальных положительных и отрицательных черт. К положительным особенностям следует отнести наличие большого количества ресурсов, в том числе нефти, газа, металлов, леса; географическое положение, обеспечивающее возможность торговли с Востоком и Западом, а также формирования

---

* Статья публикуется при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Проблемы конфигурации глобальной экономики XXI века: идея социально-экономического прогресса и возможные интерпретации, № 18-010-00877 А».

транзитного «моста» между ними; высокий потенциал человеческих ресурсов. Негативные факторы представлены слабой внутренней транспортной инфраструктурой, удаленность от центров мировой торговли, непродолжительный опыт внешней торговли и невысокий предпринимательский потенциал.

Одним из основных факторов, влияющих на интенсивность международной торговли, является величина ставок таможенных пошлин. Снижение таможенных пошлин способствует росту товарооборота и созданию конкурентных условий на внутреннем рынке, попутно решая проблему насыщения внутреннего рынка товарами при недостаточном уровне их производства отечественными предприятиями. Несмотря на перечисленные выше позитивные последствия снижения ставок, применение этого подхода в России отразилось на российской экономике скорее негативным образом [6].

Планомерное снижение импортных пошлин в России и неконкурентоспособность российских товаров привели к засилью импортных товаров и сокращению производства отечественных аналогов. Предположение о том, что открытое столкновение отечественных и иностранных производителей приведет к быстрому росту конкурентоспособности отечественной продукции, показало свою несостоятельность. Этот тезис оправдан только при наличии у отечественных организаций финансовых, технологических и научных ресурсов, сравнимых с ресурсами транснациональных компаний. В российских условиях эти проблемы усугубились отсутствием в стране опыта хозяйствования на свободном рынке. Результатом проводимой государственной политики стало насыщение рынка импортными технологиями, оборудованием и материалами, что способствовало решению краткосрочных задач, но отнюдь не решало долгосрочные задачи совершенствования конкурентных преимуществ и развития национальной экономики.

Внешнеторговый оборот России в период 1992-2013 гг. [1-5] показывает ростом, что отражает усиление интенсивности внешнеэкономической деятельности России. Однако необходимо учитывать, что показатели приведены в стоимостном выражении и в фактически действовавших ценах и не отражают физического объема продукции. Соответственно сам по себе денежный показатель объема внешнеторгового оборота не раскрывает конкурентоспособность отечественной продукции на мировом рынке. Дополнительным свидетельством в эту пользу является то, что основой российского экспорта являются энергоресурсы и товары низкого передела, конкурентоспособность которых определяется в основном ценовым фактором. Однако из анализа внешнеторгового оборота могут быть сделаны общие выводы.

С 2013 года по настоящее время после падения мировых цен на энергоносители и введении санкционных ограничений в отношении России объем внешнеторгового оборота в долларовом выражении снижается. Кроме этого уменьшается сальдо торгового баланса. Данные обстоятельства

свидетельствуют о падении платежеспособного спроса населения на импортируемую продукцию, связанную со снижением курса рубля, деловой активности и ухудшением конъюнктуры на мировых рынках. В то же время объем импорта снизился меньше, чем объем экспорта, что свидетельствует о зависимости российской экономики от зарубежных поставок и неготовности отечественных покупателей отказаться от импортных товаров.

Рост сальдо торгового баланса в период 1992-2013 гг. косвенно отражает рост конкурентоспособности российской экономики, т.к. оно обусловлено увеличением экспорта. В то же время уменьшение объемов импорта может послужить стимулом для роста конкурентоспособности отечественных производителей. При снижении доли импортной продукции освобождается рыночная ниша, прежде занятая зарубежными товарами, а уменьшение платежеспособного спроса населения увеличивает интенсивность конкуренции на внутреннем рынке, что вынуждает производителей повышать конкурентоспособность и качество продукции.

Товарная структура экспорта показывает, что большую часть дохода от реализации товаров (64 %) приносят минеральные продукты, включающие нефть, газ и другие энергоносители [5]. Если прибавить к минеральным продуктам долю экспортированных металлов, древесины и кожевенного сырья, то получится, что товары низкого передела обеспечили в 2015 году больше 75% процентов российского экспорта.

Причем зависимость российской экономики от экспорта продукции низкого передела усиливается. Так, доля минеральных ресурсов в структуре экспорта с 2000 года увеличилась на 17,7 % к 2013 году (53,8 % и 71,5% соответственно). Последующее снижение удельного веса энергоресурсов произошло не за счет уменьшения физических объемов поставок, а за счет изменения мировой конъюнктуры цен.

Основными торговыми партнерами России являются страны дальнего зарубежья, на которые стабильно приходится порядка 85 % российского внешнеторгового оборота. При этом основную часть экспортной продукции в 2016 году Россия реализовывала в Нидерланды (13,7 %), Китай (9,6 %), Германию (8,5 %), Италию (7,5 %) и Турцию (6,5 %). В целом структура российского экспорта по странам довольно диверсифицирована, что позволяет говорить об устойчивости его объемов в случае негативных внешнеполитических событий.

Преобладание в числе лидирующих импортеров российской продукции развитых стран, к сожалению, не является признаком высокой конкурентоспособности российских товаров. Учитывая специфичность энергоресурсов и прочей продукции низкого передела как товаров, для которых характерна ценовая конкуренция, увеличение объемов их экспорта в развитые страны является не фактором роста конкурентоспособности экономики, а скорее свидетельством закрепления ее периферийного характера. Однако даже такая структура экспорта способствует решению проблем безработицы в стране, притока иностранных инвестиций и увеличению внутреннего

платежеспособного спроса, что создает потенциал для повышения конкурентоспособности экономики. Ниши сырья и полупродуктов на рынках большинства развитых стран заняты продукцией больших развивающихся стран: Бразилии, Индии и Китая. Сбыт промышленных и потребительских товаров, производимых сегодня в России, ввиду их низкого качества не может быть осуществлен в ведущие страны, их сегодняшний потенциальный рынок – страны ближнего зарубежья. В связи с этим преимущества от вступления России в ВТО становятся еще более призрачными.

Несмотря на улучшение общего объема российского экспорта, отсутствие положительной динамики по продукции высокого передела показывало потерю Россией доли на мировом рынке. С 2000 года доля экспорта продукции химической промышленности и каучука упала с 7,2 % до 5,9 % в 2014 году, машин, оборудования и транспортных средств – с 8,8 % до 5,3 %, текстиля, текстильных изделий и обуви – с 0,8 % до 0,2 %. Некоторое восстановление веса указанной продукции в 2015 году, прежде всего, связано с падением цен на энергоносители – основу российского экспорта. Эта тенденция показывает утрату конкурентоспособного потенциала в указанных отраслях и требует срочных мер по развитию отечественной промышленности, как минимум, до уровня позднего СССР.

Товарная структура импорта практически обратна товарной структуре экспорта [5]. Больше половины российского импорта приходится на продукцию высокого передела: машины, оборудование и транспортные средства, а также продукцию химической промышленности и каучук. По-прежнему высока доля импорта сельскохозяйственной продукции (14,5 %), что создает угрозу продовольственной безопасности страны.

Справедливости ради стоит отметить, что доля импорта сельскохозяйственной продукции с 2010 года значительно снизилась (с 21,8 % до 14,5 %). Однако это обстоятельство нельзя считать отражением роста конкурентоспособности отечественной продукции, основная роль в процессе замещения импортных продуктов принадлежит продуктовым «антисанкциям» России, которые, в основном, нанесли вред российскому населению. Повсеместный рост цен на продукты питания, существенное снижение их качества стали результатом государственной политики. В то же время усиливается зависимость России от импорта средств производства: доля машин, оборудования и транспортных средств увеличилась с 31,4 % в 2000 году до 44,8 % в 2015 году с максимумом в 49,9 % в 2012 году. Задача России состоит в эффективном использовании ввозимого оборудования, модернизации своей технологической базы и, в перспективе, переходе на отечественные аналоги, не уступающие по качеству импортным изделиям.

Большая часть российского импорта приходится на пять стран: Китай (21,6 %), Германию (12,6 %), США (7,1 %), Италию (5,1 %) и Японию (4,2 %). Преобладание в этом перечне высокоразвитых стран свидетельствует о потребности России в высокотехнологичных и наукоемких товарах, конкурентоспособных на мировом уровне. Это обстоятельство является

позитивным, т.к. предоставляет возможность для реализации реконструкции, модернизации и технического перевооружения основных фондов, характеризующихся высокой степенью морального и физического износа. Вместе с тем первое место Китая показывает колоссальный дефицит на внутреннем рынке отечественных потребительских товаров. В этих условиях российский потребитель вынужден обращаться к китайской продукции, не всегда высокого качества.

Представленная выше общая характеристика внешнеэкономической деятельности России не позволяет сделать детальный вывод о конкурентоспособности ее экономики. Более показательными являются удельные веса российской торговли в мировом экспорте и импорте, представляющие собой индикаторы внешнеэкономической конкурентоспособности экономики. Доля внешнеэкономической деятельности России на мировом рынке [1-5] свидетельствует о снижении рыночной ниши в кризисные периоды. Особенно значительно падение доли России в мировом экспорте и импорте товаров (за исключением периода после распада СССР) наблюдается в последние годы. Так, доля российского экспорта в мировом снизилась до уровня 1990 года (2,1 %). Уменьшение доли в импорте отражает кризисные явления в экономике и падении платежеспособного спроса. Снижение же доли экспорта свидетельствует о высокой зависимости российской внешней торговли от цен на энергоресурсы и низкую конкурентоспособность других отраслей экономики, продукция которых относится к высокотехнологичной и наукоемкой.

Чрезмерную зависимость российской внешнеэкономической деятельности от конъюнктуры на мировых энергетических рынках отражает и динамика торговли в масштабах региональных союзов: СНГ, ЕАЭС и ТС [2-5]. Аналогично ситуации на глобальном рынке внешняя торговля России в рамках региональных союзов демонстрирует тенденцию к значительному снижению в последние два года (2014 и 2015 годы). Данный факт демонстрирует сырьевую направленность российского экспорта, низкие конкурентоспособность отечественных товаров и платежеспособный спрос даже в региональном масштабе.

Анализ конкурентоспособности России во внешнеэкономической деятельности показывает, что российская экономика остро нуждается и имеет основу для повышения конкурентоспособности отраслей до мирового уровня. Следует отметить, что во многом «благодаря» либеральной политике после распада СССР российская экономика не характеризуется значениями показателей конкурентоспособности на уровне лидирующих экономик. Однако имеющаяся база позволяет утверждать, что у России есть все шансы закрепиться как лидеру в региональных экономических союзах и развить конкурентоспособность отраслей высокого передела до уровня ведущих стран.

Успешной реализации стратегии повышения конкурентоспособности российской экономики способствуют огромные природные ресурсы, удачное географическое положение, человеческий и пока еще не до конца утраченный

промышленный потенциал. Благоприятным обстоятельством является положительное значение сальдо торгового баланса как со странами ближнего зарубежья, так и на глобальном рынке. Более того имеются предпосылки к снижению доли сырьевого экспорта и развитию производства отечественных промышленных и потребительских товаров.

Литература

1. Российский статистический ежегодник – 1995 г.: Стат. сб. / Росстат. М., 1995. URL: <http://istmat.info/node/45492> (дата обращения 23.01.2018)
2. Российский статистический ежегодник – 2001 г.: Стат. сб. / Росстат. М., 2001. URL: <http://istmat.info/node/21317> (дата обращения 23.01.2018)
3. Российский статистический ежегодник – 2006 г.: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. URL: http://www.gks.ru/doc_2006/year06.zip (дата обращения 23.01.2018)
4. Российский статистический ежегодник – 2011 г.: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2011/year/year2011.rar (дата обращения 23.01.2018)
5. Российский статистический ежегодник – 2016 г.: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/year/year16.rar (дата обращения 23.01.2018)
6. Россия в ВТО: мифы и реальность / Центр экономических и финансовых исследований и разработок, Клуб 2015. URL: <http://www.cefir.ru/download.php?id=84> (дата обращения: 23.01.2018)

Цхададзе Н.В.

БРИКС КАК СУБЪЕКТ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Характеристика БРИКС как международного института

Глобальные экономические проблемы мирового сообщества, такие как неконтролируемые колебания валютных курсов, сохраняющиеся дисбалансы во внешних расчетах, рост внешней задолженности развивающихся стран поставили перед всеми участниками мировой финансовой системы труднейшую задачу выработки согласованных решений и принятия эффективных мер.

Платформой для решения подобных проблем стали международные организации, созданные с целью, так или иначе, осуществлять координацию действий отдельных групп стран и частных финансовых институтов по их урегулированию. Подобного типа организации на сегодняшний день являются надправительственными, оказывают существенное влияние и задают направление становления и развития всей мировой экономики и мирового финансового рынка. В рамках данной статьи будет проведен анализ одного из субъектов мирового финансового рынка, объединения БРИКС, т.е. выявлены механизмы и инструменты, с помощью которых данный институт оказывает влияние на мировой финансовый рынок, а также дана количественная оценка влияния анализируемой организации на финансовый рынок.

БРИКС (англ. *BRICS*) – группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика. Сокращение БРИК (*BRIC*) было впервые предложено аналитиком Джимом О’Нилом в ноябре 2001 года в аналитической записке банка «Goldman Sachs» Building Better Global Economic

(Кирпичи для новой экономики). До 2011 года по отношению к организации использовалась аббревиатура БРИК. В связи с присоединением ЮАР к БРИК 18 февраля 2011 года, по заявлению индийского министра финансов с этого времени группа стала носить название BRICS [11].

Члены БРИКС – развивающиеся или новые индустриальные страны, которые отличаются своими большими, быстро растущими экономиками и значительным влиянием на региональных и глобальных рынках; все пять участников БРИКС – члены G-20 (клуб правительств и глав центральных банков-государств с наиболее развитой и развивающейся экономикой).

Министры иностранных дел первых четырех стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) впервые встретились в Нью-Йорке в сентябре 2006 года, начав серию встреч на высоком уровне. Полномасштабная дипломатическая встреча прошла в Екатеринбурге 16 мая 2008 года. В центре внимания встречи был поиск средств улучшения глобальной экономической ситуации и реформирования финансовых институтов, а также обсуждение того, как четыре страны могут лучше сотрудничать в будущем. В настоящее время Индия председательствовала в группе БРИКС и провела восьмой саммит группы в октябре 2016 году в Гоа.

Члены БРИКС характеризуются как наиболее быстро развивающиеся крупные страны. Выгодное положение этим странам обеспечивает наличие в них как мощной и развивающейся экономики, так и большого количества важных для мировой экономики ресурсов:

– Бразилия – 7-я экономика мира по паритету ВВП, богата сельскохозяйственной продукцией, близка к положению великих держав;

– Россия – 6-я экономика мира по паритету ВВП, богата минеральными ресурсами, имеет крупнейшую в мире территорию, одна из двух крупнейших в мире держав, энергетическая, одна из потенциальных сверхдержав.

– Индия – 3-я экономика мира по паритету ВВП, дешёвые интеллектуальные ресурсы, одна из двух стран с более чем миллиардным населением, ядерная держава, близка к положению великих держав;

– Китай – 1-я экономика мира по паритету ВВП и 1-ый в мире экспортёр («мировая фабрика»), обладатель крупнейших в мире валютных резервов, имеет крупнейшее в мире население, ядерная держава, великая держава;

– Южно-Африканская республика – 30-я экономика мира по паритету ВВП, разнообразные природные ресурсы, главная африканская региональная держава.

Это главные ресурсы, на которые опираются экономики этих стран. Высокая численность населения стран (43% от населения планеты) обуславливает дешевизну труда в них, что является препятствием для высоких темпов экономического роста.

В конечном итоге, прогнозируется, что значительные размеры экономик этих стран в будущем позволят им трансформировать экономический рост в политическое влияние, что приведёт к утрате лидирующей позиции

современной западной экономической элиты, и к переходу на другую модель экономического управления, не нуждающуюся в наличии элиты как таковой.

Страны БРИКС привержены делу построения гармоничного мироустройства, опирающегося на прочный мир и общее процветание, и исходят из того, что XXI век должен стать веком мира, безопасности, развития и сотрудничества. Именно это общее твердое стремление к миру, безопасности, развитию и сотрудничеству сблизило страны БРИКС.

Страны БРИКС готовы, на основе общепризнанных норм международного права и многостороннего подхода к принятию решений, сотрудничать с другими странами, как развитыми, так и развивающимися, в целях решения проблем, с которыми сталкивается современный мир, и использования возможностей, которые перед ним открываются.

Основными целями Стратегии БРИКС являются:

- разработка новых моделей и подходов к справедливому развитию и глобальному росту с упором на взаимодополняемость и использование сильных сторон экономик стран БРИКС;

- формирование и развитие институтов и механизмов БРИКС в целях объединения усилий стран-партнеров для преодоления кризисных явлений в экономике, координация действий в ответ на глобальные экономические вызовы и угрозы;

- достижение экономической безопасности и обеспечение глобальной конкурентоспособности всех стран-партнеров, синергия государств-участников в интересах развития каждого из них;

- развитие и выработка механизмов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества стран БРИКС;

- содействие повышению уровня жизни и искоренению бедности в каждой из стран, входящих в объединение;

- объединение усилий для развития в странах инновационной экономики;

- наращивание взаимодействия и сотрудничества с государствами, не входящими в БРИКС, а также региональными экономическими объединениями.

Стратегия БРИКС основывается на следующих принципах [17]:

- приверженность государств-участников международному праву и признание роли ООН в качестве главного многостороннего форума, на который возложена ответственность за реализацию надежд, содействие миру, порядку и устойчивому развитию в мире;

- приверженность государств-участников правилам существующей международной торговой системы, центром которой является ВТО;

- строгое уважение суверенитета государств-участников и их равноправия;

- учет национальных интересов, приоритетов и стратегий экономического развития всех входящих в объединение стран;

- прозрачность и консенсус в принятии решений;

- конструктивное партнерство в развитии экономического сотрудничества;

- открытый характер сотрудничества между странами БРИКС, их ненацеленность на формирование замкнутого экономического блока.

В результате реализации Стратегии экономического сотрудничества стран БРИКС объединение позиционируется как новый центр экономической силы, свободное и ответственное партнерство нового типа, основанное на взаимовыгодных и равноправных экономических отношениях и консенсусе в принятии решений.

Сотрудничество в рамках БРИКС не подменяет собой развития двусторонних связей, а является развитием существующего. Реализация Стратегии экономического сотрудничества стран БРИКС будет способствовать созданию дополнительных условий для повышения конкурентоспособности национальных экономик стран БРИКС в глобальной экономике.

Таким образом, проанализировав теоретические аспекты функционирования организации БРИКС, перейдем к непосредственному анализу ее влияния на мировой финансовый рынок.

Проекты БРИКС, направленные на балансирование мировой экономики

Основные проекты БРИКС согласуются, разрабатываются и реализуются в рамках ежегодных саммитов. Встречи Глав БРИКС предусматривают расширение многостороннего делового сотрудничества в целях ускорения социально-экономического развития и повышения конкурентоспособности участников БРИКС в мировой экономике.

Главы стран БРИК собрались на свой **первый саммит** 16 июня 2009 года в Екатеринбурге. По итогам саммита было принято два заявления [7]:

Совместное заявление лидеров стран БРИК;

Лидеры выразили убежденность в том, что финансово-экономическая архитектура должна основываться, в частности, на следующих принципах:

- демократичность и прозрачность принятия и выполнения решений в международных финансовых организациях;
- прочная правовая основа;
- совместимость деятельности эффективных национальных институтов регулирования и международных органов, устанавливающих стандарты;
- укрепление управления рисками и надзорной практики.

Совместное заявление стран БРИК по глобальной продовольственной безопасности.

Данное заявление включало следующие меры:

– Направление в сельскохозяйственный сектор дополнительных ресурсов и помощи по каналам соответствующих национальных бюджетов и по линии международных институтов развития.

– Обеспечение более широкого доступа к продовольствию на национальном и международном уровнях. Это связано с тем, что в период кризиса 2008 года во многих странах резко выросли цены на продовольственные товары, что требовало принятия мер, обеспечивающих доступ к продовольствию всем слоям населения.

Второй саммит руководителей стран БРИК состоялся в 2010 году в Бразилии. По итогам саммита было сообщено о подписании ряда межгосударственных договоров, и о важнейших затронутых вопросах:

преодоление последствий кризиса, и создание нового финансового порядка, в частности, в части права на большее влияние в таких международных организациях, как Всемирный банк и МВФ. В частности страны активно обсуждали вопрос о реформировании МВФ и изменении формулы для расчета квот [7].

Третий саммит БРИКС состоялся в Китае. На данном саммите состоялось официальное включение в группу пятого её члена – ЮАР. Во время встреч теперь уже пяти президентов были затронуты различные вопросы взаимного сотрудничества. Страны БРИКС в очередной раз высказались за скорейшее присоединение Российской Федерации к ВТО, всеобъемлющую реформу ООН, мирное урегулирование ливийского вопроса. По итогам саммита была подписана совместная декларация, в которой были сформированы основные направления мировой политики и план действий на ближайший год [7].

Четвертый саммит проходил в 2012 году в Индии. Встреча была посвящена проблемам глобальной экономики, антикризисным мерам, а также проблеме урегулирования ситуации вокруг Сирии и Ирана. Также стороны обсудили возможности создания совместного банка развития и механизмы сближения своих фондовых площадок. Идея создания нового всемирного банка развития означает, прежде всего, постепенный отказ от евро и доллара в расчетах между странами и предусматривает процесс укрепления национальных валют. Президенты стран БРИКС дали поручение своим министрам финансов изучить реализуемость и жизнеспособность этой инициативы [7].

Пятый саммит БРИКС проходил в ЮАР. По итогам саммита обнародована Этеквинская декларация и Этеквинский план действий. В декларации дана оценка текущей мировой политической и экономической ситуации, отражены общие подходы стран БРИКС по актуальным вопросам многостороннего сотрудничества. В присутствии лидеров БРИКС подписаны соглашения о сотрудничестве в сфере «зелёной экономики», софинансировании инфраструктурных проектов в Африке и Декларация о создании Делового совета БРИКС [7].

Объявлено также о подписании Декларации об учреждении Консорциума экспертных центров стран БРИКС и о выходе совместной статистической публикации стран БРИКС.

Шестой саммит глав государств БРИКС с участием Владимира Путина прошёл в бразильских городах. Один из самых важных саммитов по итогам которого подписано соглашение об учреждении Нового банка развития и договор о создании пула условных валютных резервов стран-членов БРИКС.

Объявлено о размещении наземных станций ГЛОНАСС на территории стран БРИКС сделает систему более конкурентоспособной, надеются российские лоббисты этой идеи. БРИКС располагает уникальным геостационарным преимуществом: страны-участницы расположены на трёх континентах.

Страны БРИКС в 2014 году проявили озабоченность спадом своих экономик, рассматривались возможные мероприятия, направленные на то, чтоб нарастить товарооборот и поднять значимость организации на международной арене [7].

Седьмой саммит группы прошел в России. Самым ярким событием стал старт работе Банка развития, разработана так называемая «дорожная карта» инвестиционного сотрудничества. Принято решение о более широком использовании в торгово-экономических обменах национальных валют. Прошла уже торговля фьючерсами на пару рубль-юань. Также страны БРИКС договорились сообща противодействовать терроризму и обеспечивать международную безопасность.

Восьмой саммит был проведен в 2016 году в Индии. Страны выступили с заявлением о том, что глобальная торговля и инвестиции находятся в упадке. Цены на сырье колеблются. И основополагающие проблемы, которые привели к возникновению глобального финансового кризиса, остаются неразрешенными. БРИКС надеется ответить на вызовы современности развитием сотрудничества внутри самого объединения. Участники встречи решили «продвигать реформы глобальной финансово-экономической инфраструктуры, которая бы учитывала повысившуюся роль новых развивающихся экономик». Была достигнута также договоренность ускорить создание рейтингового агентства БРИКС [11].

Девятый саммит прошел в сентябре 2017 года в Китае. Председательствующий в 2017 году в БРИКС Китай выступил с инициативой расширения, так называемого формата "outreach", пригласив на саммит глав Египта, Таджикистана, Мексики, Гвинеи и Таиланда. Шаг был предпринят для того, чтобы привлечь к сотрудничеству как можно больше растущих экономик из разных концов мира, цели и интересы развития которых во многом совпадают. Китай выразил готовность выделить 4 миллиона долларов на развитие проектов и поддержание долгосрочного и стабильного функционирования Нового банка развития (НБР) БРИКС, еще 500 миллионов долларов в фонд по линии сотрудничества Юг-Юг для поддержки развивающихся стран. Также Пекин намерен запустить программу по экономическому и техническому сотрудничеству БРИКС с первоначальным бюджетом в 500 миллионов юаней (около 76 миллионов долларов) [5].

Десятый саммит БРИКС состоится в ЮАР в 2018 году.

Поскольку на саммитах БРИКС подписываются все основные многосторонние договоры о сотрудничестве, разрабатываются и реализуются различные проекты, то для оценки влияния БРИКС на мировой финансовый рынок необходимо рассмотреть, какой эффект имеют программы БРИКС и как их реализация сказывается на мировой экономике.

Во время саммитов страны-участницы обсуждают разные проблемы – финансовые, научно-технические, культурные, политические. Решения, принимаемые Лидерами стран, предусматривают расширение многостороннего делового сотрудничества в целях ускорения социально-экономического

развития и повышения конкурентоспособности участников БРИКС в мировой экономике.

Проблемы и перспективы развития организации БРИКС

«Неформальный блок» БРИКС существует уже более десяти лет, а вопрос о ее дальнейшем развитии становится все более дискуссионным. По отношению к группировке сложились различные точки зрения: одни экономисты считают, что БРИКС может стать основой нового миропорядка, другие – что объединение стран символично и не способно оказывать существенное влияние на мировые процессы, третьи рассматривают группировку в основном как антизападную коалицию.

К проблемам развития организации можно отнести следующие [17].

За исключением создания НБР и УВР формат БРИКС пока не продемонстрировал свою эффективность и содержательность. Так, для разработки совместных мер требуется не один раунд дискуссий.

В ходе встреч на высоком уровне каждый лидер БРИКС озвучивает собственные идеи, а серьезного диалога и обмена мнениями не происходит. Лишь после предварительного обсуждения лидеры могут организовать встречи высокого уровня, чтобы поговорить о реализации предложений и реакции на аргументы других лидеров. После этого они могут вернуться за стол переговоров и согласовать совместные шаги.

На уровне министров диалог носит более содержательный характер. Представители заранее готовят повестку дня и варианты действий для последующего обсуждения на встречах. Однако эти варианты представляют собой лишь предложения и рекомендации, а не официальную корректировку политического курса.

Главное испытание будет касаться способности стран БРИКС не поддаваться соблазну создания официального альянса, чтобы бросить вызов лидерству Запада. Было бы рискованно использовать эту площадку для разжигания антизападных настроений. Группа БРИКС призвана уравновесить давление Запада и отстаивать интересы средних держав.

Странам БРИКС также не следует пытаться преобразовать эту группу в традиционный альянс в сфере безопасности. Членство в БРИКС может усилить экономическую безопасность стран-участниц, но развивать военное сотрудничество и иные форматы традиционной безопасности было бы нецелесообразно. Россия может выступать за формирование структур безопасности в рамках БРИКС, но Индия, Китай и Бразилия не слишком заинтересованы в превращении группы в подобную коалицию.

Кроме того, странам БРИКС нельзя поддаваться искушению развязать конкурентную борьбу с другими структурами. Международное сообщество включает и «большую двадцатку», состоящую из трех групп: «большой семерки», БРИКС и ряда средних держав, в том числе Австралии, Южной Кореи и Аргентины. Группа БРИКС сможет эффективнее отстаивать свои интересы, если будет действовать через «двадцатку».

Все эти страны живут в едином мире. Чтобы сделать существующую систему более справедливой, страны БРИКС должны не бросать ей вызов, а реформировать ее. Несмотря на большое количество проблем, с которыми сталкивается данная организация, в основном это связано с тем, что у каждой страны БРИКС – собственные цели. Например, Россия имеет существенные интересы в сфере безопасности. Индия же стремится привлечь китайские инвестиции и облегчить давление, связанное с климатическими изменениями.

Страны БРИКС пытаются найти баланс между общими интересами и разногласиями.

Несмотря на наличие соперничества, стратегическая координация действий возможна. У стран БРИКС есть общие интересы и пути развития в плане экономики, и они доказали свою способность взаимодействовать в этой сфере.

Многообещающих областей для сотрудничества немало. В марте 2013 г. учрежден Деловой совет БРИКС, состоящий из 25 видных предпринимателей пяти стран-участниц, представляющих многие отрасли и сектора экономики. Кроме того, группа создала площадку для обмена информацией и опытом, охватывающую не только экономическое сотрудничество, но и взаимодействие в сфере образования, культуры и экологии.

На наш взгляд, сотрудничество в рамках БРИКС будет развиваться поэтапно. Страны-участницы объединяют усилия в тех сферах, где у них есть консенсус, а решение более чувствительных вопросов откладывают до тех пор, пока у группы не появится прочный экономический фундамент. В ближайшие десятилетия они скорее всего будут действовать в том же духе, возможно, сотрудничая на импровизированной основе по отдельным вопросам. Кроме того, группа может превратиться в «клуб лидеров» наподобие «большой семерки» стран с передовой экономикой.

Сотрудничество также может углубляться путем создания сетей вузов и аналитических центров. Вузы стран БРИКС, например, хотят создать программы по стимулированию интернационализации, в частности, за счет формирования университетской лиги, о которой пойдет речь в недалеком будущем. Кроме того, скорее всего под эгидой БРИКС будет создан новый аналитический центр по вопросам финансов и экономики. Эти сети способны обеспечить консенсус по определенным вопросам, а затем предложить лидерам своих стран включить согласованные вопросы в повестку дня БРИКС.

Подобный подход «снизу», некая форма «многосторонности в квадрате», контрастирует с процессом «сверху», традиционно характерным для многосторонних структур. Эта новая система стимулирует участие в игре широкого круга игроков, включающего государственных, неправительственных, местных и международных авторов.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ № 1238-Р от 7 июля 2014 г. Приложение Статьи соглашения Нового банка развития / [Электронный ресурс], Официальный сайт Правительства РФ. Электрон. дан. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d4f182b0a752fcdac5.pdf>.

2. Банк БРИКС может выделить первые займы компаниям высоких технологий // РИА Новости. 27 февраля 2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20150227/1050100508.html>.
3. Банк БРИКС займётся "озеленением" финансов / [Электронный ресурс] ИАР ТАСС. 23 марта 2016. Электрон. дан. – Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/2894920>.
4. Григорьев Л.М., Морозкина А.К. Банк Развития // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты// сб. статей / Под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая.-М.: РУДН, 2013. С. 273.
5. Девятый саммит БРИКС: заявления о дружбе, открытости и сотрудничестве <https://ria.ru/world/20170905/1501845256.html>
6. Макроэкономика: учебник/ отв.ред.М.Л.Альпидовская, Н.В.Цхададзе.- Ростов н/Д: Феникс, 2017.-409с.
7. Национальный комитет по исследованию БРИКС: Официальный сайт [Электронный ресурс] / Саммиты и документы -2009-2017.- Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs>
8. Потенциал энергетического сотрудничества БРИКС \ [электронный ресурс] : <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5941.pdf>
9. Российский совет по международным делам: официальный сайт [Электронный ресурс] / Панорама БРИКС. Новый банк развития БРИКС: итоги первого года работы.- 2016- Электрон. дан. – Режим доступа: <http://russianscouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/2832/>
10. Россия и БРИКС. Новые возможности для взаимных инвестиций: Монография. М.: Издательско-торговая корпорация "Дашков и К°", 2014. С. 177.
11. Совместное заявление лидеров стран БРИКС «VIII саммит БРИКС - Декларация Гоа» (Гоа, Индия, 16.10.16): [электронный ресурс] Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs>
12. Цхададзе Н.В. Международный валютный фонд (МВФ) и его влияние на мировой финансовый рынок// Экономика, финансы и менеджмент: тенденции и перспективы развития.- Волгоград, 2017- С.11-17.
13. Цхададзе Н.В. Международные финансовые рынки как фактор глобализации мирового хозяйства// Тенденции развития экономики и менеджмента.- Казань, 2017- С.38-43.
14. Цхададзе Н.В. Риск возникновения кризисных процессов и экономического застоя в современной России // Phenomenon of the market economy: vectors and features evolution. Academic Monograph.- LSP, 2017, 620p.
15. Цхададзе Н.В. Эволюция мировой экономической мысли от истоков до наших дней: монография /Н.В.Цхададзе. – М.: Издательство «Русайнс», 2017.-166с.
16. BRICS Nations-led New Development Bank to Raise up to 3 Billion in Next 3 Years / [Электронный ресурс]: Официальный сайт New Development Bank. 21 September, 2016. Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.ndb.int/BRICS-nations-led-New-Development-Bank-to-raise-up-to-3-billion-in-next-3-years.php>
17. Juutinen M., Kakonen J. Battle for Globalisations? BRICS and US Mega-Regional Trade Agreements in a Changing World Order : Observer Research Foundation. 2016, P. 32

Шаховская Л.С., Матковская Я.С., Тимонина В.И.

ТИХООКЕАНСКИЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОГО СЕГМЕНТА МИРОВОГО РЫНКА ПРИРОДНОГО ГАЗА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Потребление газа в странах АТР увеличивается стремительными темпами. За последние 10 лет спрос на энергоресурсы увеличился на 6% (более чем в 2 раза). По прогнозам, спрос в Китае к 2030 г. увеличится до 240 млрд. куб. м., из которых больше половины будет импортироваться. Помимо Китая, спрос увеличится в Индии, Южной Корее и Японии. Себестоимость добычи и

транспортировки газа действующих поставщиков в АТР явно отличаются. Вследствие ограниченности возможности наращивания собственных запасов, энергетическая политика стран АТР направлена на развитие сотрудничества с газовыми странами – экспортерами: Россией, Австралией, Индонезией, странами Ближнего Востока. Однако учитывая расстояние транспортировки, уровень стоимости ресурсов, количество инфраструктурных проектов, возникает вопрос: какой газ будет конкурентоспособным на данном рынке?

Доля России на мировом рынке газа не превышает 5%, однако, государственная энергетическая стратегия предусматривает увеличение показателя до 12% к 2035 году от общего объема мирового рынка. Это станет возможно только при увеличении объемов производства газа в два раза по сравнению с показателем, зафиксированным в 2016 году [1].

В России существует множество крупных проектов, цель которых расширить присутствие нашей страны на мировом рынке природного газа. Один из них – «Сахалин-2» (Sakhalin Energy), акционерами которой являются «Газпром» (50 %), «Shell» (27,5 %), «Mitsui» (12,5%) и Mitsubishi (10 %). Две технологические линии ежегодно получают около 14,9 млрд. куб.м. сжиженного природного газа, 11 млн. т. которого экспортируется в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В 2015 году стало известно, что «Sakhalin Energy» планирует построить третью технологическую линию мощностью до 5,4 млн. т./г. Компания подписала договоры на разработку проекта с компанией «Shell Global Solutions International» и российским проектным институтом «Гипрогазцентр».

«Ямал СПГ» проект, который находится на стадии практической реализации, мощность которого достигает 16,5 млн. т./г., формируется в сотрудничестве с компаниями: Total и CNPC – 20 %, Silk Road Fund – 9, 9% [2]. Стратегически выгодное положение проекта, по мнению многих экспертов, позволит экспортировать добытый газ не только в Европу, но и в страны АТР. В 2014 г. проект столкнулся с проблемой финансирования. Привлечение инвестиций осложнилось после введения США санкций. Однако в конце 2014г. проект получил 150 млрд. руб. от Фонда национального благосостояния, который приобрел выпущенные облигации «Ямал – СПГ». В 2015 г. компания «НОВАТЭК» договорилась с китайским «Фондом Шелкового пути» о предоставлении займа на сумму около 730 млн. евро для финансирования строительства. После договора о займе фонд Китая приобрел 9 % акций «Ямал СПГ». По словам главы компании «НОВАТЭК» Леонида Михельсона: «Подписание обязывающих документов по продаже доли в проекте «Ямал СПГ» является важным шагом в реализации нашей долгосрочной стратегии развития. В результате закрытия сделки мы достигнем целевой структуры акционеров, которая является оптимальной и будет способствовать плановому финансированию проекта и его дальнейшей успешной реализации» [3].

Компания «Роснефть» вместе с «ExxonMobil» реализует проект по добыче газа – «Дальневосточный СПГ». Запуск проекта в эксплуатацию планируется на 2018-2019 год. По некоторым данным, проектная мощность будет составлять 5

млн. т./г, сырьевой базой которой будут служить – месторождения проекта «Сахалин-1» и запасы «Роснефти» на Дальнем Востоке. В рамках только проекта «Сахалин-1» добывается примерно 7 млрд. куб. м. природного газа, реализовав проект и используя запасы на Дальнем Востоке, компания увеличит показатель добычи как минимум в два раза.

Большее половины территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока имеют обширные запасы углеводородов. В Восточной Сибири геологические запасы оцениваются в 92,2 млрд. т. На этой территории было открыто 68 месторождений (из них пять «уникальных» месторождений, запасы которых превышают 300 млн. т. или 500 млрд. куб. м.). По данным геологоразведочных служб, в недрах региона находится равное количество нефти и газа, однако по извлекаемым ресурсам преобладает газ (80%). Несмотря на данное процентное соотношение, расчеты компаний показывают, что ресурсная база нефти Восточной Сибири при правильной эксплуатации и дальнейшем развитии, способна обеспечить добычу нефти к 2020 году примерно на 50 млн. т. в год.

На Дальнем Востоке геологические запасы оцениваются в 18,9 млрд. т., ежегодная добыча газа на данной территории составляет более 1,5 млрд. куб. м. Добыча нефти ведется с 1923 года, поэтому разведанность ресурсов достигла 55%, а объемы добываемой нефти составляют 2,7 млн. т. Основные ресурсы Дальнего Востока расположены на акватории: шельфы Северо - Сахалинский и Магаданско-Западно-Камчатский.

Крупнейшими проектами на Дальнем Востоке являются «Сахалин –1» и «Сахалин – 2», которые обеспечивают до 50% и больше добычи нефти и выше 83% добычи СПГ. Дальнейшая перспектива развития добычи природного газа связана со строительством магистрального газопровода «Сила Сибири», ресурсной базой которой выступит ранее не исследованное Чаядинское месторождение.

Переработка нефти осуществляется в двух крупнейших НПЗ на Дальнем Востоке – «Комсомольский НПЗ» и «Хабаровский НПЗ». Общая мощность заводов по данным 2016 года оставила 12,9 млн. т. Однако, на территории функционирует единственный завод по сжижению газа – «Сахалин –2», мощность которого выше 9,6 млн. т.

Таким образом, структура минерально – сырьевой базы Дальнего Востока позволяет набирать обороты в объеме добычи, часть которой будет направлена на экспорт в страны АТР.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе имеются пять крупнейших импортеров газа: Китай, Япония, Индия, Корея и Тайвань. За три года значительно вырос показатель импорта природного газа: в Китае на 0,8%, в Японии на 0,95%, в Южной Корее на 1,05% [4].

Южная Корея является страной зависимой от поставок СПГ, значительно увеличивая с каждым годом показатель потребления. Для Индии импорт газа позволяет сократить дефицит между количеством потребляемого и производимого газа. Энергетическая политика Китая в последнее время

оптимизирует структуру ТЭК в сторону постепенного увеличения доли природного газа, а также расширяющегося сотрудничества с Россией [4].

Как правило, будущее проекта транспортировки газа в страны АТР, определяется заключенными контрактами и реализацией энергетических проектов.

Для России сотрудничество со странами АТР имеет торгово-инвестиционную ценность. При этом ключевым источником для экспорта являются энергоресурсы Дальнего Востока. В этом регионе сосредоточено более 14 % запасов нефти (примерно 4 млрд. т.) и 17 % природного газа (или 42 трлн. куб. м.). Степень конкурентоспособности территорий Дальнего Востока определяется действующими проектами, которые на современном этапе уже приносят результат.

Один из них – «Сахалин-2» (Sakhalin Energy). Две основные технологические линии ежегодно получают около 14,9 млрд. куб.м. сжиженного природного газа, 11 млн. т. из которого экспортируется в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Проект нацелен в первую очередь на газовые рынки Японии и Южной Кореи. В 2017 году «Sakhalin Energy» планирует построить третью технологическую линию, мощность которого будет составлять примерно 5,4 млн. т./г.

Начинается новый этап сотрудничества компании «Газпром» и «CNPC» в отношении поставок газа через Алтай в Китай по проекту «Сила Сибири-2» (Западный маршрут). Многие эксперты предполагают, что экспортная величина будет достигать 30 млрд. куб. м. в год. Строительство проекта предположительно начнется в 2020 г. Пока «Газпром» с китайской компанией не пришли к взаимовыгодному контракту, однако, этот проект выгоден Китаю, так как часть инфраструктуры уже создана, а точка безубыточности газовых проектов «Газпрома» относительно невысока [5].

Помимо этого, в 2014 г. компания «Газпром» заключила с компанией «CNPC» договор на 30 лет на поставку в Китай 38 млрд. куб.м. в год по проекту «Сила Сибири» (Восточный маршрут). В начале марта 2017 г. стало известно, что проект значительно расширился благодаря выделенным инвестициям в 158,8 млрд. руб. [6].

Китай заинтересован в поставках российского газа, в основном, в три провинции северо-востока: Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, которые испытывают дефицит не только в газе, но и в нефти [7].

Китай, в результате большого потока импорта дешевой нефти, стал мировым центром нефтепереработки, вследствие чего занял второе место в 2017 г. после США по мощности НПЗ. По некоторым данным, российская ESPO (Eastern Siberia Pacific Ocean) оказалась востребованной на рынке АТР, однако основным покупателем выступает Китай [8].

По данным компании «Роснефть», поставки только одной нефти в АТР выросли к началу 2017 г. на 8,6 % (примерно 43 млн. т.), не говоря уже о газе.

8 марта 2017 г. министр энергетики России А. Новак и Индии Дхармендрой Прадхан обсудили совместное энергетическое сотрудничество в

проектах на арктическом шельфе России и будущие поставки российского газа в Индию. При растущем спросе на газ на индийском рынке и перспективных проектах в России, заинтересованность Индии приобрела стратегический характер [9].

Развитие проектов «Сахалин» на Дальнем Востоке позволит не только увеличить в 2 раза поставки в страны АТР, а также выиграть конкуренцию на рынке СПГ у основного поставщика газа и развивающегося в данном секторе - Австралии. В 2016 г. «Сахалин-1» и «Сахалин-2» поставляли на азиатский рынок около 12 млн. т. СПГ в год, из них более 70% – в Японию.

В апреле 2017 года стало известно, что энергетические отношения между Россией и Японией переходят на новый уровень, в связи с разработкой проекта «Сахалин-3». Проект планируют запустить в 2022 году. Реализация проекта позволит Японии получить газ в 2,5 раза дешевле СПГ на мировом рынке. Так, «Japan Pipeline Development and Operation» (JPDO) и «Japan Russian Natural Gas» (JRNG) разрабатывают план газопровода Сахалин-Хоккайдо, через который будет поставляться газ в объеме более 20 млрд. куб. м. в год. Длина будет достигать 1,5 тыс. км до Токио, стоимость такого проекта будет составлять около 5,5 или 6 млрд. долл. [10].

По данным экспертов «JPDO» строительство газопровода будет выгодно для обеих сторон: проект будет пользоваться высоким спросом, чем планировалось (примерно 25 млрд. куб. м. газа вместо 20 млрд. куб. м.). При этом, данные предположения опираются на то, что Япония – крупнейший мировой потребитель СПГ, и не исключено, что закупка газа на долгосрочной стабильной основе, приведет к расширению спроса.

Рентабельность проекта оценивается коэффициентом ROE (рентабельность собственного капитала) более чем в 20 %, также предполагается не только собственное финансирование консорциумом, но и привлечение к участию ведущих зарубежных предприятий, инвесторов и кредитных организаций.

Ресурсной базой станут месторождения проекта «Газпрома» - «Сахалин - 3», запасы которой оцениваются в 1,4 трлн. куб. м., также сырьевой базой японские компании хотели бы видеть Восточную Сибирь с запасами в 3,2 трлн. куб. м. и месторождения «Сахалин-1» с 500 млрд. куб. м. Дискуссии о закупках газа о последних двух месторождениях ведутся компаниями долгие годы. В данное время Япония закупает около 80 % российского газа с месторождения «Сахалина-2».

По расчетам «Japan Russian Natural Gas», если транспортировка составит 25 млрд. газа в виде СПГ, то затраты на сжижение будут около 18 млрд. долл. Поэтому, цена с учетом затрат на транспорт, на сжижение, регазификацию и доставку будет составлять 5 долл./ MMBtu, а стоимость трубопроводного газа всего 2 долл./ MMBtu. По расчетам экспертов, доход от транспортировки составит около 1,5 млрд. в год, расходы на эксплуатацию около 500 млн. в год, выручка примерно 1 млрд. долл., чистый доход около 670 млн. долл. По мнению «Japan Pipeline Development and Operation», проект имеет высокую рентабельность, что и подтверждают данные финансовые показатели [11].

Южная Корея также занимает доминирующую позицию в ряде импортеров на мировом рынке СПГ. Увеличение спроса в Южной Корее объясняется ростом промышленного производства и низкой ценой на газ. Преимуществом газового рынка Южной Кореи – развитая внутренняя газотранспортная сеть, соединяющая береговые терминалы СПГ с основными пунктами потребления энергоресурсов. Однако, газовый рынок страны полностью зависит от импорта газа.

Договоренности о поставках российского СПГ в Корею были достигнуты в начале 2008 года. В 2011 году «Газпром» и южнокорейская компания KOGAS подписали дорожную карту. Общая протяженность газопровода оценивалась в 1,1 тыс. км, из них 700 км – через Северную Корею. Стоимость строительства такого газопровода через территорию КНДР, первоначально оценивалась в 2,5 млрд. долл. [12].

В 2017 г. стало известно, что корейская государственная корпорация KOGAS ведет переговоры с «Газпром» об увеличении закупок газа. Пока Южную Корею не относят к крупным покупателям российского СПГ, однако, замминистра торговли, промышленности и энергетики – Во Тайчи заявил, что с падением стоимости газа, российский СПГ стал самым дешевым и привлекательным ресурсом в Юго-Восточной Азии [13].

Основные поставки газа в Корею осуществляются с СПГ – завода «Сахалин Энерджи». В 2016 г. в Корею было поставлено порядка 1,9 млн. т. СПГ (17 % от общего производства СПГ – завода), однако в этом году по плану Корея увеличит объем закупок примерно до 2,5 млн. т., к 2020 – до 7 млн. т. (учитывая быстрый рост спроса и тот факт, что поиск ресурсов на шельфе в Корее не дал результатов).

Возрастание роли Дальнего Востока в обеспечении газом стран АТР дают представление следующие данные: к 2030 году Китай будет экспортировать из России 165 миллиардов куб.м. газа (в 2015 – 40); Япония – 12 (в 2015 – 5); Южная Корея – 23 (в 2015 – 10).

Другие страны АТР – 10,3 (в 2015 - 3,4) [13].

Конкуренция на мировом газовом рынке (особенно это связано с развитием энергетического сектора на Ближнем Востоке) не позволяет говорить о том, что Россия является крупнейшим поставщиком на рынке стран АТР. Тем не менее, интерес к российским энергоресурсам на азиатском рынке постоянно растет. Китай, Япония и другие страны этого региона уже присутствуют в энергетическом портфеле российских газовых компаний. Это связано с географическим положением России, с высокими запасами углеводородов на Дальнем Востоке, безопасностью поставок, низкими политическими рисками и т.д. Другими словами, российский рынок энергоносителей в этом регионе вполне предсказуем, чего нельзя сказать о поставщиках энергоносителей из других стран [14].

При этом особенно важно, что проекты России являются конкурентоспособными даже при низких ценах на газ, например, проект «Ямал – СПГ». В настоящее время цена безубыточности данного проекта составляет 5

– 6 долл./ млн. британско – термических единиц (БТЕ), тогда как в начале 2017г, цены на СПГ в АТР составляли 7,5 долл. / млн. БТЕ. Россия способна вывести на рынок еще около 10 проектов, которые имеют шансы на практическую реализацию до 2030 года. В первую очередь, это касается проектов Дальневосточного СПГ и проекта «Владивосток – СПГ». Таким образом, российско-азиатские отношения в энергетической сфере укрепляются, и не исключено, что в будущем Россия сможет занять место крупного поставщика на рынке АТР.

Литература

1. Production natural and associated petroleum gas. [Online] Available: <http://minenergo.gov.ru/node/1215> (November 26, 2017)
2. *Kutuzova M. (2016)*. Arctic: from plans before development. *Oil of Russia*, (11 - 12), 37 - 42.
3. Novatek and Fund of the Silk Way signed final binding agreements on the project of Yamal LNG. [Online] Available: <https://neftrossii.ru/content/novatek-i-fond-shelkovogo-puti-podpisali-okonchatelnye-obyazyvayushchie-soglasheniya-po-proektu-yamal-spg> (November 24, 2017)
4. International Energy Information. [Online] Available: <https://www.eia.gov/beta/international/> (November 24, 2017)
5. CNPC is ready to build "Force of Siberia - 2". [Online] Available: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/06/15/645346-cnpc-silu-sibiri> (November 23, 2017)
6. The Gazprom constructed 500 km of "Force of Siberia". [Online] Available: <http://www.vestifinance.ru/articles/81989> (November 21, 2017)
7. Entry into the markets of Asia-Pacific countries. [Online] Available: <http://www.gazprom.ru/f/posts/91/114594/presentation-press-conf-2017-06-08-ru.pdf> (November 26, 2017)
8. *Anankina E., Griaznov A. (2017)*. Can The U.S. Shut Off Russia's Gas Supply To Europe? [Online] Available: <https://www.spglobal.com/our-insights/Can-The-US-Shut-Off-Russias-Gas-Supply-To-Europe.html> (November 23, 2017)
9. Russia and India agreed about work on the shelf of the Russian Federation. [Online] Available: <http://www.vestifinance.ru/articles/82291> (November 21, 2017)
10. Japan estimated a gas pipeline construction Sakhalin-Hokkaido at \$6 billion. . [Online] Available: <http://edo-tokyo.livejournal.com/5796034.html> (November 26, 2017)
11. *Mordyushenko O., Skorlygina N. (2017)*. Japan calculated the road to Russia. [Online] Available: <http://www.kommersant.ru/doc/3248653> (November 26, 2017)
12. The Russian gas is capable to unite two Koreas. [Online] Available: <https://vz.ru/economy/2017/7/6/877593.html> (November 26, 2017)
13. *Pogosian A. (2017)*. South Korea will fight for the Russian gas. [Online] Available: <https://iz.ru/612602/arsenii-pogosian/koreia-namerena-narastit-zakupku-spg-u-gazproma-do-10-mln-tonn> (November 23, 2017)
14. LNG - the battle of Asia: why promise Russia a victory over the USA. [Online] Available: <https://eadaily.com/ru/news/2016/12/16/spg-bitva-za-aziyu-pochemu-rossii-obeshchayut-pobedu-nad-ssh> (November 23, 2017)

Сведения об авторах

Аль-Натор Мухаммед Субхи – к.ф.-м.н, доцент, Финансовый университет, Департамент анализа данных, принятия решений и финансовых технологий, доцент

Апатова Наталья Владимировна – д. пед.н., д.э.н., профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, кафедра бизнес-информатики и математического моделирования, зав. Кафедрой

Астафьев Игорь Владимирович – к.э.н., Финансовый университет, докторант

Балынин Игорь Викторович – Финансовый университет, преподаватель

Берберов Азамат Бурханович – Финансовый университет, аспирант

Биткина Ирина Константиновна – к.э.н., ВИУ РАНХиГС, доцент

Богацкая Карина Алексеевна – Финансовый университет, кафедры экономическая теория, аспирант

Большунов Андрей Яковлевич – к.п.н., Финансовый университет, Департамент социологии, старший преподаватель

Будкевич Галина Васильевна – к.э.н., доцент, Финансовый университет, Департамент экономической теории, доцент

Бувич Анжелика Петровна – к.э.н., доцент, Финансовый университет, Департамент экономической теории, доцент

Варвус Светлана Анатольевна – к.э.н., доцент, Финансовый университет, Факультет менеджмента, заместитель декана по научной работе и магистратуре; Департамент экономической теории, доцент

Гайсин Рафкат Сахиевич – д.э.н., профессор, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, профессор

Голубева Ксения Александровна – Финансовый университет, Департамент социологии, главный специалист учебно-научной социологической лаборатории

Давтян Тигран Бениаминович – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна», аспирант

Дементьев Вячеслав Валентинович – д.э.н., профессор, Финансовый университет, профессор

Дядунов Денис Владимирович – к.э.н., Финансовый университет, Департамент экономической теории, доцент

Епифанцев Андрей Анатольевич – к.и.н доцент, Краснодарский университет МВД России, заместитель начальника кафедры

Звягин Леонид Сергеевич – к.э.н., доцент, Финансовый университет, кафедра «Системный анализ в экономике», доцент

Иоселиани Аза Давидовна – д.филос.н, профессор, Финансовый университет, Департамент социологии, профессор

Истомина Светлана Владимировна – к.т.н., АО «Атомэнергопроект», главный специалист

Карасёва Людмила Аршавировна – д.э.н., профессор, Тверской государственный университет, кафедра экономической теории, заведующая кафедрой

Киселёва Наталья Ильинична – к.социол.н., доцент, Финансовый университет, Департамент социологии, доцент, заместитель руководителя по УМР

Коблова Юлия Александровна – Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Саратовский социально-экономический институт (филиал), кафедра экономической безопасности, доцент

Козиенко Николай Петрович – независимый исследователь

Колодняя Галина Владимировна – д.э.н., доцент, Финансовый университет, профессор

Коляго Петр Владимирович – к.пед.н., ст. преп, Краснодарский университет МВД России, старший преподаватель

Кукина Елена Николаевна – к.э.н., доцент, Волгоградский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, кафедра экономики и менеджмента, доцент

Лапинская Арунас Альгевич – д.э.н., профессор, Петербургский государственный университет путей сообщения Александра I, зав. кафедрой экономической теории

Лапшов Валерий Александрович – д.социол.н., профессор, Институт международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, кафедра социологии, зав. кафедрой

Лычагина Татьяна Анатольевна – к. физ.-мат. н., доцент, Объединенный институт ядерных исследований, старший научный сотрудник

Маликова Наиля Рамазановна – д.социол.н., профессор, Финансовый университет, Департамент социологии, профессор

Малова Татьяна Алексеевна – д.э.н., доцент, Московский государственный институт международных отношений – Университет МИД России, кафедра экономической теории, профессор

Марчук Алина Александровна – Финансовый университет, Департамент экономической теории, аспирант; Министерство финансов Российской Федерации, главный специалист-эксперт

Матковская Яна Сергеевна – д.э.н., профессор, Волгоградский государственный технический университет, профессор соавтор Шаховская

Мельченко Вера Евгеньевна – к.г.н., Московская государственная академия водного транспорта (МГАВТ), доцент

Мигунов Ришат Анатольевич – Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, ассистент

Молчанов Игорь Николаевич – д.э.н., профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, профессор; Финансовый университет, профессор соавтор

Молчанова Наталья Петровна – д.э.н., доцент, Финансовый университет, профессор

Муравьева Людмила Александровна – к.и.н., доцент, Финансовый университет, доцент

Назаренко Сергей Владимирович – к.социол.н., доцент, Финансовый университет, Департамент социологии, доцент

Найденова Елена Михайловна – к.э.н., доцент, Финансовый университет, доцент

Никитенко Сергей Михайлович – д.э.н., Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, ведущий научный сотрудник

Орусова Ольга Вячеславовна – к.э.н., доцент, Финансовый университет, доцент

Пахомов Александр Вячеславович – к.э.н., доцент, АО «НПК «Дедал» (ГК «Росатом»), зам. ген. директора по экономике и финансам

Пахомова Елена Анатольевна – д.э.н., к.т.н., доцент, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна», профессор

Петренко Елена Степановна – д.э.н., Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, кафедра теории менеджмента и бизнес-технологий, приглашенный профессор; Ассоциация предпринимателей Карагандинской области

Писарева Дарья Анатольевна – Администрация города Дубны, Отдел взаимодействия со СМИ и общественными организациями, эксперт

Погребинская Екатерина Александровна – д.э.н., профессор, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства

здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет), кафедра экономики и менеджмента, профессор

Рожкова Ольга Владимировна – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна», аспирант

Серегина Татьяна Николаевна – к.филос.н, профессор, Финансовый университет, доцент

Скворцова Елена Михайловна – к.и.н., доцент, Финансовый университет, Департамент экономической теории, доцент

Слепаков Сергей Семёнович – д.э.н., профессор, Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СевероКавказского федерального университета в г. Пятигорске, кафедра экономики и управления на предприятии, профессор

Смирнова Ирина Александровна – к.э.н., доцент, Финансовый университет, Департамент экономической теории, доцент

Содномбалова Татьяна Гармаевна – к.э.н., доцент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, доцент

Сорокожердьев Василий Васильевич – к.э.н., доцент, Финансовый университет, Краснодарский филиал, кафедра «Менеджмент и маркетинг», доцент

Субетто Александр Иванович – д.э.н., д.ф.н., к.т.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ, Смольный институт РАО, советник ректора, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Факультет истории и социальных наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, профессор

Супрун Вера Александровна – к.э.н., Федеральное государственное унитарное предприятие «Издательство «Наука», советник директора; Государственный академический университет гуманитарных наук, руководитель учебно-практического центра в области издания и распространения научной информации

Тепляков Артём Юрьевич – к.э.н., Финансовый университет, Департамент экономической теории, доцент

Терская Галина Алексеевна – к.э.н., доцент, Финансовый университет, доцент

Тимонина Виктория Ивановна – Волгоградский государственный технический университет, студентка магистратуры

Толкачёв Сергей Александрович – д.э.н., профессор, Финансовый университет, Департамент экономической теории, первый заместитель руководителя

Тюриков Александр Георгиевич – д.социол.н., профессор, Финансовый университет, Департамент социологии, руководитель

Фадейчева Галина Всеволодовна – к.э.н., доцент, Государственный университет "Дубна", кафедра экономики, доцент

Фрумина Светлана Викторовна – к.э.н., доцент, Финансовый университет, Департамент общественных финансов, доцент

Хайкин Марк Михайлович – д.э.н., доцент, Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», зав. кафедрой экономической теории, профессор

Харченко Ольга Ивановна – ССЭИ им. Плеханова

Хасанов Ильгизар Шамилович – д.э.н., профессор, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета, профессор

Хмыз Ольга Васильевна – к.э.н., доцент, Московский государственный институт международных отношений, доцент

Цикин Алексей Максимович – к.х.н., ООО «Научно-исследовательский институт экономики и организации управления в газовой промышленности», старший научный сотрудник; Финансовый университет, Департамент экономической теории, докторант

Цхададзе Нелли Викторовна – д.э.н., профессор, Финансовый университет, Департамент экономической теории, профессор

Чапля Василий Васильевич – к.э.н., Финансовый университет, докторант

Черноризова Нина Васильевна – к.э.н., доцент, Московский государственный университет информационных технологий, радиотехники и электроники (МИРЭА), кафедра экономической теории, доцент

Шаров Виталий Филиппович – д.э.н., профессор, Финансовый университет, Департамент общественных финансов, профессор

Шаховская Лариса Семеновна – д.э.н., профессор, Волгоградский государственный технический университет, профессор

Шибанова-Роечко Елена Аркадьевна – к.э.н., Журнал корпоративного менеджмента и экономики МАНЕКО Словацкого государственного технического университета, Заместитель главного редактора

Щеголев Алексей Владимирович – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна», магистрант

Щербаков Александр Петрович – к.э.н., доцент, Финансовый университет, Департамент экономической теории, доцент

Ядгаров Яков Семенович – д.э.н., профессор, Финансовый университет, профессор

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ КОНФИГУРАЦИИ
ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ XXI ВЕКА:
ИДЕЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА
И ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Сборник научных статей
Том первый

Подписано в печать 22.02.2018 г.

Формат 60x84/16

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Печ. л. 25,58

Тираж 1000 экз.

Заказ № 07-01.

Цена договорная

Издательство: Научно-исследовательского института экономики
Южного Федерального округа, Краснодар, ул. Бершанской, 311А
<http://www.economic-science.com/publish/>

Типография: НИИ экономики ЮФО, Краснодар, ул. Уральская, 119/2,